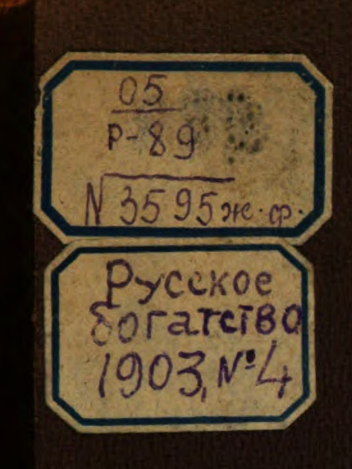
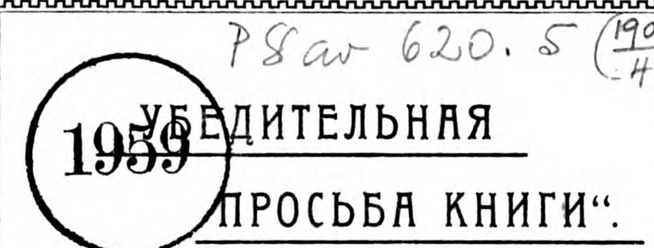

05
Р-89
N 3595 ж. ср.
Русское
богатство
1903, №4

„УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА КНИГИ".

Пожалуйста не трогайте меня грязными руками: мне будет стыдно, если меня возьмут другие читатели.

Не исчеркивайте меня пером и карандашем, — это так некрасиво.

Не ставьте на меня локтей когда читаете, не кладите меня раскрытой на стол лицом вниз, ибо вам самим не понравилось бы, если бы с вами так обращались.

Не кладите в меня ни карандаша, ничего толстого, кроме тоненького листка бумаги, иначе разрывается корешок.

Если вы кончили читать и боитесь потерять место, где вы остановились, то не делайте знака ногтем, а вложите в меня закладку, чтобы я могла удобно и спокойно отдохнуть.

Не забывайте, что после того, как вы прочитали, мне придется побывать у других читателей.

Заворачивайте меня в бумагу в сырую погоду, потому что такая погода мне вредна.

Помогите мне остаться свежей и чистой, а я помогу вам быть счастливыми.

Ваш лучший д

7034

CU

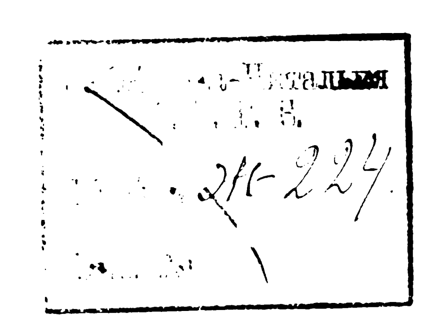
05
Р89

АПРѢЛЬ. 1903.

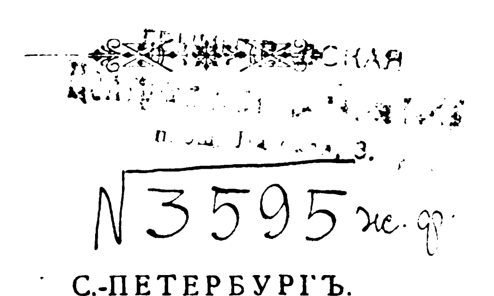
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1903.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
NOV 21 1961

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го апрѣля 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“

(**С.-Петербургъ** — *Контора редакціи, Баскова ул., 9*; **Москва** — *Отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина*).

С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
П. Булыгинъ. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Н. Гаринъ. Дѣтство Темы. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.
„ „ Гимназисты. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.
Діонео. Очерки современной Англіи. Ц. 1 р. 50 к.
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Изд. *третье.* Ц. 1 р.
„ „ „ Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Вл. Короленко. Очерки и разсказы. Книга 1-ая. Изданіе *девятое.* Ц. 1 р. 50 к.
„ „ Очерки и разсказы. Книга 2-ая. Изданіе *пятое.* Ц. 1 р. 50 к.
„ „ Очерки и разсказы. Книга 3-ья. Ц. 1 р. 25 к.
„ „ Слѣпой музыкантъ. Изданіе *девятое.* Ц. 75 к.
„ „ Въ голодный годъ. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р.
„ „ Безъ языка. Разсказъ. Ц. 75 к.
Н. Кудринъ. Очерки современной Франціи. Ц. 2 р.
Ек. Лѣткова. Мертвая зыбь. Разсказы. *Изданіе второе.* Ц. 1 р.
„ „ Отдыхъ. Разсказы. Изд. *второе.* Ц. 1 р.
„ „ Рабъ. Разсказы. Ц. 1 р.
Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ.
Томъ I. (*Изданіе второе*). Ц. 1 р. 50 к.
„ „ „ II. „ „ „ 1 „ 50 к.
„ „ Пасынки жизни. Ц. 1 р.
Н. К. Михайловскій. Сочиненія. Томъ I. Ц. 2 р.
„ „ „ „ „ II. „ 2 „
„ „ „ „ „ III. „ 2 „
„ „ „ „ „ IV. „ 2 „
„ „ „ „ „ V. „ 2 „
„ „ „ „ „ VI. „ 2 „
„ „ „ Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ I. Ц. 2 р.
„ „ „ Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ II. Ц. 2 р.
В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Ц. 2 р.
А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть. Ц. 1 р.
Сборникъ журнала „Русское Богатство“. Беллетристика. Ц. 2 р.
„ „ „ „ Публицистика. „ 1 „
С. Н. Южаковъ. Дважды вокругъ Азіи. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. Стихотворенія. Томъ I-ый. Изд. *пятое.* Ц. 1 р.
„ „ „ Стихотворенія Томъ II-ой. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

Подписчики **„Русскаго Богатства“**, пріобрѣтающіе эти книги, пользуются уступкой 20% или даровой пересылкой.

Шесть томовъ Соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ, XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ **„Русскаго Богатства“**, за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*— товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Литературныя воспоминанія и современная смута. Два тома, по 2 рубля каждый.

Подписчики «Русскаго Богатства», выписывающіе эти два тома, за пересылку ихъ не платятъ.

Продолжается подписка на 1903 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ

(XI-ый ГОДЪ ИЗД.)

На годъ съ доставкой и пересылкой **9** р., безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ **8** р., за границу **12** р. Адресъ: ***Петербургъ,*** Баскова ул., 9; ***Москва,*** Никитскія Ворота, д. Гагарина. При непосредственномъ обращеніи по этимъ адресамъ допускается ***разсрочка:*** при подпискѣ **5** р. и къ 1-му іюля **4** р. или при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р. и къ 1-му іюля **3** р.— **Книжные магазины, библіотеки, земскіе склады и потребительныя общества** могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40** коп. съ каждаго годового экземпляра. Подписка, не вполнѣ оплаченная **8** руб. **60** к. за экземпляръ, а также въ разсрочку отъ нихъ не принимается.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ЗЕМЛЯ.

(Романъ).

„Древле убо отъ сущихъ создавый мя и образомъ Твоимъ Божественнымъ почтій — паки мя возвративъ въ землю, отъ нея-же взятъ быхъ, но еже по подобію возведи древлею добротою вообразитися“.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ концѣ февраля 189* года изъ дверей военно-медицинской академіи вышли два студента.

Одинъ былъ довольно высокій, стройный блондинъ съ молодыми усами, пушистая мягкость которыхъ свидѣтельствовала, что они еще никогда не брились. Такіе же пушистые не густые волосы вились на слегка раздвоенномъ подбородкѣ и немного пониже висковъ, розовато гладкихъ, какъ у юноши, хотя ему шелъ двадцать шестой годъ.

Застегнувъ на ходу пуговицы своего хорошо сшитаго форменнаго пальто, онъ слегка повелъ плечами, чтобы ужъ затѣмъ окончательно не чувствовать ни малѣйшей неловкости отъ костюма, и машинально перешелъ отъ правой руки своего спутника къ лѣвой.

Тому, очевидно, было совершенно безразлично, съ какой стороны ни идти, но онъ замѣтилъ это передвиженіе и насмѣшливо сказалъ:

— Ишь, что значитъ привычка на пристяжкѣ-то у дамъ ходить: не ловко съ правой стороны.

Блондинъ добродушно улыбнулся и кивнулъ головой. Улыбался онъ сразу обоими углами губъ, слегка расширяя при этомъ ноздри, и улыбка его была ясная, какъ у людей, глубоко не страдавшихъ. Она шла къ его чистому красивому лицу, къ сѣрымъ, слегка щурившимся глазамъ, а особенно

къ неплотно сжатымъ губамъ безхарактернаго рта, и исчезала не сразу.

Рядомъ съ нимъ спутникъ его казался ниже своего средняго роста. Онъ былъ приземистъ, коренастъ и крѣпокъ. Въ то время, какъ его товарищъ шелъ прямо и свободно, слегка разставляя въ стороны тупые носки модныхъ ботинокъ,—онъ подвигался большими шагами, выставляя при каждомъ шагѣ впередъ правое плечо, какъ будто ему приходилось идти противъ сильнаго вѣтра, и размахъ его правой ноги былъ гораздо больше, чѣмъ лѣвой, что сбивало ровную походку блондина, машинально пытавшагося попасть съ нимъ въ ногу. Лицо у коренастаго было грубоватое, круглый годъ веснущатое, съ крупнымъ ртомъ, широкимъ носомъ и слегка выдавшимися скулами. Рѣдкіе рыжеватые усы опускались на верхнюю губу, а изъ-подъ нижней шла длинная кисточка волосъ вплоть до подбородка, гдѣ густо пробилась, загибаясь внизъ, небольшая рыжеватая борода.

Лицо было не красивое, но умное и сильное. Даже небольшіе голубоватые глаза, какіе часто встрѣчаются у крестьянъ, не нарушали этого выраженія силы и настойчивости, особенно какъ будто залегавшихъ въ замѣтныхъ даже изъ-подъ кожаннаго козырка фуражки надбровныхъ выпуклостяхъ широкаго лба.

Перваго звали Михаилъ Хрисанфовичъ Останковъ, второго— Илья Матвѣевичъ Кургановъ.

Они шли по направленію къ Литейному мосту и продолжали начатый, повидимому, ранѣе разговоръ.

— Я не понимаю, почему тебя, Өедосѣева, Груздева и прочихъ изъ вашей компаніи удивило то, что я также вызвался ѣхать?—явно задѣтый за живое, говорилъ Останковъ, тщетно стараясь попасть въ ногу съ Кургановымъ.—Какъ хочешь, это странно.

Тотъ только пожалъ плечами.

— Или я, по вашему мнѣнію, полѣно, не способное къ состраданію?

— Ну, вотъ еще! Кто же это говоритъ! Твоя доброта и отзывчивость всѣмъ извѣстны. Кто тебѣ не долженъ изъ товарищей!

Онъ сказалъ эту фразу ровнымъ тономъ, но Останкову почудился въ ней легкій уколъ насмѣшки. Нахмуривъ тонкія брови, Останковъ вызывающе поднялъ голову и слегка покраснѣлъ.

— Ну, извѣстны или неизвѣстны, мнѣ это безразлично и мало меня занимаетъ. Вообще, денежная помощь, которую я иногда оказываю нуждающимся, мнѣ ровно ничего не сто-

итъ: я въ десять разъ больше бросаю денегъ даромъ... Чортъ знаетъ на что! И въ заслугу себѣ этого не ставлю.

— Что даромъ деньги-то бросаешь?

— И то, и другое... если хочешь.

— А мнѣ какое дѣло?

— Или это удивленіе оттого, что я стою какъ то внѣ вашего кружка, — пропустивъ мимо ушей, или не дослышавъ послѣдняго замѣчанія Курганова, продолжалъ Останковъ.—Но я вообще не признаю никакой партійности и кружковщины, хотя никто меня не можетъ упрекнуть, чтобы я въ чемъ нибудь проявилъ себя плохимъ товарищемъ, когда требовалась товарищеская солидарность.

— Да никто тебя въ этомъ и не упрекаетъ.

— Работать тоже, мнѣ кажется, я могу не хуже другихъ.

— Даже лучше. У профессоровъ на отличномъ счету.

— Ну, объ этомъ я мало забочусь.

— И это извѣстно: способности хорошія.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Почему вы всѣ такъ удивились, когда я заявилъ, что тоже ѣду? Почему всѣ эти восклицанія: „Какъ, ты ѣдешь!“ „Слышите, господа, Останковъ тоже ѣдетъ“. „Останковъ—каково!“—„Молодецъ Останковъ!“ И тому подобныя!—съ явнымъ раздраженіемъ повторялъ Останковъ.

Кургановъ, попрежнему не глядя на товарища и выпирая на ходу правое плечо, поморщился. Однако, не желая оставлять его безъ отвѣта, сказалъ:

— Не понимаю, почему тебя это такъ безпокоитъ.

— Не безпокоитъ, а просто интересуетъ, — съ дѣланною небрежностью выговорилъ Останковъ.

— Ну, тогда и подавно объ этомъ не стоитъ говорить.

Они вошли на Литейный мостъ. Съ Невы дуло холодомъ, и порывы вѣтра иногда обливали лицо, какъ холодная вода съ леденящими струйками, протекали по тѣлу. Длинная, бѣлая, какъ огромное грязное, измятое полотнище, протянулась Нева въ гранитныхъ берегахъ, но подъ этимъ полотнищемъ чувствовалось живое тѣло, извивающееся и сильное. Дальше изъ мутно-синяго тумана поблескивалъ шпиль Петропавловскаго собора, и холодно стояли дворцы.

Кургановъ уже поглядывалъ впередъ, на конку, которая шла по Литейному проспекту и дальше. Онъ жилъ въ Измайловскомъ полку, у тетки, по смерти мужа продолжавшей заниматься содержаніемъ извозной артели, — жилъ у нея съ самаго поступленія въ академію, занимаясь за столъ и комнату съ двумя ея сыновьями, учившимися теперь въ классической гимназіи.

Конка за четыре копѣйки въ хорошую погоду и за шесть—

въ ненастную, когда нельзя было ѣхать на имперіалѣ, доставляла его почти до дома. На этотъ разъ приходилось пожертвовать шестью копѣйками; день былъ довольно непріятный. Вѣтеръ забирался не только за воротникъ, но и въ рукава острыми струями. Иногда онъ забѣгалъ впередъ и крутилъ мелкую пыль сухого колючаго снѣга, которымъ тоже норовилъ угодить въ наиболѣе чувствительное мѣсто. Небо было мутно-синее непривѣтное. Не только люди, но и самые дома какъ будто ежились и хмурились отъ скучной и противной погоды. Поневолѣ хотѣлось спрятаться отъ всего этого. Къ тому-же, въ такіе дни почему-то особенно много бываетъ на Литейномъ покойниковъ. Похоронныя дроги тянутся однѣ за другими, сопровождаемыя тоскливо ковыляющими и ѣдущими въ экипажахъ черными фигурами, которыя, навѣрное, думаютъ единственно о томъ, какъ скверно не только жить, но и умирать въ такую сумрачную погоду.

— Я потому обратился къ тебѣ за объясненіемъ, — съ легкимъ упрекомъ въ тонѣ возобновилъ Останковъ прерванный разговоръ, понизивъ голосъ и слегка кривя красивыя губы,— что знаю тебя ближе, чѣмъ другихъ твоихъ пріятелей, что мы—земляки, знакомы чуть не съ дѣтства, что ты, наконецъ, знаешь меня. Если я не кричу о своей любви къ народу, это не значитъ, что я его люблю меньше, чѣмъ крикуны, готовые за него на словахъ хоть на крестъ идти, а на дѣлѣ отлынивающіе на попятный, — закончилъ онъ, впадая невольно почему-то въ несвойственный ему грубоватый тонъ.

— Это ты про Свиридова, что-ли?

— Хотя-бы про Свиридова. Небось, онъ отказался ѣхать.

— Онъ не отказывался. Но у него старуха мать, которая такъ напугана всѣми газетными извѣстіями о голодѣ и эпидеміяхъ, что боится за сына. Онъ бы убилъ ее своей поѣздкой. Ты знаешь, что она лишилась въ холеру двухъ сыновей студентовъ и видитъ тутъ что-то роковое. И все-же, я убѣжденъ,—Свиридовъ успокоитъ ее и поѣдетъ. Онъ очень страдаетъ, что не можетъ ѣхать теперь и все боится, какъ бы товарищи не истолковали его поступка какими-нибудь неблаговидными причинами... Какъ ты, напримѣръ.

Послѣднія слова укололи Останкова. Онъ покраснѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще обиднѣе стало ему, что къ Свиридову, который, по чему бы то ни было, не ѣдетъ на голодъ, относятся гораздо сочувственнѣе, чѣмъ къ нему, Останкову, совершенно безкорыстно отправляющемуся изъ веселаго и кипучаго Петербурга въ глухія деревни, на борьбу съ цынгой и тифомъ.

Ѣхать къ голодающимъ Останкова увлекало общее настроеніе товарищей. Часъ тому назадъ онъ самъ навѣрное

не зналъ, поѣдетъ или нѣтъ и даже, до полученія билета, могъ передумать, но послѣ обидныхъ восклицаній товарищей, онъ уже безповоротно рѣшилъ ѣхать, чтобы не попасть передъ ними въ смѣшное положеніе. А въ настоящую минуту это настроеніе выросло у него еще болѣе.

— Мнѣ тоже есть кого и что жалѣть,—не безъ ударенія проговорилъ онъ въ отвѣтъ на слова товарища. — Однако я до сихъ поръ никому не ставилъ этого на видъ.

— Вотъ какъ! А я до сихъ поръ былъ убѣжденъ, что ты одинокій.

— Да. Но у меня есть невѣста, которую я люблю. Она меня тоже любитъ и, вѣроятно, тоже будетъ умолять, чтобы я не ѣхалъ.

Кургановъ еще ниже наклонилъ голову и сильнѣе заработалъ плечомъ. Останкова удивило, что онъ на это не получилъ никакого ироническаго замѣчанія, и ему стало неловко за свою ненужную откровенность. Однако, онъ не остановился на этомъ.

— Ты, конечно, догадываешься, что я говорю объ Ольгѣ Васильевнѣ.

— Ну... Ольга Васильевна не изъ такихъ натуръ,—не сразу отвѣтилъ Кургановъ.—Она-то ужъ не станетъ останавливать.

— Развѣ ты такъ хорошо ее знаешь?

— Да. Настолько-то знаю,—уклончиво отвѣтилъ Кургановъ.

— Ахъ да, въ самомъ дѣлѣ, она мнѣ что-то говорила о дружбѣ съ тобой, —желая расположить къ себѣ Курганова и не чувствуя высокомѣрія въ этой фразѣ, припомнилъ Останковъ.—Вы, кажется, вмѣстѣ росли, играли и потомъ...

— Да,—сухо прервалъ его Кургановъ.—Мой отецъ, еще будучи крѣпостнымъ, былъ приказчикомъ въ имѣніи ея отца. Потомъ, когда я поступилъ въ гимназію и пріѣзжалъ на каникулы, ея отецъ разрѣшалъ ей играть со мной. Я былъ лѣтъ на пять старше.

И, точно спохватившись, что сказалъ что-то лишнее, онъ нахмурился и умолкъ.

— Такъ, такъ... — продолжалъ за него Останковъ. — Кажется, ты даже уроки ей давалъ и просвѣщалъ разными книжками.

Но Кургановъ не обратилъ вниманія и на эту фразу, въ которой сказалось то же безсознательное высокомѣріе. Онъ, все какъ бы продолжая смотрѣть по землѣ шага на три передъ собою, еще больше нахмурился и, захвативъ нижней губой кончикъ своего рыжаго уса, сталъ щипать его ровными, здоровыми зубами.

Останковъ все не могъ успокоиться и вернулся къ прежнему.

— Не спорю. Но я не понимаю... Не трусомъ же считаютъ меня?

— Если хочешь знать, не къ лицу это тебѣ... вотъ и все!— отрѣзалъ Кургановъ, обернувшись къ нему и взглянувъ прямо ему въ лицо.—Вотъ художества,—музыка тамъ, да скульптура—это твое дѣло.

— А тебѣ къ лицу?

— Да, мнѣ къ лицу. Еще бы! Я самъ изъ этой среды вышелъ и буду тамъ какъ разъ кстати, а ты, ты явишься неожиданностью.

Останковъ попробовалъ разсмѣяться.

— А, вотъ что! Для этого надо родиться!

— Для этого надо *быть* или *стать*. Если бы ты, напримѣръ, въ качествѣ военнаго врача отправился въ самое опасное и кровавое поле, — никто бы не удивился. А меня, конечно, не трудно представить въ той средѣ, куда я иду, какъ вѣчный должникъ.

— Все то у васъ долгъ да принципъ, тамъ, гдѣ достаточно простого человѣческаго чувства... Я не знаю, почему я, какъ врачъ, являюсь неожиданностью тамъ, гдѣ ждутъ медицинской помощи. Наконецъ,—слегка возвысивъ голосъ, точно озаренный удачной мыслью, продолжалъ онъ,—нѣсколько поколѣній моихъ предковъ выросло, какъ вы любите выражаться, на почвѣ, политой пóтомъ и кровью народными, такъ что и со стороны всякихъ „долговъ“... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Думаю, что я не меньше призванъ быть тамъ, чѣмъ всѣ вы...

Останковъ разгорячился и покраснѣлъ.

Кургановъ пристально и не безъ удивленія взглянулъ ему въ глаза: онъ не ожидалъ отъ Останкова подобнаго признанія, да и для самого Останкова оно было совершенно неожиданно. Никогда онъ о такомъ долгѣ не думалъ, да и народомъ-то никогда не интересовался. Но эта мысль зажгла его самого, какъ откровеніе. Теперь предстоящая поѣздка получила для него глубокій и значительный смыслъ. Даже желаніе что-то доказать несправедливо уязвившимъ его товарищамъ уступило вдругъ мѣсто чувству болѣе благородному и высокому, которое самого его возвышало и поднимало въ собственныхъ глазахъ.

Если онъ до сихъ поръ мало думалъ о народѣ, то теперь наверстаетъ прошлый грѣхъ.

— Коли ты говоришь не только искренно, но и убѣжденно, очень радъ отъ тебя слышать это,—подался Кургановъ и испытующе посмотрѣлъ въ нѣсколько возбужденное лицо товарища. Но, охладѣвъ отъ неожиданнаго впечатлѣнія, онъ скептически подумалъ, что это, можетъ быть, минутная кра-

сивая вспышка, которыя у Останкова такъ же скоро погасали, какъ и возникали. Однако, тотъ такъ открыто и ясно заговорилъ дальше, что Кургановъ подумалъ: „Чортъ его разберетъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ серьезно чувствуетъ это. Вѣдь малый, въ сущности, добрый.“

— Поэтому-то мнѣ и обидно. При такомъ дѣлѣ надо забыть всякія мелочи и предубѣжденія,—горячо закончилъ Останковъ.

— Значитъ, будемъ вмѣстѣ работать.

Кургановъ хотѣлъ прибавить еще: „Ты ужъ извини меня если такъ, за мое недовѣріе“, но нашелъ, что и сказаннаго вполнѣ достаточно.

— Да, да! И мы еще посмотримъ, кто больше окажется на мѣстѣ.

Кургановъ поджалъ губы и подумалъ: „Хорошо я сдѣлалъ, что не извинился.“

Вмѣсто этого онъ неопредѣленно спросилъ:

— Ты тоже, значитъ, съ нами выѣзжаешь?

Останковъ слегка замялся.

— Да... видишь-ли... Я долженъ сдѣлать тутъ кое-какія дѣла... Затѣмъ, заѣду туда... на югъ, а оттуда ужъ прямо на работу... Впрочемъ,—пробормоталъ онъ,—я буду на мѣстѣ, вѣроятно, на день, на два позже васъ... не больше. Я думаю, это ничего.

— Разумѣется, ничего... Прощай.

— Ты куда же спѣшишь? Поѣдемъ со мной позавтракать.

— Нѣтъ, спасибо, я на конку.

— Погоди, если такъ, я тебя подвезу,—ускоряя за нимъ шаги по панели, предложилъ Останковъ.—Кстати, вотъ лихачъ.

— Спасибо. Я изъ принципа не ѣзжу на лихачахъ.

— Опять принципъ.

— Опять принципъ,—повторилъ его слова Кургановъ съ иронической улыбкой, которая часто мѣшала понять, шутитъ онъ или говоритъ серьезно. Высвободивъ свою руку изъ руки спутника, онъ заспѣшилъ черезъ улицу.

— Кланяться отъ тебя Ольгѣ Васильевнѣ?—крикнулъ ему вслѣдъ Останковъ.

— А?—обернулся тотъ, не разслышавъ вопроса.

— Кланяться-ли, спрашиваю, Ольгѣ Васильевнѣ, — съ улыбкой воскликнулъ онъ.

Кургановъ нахмурился, точно досадуя, что его остановили за такимъ пустякомъ и теперь придется на ходу догонять конку, махнулъ рукой, ничего не отвѣтивъ, и побѣжалъ вслѣдъ удалявшемуся вагону, попрежнему неуклюже работая плечомъ.

Останковъ растерянно постоялъ съ минуту на мѣстѣ, за-

тѣмъ сдѣлалъ капризное движеніе губами и кивнулъ лихачу.

Полозья заскользили по снѣгу, со свистомъ царапая иногда камни. Останковъ по привычкѣ разсѣянно глядѣлъ по сторонамъ, почти не обращая вниманія на мужчинъ и стараясь уловить мелькавшія передъ нимъ женскія лица. Но это занятіе на этотъ разъ не развлекло его. Онъ былъ недоволенъ собой, недоволенъ Кургановымъ, недоволенъ тѣмъ, что высказалъ ему свою обиду и, такимъ образомъ, какъ будто унизилъ себя передъ нимъ.

„Пожалуй, онъ разскажетъ объ этомъ всѣмъ имъ,—чувствуя нѣкоторое раздраженіе и противъ своихъ товарищей, думалъ Останковъ,—и они вообразятъ чортъ знаетъ что...“

Онъ въ это время замѣтилъ, что уже на Невскомъ, и приказалъ ѣхать къ Кюба, продолжая размышлять въ томъ же духѣ.

Досаднѣе всего ему было полунебрежное, полунасмѣшливое отношеніе къ нему Курганова. Онъ выдѣлялъ его изъ толпы товарищей не только за сильный умъ, необыкновенную стойкость въ убѣжденіяхъ, за удивительное умѣнье говорить, когда это было надо, передъ большой аудиторіей. Это и всѣ другіе цѣнили въ немъ. Кургановъ нравился ему потому, что въ немъ чувствовалась натура: за внѣшней суровостью необыкновенная мягкость и нѣжность души, которая выражалась и въ его симпатичномъ глубокомъ голосѣ, и даже въ пожатіи его энергичной и полной особеннымъ тепломъ, широкой руки.

И Останкову было досадно, что тотъ, въ свою очередь, не отдавалъ должнаго ему. Правда, въ его присутствіи Останковъ почему-то стѣснялся выказывать свои таланты, но они ужъ вовсе не были такъ ничтожны, чтобы къ нимъ относиться насмѣшливо. Самъ Кургановъ когда-то, однако, интересовался имъ и больше его цѣнилъ, чѣмъ теперь, когда Останковъ сталъ замѣчать въ его отношеніи къ себѣ нѣкоторую недоброжелательность. Онъ видѣлъ даже, что та побѣда, которую, повидимому, одержалъ надъ нимъ, признавъ себя должникомъ народа, была мгновенной. Это казалось Останкову тѣмъ досаднѣе, что онъ самъ искренно повѣрилъ въ свой порывъ, открывшій ему новыя перспективы въ жизни.

Признать, что Кургановъ такъ несправедливо отнесся къ этому порыву изъ недовѣрія, значило бы признать себя совсѣмъ уже ничтожествомъ въ его глазахъ, а это было бы неправда. Тутъ скрывалось что-то иное.

Останковъ сталъ припоминать, съ какого времени особенно ясно обнаружилось передъ нимъ это странное отношеніе Курганова, и вдругъ, уже у самаго подъѣзда ресторана, его озарила догадка, въ первое мгновеніе показавшаяся дикой. Но

потомъ онъ обрадовался ей и даже пробормоталъ вслухъ самъ себѣ: „Навѣрное это такъ... И по времени какъ разъ совпадаетъ... Недаромъ мнѣ показалось, что онъ смутился, когда я упомянулъ объ Ольгѣ. Несомнѣнно, онъ влюбленъ въ нее, можетъ быть, еще съ того времени, какъ давалъ ей уроки. Это вполнѣ естественно: онъ по натурѣ такой эстетикъ, а Ольга такая хорошенькая, умница“...

И ему хотѣлось, чтобы это предположеніе было справедливо: оно какъ бы возвышало его надъ Кургановымъ, и самолюбіе его могло оставаться спокойнымъ.

II.

У Кюба, какъ и ожидалъ Останковъ, онъ нашелъ Петьку Кувайцева, Борьку Готовицкаго, Ваську Чемизова и еще двоихъ незнакомыхъ ему господъ, изъ числа примазывающихся къ такъ называемой „золотой молодежи“, чтобы ихъ также считали принадлежащими къ избранному петербургскому обществу, то-есть, къ тому, которое вездѣ бываетъ и ничего не дѣлаетъ.

Новые были не молодыхъ, но и неопредѣленныхъ лѣтъ, утрированно модно одѣтые и непріятно развязные. Одинъ черный, круглоголовый, съ жесткой, модно остриженной бородкой, что къ нему очень не шло, съ краснымъ и потнымъ какъ будто отъ природы лицомъ. Другой былъ блондинъ, нѣсколько еврейскаго типа, съ выправкой браваго нѣмецкаго бурша, съ брилліантовой булавкой въ галстухѣ и не въ мѣру тугими высокими воротничками.

Кувайцевъ,— студентъ, сынъ виднаго дѣятеля, съ профилемъ Наполеона, но съ лицомъ сильно помятымъ и со слѣдами пудры на щекахъ послѣ бритья, славился тѣмъ, что на вопросъ, какого онъ факультета, обыкновенно отвѣчалъ:

— Нынче Жозефинина, а въ прошломъ мѣсяцѣ былъ Матильдина.

Готовицкій былъ просто молодой человѣкъ хорошей фамиліи, готовившійся поступить въ кавалерію и потому заранѣе выработавшій себѣ походку кавалериста. Чемизовъ былъ товарищъ Останкова по академіи, высокій, длинноносый, похожій на цаплю. Онъ тоже готовился въ полкъ и носилъ узкіе, какъ рейтузы, брюки. Компанія только что приступила къ завтраку, но успѣла уже выпить и встрѣтила Останкова преувеличенно громкими криками.

— А, спаситель отечества!

— Кормилецъ голодающихъ!

— Деревенскій лѣкарь!

Даже незнакомые Останкову господа, разинувъ рты, съ улыбкой мычали что-то въ тонъ имъ.

„И зачѣмъ это я пришелъ сюда!“—съ досадой подумалъ Останковъ, почувствовавъ на этотъ разъ въ своемъ настроеніи нѣчто новое, дѣлавшее его чужимъ этой компаніи.

Они не унимались.

— Вотъ удивилъ!

— Измѣнникъ!

— Мы его не отпустимъ, господа. Не отпускать.

— Не отпускать! Не отпускать! — поспѣшили вставить свои восклицанія и незнакомцы.

— Полно вздоръ говорить! — недовольно оборвалъ всѣхъ Останковъ, какъ будто все еще не рѣшаясь сѣсть съ этой компаніей за одинъ столъ, холодно протягивая руку незнакомцамъ, фамиліями которыхъ онъ даже не поинтересовался.

— Ты недоволенъ этими господами? — шепнулъ ему на ухо Кувайцевъ, по своему истолковавшій рѣзкій отпоръ Останкова.

— Кто такіе? — вскользь, но довольно громко спросилъ вмѣсто отвѣта Останковъ.

— А чортъ ихъ знаетъ. Борька привелъ. Вотъ этотъ бѣлокурый, съ еврейскимъ лицомъ, кажется, сынъ какого-то ростовщика. А другой себя все русакомъ рекомендуетъ. Точно заяцъ-русакъ.—Онъ прыснулъ со смѣха. — Да они, кажется, ничего, славные ребята. Фактъ.

Останкову еще непріятнѣе стала эта компанія. Онъ далъ себѣ слово позавтракать и тотчасъ же уѣхать.

— Ты что будешь пить? — обратился къ Останкову Готовицкій. — Мы здѣсь нынче на зубровку перешли съ водки.

— Я рюмку водки выпью.

— Вотъ это по моему. Я тоже русакъ, отечественную больше уважаю. И черный потянулся къ Останкову чокнуться.

— Виноватъ,—отозвался Останковъ, выпивъ раньше свою рюмку.—Это что же, ваша фамилія—Русакъ?

— Нѣтъ, фамилія моя Добровъ, а это я такъ только русакомъ себя прозываю. Русскій человѣкъ значитъ.

Онъ такъ сконфуженно улыбнулся при этомъ, оглянувъ всю компанію, которая привѣтствовала смѣхомъ шутку Останкова, что тому стало его жаль, и онъ, приказавъ подать себѣ другую рюмку, чокнулся съ Добровымъ и подумалъ: „А, кажется, онъ, дѣйствительно, ничего себѣ парень — хамоватъ только. И что это у нихъ за страсть примазываться къ такой компаніи“.

— Фамиліи всегда называютъ такъ, что не разберешь: промямлютъ что-то: тарамъ-барамъ... — оправдывался Останковъ, ставшій уже болѣе снисходительнымъ послѣ двухъ

выпитыхъ натощакъ рюмокъ. — Вотъ я и вашу фамилію не разслышалъ,—обратился онъ къ другому.

— Баронъ...

— А, виноватъ... Фамилія?

— Это и есть моя фамилія: Баронъ.

Опять всѣ захохотали. Захохоталъ и самъ Баронъ, котораго, очевидно, врядъ-ли можно было чѣмъ нибудь смутить.

— Архитекторъ Баронъ, — повторилъ онъ, готовый еще больше смѣшить публику. — Уроженецъ Петербурга, но воспитывался въ Германіи. Главнымъ образомъ, въ Берлинѣ.

Еще онъ договаривалъ послѣднія слова, а ужъ Останковъ не слушалъ его и заказывалъ завтракъ.

Послѣ двухъ стакановъ вина, Останковъ сталъ еще болѣе снисходительнымъ. Онъ уже не особенно порывался теперь изъ этой компаніи.

— Нѣтъ, ты таки, не шутя, ѣдешь? — возобновилъ свое Кувайцевъ, когда всѣ разговорились.

— Разумѣется, ѣду. Какія же тутъ шутки, — сказалъ Останковъ и тутъ же подумалъ: „И эти тоже удивляются“... Но удивленіе ихъ не только его не оскорбило, а какъ будто даже льстило ему.

— Да ты тамъ съ ума сойдешь отъ скуки, — подхватилъ Готовицкій.—Наконецъ, гдѣ ты тамъ будешь ѣсть?

— Ну, положимъ, можно съ собой повара взять,—поправилъ его Кувайцевъ.

— Да, но что же можетъ поваръ достать у голодающихъ, — захохоталъ Готовицкій, усмотрѣвъ въ этомъ замѣчаніи остроту.

— Положимъ, мы, военные, должны быть ко всему готовы, — возразилъ Чемизовъ, замѣтивъ гримасу на лицѣ Останкова. — Лишенія насъ не страшатъ... Но...

— Я вовсе ѣду къ голодающимъ не веселиться и не кутить,—рѣзко замѣтилъ Останковъ, видя, что разговоръ принимаетъ опять пошловатый оттѣнокъ, но тотчасъ прибавилъ, чтобы сгладить эту рѣзкость:

— Тамъ ужасъ, что дѣлается. Мы здѣсь вотъ, сытые, и вообразить не можемъ, что люди могутъ не только голодать, но и болѣе... даже умирать отъ голода.

— Да вѣдь это все такъ въ газетахъ пишутъ. Надо же газетамъ чѣмъ-нибудь пугать публику! Безъ этого ихъ читать не станутъ,—рѣшительно объявилъ Кувайцевъ.—Хорошо, если есть чума, холера, революція... А если нѣтъ ничего подобнаго, тутъ и за голодъ схватишься... Фактъ!

— Ну, положимъ, начальство не позволило бы печатать воззванія, смущать публику и грабить ее, если бы голода, дѣйствительно, не было,—замѣтилъ Чемизовъ.—Вѣроятно, го-

лодъ есть, но почему? Вотъ вопросъ. Не потому-ли, что мужикъ избалованъ, лѣнивъ, не хочетъ работать...

— Страха на него нѣтъ... Фактъ!

— Ну, нѣтъ, это вы напрасно, — неожиданно вступился за мужика Добровъ и самъ покраснѣлъ отъ своей смѣлости.— И страха на мужика достаточно осталось и работаетъ онъ, слава Богу, столько, что ни кому и въ горбъ не влѣзетъ. А ежели земля не родитъ, если засуха, — тутъ ужъ никто, какъ Богъ.

Останковъ одобрительно кивнулъ ему.

— Всетаки, я не допускаю, чтобы у мужика не было хлѣба, когда онъ самъ его сажаетъ и дѣлаетъ...—настаивалъ Кувайцевъ.—Откуда же у насъ хлѣбъ, коли не отъ мужика. Вѣдь въ городахъ хлѣбъ не растетъ... Если бы не было у нихъ, не было бы у насъ... Фактъ!

Онъ выпалилъ все это отрывисто и быстро и сдѣлалъ въ концѣ такое серьезное лицо, что, повидимому, послѣ своей рѣчи считалъ всѣ возраженія излишними.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что мужикъ продаетъ хлѣбъ, желая купить себѣ вина, гармонику и лаковые сапоги,—добавилъ свое мнѣніе Готовицкій. — Его не *порютъ*, вотъ онъ въ конецъ и *испортился*...—Ха-ха-ха—каковъ вышелъ каламбуръ. Не по-рютъ и ис-портился.

Но каламбура не оцѣнили.

— Какіе сапоги лаковые у мужика!.. Помилуйте...—всплеснулъ отъ изумленія руками Добровъ. — Да у него и лапти-то не всегда есть, не токмо-что лаковые сапоги. Вино, дѣйствительно, по праздникамъ пьетъ... Это бываетъ... И на гармоникѣ случается... А на счетъ порки...

— Такъ насъ первыхъ слѣдовало бы пороть за наше пьянство и развращенность,—докончилъ Останковъ.

Всѣ сочли это за веселую шутку и расхохотались.

— Такъ неужели, дѣйствительно, люди болѣютъ и даже умираютъ отъ голода?—выразилъ свое сомнѣніе и Баронъ.— Отчего-же въ Германіи никогда ничего подобнаго не бываетъ? Тамъ никогда о такомъ голодѣ не слышно.

— Сравнилъ! Чтобъ у нѣмцевъ, да голодъ былъ?—замѣтилъ совсѣмъ уже осмѣлившійся Добровъ. — У нѣмца, если дождя нѣтъ, онъ начнетъ изъ пущекъ стрѣлять, вотъ и дождь настрѣляетъ. А у насъ развѣ начальство станетъ на это порохъ тратить!

— Я ужъ не знаю, какъ въ Германіи, но что у насъ голодъ, въ этомъ никакого сомнѣнія нѣтъ. Несчастный народъ, дѣйствительно, погибаетъ безъ хлѣба и ѣстъ вмѣсто него чортъ знаетъ какую гадость,—проникаясь все большимъ состраданіемъ къ голодающимъ, продолжалъ Останковъ.

— Какъ же вамъ не стыдно было за сына... за родного сына просить денегъ! Вѣдь онъ вамъ родной былъ!

— Какъ есть... кровный...—отвѣтили старики.

— Ну, вотъ видите... Требовать денегъ за то, что вы обмыли родного сына и выкопали ему могилу... Родному сыну!..

— Былъ родной, какъ живъ былъ,—это какъ есть,—упрямо настаивалъ старикъ,—а теперь Боговъ да царевъ... Царева земля по закону.

Эта нелѣпая фраза опять взорвала Останкова, точно въ ней была вся суть. Но онъ, не отвѣчая на нее, дѣлая даже видъ, что онъ ее не слышалъ, продолжалъ тѣмъ же дрожащимъ голосомъ:

— Дѣлать могилу сына орудіемъ такихъ цѣлей!.. Это низко...

— Скрябокъ, значитъ, орудіемъ то былъ. Скрябкомъ копалъ... Земля твердая, потому оно и не глубоко,—по своему истолковалъ старикъ объясненія Останкова.

Тотъ не сразу понялъ его отвѣтъ, но, понявъ, покраснѣлъ еще больше и за свое негодованіе, и за свое поученіе. Но ему нужны были хоть слова, чтобы какъ-нибудь загладить свой проступокъ:

— Если бъ вы обратились ко мнѣ прямо и попросили денегъ на вашу нужду, я бы ни слова не сказалъ... съ радостью далъ бы... я и хотѣлъ...

— Батюшка нашъ,—завопила старуха совсѣмъ другимъ тономъ и сразу стала изъ отвратительной—несчастной и жалкой:—Батюшка-милостивецъ... не оставь ты насъ, горемычныхъ... Что мы теперь безъ него, нашего кормильца, будемъ дѣлать? Съ голодухи умирать... Старикъ-отъ мой убогонькій, да и меня хвороба одолѣла. По кусочки бы надо идти, а пашпорта выкупить не на что.

Она повалилась Останкову въ ноги, а за нею старикъ. Останковъ разсѣянно бросился поднимать ихъ, сунулъ въ руку старухѣ нѣсколько цѣлковыхъ, которые нашелъ въ карманѣ и, пробормотавъ своимъ спутницамъ,—пойдемте, пойдемте...—поспѣшно направился впередъ, не глядя ни на Ольгу, ни на сестру. Его грызла мысль, что онъ сдѣлалъ въ глазахъ Ольги что-то унизительное для себя, непоправимое, и потому въ тифозной больничкѣ онъ старался быть внимательнымъ и ласковымъ съ больными, разговаривалъ съ тѣми, кто не былъ въ бреду, ободрялъ ихъ, выслушивалъ и выстукивалъ нѣкоторыхъ, боясь осложненій, совѣтовался съ сестрой въ мелочахъ и даже самъ поилъ одного больного чаемъ, присѣвъ къ нему на нары.

Въ больничкѣ было душно и печально. Одинъ больной бредилъ, быстро перебирая пальцами одѣяло. Но нѣкоторый

№ 5595 же. 92.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ...

свѣтъ и оживлёнье вносилъ выздоравливающій мальчикъ лѣтъ тринадцати. Онъ сидѣлъ у окна и что-то мастерилъ изъ дерева осколкомъ косы.

Останкову хотѣлось показать передъ Ольгой, что больные любятъ и уважаютъ его за внимательное и ласковое отношеніе къ нимъ и, только тутъ осмѣлившись взглянуть ей въ глаза и встрѣтивъ ея грустный, но нѣжный взглядъ, онъ сказалъ, указывая на мальчика:

— Это механикъ мой... Онъ нигдѣ не учился, но ему достаточно взглянуть на какую-нибудь сельскохозяйственную машину, и онъ отлично понимаетъ ея конструкцію. А теперь вотъ и самъ изобрѣлъ вѣялку. Покажи-ка, Гриша.

Мальчикъ, застѣнчиво улыбаясь, досталъ изъ-подъ наръ небольшую деревянную модель вѣялки.

— Неужели это ты самъ сдѣлалъ?—искренно удивилась Ольга, разсматривая нехитрое изобрѣтеніе.

— Самъ. Вотъ этой штукой...—все еще слабымъ голосомъ отвѣтилъ мальчикъ.—Не особенно чисто, потому что у меня буравчика нѣтъ, да и это не то, что ножъ.

— Ахъ, я и забылъ, — спохватился Останковъ.—Въ слѣдующій разъ непремѣнно привезу.

— Какъ же она работаетъ?—обратилась къ Гришѣ Ольга.

— А вотъ.

И мальчикъ, склоняя то направо, то налѣво свою умную стриженную голову, съ широкимъ лбомъ и маленькими красивыми ушами, сталъ объяснять устройство машины. По его словамъ, не доставало какого-то пустяка, чтобы машина дѣйствовала, и этимъ пустякомъ онъ былъ занятъ теперь.

Странное впечатлѣніе производилъ этотъ блѣдненькій умный ребенокъ, освѣщенный падавшимъ въ окно свѣтомъ, среди валявшихся вокругъ него тѣлъ, изъ которыхъ инымъ скоро суждено было стать землею. Его мягкій голосокъ тихо звучалъ среди бреда и стоновъ, раздававшихся съ обѣихъ сторонъ. Бредилъ здоровый, рыжій парень съ кудрявой головою и веснущатымъ лицомъ, поминая все какую-то телѣгу и часто повторяя непонятное слово, что-то въ родѣ: „колоборотанъ“. Стоналъ мужикъ лѣтъ двадцати восьми, одутловатый и бородатый. Онъ былъ накрытъ коричневымъ зипуномъ, на которомъ рѣзко выдѣлялась сильная рука, съ длинными красивыми пальцами. Онъ быстро шевелилъ ими, точно ловя какое-то насѣкомое.

Ольга весело похвалила мальчика:

— Молодецъ... молодецъ...

Сестра своимъ низкимъ, недовольнымъ голосомъ говорила:

— У него, конечно, огромныя способности. Ему бы

учиться надо, а онъ, вотъ, и грамотѣ не знаетъ. Сирота... Погибнетъ здѣсь.

Больной мужикъ съ умиленнымъ лицомъ и рѣденькой бородкой поднялся и подтвердилъ дрожащимъ голосомъ.

— На міру живетъ мальчонка. То гусей пасетъ, то что... А ужъ такой смышленый, что, не обидьтесь, и среди господъ поискать.

— Вѣрно, что въ науку бы его... До всего дотошный и доходчивый,—подтвердилъ другой мужикъ съ заячьей губой.—Безъ науки пропадомъ пропадетъ.

— Вотъ что!..—подхватилъ Останковъ, обрадованный этимъ случаемъ, обращаясь къ Гришѣ:—Я возьму тебя съ собою въ Петербургъ, и ты будешь учиться... Хочешь?

Глаза мальчика вспыхнули сперва недовѣрчиво, потомъ радостно. Онъ хотѣлъ отвѣчать, но вдругъ не выдержалъ и заплакалъ.

— Ишь ты, какъ обрадовался-то,—объяснилъ его слезы первый мужикъ, не вполнѣ, однако, довѣряя обѣщанію доктора и готовый принять его за шутку.

— Что же, хочешь?—переспросилъ Останковъ, увѣренный въ его согласіи, но стараясь продлить эту сцену.

— Хочу,—сквозь слезы дрожащими губами отвѣтилъ мальчикъ.

— Въ такомъ случаѣ,—не безъ торжественности заявилъ Останковъ, вставая съ наръ,—вотъ при этой барышнѣ, при сестрѣ и при всѣхъ васъ даю тебѣ слово, что исполню свое обѣщаніе и опредѣлю тебя въ Петербургѣ въ училище, гдѣ ты научишься, какъ надо дѣлать всякія машины. Скорѣе поправляйся только совсѣмъ, и до отъѣзда я возьму тебя къ себѣ.

Оба мужика стали наперебой благодарить Останкова, точно мальчикъ былъ ихъ родной сынъ.

— Вотъ, спасибо, батюшка... Доброе дѣло на небесахъ запишется... Сиротская молитва до Бога доходчива.

— Пофартило Гришкѣ,—съ умиленнымъ лицомъ говорилъ мужикъ съ заячьей губой. — Изъ грязи да въ князи. Этакій господинъ нашелся...

— Не перевелись добрые люди.

Останкову, наконецъ, неловко стало выслушивать эти восхваленія, да и долго онъ засидѣлся среди тифозныхъ. Ужъ въ избѣ темнѣло. Наступалъ вечеръ.

— Пора,—обратился онъ къ Ольгѣ.

Они простились съ больными, все еще провожавшими ихъ благодарностью и восхваленіемъ.

Останковъ чувствовалъ себя вполнѣ загладившимъ свою выходку и, хотя онъ особенно дѣловымъ тономъ заговорилъ

послѣ этого съ сестрой, давая ей распоряженія, что надо дѣлать безъ него, въ душѣ его было тепло и ясно.

На улицѣ играли въ бабки ребятишки, гдѣ то пѣлъ на деревнѣ чудомъ уцѣлѣвшій пѣтухъ. Небо было розовое отъ гаснущей зари и отражалось въ лужѣ возлѣ мельницы, вмѣстѣ съ завечерѣвшими на немъ облаками.

V.

Проводивъ Ольгу до ея квартиры, Останковъ хотѣлъ проститься съ ней и вернуться домой. Но вдругъ имъ овладѣла такая мучительная, безотчетная тоска, что онъ задержалъ руку Ольги въ своей рукѣ и глядѣлъ ей прямо въ глаза долгимъ неопредѣленнымъ взглядомъ.

— Что съ тобою?—встревоженно спросила Ольга.

— Не знаю, мнѣ тяжело...

— Но почему... почему?

Онъ ничего не отвѣтилъ, какъ бы желая самъ себѣ дать отчетъ, но ни за что не могъ ухватиться.

Эти три часа, которые они проѣхали отъ Ивановки до дому, прошли въ тихой и мирной бесѣдѣ. Если что и могло отозваться въ Останковѣ такимъ образомъ, такъ это только непріятная сцена со стариками, о которой они ни однимъ звукомъ не поминали въ дорогѣ, но которую Останковъ забыть не могъ.

— Не знаю,—задумчиво повторилъ онъ, но потомъ рѣшилъ избавиться отъ этой тѣни, лежавшей у него на душѣ, и сознался Ольгѣ, что его тревожитъ эта вспышка.

— Я не понимаю, что со мною сталось. Я убить ихъ готовъ былъ за дикое требованіе,—говорилъ онъ, чувствуя при одномъ воспоминаніи приливъ злобы.—А между тѣмъ, я наталкивался на факты болѣе нелѣпые. Но скажи... скажи мнѣ искренно, неужели это могло уронить меня въ твоихъ глазахъ?

— Нѣтъ, скорѣе меня удивило. Но потомъ... потомъ я поняла, что это естественно.

— Что естественно? Мой поступокъ естественъ?

— Нѣтъ, не твой поступокъ, а что именно такъ поступилъ ты.

— Да? Вотъ какъ?—подозрительно протянулъ онъ, блѣднѣя и чувствуя, какъ голосъ его начинаетъ дрожать.—Теперь мое состояніе понятно мнѣ.

И, не дожидаясь съ ея стороны объясненія, онъ запальчиво прибавилъ:

— Ты хочешь сказать, что я поступилъ черезчуръ по барски, какъ выражается одинъ господинъ.

— Какой господинъ? О чемъ ты говоришь?

— Господинъ Кургановъ. Онъ уже успѣлъ возстановить тебя противъ меня.

Она во всѣ глаза глядѣла на него и ничего не понимала.

— Какъ возстановить? Почему? Что ты говоришь?

— Я говорю правду,—возвысилъ онъ голосъ.

Окна дома были темны. Хозяевъ не было, но она боялась, что ихъ кто нибудь услышитъ, и торопливо потянула его съ крыльца въ степь, всю окутанную влажнымъ, серебристымъ мракомъ апрѣльской ночи.

— Пойдемъ, пойдемъ... Ты мнѣ долженъ все объяснить.

Тогда онъ страстно и нервно сталъ говорить ей объ оскорбительномъ отношеніи къ себѣ Курганова, сознавая въ то же время, что самъ многое преувеличиваетъ въ эту минуту, становится несправедливымъ къ нему и мелочнымъ, что какая-то пружина, которая долго завертывалась у него въ сердцѣ, вдругъ стала развертываться съ ужасной стремительностью, и онъ никакъ не можетъ остановить ее.

— Онъ ненавидитъ меня... Ненавидитъ...—выкрикивалъ Останковъ.—Я это вижу ясно... За что?.. Что я ему сдѣлалъ?.. Я унижался передъ нимъ до того, что самъ первый протягивалъ ему руку, искалъ его дружбы... А онъ!.. Какъ относился онъ ко мнѣ!.. Я работаю здѣсь, можетъ быть, даже не меньше, а больше его, а онъ не только дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ моей работы, но объясняетъ ее какими-то низостями съ моей стороны... Да, я его вижу!.. О, насквозь его вижу! Онъ... онъ хамъ!

— Миша! Миша!—пыталась она въ ужасѣ остановить его.— Что ты говоришь!.. Опомнись!..

— Да, да... Хамъ... хамъ!..—дрожа, кричалъ Останковъ, разгораясь не столько отъ ея возраженій, сколько отъ своихъ словъ и тона.—И онъ самъ знаетъ это и ненавидитъ меня за то, что я баринъ. Вотъ-вотъ, именно... Ясно, какъ день... И тебѣ клеветалъ на меня...

— Молчи, молчи... Онъ ни звука не говорилъ мнѣ о тебѣ, и потомъ...

— Потомъ... потомъ... Хочешь я тебѣ скажу, что потомъ?— близко наклоняясь къ ней и сверкая глазами, хрипѣлъ Останковъ.—Потомъ... онъ влюбленъ въ тебя... Давно влюбленъ, и ты это знаешь. Затѣмъ онъ переманилъ тебя къ себѣ. Я... я...—Но онъ не могъ договорить своей фразы. На языкъ настойчиво и мучительно просилось Богъ знаетъ откуда вынырнувшее слово „колоборотанъ“. Стиснувъ кулаки и судорожно поднявъ руки, онъ скрипѣлъ зубами. Кровь ударила ему въ голову, правая половина головы стала тя-

желой и больной, подъ кожей прошелъ ледяной холодъ, а въ ушахъ что-то звенѣло глухимъ и далекимъ звономъ.

Ольгѣ стало страшно. Ей показалось, что онъ сошелъ съ ума и сейчасъ бросится на нее и станетъ ее бить. Не сводя съ него глазъ, она инстинктивно попятилась назадъ. Но страхъ ея продолжался нѣсколько мгновеній. И когда онъ съ какимъ то злорадствомъ началъ шептать ей:—Иди, иди къ нему,—она закрыла лицо руками и тихо пошла прочь, какъ разъ отъ того самаго мѣста, гдѣ еще только вчера они встрѣтились такъ радостно.

Она шла, не помня себя, спотыкаясь, не зная, куда идетъ, и отошла уже довольно далеко, когда услышала отчаянный крикъ Останкова:

— Ольга!..

Она вздрогнула, но шла, не оборачиваясь, не потому, что не хотѣла, а потому, что ничего не могла сообразить, и крикъ, еще отчаяннѣе, догналъ ее.

— Ольга!..

Тогда она остановилась, а затѣмъ бросилась назадъ, точно ее толкнула какая-то сильная рука и, какъ будто пролетѣвъ, а не пробѣжавъ раздѣлявшее ихъ разстояніе, очутилась въ его объятіяхъ, и оба они снова плакали, но уже совсѣмъ другими слезами, чѣмъ наканунѣ.

— Вырви, вырви всѣ мои слова изъ памяти!—молилъ ее Останковъ.—Это былъ припадокъ... Я клеветалъ на него... Онъ благороденъ... Онъ... онъ выше меня. Я дѣйствительно ничтожество, эгоистъ. Онъ правъ. Я все любовался тѣмъ, что дѣлаю, любовался собою и отъ другихъ требовалъ того-же. И меня оскорбляло, что мною не восхищается никто, и не восхитилась ты всѣмъ, что я дѣлалъ раньше и нынче при тебѣ. Я даже и тогда рисовался, когда былъ у тифозныхъ. Ахъ, это проклятое слово! „Колоборъ". — Онъ не договорилъ, закрылъ глаза и схватился за голову.

Его покаянное настроеніе готово было перейти въ такой-же припадокъ, но Ольга взяла его за руку и почувствовала, что рука его очень горяча.

— Ты боленъ,—крикнула она.

Онъ тряхнулъ головою, остановился и съ минуту точно прислушивался къ себѣ. Голова продолжала болѣть, и звонъ перешелъ изъ ушей въ глаза. Передъ нимъ носились быстрыя и сверкающія оранжевыя искры и звенѣли, и звенѣли.

— Ахъ, это проклятое слово: „колоборотанъ",—съ трудомъ поворачивалъ онъ во рту липкимъ, отяжелѣвшимъ языкомъ.

Тогда она положила ему руку на лобъ. Лобъ былъ го-

рячъ и сухъ, какъ пергаментъ. У нея задрожали и стали подгибаться ноги.

— Я усталъ,—сказалъ онъ ослабѣвшимъ и вибрирующимъ голосомъ и потомъ въ отчаяніи прибавилъ:—Что я надѣлалъ!.. Что я надѣлалъ!..

— Полно!.. Полно... Ты надорвался отъ работы. У тебя разстроились нервы. Я все понимаю.

— Если бъ можно было чѣмъ нибудь поправить это, искупить,—бормоталъ онъ сухими губами, пытаясь ихъ облизнуть языкомъ, но языкъ былъ также сухъ и липокъ.

— Я ничего не помню... я ничего не помню...—спѣшила она успокоить его, все болѣе и болѣе убѣжденная, что ея догадка справедлива: онъ заразился сыпнымъ тифомъ.—Я люблю тебя.

Она обѣими руками взяла его голову и цѣловала его въ лобъ, чувствуя, что лобъ горячъ и сухъ подъ ея губами.

Эта ласка, эти послѣднія слова успокоили его сразу больше, чѣмъ всевозможныя убѣжденія. Онъ сталъ тихъ и кротокъ, какъ ребенокъ, и даже постарался улыбнуться ей, но улыбка вышла жалкая и блѣдная.

— Ты права: я усталъ,—сказалъ онъ ей, забывая, что эти слова принадлежатъ ему, а не ей.—Все это разбило мои нервы. Мнѣ хочется ободренія, участія... Я не могу безъ этого... Что-жъ подѣлаешь... Мнѣ непремѣнно нуженъ близкій человѣкъ, оттого я такъ и ждалъ тебя.

— Да, да... Теперь я тебя не оставлю. Я буду работать съ тобою,—утѣшала она его, взявъ подъ руку и увлекая за собою къ освѣтившимся окнамъ квартиры земскаго.

— Нѣтъ, я не приму твоей жертвы... Это не надо... Работай у Курганова. Ты понимаешь, я...

— Ни слова, ни слова объ этомъ... Этого не было.

— Благодарю... Ты великодушна... Но ты увидишь... я заглажу это... и передъ тобою, и передъ Кургановымъ. А теперь прощай... Я ѣду домой, мнѣ надо отдохнуть... У меня голова разболѣлась... правая половина. Странно... лѣвой какъ будто нѣтъ совсѣмъ.

Онъ сталъ ощупывать руками голову.

— Я не пущу такого домой, или сама поѣду.

— Полно!

— По крайней мѣрѣ, сейчасъ. Пойдемъ... Видишь огонь, они вернулись.

Она снова взяла его подъ руку и повела.

Рязанцевъ встрѣтилъ ихъ съ шумной радостью и смѣхомъ.

— Наконецъ-то... Мы заждались...

— Будемъ чай пить,—предложила Марья Николаевна.

— Что чай,—шумѣлъ Рязанцевъ.—Я вамъ сейчасъ разскажу, что въ Кимврахъ было. Есть тамъ богатый мужикъ Климентейкинъ, охотникъ чувашей крестить.

— Садись, садись,—шептала Ольга Останкову.—Ну, что?

— Припретъ чувашей нужда, ну вотъ они и идутъ къ нему. Кто желаетъ креститься, тому Климентейкинъ — сапоги. Поневолѣ иной своего бога Ирика на сапоги промѣняетъ.

Ольга испытующе глядѣла на Останкова. Тотъ съ странной улыбкой слушалъ Рязанцева.

— Только одинъ крестился въ клементейкинскихъ сапогахъ, а послѣ крещенія тотъ и снялъ ихъ съ новокрещеннаго,—шумно продолжалъ Рязанцевъ.—Больно,—говоритъ,—нынче много пошло. На двоихъ теперь пара сапогъ,—говоритъ,—ежели желаете. Притащи другого, пусть крестится, тогда сапоги получите. Тотъ ко мнѣ жаловаться.

Рязанцевъ хохоталъ, разсказывая это событіе, но вдругъ, присмотрѣвшись къ Останкову, перевелъ глаза на Ольгу.

— Что случилось?.. Что съ вами?.. Вы на себя не похожи,—обратился онъ къ Останкову, переставъ смѣяться.

Марья Николаевна, возившаяся около чайнаго стола, взглянула также на Останкова и воскликнула испуганно:

— Да вы нездоровы?.. У васъ лицо какое-то красное, опухшее.

Останковъ ничего не сказалъ. На него нашла апатія. Въ глазахъ былъ туманъ, а въ туманѣ кружились и звенѣли красныя искорки.

Ольга отвела Марью Николаевну въ сторону и сообщила ей свое подозрѣніе. Та явилась съ градусникомъ.

— Измѣрьте-ка температуру.

Останковъ покорно поставилъ градусникъ. Температура была около сорока градусовъ.

— Должно быть, тифъ,—рѣшилъ онъ, насильственно улыбаясь, и поднялся, собираясь уходить.

— Куда?—въ одинъ голосъ остановили его Марья Николаевна и Рязанцевъ.

— Разумѣется, домой. Что же я васъ-то буду подвергать опасности.

— Во первыхъ, еще неизвѣстно, тифъ или нѣтъ. Во-вторыхъ, возможно совершено изолировать,—возразила Марья Николаевна.

— Въ третьихъ, чепуха. О чемъ тутъ толковать! Раздѣть его и уложить въ постель.

— Нѣтъ, нѣтъ, я уѣду... Только, пожалуйста, увѣдомьте Курганова... пусть пріѣдетъ посмотрѣть меня.

— Никуда вы не уѣдете,—загородилъ ему дорогу Рязан-

цевъ и повелъ его въ комнату, гдѣ Останковъ ночевалъ наканунѣ.

Ольга, блѣдная и потрясенная, стояла посреди комнаты съ термометромъ.

— Не бойся,—улыбнулся онъ ей, — я знаю, что не умру отъ тифа... Вотъ какъ бы ты не заразилась. Я даже радъ, что это такъ. По крайней мѣрѣ, ты будешь увѣрена, что во мнѣ говорила болѣзнь.

— Онъ, кажется, бредитъ уже,—шепнула ей Марья Николаевна.

Но Ольга знала, о чемъ онъ упомянулъ. Ей было досално, что онъ въ такую минуту говоритъ о такихъ мелочахъ.

— Правда, Ольга Васильевна, остались бы вы тутъ,— нерѣшительно указалъ Рязанцевъ на гостиную. — Я пока одинъ съ нимъ справлюсь, а завтра найдемъ сестру милосердія.

Ольгу обидѣло это предложеніе, хотя она ничего не отвѣтила, а только взглянула на Рязанцева. Тотъ сталъ оправдываться.

— Дѣло въ томъ, видите-ли... тифъ... Если только это тифъ,—поспѣшилъ онъ оговориться,—опасенъ главнымъ образомъ лѣтъ до тридцати. Правда вѣдь, докторъ?

Останковъ машинально кивнулъ головою.

— Ну, а намъ съ женою больше.

— Все же вамъ приходится по участку ѣздить, и у васъ народъ бываетъ. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ увезти?.. Но Марья Николаевна прервала ее:

— Мы изолируемъ... Вотъ и все...

— Да, вообще, что тутъ разговаривать.

Останковъ молчалъ все время, точно рѣчь шла не о немъ.

Ему не хотѣлось ни о чемъ думать. Онъ больше слушалъ звонъ въ ушахъ, всматривался къ искрамъ, которыя сверкали передъ глазами, то приближаясь, то удаляясь и образуя то красивые, то страшные узоры, которые трудно было уловить, но въ которыхъ было что-то заманчивое, похожее на далекій, далекій сонъ. Иногда эти искры приближались, впивались въ его тѣло, какъ огненныя, и жаръ отъ нихъ палилъ его кровь и сушилъ ротъ. Удаляясь, онѣ уносили и вытягивали изъ него все тепло, и тѣло его коченѣло. Онъ видѣлъ, какъ Марья Николаевна и Ольга торопливо стлали ему постель и взбивали подушки, но все это дѣлалось безъ шума, точно происходило на экранѣ волшебнаго фонаря, а не въ дѣйствительности. Отъ подушки и простыни на него вѣяло холодомъ, какъ отъ снѣга, и онъ съ ужасомъ

думалъ. что ему надо будетъ лечь на этотъ снѣгъ. Но ужасъ не могъ остановить его, такъ какъ въ этомъ было какое-то предопредѣленіе. Точно также онъ не могъ воспротивиться тому, что Рязанцевъ раздѣвалъ его и бросалъ его платье и обувь на полъ, при чемъ все также падало безъ шума, даже сапоги не стукнули объ полъ, за то звонъ въ ушахъ становился все настойчивѣе и живѣе, и голова тяжелѣла отъ него, и передъ глазами все сверкали искры.

— Ну-съ, разъ, два, три и маршъ! — скомандовалъ Рязанцевъ и легко положилъ Останкова на простыню холодную, какъ снѣгъ.

И то, что онъ такъ легко поднялъ и положилъ его, показалось Останкову вполнѣ естественнымъ, такъ какъ онъ чувствовалъ въ эту минуту удивительную пустоту и легкость внутри себя, во всемъ существѣ, кромѣ правой половины головы, куда, повидимому, перешла вся тяжесть.

— Держите голову,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Ольга положила руку ему на голову.

И лишь только тѣло коснулось простыни, онъ понялъ, почему она казалась такой холодной. Его бросили на снѣжной степи, которую онъ уже знаетъ и видѣлъ давно, давно, а можетъ быть, во снѣ, точно такъ же, какъ эти дрожащія искры, которыя ни что иное, какъ звенящія звѣзды.

— Ольга... поймай ихъ... поймай... Зарой въ снѣгъ,—бормоталъ онъ, видя склоненное надъ собою, поблѣднѣвшее, строгое лицо Ольги.

Она что-то спрашиваетъ его, но такъ тихо, что разобрать ничего нельзя. Ея слова дрожатъ, какъ искры, и превращаются въ нихъ и, чтобъ не видѣть ихъ, онъ закрываетъ глаза и чувствуетъ, что летитъ куда-то.

И опять онъ въ степи, покрытой снѣгомъ. Она взяла его къ себѣ и теперь уже не отпуститъ.

Ольга едва уговорила Рязанцевыхъ оставить ее одну съ больнымъ. Покуда въ нихъ не было никакой необходимости, зачѣмъ же подвергать себѣ опасности и понапрасну утомлять! Все равно, помочь нельзя ничѣмъ.

Въ домѣ едва нашли пузырь, набили его льдомъ и положили на голову больному. Рязанцевъ распорядился послать нарочнаго за Кургановымъ и за сестрой милосердія. Послѣ этого Рязанцевы согласились оставить Ольгу одну.

— Только, когда будетъ нужно, непремѣнно постучите къ намъ,—внушала ей Марья Николаевна.

Нѣкоторое время по уходѣ ихъ въ домѣ была суета. Затѣмъ Рязанцевъ принесъ ей чаю и большую бутыль съ кар-

болкой. Онъ помялся нѣкоторое время, глядя то на Ольгу, то на больного, который шевелилъ сухими губами и перебиралъ пальцами одѣяло. Повидимому, ему неловко было уйти, не сказавъ чего нибудь ободряющаго и значительнаго на прощанье. Наконецъ, онъ кивнулъ съ неловкой улыбкой на Останкова и сказалъ:

— Пустяки... Такой молодецъ великолѣпно выздоровѣетъ.— Но затѣмъ не выдержалъ и шопотомъ прибавилъ:—Вѣдь какъ я его предостерегалъ, чтобы берегся... Эхъ!—И, махнувъ рукою, Рязанцевъ ушелъ.

Ольга осталась одна съ больнымъ. Но въ домѣ еще долго слышался сдержанный шумъ. Потомъ за окномъ глухо раздался стукъ копытъ. Это верховой поскакалъ за Кургановымъ.

Рядомъ, въ комнатѣ часы пробили полночь, и въ домѣ какъ-то сразу настала тишина. И только когда настала эта тишина, Ольга почувствовала, что она наединѣ съ нимъ, и кромѣ нихъ какъ будто во всемъ мірѣ нѣтъ больше ни одного живого существа. Она долго стояла въ углу противоположной стѣны, по діагонали съ его головою. Рабочая лампа на столѣ съ зеленымъ козырькомъ на большомъ картонномъ абажурѣ освѣщала часть комнаты, аршина полтора отъ пола, оставляя въ мягкой тѣни верхъ и тотъ уголъ, гдѣ лежалъ на кровати Останковъ, закрытый темнымъ плэдомъ. Поверхъ плэда бѣлѣли его руки, которыя иногда немного приподнимались, точно ловя что-то въ воздухѣ. Рукава его рубашки спадали до локтя, и длинные пальцы быстро, быстро перебирали, точно играя на какомъ-то невидимомъ инструментѣ. Потомъ руки падали и перебирали одѣяло.

Онъ лежалъ на спинѣ, и на бѣлой подушкѣ, слегка утонувъ въ ней, покоилась его голова съ разсыпавшимися бѣлокурыми волосами. Контуръ лица его тушевался полумракомъ, и темнѣли только глаза, ротъ, да волосы. Губы его шевелились и что-то торопливо бормотали, а руки продолжали перебирать одѣяло.

Эти движенія бѣлыхъ пальцевъ внушали Ольгѣ страхъ, напоминая то, что она видѣла нѣсколько часовъ назадъ и что вдругъ отодвинулось въ неизмѣримую даль прошлаго. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, она вышла изъ своего угла и направилась къ постели больного, не сводя съ него глазъ.

Его красивое лицо показалось ей еще прекраснѣе и дороже, чѣмъ всегда. Его глаза, неподвижные и остеклянѣвшіе, были устремлены въ потолокъ, на которомъ свѣтлѣлъ кружокъ отъ ламповаго стекла. Она стала вслушиваться въ его шопотъ, но въ немъ съ трудомъ можно было различить членораздѣльные звуки.

— Плис... пелис... пелис... пит... пит... пит...—могла она только различить изъ того, что шептали его вспухшія и покрытыя желтоватымъ налетомъ губы. Казалось, онъ однотонно и глухо говоритъ одно безконечное и непонятно-страшное слово.

Тогда она наклонилась ближе. Сухое, горячее и нечистое дыханіе, съ запахомъ плесени, пахнуло на нее и, казалось, также дышала его покраснѣвшая, запекшаяся кожа. Звуки, напоминавшіе скорѣе дѣтское подражаніе свисту птицъ, чѣмъ слова, коснулись ея слуха. Она посмотрѣла на запекшіяся губы и подала ему пить, вливая въ ротъ по ложечкѣ воды.

Больной жадно глоталъ воду, булькавшую въ его горлѣ, и видно было, что это доставляло ему наслажденіе, такъ какъ глаза нѣсколько оживились, и губы подернулись легкой улыбкой. Но, какъ только онъ пересталъ пить, улыбка на лицѣ смѣнилась испугомъ. Пальцы зашевелились быстрѣе, скользя по одѣялу, бормотанье стало явственнѣе. Ольгѣ даже показалось, что онъ нѣсколько разъ упомянулъ ея имя среди неясныхъ и безсвязныхъ словъ и стоновъ. Чтобы успокоить его, она взяла его руки за кисти и почувствовала, какъ подъ ея пальцами быстро, но слабо бился его пульсъ.

— Миша... Миша...—умоляюще прошептала она.

Должно быть эти звуки долетѣли до больного, такъ какъ онъ сталъ ихъ повторять безъ конца:

— Миш... миш... миш...

— Боже мой, спаси его, спаси,—забормотала Ольга, обращаясь въ передній уголъ, гдѣ висѣлъ маленькій образокъ въ серебряной ризѣ.

Это бормотаніе неподвижно лежавшаго человѣка производило тяжелое впечатлѣніе. Его красивое покраснѣвшее лицо съ прямымъ, благороднымъ носомъ и мягкими усами иногда своей неподвижностью напоминало маску, и сѣрые глаза казались неживыми.

Ольга разстегнула ему рубашку и поставила термометръ подъ мышку, поддерживая лѣвую руку своей рукой. Термометръ показалъ сорокъ и пять десятыхъ.

Отойдя отъ постели больнаго, дыханіе котораго положительно одуряло ее, она опять стала въ уголъ, сложивъ руки на груди и не сводя глазъ съ его красивой, неподвижно покоившейся на подушкѣ головы. Долго она стояла такъ въ состояніи, близкомъ къ оцѣпенѣнію, но мысль о томъ, что онъ можетъ умереть, почти не умѣщалась въ ея умѣ: такъ чудовищно огромной и нелѣпой казалась она. Наконецъ, не самъ ли онъ даже въ послѣднюю минуту сознанья былъ увѣренъ, что не умретъ отъ тифа. И среди другихъ дока-

зательствъ, что онъ не умретъ, послѣднее имѣло такую силу, что почти успокоило Ольгу. Выйдя изъ своего оцѣпенѣнія, она стала ходить взадъ и впередъ, каждый разъ взглядывая въ лицо больного и прислушиваясь иногда къ его шопоту.

Тотъ все бормоталъ монотонно безсвязные звуки, похожіе на одно длинное таинственное слово и только разъ вполнѣ отчетливо и громко выговорилъ слово, „овчина“ — и сталъ отбиваться руками отъ чего-то, какъ бы грозившаго его накрыть и задушить.

Ольга опять взяла его за руки и стала успокаивать.

Такъ проходила минута за минутой и часъ за часомъ. Она нѣсколько разъ давала ему пить и нѣсколько разъ ставила градусникъ, который все время показывалъ сорокъ и пять десятыхъ. И каждый разъ послѣ этого, не допуская и мысли о его смерти, она обращалась въ передній уголъ и бормотала все одно и то-же:

— Боже мой, спаси... спаси его.

Ровныя движенія взадъ и впередъ успокаивали и даже гипнотизировали ее настолько, что она забывала объ Останковѣ и страшно ясно представляла себѣ послѣднія минуты своего отца. Но неожиданно громко вырывавшіяся у больного восклицанія заставляли ее вздрагивать и снова погружаться въ дѣйствительность.

Она не чувствовала ни малѣйшей усталости, только съ головы до ногъ разливались порою холодныя струи, и тогда она особенно внимательно всматривалась въ остеклянѣвшіе глаза больного и вслушивалась въ его шопотъ:

— Пить... пить,—отчетливо донеслось до ея слуха.

Она взглянула на больного, но онъ въ это время бормоталъ что-то другое. Звуки повторились: это снаружи свистѣла птичка.

— Неужели уже утро?

Она отвела рукою занавѣску и взглянула въ окно.

Начинало разсвѣтать... Звѣзды еще дрожали въ небѣ, но край горизонта на востокѣ былъ уже подчеркнутъ розовой полосой. Деревья призрачно рисовались во мракѣ, и среди нихъ птичка, первая почуявшая близость утра, монотонно высвистывала свою пѣсенку.

Скоро долженъ былъ начаться день, а съ нимъ обычная жизнь. Пріѣдетъ Кургановъ. Войдутъ сюда другіе люди.

И Ольгѣ стало тяжко при этой мысли. Она бы все сдѣлала сама, чтобы только никого къ нему не подпускать, чтобы скорѣе вернуть его къ прежнему состоянію, увидѣть его улыбку, услышать голосъ. Особенно почему-то ей не хотѣлось видѣть Курганова, хотя Останковъ именно его-то и про-

силъ къ себѣ передъ тѣмъ, какъ потерялъ сознаніе. Но что-же сдѣлаетъ Кургановъ съ своей слѣпой наукой, если не можетъ помочь даже ея любовь. И что такое Кургановъ, какъ не простой человѣкъ въ то время, какъ Останковъ казался ей въ эту минуту какимъ-то загадочнымъ существомъ, пріобщеннымъ къ другому міру, недоступному людямъ, находящимся въ ясномъ сознаніи, такъ что шумъ пробуждающагося дня звучалъ для него чѣмъ-то оскорбительнымъ и низкимъ.

Кургановъ пріѣхалъ уже на восходѣ солнца. Ольга видѣла, какъ лошадь его, усталая и потная, пробѣжала мимо окна. Скоро голосъ его послышался въ сѣняхъ, затѣмъ умолкъ. Онъ не входилъ минутъ пятнадцать, и это, съ одной стороны, радовало, съ другой стороны, обижало ее, какъ невниманіе къ Останкову. Потомъ послышались сразу три голоса: очевидно, онъ приказалъ разбудить хозяевъ и прежде всего разпрашивалъ ихъ, можетъ быть, потому, что плохо довѣрялъ Ольгѣ.

Въ комнату вошелъ онъ, стуча сапогами, не сдерживая своей тяжеловатой походки, что также оскорбляло Ольгу. На немъ былъ надѣтъ бѣлый балахонъ, и этотъ балахонъ сообщалъ какую-то особенную внушительность его виду. Лицо было блѣдно, брови нахмурены.

Онъ быстро, но пристально взглянулъ на Останкова и, поздоровавшись съ Ольгой, отрывисто спросилъ ее:

— Вы всю ночь пробыли съ больнымъ?

— Да, конечно...

— И днемъ ѣздили съ нимъ въ Ивановку?

— Да.

— И, разумѣется, при васъ онъ не принималъ никакихъ особенныхъ мѣръ предосторожности!..

Ольга вспыхнула и ничего не отвѣтила. Ей показался неумѣстнымъ этотъ вопросъ, предложенный въ такой формѣ.

— Когда онъ былъ тамъ передъ этимъ?

— Дня за два,—холодно отвѣтила Ольга.

Онъ подошелъ къ больному и, всматриваясь въ его лицо, продолжалъ разспрашивать Ольгу, какъ съ нимъ началась болѣзнь, не чувствовалъ ли онъ раньше ея приступовъ, не жаловался ли на головную боль, на угнетенное состояніе духа, на жаръ?

Онъ обращался къ ней тономъ допроса. Она покорно отвѣчала и, когда говорила о припадкѣ Останкова, ей ужасно хотѣлось разсказать Курганову, съ чего начался припадокъ и въ чемъ онъ выразился. Но она только упомянула, что

онъ взволновался изъ-за обстоятельства, которое ей кажется нелѣпымъ.

Кургановъ испытующе взглянулъ на нее, но она уже сообщала ему дальше, что и въ Ивановкѣ Останковъ пришелъ въ крайнее раздраженіе по самому незначительному поводу.

Кургановъ взялъ руку больного, теперь спокойно свѣсившуюся съ одѣяла, и сталъ считать пульсъ. Рука была сухая и горячая. Пульсъ слабый и частый. Онъ насчиталъ сто пятнадцать ударовъ въ минуту. Затѣмъ осмотрѣлъ ротъ, глаза, носъ. Все было воспалено и сухо. Зрачки глазъ съужены, и правый казался больше лѣваго.

— У него сыпной тифъ?—спросила Ольга.

— Вѣроятно. Почти навѣрное... Разъ жаръ начался сразу. Приходилъ онъ ночью въ сознаніе?

— Нѣтъ.

— А температура?..

Ольга сказала.

Кургановъ снова поставилъ ему термометръ, а самъ опустился на колѣни передъ больнымъ и сталъ слушать его сердце, прильнувъ своей большой, волосатой головой къ груди Останкова. Кожа на груди была горяча, и отъ нея исходилъ затхлый запахъ.

Ольга впилась въ лицо Курганова глазами, стараясь прочесть отвѣтъ на вопросъ, который для Останкова былъ теперь роковымъ, но Кургановъ какъ будто зналъ это; лицо его было сосредоточенно и ничего не выражало, кромѣ усиленнаго вниманія.

Окончивъ выслушивать, онъ даже не взглянулъ на Ольгу, а, обратясь къ больному, громко произнесъ:

— Останковъ!

Тотъ по прежнему лежалъ вверхъ лицомъ. Лицо пылало, какъ въ огнѣ, и было таинственно и строго. И особенную строгость этому лицу придавалъ прямой носъ, сухія отверстія котораго, казалось, смотрѣли.

Кургановъ наклонился почти къ самому уху больного и еще громче повторилъ:

— Останковъ!..

Тотъ моргнулъ нѣсколько разъ и слегка шевельнулъ бровями. Затѣмъ, не поворачивая головы, едва замѣтно скосилъ глаза въ сторону.

— Ну, что, товарищъ?

Губы Останкова чуть-чуть зашевелились и больше угадывалось, чѣмъ слышалось, какъ онъ прошепталъ:

— Пить...

Ольга подала ему стаканъ съ водою, въ который Курга-

новъ налилъ коньяку. Больной жадно глоталъ питье, закрывъ глаза отъ наслажденія, и, когда перестали его поить, онъ все еще лежалъ съ закрытыми глазами, дыша тяжело и прерывисто.

— Уснулъ,—прошепталъ Кургановъ и, посмотрѣвъ на термометръ, упавшій на одинъ градусъ, далъ знакъ Ольгѣ, чтобы она слѣдовала за нимъ, и вышелъ.

Тщательно умывшись и продезинфецировавъ платье на дворѣ, Кургановъ приказалъ Ольгѣ пойти переодѣться, а самъ пошелъ къ Рязанцеву, гдѣ уже сидѣла, только что пріѣхавшая, сестра Есипова, которую замѣнила учительница мѣстной школы.

— Ну, что?—обратились всѣ въ одинъ голосъ къ Курганову.

— Скверно,—отвѣтилъ тотъ,—форменный typhus exanthematicus, т. е. пятнистый тифъ, но это еще не все: бѣда въ томъ, что у него не въ порядкѣ сердце.

Марья Николаевна съ испугомъ взглянула на Курганова.

— Такъ неужели онъ... какъ Рылѣевъ?..

Но мужъ перебилъ ее:

— Вотъ не люблю бабьей манеры заглядывать впередъ.

Есипова поджала губы и покачала головою.

— Вчера только видѣла его и, кажется, былъ здоровъ. Швахъ...

— Да жалко, жалко,—закрывъ лѣвой рукой глаза и морщась, какъ отъ боли, пробормоталъ Кургановъ и долго простоялъ такъ, съ плотно стиснутыми зубами.

— Что-жъ теперь дѣлать?—обратилась къ нему Марья Николаевна.

— Ничего... То есть почти ничего. Медицина ровно ни черта не знаетъ въ этомъ случаѣ. Прежде всего надо вамъ оградить себя отъ зараженія. У васъ бываетъ народъ, и сами вы по службѣ ѣздите всюду,—обратился онъ къ Рязанцеву:— сантименты нужно оставить въ сторонѣ. Да и потомъ ваше присутствіе мало принесетъ ему пользы. Наталья Петровна и одна справится.

— Ну, а какъ же съ ней?—быстро спросила Марья Николаевна, видя приближающуюся къ нимъ Ольгу.

— Я самъ съ ней поговорю.

Ольга переодѣлась въ то самое сѣрое платье, въ которомъ была еще такъ недавно при встрѣчѣ съ Останковымъ на югѣ. Внутреннее чувство заставило ее избѣжать траура.

Марья Николаевна не могла сдержать себя и неожиданно поцѣловала ее съ особенной нѣжностью. Рязанцевъ также крѣпко пожалъ ей руку.

— Извините, господа,—сдѣлалъ имъ суровое замѣчаніе

Кургановъ.—Я бы попросилъ васъ оставить нѣжности, ограничиваться только поклонами и... вообще... по возможности совершенно разобщиться на нѣкоторое время, если Ольга Васильевна непремѣнно хочетъ быть около больного.

— Да, да...—поспѣшила отозваться Ольга, нисколько не обидѣвшись этимъ замѣчаніемъ и не удостоивъ вниманія послѣднія слова Курганова.—Я даже думаю, что самое лучшее намъ совсѣмъ прервать покуда всякое сообщеніе.

— Оставить васъ одну?—это невозможно!—запротестовали Рязанцевы, но Кургановъ остановилъ ихъ:

— Иначе я принужденъ буду отвезти его въ городъ, или поселить его по близости, хотя бы на его квартирѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ... у насъ все-же ему будетъ удобнѣе...

— Ну-съ, а я направляюсь туда,—сказала сестра и, кивнувъ всѣмъ головою, вышла.

Рязанцеву тоже нужно было ѣхать, и они всѣ вышли изъ комнаты съ тяжелымъ чувствомъ угнетенія и грусти.

Утро было ясное, солнечное. Съ села доносился жидкій и радостный звонъ колоколовъ. Трава пахла ароматной, весенней свѣжестью и росою. Капли росы уцѣлѣли еще въ желтыхъ одуванчикахъ, и въ нихъ сверкали солнечные лучи. Птицы щебетали и пѣли наперебой. Гдѣ-то далеко заливисто ржалъ жеребенокъ, а на дворѣ торжествующе кудахтала курица, снесшая яйцо.

Около плетенки съ парой лошадей, покрикивая на нихъ, возился кучеръ, и земскій устраивалъ себѣ сидѣнье.

Марья Николаевна взяла руку Ольги, пожала ее и направилась къ мужу, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вернулась и взволнованно, со слезами обратилась къ ней:

— Милая, ради Бога, берегите себя. Отговаривать васъ я не стану,—она искоса взглянула на Курганова,—и не надо этого, а беречь себя надо... Мы не одни на свѣтѣ.

— Спасибо вамъ,—поблагодарила ее Ольга.

— А видѣться мы, конечно, съ вами станемъ... Я не деревяшка... Голубчикъ, Илья Матвѣичъ, мы будемъ осторожны,—умоляюще обратилась она къ Курганову.—Это даже лучше для Ольги Васильевны: тогда она уже навѣрное будетъ больше беречь себя, а тамъ, что Богъ дастъ.

Рязанцевъ подождалъ, пока жена подойдетъ къ нему. Онъ громко отвѣтилъ на ея слова:

— Да, хорошо. Не забуду.

И лошади бодро понеслись по дорогѣ, разливая среди всѣхъ утреннихъ звуковъ однообразный звонъ бубенцовъ.

Кургановъ взглянулъ въ лицо Ольги, поблѣднѣвшее и даже нѣсколько осунувшееся за ночь, но странно спокойное

и сосредоточенное, и въ глазахъ его прошла глубокая затаенная тоска.

Онъ покрутилъ бороду и, сдѣлавъ надъ собою нѣкоторое усиліе, сказалъ:

— Вы не очень утомлены, Ольга Васильевна?..

Она подняла на него глаза и отвѣтила:

— Нѣтъ, не очень...

— Я, впрочемъ, васъ не задержу. Пройдемтесь!

— Хорошо.

Она пошла рядомъ съ нимъ по знакомой уже дорогѣ.

Кургановъ нѣкоторое время шелъ молча, понуривъ голову, машинально сбивая носкомъ сапога листики подорожника на пути.

Бубенчики Рязанцева звенѣли все дальше и дальше. Утро разгоралось, и голоса его росли и множились.

Послѣ ночи, проведенной у больного, Ольгѣ весь этотъ шумъ казался совсѣмъ изъ другого, не настоящаго міра. Настоящій былъ тамъ, около постели дорогого человѣка, и, куда бы она ни смотрѣла, вездѣ видѣла одно и то-же красивое лицо съ спутавшимися на лбу бѣлокурыми волосами и высохшими губами, бормотавшими непонятныя слова.

Сорвавъ молодой листикъ съ придорожнаго дерева, Кургановъ сталъ обкусывать его. Затѣмъ захватилъ съ другого дерева цѣлую горсть такихъ листьевъ, смялъ ихъ въ рукѣ, понюхалъ, бросилъ и заговорилъ:

— Ольга Васильевна! Я знаю—все, что я сейчасъ скажу, покажется вамъ мелочами... Я понимаю это... Но Марья Николаевна сказала хорошія слова: „Мы не одни на свѣтѣ“.

Онъ помолчалъ немного, ожидая отъ нея возраженія, но она даже не взглянула на него.

— Меня самого... Я не могу вамъ выразить, какъ потрясла меня эта неожиданная болѣзнь. Видите-ли... Я перешелъ совсѣмъ на другое... Я тоже хотѣлъ просить, умолять васъ беречь себя, потому что ваша жизнь нужна для сотенъ, для тысячъ людей... Но все это не то, не важно теперь... Я не могу не высказаться передъ вами... именно передъ вами, потому что не знаю, будетъ ли онъ когда-нибудь въ состояніи выслушать меня.

— Онъ умретъ?—остановившись и поблѣднѣвъ, спросила Ольга такимъ голосомъ, что Кургановъ поблѣднѣлъ.

— Не знаю... Но какъ бы я хотѣлъ... какъ бы я хотѣлъ, чтобы онъ остался живъ!.. Чтобы онъ не унесъ то чувство, которое я самъ поднялъ въ немъ... Видите ли, я былъ несправедливъ къ нему. Это не мелочь... Страшно несправедливъ... Не неправъ,—а именно несправедливъ, и я каюсь въ этомъ. Каюсь и хочу, чтобы вы за него протянули мнѣ руку.

Вамъ, конечно, не до того теперь, но вы должны понять это,—лихорадочно продолжалъ онъ, точно боясь, что она не дастъ ему высказаться, отвернется, уйдетъ или не захочетъ вникнуть въ его слова.

— Видите-ли, это не личность. Останковъ искалъ со мною близости. Я видѣлъ, чувствовалъ это и постоянно сторонился, даже отталкивалъ его. Быть можетъ, я былъ правъ, когда дѣлалъ это тамъ, но здѣсь я не долженъ былъ поступать такъ. Это бѣдствіе народное, на помощь которому мы пришли оба, быть можетъ по разному, но съ чистыми сердцами, оно должно было разбить стѣну между нами. Понимаете, не между мною и имъ, а между нами. Я былъ несправедливъ, но прошло тридцать лѣтъ, всего тридцать лѣтъ, какъ мы для нихъ перестали быть вещью, которую можно было продать, вымѣнять на собаку. И вотъ... и вотъ къ чему привело все это!

Онъ порывистымъ жестомъ указалъ на деревню и на поля вокругъ и продолжалъ, останавливаясь и дрожа отъ охватившаго его волненія:

— Рабство придавило людей, отняло у нихъ волю, смѣлость, они боятся разогнуть спину, боятся расправить окостенѣвшіе члены. Это мнѣ трудно забыть, потому что я самъ ношу въ себѣ душу этихъ деревень, этой земли, прожжонной крестьянскими слезами. Это трудно забыть, но это пора было забыть, потому что на этой землѣ мы встрѣтились уже не какъ два врага, не какъ господинъ и рабъ, а какъ два брата. Я понялъ это тогда же, когда увидѣлъ его здѣсь, но все ждалъ... ждалъ какого-то искупленія, а оно ужъ пришло давно. Мнѣ давно уже слѣдовало назвать его своимъ братомъ, а я все еще медлилъ и мстилъ. Мнѣ все еще казалось мало, не доставало еще капли... одной капли, но я не хотѣлъ... я не хотѣлъ, чтобы это была капля его крови!..—выкрикнулъ Кургановъ.—Разрѣшите же мнѣ мою тяготу. Станьте посредницей между нами, и вы сдѣлаете великое дѣло, которое иначе можетъ опять затянуться.

Каждое слово Курганова звучало для нея прежде всего, какъ похоронный звонъ Останкову. Она все еще не могла примириться съ тѣмъ, что онъ умретъ. Два такихъ удара подрядъ—это слишкомъ страшное испытаніе, для котораго нужно имѣть наковальню вмѣсто сердца. Видя протянутыя къ ней, какъ за подаяніемъ, руки Курганова, она подала ему свою руку, но тутъ же не выдержала и разрыдалась, повторяя сквозь слезы:

— Неужели онъ умретъ?.. Неужели онъ умретъ?

Курганову стало страшно жаль ее, и онъ почти раскаивался, что такъ не во-время вырвалась у него эта исповѣдь.

Прислонясь къ дереву и обнявъ его, Ольга долго вздрагивала отъ рыданій, а онъ растерянно смотрѣлъ на нее и не зналъ, какъ утѣшить ее. Да это было и безполезно.

Слезы облегчили душу Ольги, и сквозь ея невыразимое горе занималась новая заря, въ которой не было, можетъ быть, надежды на личное счастье, но за то свѣтилось тихое обѣщаніе новой жизни, новаго будущаго.

VI.

Когда Кургановъ окликалъ Останкова, онъ полагалъ, что тотъ былъ въ безсознательномъ состояніи. Но какъ разъ передъ этимъ больной очнулся и увидѣлъ его, какъ во снѣ и совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ зналъ Курганова всегда: черты были тѣ же самыя, но онѣ какъ будто утратили то, что Останкову было въ нихъ непріятно, и, кромѣ того, казались такъ воздушны, что больной боялся дышать, чтобы онѣ не разлетѣлись и не слились во что-нибудь безформенное. Онъ слышалъ, какъ Кургановъ что-то говорилъ ему, но за шумомъ и гудѣніемъ, раздававшимися въ ушахъ, разобрать ничего было нельзя. Да больному это не казалось важнымъ. Гораздо важнѣе было утолить жажду, уничтожить ту липкость на языкѣ и въ горлѣ, отъ которой весь ротъ казался вымазаннымъ горячимъ тѣстомъ. Онъ хотѣлъ пить всѣмъ существомъ своимъ, и ему представлялось, что онъ можетъ пить безъ конца и, когда напьется, сразу уничтожитъ ту тяжесть, которая давитъ его голову.

Когда Ольга поднесла ему стаканъ къ губамъ, онъ узналъ ее, а то, что она стояла рядомъ съ Кургановымъ, непонятно его обрадовало. Онъ жадно пилъ воду, закрывъ глаза частью оттого, что какія-то искорки, выскакивавшія изнутри, кололи ему глаза, и свѣтъ дня былъ ему непріятенъ. Онъ мысленно улыбался, слыша, какъ они говорятъ, что онъ уснулъ. У него даже мелькнула мысль, что хорошо бы сейчасъ вскочить съ постели, весело расхохотаться, а затѣмъ разсказать имъ свой нелѣпый, навязчивый сонъ, который преслѣдовалъ его своими безсвязными образами.

Не смотря на свои физическія страданія, головную боль и тяжесть во всемъ тѣлѣ, онъ былъ тихъ и ясенъ душою, какъ никогда, какъ будто въ немъ было два существа: одно страдало, а другое погрузилось въ какую-то глубокую нирвану и, ни о чемъ не жалѣя, ничего не страшась, видѣло и прошлое, и настоящее въ свѣтѣ, лишенномъ всякой страстности. Онъ видѣлъ себя, начиная съ дѣтскихъ дней, и жизнь его сама собою раскалывалась на двѣ части: оду до пріѣздна

сюда, и другую—здѣсь. Первая казалась ему однимъ моментомъ, не смотря на то, что это была почти вся его жизнь, вторая, наоборотъ, представлялась большой и значительной. Передъ величіемъ этой второй жизни, сливавшей его съ чѣмъ-то высшимъ, что есть на землѣ, все тамъ, позади было несоизмѣримо, и даже любовь къ Ольгѣ потонула въ сіяніи новой жизни. Онъ слышалъ, какъ Кургановъ крикнулъ ему надъ самымъ ухомъ: „Останковъ", но было странно, что его звали Останковъ, почему не Кургановъ, не Рылѣевъ, вообще дико, что его звали какимъ-то именемъ...

Когда онъ открылъ глаза, надъ нимъ опять бѣлѣлъ потолокъ и въ немъ, вылѣпленная изъ гипса, розетка. Потолокъ сталъ покачиваться, раздвигаться съ страшной быстротою и скоро превратился въ безконечную бѣлую пустыню, а розетка стала углубляться на подобіе воронки и оттуда сначала появился длинный, длинный кивающій палецъ, а потомъ показалась и знакомая фигура съ опухшимъ лицомъ и ощеленными кровавыми деснами. За нею другая, третья, четвертая... Онѣ покачивались, кивали пальцами, звенѣли и пѣли стройнымъ, красивымъ хоромъ. И Останковъ былъ среди нихъ, попрежнему жалкій и маленькій, но въ этомъ для него теперь уже не было ничего страшнаго. Опять среди этихъ лицъ мелькнуло лицо Ольги близко, близко надъ нимъ. Онъ улыбнулся ей, хотѣлъ что-то сказать, но облако или какая-то крутящаяся снѣжная пелена затянула это лицо, и оно исчезло.

Останковъ снова впалъ въ безсознательное состояніе и больше уже не приходилъ въ себя.

Послѣ бесѣды съ Ольгой, Кургановъ поѣхалъ по своему и останковскому участку, который взялъ въ свои руки до прибытія новаго доктора. Однако, не смотря на всю эту работу, онъ обѣщалъ пріѣзжать ежедневно и сдержалъ свое обѣщаніе. На четвертый день у больного высыпала на тѣлѣ частая, розовая сыпь, температура доходила до сорока двухъ градусовъ, а пульсъ до ста двадцати пяти. Онъ страшно измѣнился. Носъ какъ-то высохъ и сталъ длиннѣе. Запекшіяся губы потрескались. Отросла борода, глаза стали еще стеклянистѣе и косили. Онъ почти ничего не ѣлъ, съ отвращеніемъ выплевывая пищу, за то пилъ всегда съ жадностью.

Не смотря на присутствіе Есиповой, почти всегда веселой и подвижной, съ мальчишескимъ лицомъ и фигурой, Ольга почти не отходила отъ больного, и той чуть не силой приходилось уводить ее и заставлять ѣсть, пить, спать.

Такъ прошла цѣлая недѣля, но для Ольги теперь не существовало времени, ничего, кромѣ этого краснаго, исхудавшаго лица и стеклянистыхъ глазъ. Каждый день то Кургановъ, то Есипова, то Рязанцевы разсказывали ей разныя новости о деревенской жизни. Ольга съ ними бесѣдовала и о томъ, что цынга и тифъ теперь, слава Богу, уменьшаются, но что у Алексѣевскихъ крестьянъ вѣтры замели пескомъ озими, а у Вязовскихъ озими совсѣмъ не взошли... Ольга даже улыбалась разсказамъ Рязанцева, въ которыхъ всегда встрѣчала что-нибудь смѣшное. Но лишь только разговоры прекращались, ей достаточно было взглянуть на Останкова, чтобы забыть все сразу и думать только о немъ одномъ.

Во вторникъ, на Ѳоминой, погода вдругъ сильно перемѣнилась. Съ утра дулъ холодный, непривѣтливый вѣтеръ, а послѣ обѣда выпалъ градъ, который привелъ всѣхъ въ ужасъ.

Кургановъ пріѣхалъ подъ вечеръ утомленный, иззябшій. Онъ хотѣлъ только взглянуть на больного и ѣхать дальше, хотя Рязанцевы удерживали его, но, выйдя отъ Останкова, неожиданно заявилъ, что не поѣдетъ и ночуетъ здѣсь.

Въ эту ночь очередь дежурить была Есиповой. Но Ольгѣ почуялось что-то недоброе въ поступкѣ Курганова, нелюбившаго измѣнять своихъ рѣшеній, и особенно въ томъ, что онъ обмѣнялся съ Есиповой нѣсколькими фразами потихоньку отъ Ольги. Ольга и сама не надѣялась, что Останковъ выздоровѣетъ, но по ея разсчету кризисъ долженъ былъ наступить черезъ недѣлю или дней черезъ десять, а это время растягивалось для нея въ цѣлую вѣчность. Она старалась припомнить, не случилось ли чего-нибудь съ больнымъ со вчерашняго дня, но все шло такъ же, какъ и раньше: онъ былъ безъ сознанія, бредилъ по ночамъ и дремалъ днемъ. Только бредъ его въ минувшую ночь былъ слабѣе, и рука, исхудавшая и точно удлинившаяся, безпокойнѣе перебирала одѣяло.

Часовъ до девяти вечера Ольга сидѣла около больного. Пришли Кургановъ и Есипова.

— Шляфенъ, майнъ киндъ, шляфенъ... — обратилась къ ней Есипова съ своей мальчишеской манерой.

— Я останусь здѣсь,—отвѣтила Ольга.

— Что? Какъ останетесь?.. Нынче моя очередь...

— Все равно. Я не хочу спать.

— Не угодно-ли!—развела руками Есипова, — Илья Матвѣичъ! Васъ истъ дасъ?

Кургановъ, обращавшійся съ Ольгой какъ-то неестественно холодно со времени ихъ недавняго разговора, только пожалъ плечами.

— Это дезордръ! — возмущалась Есипова, особенно некстати на этотъ разъ злоупотреблявшая своими иностранными словами.—Нѣтъ, серьезно, вы должны идти спать. Вы прошлую ночь напролетъ не спали, да эту тоже. Взгляните на себя, какой у васъ портретъ.

— Я останусь,—повторила Ольга.

— Илья Матвѣичъ! Что же это такое?

Кургановъ стоялъ, отвернувшись къ окну, отъ котораго даже сквозь стекла тянуло холодомъ. И на этотъ разъ онъ не выдержалъ, подошелъ къ Ольгѣ и сказалъ, не глядя на нее:

— Я прошу васъ, Ольга Васильевна, идти къ себѣ и отдохнуть. Завтра вамъ нужны будутъ силы.

Есипова засунула руки въ карманы балахона, стала на мѣсто Курганова и забарабанила пальцами по стеклу.

Вмѣсто отвѣта Ольга сѣла на стулъ и, опершись о колѣни локтями, опустила на руки голову. Ей часто приходилось и прежде, какъ выражалась Есипова, торговаться относительно дежурства. Но сейчасъ эта сцена казалась Ольгѣ неприличной, и она рѣшила даже не отвѣчать на дальнѣйшіе уговоры.

Они почувствовали также безплодность уговоровъ и, переглянувшись, уступили ей. Кургановъ отвелъ Есипову въ сторону, что-то тихо сказалъ ей и ушелъ въ свою комнату.

Ольга и Есипова остались однѣ.

Стоя у изголовья больного, Есипова долго смотрѣла изъ угла на Ольгу, потомъ перевела глаза на больного, оправила подушку подъ его головой и, снова заложивъ руки въ карманы балахона и поднявъ узкія, дѣтскія плечи, большими шагами стала ходить изъ угла въ уголъ въ своихъ мягкихъ войлочныхъ туфляхъ.

Вмѣстѣ съ нею ходила ея тѣнь, то видимая только до половины въ темномъ углу, то сразу выростая вся на освѣщенной стѣнѣ, переламываясь отъ пола какъ разъ по таліи. Лампа подъ зеленымъ абажуромъ освѣщала бѣлокурую голову Ольги, чернильницу съ торчащимъ изъ нея перомъ и графинъ, налитый водою до половины.

Въ комнатѣ было тихо, но за окномъ шумѣлъ вѣтеръ, и что-то постукивало то у одного, то у другого окна. Иногда стукъ лихорадочно раздавался на крышѣ, какъ будто кто-то пробѣгалъ по ней маленькими, быстрыми ножками, а когда вѣтеръ затихалъ на минуту, слухъ тревожно напрягался, и, казалось, что кто-то вотъ-вотъ войдетъ сейчасъ, усталый, печальный и блѣдный.

Пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, искоса взгляды-

вая на Ольгу, Есипова, наконецъ, подошла къ ней сбоку и положила ей сначала руку на плечо, а потомъ стала нѣжно гладить ея густые, шелковистые, бѣлокурые волосы.

Ольга не выдержала и, прижавшись къ ней головою, стала тихо плакать.

— Дѣтка моя, дѣтка,—зашептала надъ нею дѣвушка.— Бѣдная моя... родная... Жалко мнѣ васъ... жалко... Но не надо плакать... не надо...

Она была врядъ-ли старше Ольги, но въ ея тонѣ слышалась грустная ласка матери или старшей сестры, и лицо ея, худенькое и веснущатое, съ большимъ печальнымъ ртомъ и сѣрыми глазами, какъ-будто также постарѣло въ эту минуту.

Вѣтеръ налетѣлъ порывомъ, стукнулъ чѣмъ-то, бросилъ въ окно дождемъ и самъ улетѣлъ дальше, а дождь зашуршалъ по стекламъ, и въ комнатѣ казалось, что снаружи кто-то царапается въ окна.

Есипова сѣла на ручку кресла, въ которомъ сидѣла Ольга, обняла ее, и та еще сильнѣе прильнула къ ней, вздрагивая отъ тихихъ рыданій, которыхъ не удерживала.

— Плачь, моя дѣтка... плачь, — незамѣтно переходя на „*ты*“, продолжала Есипова особенно ласковымъ и проникновеннымъ голосомъ.—Я тоже плакала, какъ ты... у меня умеръ братъ... умеръ въ тюрьмѣ, и я даже не могла закрыть ему глазъ. Но когда я пріѣхала сюда, я нашла здѣсь много умирающихъ братьевъ и сестеръ, живущихъ въ еще болѣе ужасной тюрьмѣ. Надъ ними даже издали некому было плакать, и то горе, мое горе, научило меня любить и жалѣть ихъ, какъ надо.

Она говорила тихо и ровно, безъ паѳоса, не повышая голоса, но въ ея простыхъ словахъ было что-то вдохновенно ясное, врачующее, и въ голосѣ ея слышалась твердость и сила, которую трудно было предполагать въ этой хрупкой и слабой фигурѣ. Изъ ея большихъ, сѣрыхъ глазъ, которые стали какъ-будто еще больше, лился какой-то радостный свѣтъ, и Ольга была поражена, какъ вдругъ преобразилась передъ нею и выросла эта, всегда улыбающаяся и часто прибѣгающая для шутки къ иностраннымъ словамъ дѣвушка съ мальчишескими ухватками.

Но все же Ольга не могла удержать своихъ рыданій и еще долго всхлипывала и прижималась къ намокшему отъ ея слезъ балахону.

Наконецъ, утомленная плачемъ и долгой безсонницей, она закрыла глаза и задремала, и ей приснилось что-то тихое и успокаивающее.

Вѣрно она проспала бы такъ до утра, если бы ее вдругъ не разбудилъ голосъ, ясно и твердо произнесшій:

— Ольга!

Прежде чѣмъ, проснувшись, она открыла глаза, ей показалось, что кто-то, бѣлый и холодный, дунулъ ей въ лицо.

Ольга вскочила съ кресла и, взглянувъ на Останкова, онѣмѣла отъ ужаса.

Откинувъ голову и вытянувшись во весь ростъ, такъ что голые пальцы ноги его выступили изъ-подъ одѣяла, Останковъ неподвижно лежалъ въ кровати. Кургановъ въ бѣломъ балахонѣ, стоя бокомъ къ Ольгѣ, держалъ его руку, Есипова большими печальными глазами смотрѣла на Ольгу и вдругъ быстро направилась къ ней, видя, что та покачнулась и готова упасть.

Когда хоронили Останкова, день былъ холодный и сѣрый. Дулъ сильный вѣтеръ, и облака неслись по небу, какъ скомканная грязная парусина. Солнце только изрѣдка, перламутровымъ пятномъ, просвѣчивало сквозь мутный пологъ, и на всемъ, на землѣ, деревьяхъ и даже людяхъ лежалъ тусклый, холодный тонъ. И птицы какъ-то пріумолкли, только жаворонки продолжали звенѣть въ небѣ, не вѣря этому случайному ненастью.

По настоянію Ольги, похоронить Останкова рѣшили на Филипповскомъ кладбищѣ, гдѣ хоронили всѣхъ крестьянъ, а не въ церковной оградѣ, какъ предлагалъ Рязанцевъ и священникъ, тотъ самый старичокъ, который служилъ пасхальную заутреню.

Останковъ лежалъ въ простомъ сосновомъ гробу среди церкви. Народу было въ церкви мало: здоровые были на работахъ, больные лежали по избамъ и больничкамъ. Изъ знакомыхъ умершаго, кромѣ Рязанцевыхъ, Курганова, Ольги и Есиповой, былъ только одинъ земскій врачъ.

Въ церкви тоже было сѣро, уныло и холодно. Пахло ладономъ, деревяннымъ масломъ, воскомъ и сухими травами, и къ этимъ запахамъ примѣшивался запахъ карболки, все еще исходившій отъ платья умершаго и отъ тѣхъ, которые пришли съ нимъ.

Ольга стояла въ углу церкви, далеко отъ гроба, около свѣчной. Она была совсѣмъ въ тѣни, и сама походила на тѣнь, неподвижная, въ черномъ траурномъ платьѣ. Никто не нарушалъ ея печали, никто не приставалъ къ ней съ утѣшеніями или вздохами.

Она стояла оцѣпенѣлая отъ тяготившей ее скорби и не слышала ни того, что говорилъ священникъ, ни того, что пѣли пѣвчіе. Ея душа вся разсѣивалась около гроба,

горя и тая возлѣ него, какъ воскъ свѣчи, пламя которой колебалось отъ каждаго движенія священнической ризы. Въ непонятномъ туманѣ видѣла она знакомыя лица, то заплаканныя, какъ у Марьи Николаевны и сестры, то сосредоточенно важныя, какъ у Курганова и Рязанцева.

Когда служба кончилась, всѣ стали подходить къ гробу и прощаться съ покойникомъ, кланяясь ему и подолгу останавливая на немъ свой взглядъ. И странно,—лицо каждаго подходившаго въ это время хоть на мгновеніе походило на лицо покойника. И она пошла за всѣми, и также взглянула въ его лицо, взглянула и вздрогнула: лицо мало было похоже на лицо того Останкова, котораго она знала, но это лицо было еще дороже и ближе ей, чѣмъ живое, какъ-будто она прежде любила въ немъ именно это лицо, полное строгой печали и спокойствія, угадывая его за чертами, всегда оживленными и озаренными разнообразными чувствами.

И чѣмъ дальше она смотрѣла въ это лицо, тѣмъ большую связь чувствовала съ нимъ и тѣмъ сильнѣе поднималось въ ней желаніе, еще не вполнѣ скрѣпленное сознаніемъ, но уже властное и непоколебимое, какъ завѣтъ, который она прочла въ этихъ неподвижныхъ чертахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ей сразу припомнились всѣ дни, когда они были вмѣстѣ, все, что имъ приходилось видѣть, разговаривать, чувствовать... Но все это, вмѣстѣ съ свиданіемъ у моря и даже пребываніемъ у его постели, когда онъ умиралъ, все это было незначительно въ сравненіи съ тою нѣмой бесѣдой, которую она вела съ нимъ теперь.

Она все глядѣла на его голову въ гробу, но уже видѣла ее какъ будто внутренними глазами. Гробъ взяли на руки и понесли изъ церкви, а она этого не замѣтила. Чье-то прикосновеніе вывело ее изъ этого оцѣпенѣнія. Ласковый знакомый голосъ говорилъ:

— Пойдемъ, дѣтка моя... пойдемъ.

Ольга очнулась и съ удивленіемъ увидѣла, что гроба уже нѣтъ, и въ глаза ея глядятъ кроткіе, грустные глаза сестры.

— Пойдемъ,—повторила та.

Ольга послушно за нею пошла, и гробъ понесли къ кладбищу. Несли его Кургановъ, Рязанцевъ и два какихъ-то мужика, а земскій врачъ все время держался за краюшекъ гроба.

Небо все также было сѣро, и дулъ вѣтеръ, шевелившій покровъ гроба, неприкрытые волоса несшихъ гробъ и жидкія пушистыя сѣдины священника, шедшаго впереди.

На колокольнѣ печально перезванивали.

До кладбища было недалеко. Оно возвышалось на пригоркѣ, бѣдное и унылое. Но свѣжая трава, пробивавшаяся на могилахъ и даже на дорожкахъ, смягчала суровость его печали. Здѣсь все дышало такимъ миромъ, что даже вѣтеръ какъ будто дулъ тише, и молодыя трогательныя березки, бѣлѣвшія кое-гдѣ стволами, чуть-чуть покачивались, распустивъ свои зелененькіе, клейкіе листочки.

И опять раздался слабый дрожащій голосъ священника расплывавшійся въ воздухѣ, какъ дымъ кадильный, который синѣлъ мгновеніе, а затѣмъ разливался по вѣтру и безслѣдно исчезалъ.

— „Древле убо отъ не сущихъ создавый мя и образомъ Твоимъ Божественнымъ почтый“ — печально говорилъ священникъ слова канона.

Эти слова непонятнымъ образомъ задѣли Ольгу, хотя она едва разслышала ихъ.

— „Паки мя возвративый въ землю, отъ нея же взятъ быхъ, но еже по подобію возведи древлею добротою возобразитися“.

Эти слова влились въ душу Ольги, какъ разрѣшеніе того недоумѣнія, которое томило ее при сравненіи мертваго Останкова съ живымъ. Она скорѣе угадывала, чѣмъ понимала послѣднія слова молитвы, но онѣ вошли въ ея память, и она съ глубокимъ чувствомъ мысленно ихъ повторяла.

Она уже не слышала, что дальше говорилъ священникъ, но ей казалось, что онъ повторяетъ все однѣ и тѣ-же простыя и великія слова, таинственно сливавшіяся не только со смертью Останкова, но и съ этимъ кладбищемъ, полями и деревнями, которыя его окружали, и даже съ этими нѣмыми могилами людей, чтившихъ землю, какъ святыню.

„Паки мя возвративый въ землю, отъ нея же взятъ быхъ, но еже по подобію возведи древлею добротою возобразитися“.

Уже тѣ два мужика, которые помогали нести гробъ, — одинъ высокій, съ льняными волосами и впалой грудью, другой кряжистый, черноволосый и рябой,— стояли наготовѣ, чтобы заколотить гробъ и опустить его въ четырехугольную яму, когда земскій врачъ вопросительнымъ взглядомъ обвелъ всѣхъ и подошелъ къ изголовью.

Исхудавшее лицо его было спокойно. Онъ поклонился гробу и, не сводя съ него глазъ, заговорилъ медленно, глухимъ и строгимъ голосомъ, иногда останавливаясь на словахъ, переводя духъ, откашливаясь:

— Прощай, товарищъ. Немного людей провожаютъ тебя, но среди нихъ нѣтъ никого, кто-бы не склонился передъ твоею кончиною съ благоговѣніемъ и не пожелалъ бы себѣ смерти,

такой же славной и честной. Я только однажды видѣлъ тебя, когда мы ночью стояли на крыльцѣ подъ открытымъ небомъ и разговаривали. Ночь эта была великая, и, когда я говорилъ о Томъ, Кто воскресъ въ эту ночь, и о Его мученіяхъ, я точно чувствовалъ Его близь насъ, благословляющаго тебя своими, снятыми съ креста, пронзенными руками.

Онъ закрылъ глаза, точно собираясь съ духомъ, и также спокойно и внятно закончилъ свою рѣчь:

— Прощай, товарищъ! Мы скоро увидимся съ тобою.

Онъ не заплакалъ и не отошелъ отъ могилы, а все еще продолжалъ стоять передъ нею, когда съ другой стороны подошелъ Кургановъ.

Вѣтеръ налетѣлъ порывомъ, зашевелилъ его волоса и прошелестѣлъ сухою прошлогоднею травою.

Кургановъ долго молчалъ.

Видно было, какъ онъ, кусая губы, старался подавить рыданія, отъ которыхъ дрожали мускулы его широкого, сильнаго лица. Наконецъ, онъ поднялъ голову и почти выкрикнулъ первое слово, глядя не на гробъ, а куда-то вдаль:

— Товарищъ!—Голосъ его прозвучалъ рѣзко и высоко, какъ будто онъ кого-то звалъ издали.

Онъ на минуту остановился и затѣмъ, стиснувъ зубы, съ горящими глазами, продолжалъ, понизивъ тонъ:

— Товарищъ! Не много насъ, провожающихъ тебя. Но за нами стоятъ передъ твоею могилою всѣ эти голодныя, холодныя деревни, къ которымъ пришелъ ты, какъ чужой, и съ которыми породнило тебя ихъ страданіе и горе. Онѣ говорятъ тебѣ не „прощай“, а „здравствуй“. Пусть останется невѣдомо имъ твое имя. Пусть не будутъ знать твоей могилы дѣти и внуки тѣхъ, которымъ ты отдалъ, какъ долгъ свой, все, что можетъ отдать человѣкъ, жизнь свою, душу. Земля, въ которой сгніетъ твое тѣло, не забудетъ тебя, и, какъ вотъ эта трава, пробивающаяся на свѣтъ весною, оживетъ то, что ты отдалъ землѣ, и призоветъ сюда тѣхъ, кто былъ далекъ отъ этихъ, залитыхъ слезами, полей, какъ ты.

— Аминь,—закончилъ его рѣчь священникъ и въ послѣдній разъ поклонился гробу.

А. Ѳедоровъ.

Конецъ.

Введеніе въ изученіе соціальной экономіи.

Г. де Греефа, ректора Новаго Университета и члена корреспондента Королевской Академіи въ Бельгіи. Перев. съ рукописи *Л. С. Закъ*.

I. Опредѣленіе предмета.

А. До-научная экономія.

Чтобы дать опредѣленіе какой-либо идеѣ, нужно установить ея содержаніе и границы, а такъ какъ всякая идея относится къ какому-нибудь объекту, то необходимо опредѣлить содержаніе и границы этого объекта. Только тогда идея, выражая соотношеніе между субъектомъ и объектомъ, становится идеей научной, позитивной. Соціальная экономія представляетъ собою, очевидно, часть науки вообще и въ частности—часть науки, относящейся къ изученію человѣческихъ обществъ, или, еще точнѣе, часть отдѣла соціальной науки, имѣющаго своимъ предметомъ изслѣдованіе и познаніе условій и законовъ жизненныхъ процессовъ питанія обществъ. Эти-то процессы питанія и составляютъ тѣ общія отправленія экономической системы, которыя осуществляются при помощи трехъ спеціальныхъ аппаратовъ, координированныхъ между собою и служащихъ общей цѣли; мы говоримъ объ аппаратахъ обращенія (обмѣнъ и распредѣленіе благъ), потребленія и производства богатствъ. Такимъ образомъ, экономика относится къ соціальной наукѣ, какъ видъ къ роду.

Если мы изслѣдуемъ различныя существующія опредѣленія предмета экономики, то мы констатируемъ эволюцію, идущую почти параллельно съ эволюціей самой соціальной науки. Формулы, въ которыхъ пытались дать опредѣленіе экономикѣ, мѣнялись по мѣрѣ того, какъ содержаніе и границы соціальной науки становились все болѣе и болѣе научными.

Въ первомъ періодѣ, послѣ возникновенія христіанства и установленія католицизма, экономика была поглощена теологіей: ею занимались канонисты, какъ побочнымъ дѣломъ. Потомъ ею

завладѣваютъ юристы и въ ней получаетъ господство метафизическая концепція естественнаго права, произошедшая изъ сочетанія древняго греко-римскаго *jus gentium* съ теологическимъ *jus divinum*. Наконецъ, съ Бодэномъ и Монтескье, укрѣпляется взглядъ на экономику, какъ на особую отрасль политики, подъ которой при этомъ разумѣютъ науку объ управленіи. До этого момента, стало быть, не были еще опредѣлены ни область, ни методъ экономики; она жила еще нераздѣльной жизнью съ другими соціальными науками; единственный результатъ, достигнутый на этой ступени развитія, заключается въ томъ, что она высвободилась сначала изъ теологической оболочки, затѣмъ изъ метафизической и соединилась съ политикой. Что касается этой послѣдней, то она не могла въ то время сложиться во вполнѣ позитивную науку, потому что въ основаніи ея лежитъ прежде всего экономика и въ ней она получаетъ свое объясненіе. Послѣ Локка и Монтескье судьбы политики оказываются поэтому въ зависимости отъ тѣхъ этаповъ эволюціи, которые осталось еще пройти экономикѣ, чтобы стать автономной, основной наукой. Словомъ, пока экономика составляла часть политики, она и сама могла носить только эмпирическій характеръ, быть искусствомъ, но не наукой. Ничѣмъ инымъ, какъ искусствомъ является она у теоретиковъ раздѣленія и равновѣсія властей, равно какъ у теоретиковъ народнаго суверенитета. Въ своемъ *Разсужденіи о Политической Экономіи*, написанномъ для Энциклопедіи, Ж. Ж. Руссо кладетъ въ основаніе политической экономіи *общую волю*—и поступаетъ вполнѣ логично, какъ авторъ теоріи общественнаго договора; но онъ не смотритъ на нее, какъ на науку позитивную и притомъ объективную,—науку, основанную *на природѣ вещей* На его взглядъ право проистекаетъ изъ закона, а законъ получаетъ существованіе отъ законодателя, является результатомъ соглашенія. Всѣ учрежденія, въ томъ числѣ и экономическія, составляютъ продуктъ соглашенія. По этой теоріи, которая въ такой же высокой степени ошибочна, какъ и революціонна, экономія оказывается по существу политической не какъ наука, а какъ искусство, какъ орудіе, служащее абсолютному и неорганизованному народному суверенитету; она слѣдуетъ за эмпирической эволюціей политики вмѣсто того, чтобы надъ нею господствовать и управлять ею.

B. Основатели классической экономіи.

По словамъ Кэрнса *), „писатели, которые больше всего сдѣлали для политической экономіи на первыхъ ступеняхъ ея развитія, мало заботились объ опредѣленіяхъ. Всѣ опредѣленія, ко-

---

*) Le Caractère et la Methode logique de l'Economie politique, trad. franc., page 162. Paris, 1902.

торыя встрѣчаются, напр., въ экономическихъ сочиненіяхъ Тюрго, Адама Смита, Рикардо, можно сосчитать по пальцамъ". Онъ, однако, признаетъ, что хотя всякое опредѣленіе можетъ сдѣлаться препятствіемъ къ прогрессу науки, тѣмъ не менѣе, оно необходимо, но при условіи, чтобы всегда помнили, что всякое опредѣленіе имѣетъ временное значеніе и способно къ движенію впередъ.

Физіократы,—насколько можно судить, по крайней мѣрѣ, по отдѣльнымъ намекамъ,—опредѣлили область соціальной экономіи, объявивъ, что существуетъ естественный порядокъ, и отдѣливъ, такимъ образомъ, науку отъ искусства и эмпиризма; они призывали къ наблюденію и изученію естественныхъ законовъ, которые они считали (и въ этомъ ихъ главное заблужденіе) предопредѣленными, неподвижными, непреложными.

А. Смитъ, какъ и физіократы, только мимоходомъ даетъ опредѣленіе политической экономіи. Хотя онъ смотрѣлъ на свое великое произведеніе, какъ на отрывокъ изъ цѣлаго труда объ обществѣ, тѣмъ не менѣе, онъ уже выдѣляетъ экономику изъ общей соціальной науки. Это было большимъ шагомъ впередъ; выдѣленіе было необходимо, такъ какъ до него въ соціальной наукѣ господствовала метафизическая теорія естественнаго права. Единственной связью его со старой концепціей права осталась естественная свобода. Къ сожалѣнію, ученики его довели это отдѣленіе экономики отъ соціальной науки до крайности, упустивъ изъ виду, что органическое обособленіе экономіи, какъ науки, не предполагаетъ вовсе радикальнаго разрыва съ соціальной наукой, какъ цѣлымъ: экономія только часть ея, хотя и основная.

Но до полнаго отдѣленія экономіи отъ политики А. Смитъ не дошелъ. Это и хорошо, и плохо; хорошо потому, что, благодаря этому, онъ не могъ такъ отрицательно отнестись къ коллективному вмѣшательству въ сферѣ экономіи, какъ его ученики; плохо потому, что онъ постоянно смѣшиваетъ, вслѣдствіе этого, чистую экономію съ прикладной, разсматриваемой, какъ искусство и функція законодателя.

Это видно изъ главнаго опредѣленія, которое мы у него находимъ: „Политическая экономія, разсматриваемая, какъ одна изъ наукъ, необходимыхъ для законодателя и государственнаго человѣка, имѣетъ предметомъ своимъ двѣ цѣли: первая состоитъ въ доставленіи народу достаточнаго дохода или обильныхъ средствъ существованія, или же, вѣрнѣе, въ доставленіи ему самому возможности получить эти обильныя средства; вторая состоитъ въ доставленіи государству или обществу достаточнаго дохода на общественныя потребности: она имѣетъ въ виду обогатить одновременно какъ народъ, такъ и государя" *).

Здѣсь экономія скорѣе искусство, чѣмъ научная теорія, между

---

*) «Богатство народовъ», книга VI, введеніе.

тѣмъ, какъ въ дѣйствительности она можетъ и должна быть тѣмъ и другимъ; получивъ свое происхожденіе изъ эмпирической практики, она поднялась на степень науки, чтобы съ обновленными силами вернуться въ сферу практической дѣятельности.

Ни у Рикардо, ни у Мальтуса мы не находимъ точнаго опредѣленія политической экономіи; правда, мы видимъ у нихъ, что экономія имѣетъ предметомъ своимъ производство, обмѣнъ, распредѣленіе и потребленіе богатствъ, но всѣ разсужденія обыкновенно (особенно у Мальтуса, у котораго опредѣленіе употребляемыхъ въ экономіи терминовъ занимаетъ выдающееся мѣсто) сводятся къ вопросу, что разумѣть подъ словомъ „богатство". Напр., слѣдуетъ ли, подобно Ж. Б. Сэю, отнести къ богатству нематеріальныя блага?

Въ самомъ заглавіи своего *Трактата политической экономіи* Ж. Б. Сэй опредѣляетъ ее, какъ науку, показывающую, какъ *происходитъ* образованіе, распредѣленіе и потребленіе богатствъ. „Правительство входитъ въ эту систему *вещныхъ* отношеній лишь какъ побочный факторъ, либо способствуя развитію производства, либо задерживая его, либо взимая въ свою пользу часть продуктовъ". Доходя въ своей проповѣди крайняго либерализма и индивидуализма до признанія, что государственное вмѣшательство—величайшее зло, Ж. Б. Сэй прибавляетъ, однако („Курсъ", стр. 4), что „экономическая наука во всемъ имѣетъ въ виду человѣческое общество", что „она обнимаетъ всю соціальную систему"... „Она имѣетъ описательный характеръ; она учитъ тому, что происходитъ и что существуетъ", говоритъ онъ въ этомъ же „Курсѣ". Она представляетъ собою описаніе состоянія, находящагося какъ-бы въ застоѣ; историческое развитіе совершенно исключается. Словомъ, Ж. Б. Сэй, какъ показываетъ вышеприведенное опредѣленіе, разсматриваетъ экономическіе законы, какъ чисто механическіе и автоматическіе, осуществляющіеся безъ всякаго коллективнаго вмѣшательства, при чемъ концепція экономическаго строя у него не отдѣляется отъ концепціи науки о „всей соціальной системѣ". Въ политикѣ Сэй тоже держится принциповъ либерализма: государство для него только жандармъ, обязанность котораго состоитъ въ обезпеченіи свободы личности и свободы *вещей* *).

---

*) Ж. Б. Сэй, питавшій такое презрѣніе къ физіократамъ и опубликовавшій въ 1799 г. утопію подъ заглавіемъ: «Olbie» (планъ образцоваго государства), былъ главнымъ представителемъ интересной формы буржуазной политической экономіи; онъ проповѣдывалъ абсолютный анархическій либерализмъ, расходясь въ этомъ отношеніи съ физіократами и даже съ А. Смитомъ, либерализмъ котораго былъ органическимъ. Правительство, по его мнѣнію, болѣзненный наростъ; общество вовсе не обязано оказывать помощь своимъ членамъ; соединяясь въ общество, каждый обязанъ внести свои средства существованія.

Методъ Ж. Б. Сэя былъ отрицаніемъ соціологическаго метода, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть методъ историческій. „Что можетъ дать намъ собираніе нелѣпыхъ мнѣній, заброшенныхъ доктринъ, ученій, которыя давно слѣдовало бы сдать въ архивъ? Это и безполезно, и скучно“. Такая ненаучная точка зрѣнія вполнѣ соотвѣтствовала тогдашнему фазису экономическаго развитія; нелицепріятная исторія, включивъ и самое пренебреженіе Ж. Б. Сэя и его школы къ исторіи въ общій ходъ исторической эволюціи соціальной экономіи, возложитъ на этого предка политической экономіи гораздо меньшую отвѣтственность, чѣмъ если-бы его теоріи совершенно не находили себѣ объясненія въ историческихъ условіяхъ.

C. Школа ортодоксальныхъ партикуляристовъ.

Исходя изъ того, что при потребленіи люди, вообще говоря, имѣютъ въ виду воспроизводство, Росси относитъ потребленіе къ производству; поэтому онъ ограничиваетъ предметъ науки производствомъ и распредѣленіемъ. Политическая экономія, по его мнѣнію, прежде всего наука о богатствѣ, хрематистика.

Для Бастіа и Уэтли это, напротивъ, наука объ обмѣнѣ. Но развѣ производство, потребленіе и распредѣленіе богатствъ не мыслимы безъ обмѣна? Развѣ обращеніе богатствъ не можетъ совершаться независимо отъ обмѣна? Развѣ обмѣнъ, даже въ его натуральной формѣ, не находится въ соотвѣтствіи съ потребностями даннаго историческаго періода?

Ученія эти, при всемъ своемъ различіи и несовершенствѣ, въ общемъ, однако, содѣйствовали развитію соціальной экономіи. Какъ Родбертусъ и Марксъ многимъ обязаны А. Смиту и Рикардо, такъ Бастіа и Прудонъ имѣютъ между собою явныя точки соприкосновенія, хотя это мало согласуется съ тѣмъ неискоренимымъ антагонизмомъ, который проявляется въ ихъ полемикѣ. Точка зрѣнія Бастіа и Уэтли заключаетъ въ себѣ задатки органической теоріи въ экономіи и имѣетъ тенденцію до нѣкоторой степени подчинить эту науку идеѣ движенія *).

D. Полу-иновѣрческая школа.

Выраженіе: „политика въ примѣненіи къ экономической наукѣ“ заключало въ себѣ, съ точки зрѣнія ортодоксальной школы, внутреннее противорѣчіе, такъ какъ школа эта желала исключить изъ области относящихся сюда явленій всякое правительственное и даже всякое коллективное вмѣшательство. Но мы видѣли, что еще А. Смитъ, примыкая въ этомъ отношеніи къ Ж. Ж.

*) R. Whately, Introductory lectures on Poiticall Economy. Lond. 1831.

Руссо, при всемъ своемъ либерализмѣ смотрѣлъ на экономію—въ смыслѣ ея примѣненія—какъ на одну изъ наукъ или скорѣе, какъ на одно изъ искусствъ, необходимыхъ для государственныхъ людей. Ж. Б. Сэй, напротивъ, радикально перерѣзалъ нить, связывавшую экономію съ политикой, оставивъ всетаки за нею названіе *политической* экономіи.

Это было шагомъ впередъ въ смыслѣ дифференцированія, но прогрессомъ это могло бы явиться только тогда, если бы экономія, отдѣлившись отъ *искусства* управлять, присоединилась къ соціальной *наукѣ,* какъ одному цѣлому. Съ этой точки зрѣнія изложеніе опредѣленій предмета соціальной экономіи представляетъ особый интересъ, потому что въ этихъ опредѣленіяхъ можно прослѣдить органическую, позитивную эволюцію, соотвѣтствующую не только эволюціи экономической науки, но и эволюціи соціальной науки, какъ одного цѣлаго, и даже эволюціи реальныхъ экономическихъ явленій.

С. де-Сисмонди былъ первымъ еретикомъ классической системы, хотя онъ все же держится ея основныхъ принциповъ. Вмѣстѣ съ С. Симономъ, который, впрочемъ, держался иного теченія, онъ оказалъ наибольшее вліяніе на Родбертуса и Маркса. По его мнѣнію, экономія — это наука о физическомъ благосостояніи человѣка, и, поскольку это благосостояніе зависитъ отъ правительства, уже имѣетъ мѣсто коллективное вмѣшательство въ экономическую организацію, такъ какъ при представительномъ образѣ правленія коллективная воля осуществляется черезъ посредство правительства. Это именно — коллективное вмѣшательство, но не вмѣшательство абсолютной власти; оно осуществляется либеральнымъ народнымъ представительствомъ и въ этомъ смыслѣ оно является соціальнымъ.

Экономическій строй не считается уже неизмѣннымъ. Примѣненіе машинъ его преобразовало, и Сисмонди понимаетъ, что этому преобразованію должно соотвѣтствовать и новое экономическое право; такимъ образомъ, экономія снова обнаружила стремленіе къ союзу съ политикой, но не съ прежней политикой, а съ политикой, продѣлавшей свою эволюцію и подвергшейся видоизмѣненію; въ экономіи, какъ и въ политикѣ, долженъ господствовать конституціонный режимъ.

Въ Англіи Д. С. Милль еще сильнѣе связалъ экономію съ соціальной наукой, показавъ ея отношеніе не только къ политикѣ, но и къ семейному строю, къ морали и праву. Обобщая и упрощая опредѣленіе экономической науки и вкладывая въ нее наиболѣе обширное содержаніе, онъ говоритъ: „это наука о богатствѣ“, но въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ: „это — наука, изучающая природу богатства и законы его производства и распредѣленія“. Тутъ ужъ не самопроизвольное производство и распредѣленіе богатствъ, совершающееся въ силу яко-бы естественныхъ

законовъ свободы. Проблема распредѣленія пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе и дѣло доходитъ до того, что онъ готовъ пожертвовать либеральными преимуществами въ пользу самаго абсолютнаго коммунизма. „Если бы предстояла альтернатива только между существующимъ порядкомъ вещей и коммунизмомъ, всѣ трудности, связанныя съ этимъ послѣднимъ, какъ бы онѣ ни были велики или малы, имѣли бы значеніе простой песчинки на чашкѣ вѣсовъ“.

Д. С. Милль разсматриваетъ экономію, какъ отдѣльную отрасль науки объ обществѣ. Вотъ почему онъ даетъ ей такое опредѣленіе: „Политическая экономія есть наука, намѣчающая законы соціальныхъ явленій, которыя вытекаютъ изъ сочетанія дѣйствій человѣчества, относящихся къ производству богатствъ, *поскольку эти явленія не видоизмѣняются подъ вліяніемъ преслѣдованія другихъ цѣлей*“. Стало быть, экономія—это уже не независимая наука; она независима только въ абстракціи и становится таковой путемъ логическаго, хотя и вполнѣ законнаго процесса; затѣмъ, производство богатствъ есть результатъ не простого сложенія индивидуальныхъ усилій, а—*сочетанія* дѣйствій человѣчества; трудъ является, слѣд., коллективнымъ дѣломъ сотрудничества, что́ дѣлаетъ необходимымъ коллективное же соглашеніе *). Подобно Миллю, и Кэрнсъ, самый замѣчательный изъ его учениковъ (1824—1875), признаетъ, что предпосылками политической экономіи служатъ одновременно и физическія, и нравственныя данныя; поэтому онъ опредѣляетъ экономію, какъ науку, которая, исходя, какъ изъ конечныхъ фактовъ, изъ началъ человѣческой природы и изъ физическихъ законовъ внѣшняго міра, а равно изъ политическихъ и соціальныхъ условій различныхъ человѣческихъ общежитій, изслѣдуетъ законы производства и распредѣленія богатствъ, составляющихъ результатъ комбинированной дѣятельности общежитія; или правильнѣе: это—наука, которая излагаетъ явленія производства и распредѣленія богатствъ, восходя къ ихъ причинамъ, къ началамъ человѣческой природы и физическимъ, политическимъ и соціальнымъ законамъ явленій внѣшняго міра **).

Въ томъ же смыслѣ выражается и современный ученый Ш. Жидъ: „Политическая экономія имѣетъ предметомъ своимъ

---

*) Въ своихъ «Опытахъ о нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ политической экономіи» (стр. 132—134) Д. С. Милль разсматриваетъ политическую экономію, какъ *цѣлое* слагающееся какъ изъ чисто физическихъ, такъ и изъ нравственныхъ законовъ, входящихъ между собою въ тѣсное сочетаніе, въ сочетаніе общественное. Онъ, кажется, догадывается, что всякое соціальное явленіе есть одновременно явленіе физическое, органическое и психическое, какъ я пытался доказать это въ другомъ мѣстѣ.

**) *Характеръ логическаго метода политической экономіи*, франц. переводъ Г. Вальрана, 1902 г., стр. 74.

отношенія людей, живущихъ въ обществѣ, поскольку эти отношенія направлены къ удовлетворенію ихъ матеріальныхъ потребностей и къ развитію ихъ благосостоянія".

Вотъ путь, пройденный послѣдовательными опредѣленіями экономической науки. Первоначально ее разсматривали, какъ чисто матеріальную науку о богатствѣ; теперь на нее смотрятъ, какъ на науку общественную, человѣческую, до того даже, что матеріальнымъ факторомъ и чисто механической динамикой его, кажется, слишкомъ ужъ пренебрегаютъ, разсматривая съ біологической и соціологической точки зрѣнія почти исключительно человѣческія отношенія; иные даже совсѣмъ сводятъ экономію къ явленіямъ чистой коллективной психологіи.

E. Школа національной экономіи.

Всѣ великіе мыслители и художники второй половины XVIII вѣка, въ томъ числѣ и основатели соціальной экономіи, какъ Кенэ, А. Смитъ, В. Годвинъ, были космополитами. Этотъ космополитизмъ существовалъ у нихъ не въ идеалѣ только: ихъ гуманитарная философія находилась въ соотвѣтствія съ фактомъ завладѣнія или, по крайней мѣрѣ, ознакомленія людей со всѣмъ земнымъ шаромъ, благодаря путешественникамъ и въ особенности мореплавателямъ, которые, начиная съ Магеллана, совершали кругосвѣтныя путешествія. Космополитизмъ Дидро, напр., находился въ тѣсной связи съ путешествіями его современника Бугенвиля. Былъ такой моментъ, когда философы, художники, теоретики государственной науки, экономисты, реформаторы и революціонеры потеряли всякое представленіе о промежуточныхъ группахъ, отдѣляющихъ индивидуума отъ человѣчества. А. Смитъ, который всегда останется общимъ родоначальникомъ всѣхъ экономическихъ теорій, образовавшихся въ силу дифференцированія, былъ, быть можетъ, единственнымъ ученымъ, который понималъ какъ относительное, такъ и непреходящее значеніе соціальныхъ явленій; онъ—отецъ всѣхъ экономическихъ школъ, не исключая и соціологической, и это объясняется его добросовѣстнымъ примѣненіемъ метода наблюденія и сведеніемъ метафизическихъ гипотезъ къ минимуму даже въ его историческихъ экскурсіяхъ.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія дѣло мѣняется: зарождающаяся въ Соединенныхъ Штатахъ крупная промышленность нуждается въ покровительствѣ; въ континентальной Европѣ имперія Наполеона I, это военное и деспотическое воплощеніе космополитизма, послѣ титанической борьбы съ Англіей, наконецъ, рухнула, предоставивъ отдѣльнымъ національностямъ независимость и возможность устраивать свою судьбу по своему, согласно съ особенностями и степенью развитія каждой.

Въ 1834 году выступилъ съ громкимъ протестомъ противъ космополитизма Смитовой школы Джонъ Рэ, выпустившій въ Бостонѣ трудъ подъ заглавіемъ: „Statement of some new principles on the subject of Political Economy exposing the fallacies of the system of free trade and of some others doctrines maintened in the „Wealth of Nations“,—тотъ самый Рэ, о которомъ недавно напомнилъ Бёмъ-Баверкъ *) и который заслуживаетъ серьезнаго вниманія и въ другихъ отношеніяхъ. По его мнѣнію, „политическая экономія есть наука, излагающая природу *національной экономіи* или показывающая, какъ народъ обезпечиваетъ себя матеріальными благами при помощи экономическихъ усилій его членовъ“.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1841 г., опубликовалъ свою „*Національную систему политической экономіи*“ Фр. Листъ, который, безъ сомнѣнія, познакомился съ Рэ во время своего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1825—1832 г. и во всякомъ случаѣ испыталъ на себѣ вліяніе среды, гдѣ зарождающаяся промышленность нуждалась въ покровительствѣ. Въ своемъ трудѣ Листъ выступаетъ противъ либеральной школы Смита, а въ особенности Ж. Б. Сэя, котораго онъ осуждаетъ за его абстрактный космополитизмъ, имѣющій въ виду только человѣчество и индивидуума и оставляющій безъ вниманія промежуточныя группы—націи. А между тѣмъ націи — это производительныя и потребительныя силы, дѣйствующія при различныхъ условіяхъ и не могущія поэтому регулироваться въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ одинаковыми юридическими нормами. Каждая нація должна себѣ покровительствовать, поскольку это необходимо и доколѣ въ этомъ есть надобность; въ противномъ случаѣ болѣе слабыя націи сдѣлаются вассалами иностранцевъ. Только внутренняя торговля должна быть свободна, но противъ другихъ націй требуется извѣстное покровительство. Въ этомъ отношеніи Листъ вполнѣ сходится съ Дж. Рэ. Отдѣльнымъ классамъ внутри страны не должно быть предоставлено никакихъ экономическихъ преимуществъ; свобода торговли должна быть правомъ всѣхъ, но только въ національныхъ предѣлахъ. Въ международныхъ же отношеніяхъ свобода торговли допускается только въ силу соглашенія между равноправными договаривающимися націями. Такъ какъ законы логики всегда и вездѣ одинаковы, то это понятіе равенства, признаваемое необходимымъ для международныхъ соглашеній, вскорѣ было распространено соціалистами на отношенія между членами разныхъ общественныхъ классовъ.

Можно сказать, что такой взглядъ на политическую экономію господствуетъ и въ настоящее время въ правительственныхъ сферахъ. Онъ гармонируетъ съ возстановленіемъ независимости

---

*) См. прим. на стр. 397 т. I франц. изд. *Критической исторіи теорій доходъ съ капитала*, 1902 г.

націй. Противъ него можно, конечно, возразить, что національность сама есть историческая сила, возникшая въ силу завоеванія, и что у каждой отдѣльной націи могутъ существовать не только неравныя по своимъ силамъ стороны, которыя могутъ требовать для себя покровительства, но и неравные классы, изъ которыхъ слабѣйшіе могутъ также взывать о покровительствѣ. Какъ бы то ни было однако, національная экономія отчасти отвѣчала дѣйствительнымъ стремленіямъ и реальному положенію вещей. Промышленность Германіи и Соединенныхъ Штатовъ не могла выдержать иностранной конкурренціи; созданный подъ вліяніемъ Листа германскій Zollverein способствовалъ возникновенію и росту національной промышленности и даже послужилъ впослѣдствіи основаніемъ для политическаго объединенія Германіи.

Да и самъ Смитъ не призналъ ли въ Кромвелевскомъ *Навигаціонномъ Актѣ* одну изъ причинъ превосходства Англіи? Не утверждалъ ли онъ, что этого великаго государственнаго человѣка слѣдуетъ считать общимъ родоначальникомъ всѣхъ образовавшихся впослѣдствіи школъ, которыя были до такой степени односторонни и неблагодарны, что весьма часто отказывались признать это законное родство?

Впослѣдствіи система національной экономіи сближается съ либерализмомъ, но эта эволюція происходитъ лишь тогда, когда Германіи удается стать на одинъ уровень съ промышленнымъ развитіемъ передовыхъ странъ. Однако, и послѣ этого продолжаетъ господствовать тотъ взглядъ, что между человѣчествомъ и индивидуумомъ существуетъ рядъ промежуточныхъ группъ, которыхъ не долженъ игнорировать ни экономистъ, ни государство, поскольку послѣднее есть форма реальная и политическая. Таковъ именно смыслъ опредѣленія, даваемаго экономической наукѣ Нейманомъ-Спаллартомъ (1837—1888), который, стремясь примирить свой экономичическій либерализмъ съ историческими функціями современнаго государства, говоритъ: „это — теорія отношеній частныхъ хозяйствъ другъ къ другу и ко всему государству“.

F. Историческая школа національной экономіи.

Она—продуктъ дифференцированія предыдущей школы. Историки и юристы пришли къ убѣжденію, что форма и содержаніе государства и права подвержены исторической эволюціи; эта точка зрѣнія получаетъ преобладаніе и въ наукѣ о жизни; общимъ теченіемъ увлечена и экономія. В. Рошеръ опредѣляетъ уже политическую экономію такъ: „это—теорія *законовъ развитія* національнаго хозяйства“. Точка зрѣнія отличается здѣсь нѣкоторой новизной, такъ какъ методъ превращается въ историческій

по преимуществу, но вмѣстѣ съ тѣмъ открыто признается прямое родство исторической школы съ національной экономіей. Благодаря тому, что въ наукѣ примѣняется историческій методъ, и сама она получила характеръ исторической науки, доктрины сдѣлались менѣе односторонними. Возникаетъ вопросъ, не подчинены ли и эти послѣднія законамъ развитія? Не связаны ли онѣ узами непрерывности, которыя скрѣпляютъ между собою даже противоположныя и взаимно исключающія другъ друга доктрины?

Лучше всякаго другого это понимаетъ Шмоллеръ, который даетъ такое опредѣленіе экономіи: „это—наука, ставящая себѣ цѣлью *описать* экономическія явленія, дать имъ опредѣленіе и объяснить ихъ причины, разсматривающая ихъ, какъ одно связное цѣлое, что предполагаетъ предварительное опредѣленіе національнаго хозяйства". Тоже самое говоритъ и А. Вагнеръ: „политическая экономія—это наука о Volkswirthschaft, т. е. объ организаціи частныхъ хозяйствъ у народовъ, имѣющихъ государственную организацію".

Но дифференцированіе идетъ еще дальше. Мало того, что экономическія формы признаются историческими, что этотъ взглядъ влечетъ за собою ослабленіе консервативнаго духа и возростающее преобладаніе идей реформированія экономической организаціи, особенно внутренней,—для урегулированія новыхъ экономическихъ отношеній и улучшенія старыхъ призываются еще этика и право. Но мораль и право сами продѣлали эволюцію: теперь мы ужъ не имѣемъ дѣла съ естественнымъ правомъ и естественной моралью, съ ихъ неподвижнымъ метафизическимъ характеромъ. Историческое развитіе морали, права, экономіи совершается по направленію, которое, будучи продолжено за предѣлы настоящаго, намѣчаетъ прогрессивный идеалъ будущаго, тѣсно связанный, однако, съ дѣйствительностью. И вотъ къ экономическимъ проблемамъ, вполнѣ сохраняющимъ свой національный характеръ, присоединяется рабочій вопросъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и происходитъ это потому, что стали придавать большее значеніе внутреннимъ экономическимъ отношеніямъ. Шмоллеръ и А. Вагнеръ распространяютъ свою историческую, моральную и юридическую концепцію національной экономіи на соціальный вопросъ.

Они принимаютъ, какъ почетный титулъ, эпитетъ катедръсоціалистовъ, которымъ думали ихъ уязвить. Они являются связующимъ звеномъ между старой экономіей Смита, Рикардо и Д. Ст. Милля (этотъ послѣдній уже сильно подвинулъ ее впередъ) и соціализмомъ, который, благодаря Лассалю, Родбертусу и Марксу, сдѣлался научнымъ.

F. Эклектическая или смѣшанная школа ортодоксальной экономіи.

Она примыкаетъ въ общемъ къ Д. Ст. Миллю, который въ своихъ экономическихъ теоріяхъ и въ своей *Логикѣ* постоянно колеблется между либерализмомъ и соціализмомъ, между дедуктивнымъ и индуктивнымъ методами. Эти колебанія подготовили преобразованіе науки. Въ Германіи Мангольдтъ (1824—1868) даетъ такое опредѣленіе экономіи: „это—научное изображеніе основныхъ экономическихъ силъ, направленій, въ которыхъ онѣ дѣйствуютъ, законовъ ихъ функціонированія и условій ихъ успѣха“. Такимъ образомъ, точка зрѣнія динамики явленій, ихъ движенія становится господствующей.

То же самое находимъ во Франціи у П. Леруа-Больё: экономика—это „наука, устанавливающая общіе законы, которыми опредѣляется дѣйствительность и успѣшность человѣческихъ усилій, направленныхъ на производство и потребленіе различныхъ благъ, которыхъ природа не даетъ человѣку даромъ, самопроизвольно“. (Трактатъ, т. I, стр. 11).

G. Соціалистическая школа.

У творцовъ научнаго соціализма, Томпсона, Родбертуса и К. Маркса, такъ же трудно найти точное опредѣленіе предмета соціальной экономіи, какъ у основателей либеральной экономіи. Что касается Томпсона, то у него производство богатствъ только средство, а не цѣль; онъ трактуетъ проблему съ моральной и юридической точки зрѣнія. Наибольшую важность представляетъ справедливое распредѣленіе богатствъ; поэтому экономія тѣсно связана съ соціальной наукой и вмѣстѣ съ нею является существенной отраслью искусства, задача котораго — достиженіе соціальнаго благоденствія. „Цѣль экономіи—изыскать способъ распредѣленія богатствъ, могущій осуществить возможно большее благоденствіе людей“. Такимъ образомъ, точка зрѣнія измѣнилась, но самое измѣненіе это стоитъ въ тѣсной связи со старыми теоріями Петти, А. Смита и другихъ классиковъ либеральной школы, провозгласившихъ, что трудъ есть источникъ всѣхъ цѣнностей. Эта новая догма какъ разъ совпала съ выступленіемъ на сцену рабочаго класса и съ ростомъ рабочихъ организацій, развивающихъ въ немъ классовое самосознаніе.

Между индивидуумомъ и индивидуалистической экономіей съ одной стороны,—экономіей, которая въ то же время была космополитической, но въ сущности носила идеалистическій характеръ и затѣмъ все болѣе и болѣе сближалась съ жизнью представителями національной экономіи въ родѣ Рэ и Фр. Листа, при чемъ

послѣдняя въ свою очередь развилась въ историческую школу съ Рошеромъ, Шмоллеромъ и др. во главѣ,—націей и великимъ международнымъ, междуматериковымъ и даже міровымъ хозяйствомъ, все болѣе и болѣе развивавшимся съ конца XV вѣка, съ другой стороны, образовался рядъ группъ, хотя и скромныхъ на видъ, но основныхъ и естественныхъ по существу,—группъ, составляющихъ продуктъ глубокаго внутренняго экономическаго развитія общества и стоящихъ большею частью внѣ зависимости отъ исторически сложившихся національностей. Это—профессіональныя группы рабочихъ и капиталистовъ, начиная отъ простыхъ ассоціацій и обществъ и кончая рабочими организаціями, національными и международными союзами, крупными компаніями, акціонерными обществами и международными трестами.

Такимъ образомъ, рабочій вопросъ, носителемъ котораго является одинъ классъ, сталъ лицомъ къ лицу съ капитализмомъ, носителемъ котораго тоже служитъ одинъ классъ. Зондъ проникъ теперь въ самую глубь экономической проблемы и великая міровая система, которая представлялась нашимъ предкамъ только въ ея крупныхъ, общихъ чертахъ и казалась сложенной изъ отдѣльныхъ песчинокъ въ образѣ индивидуумовъ, теперь предстала передъ нами въ видѣ сложнаго цѣлаго, состоящаго изъ массы организмовъ, которые представляютъ собою переходныя стадіи отъ индивидуума къ человѣчеству, при чемъ само человѣчество является только послѣднимъ результатомъ медленнаго развитія этихъ организмовъ. Основанный въ 1864 г. Международный союзъ рабочихъ былъ скороспѣлымъ опытомъ; движеніе это получило органическій характеръ лишь послѣ того, какъ окрѣпли національныя организаціи; міровая эволюція его могла проявиться въ полной мѣрѣ только въ моментъ, подобный настоящему, когда она служитъ отвѣтомъ на развивающійся параллельно съ нимъ капитализмъ въ видѣ большихъ судоходныхъ, торговыхъ и, наконецъ, производительныхъ трестовъ.

Эволюція теоретическаго соціализма состоитъ во все большемъ сближеніи съ этой практической эволюціей, въ лучшемъ ея познаваніи, въ изученіи необходимыхъ подготовительныхъ условій ея.

Въ 1848 году соціалистическая школа находится еще въ неопредѣленномъ положеніи, но понятіе экономіи сдѣлалось уже вполнѣ соціальнымъ. Фр. Видаль, коммунистъ и сторонникъ коллективнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь, понимаетъ предметъ экономіи широко: „это—наука, которая учитъ, *какъ слѣдуетъ организовать* производство согласно съ общей пользой и распредѣлить богатства согласно со справедливостью“. Такимъ образомъ, то вмѣшательство, которое наиболѣе передовые экономисты признаютъ справедливымъ для распредѣленія, распространено коммунизмомъ и на производство. Теперь поняли, что

распредѣленіе цѣнностей, произведенныхъ трудомъ, находится въ необходимомъ соотношеніи съ организаціей самого труда. Но въ приведенномъ опредѣленіи предполагается, что организація распредѣленія и производства богатствъ не находится въ зависимости ни отъ органическихъ условій, ни отъ органической эволюціи, а исключительно отъ коллективной воли.

П. Ж. Прудонъ, главный представитель теоріи взаимности въ соціализмѣ, велъ сильную агитацію противъ коммунистической доктрины и государственнаго соціализма. По его мнѣнію, экономія—это „наука о законахъ труда“, — опредѣленіе и слишкомъ узкое, и слишкомъ неопредѣленное; онъ употребляетъ слово „трудъ“ въ необычайно широкомъ смыслѣ. Какъ бы то ни было, подобно Марксу, онъ кладетъ трудъ въ основу своей системы распредѣленія богатствъ; но онъ отличается отъ нѣмецкаго соціалиста тѣмъ, что провозглашаетъ принципъ эквивалентности соціальныхъ функцій, который въ примѣненіи къ экономіи можетъ уничтожить всякое различіе въ смыслѣ вознагражденія между отдѣльными профессіями, въ томъ числѣ и такъ называемыми либеральными, и между обученными и необученными рабочими. Онъ думаетъ, что рабочій получитъ весь продуктъ своего труда, если будутъ уничтожены рента, прибыль и процентъ на капиталъ, и что этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ организаціей обмѣна и дарового кредита на почвѣ свободныхъ производительныхъ, потребительныхъ и мѣновыхъ ассоціацій.

Какъ я уже сказалъ, у основателей научнаго соціализма трудно найти точное опредѣленіе науки; то же самое мы видѣли у основателей политической экономіи. Тѣ и другіе вполнѣ законнымъ образомъ ограничили свой великій трудъ изслѣдованіемъ и развитіемъ содержанія науки, уклоняясь отъ скороспѣлаго опредѣленія границъ ея, такъ какъ послѣднія могутъ быть установлены лишь изъ соотношенія содержанія этой науки съ другими классами соціальныхъ явленій.

Родбертусъ полагаетъ, что естественныя богатства существуютъ, такъ сказать, въ неограниченномъ количествѣ; машины еще умножаютъ производительность человѣческаго труда. Остается найти организацію, гарантирующую каждому продуктъ его собственнаго труда. Такова проблема политической экономіи — проблема, съ постановкой которой она сдѣлалась соціальной наукой. Всѣ богатства, которыми занимается политическая экономія, стоятъ труда и только труда; сфера господства политической экономіи простирается только на матеріальныя богатства; ея задача—употребить въ дѣло существующія богатства, имѣя въ виду удовлетвореніе человѣческихъ потребностей; всѣ естественныя богатства становятся потребляемыми только послѣ затраты человѣческой энергіи. Вотъ это вмѣшательство человѣческаго труда въ производство богатствъ и дѣлаетъ необходимой ту отрасль

человѣческаго знанія, которая называется политической экономіей. Отсюда проистекаетъ теорія цѣнности, основанная на нормальной продолжительности и энергіи труда *).

К. Марксъ считаетъ соціальную экономію базисомъ всѣхъ надстроекъ общества; послѣднія всегда подчинены экономіи. Эта наука въ особенности предназначена для объясненія всѣхъ другихъ наукъ. Вѣрна ли эта концепція или нѣтъ, но фактъ тотъ, что она—концепція соціологическая. Ученики Маркса, кажется мнѣ, исказили ее, преувеличивъ матеріалистическій характеръ экономіи и напирая еще болѣе Маркса на различіе между нею и идеологіей. Экономическая наука, какъ базисъ соціальной науки, имѣетъ своимъ предметомъ познаніе общественныхъ матеріальныхъ производительныхъ силъ; этимъ силамъ присущи различныя послѣдовательныя ступени развитія, которымъ неизбѣжно соотвѣтствуютъ опредѣленныя отношенія производства, независимыя отъ человѣческой воли и опредѣляемыя этими производительными силами. Совокупность этихъ отношеній образуетъ экономическую структуру, надъ которой возвышается структура юридическая и политическая. Отношенія производства измѣняются только путемъ развитія формъ производства, и экономическая наука имѣетъ своимъ предметомъ это двойное развитіе производительныхъ силъ и отношеній, неизбѣжно изъ нихъ вытекающихъ. Это развитіе должно въ концѣ концовъ привести къ обобществленію средствъ производства и съ наступленіемъ этого обобществленія произойдетъ *прыжокъ въ міръ свободы*, идеологическій элементъ возьметъ верхъ, человѣкъ сдѣлается господиномъ своей судьбы, что предполагаетъ организацію производительныхъ силъ и отношеній производства самимъ человѣкомъ при посредствѣ права и политики. На этой то послѣдней стадіи коллективизмъ переходитъ въ практику, принимая активное участіе въ политической жизни и въ юридическихъ реформахъ, относящихся къ области законодательства о трудѣ. Тутъ кончается теоретическій дуализмъ Маркса, оттѣненный Энгельсомъ и нѣкоторыми ихъ учениками.

Такимъ образомъ, область экономіи не представляется уже намъ (за исключеніемъ развѣ абстракціи) областью, безусловно отдѣленной отъ всей соціальной науки; теперь опредѣленіе экономіи можетъ быть только соціологическимъ, т. е. дефиниція можетъ быть сдѣлана только по соображенію со всей совокупностью соціальныхъ явленій.

Благодаря Де-Папу и Бенедикту Малону, соціализмъ становится все болѣе и болѣе позитивнымъ и цѣлостнымъ; онъ проламываетъ діалектическія формулы, препятствовавшія его развитію; абсолютный коммунизмъ смягчается въ относительный, историческій

*) См. «Die Forderungen der arbeitenden Klasse» и «Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustaende».

коллективизмъ, который облегчаетъ и подготовляетъ сближеніе доктринъ, служащее провозвѣстникомъ новаго экономическаго права, которое, впрочемъ, и само преходяще и способно къ движенію впередъ. Въ настоящее время немного найдется такихъ экономистовъ, которые отказались бы, напримѣръ, принять опредѣленіе, предложенное Де-Папомъ въ его курсѣ соціальной экономіи. Принимая въ соображеніе и то, что существуетъ, и то, что должно быть, этотъ горячій апостолъ коллективизма говоритъ: „соціальная экономія — это наука, которая учитъ, какъ совершаются производство, потребленіе и распредѣленіе богатствъ и какъ они должны совершаться для достиженія соціальнаго благосостоянія". Де-Папъ смотритъ, слѣдовательно, на экономію, какъ на науку не чисто описательную, но этическую и политическую. Однако, и его опредѣленіе страдаетъ неполнотой, такъ какъ изъ него не видно, что развитіе науки не только имѣетъ историческій, эволюціонный характеръ, но и заключаетъ въ себѣ элементъ постоянства, другими словами—что въ самыхъ измѣненіяхъ кроется правильный порядокъ. Понятіе законосообразности имъ какъ будто бы не признается. Развѣ экономическіе законы являются законами чисто историческими? Развѣ нѣтъ абстрактныхъ, универсальныхъ законовъ, которые выше ихъ? Съ другой стороны, сдѣлавъ изъ экономики нравственную науку, Де-Папъ не показалъ съ достаточной ясностью, что экономика—это только отрасль, хотя и основная, всей *совокупности* соціальныхъ наукъ составляющей общую соціологію.

II. Эклектическая школа соціалистовъ.

Она находится въ связи, съ одной стороны, съ ученіемъ Д. Ст. Милля, а съ другой—съ реформаторскимъ духомъ соціалистовъ, вліянію котораго подвергся и Милль. Шарль Марло (1810 — 1865) и Эмиль де Лавелэ (1822 — 1892), являются наиболѣе оригинальными представителями этой школы примиренія и постепеннаго развитія, въ которой классическая экономія и соціализмъ Фурье, Сенъ Симона и Луи Блана имѣютъ тенденцію слиться въ одну позитивную соціологію. У Марло экономія снова усваиваетъ универсальную точку зрѣнія міровогo хозяйства; онъ ставитъ ее въ тѣсную связь съ коллективной психологіей народовъ, съ одной стороны, и организаціей труда—съ другой. По его мнѣнію, экономическое развитіе представляетъ собою эволюціонный процессъ, опредѣляемый первичными условіями физической природы, и находится въ соотвѣтствіи съ послѣдовательными стадіями умственнаго развитія человѣчества.

Важный вопросъ о томъ, существуютъ или нѣтъ соціологическіе законы и, въ частности, абстрактные, общіе экономическіе законы, — вопросъ, трактуемый въ особенности Рюмелиномъ, —

Э. де Лавелэ разрѣшаетъ безъ дальнѣйшихъ околичностей слѣдующимъ образомъ: „политическая экономія, — говоритъ онъ, — есть наука, опредѣляющая, какіе законы должны установить люди, чтобы быть въ состояніи съ возможно меньшими усиліями добыть себѣ возможно больше полезныхъ предметовъ для удовлетворенія своихъ потребностей, распредѣлить ихъ сообразно съ требованіями справедливости и потребить согласно съ требованіями разума“. По мнѣнію Лавелэ, естественныхъ законовъ въ политической экономіи нѣтъ; законы этого рода имѣютъ примѣненіе только въ технологіи. Признаетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, историческіе законы развитія? Нѣтъ: въ политической экономіи существуютъ только законы, издаваемые законодателемъ. Въ концѣ концовъ Лавелэ приходитъ къ тому же заключенію, какъ Милль и первые экономисты, т. е. что „это — наука о благахъ или богатствѣ“. Но утверждая, что политическая экономія есть „наука, опредѣляющая, какіе законы должны устанавливать люди“, не допускаетъ ли онъ тѣмъ самымъ, что положительное законодательство, *искусство издавать законы*, подчинено научнымъ законамъ? А если такъ, то не вызываетъ ли его опредѣленіе рядъ недоумѣній? Что это за законы *справедливости*, что это за законы *разума*, съ которыми законодатель долженъ сообразоваться въ своемъ вмѣшательствѣ?

Запутанный и противорѣчивый тезисъ Лавелэ діаметрально противоположенъ тезису физіократовъ, который былъ не менѣе абсолютенъ. Эти послѣдніе представляли себѣ общество подчиненнымъ естественному неизмѣнному порядку, и человѣку ничего больше не нужно, какъ познать этотъ порядокъ и слѣдовать ему, уничтоживъ всѣ искусственныя путы, которыя вытекаютъ изъ учрежденій, создаваемыхъ законодателями. У Лавелэ, напротивъ, дѣятельность законодателя должна быть, повидимому, освобождена отъ всякихъ другихъ путъ, кромѣ его личнаго мнѣнія о томъ, что справедливо и разумно. Но, благодаря этому раціоналистическому спиритуализму, авторъ „Первобытной собственности“ и „Современнаго соціализма“ тѣмъ легче примкнулъ къ сторонникамъ соціальныхъ реформъ, что его доктрина, будучи по существу либеральной, какъ отрицаніе всякаго органическаго и даже историческаго развитія экономіи, оставляла для его критики и реформаторскихъ стремленій широкій просторъ въ дѣлѣ примиренія соціализма съ классической экономіей.

Насколько Лавелэ расходится въ своемъ опредѣленіи политической экономіи съ физіократами, настолько онъ близокъ къ Смиту, который тоже разсматривалъ экономію, какъ науку политическую и практическую, т. е. и какъ науку, и какъ искусство. У Смита, какъ и у Лавелэ, осуществлять на практикѣ задачи политической экономіи означало разрѣшать ихъ при помощи раціональнаго законодательства; разница только въ томъ, что Смитъ,

пропитанный, подобно физіократамъ, концепціей естественнаго соціальнаго порядка, поставилъ работу законодателя въ зависимость отъ проведенія въ жизнь этого естественнаго порядка. Естественный законъ—это свобода; поэтому работа законодателя должна быть либеральна. Наука въ настоящее время отвергла метафизическое понятіе о естественныхъ законахъ, и споръ идетъ лишь о томъ, существуютъ ли только чисто историческіе законы, которые измѣняются по періодамъ цивилизаціи, или же законы, какъ статическіе, такъ и динамическіе, примѣнимы ко всѣмъ цивилизаціямъ. Это соціологическій споръ. Лавелэ поступилъ практично и съ пользой для дѣла, оставивъ въ сторонѣ проблему и напирая на то, что человѣческому вмѣшательству въ область соціальныхъ фактовъ и ихъ измѣненій должно быть предоставлено широкое поле дѣйствія. Мирный, обыкновенный способъ устраненія борьбы классовъ можно было предвидѣть и ожидать— и это также облегчало и подготовляло возникновеніе экономической соціологіи, какъ одной изъ основныхъ отраслей позитивной соціологіи, гдѣ понятіе о законѣ окончательно теряетъ свой старый абсолютный характеръ и подъ нимъ разумѣютъ—даже въ его наиболѣе абстрактномъ значеніи — всегда измѣнчивый, но и всегда уравновѣшенный порядокъ вещей или, другими словами, координированное развитіе.

II. Соціологическая точка зрѣнія.

Разъ на экономію стали смотрѣть, какъ на отдѣльную отрасль общей соціологіи, то этимъ самымъ было признано, что полное и правильное разрѣшеніе всякой экономической проблемы находится въ зависимости отъ совокупности данныхъ соціологіи. Поэтому логическій методъ политической экономіи теперь уже не можетъ состоять, какъ думалъ Кэрнсъ, исключительно въ томъ, чтобы, основываясь на физическихъ посылкахъ и свойствахъ человѣческой природы, *выводить* отсюда, какъ сложится подъ ихъ вліяніемъ собственно экономическое явленіе; здѣсь нужно принять еще въ разсчетъ дѣйствіе, оказываемое другими силами соціальной жизни: половыми, эстетическими, коллективно психологическими, нравственными, юридическими и политическими. Силы эти, будучи болѣе или менѣе измѣнчивы, оказываютъ, однако, постоянное дѣйствіе на экономическія явленія и поэтому нельзя исключать ихъ изъ экономической проблемы; исключать можно только случайныя причины. Сказать абстрактно, что *при отсутствіи другихъ силъ* населеніе имѣетъ тенденцію возрастать быстрѣе средствъ существованія, значитъ — указать, пожалуй, біологическія свойства вида homo sapiens, но никакъ не экономическій характеръ его, который, будучи соціологическимъ, требуетъ полнаго объясненія, а при полномъ объясненіи нельзя

игнорировать тѣхъ соціальныхъ факторовъ, которые оказываютъ на изучаемое явленіе постоянное дѣйствіе. Другими словами: въ соціальной экономіи нельзя оставлять въ сторонѣ соціальные факторы. Это похоже на трюизмъ, и тѣмъ не менѣе несоблюденіе этого именно принципа послужило причиною, что Мальтусъ и Рикардо формулировали въ видѣ экономическихъ законовъ простыя наблюденія, выведенныя изъ посылокъ или данныхъ соціальной экономіи, данныхъ, которыя по Кэрнсу сводятся къ физическому міру и человѣческой природѣ или, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ, къ территоріи и населенію. Экономисты могли, конечно, исходить въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ данныхъ физической и человѣческой природы, но не было никакого основанія строить на этихъ данныхъ всю рѣшительно политическую экономію: послѣдняя присоединяетъ къ этимъ даннымъ рядъ своихъ индукцій и спеціальныхъ законовъ и ей помогаютъ въ этомъ всѣ другія соціальныя науки. Поэтому вполнѣ правильно утвержденіе Рикардо, что производительность земли не возрастаетъ пропорціонально количеству вложенныхъ въ нее труда и капитала; это—законъ. Но, съ другой стороны, Дж. Ст. Милль совершенно вѣрно замѣтилъ, что законъ уменьшающейся производительности постоянно нейтрализуется въ той или другой степени усовершенствованіями техники и прогрессомъ цивилизаціи. Противорѣчатъ ли оба закона другъ другу? Конечно, нѣтъ, если только признать, какъ это понимаетъ и Милль, что законъ Рикардо изображаетъ только вліяніе, оказываемое отдѣльной причиной—физическими свойствами земли—на производство земледѣльческаго богатства. Это — одно изъ основныхъ данныхъ экономическаго закона, но не экономическій законъ въ настоящемъ смыслѣ и тѣмъ болѣе не соціологическій законъ. Законъ Рикардо вѣренъ, если совершенно исключить цивилизацію. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя считать его примѣнимымъ въ томъ случаѣ, когда въ одну и ту же землю при одномъ и томъ же состояніи цивилизаціи вкладывается больше капитала и труда, потому что это увеличеніе капитала и труда уже составляетъ развитіе цивилизаціи, а стало быть и ея измѣненіе.

Словомъ, соціологическая точка зрѣнія въ политической экономіи обязываетъ считаться со всѣми постоянными соціальными факторами, включая въ ихъ число и перемѣнные факторы, дѣйствіе которыхъ можетъ быть постояннымъ; соціологія, а слѣдовательно и соціальная экономія могутъ даже въ абстракціи исключать только пертурбаціонныя причины, имѣющія побочный, временный и случайный характеръ. Эта точка зрѣнія прямо выражена въ опредѣленіи А. Шефле: „экономія—это теорія проявленій экономическаго принципа *въ соціальной жизни*“.

Въ общемъ видѣ трактуемый вопросъ получаетъ такую форму: представляетъ ли политическая экономія науку или про-

сто искусство? существуютъ ли соціологическіе законы? знаемъ ли мы и можемъ ли когда-либо узнать координированную систему постоянныхъ, необходимыхъ соціальныхъ отношеній, имѣющихъ универсальное, абстрактное значеніе и стоящихъ выше преходящихъ историческихъ отношеній? Или, вѣрнѣе, не существуютъ ли одни только соціологическіе законы, и, какъ слѣдствіе ихъ, законы экономическіе и историческіе, т. е. приложимые лишь къ извѣстнымъ періодамъ и извѣстнымъ общественнымъ формамъ?

Такую именно постановку вопроса мы находимъ у Рюмелина въ его *Проблемахъ политической экономіи и статистики*. Въ своихъ *Соціологическихъ законахъ* и въ другихъ мѣстахъ мнѣ удалось, кажется, доказать, что существуетъ абстрактная соціологія, законы которой существуютъ отдѣльно отъ конкретной, описательной соціологіи. Экономика, по моему мнѣнію, есть отдѣльная отрасль всей системы соціальной науки, т. е. какъ и послѣдняя, она имѣетъ двойственную природу — конкретную и абстрактную, тѣсно, неразрывно связана съ соціальной наукой и обладаетъ всѣми свойствами, которыя мы признали за этой послѣдней въ соціологіи.

Такъ какъ политическая экономія есть самая простая и самая общая наука, а изъ экономическихъ явленій и формъ простѣйшими и наиболѣе общими оказываются явленія и формы, относящіяся къ обращенію, то естественно, что первые абстрактные соціальные законы легче всего было распознать въ экономическихъ явленіяхъ и въ частности—въ явленіяхъ, относящихся къ обращенію. Такимъ-то образомъ я формулировалъ абстрактный законъ, что развитіе обращенія характеризуется постояннымъ, необходимымъ сокращеніемъ мертваго вѣса сравнительно съ полезнымъ эффектомъ. Этотъ законъ рельефнѣе всего выступаетъ, напр., въ транспортѣ и торговлѣ, а также въ ходѣ эволюціи знаковъ, служащихъ представителями обращающихся благъ, т. е. въ эволюціи денегъ. Основываясь на этомъ, можно было бы сказать, что цѣль всей соціальной экономіи — это экономія силъ.

Мы видѣли въ соціологіи, что историческія или конкретныя общества и общество вообще представляютъ собою огромныя, весьма сложныя надъ-органическія существа, отличающіяся въ количественномъ и отчасти въ качественномъ отношеніи отъ организмовъ, которыми занимается біологія.

Подобно организму, общество имѣетъ органы, аппараты органовъ и системы аппаратовъ съ ихъ соотвѣтствующими отправленіями.

Экономика есть одна изъ этихъ системъ, въ которой можно найти тѣ же подраздѣленія. Съ соціологической точки зрѣнія, которая, какъ мнѣ кажется, является господствующей точкой зрѣнія всѣхъ отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ, можно сказать,

что экономика есть *основная составная часть соціальной науки, какъ цѣлаго (соціологіи), имѣющая своимъ предметомъ изученіе и познаніе абстрактныхъ законовъ строенія и жизни органовъ питанія общества, а равно условій историческаго и практическаго осуществленія этихъ законовъ.*

Стало быть, существуютъ абстрактные экономическіе законы и конкретные,—постоянные, необходимые универсальные законы и перемѣнные историческіе; словомъ, существуетъ извѣстный порядокъ въ самыхъ измѣненіяхъ, въ самой исторической эволюціи. Соотвѣтственно съ этимъ существуетъ экономія, какъ абстрактная наука, или *чистая экономія* и экономія, какъ искусство, или *прикладная экономія, экономія соціальная* и экономія *политическая.*

Экономическія явленія — это самыя общія и самыя простыя явленія; они входятъ въ составъ всѣхъ другихъ соціальныхъ явленій и сами могутъ быть сведены только къ біологическимъ и психическимъ явленіямъ, составляющимъ область непосредственно предшествующихъ наукъ.

Питаніе общества есть первичное, существенное условіе его существованія, сохраненія, роста и прогресса съ точки зрѣнія вида и составляющихъ его индивидуумовъ; формами этого питанія въ общемъ непосредственно опредѣляются всѣ болѣе спеціальныя и высокія общественныя формы и дѣйствія. Эти послѣднія, напротивъ, оказываютъ на питаніе только косвенное и частное дѣйствіе. Такъ, формы обращенія, собственности, труда вліяютъ на семейную жизнь, искусство, вѣрованія и нравы, на мораль, право и политику.

Такимъ образомъ, всѣ соціальные органы, всѣ аппараты этихъ органовъ и всѣ системы этихъ аппаратовъ въ дѣйствительности сплетены между собою по своему строенію и зависятъ другъ отъ друга въ своихъ функціяхъ; всѣ они, начиная съ самыхъ малыхъ и кончая самыми большими, несутъ общую службу одному цѣлому, имѣющему составную структуру, всѣ части которой координированы между собою.

III. Дѣленіе соціальной экономіи.

Разсматриваемое само въ себѣ, экономическое состояніе всякаго общества представляетъ цѣлостную систему, въ томъ смыслѣ, что всѣ его элементарныя части, его органы и аппараты устроены такъ, что служатъ общимъ потребностямъ всего экономическаго строя и всей экономической жизни; экономическій строй и экономическая жизнь въ свою очередь приспособлены къ структурѣ и жизни всего соціальнаго тѣла.

Такимъ образомъ, всякій соціальный сверхъ-организмъ (Super-organisme) состоитъ изъ многихъ тѣсно связанныхъ между собою

системъ, которыя, однако, поддаются въ абстракціи дѣленію и классифицированію съ точки зрѣнія логики, догматики, исторіи и естествознанія; системы эти—экономика, система размноженія, эстетика, коллективно-психологическая система, этика, право и политика. Эта классификація построена въ порядкѣ возрастающей сложности и спеціальности и убывающей общности и простоты явленій, относящихся къ тому или другому классу.

Въ *экономической системѣ* мы различаемъ *аппаратъ обращенія* (разумѣя подъ этимъ словомъ обмѣнъ и распредѣленіе), *аппаратъ потребленія* и *аппаратъ производства*. Теоріи, касающіяся транспорта, мѣновыхъ процессовъ, мѣновой цѣнности, денегъ, кредита и торговли, относятся къ обмѣну благъ; право собственности и налоги—къ распредѣленію.

Экономисты обыкновенно удѣляютъ праву собственности особую главу въ отдѣлѣ *производства*, а налоги иногда относятъ къ *потребленію*, но на самомъ дѣлѣ—право собственности и налоги въ ихъ послѣдовательныхъ формахъ являются институтами, относящимися къ распредѣленію богатствъ и соціальныхъ повинностей. Они только косвенно связаны съ формами производства и потребленія.

Наконецъ, почти всѣ экономисты совершенно неправильно включаютъ обмѣнъ и мѣновую цѣнность въ отдѣлъ производства.

Каждый изъ аппаратовъ экономической системы—обращеніе, потребленіе, производство—имѣетъ къ своимъ услугамъ большее или меньшее число спеціальныхъ органовъ; такъ напр., органами обращенія являются: транспортъ, торговля, деньги, банки и пр.

Вы видите, что я включаю въ аппаратъ обращенія сухопутную и морскую перевозку. Экономисты путемъ страннаго смѣшенія понятій создали изъ этой циркуляціонной по преимуществу и даже первичной функціи отдѣльную отрасль производства подъ названіемъ перевозочной промышленности. Обмѣнъ, торговля, транспортъ составляютъ у нихъ часть организаціи производства (см. особенно у Жида стр. 171 и 202 его „Началъ политической экономіи“, 2-ое франц. изд. 1884 г.); ассоціаціи, раздѣленіе труда, формы производства или потребленія они включаютъ въ одну рубрику съ орудіями обращенія — деньгами и кредитомъ. Мы же, напротивъ, относимъ транспортъ, мѣновой процессъ, торговлю, кредитъ къ обмѣну благъ и помѣщаемъ ихъ поэтому въ числѣ формъ обращенія.

Транспортъ относится къ промышленности лишь постольку, поскольку его средства, его предметы оборудованія суть продукты промышленности; таково, напримѣръ, производство судовъ, экипажей и вагоновъ, рельсовъ, паровыхъ машинъ и пр. Помимо производства предметовъ оборудованія транспортъ по существу принадлежитъ къ группѣ органовъ обмѣна въ аппаратѣ обращенія. Наконецъ, первоначально (да и теперь еще)

перевозочнымъ средствомъ служитъ человѣкъ. Какое же это имѣетъ отношеніе къ производству?

Что касается постоянной функціи торговли, даже тамъ, гдѣ нѣтъ обмѣна, то она состоитъ въ перевозкѣ, доставкѣ на складъ и распредѣленіи благъ въ надлежащій *моментъ*, въ надлежащемъ *мѣстѣ* и въ надлежащемъ *количествѣ* согласно потребностямъ. Въ этой постоянной функціи и заключается соціальная роль транспорта; что же касается нынѣшнихъ болѣе или менѣе крупныхъ розничныхъ магазиновъ, то это по преимуществу органы потребленія, хотя до нѣкоторой степени они относятся и къ органамъ обмѣна; но во всякомъ случаѣ ихъ нельзя причислять къ органамъ производства.

IV. Отношеніе соціальной экономіи къ другимъ наукамъ.

Математическія науки, механика, астрономія, физика, химія имѣютъ своимъ предметомъ исключительно изученіе явленій внѣшняго міра; біологія имѣетъ уже болѣе сложный характеръ, такъ какъ жизнь, по опредѣленію Г. Спенсера, есть приспособленіе организма къ средѣ. Психологія, представляющая это приспобленіе въ болѣе спеціальномъ и сложномъ видѣ, изучаетъ отношенія, существующія между связью явленій внутренняго міра и связью явленій внѣшняго міра.

Общественность — это жизнь въ еще болѣе спеціальномъ и сложномъ видѣ, разсматриваемая, какъ троякое отношеніе: индивидуумовъ между собою, индивидуумовъ къ соціальнымъ группамъ и однѣхъ соціальныхъ группъ къ другимъ, со включеніемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ окружающей физической среды, которая, впрочемъ, есть составная часть соціальнаго организма. Такъ какъ въ основѣ соціальной жизни лежатъ отношенія, то при изученіи явленій, относящихся къ обращенію, потребленію и производству богатствъ, соціальная экономія никогда не должна упускать изъ виду, что функціи и органы экономической жизни и всѣ относящіяся къ ней явленія имѣютъ характеръ отношеній, и при томъ не простыхъ отношеній, а двойныхъ и тройныхъ, отношеній, такъ сказать, 2-й и 3-й степени, т. е. существуютъ не только отношенія циркулирующихъ, потребляемыхъ и производимыхъ благъ другъ къ другу, но и этихъ благъ къ человѣческимъ единицамъ, группамъ единицъ и обществамъ, въ которыхъ реализуются экономическія функціи и которыя соединяютъ соціальныя отношенія въ одно цѣлое. Нужно еще прибавить, что существуетъ постоянная связь между благами, человѣческими единицами и соціальными группами, съ одной стороны, и совокупностью условій и связей окружающей внѣшней среды—съ другой. Съ соціологической точки зрѣнія внѣшняя среда эта есть въ сущности внутренняя среда, такъ какъ всякая соціальная

группа представляетъ собою, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ, высшую комбинацію двухъ существенныхъ факторовъ всякаго общества: территоріи и населенія.

Стало быть, экономическая наука всегда должна находиться въ зависимости отъ изученія всей совокупности физическихъ, біологическихъ, психическихъ и соціальныхъ условій, составляющихъ среду, въ которой совершаются процессы питанія общества. Среда эта—внутренняя, такъ какъ она безусловно слита съ экономической структурой.

Экономическія явленія сложены изъ неорганическихъ, органическихъ и психическихъ явленій, возведенныхъ въ соціальную степень; то же слѣдуетъ сказать о формахъ, органахъ, аппаратахъ органовъ и системахъ аппаратовъ, въ которыхъ реализуются экономическіе факты въ теченіе историческаго развитія.

Отсюда слѣдуетъ, что политическая экономія вовсе не имѣетъ дѣла только съ матеріальной стороной соціальной жизни въ отличіе отъ искусства, морали, права и политики, представляющихъ, такъ сказать, ея идеологическую сторону: всякое экономическое явленіе имѣетъ также идеологическій характеръ и всякое идеологическое явленіе имѣетъ также матеріальный характеръ. Экономическія явленія имѣютъ такой сложный составъ наравнѣ со всѣми другими соціальными явленіями; это единство композиціи, проявляющееся уже въ психо-физіологіи, продолжается или, вѣрнѣе, достигаетъ своего полнаго развитія въ соціальныхъ явленіяхъ, особенно же въ экономическихъ; само собою разумѣется, что послѣднія имѣютъ свои спеціальныя свойства, которыя проводятъ точную границу между соціальной сверхъ-организаціей и организаціей чистой біологической или біо-психической. Но какъ нѣтъ дуализма между тѣломъ и духомъ, такъ и нѣтъ дуализма между экономическимъ обществомъ и коллективной душой. Эта коллективная душа неразрывно связана со всѣми формами и проявленіями коллективной жизни и въ частности — экономической.

Правда, болѣе передовые экономисты допускали, что существуютъ извѣстныя отношенія между политической экономіей и другими науками, а именно: моралью, правомъ и политикой, но они разумѣли здѣсь просто, такъ сказать, сосѣдскія отношенія. Мы же понимаемъ теперь, что отношенія эти въ истинномъ смыслѣ органическія, что экономическія структура и жизнь являются составной частью общей структуры и жизни общества, а общая структура и жизнь общества, съ своей стороны, сложена изъ элементовъ какъ неорганической, такъ и органической природы.

Такимъ образомъ, соціальная экономія, какъ наука, находится въ постоянной связи не только съ другими частными соціальными науками, но и со всѣми предшествующими науками. Равнымъ образомъ, она подчинена не только соціологіи, но и общей философіи наукъ. Это справедливо какъ для прикладной или практи-

ческой экономіи, такъ и для абстрактной или чисто теоретической экономіи. Она связана съ обѣихъ сторонъ со всей совокупностью конкретныхъ и абстрактныхъ наукъ, какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ, что видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

Абстрактныя науки.	Конкретныя науки.	Примѣненіе къ экономикѣ.
1. Математика. { Геометрія. Ариѳметика. Алгебра.	1) Описательная геометрія, строительныя и подражательныя искусства.	1) Межеваніе; кадастръ. Статистика.
2. Механика.	2) Прикладная, промышленная механика.	2) Роль машинъ, производительность капитала и труда.
3) Астрономія.	3) Метеорологія, геодезія, географія.	3) Географія коммерческая, промышленная, сельско-хозяйственная; естественные факторы.
4) Физика.	4) Физика прикладная, промышленная: электричество, магнетизмъ, свѣтъ, гидростатика.	4) Промышленность, земледѣліе.
5) Химія.	5) Минералогія, геологія, стратиграфія, палеонтологія, промышленная и агрономическая химія.	5) Культура и удобреніе; способы эксплуатаціи, сельско - хоз. улучшенія.
6) Физіологія.	6) Ботаника, зоологія.	6) Разведеніе скота; продовольствіе и населеніе, продолжительность труда и плата за него.
7) Психологія.	7) Обученіе, воспитаніе, педагогія.	7) Профессіональныя школы; трата нервной силы при работѣ.
8) Соціологія.	8) Антропологія, мезологія, энтографія, археологія, право и пр.	8) Структура и функціи, эволюція экономическихъ учрежденій; гражданское и промышленное экономическое право и пр.

Съ другой стороны, экономическая наука находится въ отношеніяхъ взаимной связи и зависимости со всѣми другими болѣе сложными и спеціальными общественными науками.

Отношеніе къ наукѣ о населеніи: вліяніе экономическихъ формъ на населеніе вообще, на строй и жизнь семьи; дѣйствіе, оказываемое благосостояніемъ на рождаемость, смертность, брачность; дѣйствіе, оказываемое продолжительностью труда и платой за

него на домашнюю жизнь; эволюція семейнаго строя и понятія о семьѣ на разныхъ стадіяхъ экономическаго развитія общества и пр. Подтвержденіе этой связи фактомъ смѣшенія въ прежнее время политической экономіи съ домашней (οἶκος, νόμος).

Отношеніе къ эстетикѣ: прямая связь эстетическаго чувства съ органической жизнью и въ частности съ питаніемъ, согласно послѣднимъ даннымъ психологіи (Lange, Sergi); досугъ, черезъ посредство котораго искусство прямо производится изъ экономической жизни; необходимость извѣстнаго физіологическаго и экономическаго досуга для проявленія искусства; промышленныя искусства, какъ соединительное звено между промышленностью и изящными искусствами; общая зависимость искусствъ отъ экономическихъ условій и учрежденій, отъ кастъ, классовъ и пр.

Отношеніе къ вѣрованіямъ или коллективной психологіи: религіозныя, метафизическія и научныя концепціи экономическаго строя. Примѣры: концепція труда, данная библіей и католицизмомъ, метафизическая концепція естественнаго экономическаго порядка въ обществѣ; соціологическая концепція соціальной экономіи; примѣненіе индуктивнаго и научнаго методовъ къ изученію экономіи.

Отношеніе къ этикѣ: нравы или закрѣпленіе и обобщеніе обычныхъ способовъ поведенія въ обществѣ, опредѣляемыхъ въ общемъ экономическими условіями. Примѣры: дѣтоубійство и самоубійство. Далѣе, происходящее, согласно экономическимъ условіямъ, чередованіе морали религіозной, метафизической, позитивной, эгалитарной и не-эгалитарной, альтруистической и эгоистической, мирной и военной, капиталистической, буржуазной и соціалистической. Безпорядочное половое общеніе, фактическая, если не узаконенная полигамія, проституція находятся въ связи съ экономическими условіями. Условная ложь частной и публичной морали, опредѣляемая главнымъ образомъ реальной экономической жизнью, которая и обнаруживаетъ лицемѣріе этой морали; примѣръ—такъ называемое христіанское братство. Слабое воздѣйствіе прогрессивной морали на экономическій строй, доказываемое незначительнымъ вліяніемъ нравственныхъ совѣтовъ и разсужденій на фактическое поведеніе. Постоянная подчиненность нравственнаго идеала экономическому.

Отношеніе къ праву: подчиненность экономическому праву всѣхъ другихъ отдѣловъ права, какъ гражданскаго, такъ и публичнаго; личное право, семейное, наслѣдственное, обязательственное и вещное, право гражданское и публичное, національное и международное находятся всегда въ связи съ экономическимъ состояніемъ общества. Въ Спартѣ воровство между спартіатами было неизвѣстно. Законодательство покоится самымъ существеннымъ образомъ на экономическомъ базисѣ: законы гражданскіе, торговые, промышленные, рабочій договоръ, законы о художественной

и литературной собственности; сравнительно съ правомъ, экономія даетъ высшее и точнѣйшее опредѣленіе юридическихъ нормъ и санкцій. Каждый новый экономическій періодъ требуетъ и особаго новаго права. Экономическое право регулируетъ посредствомъ коллективнаго принужденія экономическія отношенія, не вошедшія еще въ достаточной степени въ нравственное сознаніе. Примѣчаніе: въ настоящее время происходитъ пересмотръ нашего гражданскаго уложенія, совершающійся отрывочно и безсистемно, и изъ экономистовъ никто не приглашенъ въ коммиссію пересмотра для ознакомленія ея съ дѣйствительнымъ состояніемъ экономическихъ отношеній, которыя такъ измѣнились со времени изданія кодекса Наполеона. А между тѣмъ, основаніемъ для построенія новаго права должны служить именно экономическія отношенія.

Отношеніе къ политикѣ. Экономическая наука находится въ связи съ управленіемъ всей коллективной жизнью, составляющимъ предметъ политики. Это управленіе, плохо или хорошо организованное при посредствѣ политическихъ учрежденій, относящихся къ представительству, обсужденію и осуществленію различныхъ соціальныхъ интересовъ, опредѣляется, главнымъ образомъ, экономическими интересами, какъ внутренними, такъ и внѣшними; существуетъ не только національная, но и международная экономическая политика. Большее или меньшее сцѣпленіе между элементами экономической организаціи, какъ внутренней, такъ и внѣшней, находится въ прямой связи съ состояніемъ мира или войны, будь то война гражданская или чисто политическая; между политическими и гражданскими войнами разница только въ степени; соціальныя войны, опредѣляемыя экономическими конфликтами, могутъ быть интенсивнѣе внѣшнихъ войнъ, которыя, впрочемъ, тоже преслѣдуютъ—сознательно или безсознательно—экономическія цѣли. Сама по себѣ война не всегда имѣетъ политическій характеръ, но она имѣетъ тенденцію стать таковой, когда она разыгрывается на экономической почвѣ. Политика находится также въ связи съ организаціей классовъ внутри страны и организаціей соціальныхъ группъ за-границею, группъ, между которыми тоже происходитъ борьба за преобладаніе, преслѣдующая, главнымъ образомъ, экономическія задачи. Политика стоитъ, такимъ образомъ, въ связи съ различными экономическими системами: меркантилизмомъ, протекціонизмомъ, свободой торговли, соціализмомъ, системой торговыхъ договоровъ (контрактуализмомъ). Политическія формы, какъ національныя, такъ и международныя, стоятъ въ связи съ экономическимъ строемъ, которымъ онѣ и опредѣляются. Съ неизбѣжнымъ при господствѣ капиталистической конкурренціи расширеніемъ рынковъ обнаруживается неизбѣжная тенденція къ расширенію и концентраціи государствъ, путемъ проведенія въ жизнь идеи имперіализма, что мы видимъ

не только въ Россіи и Германіи, но и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи и въ мелкихъ государствахъ съ интенсивнымъ промышленнымъ и капиталистическимъ режимомъ, подобно Бельгіи. Это расширеніе могло бы быть осуществлено просто договорнымъ путемъ при установленіи высшаго соціальнаго строя и могло бы выразиться въ созданіи ряда представительныхъ, совѣщательныхъ и исполнительныхъ органовъ, начиная отъ простыхъ фабричныхъ совѣтовъ и крестьянскихъ сходокъ и кончая большимъ международнымъ представительствомъ всѣхъ крупныхъ соціальныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, международная политическая федерація, покоящаяся на мирномъ экономическомъ базисѣ, смѣнила бы большія военныя государства, оспаривающія другъ у друга верховенство, которое всегда будетъ неустойчиво и никогда не осуществится въ полной мѣрѣ.

V. Методъ соціальной экономіи.

Методомъ различныхъ соціальныхъ наукъ,—экономики, ученія о населеніи, коллективной психологіи, эстетики, этики, права и политики,—служитъ историческій методъ, который представляетъ собою только расширеніе и усовершенствованіе общаго метода наблюденія. Историческій методъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ изученію этихъ наукъ; по своей гибкости это орудіе наблюденія болѣе всего приспособлено къ объему, массѣ, сложности и пластичности соціальныхъ явленій.

Историческій методъ слѣдуетъ понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; хотя онъ примѣняется въ особенности къ эволюціонной или динамической сторонѣ фактовъ, учрежденій и обществъ, тѣмъ не менѣе, какъ методъ описательный по существу, онъ годится и для изученія ихъ структуры, т. е. статики. Статистика даетъ обѣ эти стороны—статику и динамику; она представляетъ собою историческій пріемъ, приноровленный для наблюденія элементарныхъ количественныхъ явленій соціальной экономіи; она примѣнима въ особенности къ соціальнымъ элементамъ, разсматриваемымъ сами въ себѣ,—элементамъ, сплетеніе которыхъ образуетъ учрежденія или органы, аппараты и системы, изъ коихъ слагается всякое общество. Статистика—наука аналитическая и абстрактная, между тѣмъ какъ исторія—наука, главнымъ образомъ, описательная, синтетическая и конкретная. Хотя исторія показываетъ намъ по-преимуществу послѣдовательность и развитіе соціальныхъ фактовъ, послѣдовательный порядокъ ихъ измѣненія и эволюціи, а статистика—порядокъ ихъ сосуществованія, тѣмъ не менѣе послѣдняя въ тѣхъ случаяхъ, когда она охватываетъ болѣе или менѣе длинные періоды, обладаетъ также историческими свойствами. Всякая діаграмма, обнимающая опредѣленное количество наблюденій одного рода, отно-

сящихся къ извѣстному періоду времени, представляетъ въ формѣ чертежа историческое описаніе; если разсматриваемый періодъ допускаетъ мало измѣненій или вовсе ихъ не допускаетъ, то мы имѣемъ дѣло со статикой явленій, въ противномъ случаѣ—съ ихъ динамикой, и это послѣднее имѣетъ мѣсто тогда, когда наблюденія, изображенныя въ формѣ діаграммы, распространяются на длинные періоды времени вмѣсто того, чтобы ограничиться небольшимъ числомъ лѣтъ, такъ какъ измѣненія, происшедшія въ короткій промежутокъ времени, не всегда могутъ быть подмѣчены и оцѣнены и почти не превлекаютъ къ себѣ вниманія.

Науку можно считать сложившейся только тогда, когда она имѣетъ свой методъ, орудіе, приспособленное къ предмету ея изученія, и затѣмъ—когда всѣ ея элементы, вся область ея, начиная съ самыхъ поверхностныхъ частей и кончая самыми глубокими, начиная съ самыхъ сложныхъ и кончая самыми простыми, въ точности изучены и подвергнуты анализу.

Такимъ образомъ, статистика, какъ методъ, естественно лежитъ въ основѣ экономической науки; она—главная книга, въ которую заносятся кредитъ и дебетъ повседневной соціальной жизни; отъ нея мы получаемъ цифровыя данныя, итоги и балансы нашей экономической и даже соціологической дѣятельности.

Аналитическій и историческій методы—это спеціальныя, дополнительныя формы общаго метода наблюденія, т. е. индуктивнаго метода.

Свойственный соціальнымъ наукамъ, а потому и экономикѣ, историческій методъ не составляетъ, однако, ихъ исключительнаго достоянія. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, появленіе его въ соціальной наукѣ имѣетъ своимъ результатомъ распространеніе его на всѣ предшествующія науки, а во-вторыхъ—методы, свойственные предшествующимъ наукамъ, въ свою очередь примѣняются ко всѣмъ соціальнымъ наукамъ, не исключая и экономики.

Какими методами пользуются предшествующія науки?

1) Математика и астрономія пользуются методомъ прямого и косвеннаго наблюденія;

2) механическія и физико-химическія науки—методомъ наблюденія + экспериментальный методъ;

3) біологическія науки—двумя предыдущими + сравнительный методъ;

4) психологія—тремя предыдущими + логическіе методы, т. е. методы познанія, согласные съ законами строенія и функціонированія человѣческаго духа.

Къ этимъ логическимъ методамъ или пріемамъ относятся дедукція и индукція. Индукція имѣетъ различныя формы: методъ согласія, методъ разницы, методъ остатковъ и методъ сопутствующихъ измѣненій. Послѣдній пріемъ имѣетъ наибольшее

значеніе для объясненія соціальныхъ и въ частности—экономическихъ фактовъ.

Примѣры примѣненія логическихъ методовъ къ объясненію экономической жизни (заработной платы) въ ея отношеніяхъ къ половой жизни (незаконнымъ рожденіямъ) я представилъ въ своихъ *Соціологическихъ законахъ* *) и въ *Общей элементарной соціологіи* **);

5) соціальныя науки, слѣдовательно и экономика, пользуются четырьмя главными предыдущими методами + историческій методъ.

Въ другомъ мѣстѣ я показалъ также, что, въ силу взаимной связи между соціальными фактами и относящимися къ нимъ соціальными науками, методы ихъ обладаютъ и обратной силой, такъ что примѣненіе болѣе сложныхъ отражается на менѣе сложныхъ. Такъ и историческій методъ, свойственный соціальнымъ наукамъ, въ концѣ концовъ оказалъ вліяніе на всѣ предшествующія науки, содѣйствуя ихъ усовершенствованію путемъ изученія ихъ историческаго развитія. Изучая процессъ открытій въ сферѣ промышленности, историческій методъ является могучимъ пособникомъ въ дѣлѣ техническихъ усовершенствованій и изобрѣтеній; знакомство съ историческимъ ходомъ развитія каждаго орудія направляетъ изобрѣтателей по пути дальнѣйшихъ усовершенствованій. Точно также знаніе исторіи способствуетъ развитію и выясненію нашихъ идеаловъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности.

Въ настоящее время почти никто уже не споритъ противъ примѣнимости различныхъ методовъ прямого и косвеннаго наблюденія къ изученію экономическихъ фактовъ. Исключеніе составляетъ только экспериментальный методъ. Будучи свойственъ физико-химическимъ наукамъ, онъ уже примѣненъ въ біологіи и психологіи, но еще отрицаютъ возможность его примѣненія въ соціальныхъ наукахъ и, въ частности, въ экономической наукѣ.

Возраженія сводятся къ невозможности или, по крайней мѣрѣ, къ трудности искусственно создать условія опыта, т. е. среду, необходимую для проявленія феномена, который желаютъ произвести или воспроизвести. Трудность эта происходитъ отъ многообразія и сложности соціальной среды, и затѣмъ—отъ ея неподвижности и недостаточной пластичности.

Такое же возраженіе было выдвинуто и тѣми учеными, которые, подобно г. де-Роберти и по примѣру Ог. Конта, полагаютъ, что соціальныя явленія недѣлимы и не поддаются классифицированію.

Я отвѣчаю на это:

1) Потому именно, что соціальная среда сложнѣе, пластичнѣе,

*) Стр. 106—112, 3-го французскаго изданія.
**) Стр. 14—15 и 91—92

измѣнчивѣе біологической и психической, а въ особенности физической, по этой именно причинѣ она легче поддается модификаціямъ и экспериментамъ, какъ мы это вообще видимъ по мѣрѣ перехода отъ самыхъ простыхъ и общихъ наукъ къ болѣе сложнымъ и спеціальнымъ. Начиная отъ физики и особенно отъ химіи, науки становятся все болѣе экспериментальными; біологія и психологія сдѣлались таковыми позже всѣхъ, и очередь дойдетъ, наконецъ, и до соціологіи. Конечно, здѣсь встрѣчаются большія затрудненія, чѣмъ и объясняется медленное развитіе экспериментальнаго метода въ этихъ наукахъ.

2) Исторія постоянно повторяется, хотя и при мѣняющихся условіяхъ; она даетъ намъ, слѣдовательно, аналогичныя соціальныя среды или, по крайней мѣрѣ, достаточно аналогичныя для созданія правильнаго опыта; логическіе пріемы даютъ намъ возможность устранять случайныя измѣненія и наиболѣе измѣнчивыя условія, чтобы получить такимъ образомъ постоянные законы, которые становятся прочнымъ основаніемъ нашего соціальнаго предвидѣнія. Выраженіе „*опытъ исторіи*", пользующееся почти вездѣ правомъ гражданства, представляетъ только неудачную формулу, которую практическій инстинктъ общества противопоставляетъ хитросплетеніямъ метафизиковъ соціальной экономіи.

3) Обычай и законъ представляютъ собою, по меньшей мѣрѣ, практическое и эмпирическое закрѣпленіе и координированіе традицій, т. е. накопленнаго опыта. Законодательство иногда само производитъ опыты, которые могутъ быть вполнѣ научными, если элементы ихъ хорошо изучены, классифицированы, координированы, если они подверглись методическому наблюденію и при этомъ сдѣланы надлежащіе выводы. Сравнительное изученіе законодательствъ можетъ разсматриваться, какъ одна изъ формъ опыта, если его дополнить сравненіемъ дѣйствій законовъ при болѣе или менѣе аналогичныхъ средахъ. Съ этой точки зрѣнія общество можетъ, напримѣръ, какъ это показалъ Donnat въ своей *Экспериментальной политикѣ* испытать дѣйствіе закона въ предѣлахъ одной мѣстности, прежде чѣмъ распространить его на все общество.

4) При этихъ условіяхъ отдѣльныя личности и особенно группы и государства могутъ производить соціальные эксперименты, въ томъ числѣ и экономическіе. Само собою разумѣется, что коллективная личность въ этомъ отношеніи является болѣе сильнымъ экспериментаторомъ, чѣмъ индивидуумъ. Но не исключается и личная иниціатива, при чемъ дѣятельность индивидуума тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ больше его реформаторскіе опыты соотвѣтствуютъ реальнымъ общественнымъ потребностямъ.

Впрочемъ, на этотъ путь выступили только недавно. Частные и коллективные опыты производились, по собственному побужденію или по предписанію закона, въ сферѣ продолжительности

труда, минимума заработной платы, формы производства и отношеній между капиталомъ и трудомъ. Учрежденныя въ передовыхъ странахъ министерства труда съ ихъ необходимыми вспомогательными учрежденіями — центральными статистическими бюро, приводящими въ систему наблюденія спеціальныхъ органовъ, сдѣлались настоящими орудіями коллективнаго наблюденія и опыта. Международное учрежденіе могло бы, въ свою очередь, заняться приведеніемъ въ систему наблюденія и опыта отдѣльныхъ обществъ и выработать главныя основанія международнаго законодательства о трудѣ или даже новаго экономическаго права для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ вообще, а также и тѣ столь же необходимыя нормы, которыми должны регулироваться отношенія цивилизованныхъ народовъ къ низшимъ расамъ для предотвращенія разнузданной эксплуатаціи съ нашей стороны.

Приведемъ примѣръ соціальнаго эксперимента, относящагося къ ограниченію продолжительности труда, на основаніи таблицъ, напечатанныхъ у Луйо Брентано.

А. Состояніе хлопчато-бумажной промышленности въ Англіи съ 1835 по 1890 г.

Годъ.	Число прядильныхъ и ткацкихъ мастерскихъ.	Число прядильныхъ веретенъ.	Число ткацкихъ станковъ.	Число механическихъ станковъ.	Число рабочихъ.
1835	1202	?	?	109,626	220,134
1839	1819	?	?	?	259,336
1850	1932	20.977,017	?	248,627	330,924
1870	2483	33.995.221	3.723,537	440,676	450.087
1874	2655	37.515,772	4.366.017	463,118	479,515
1879	2674	39.527,920	4.678,770	514,911	482,903
1885	2635	40.120,451	4.228,470	560,955	504,069
1890	2538	40.111,934	3.992,835	615.714	528,795

Въ 1847 г., не смотря на сильную оппозицію фабрикантовъ, былъ изданъ законъ, ограничивающій женскій и дѣтскій трудъ на всѣхъ фабрикахъ 10 часами въ сутки и 58 часами въ недѣлю. Противники закона утверждали, что сократится производство, что необходимость прибѣгать къ все большему употребленію машинъ повлечетъ за собою уменьшеніе числа рабочихъ, что вывозъ сократится, цѣны поднимутся и потребленіе уменьшится.

Приведенная таблица показываетъ, однако, что, не смотря на развитіе машинъ, число рабочихъ правильно ростетъ, и этому не воспрепятствовалъ также кризисъ послѣднихъ годовъ.

B. Потребленіе хлопка въ Англіи и вывозъ его.

Годы.	Потребленіе хлопка-сырца въ тыс. фунт. стерл.	Вывозъ хлоп.-бумажн. тканей въ мил. фунт. стерл.
1846 — 1850	581,680	25,33
1851 -- 1855	748,250	31,84
1871 — 1875	1.259.380	
1881 — 1885	1.438,910	1888 г. 70,54

Мы видимъ, что потребленіе въ Англіи необычайно развилось, а экспортъ возросъ почти въ той же пропорціи.

Оппозиція прекратилась со времени кодификаціи фабричныхъ законовъ въ 1878 г.

Но, быть можетъ, ограниченіе продолжительности женскаго и дѣтскаго труда повлекло за собою увеличеніе издержекъ производства, такъ какъ женщины и дѣти стали меньше работать и вслѣдствіе этого пришлось увеличить число взрослыхъ рабочихъ или машинъ? Факты даютъ на этотъ вопросъ категорическій отвѣтъ.

Годы.	Сумма производства въ годъ (въ тыс. ф. ст.).	Число рабочихъ.	Сумма производства на одного рабочаго.	Плата за трудъ по разсчету на 1 ф. ст. производства.	Средняя заработная плата въ годъ.
А. Прядильное производство.					
1844—1846	523,300	190,000	2,754	2 шил. 3 п.	28 ф. ст. 12 ш.
1859—1861	910.000	248,000	3,671	2 » 1 »	32 » 10 »
1880—1882	1.324,900	249,000	5,520	1 » 9 »	44 » 4 »
B. Ткацкое производство.					
1844—1846	348,110	210,000	1,658	3 шил. 5 п.	25 ф. ст. 10 ш.
1859—1861	650,870	203,000	3,206	2 » 9 »	30 » 15 »
1880—1882	993,540	246,000	4,959	2 » 3 »	39 » 30 »

Слѣдовательно, издержки производства уменьшились, а сумма производства увеличилась; производительность труда возросла, и вмѣстѣ съ этимъ повысился также заработокъ рабочаго.

Слѣдствіемъ этого эксперимента было возбужденіе вопроса объ урегулированіи и ограниченіи продолжительности труда взрослыхъ рабочихъ.

Вмѣшательство закона въ сферу труда взрослыхъ рабочихъ впервые коснулось желѣзныхъ дорогъ. Согласно *Railway Regulation Act*, если продолжительность труда на желѣзныхъ дорогахъ чрезмѣрна, то рабочій можетъ обратиться съ жалобой въ департаментъ труда, который вправѣ вмѣшаться и установить ограниченіе рабочаго дня въ разумныхъ предѣлахъ.

Былъ внесенъ также проектъ закона, ограничивающаго наи-

большую продолжительность труда въ копяхъ восемью часами, но онъ не прошелъ. Въ дѣйствительности, однако, рабочій день въ копяхъ почти не превышаетъ 8 часовъ, чѣмъ и объясняется непріязненное отношеніе нѣкоторыхъ рабочихъ союзовъ къ вмѣшательству государства въ эту область.

Въ февралѣ 1894 г. восьмичасовой рабочій день введенъ въ силу административнаго распоряженія почти во всѣхъ казенныхъ предпріятіяхъ Англіи, въ томъ числѣ въ арсеналахъ.

Таковы коллективные національные эксперименты, произведенные посредствомъ законодательнаго или административнаго вмѣшательства. Точно такимъ же образомъ могутъ поступать отдѣльныя лица или группы лицъ, не дожидаясь принятія общихъ мѣръ.

Въ 1893 году одна рочдэльская фирма уменьшила продолжительность труда съ 55 на 48 час. въ недѣлю, оставивъ заработную плату безъ измѣненія, и это, повидимому, не вызвало никакого сокращенія производства.

Нѣкій Макальпинъ, крупный шахтовладѣлецъ, которому принадлежатъ, между прочимъ, Альтамскія угольныя копи, что вблизи Акрингтона, ввелъ въ видѣ опыта для рабочихъ, занятыхъ въ этихъ копяхъ, въ числѣ 1000 чел., восьмичасовой рабочій день безъ уменьшенія заработной платы. Убѣдившись въ томъ, что производство не сократилось, онъ ввелъ эту мѣру, т. е. 48 час. работы въ недѣлю, и для рабочихъ, занятыхъ на поверхности земли, а также для грузчиковъ (1894 г.).

Отмѣтимъ еще очень хорошо обставленный въ научномъ отношеніи экспериментъ, произведенный, нѣкоторое время спустя, гг. Матеръ и Платъ на ихъ *Salford Iron Works*, близъ Манчестера, на которыхъ занято 1200 рабочихъ. Хотя опытъ этотъ произведенъ былъ при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, въ моментъ общаго угнетеннаго состоянія промышленности, во время стачки, руководимой изъ центра, и при сильной иностранной конкурренціи, тѣмъ не менѣе результаты получились замѣчательные. Наблюденія дѣлались ежедневно и записывались съ большой точностью; регистрація велась въ теченіе года. Вотъ выводы:

Что касается заработной платы, то сокращеніе продолжительности труда повлекло за собою экономію въ издержкахъ производства на 0,4%, что вполнѣ возмѣщаетъ потерю въ 0,4%, происшедшую вслѣдствіе увеличенія расхода на заработную плату;

произошла экономія въ непроизводительной тратѣ времени;

производство не сократилось даже у работающихъ сдѣльно.

Въ 1892 г. Германія ограничила продолжительность труда взрослыхъ работницъ 11 часами. Въ 1893 г. насчитывалось въ германской промышленности 616,620 работницъ.

Оффиціальные отчеты фабричныхъ инспекторовъ Эльзасъ-Лотарингіи и Дюссельдорфскаго округа, гдѣ въ 1894 г. занято

было въ ткацкомъ и прядильномъ производствахъ 98,000 работницъ, свидѣтельствуютъ, что благодаря закону:

1) качество труда улучшилось, и именно вслѣдствіе:

a) введенія усовершенствованныхъ машинъ скoраго дѣйствія;

в) употребленія матеріаловъ высшаго качества;

c) болѣе правильной организаціи труда;

d) болѣе однообразнаго распредѣленія заказовъ по днямъ недѣли;

e) лучшей утилизаціи способностей рабочихъ.

Слѣдовательно, съ точки зрѣнія производства реформа оказалась выгодной.

2) Что же касается выгодъ для рабочихъ, то:

a) въ началѣ думали, что законъ будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ вытѣсненіе женщинъ мужчинами, такъ какъ продолжительность труда послѣднихъ не была ограничена. На самомъ дѣлѣ этого не случилось; напротивъ, число взрослыхъ работницъ увеличилось въ 1893 и 1894 гг.;

b) въ Эльзасъ-Лотарингіи заработная плата какъ мужчинъ, такъ и женщинъ повысилась, такъ какъ увеличилась производительность труда.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что экспериментальный методъ примѣнимъ и въ экономіи, что экспериментаторъ можетъ произвести здѣсь искусственное сочетаніе условій, чтобы изучить явленіе и сдѣлать подлежащіе выводы *).

Не слѣдуетъ также забывать, что политическая экономія находится въ связи не только съ другими соціальными науками, но и со всѣми предшествующими науками, въ томъ числѣ съ физіологіей и психологіей.

Поэтому, хотя длина рабочаго дня. варіируетъ въ зависимости отъ условій экономической структуры—обращенія, производства и ихъ техники, тѣмъ не менѣе вопросъ о нормальной продолжительности труда, взятый съ болѣе общей точки зрѣнія, зависитъ отъ законовъ органической и технической жизни.

Это очень хорошо выяснили Моссо и Бине въ своихъ трудахъ объ умственномъ и физическомъ переутомленіи,—трудахъ, основанныхъ, главнымъ образомъ, на экспериментальномъ методѣ. Не потому ли экономическія явленія дѣлаютъ необходимымъ примѣненіе экспериментальнаго метода, что съ общей точки зрѣнія они находятся въ зависимости отъ органическихъ наукъ? Добавимъ еще, что черезъ посредство этихъ наукъ соціальная экономія соединяется, сверхъ того, прямо съ физико-химическими

---

*) За подробностями, касающимися опытовъ введенія 8 часового рабочаго дня, отсылаю читателя къ замѣчательному труду Джона Рэ: *Восьмичасовой рабочій день. Теорія и сравнительное изученіе его примѣненія и экономическихъ и соціальныхъ результатовъ.* 1900.

науками, а методомъ, свойственнымъ этимъ послѣднимъ, является именно методъ экспериментальный.

Изъ всего изложеннаго мы въ правѣ, слѣдовательно, заключить, что экспериментальный методъ примѣнимъ въ экономіи не менѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ соціальныхъ наукахъ.

Опредѣливъ область соціальной экономіи и методы, пригодные для ея изслѣдованія, мы можемъ приступить къ самому изученію этой основной науки.

* * *

Солнце грѣетъ уже горячо, горячо,
Миновали туманы ненастья...
То еще не весна и не счастье еще—
То предчувствіе счастья...
Распахнуть бы окно, заглянуть бы впередъ,
Въ даль, гдѣ небо зарею алѣетъ,
Гдѣ подснѣжникъ, какъ робкая греза цвѣтетъ,
И пушистая верба бѣлѣетъ.
Но душа все чего-то боится и ждетъ,
И рвануться къ разсвѣту не смѣетъ!..

Г. Галина.

ИНВАЛИДЫ И НОВОБРАНЦЫ.

Варвара Егоровна осталась у стола одна — всѣ разбѣжались, не поужинавъ, какъ слѣдуетъ. Ниночку позвали кормить ребенка, а Леонидъ помогаетъ бабушкѣ угомонить Алачку; съ дороги дѣвчурка капризничаетъ, хочетъ домой, требуетъ свою старую няньку.

Старо, какъ свѣтъ!

...„Только прежніе папаши съ такимъ восторгомъ въ няньки не записывались... чаю недопитымъ не бросили бы, ужъ извините-съ!" думаетъ иронически тетя Варя, раскуривая новую папиросу и поглядывая на отпитый до половины стаканъ, на забытый на столѣ портсигаръ, спички...

Сундуки и корзины стоятъ неразвязанные, какъ ихъ внесъ кучеръ. На стульяхъ и окнахъ брошены свертки и узелочки, дѣтское платье, шляпка, игрушки.

Ихъ мирная, залитая солнышкомъ столовая, чистенькая и уютная, гдѣ онѣ съ Марусей цѣлыми часами просиживали съ работой или за книгой... Кстати весь и дворъ тутъ у нея подъ хозяйскимъ глазомъ. У оконъ по мягкому креслу перенесено для нихъ изъ гостиной. Подъ окномъ трещитъ канарейка. Красавецъ Грызка лежитъ на буфетѣ, подвернувъ бѣлыя лапки „муфточкой", и томно жмуритъ огромные, точно зеленый крыжовникъ, глаза.

Но въ душѣ не было мира. Сестру Варвара Егоровна нашла нынче какъ-то непонятно тревожной. Даже и радости отъ ея пріѣзда хватило всего на два, три дня. Съ виду какъ будто и слушаетъ Марья Егоровна ея оживленные разсказы про общество,—про интриги и партіи на послѣднихъ выборахъ,—но вѣдь ее не обманешь: въ душѣ чѣмъ-то своимъ волнуется. Писемъ ждетъ... всегда одно!

. . . .

Тетя Варя курила и соображала: сколько же лѣтъ, однако, сему отцу семейства со школьной скамейки?.. Двадцать три—

четыре—ну, да! въ девятнадцать лѣтъ гимназію кончилъ, въ двадцать одинъ женился, Алачкѣ третій годъ пошелъ.

Въ ея памяти еще жилъ праздничный образъ первокурсника, восхищеннаго новенькой студенческой свободой, и немного забавная гордость Маруси, точно сама она вмѣстѣ съ нимъ вступала въ святилище университета...

Послѣ свадьбы тетя Варя почти вовсе не видалась съ молодыми, хотя она всегда живетъ въ Петербургѣ. Они не вспоминали объ ея существованіи, и она не желала *мѣшать*.. Да!.. Сынъ Маруси росъ на глазахъ и стоилъ ей тоже не мало волненій... И такъ сразу, безъ всякаго повода или столкновенія, перестали существовать другъ для друга. Придти взглянуть, какъ они живутъ, уже значитъ мѣшать и стѣснять, а отъ нихъ требовать было бы просто на просто смѣшной претензіей со стороны ни на что не нужной старой тетки.

Къ матери, въ деревню, первое еще лѣто собрались. До послѣдней минуты то обѣщались, то отступались — иначе и Варвара Егоровна теперь не была бы здѣсь. Написала ей Маруся, что Ниночка окончательно отказывается, она и пріѣхала утѣшать, скуку вмѣстѣ коротать...

А черезъ недѣлю вдругъ эстафета: „высылайте экипажъ“.

Такъ и все время: то сюда мамашу дернутъ, то—туда. Первый годъ Марья Егоровна вовсе въ Петербургъ не поѣхала, просидѣла безвыѣздно въ Мёдушахъ. А на второе лѣто только подъ осень домой попала: Ниночка ждала ребенка, Ниночка болѣла, Ниночка не умѣла справиться съ новыми обязанностями. Точно отбросило далеко назадъ, къ самому началу пройденнаго пути... И тетя Варя снова въ старой роли созерцательницы знакомыхъ картинъ.

Но вотъ ей начинаетъ казаться, что Маруся и сама хорошенько не знаетъ, чего она хочетъ. Въ одиночествѣ скучаетъ, тоскуетъ, — а тамъ, *у нихъ* тоже себѣ мѣста не найдетъ, рвется назадъ, къ себѣ въ деревню...

. . . .

Размышленія Варвары Егоровны прерваны были топотомъ проворно бѣгущихъ по лѣстницѣ ногъ. Въ столовую ворвалась горничная Таня, красная, растрепанная и отъ спѣха прищемила въ дверяхъ платье. Кинулась прямо къ самовару.

— Батюшки простылъ вовсе! Пока донесешь и будетъ холодная!..

Таня болтала пальцемъ въ водѣ и такъ отчаянно смотрѣла на барышню, какъ будто та и сидѣла тутъ собственно для того, чтобы самоваръ не простылъ.

— Зачѣмъ вода? — спросила Варвара Егоровна, почувствовавъ упрекъ.

— Да какъ же, помилуйте, ребеночка подмыть, а она вовсе холодная!

— Согрѣй.

— Господи! да что вы это, Варвара Егоровна?! до какихъ поръ ждать придется.

— Та-аня!.. Та-а-ня!!. — неся по лѣстницѣ сердитый крикъ.

— Си-ичасъ!!.—крикнула Таня во весь голосъ, такъ что она даже вздрогнула. Рванулась изъ комнаты, воду плеснула на полъ отъ порывистаго поворота и въ дверяхъ опять прищемила платье.

— Ну! всѣ голову потеряли!! — разсмѣялась громко Варвара Егоровна.

Наверху поднялась ходьба, — что-то двигали, что-то стукнуло. Кусочекъ старой штукатурки сорвался съ потолка и упалъ въ блюдо съ простывшими котлетами.

„Вотъ, это и есть настоящая жизнь"... думала тетя Варя, слѣдя туманнымъ взоромъ за нагоняющими другъ дружку кудрявыми нѣжными струйками. Вѣрнѣйшее средство непринужденно ускользнуть отъ навязчивой дѣйствительности (холодный самоваръ на столѣ не останавливалъ больше на себѣ ея вниманія). Въ такія минуты на отцвѣтшемъ лицѣ устанавливается совсѣмъ другое, мечтательное выраженіе Оно смягчаетъ привычную ироническую складку, такъ легко появляющуюся на склонѣ жизни у всѣхъ ея вдумчивыхъ созерцателей. Умные, дальнозоркіе глаза и крупныя губы обмѣниваются снисходительной или желчной ироніей и передаютъ ее суховатому ровному голосу. И все вмѣстѣ на людей, не знающихъ близко Варвары Егоровны, дѣлаетъ впечатлѣніе самоувѣренности и нетерпимости.

И впечатлѣніе это еще усиливается тѣмъ, что, наблюдая и обобщая на свободѣ, женщина эта естественно любитъ и высказывать свои мысли. Тетя Варя хорошо говоритъ о жизни, семьѣ, о равноправности женщинъ и безнравственности мужчинъ, о благотворительности и пр., и пр Она любитъ развивать теоріи и системы, какъ любятъ это всѣ одинокіе люди, чья личная жизнь не сложна, а умъ ищетъ пищи. Но люди близкіе знаютъ, что подъ сухой дидактической складкой таится истинная доброта: не горячность эмоціональныхъ вибрацій податливыхъ нервовъ, а стойкая доброта справедливыхъ сужденій. Знаютъ это и питомцы, и служащіе большого пріюта, который опекаетъ уже много лѣтъ Варвара Егоровна.

Тетя Варя курила и думала:

..."Сколько перестрадала, что нѣтъ своего, такого вотъ вѣчнаго котла... Никто не мѣшаетъ до сыта поѣсть, во время выспаться, — ничто не нарушаетъ дорогихъ привычекъ... Никто моего сердца въ своей горсти не держалъ!"

Она одобрительно кивнула дымному колечку.

"Хоть и нечаянно, а хорошо сказалось. Наглядѣлась довольно! Не на шутку тогда трусила, чтобы сестра серьезно не слегла, когда подкосила ее подъ самый корень эта двадцатилѣтняя женитьба.

Вспомнилось и негодующее письмо, которое она, сгоряча, написала племяннику ..."Отвѣтилъ глупости какія-то. А, пожалуй, съ ея стороны еще глупѣе было писать:

"— Прощай!

"— Я умру!

"— Мнѣ надо идти".

Только и всего, — общая вѣковѣчная формула. О чемъ разговоръ?

. . . .

Опять бѣгутъ по лѣстницѣ. На этотъ разъ мужскіе шаги.

— Ахъ, самоваръ... такъ и остался! — спохватилась Варвара Егоровна, и отъ конфуза пересѣла для чего-то на другой стулъ.

Леонидъ влетѣлъ въ столовую, отдуваясь и жестикулируя, какъ человѣкъ, который долго не могъ двигаться свободно.

— Ну! угомонили воеводу,—спитъ! — провозгласилъ онъ весело на порогѣ.

Такъ и остался, какъ былъ съ дороги: въ старой тужуркѣ, съ заношенными до неузнаваемаго цвѣта петлицами и кантами. Онъ сѣлъ на старое мѣсто и взялся за недопитый стаканъ.

Ее кольнуло настоящее угрызеніе совѣсти.

— Брось эту бурду, Леонидъ!.. Сію минуту подогрѣемъ самоваръ... Я не знала, сколько времени...

— Тсс... Сиди, сиди! Не надо, тетя. Увѣряю же тебя, что мнѣ все равно,—я и холодный!

Онъ насильно удержалъ ее на мѣстѣ.

— А вотъ, не судите объ насъ плохо, по первому абцугу,—ты вѣдь у насъ строгая, бѣда! Съ дороги дѣвчонка совсѣмъ изломалась... На себя не похожа! Дайте только привыкнуть—сами увидите, что за роскошь моя Алка: порработимъ тутъ васъ всѣхъ!.. Ха, ха...

Онъ ѣлъ булку и весело кивалъ на потолокъ.

Дѣтская стрижка подъ гребенку еще больше молодитъ круглое лицо съ маленькими темными усами.

Съ пятаго класса гимназистъ щеголялъ своими волни-

стыми, каштановыми волосами и былъ неравнодушенъ къ прическамъ. Тетѣ Варѣ жаль каштановыхъ кудрей...

— Боюсь, какъ бы ночью сегодня мы вамъ экстраординарной серенады не закатили... Что-то мнѣ подозрительно Я ужъ не говорю Нинѣ... Охъ, только бы не оказалась простуда какая-нибудь... бѣда!

Боже мой, какъ дико слышать изъ этихъ юныхъ устъ старую-старую пѣсню родительскихъ восторговъ и страховъ...

Кажется, такъ еще недавно тетя Варя все это слушала безъ конца слушала. Эти самыя выраженія, интонаціи,—но то былъ *за него* страхъ, любованье *имъ*, о *его* будущемъ мечты...

Неудачное замужество Маруси... разочарованія... одиночество... борьба новой любви... отреченье... Развѣ не все, все было вложено въ одинъ безцѣнный кумиръ?..

И вдругъ, разомъ, точно все перемѣшалось для безсмѣнной зрительницы: знакомую мелодію подхватилъ уже новый голосъ, выводитъ ее отъ начала съ такимъ же одушевленіемъ.

И только? это все!.. пѣсня жизни такъ коротка?!.. Такъ коротка, что ея не хватаетъ даже, чтобы наполнить до конца одно существованіе. Сначала,—все опять сначала: болѣзни, тревоги, опасности, безсонныя ночи, страхъ... Ежесекундные тиски мелкихъ физическихъ заботъ... Новые безпомощные и всепоглощающіе кумиры...

Никогда еще ей не представлялся съ такой неотвратимой фатальностью замкнутый кругъ женскихъ судебъ. Только эти посѣвы и всходы жизни для нея обязательны—жатву соберутъ другіе.

Студентъ съ аппетитомъ уничтожалъ котлету съ застывшимъ соусомъ. Замѣтивъ, что она слѣдитъ за нимъ, онъ весело подмигнулъ:

— По военному!

— А помнишь, Леонидъ, сколько ты, бывало, привередничалъ съ ѣдой?—не смогла удержаться тетя Варя,—этого не терплю, да того не выношу, аппетита нѣтъ...

— Ха-ха-ха! аппетита нѣтъ!.. ахъ, мазурики! а вы, женщины, всему вѣрите,—танцуете вокругъ этакого шарлатана. Чѣмъ бы безъ обѣда проучить разъ-другой, — небось, живо аппетитъ явится!

— Ого, какъ мы нынче разсуждаемъ! Любопытно.

Онъ пересталъ смѣяться. Въ лицѣ проступила не то озабоченность, не то усталость.

— Очень просто—силъ не хватитъ! Хоть бы сейчасъ—ты думаешь, тетя, легко это съ парой ребятъ въ дорогѣ, безъ няньки? Нина вовсе изъ силъ выбилась...

— А ты-то на что?—подсказала она съ безотчетнымъ злорадствомъ.

— Мало!.. съ двумя крошками въ дорогѣ... двухъ человѣкъ мало.

„Ну, а когда будетъ двѣ пары?“ — думала она язвительно.

Леонидъ нахмурился и вздохнулъ.

— Нина вовсе дрянцо стала послѣ вторыхъ родовъ. Головокруженіе... страшное безсиліе... Крови много потеряла. Авось въ деревнѣ опять нагуляетъ! Только ужъ няньку, какъ угодно, скорѣе добывайте, а то бѣда... Я зубрить засяду вплотную, иначе и нынче на четвертый не перевалишь. Кабы на мое счастье экзамены не перенесли на осень—былъ бы мнѣ и нынче капутъ! весной вѣдь у меня что творилось?.. Какіе ужъ тутъ экзамены! Какъ весна,—такъ и готово какое нибудь осложненіе... хоть плачь!

Онъ говорилъ довѣрчиво, посмѣиваясь надъ собственнымъ положеніемъ, безъ жалобы.

Тетя Варя, не отрываясь, глядѣла и искала чего-то прежняго, знакомаго въ юношескомъ лицѣ... И то находила, какъ будто, то опять теряла, въ зависимости отъ словъ, которыя онъ говоритъ. Онъ всѣ слова говоритъ одинаково свободно, но ее отъ нѣкоторыхъ словъ коробитъ, она боится покраснѣть.

— Ну вотъ, къ вамъ ихъ притащилъ, милыя бабушки,—теперь вамъ не угодно-ли поняньчиться!—онъ потянулся за второй котлетой.—Ниночкѣ необходимо хоть отоспаться, воздухомъ подышать,—послѣднее время вовсе почти спать не приходилось, изъ рукъ вонъ! Откуда тутъ молоку быть! Вѣдь когда есть кормилица...

— А какъ ты нашелъ мать, Леонидъ? — перебила очень громко Варвара Егоровна.

Студентъ съ минуту помолчалъ отъ неожиданности.

— Маму? кажется ничего... какъ всегда... Я не замѣтилъ. Ты это, тетя, про что собственно?

— Присмотрись... когда за дѣтей успокоишься.

— Нѣтъ, ужъ говори сейчасъ; что за таинственность! Развѣ больна?.. не писала мама ничего...

Она уже каялась:

„Не нужно, не стоитъ“.

— Дурно мама выглядитъ, по моему... Хандритъ.

— А!.. Ну, это не бѣда, — хандрить теперь некогда будетъ!—размѣялся онъ успокоительно:—одна Алка хоть пять человѣкъ за день съ ногъ собьетъ... Силы у такого пузыря—просто непостижимо! Цѣлый день на ногахъ въ припрыжку.

Тетя Варя начала нервно смѣяться.

— А вѣдь, пожалуй, тебѣ—папаша!—и самому припомнить не Богъ вѣсть еще какъ далеко!.. а?.. Помнишь, зимой заставлялъ маму бѣгать въ лошадки по залѣ? ха-ха-ха... Она увѣряла, что ей это удивительно, какъ полезно... ха-ха-ха... Моціонъ!.. ха-ха-ха...

Леонидъ тоже смѣялся:

— И, разумѣется, очень полезно! ха-ха-ха... Что жъ тутъ такого!..

— Ну, я—представь себѣ!—нахожу, что въ твои годы несравненно полезнѣе.. что-ли, на студенческихъ балахъ плясать съ курсистками! Многое-многое другое! Помнишь, мечталъ Швейцарію исходить пѣшкомъ, деньги копилъ?.. А какъ вы съ Герасимовымъ собирались всю Волгу пѣшкомъ пройти? Гдѣ онъ, Герасимовъ? Видаетесь вы?

— Гдѣ тамъ! Онъ ужъ кончилъ два года. При университетѣ могъ остаться, да самъ не пожелалъ. По Волгѣ ходилъ... коробейникомъ, говорятъ...

— Да? да?.. Стало быть, у человѣка свой выработанный путь готовъ! Вотъ это свѣтлая личность! Не много такихъ.

„Ну, еще бы! мы все на томъ же пунктикѣ вертимся: свѣтлая личность, свѣтлые идеалы“—посмѣивался внутренно племянникъ и громко подразнилъ:

— А ты, тетя Варя, по прежнему чай разливать не выучилась.

Она сидѣла, вытянувшись сухимъ станомъ; лицо горѣло темной краской, глаза щурились. Неожиданный вопросъ точно еще больше вытянулъ ее.

— Слишкомъ стара, мой другъ, мѣняться. Да и не въ модѣ оно у насъ, стариковъ. Случалось, и въ наше время женились въ двадцать лѣтъ, но заставить ребятъ няньчить и подумать не смѣли бы!

Леонидъ только было собрался вникнуть въ сарказмъ этихъ словъ, но вмѣсто того весь встрепенулся и радостно вскочилъ на ноги.

— Ну, слава Богу! обѣ сюда идутъ!

Женщины вошли, громко разговаривая.

Нина накинула только шелковый платокъ поверхъ распущеннаго лифа; къ ея нѣжному личику юной блондинки шелъ и помятый бѣлый платокъ, и растрепанная прическа, и дорожный загаръ, придававшій ему обманчивую свѣжесть.

„Ишь вѣдь она какая.. розовая!. Ничего.. пожуируемъ тутъ на лонѣ природы!“—думалъ, радостно разгораясь, Леонидъ и заботливо усаживалъ жену къ столу.

— Отпустилъ тиранъ твой душу на покаянье? Сюда, сюда садись... Теперь, матушка, я тебя кормить примусь!

— Да самъ ты, милый, покушалъ-ли?—освѣдомилась съ

порога Марья Егоровна и въ тотъ же мигъ подскочила къ столу.—Господи, да тутъ все холодное-расхолодное! Какъ же это? Нѣтъ, нѣтъ, дружокъ, погодите минутку! Я мигомъ подогрѣю.

Она выхватила изъ-подъ рукъ блюдо и исчезла съ нимъ въ кухню.

— Не надо! Не хлопочите, мамочка!—кричала вслѣдъ Нина.

— Оставь, пусть мама похлопочетъ, это жъ ей удовольствіе!—остановилъ ее безпечно Леонидъ.

„*Удовольствіе*—у плиты жариться. Сказалъ бы: мама охотно для насъ дѣлаетъ,—правда, разумѣется. Нѣтъ, не нечаянно сказалось,—онъ увѣренъ, что и плита удовольствіе.“

Съ самаго пріѣзда Маруся мечется съ такимъ напряженіемъ, точно пріѣхали чужіе гости на нѣсколько дней, а не свои домой на все лѣто. Точно она боится не угодить... Или ей въ чемъ-то оправдаться нужно...

Варварѣ Егоровнѣ съ первыхъ минутъ стало ужасно непріятно. Пассивнаго зрителя, какъ дирежера въ оркестрѣ, раздражаетъ каждая слишкомъ сильная нота. Молодежь держится совершенно натурально, занята всецѣло собою и дѣтьми.

Съ матерью обнялись.

— Вотъ и мы, мамочка—дождалась! Вотъ-съ! притащилъ тебѣ цѣлую кучу ребятъ. Съ Ниной тоже необходимо няньчиться... Молчи, матушка, молчи! Она у меня хуже всѣхъ ведетъ себя!

Добродушно хохочетъ—сіяетъ.

Не сознаетъ, какъ *имъ* все еще дико видѣть его въ этой роли покровителя, мужа, отца. Не понимаетъ, что для нихъ всетаки *онъ* на первомъ планѣ.

Леонидъ заставлялъ Нину пить пока молоко; но молодая женщина, возбужденная усталостью, не могла сидѣть спокойно.

— Какой мы безпорядокъ завели!—оглядывала она комнату,—Варвара Егоровна вѣрно возмущается... Хоть бы ты веревки развязалъ.

— Завтра успѣется.. Не сегодня же будемъ раскладываться!

— Ну, хоть мелочи-то наверхъ отнести!

Нина уже поднялась на ноги. Онъ схватилъ ее за плечи и посадилъ на мѣсто, — и не стерпѣлъ, чмокнулъ въ горѣвшую щечку.

— Сиди, сиди, безъ тебя обойдется! Что вы за педантки, женщины!

Подхватилъ вещи со стульевъ и оконъ и помчался съ ними наверхъ.

— Забылъ куклу Алкину! Недъ! Ку-у-укла!

Вернулся. Захватилъ и куклу.

Когда, минутъ черезъ десять, онъ опять вошелъ въ столовую, Нина подозрительно впилась въ него глазами.

Онъ кивнулъ ей головой.

— Ничего, ничего. Спятъ. Таня тамъ сидитъ.

— Горячая головка? какъ тебѣ показалось? Ну да! Я же говорила...

— Да нѣтъ же!—какъ всегда отъ сна.

— Не отъ сна! Зачѣмъ ты утѣшаешь меня?

Произошла настоящая борьба. Онъ не пускалъ—Нина вырывалась, онъ молилъ—она сердилась. Наконецъ, она заплакала, и оба помчались наверхъ...

Марья Егоровна вернулась со сковородкой, на которой шипѣла яичница. Лицо красное, мокрое.

— Гдѣ? Случилось что-нибудь?

Варя не безъ наслажденія объяснила.

— Маруся, да присядь хоть ты-то, ради Господа! Вѣдь ты же сейчасъ сама оттуда?

Маруся, точно не смѣя ослушаться, опустилась на кончикъ стула, обтерла мокрое лицо.

— Ахъ, ты не знаешь... я сама дрожу, что дѣти простужены! Не нравится мнѣ, какъ Алачка вскрикиваетъ... Это бѣда, что будетъ съ Ниной!

— Все равно, завтра видно будетъ. Что ты можешь теперь съ сонными?..

Слово „завтра“ точно еще больше ужаснуло ее—она тоже бросилась наверхъ.

Варвара Егоровна закурила новую папиросу.

Опасенія Леонида сбылись: ночью дѣти кричали, то одинъ, то другой, то оба заразъ. Алачка кашляла.

Нина каждую минуту справлялась въ „Руководствѣ для молодыхъ матерей“ и трепетала всѣхъ болѣзней сразу. Нина спорила, боялась повѣрить матери, попрекала Леонида и пламенно каялась, зачѣмъ она всетаки уступила, какъ могла она, въ угоду ему, затащить дѣтей въ такую глушь!

Марья Егоровна успокаивала, доказывала, вспоминала безчисленные примѣры и возненавидѣла „Руководство для молодыхъ матерей“.

Въ четыре часа Леонидъ не выдержалъ—заснулъ, какъ умеръ, свернувшись „на минутку“ на неудобномъ короткомъ диванчикѣ. Наконецъ, и Нину мать всѣми неправдами уложила въ своей постели, поклявшись не отойти ни на минуту отъ дѣтей.

Нужно дать порученія сестрѣ.

На лѣстницѣ было ужъ совсѣмъ свѣтло; на ступенькахъ сидѣла Варя, поджидая ее, кутаясь въ пуховый платокъ отъ ночного озноба. Сестры заговорили шопотомъ.

— Пусть приказчикъ сниметъ съ работъ, все равно, хоть Ваньку Никифорова,— верхомъ въ городъ послать къ доктору... Пусть къ ней сегодня же позовутъ кузнечиху, да не забыть сказать, что ей заплатятъ, иначе ни за что не пойдетъ въ рабочій день. Кузнечиха всѣхъ бабъ знаетъ на сорокъ верстъ,—не отыщется-ли гдѣ-нибудь кормилица? Докторъ навѣрное поддержитъ ее. Бѣда, время теперь такое... Кто согласится молодую бабу отпустить, и какую цѣну заломятъ!

— Все равно, все равно... я готова платить кормилицѣ, только бы это мученье кончилось!

Варя молча кивала головой въ знакъ согласія. Стало быть, сразу надо искать и няньку, и кормилицу.

„Къ вамъ притащилъ, милыя бабушки, теперь вы нянчитесь!“—вспомнился ей простодушный смѣхъ Леонида.

Не такъ оно просто! Вотъ ихъ двѣ женщины свободныя, а надо еще двухъ нанять для того, чтобы жизнь наладилась, какъ слѣдуетъ.

Тетя Варя уже чувствуетъ, какъ сгущается та специфическая атмосфера, гдѣ никакія благоразумныя рѣшенія и разсчеты не могутъ устоять,—первый приступъ страха размететъ все, точно порывомъ вихря... О, да! ей хорошо памятно, какъ всплываютъ внезапно новыя необходимости, рѣшенія, еще вчера казавшіяся невозможными...

— Небось, у тебя такъ и денегъ не хватитъ на цѣлое лѣто?—сказала она, кутаясь плотнѣе въ свой платокъ и не глядя на сестру.

— Есть, положимъ... Да сама знаешь, какое теперь время, рабочій ждать не можетъ.

— Вотъ и говорю. Билетъ со мною, можно заложить въ городѣ, коли надо.

— Спасибо, родная... Придется.

— Скажешь тогда...

Варвара Егоровна стала спускаться по лѣстницѣ. Младшая сестра осталась стоять, прислонившись въ дверяхъ, пока не раздастся за ними призывный крикъ.

Только что поднявшееся солнце пронизываетъ густымъ лучомъ бутыль съ наливкой на подоконникѣ; радужные зайчики играютъ на деревянной обшивкѣ стѣны. Во дворѣ мычатъ коровы.

Спать уже не хочется. Въ тѣлѣ разливается истома усталости...

Маруся всего на два года моложе, но съ годами разница между сестрами какъ будто увеличивается. Въ густыхъ темныхъ волосахъ не замѣтно сѣдины, хоть Марья Егоровна утверждаетъ, что сѣдыхъ волосъ пропасть. Ни черные глаза подъ крутыми бровями, ни выпуклыя губы не научились усмѣхаться значительно-иронически. Улыбка, какъ и прежде, освѣщаетъ все лицо, хоть давно нѣтъ ея главныхъ союзницъ, миловидныхъ розовыхъ ямочекъ. Ихъ разгладило время своими жгучими поцѣлуями.

Марья Егоровна и ростомъ выше, и стройнѣе сестры. Во всемъ ея обликѣ есть то, что называется „остатками былой красоты". Но, въ сущности, не объясняется-ли моложавость иныхъ женщинъ простой привычкой сознавать свою привлекательность и чувствовать ласку чужихъ глазъ? Женщины, которыхъ никто не любитъ, скорѣе старѣютъ, чѣмъ героини романовъ.

И теперь отраженіе душевной тревоги вліяетъ въ ту же сторону—въ сторону молодости...

Тревога входитъ въ ея душу вмѣстѣ съ какимъ-то опустошающимъ разочарованіемъ, падающимъ до самаго дна...

Марья Егоровна борется. Она не хочетъ впустить въ свою душу такое разочарованіе. Тревога входитъ нечувствительно, какъ просачивается незамѣтно вода въ тончайшія трещины.

Однажды—давно-давно—она чуть не погибла, купаясь въ незнакомомъ мѣстѣ, въ рѣкѣ. Она любила и умѣла плавать и даже не почувствовала, когда ее потащило въ сторону. И вдругъ стало затягивать въ глубину, точно тамъ работалъ невидимый гигантскій насосъ.

Должно быть, это осталось навсегда въ ея нервахъ. Съ тѣхъ поръ всѣ удары, всѣ внезапныя осложненія жизни даютъ ощущеніе неодолимо засасывающаго водоворота...

Къ слишкомъ знакомому страху, связанному съ дѣтьми, присоединяется теперь новый страхъ передъ Ниной... И все больше и больше заволакивается главный центръ, свѣтящееся ядро всей прошлой жизни—сынъ!..

Три года со свадьбы Леонида были именно такимъ мучительнымъ процессомъ перемѣщенія центра жизни. Сокровище, которое она страстно и набожно несла черезъ жизнь—внезапно выскользнуло изъ ея рукъ...

Оно смѣшалось со всѣмъ обыденнымъ.

Влюбленный, счастливый, растерявшійся, барахтается ея мальчикъ въ закружившемъ водоворотѣ. И не вѣрится, что когда-нибудь ему удастся выплыть въ свободную ширь жизни...

На другой день Нина извела себя до той мучительной степени, когда изнеможеніе переходитъ уже въ общее безсознательное раздраженіе; когда, еле волоча ноги, люди всетаки не въ состояніи сидѣть на мѣстѣ; когда говорятъ безъ умолку, хоть каждый звукъ дребезжитъ въ собственныхъ нервахъ.

Нина металась безъ надобности сверху внизъ и снизу вверхъ; Нина спорила безъ конца изъ-за всякаго пустяка, упрямилась, обижалась.

Юный супругъ все принималъ за чистую монету, волновался, горячо поддерживалъ споръ, принимался выяснять обиды и толковалъ что-то безсвязное, желая разсѣять ея тревогу. И только раздражалъ сильнѣе. Ужъ ему-то во всякомъ случаѣ она не собиралась вѣрить! Нина вообще вовсе не желала *успокоиться*, какъ умоляли ее всѣ окружающіе—она именно хотѣла страдать. Хладнокровіе было бы отвратительнымъ эгоизмомъ съ ея стороны.

— Несчастныя дѣти!—восклицала Нина патетически.

Увы! Варвара Егоровна тоже не спала эту ночь. Въ третій разъ ея нервы такого восклицанія не выдержали.

— Это ваши дѣти—несчастные?..

„Много ты понимаешь, бездушная старая резонерка!"—воскликнула мысленно юная мамаша и вслухъ начала язвительно излагать:

...Ужъ не полагаетъ ли тетя Варя, что дѣтямъ очень полезно, когда ихъ таскаютъ по желѣзнымъ дорогамъ въ такую жару?—На дѣтяхъ рѣшительно все отзывается: новыя лица, перемѣна воздуха, вода. Ну, да, да! Она не споритъ, воздухъ, конечно, лучше въ деревнѣ; можетъ быть, все и устроится въ концѣ концовъ, но теперь всетаки Алачка ужасно изнервничалась и неизвѣстно, во что еще разыграется эта простуда!

Но и Варварой Егоровной овладѣло упрямство *вразумить* во что бы то ни стало.

— Да кто же, кто виноватъ по вашему?!... Развѣ можно безъ этого выростить дѣтей? Вѣдь не изъ каприза вы привезли ихъ сюда—почему нибудь такъ нужно было.

— Извините, пожалуста! Это нужно было не для насъ. Недъ забралъ себѣ въ голову, что только тутъ ему будетъ удобно заниматься. А что докторъ за тридцать верстъ—это, видите ли, не важно! Да и какой можетъ быть докторъ!

— Ну, а его экзамены—совсѣмъ не важно? Если вашъ папаша провалится на экзаменѣ—васъ не пугаетъ?

Нина выпрямилась, и глаза ея загорѣлись такимъ гнѣвомъ, какъ будто ее приглашали немедленно уморить дѣтей.

— Для меня, Варвара Егоровна, всего важнѣе здоровье моихъ дѣтей! Всегда, рѣшительно всегда!

— Ахъ, создатель! да онъ-то развѣ не для дѣтей долженъ работать?! для васъ и для дѣтей—чего же вы, наконецъ, хотите отъ своего мужа?

— Тетя Варя!!

— Варя!

— Я не понимаю... Чѣмъ вы меня попрекаете!?—взвизгнула Нина.

Леонидъ въ бѣшенствѣ вскочилъ на ноги.

— Кончите вы, наконецъ, травить мою жену!?... Кому какое дѣло до нашихъ дѣтей—что за безобразіе!

Тетя Варя выбѣжала изъ столовой, бормоча извиненія. Правда, разумѣется, не ея дѣло вмѣшиваться; завтра же ее здѣсь не будетъ...

И Марья Егоровна разсердилась на сестру. Но вышло, что черезъ пять минутъ уже она оскорбила Ниночку.

...Развѣ она хотѣла этого?!... Однако, она не могла не вступиться, когда Леонидъ грубо выкрикивалъ, бѣгая по комнатѣ:

— Благодарю покорно за такую любовь! Ну, худо, глупо, у васъ все было во сто разъ лучше—кто же въ этомъ можетъ сомнѣваться! Но какое дѣло до всего этого тетушкѣ Варварѣ Егоровнѣ?

Мать выпрямилась, какъ отъ удара.

— Неужели, Леонидъ, оттого, что ты женился, мы всѣ стали какъ чужіе?... Не смѣемъ имѣть своего сужденія! Да, безъ сомнѣнія, въ наше время отцамъ семейства не приходилось въ тоже время держать экзаменовъ—это такъ трудно, что я ужъ и не знаю, какъ все это будетъ!

Нина напряженно разсмѣялась.

— Еще бы! вѣдь прежніе „папаши" отъ всѣхъ домашнихъ бѣдъ преспокойно уѣзжали на охоту или въ клубъ! А женщины со всѣмъ однѣ мучились... Я только не знаю, какая тутъ справедливость? Почему я должна все выносить одна? вѣдь они такіе же его дѣти, какъ и мои!

— Хо, хо! Алка ужъ и теперь любитъ меня больше, чѣмъ ее!—попытался Леонидъ прекратить препирательство.

Но Нина сейчасъ же вскипѣла въ его сторону.

— Вовсе нѣтъ! вовсе не любитъ больше. Я вѣчно занята съ маленькимъ и должна ее отсылать...

— Больше, больше! Хочешь пари? Завтра испытаемъ.

Но Нина опять оскорблена до глубины души.

— Очень возможно! вѣдь у меня нѣтъ даже порядочной прислуги! Я всегда завалена дѣлами, мнѣ некогда ее забавлять.

— Хоть ужъ въ этомъ, по крайней мѣрѣ, вамъ винить

некого?—возразила стремительно мать,—кто же виноватъ, если нынѣшнія барышни не согласны ждать и предпочитаютъ выходить за студентовъ? Откуда у студента могутъ быть средства для семейной жизни! Хоть бы вы дали ему университетъ кончить сначала...

— Ну, да, ну, да! меня этимъ будутъ попрекать всю мою жизнь... Я это давно вижу!..

— Мама! Я не понимаю, къ чему теперь такіе разговоры?!. Я, наконецъ, требую... требую прекратить!.. прекратить!..—кричалъ внѣ себя Леонидъ.

Какъ будто сама она не понимала этого! Къ чему?..—Потому что въ груди у нея дрожала страстная жажда прижать къ стѣнѣ самоувѣренную и наивную юную побѣдительницу.

. . . .

Такъ неожиданно непріятно и бурно складывались первые дни.

Хоть неурядица пришла въ порядокъ не скоро, и дѣти проболѣли больше недѣли, однако, первыя, для всѣхъ неожиданныя стычки съ Ниной какъ бы разрядили атмосферу. Женщины ходили пристыженныя, съ новымъ и даже необыкновеннымъ приливомъ самообладанія.

Кто не знаетъ, какъ легко между близкими людьми возникаютъ подобныя столкновенія, гдѣ наружу непроизвольно вырываются давно скоплявшіяся въ сердцахъ раздраженія... Прискорбныя исторіи!

Нелѣпая, оскорбительная сцена въ полчаса разрушаетъ систематическую работу многихъ мѣсяцевъ и даже годовъ и оставляетъ слѣды навсегда—какъ бѣлая бумага, съ которой тщательно стерты резиной ненужныя линіи, утрачиваетъ свой первоначальный лоскъ. Разражаются подобные взрывы всего легче именно въ первомъ волненіи встрѣчи; когда къ сложному равновѣсію, съ такими усиліями утвердившемуся въ нашемъ настроеніи, какъ могучій ферментъ, прихлынетъ живая волна непосредственныхъ впечатлѣній.

Сколько благихъ рѣшеній погибаетъ такимъ образомъ въ эти первыя минуты, ускользающія изъ нашей власти! Но сколько и мрачныхъ замысловъ въ нихъ разсѣивается побѣдой живой правды надъ живучестью воображенія.

Марья Егоровна искренно звала и желала пріѣзда дѣтей. Но долгая переписка, колебанія Нины и ея мѣняющіяся рѣшенія, наконецъ, самая внезапность пріѣзда, когда она уже перестала ихъ ждать, и въ Мёдуши пріѣхала Варя—все это оставило въ ней усталость и горечь выводовъ, которые напрашиваются сами собой. Въ этихъ переговорахъ и перерѣ-

шеніяхъ рѣчь шла обо всемъ, кромѣ простого желанія прожить лѣто съ матерью.

Варвара Егоровна въ тотъ же день уложила свои вещи. Маруся радовалась, когда ей удалось уговорить сестру забыть обоюдную запальчивость.

Она не подозрѣвала, что Варя сдалась не на ея просьбы, нѣтъ, она сама почувствовала необходимость уяснить себѣ странное возбужденіе, которое замѣчаетъ въ сестрѣ съ самаго пріѣзда.

А домашнія неурядицы плохо налаживались. Съ самаго начала было строго установлено ни подъ какимъ видомъ не мѣшать Леониду въ его занятіяхъ. Послѣ того, какъ были перепробованы поочереди всѣ комнаты и даже всѣ углы въ домѣ,—тетѣ Варѣ пришла счастливая мысль устроить импровизированный кабинетъ въ банѣ, съ маленькимъ окошечкомъ на зеленую декорацію густой садовой чащи.

Нина сдѣлала себѣ изъ этого забаву на цѣлый день; при помощи ковровъ, подушекъ и нѣсколькихъ горшковъ съ растеніями создался премилый уголокъ „въ восточномъ вкусѣ“, какъ увѣряла Нина. Теперь Леонидъ Алексѣевичъ лишенъ былъ возможности ссылаться на свои родительскія обязанности.

А его жена большую часть дня оставалась въ обществѣ старшихъ, мало ей симпатичныхъ женщинъ, и чувствовала въ нихъ придирчивую критику каждаго своего поступка.

Особенно Нину раздражала „ничего не дѣлающая старая дѣва“, съ всегда готовой хладнокровной сентенціей на устахъ—въ такія минуты, когда у нея дребезжатъ всѣ нервы! Новая книжка журнала въ рукахъ тети Вари прямо бѣсила Нину.

„Разумѣется!.. Что больше и дѣлать, какъ читать или любоваться природой! И такъ всю жизнь. А другимъ ничего вѣдь не стоитъ проповѣдывать самообладаніе, когда вздохнуть некогда! у кого полны руки живыхъ, неотложныхъ заботъ!“

Нина уставала, волновалась, но, кромѣ того, Нина и скучала въ деревнѣ безъ общества, безъ молодыхъ разговоровъ, безъ сенсаціонныхъ новостей—безъ всего этого милаго сумбура домашней студенческой жизни. И видъ книги въ рукахъ тети Вари поднималъ въ ней завистливое раздраженіе.

Мать, конечно, ближе. Однако, Нина находила, что и мать... могла бы быть нѣжнѣе къ дѣтямъ... и къ ней самой... и... и даже къ Леониду! Вотъ что было совершенно ужъ неожиданно.

Почему-то не осуществилось атмосфера обожанія, которая молодой женщинѣ смутно мерещилась въ Мёдушахъ и даже впередъ нѣсколько озабочивала ее (вѣдь и обожаніе тоже стѣснительно). Въ матери какая-то непріятная напряженная

озабоченность, чтобы всѣхъ устроить и все наладить, но безъ того осчастливленного сіянія, съ какимъ это соединялось въ ихъ воображеніи. А подчасъ своя неумѣстная раздражительность, къ чему Ниночка была необыкновенно чутка... „Зачѣмъ же насъ звали!“ - восклицала она мысленно въ такія минуты, глубоко обиженная.

Если сестры долго между собой разговаривали, Нина была увѣрена, что онѣ говорятъ объ ней. Осуждаютъ... Жалѣютъ Леонида.

Марья Егоровна съ необыкновеннымъ одушевленіемъ взялась за поиски; она самолично разъѣзжала по деревнямъ, какъ только ей указывали на возможную няньку. Но увы! въ короткое время ихъ перемѣнилось три. Нина, возмущенная неумѣлостью и „идіотизмомъ“, не хотѣла ни на минуту довѣрить дѣтей, слѣдила сама за каждымъ шагомъ, такъ что вмѣсто помощи получалось мучительное осложненіе. И съ утра до вечера были разговоры и споры объ нянькахъ, нападенія Нины и защита Маріи Егоровны; крикъ нетерпѣливой барыни и окончательная растерянность деревенской дѣвушки. Алачка капризничала и ни къ кому не успѣвала привыкнуть.

Съ кормилицей вышло еще хуже, но, по крайней мѣрѣ, коротко.

Увидѣвъ Жоржика на рукахъ чужой женщины, Нина разрыдалась до истерики. А кормилица, пошептавшись на лѣстницѣ съ нянькой, сама не захотѣла остаться.

— Мы сваво младенца бросили, а она насъ клясть будетъ... Да за это Богъ накажетъ... Ищите другую...

Наконецъ, необходимость заставила внять убѣжденіямъ матери: Жоржика попробовали покормить молокомъ, и онъ сразу сталъ спокойнѣе. Это была первая побѣда Марьи Егоровны надъ „Руководствомъ для молодыхъ матерей“.

Такъ томительно шло время, какъ будто еще и не наступалъ лѣтній отдыхъ—это необходимое для насъ пріобщеніе вѣчному возрожденію природы, ея чудотворная купель, возстановляющая расхищенныя богатства, которыми она надѣлила своихъ дѣтей и, какъ истинная всепрощающая мать, снова и снова готова покрывать безразсудныя растраты.. Нѣтъ! на этотъ разъ въ мирныхъ Мёдушахъ все еще царили нервная тревога и физическая усталость, заставлявшія не наслаждаться, а тяжело чувствовать жару...

Понятно, что для хозяйки привычный образъ жизни былъ совершенно нарушенъ. Для Марьи Егоровны главнымъ лишеніемъ было то, что она не могла заниматься попрежнему своимъ цвѣтникомъ; она была сама своимъ садовникомъ, и теперь ея дѣтище быстро приходило въ запущеніе... Но этого

мало: любимый цвѣтникъ сдѣлался источникомъ лишнихъ волненій и непріятностей...

Нѣсколько разъ, по недосмотру, Алачка обрывала въ свой передничекъ всѣ бутоны, готовые распуститься... Она называла ихъ „пубочки“ и восхитительно выпячивала при этомъ свои влажныя алыя губки. Конечно, Алачка не подлежитъ вразумленію—оставалось сторожить бутоны, то есть, вызывать лишній крикъ, всегда возмутительное зрѣлище дѣтскаго огорченія.

Нина возненавидѣла цвѣтникъ, а Марья Егоровна чувствовала, что у нея есть совершенно лишняя въ серьезной жизни и стѣснительная для другихъ прихоть.

Да... жизнь отбросила ее назадъ. Пройденый путь, знакомый въ каждомъ его шагѣ, представляется теперь какъ будто инымъ... поблекшимъ и мучительнымъ.

Варвара Егоровна находила Марусю тревожной, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то странно разсѣянной. Если вечеромъ сестры засиживались лишній часъ на террасѣ, она начинала волноваться своимъ бездѣйствіемъ и, за неимѣніемъ другого, принималось обсуживать завтрашній день.

— Какая ты, однако, суета стала, Маруся, это удивительно!—сказала, не выдержавъ, Варя.—Ну, завтра и увидишь, какъ быть. Можно подумать, что ты первый годъ хозяйничаешь. Что съ тобой?

Маруся смутилась... Она старалась погрузиться въ эти заботы, потому что у нея все время такое ощущеніе, какъ будто она чего то не додѣлываетъ... Она не все отдаетъ. Хлопочетъ, бросается отъ одного къ другому, кажется, обо всемъ заботится. Но въ тоже время въ ней совершается другая, непроизвольная работа мысли...

Работа эта захватываетъ все больше и больше. Минутами она глядитъ на все окружающее издали—изъ какого то страннаго внутренняго уединенія... И тогда становится тягостнымъ все, что она должна дѣлать, нужно усиліе, отъ котораго она вся, какъ разбитая...

— Хоть бы скорѣе Гречунъ пріѣхалъ... Что это онъ пропалъ?—сказала Варя, недождавшись никакого отвѣта на свой упрекъ.

Марья Егоровна вспомнила, что она не отвѣтила на послѣднее письмо своего друга.

— Ахъ, вотъ... еще мнѣ ему написать надо! Ты же знаешь—эпидемія въ уѣздѣ.

— Нажалуюсь я ему на тебя. Ты точно отъ Нины заражаешься нервностью. Неужели съ тебя мало было своего? неужели охота начинать сначала за другихъ?

Ее точно какъ рѣзнуло по больному мѣсту.

— Варя... какъ ты можешь это говорить! Когда... когда все и горе въ томъ... что *за другихъ* больше не можешь по-прежнему, не можешь,—шепталъ смущенный, точно перехваченный голосъ.

Она поспѣшно встала съ мѣста.

— Во-отъ оно что!—протянула строго та.—Не хватаетъ... начни теперь на этотъ ладъ изводить себя.

— Перестань, Варя... Перестань!.. Я не могу...

Она быстро ушла въ комнаты.

А на верху—точно отвѣтъ ей—заплакалъ Жоржикъ.

Варвара Егоровна осталась на террасѣ.

Много, много въ своей жизни ломала она голову надъ вѣковѣчной загадкой живого сердца... Именно потому и ломала, что ея собственное сердце „ни въ чьей горсти не было", какъ она любила выражаться, некрасиво, но за то выразительно.

Бредя своей одинокой дорожкой, она всю жизнь должна была лавировать между такими вотъ укрѣпленными позиціями, въ которыхъ засѣли ея подруги и пріятели. Нужна была крѣпкая дружба сестеръ, чтобы она съ Марусей не растеряли другъ друга на первыхъ же шагахъ, когда юность такъ нетерпима ко всему, что расходится съ ея вкусами,—когда онѣ жили въ такихъ различныхъ мірахъ! Нужна была устойчивая кровная нѣжность, чтобы черезъ періодическія охлажденія и непониманія, всетаки снова и снова искать и находить другъ друга.

Семейное счастье и семейные удары, восторги и муки материнства, борьба новой идеальной любви,—все это переживалось на счетъ дружбы, отнимало у нея ея черноглазую Марусю. И цѣлую-то жизнь незамужней сестрѣ приходилось выносить обиду этого послѣдняго довода: *ты не можешь понять, потому что сама ты не испытала...*

Бывали періоды, когда Варя этому радовалась и благославляла свою судьбу. Но бывали и другіе.. Кажется, что безъ семьи нѣтъ настоящей жизни, только въ ея самозабвеніи весь смыслъ счастья... Все бывало! Минуты злорадства и минуты зависти... Люди не ангелы. Въ оболочкѣ развитого существа, добраго и справедливаго сердца, какъ въ нѣжной мякоти плода, запрятано твердое темное зернышко первичнаго эгоизма... И зернышко это не нѣмое.—„Ну, а что есть для себя?"..—„Ну, а кому же есть дѣло до тебя?"—задаетъ оно свой докучный вопросъ, лишь только станетъ въ душѣ тихо, послѣ догорѣвшаго увлеченія, послѣ разрѣшившихся напряженій, совершеныхъ дѣлъ...—„Ну, а ты?"—„А я?"...

Теперь въ ней особенно явственно звучитъ довольство-

своимъ одиночествомъ. Зачѣмъ жалѣть, если до конца возможны такія разочарованія.

Эта бѣдная Маруся только одного и не предвидѣла: что ея мальчикъ въ двадцать лѣтъ оборветъ свою взлелѣянную беззаботную юность. Раньше даже, чѣмъ станетъ на ноги, для него тоже выдвинется на первый планъ суровый житейскій хомутъ, который мать еще всецѣло чувствовала на своихъ плечахъ... И погаснетъ далекое сіяніе безформенныхъ материнскихъ надеждъ.

„О, да!—думала тетя Варя,—дико это должно быть такъ сравняться съ собственнымъ ребенкомъ!".

Она понимала тяжелую растерянность матери, потому что отчасти и сама ее испытывала. И ревнивое раздраженіе противъ чужой дѣвочки (самой обыкновенной дѣвочки), перевѣсившей самоотверженіе цѣлой жизни, такъ легко отнявшей навсегда ихъ (единственнаго и необыкновеннаго) мальчика...

Если бъ Маруся жаловалась на усталость, на отвычку возиться съ маленькими дѣтьми, на скуку, тетя Варя была бы, конечно, удивлена услышать именно отъ нея подобныя жалобы, но въ концѣ концовъ это было бы то самое, что она сама испытываетъ...

Нѣтъ! въ негодующемъ шепотѣ матери прозвучала страстная мука угрызенія... И она уже понимаетъ, чего надо бояться... Ненавистная романтика! Недаромъ же ее такъ усердно культивировалъ докторъ Гречунъ и всегда мѣшалъ ей бороться съ непригодной для жизни восторженностью черноглазой Маруси, туманомъ наполнилъ всю жизнь любимой женщины...

„Создастъ себѣ человѣкъ земного кумира, а потомъ не такъ-то легко упразднять алтари и фиміамы!" — думала она не то съ огорченіемъ, не то со злородствомъ. Дѣти выростаютъ и въ свою очередь принимаются плодить дѣтей. Для материнскаго чувства въ этомъ всегда профанація того міра чистоты и духовной красоты, который создается вокругъ дѣтства... Но въ нормальной жизни и чувства нормальны. Всѣ черезъ это проходятъ и всѣ мирятся на чемъ нибудь.

Но сколько Варвара Егоровна ни обозрѣвала мысленно время, протекшее съ женитьбы племянника, она не находила никакихъ слѣдовъ примиренія. За три года мать не стала ближе ни съ Ниной, ни съ этимъ новымъ Леонидомъ, окунувшимся съ головой въ прозаическую дѣйствительность... съ вчерашнимъ кумиромъ, смиреннымъ и обезличеннымъ первымъ захватомъ страсти.

Мать сторонилась... Одна въ деревнѣ... Въ ихъ жизни появлялась только въ критическія минуты.

Онъ больше не Леонидъ, онъ *Недъ*! Мать терпѣть не можетъ этого чуждаго англійскаго прозвища. Оно ей ка-

жется кривляньемъ, и кажется, что Нина на немъ настаиваетъ только для того, чтобы досаждать ей.

А сынъ? „Ничего не сознаетъ... даже и не замѣчаетъ!" думала съ горечью тетя Варя. Для него именно такъ всего удобнѣе: приди ко мнѣ, когда мнѣ нужна твоя помощь, но не мѣшай мнѣ наслаждаться, какъ я хочу. Да и что тутъ новаго? Развѣ не всегда она дѣлала, какъ для него всего удобнѣе?..

Всю твою молодость мнѣ нужно, чтобы ты жила только мною—чтобы не было у тебя ни чувства, ни помысла не согласимаго со мной. Теперь мнѣ нужно, чтобы ты умѣла быть счастливой безъ меня; чтобы не страдала отъ того, что я, быть можетъ, исп ртилъ свою жизнь, отъ того что не оправдалъ твоихъ запросовъ.

Теперь Нина умнѣе тебя, потому что у Нины въ рукахъ новая книжка.

. . . .

Очаровательны лунныя ночи въ іюнѣ...

Безъ рѣзкихъ контрастовъ яркаго блеска и черныхъ тѣней, онѣ не такъ фантастичны, какъ въ іюлѣ и августѣ, но пронизанныя ровнымъ и нѣжнымъ серебристымъ сіяніемъ, съ прозрачными тѣнями, сливающимися контурами, съ тревожной поэзіей двойственнаго свѣта... Съ лунной бѣлой ночью чудно гармонируютъ и мимолетная, какъ она, соловьиная пѣсня, и не густая молодая листва, и влажный ароматный воздухъ.

Въ такую лунную ночь Варвара Егоровна долго сидѣла одна на террасѣ и сжигала одну за другой свои тоненькія душистыя папиросы. Никто больше не выходилъ на террасу полюбоваться чарующей ночью.

Въ домѣ ходили, стучали, хлопали дверями. Плакали дѣти. Нина кричала напряженнымъ нервнымъ голосомъ на новую няньку.

— Наказаніе Господне! что за идіотки такія, точно на подборъ!..

„Какая необузданность... молодая женщина!—думаетъ на террасѣ тетя Варя,—и вовсе не идіотка, просто неопытная деревенская дѣвочка, сбитая съ толку нетерпѣливыми окриками".

Впрочемъ, въ дѣтской Нина на всѣхъ кричитъ: на няньку, на мужа, на мать... Все это извиняется... Странное проявленіе материнской любви.

Варвара Егоровна спустилась съ террасы, чтобы уйти отъ несноснаго крика. Все равно никого не дождешься. Какъ бы ни сіяла нѣжная іюньская луна, какъ бы ни звенѣли послѣднія соловьиныя пѣсни—имъ тамъ „некогда думать о

пустякахъ". Такъ изволила вчера отрѣзать Нина Александровна, когда тетка позвала ее съ собою въ садъ.

Луна разгоралась ярче. Послѣдніе звуки дневной жизни затихали на мызѣ...

Варвара Егоровна дошла до конца сада и поднялась на горку, чтобы оттуда полюбоваться прудомъ.

Старыя ивы повисли надъ водой длинными легкими вѣтками. Узловатые стволы чернѣютъ массивными пятнами, точно за каждымъ изъ нихъ притаилась человѣческая фигура... Бѣлая туманная дымка стелется надъ прудомъ, огибаетъ черные стволы, тянется къ вѣткамъ...

Кругомъ ни въ аллеяхъ, ни на лужайкахъ не видно тумана. Таинственная бѣлая картина заключена въ серебристо-зеленую рамку. На горку тянетъ свѣжестью, и съ нею вмѣстѣ доносится слабый, еле уловимый ритмъ... Какъ будто зыблется весь этотъ, пронизаный голубымъ сіяніемъ, воздухъ.

Въ такія ночи каждый, кто не можетъ жить, отдается тѣмъ особеннымъ думамъ, которыя витаютъ на рубежѣ чувства и мысли...

Варвара Егоровна думала о далекомъ... И изъ далекаго— о самомъ горькомъ.

Когда въ первый и послѣдній разъ въ ея трезвомъ умѣ, въ ея спокойномъ сердцѣ поднялся, какъ надъ этимъ старымъ прудомъ, таинственный предательскій туманъ...

Неясно, сквозь дымку, всплываетъ красивое самоувѣренное лицо... Всегда одинаково далекое, чужое, обращенное къ ней только съ дѣловымъ обязательнымъ словомъ.

Голосъ! Въ ней музыка голоса звучала отдѣльно отъ словъ, отъ сухихъ и умныхъ словъ дѣловыхъ разговоровъ. Это длилось полтора года. Два раза въ мѣсяцъ собирался въ засѣданія благотворительный комитетъ.

Когда ей приходилось говорить, собственный голосъ звучалъ въ ея ушахъ фальшиво и жалко. Красивые глаза въ эти минуты безучастно останавливались на ея лицѣ. Они не ободряли и не смѣялись надъ поднимавшимся въ ней смятеніемъ, они просто слѣдили съ мимолетнымъ любопытствомъ.. какъ женщины плохо выражаютъ свои мысли и нелѣпо конфузятся безъ всякой причины. И всетаки дни засѣданій сливались въ одну свѣтлую полосу, не похожую ни на что другое въ ея жизни. Она работала усерднѣе, чѣмъ когда нибудь... И ждала пригласительной повѣстки. И знала впередъ когда это кончится: срокъ его полномочій.

Послѣдніе засѣданіе... Прощальныя рѣчи... Онъ пожалъ ея руку съ готовой улыбкой и посмотрѣлъ въ лицо, какъ на стѣну.

Не тутъ самая мучительная горечь! Вѣдь она ничего не

желала. Была счастлива никогда не испытаннымъ подъемомъ собственныхъ душевныхъ и физическихъ силъ, ускореннымъ пульсомъ жизни...

Дальше—потянулся мучительный и унизительный процессъ потуханія... Глухая борьба съ безсмысленной, безформенной тоской, разъѣдающая душу, какъ ржавчина...

Когда смотришь назадъ, тогда все одинаково прошло, миновало. Счастливое и несчастное. Но когда живешь... Одинаковыя минуты, отсчитываемыя однимъ и тѣмъ же часовымъ циферблатомъ, несутъ тебя на мощныхъ крыльяхъ или волочатъ, какъ кладь, по пыльной дорогѣ...

Съ какой стати вспомнилось?..

Оттого, что атмосфера вокругъ пропитана тревогой: два теченія сталкиваются и возмущаютъ тихую глубь отжитого.

Если человѣкъ одинъ, природа всегда навѣваетъ меланхолію. Въ такія минуты нельзя отдѣлаться отъ жуткаго ощущенія необъятности.

„Ахъ, ночь, ночь!.. Какъ могутъ они усидѣть въ комнатѣ въ такую ночь?“—негодовала Варвара Егоровна.

Мало своихъ глазъ, хочется, чтобы еще кто нибудь наслаждался вмѣстѣ съ тобою. Хочется выпить весь этотъ душистый воздухъ, свѣжѣющій на губахъ...

И ея желаніе исполнилось: изъ тишины сада донесся легкій скрипъ шаговъ по песку.

— Варя, ты здѣсь?—спросилъ почему-то осторожный голосъ Марьи Егоровны.

— Иди, иди... наконецъ-то! Сижу тутъ и злюсь... волшебная картина, а вы тамъ въ комнатахъ душитесь.

Маруся поднялась на горку. Она куталась въ большую шаль и казалась какъ будто выше ростомъ. Брови рѣзко чернѣли на странно блѣдномъ отъ луны лицѣ.

— А Нина?—спросила Варвара Егоровна.

— Легла... Замучилась очень.

— По саду пробѣжаться четверти часа довольно. Гдѣ имъ! если бъ тутъ невиданные райскіе цвѣты расцвѣли, они и тогда не взглянули бы. Небось, люльку колышетъ Лёничка твой?

Не сдержалась и ждала обиды... Ее поразилъ неожиданно безстрастный голосъ сестры.

— Леонидъ обожаетъ дѣтей. У нихъ равенство, не какъ мы, бывало... Что жъ, это справедливо.

Варвара Егоровна пересѣла иначе на скамейкѣ.

— Его отецъ по три года былъ въ плаваніи... Ты—ничего, одна со всѣмъ справлялась! Развѣ онъ дѣтей не любилъ? Только по мужски и любилъ, сосокъ ему поручать не смѣли!

Маруся тихо засмѣялась.

— Онъ и на ребенка-то цѣлый годъ смотрѣть не хотѣлъ, Варя, что же тутъ хорошаго?

— Да ты отъ этого страдала?—нашлась только спросить сердито Варя.

— Нечего и сравнивать. Иное дѣло наше время! Вѣдь мы и за себя стыдились и угрызались, что слишкомъ погружаемся въ семью... *Тормозить... тянуть къ землѣ*, вѣчный былъ кошмаръ нашъ! Неужели ты этого не помнишь?..

Къ лицу ея прилила краска, усталые глаза засвѣтились.

— Такъ я-то что же и напоминаю тебѣ?

— Теперь женщинѣ легче. Лучше ли? Потомъ узнается.

Варя просто млѣла отъ удивленія: „лучше ли... потомъ узнается"—это Маруся про своего кумира говоритъ... Чудеса да и полно!

Внезапный набѣгъ ночного вѣтра пронесся бѣглымъ шорохомъ по аллеѣ... Какая-то пташка нѣжно пискнула спросонья. И опять въ тишинѣ изливаются волны серебристаго свѣта.

— Тебѣ не холодно?—спросила Маруся, теперь только замѣтивъ, что Варя сидитъ въ одномъ платьѣ.

— Ничего, я люблю. Что? небось, ногъ не слышишь? Садись сюда, зачѣмъ ты еще топчешься.

Она подвинулась, давая мѣсто. Маруся сѣла и глубоко вздохнула.

— Правда, устаю!.. даже какъ-то несообразно устаю!—заговорила она тихо, уныло.—Сама не знаю, отчего. Не все ли равно, кажется, что дѣлать? Но, вотъ, вѣришь ли... какъ разбита! Вѣдь въ саду весною иной разъ съ утра до вечера копаешься, а такъ не устанешь.

Варвара Егоровна не затруднилась:

— Еще бы!—въ саду не на что раздражаться. Изводитъ раздраженіе... Когда такъ постоянно всѣ волнуются, каждую минуту ждешь: вотъ-вотъ случится...

Протянулась пауза.

— Это неизбѣжно. Скажи по совѣсти, Варя, развѣ я волновалась меньше? Сколько мнѣ доставалось отъ тебя...

— Такъ вѣдь и доставалось же!—подхватила та горячо. Стало быть ты и сама сознавала, что нельзя распускаться... А Нинѣ Александровнѣ можно слово сказать?

— Нѣтъ, я Нину понимаю... Я вовсе не осуждаю Нину!.. Только... отчего то сама уже не можешь такъ чувствовать. Боже мой! да неужели же можно думать, что я не люблю этого ангела, Алачку?!..

— Вотъ, вотъ! забери себѣ еще это въ голову! Не хватаетъ.

— Чего-то *нѣтъ*... это правда. Нѣтъ такого напряженія

вотъ! Что ты осуждаешь въ Нинѣ... Ты не права, ты напрасно осуждаешь, Варя. Если бъ въ молодыхъ матеряхъ не было этой пугливой, ослѣпляющей страсти, о! повѣрь, онѣ тоже не могли бы столько выносить... Варя, какъ странно все это вдругъ со стороны увидѣть такъ ясно! А въ себѣ ничего не видно.

Варвара Егоровна думала надъ ея словами. Она не замѣчала, что волшебная декорація залитого луной парка минутами точно исчезаетъ изъ ея глазъ. Глаза смотрятъ внутрь, чтобы усилить напряженіе мысли. А голосъ Маруси становится все горячѣе.

— Да ты, Варя, только вдумайся—вѣдь молодость же—юность! Развѣ естественно прямо отъ родительскаго обожанія, отъ беззаботнаго свободнаго красованія, отъ всего этого юношескаго задора и эгоизма—и такой безповоротный переходъ къ полному самозабвенію! Ты погляди: Нина цѣлыми днями бѣгаетъ непричесанная, въ чемъ попало... Не читаетъ, не спитъ.

— Такъ и это хорошо по твоему, что не читаетъ, нечесанная?—вставила насмѣшливо сестра.

— Это не разсчетливо, не умно, может быть, *но для себя* она не существуетъ. А какъ странно въ сущности!—это очень мало поражаетъ тѣхъ, кто самъ ни на что подобное не согласился бы и на одинъ день...

— Инстинктъ, матушка!

— Инстинктъ... да развѣ отъ слова станетъ понятнѣе?.. Вѣдь Нина *та же самая* осталась, какая была—то же разумное и эгоистичное существо. Недаромъ мужчины передъ этимъ дурѣютъ... У нихъ какое то суевѣрное чувство—чего *не надо* анализировать... И это правда! Не учите вы такъ усердно молодыхъ женщинъ благоразумію. Мистическій страхъ за ребенка—это и есть главный источникъ неисчерпаемыхъ женскихъ силъ. Ты напрасно думаешь, что Нина не умна...

— Ахъ, полно, пожалуйста... Гдѣ, въ чемъ ея умъ? Да я за все время ни одной мысли отъ нея не слыхала. Объ чемъ они между собою говорятъ?

— Это теперь, теперь, Варя! Погоди, будетъ опять умна, и эгоисткой опять станетъ... Не каждая же загипнотизируется до конца своихъ дней! Полоса въ каждой жизни. И надо такъ—надо!—иначе нельзя.

— Ну, этого, милая, никто еще не рѣшилъ, что нельзя,—процѣдила сумрачно Варвара Егоровна.

Маруся смотрѣла прямо на луну, широко раскрытыми, невидящими глазами.

— Теперь все такъ ясно... просто. Неизбѣжность вѣчныхъ повтореній... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... нестерпима жизнь во второй

разъ — наша женская жизнь!.. Запрятанная... затиснутая. Когда поймешь, что была только слѣпымъ орудіемъ... И развѣ не дико, что въ женской жизни вѣчно какіе-то откровенія и перевороты? Полюбила — откровеніе! Родила — переворотъ! Состарилась — наконецъ-то, повязка свалилась съ глазъ!

Сестра удивленно посмотрѣла на нее и стала задумчиво чиркать спичкой.

— Вѣдь воображаешь, что и въ самомъ дѣлѣ ты *воспитываешь*... Кто бы могъ безъ вѣры?.. Всю душу свою переливаешь, мечтаешь, что они и ты навсегда одно. Всѣ маленькіе диссонансы—хищныя черточки, ложь, жестокость—почему-то мало пугаютъ. Вѣришь, что все, все искоренишь своими поцѣлуями!

Она неожиданно сухо засмѣялась.

— А теперь вижу, Алачка страшно упряма и уже не надѣюсь, что легко искоренить. И тяжело дѣлать напрасныя усилія... мучить! Упряма Нина. Да!.. Довольно, чтобы одинъ выросъ на твоихъ рукахъ, и дѣти навсегда перестали быть, таинственными существами.

Варя сосредоточенно курила, сдвинувъ брови.

— Варя!.. отчего ты молчишь?—воскликнула она тоскливо послѣ новой долгой паузы.

— Слушаю. Все не пойму, тужить мнѣ или радоваться? Какъ водится, безъ романтики никакъ невозможно, чѣмъ бы просто порадоваться, что, наконецъ-то, наживается хладнокровіе.

— Хладнокровіе?—повторила она,—не знаю! Вѣдь ужъ это совсѣмъ другая жизнь... не прежняя наша! Его каждый интересъ, надежда, угроза—все, все было тоже и мое... неизмѣримо важнѣе, чѣмъ мое! Когда, случалось, приходило въ голову, вѣдь будетъ же это когда-нибудь! женится: (конечно, не скоро, Богъ вѣсть когда)—тогда казалось, Варя, что и это новое, цѣлая его новая жизнь тоже сама собой войдетъ въ меня—помѣстится въ моемъ сердцѣ... Сколько тогда было ребяческихъ мыслей! Точно... сердцу... никогда и конецъ не придетъ...

А Варя опять не понимаетъ, чего же именно она желала бы въ эту минуту?..

— Ну, и Богъ съ ними, Маруся, съ ребяческими мыслями,—сказала она осторожно.

Маруся помолчала и сказала другимъ, озабоченнымъ голосомъ:

— Боюсь, что это отражается... ты не замѣтила? Все ли я дѣлаю добросовѣстно?.. Постой... не сердись! Можетъ быть,

ты только по привычкѣ такъ считаешь—думается разъ навсегда...

— Ну, и не знаю! зачѣмъ тогда спрашивать?—перебила та съ досадой.—Вижу, что мечешься день и ночь не лучше Нины: надо такъ, должно быть.

Маруся безпокойно придвинулась къ ней по скамейкѣ и вздохнула коротенькимъ вздохомъ, точно приготовляясь къ чему-то.

— Слушай... Я тебѣ признаюсь, что у меня въ головѣ сидитъ вотъ ужъ нѣсколько дней. Помнишь, когда я за нянькой этой ѣздила? Ну, такъ вотъ я въ тотъ разъ полдня пробыла въ Куриловкѣ безъ всякаго дѣла. Съ одной молодухой возилась... Тутъ Нина замучилась одна, волновалась... а я могла на нѣсколько часовъ раньше вернуться...

— Какова провинность! Чтó за молодуха?—спрашивала, оживляясь, Варя.

Марья Егоровна въ волненіи поднялась со скамейки.

— Ужасная исторія... страшная исторія! Повѣнчали дѣвочку, восемнадцати лѣтъ нѣтъ... съ отпускнымъ солдатомъ... Животное въ эту березу! а она меньше Нины, пятнадцать лѣтъ на видъ... Ну, и нашли въ петлѣ на третій день въ чуланѣ... А теперь кричитъ, сумасшедшая!

— Что же?.. уговаривать тебя просили?

— Мать... Я ихъ знаю немного, телушку у нихъ купили въ прошломъ году... Рука у нея тогда болѣла, ко мнѣ ходила... Я обѣщала на дняхъ еще пріѣхать. Это вздоръ, она не сумасшедшая,—доведутъ, что мудренаго! Если бы ты видѣла, Варя, что это за раздирающее зрѣлище... Я объ ней цѣлые дни думаю... Что дѣлать?..

Она ходила по площадкѣ крупными шагами, стягивая плечи своей шалью.

— Къ попу. Пусть мужа усовѣститъ.

— Къ попу первымъ дѣломъ ходили! Я, конечно, сама еще съ нимъ повидаюсь... Вѣдь тутъ каждый день страшенъ, каждый часъ! Сторожатъ, положимъ... Мужикъ бѣсится! Боже мой... Варя... я что думаю—къ намъ въ няньки, а? хоть на первое время...

— А Нина?.. развѣ не будетъ бояться?!..

Нѣсколько секундъ сестры смотрѣли въ глаза другъ другу.

— Да... правда! Нельзя въ няньки,—вздохнула Маруся. Кабы у меня то не такъ набитъ домъ людьми...

— Ну, что жъ, попробуй—разскажи Нинѣ, только можешь быть увѣрена, что впечатлѣнія не сдѣлаешь, коли въ это время у Жоржика животикъ заболитъ.

— Не можешь ты этого понять! но вѣдь я-то это *знаю*...

Она подняла голову и голосъ ея и окрѣпъ, и задрожалъ:

— Помню, какъ я разсчитала, прогнала... прекрасную няньку... У нея въ деревнѣ умеръ ребенокъ, и она плакала день и ночь. Леничка очень любилъ ее, растраивался отъ ея слезъ... скучалъ... Другой разъ, осенью... мнѣ пришли сказать, что въ деревнѣ какая-то болѣзнь—умираютъ... Я этихъ людей прогнала. Я боялась ихъ разспросить—увидѣть. Схватила ребенка—безъ вещей отъ страха заразы, въ одинъ часъ вылетѣла изъ дома по отчаянной распутицѣ—сдѣлали шесть верстъ крюку, чтобы только не проѣзжать деревню... Что я могу осуждать?!

Варвара Егоровна задумчиво стряхнула пепелъ со своей папироски.

Гм... А вѣдь и правда, не сладко рѣшать такія диллемы!

— Ты говоришь, Нина побоится взять въ няньки... Нина права. Она должна бояться. А я ужъ не могу... Я бы сейчасъ взяла, если бъ моя воля.

Она робко покосилась на сестру, сама удивленная, что такъ, взяла да и высказала все, эти свои не вполнѣ еще продуманныя, новыя и страшныя своей новизной мысли.

Варвара Егоровна хмурилась. Плохо что-то она разбирается въ собственныхъ впечатлѣніяхъ отъ этой удивительной бесѣды.

— Что жъ... *полоса* кончилась, можетъ быть? Ты сейчасъ про полосу говорила въ каждой жизни.

— Да.

Торжественно это упало съ ея устъ. И печально,

Теперь впечатлѣніе было уже настолько опредѣленно похоже на досаду, что Варя удержалась, ничего не отвѣтила.

— Для чего теперь, когда все кончено, все за плечами?— спрашивала кого-то уныло ея Маруся.—Вѣдь ничего другого готоваго нѣтъ! На той же старой дорожкѣ—внучатъ нянчить—какую нибудь пользу можно еще сдѣлать... да и то подъ условіемъ прилаживаться къ новымъ понятіямъ, къ чужимъ желаніямъ... Это именно то, чего всѣ ждутъ.

Она остановилась близко передъ скамейкой и проговорила скороговоркой надъ головой Вари:

— Но именно этого то совсѣмъ не можешь! все тоже... опять сначала... Нѣтъ! Можетъ быть и остались еще какія нибудь силы — другія—только этихъ нѣтъ больше. Всѣ вышли.

Да вѣдь это же ея собственныя мысли! Такъ она могла бы разсуждать за Марусю и за каждую замужнюю женщину! Она всю жизнь осуждала узкій эгоизмъ семейной клѣтки, женщинъ-самокъ, ничего въ мірѣ не видящихъ, кромѣ своихъ дѣтенышей.

Но вотъ, такъ говоритъ Маруся, и какъ будто... какъ

будто ей непріятно это слышать... Маруся такъ говорить не должна.

„Спохватилась во время!“ подумала Варвара Егоровна, поддаваясь невольно непріятному недоумѣнію.

Маруся вдругъ опустилась на скамейку и взяла ее за плечо:

— Послушай... я скажу! *тебя* я всегда считала несчастной... всѣ эти дѣла, съ которыми ты возилась—не настоящими, придуманными считала, только чтобы наполнить пустоту. Когда ты, бывало, уходила отъ насъ, или отсюда торопилась въ городъ—я всегда жалѣла тебя...

Варя непріязненно уклонилась отъ нея плечомъ—отодвинулась. Рука безжизненно соскользнула на колѣни.

— Но вотъ, твоя жизнь и сейчасъ точно такая же, какъ была двадцать лѣтъ назадъ... какъ ты сама ее устроила. А у меня?!. Точно весь смыслъ жизни изъ рукъ выпалъ... Осталось только мелкое, скучное и до смерти надоѣвшее, жить для того, чтобы хозяйничать въ Мёдушахъ?.. для себя... Нѣтъ, для себя мнѣ ничего не нужно, ничего!

Она сбросила съ плечъ платокъ дрожащими руками. Ей было душно.

— Варя, ты знаешь... ты помнишь! Развѣ была такая забота, лишеніе, работа, чѣмъ бы я тяготилась? Съ какой радостью я сама превратилась въ школьника и зажила жизнью гимназиста!.. училась латыни, чтобы слѣдить за его уроками... рѣшала задачи... чертила карты... переписывала тетрадки... развѣ это было скучно?!. Но я не сознавала, что то было самое лучшее въ моей жизни... Милое время! Я вмѣстѣ съ нимъ рвалась впередъ, ненавидѣла гимназію. Мнѣ представлялось завѣтной цѣлью: *взрослый сынъ*!

Она протянула послѣднія слова умиленно-торжественно. Глаза ея медленно наполнялись слезами.

— Побойся Бога, Маруся!—вѣдь не умеръ твой сынъ.

Она долго не отвѣчала. Она опять завернулась въ свою шаль. И Варя тоже содрогнулась отъ сырости.

Туманъ надъ прудомъ поднялся выше. Зыбкій гулъ лягушечьяго хора слышался глуше.

— Какой смыслъ теперь гадать объ ихъ жизни? Во что превратитъ Леонида эта преждевременная узкая дорожка... такого несложившагося, изнѣженнаго мальчика. Развѣ онъ и самъ знаетъ свои силы? Свои способности, вкусы? Теперь, когда жизнь становится такъ трудна... съ слабосильными, требовательными, нетерпѣливыми женщинами...

— Ха! Ужъ не воображаешь ли ты, что твой Ленечка будетъ терпѣливѣе?—усмѣхнулась Варя,—какой это мужчина не возьметъ своего раньше или позже? Теперь, на первыхъ порахъ—ея женская власть, вещь понятная...

Марья Егоровна нервно перебила ее, точно ей больно это слушать:

— Ну, да, да... объ этомъ не нужно думать!.. и - ты удивишься, Варя—мнѣ какъ - то неинтересно. Просто, уйти хочется отъ всего. Даже страдать не могу уже попрежнему.

И въ лицѣ ея было выраженіе не отчаянія, а глубокаго изумленія. . . . .

. . . .

Въ мезонинѣ горѣлъ одинъ ночникъ съ маленькимъ голубымъ шарикомъ. Въ комнатѣ было немногимъ развѣ свѣтлѣе, чѣмъ подъ луною въ саду.

Нина лежала въ постели. Супруги разговаривали въ полголоса, чтобы не разбудить дѣтей. Леонидъ ходилъ по холщовому половику, поскрипывая сапогами, хоть все время старался ступать на носки.

— Хоть бы ты сѣлъ! или сними, по крайней мѣрѣ, свои несносные скрипучки,—сказала Нина.

Онъ сейчасъ же принялся искать подъ кроватью туфли, но не могъ найти, и нечаянно стукнулъ стуломъ...

— Недъ!!.—вырвалось у нея тоже нечаянно во весь голосъ.

Оба замерли, затаивъ дыханіе... онъ, какъ былъ, скорчившись на полу.

Алачка вздохнула и почмокала во снѣ влажными губками... И опять затихла.

Недъ снялъ сапоги и рѣшилъ обойтись безъ туфель.

— Знаешь, Нина... здѣсь душно!

— Окна были открыты.

— Всетаки душно. По моему, можно окно открыть, если спустить штору.

— Ты съ ума сошелъ!

— Штора и занавѣска. Сдѣлаемъ пробу, ты увидишь!

Онъ направился къ окну.

— Недъ, не смѣй! Все равно я сейчасъ закрою!..

Какъ на грѣхъ, въ эту минуту Жоржикъ громко вскрикнулъ, какъ начинаютъ плакать грудныя дѣти: внезапно, точно кто-то всадилъ иголку въ ихъ бархатное тѣльце.

Супруги столкнулись на бѣгу къ колясочкѣ. Каждый обвинялъ другого.

Нина унесла ребенка на свою постель, и здѣсь споръ кончился, потому что оба занялись важнымъ дѣломъ.

Хоть Алачка и привыкла къ крику своего братца, но всетаки каждый разъ имъ страшно, что вотъ-вотъ она поднимется за голубой сѣткой своей кроватки—и тогда шабашъ! Алку скоро не угомонишь...

Но дѣвочка не проснулась. Нина стала кормить Жоржика,

полулежа на локтѣ. Мужъ сидѣлъ около на низенькомъ стулѣ, и они шептались.

Онъ снялъ тужурку. Въ синей полосатой рубашкѣ и узкихъ студенческихъ брюкахъ, со своими маленькими усами на кругловатомъ лицѣ, отецъ семейства выглядѣлъ мальчикомъ на лаунъ-тенисѣ.

— Хорошо читалъ сегодня?—освѣдомилась Нина.

Онъ скосилъ веселые глаза направо-налѣво и сгримасничалъ губами:

— М-м-м... ничего...

Она дрогнула темными бровками, дѣлая строгую мину.

— Недъ... такъ нельзя! сколько ужъ времени прошло... Такъ и все лѣто пролетитъ — зачѣмъ же мы сюда пріѣхали?

— И все лѣто пролетитъ—и осень, и зима, и вся жизнь пролетитъ! Не оглянешься, какъ и мы съ тобой тоже будемъ ворчать, какъ Варвара! А Алка выберетъ себѣ мужа, который... который не будетъ умѣть ужиться. Вотъ-съ, Нина Александровна, что-то вы тогда будете дѣлать?

Хорошенькіе глазки Нины блеснули въ полусвѣтѣ.

— Ахъ, это намеки?! *Онъ* находятъ, что я не умѣю ужиться. И ты тоже, можетъ быть, находишь это?

Она нетерпѣливо потянула на себя сползавшее съ постели одѣяло.

— Не знаю, что думаютъ,—а право, Ниночка, ты иногда совсѣмъ напрасно кипятишься... Знаю! понимаю!—вѣдь я о тебѣ же забочусь! Цыпа моя... ну, не сердись, ну, дай же мнѣ сказать... Я знаю, что у тебя нервы... ты измучена... зна-а-аю!

Но Нина отталкивала его свободной рукой и мотала головой, чтобы не дать поцѣловать.

Разумѣется, онъ осилилъ и сгребъ ихъ обоихъ въ охабку. И примостился на краешекъ кровати такъ тѣсно, что каждый чувствовалъ теплоту другого сквозь полосатую рубашку. На непышныхъ бѣленькихъ плечикахъ Нины еле держалась одна узенькая перемычка изъ розоваго батиста.

Онъ горячо дышалъ ей въ шею. Темныя прядки волосъ взлетали и щекотали ей ухо.

— Пусти... ты его придавилъ! Мнѣ жарко!

— Цѣлуй сейчасъ, до тѣхъ поръ не выпущу...

Смѣясь и сердясь, Нина откинула голову на плечо, и они поцѣловались.

Мальчуганъ крѣпко спалъ, завалившись головкой въ подушки.

— Лежи, лежи—я самъ.

Недъ отнесъ бѣлый пакетикъ въ коляску и бережно уло-

жилъ его на бочокъ, какъ учитъ мама. Кстати поправилъ одѣяльце на Алачкѣ и услыхалъ, что надъ кроваткой жужжитъ комаръ.

Тогда Нина тоже прибѣжала босыми ножками по теплому некрашеному полу, и они заспорили, нужно или нѣтъ задернуть кисейный пологъ? чему отдать предпочтенiе — духотѣ или комарамъ?

Однако, желанiе поболтать спокойно взяло верхъ, и Недъ уступилъ. Кроватку закутали кисеей; теперь Алачка похожа была на розоваго херувима въ бѣломъ облакѣ.

Нина бѣгомъ вернулась въ постель и натянула одѣяло подъ самое горло, чтобы согрѣться.

— А мама съ тетей воображаютъ, что мы давно спимъ!— сказалъ, посмѣиваясь, Леонидъ.

— И Варвара презираетъ низменность нашихъ душъ за то, что не пришли любоваться на луну! Хорошо, кому дѣлать больше нечего.

— А развѣ хорошо, Ниночка, что ты такъ ей отвѣтила вчера?—отважился на дипломатическую вылазку влюбленный мужъ, усаживаясь на прежнемъ мѣстѣ.

— Какъ я отвѣтила? что мнѣ не до пустяковъ?—сейчасъ же обидилась Нина.—Да, надѣюсь, что у меня дѣла поважнѣе луны!

— Твои дѣла очень важны, но лунная ночь всетаки прекрасна.

— Чего я и не отрицаю! Нахожу только—ужъ извини!— что въ пятьдесятъ лѣтъ пора и перестать восхищаться луной. Старыя дѣвы должны быть сантиментальны... отъ нечего дѣлать!

— Напротивъ. Тетя Варя очень дѣятельна въ своемъ обществѣ; ты этого не знаешь, Ниночка.

Въ такихъ случаяхъ имъ овладѣваетъ безотчетное побужденiе отстаивать *свое*: мать, тетку, прелести Мёдушъ, преимущества деревни..

И Нина нападаетъ, поддаваясь такому же безотчетному духу критики...

И въ силу многихъ причинъ — побѣда обыкновенно остается на сторонѣ прокурора.

— Ну, а не желаете ли знать, что я вчера сама видѣла собственными глазами?—объявила вдругъ Нина съ угрозой.— Алка ухватила ея папиросницу и пустилась бѣжать, ха-ха-ха!.. Ну, знаешь, какъ она: притиснетъ двумя ручками къ животу и визжитъ... ха, ха, ха... И летитъ со всѣхъ ногъ...

— Шлепнулась!?

— Понятно, шлепнулась! Варвара ее догнала, поставила на ножки и отняла. Такое у нея было лицо—злое, злое, злое...

— Какъ же ты это видѣла?

— Отсюда изъ окна... Я кормила.

— И злое лицо отсюда видно? — подмигнулъ шутливо Недъ.

— Разумѣется, видно. Она способна, я увѣрена, нахлопать ее по ручкамъ.

— Гм. А вѣдь, пожалуй, не такъ ужъ дурно было бы, если бы сія дѣвица научилась кого-нибудь слушаться... а?

— Merci! очень вамъ благодарна! авось ужъ я какъ-нибудь сама буду воспитывать моихъ дѣтей! —восклицала въ негодованіи Нина,—и, ей-Богу, это совершенно непонятно: вѣдь дѣлать рѣшительно нечего,—а всетаки всѣмъ тяготятся.

— Ну, кто же тяготится, Ниночка?... Зачѣмъ ты...

— Понятно, тяготятся! Скажешь нѣтъ? Не знаю, зачѣмъ было приглашать, увѣрять, такое счастіе—и все! для чего все это писалось?!

... „Разволнуется и не будетъ спать“ — соображалъ умудренный опытомъ Недъ. Вмѣсто всякихъ возраженій, онъ пересѣлъ на кровать и сталъ цѣловать сердито уклонявшееся бѣленькое личико.

— Пусти, Недъ... пусти... глупости!—отталкивала она его капризно,—ты не понимаешь,—я тутъ совсѣмъ не могу жить, какъ дома.

— Отчего? что за чепуха! Это твоя комната, что тебѣ еще? Ты думаешь, мнѣ весело цѣлый день зубрить, а потомъ еще ты только ворчишь.

— Ахъ, да? Вотъ мнѣ, должно быть, ужасно, какъ весело! Весь день съ дѣтьми возишься, да бейся съ этой дурищей нянькой, да сражайся со старухами...

— Мама вовсе не старуха!—вспыхнулъ Недъ.

— Ну, всетаки не молодая же.. Право, я не знаю, какъ говорить!

— Мама распинается для дѣтей!

Нина многозначительно усмѣхнулась. Потомъ, не дождавшись реплики, процѣдила сквозь зубы:

— Это ужъ такъ полагается разъ навсегда...

— Нина постыдись! Въ ея годы не такъ-то легко не спать спокойно ни одной ночи...

— Та-та-та... какъ разъ ошиблись, мой миленькій!—подъ старость ничего не стоитъ не спать. Кто же этого не знаетъ. Ну, а если такъ трудно—тогда зачѣмъ насъ приглашали?!... Конечно, съ дѣтьми безпокойство. У меня у самой была бабушка - наша чудная старенькая бабинька! Вотъ кто дѣйствительно ужъ обожалъ дѣтей! Не надышалась!—Нина выразительно вздохнула.

— Я воображала, что и всѣ... Я вовсе не хотѣла обременять.

Леониду ужасно непріятно все, что она говоритъ, и онъ возражалъ совершенно искренно. Но въ то время, какъ они спорятъ, поднимается и въ немъ какое-то тяжелое сомнѣніе... и это сомнѣніе не уносится его собственными доводами.

Вѣдь правда, онъ тоже представлялъ себѣ все по другому въ Мёдушахъ. Мерещилось все такое знакомое, милое—продолженіе собственнаго лучезарнаго дѣтства. Только теперь у мамы—и взрослый, и крошечный Леонидъ вмѣстѣ!—двойное счастье.

Отчего же, почему выходитъ совсѣмъ иначе?

Теперь все какъ-то ужасно сложно и трудно. А прежде, когда крошечнымъ Леонидомъ былъ онъ самъ—все было легко, ровно ничего не стоило. Онъ былъ увѣренъ, что и всегда должно быть такъ, всегда одинаково.

Онъ понялъ, что все еще ждетъ, надѣется, что будетъ иначе—*настоящее* какъ будто еще не началось. Какъ-нибудь вдругъ начнется все такъ, какъ ему представлялось, когда онъ радостно собирался *домой*.

Но изъ словъ Нины ясно, что ничего подобнаго не будетъ, и Нина вовсе не ждетъ. А теперь она какъ будто даже рада, что такъ не вышло... Тогда онъ ее увѣрилъ, и она ему повѣрила.

— У бабиньки была малюсенькая комнатка съ большой лежанкой,—говорила Нина мечтательно нараспѣвъ, сощуривъ глаза на свѣтящійся голубой шарикъ на старомъ неуклюжемъ комодѣ,—мы всѣ—насъ было семь человѣкъ, да-съ!—мы забивались въ эту бабинькину комнатурку, залѣзали на тепленькую лежанку и на ея кровать съ огромной периной... ха, ха, ха! Ну, прямо тонешь въ перинѣ! Только станешь на ноги—и сейчасъ летишь навзничь... или внизъ носомъ! ха, ха, ха!.. Это называлось ходить по волнамъ—точно волны!

— Вотъ и видно, какая дикая глушь,—вставилъ брезгливо Недъ,—гдѣ это въ наше время водятся лежанки и перины? Скажи-ка, положила бы ты Алку на перину? да на ней спали, можетъ быть, пятьдесятъ лѣтъ!

— Я вовсе и не говорю, что положила бы Алку!—отчеканила Нина съ дрожью обиды за ихъ чудную бабиньку.

Бабинька давнымъ давно умерла...

Ольга Шапиръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВЕСЕННІЕ МОТИВЫ.

I.

Ни о чемъ не жалѣю я въ прошломъ, друзья,
Ни одной бы черты въ немъ не вычеркнулъ я...

Боль и слезы его—звучной пѣсни слова:
Слово выкинешь вонъ—и вся пѣсня мертва!

Тамъ, за каждой слезой, въ каждомъ сумрачномъ днѣ
Солнца яркаго лучъ вспоминается мнѣ:

Это солнце я въ сердцѣ горячемъ носилъ—
Я одними страданьями съ родиной жилъ...

Жизнь мелькнула волшебнымъ, сверкающимъ сномъ...
Ни о чемъ не жалѣю, друзья, ни о чемъ!

II.

Я жду, упорно жду...
Мнѣ душу истерзала,
До ранъ кровавыхъ, жизнь... Живого мѣста нѣтъ...
Но все я жизнь люблю, все вѣрю, какъ бывало:
Онъ близокъ, онъ идетъ, спасительный разсвѣтъ!

И лишь порою страхъ проснется малодушный:
Не станетъ силъ страдать, бороться и терпѣть,
Меня раздавитъ сводъ моей темницы душной—
Я не дождусь зари...
Взглянуть—и умереть!

III.

Берегъ пустынный опять пробужденъ—
Свистъ, гоготанье веселое, стонъ...
Ледъ на рѣкѣ посинѣлый лежитъ.
Вздулся сердито и гулко трещитъ.
Холодно, жутко...

Но радостно-дикъ
Въ небѣ высокомъ несущійся крикъ.
„Скоро, ужъ скоро!“—поютъ журавли,
— Скоро!—холмы отвѣчаютъ вдали.
Сердце безумной тревоги полно,
— Скоро!—восторженно вторитъ оно:
Порваны путы тяжелаго сна—
Это шумитъ молодая Весна!.

Сумерки. Вѣтеръ подулъ верховой.
Ледъ шевелится внизу, какъ живой...
Странныя думы родятся въ умѣ:
Грозное что-то свершится во тьмѣ!..

П. Я.

ЗАВОДСКІЕ ОЧЕРКИ.

I.

Въ безработицу.

Въ квартирѣ съ низкимъ нависшимъ потолкомъ, оклеенной желтыми грязными обоями, сумрачно и холодно. Стекла узенькихъ окошечекъ покрыты толстымъ мохнатымъ слоемъ инея; переплеты рамъ и подоконники совершенно сухи. Пустынно, грязно, тихо и неуютно...

Сиротливо ютится въ темномъ углу небольшой некрашеный столъ, представляющій также и шкапчикъ для ножей, ложекъ, штопора и прочей хозяйственной утвари; если этотъ столъ нечаянно задѣть ногой, все въ немъ задребезжитъ, зазвенитъ, запоетъ... Сиротливо и какъ-то чинно, словно боящіеся пошевелиться гости, стоятъ вдоль пустыхъ стѣнъ два некрашеныхъ захватанныхъ стула; отодвинуть ихъ отъ стѣнъ,—они высокими спинками подадутся назадъ...

На деревянной коричневой двухспальной кровати неподвижно лежитъ дѣвочка, лѣтъ немного больше десяти, съ точно выточенными—острымъ подбородкомъ и острымъ носомъ; тонкія свѣтлыя и немного посинѣвшія губы ввалились и издали, на фонѣ ослѣпительно-бѣлаго лица, кажутся неглубокой слегка темнѣющей ямкой; огромные, черные, неподвижные глаза, съ рѣзкой широкой синевой и черными правильными дугами густыхъ бровей, смотрятъ такъ, какъ будто потухающее сознаніе дѣвочки на вѣки сковано одной, не разрѣшимой думой...

Механически она полувстаетъ на грязной и смятой полосатой перинѣ, опираясь острыми посинѣвшими локтями о розовую, огромную подушку; ея широкo открытые кроткіе глаза останавливаются на одной точкѣ повыше стола и на мгновеніе утрачиваютъ свое деревянно-задумчивое выраженіе...

Слабо, жалко улыбаясь, она почти беззвучно шепчетъ:

— А зеркала-то нѣтъ ужъ!

Легкая, едва замѣтная струйка пара вылетаетъ изъ ея устъ.

И снова она откидывается на подушку и смотритъ не отрывающимся и попрежнему вдумчиво-безразличнымъ взоромъ въ когда-то бѣлёный, сѣрый, одноцвѣтный потолокъ, чернѣющій въ углахъ...

Въ темныхъ сѣняхъ кто-то громко ступаетъ по мерзлымъ, скрипучимъ половицамъ и останавливается около двери, и дѣвочкѣ слышно, какъ этотъ кто-то шаритъ рукой, отыскивая скобу.

— Тя-тя!—шепчетъ дѣвочка и почему-то вытягиваетъ подъ одѣяломъ ноги и закрываетъ глаза большими выпуклыми вѣками съ рѣзко-черной оторочкой длинныхъ шелковистыхъ рѣсницъ.

На ея овально-худощавое лицо ложатся легкія тѣни...

Ничѣмъ не обитая, заиндевѣвшая въ углахъ дверь съ рѣжущимъ слухъ звукомъ отворяется, громко хлопаетъ, и въ квартиру, вмѣстѣ съ клубящимися облаками бѣлаго пара, входитъ длинный и тонкій мужчина. Около двери онъ кажется сѣрымъ силуэтомъ на слегка желтѣющемъ фонѣ стѣны. Нѣкоторое время онъ дробно и звучно стучитъ о полъ замороженными подошвами и каблуками, а потомъ, издавая горломъ дрожащій звукъ, бросаетъ суконную шапку съ наушниками на лежанку; отъ него вѣетъ холодомъ; большіе рыжіе усы и курчавая бородка заиндевѣли, а маленькіе сѣрые глаза налились кровью, блестятъ и слезятся. Онъ вынимаетъ изъ-за пазухи что-то завернутое въ бумагу и на цыпочкахъ подходитъ къ кровати.

— Дочка, а дочка? Спишь?—тихо говоритъ онъ, наклоняясь къ изголовью.

Дѣвочка какъ-бы нехотя медленно поднимаетъ вѣки, открывая недоумѣвающіе и сонные глаза.

— Это ты, тя-тя...

— Онъ самый... А я чего-то принесъ!

И, положивъ около нея завернутое въ бумагу, онъ начинаетъ быстро ходить по избѣ, тереть одну ладонь о другую и колотить ногой объ ногу.

Дѣвочка развертываетъ тонкими, точно восковыми пальцами бумагу.

— Сайка!—чуть слышно восклицаетъ она.—Спа-си-бо, тятя!

— Кушай, дочка, кушай!.. Вотъ погоди, ужо мы не эдакъ съ тобой заживемъ, дочурка!

Онъ садится на кровать.

— Тя-тя... ты зеркало продалъ?

— Ну и продалъ... ну, что-жъ?! Молчи... Аль я виноватъ? Не вини меня...

— Я не виню...

— Не работникъ что-ли я, дочурка, а? Виноватъ я, ежели сокращеніе работъ... Эхъ, дочка, погоди ужо, такіе мы съ тобой фортенблясы устроимъ, чертямъ будетъ тошно...

— А отъ тебя водкой пахнетъ... Ты выпилъ?

— Эхъ ты, жисть!—говоритъ отецъ.—Вотъ ежели-бы мать жива была... Стирка у какихъ тамъ ни есть господъ...

— Тятя... А мамка опять приходила!.. Я умру скоро...

— Ну, про это самое бабушка на двое сказала! Вотъ лѣто придетъ, работа будетъ... Прямо на лужокъ пить кофій пойдемъ! Ей-Богу, пойдемъ!.. Со сливками кофій пить и все тутъ!..

Потемки незамѣтно сгущаются. Окна кажутся холодными, свѣтло-синими четыреугольными пятнами. Безформенныя, расплывающіяся тѣни крадутся по стѣнамъ и потолку. Углы подернулись мракомъ, точно черной матеріей.

— Холодно, тятя...

— А вотъ стемнѣетъ, къ Миронихѣ пойду, щепъ наберу. Куда ей щепы?

— Конечно,—оживляется дочь.—Вонъ она какую домину...

— Строитъ? Правильно. И имѣю, значитъ, я полное право взять у ей щепъ?!

— Имѣешь, тятя, имѣешь...

— А ежели не дастъ, тàкъ возьму!.. И затопимъ мы съ тобой печку... И будетъ у насъ кипяточекъ... И заваримъ мы чч...чаю! Такъ-ли я говорю?!

Отецъ нѣжно касается вытянутымъ огромнымъ и крючковатымъ пальцемъ бѣлой тонкой шеи дочери.

— А ты не ба-луй-ся!—чуть слышно пѣвуче произноситъ она, вытягивая губы и закрывая глаза.

Улыбка, какъ легкая тѣнь, скользитъ по ея лицу...

Отецъ уходитъ.

Дочь напряженно вслушивается въ тишину; ей кажется, что эта тишина, овладѣвшая всѣми пустыми пространствами до самыхъ мельчайшихъ щелей, живетъ, дышитъ...

Въ верхнемъ этажѣ возятся люди; они передвигаютъ стулья, постоянно ходятъ, скрипя подошвами, хлопаютъ дверью, уходя въ сѣни и снова возвращаясь, и, кажется, никогда не прекратится—ни стукъ стульевъ, ни шарканье ногъ, ни хлопанье двери...

Но всѣ эти отдаленные звуки дѣлаютъ лишь замѣтнѣе тишину, царящую въ квартирѣ; эта тишина, подобно сгущающемуся вокругъ мраку, тихонько, крадучись, охватываетъ дѣвочку, сжимаетъ ее въ своихъ холодныхъ объятіяхъ и все о чемъ-то какъ-будто шепчетъ...

И дѣвочка слегка приподнимается и испуганно смотритъ предъ собой широко-открытыми глазами...

— Ма-ма...—вдругъ начинаетъ говорить она, вытягивая шею; едва слышные, хрипящіе звуки съ трудомъ вылетаютъ изъ горла.—Ты опять пришла!.. Зачѣмъ у тебя глаза закрыты?! Открой! Я боюсь!.. Открой!.. Да ну-же... Не надо... Не надо!!.. О-ой!.. Тя...тя-тя-а-а!!..

Она безсильно откидывается на подушку, шевеля губами, и судорожно прижимаетъ къ туловищу тонкія, какъ палочки, руки...

Въ концѣ длинныхъ сѣней кто-то сильно стучитъ дверью. Звонкій женскій голосъ громко кричитъ:

— Кошку-то впустить, аль нѣтъ?

Снова слышится скрипъ и стукъ двери, а затѣмъ все стихаетъ.

Въ квартирѣ рабочаго, ворующаго въ эти минуты щепы,— могильная тишина...

Въ ней—покойникъ.

II.

Неразсчетливая.

10 часовъ вечера. Небольшая продольная комната съ нарами около одной изъ стѣнъ, отъ угла до угла. Она была когда-то оклеена обдергавшимися теперь обоями, на которыхъ по красному фону нарисованы голубыя райскія птицы. На грубо сколоченномъ плотничьемъ столѣ, выкрашенномъ въ бордовый цвѣтъ и ничѣмъ не покрытомъ, стоитъ зажженная жестяная лампочка; длинный и узкій огонь ярко свѣтитъ въ вычищенномъ наполовину стеклѣ, рѣзко обозначая свѣтлосинія пятна сырости въ углахъ.

Въ комнатѣ жарко и сильно накурено; синеватый дымъ пластами медленно движется вверху около высокаго бѣленаго потолка. Единственное огромное окно съ почерпѣвшимъ внизу переплетомъ темнѣетъ своими мокрыми стеклами; на одномъ изъ нихъ желтой свѣтящейся точкой отражается языкъ огня. Въ черныя стекла можно смотрѣться, какъ въ зеркало.

На нарахъ, ближе къ узкой и высокой двери, сидитъ, поджавъ подъ себя босыя ноги, старуха въ казинетовой кофтѣ и вяжетъ чулокъ; косички сѣдыхъ волосъ свѣшиваются на вискахъ изъ-подъ краснаго съ бѣлыми горошинами платка, повязаннаго чепчикомъ. Ея бѣлыя нависшія брови часто шевелятся, какъ будто на гладкій, точно полированный, съ желтоватыми пятнами лобъ сѣла муха и не хочетъ

слетѣть. Курносый маленькій носъ съ совершенно открытыми ноздрями придаетъ ея овальному лицу странно-наивное, глуповатое и въ то же время какое-то черезчуръ спокойное выраженіе.

— Скоро-ли только вся эта комедія въ лицахъ кончится!— сердито ворчитъ она, быстро шевеля впалымъ беззубымъ ртомъ и моргая толстыми красными вѣками.—Никакого толку! Хоть-бы толкъ, а то... Глупитъ и больше ничего!..

Эти слова относятся къ дѣвушкѣ, которая сидитъ тоже на нарахъ, около стола, и беззаботно болтаетъ ногами, обутыми въ новые прюнелевые ботинки, стукая задками ихъ о доски наръ.

Иной, быть можетъ, назвалъ-бы ее красавицей. Густые, темные, съ золотистымъ отливомъ волосы скручены сзади въ огромный комъ, а большіе влажные и горячіе глаза съ темными рѣсницами рѣзко оттѣняютъ высокій и покатый вверху нѣжно-бѣлый лобъ; глаза смотрятъ смѣло и весело, но небольшія и тонкія губы напряженно сжаты,—и это дѣлаетъ ея лицо немного какъ-бы застывшимъ. Коротенькая палевая кофточка плотно охватываетъ покатыя круглыя плечи и высокую грудь.

Въ отвѣтъ на слова старухи она, радостно улыбаясь и щелкая пальцами высоко поднятой, немного оголенной, полной руки, звучнымъ груднымъ голосомъ выкрикиваетъ:

— Погоди, старуха, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!

— Ка-акъ же, будетъ! Дожидайся съ своимъ-то умомъ... Преглупая ты!—говоритъ старуха, откладывая чулокъ въ сторону и упорно смотря на дѣвушку выцвѣтшими, округлившимися отъ негодованія, глазами.—Съ умомъ надо жить!

Дѣвушка перестаетъ улыбаться и, поправляя назади прическу, тихо и серьезно говоритъ, заглушая вздохъ:

— Проживу, Богъ дастъ, какъ ни на есть... Спрашиваться ни у кого не буду!..

— Тьфу ты!—сердится старуха и высоко поднимаетъ голову, какъ-бы изслѣдуя глазами еще невиданное чудо.—Да ты не слушайся, а только живи-то съ разсчетомъ!

— Буду, старая, да нехорошая, какъ вотъ ты, съ разсчетомъ буду жить!

Она встаетъ и медленно подходитъ къ старухѣ, скрестивъ на груди руки.

— А ежели люблю я, тогда какъ? Не разорваться-же мнѣ!

— Не рвись, дура... А только говорю, что не нашла любить, кого похуже! Въ заводѣ-то еще почище челыганы нашлись-бы...

— А вотъ и любъ! — говоритъ дѣвушка. Подойдя къ лампѣ, она прибавляетъ огня и смотрится въ окно, а затѣмъ,

тихо смѣясь, шепчетъ: — Зна-аю, куда ты гнешь старая крыса!.. А только этому не бывать! — прибавляетъ она вслухъ.—Пока молода, буду любить и баста!

Я на го-орку шла,
Тяжело несла,—
Уморилась, уморилась,
У-мо-ри-ла-ся!

— Плакать надо!—не унимается старуха.

— Успѣ-ѣю еще! Наплачусь вдосталь... А пока...

Э-эхъ-ма, тру-ля-ля!..
Уморилась, уморилась,
У-мо-ри-ла-ся!..

Она подбоченивается, стучитъ каблуками и извивается всѣмъ корпусомъ.

— Что наплачешеся-то,—это какъ Богъ святъ. „Гнешь!" А куда я гну? Тебя же жаль, глупую... Твою красоту жаль! Ни за полушку красоту-то губишь! А надо съ разсчетомъ!

Строгіе глаза старухи, устремленные на спину дѣвушки, учащенно мигаютъ, а голова слегка трясется. Дѣвушка оборачивается, подсаживается къ старухѣ и, смотря ей прямо въ глаза, немного конфузясь, спрашиваетъ:

— Неужто ты никогда не любила? Никого тебѣ не было жалко?

— Въ моей любви польза была!—хмуро говоритъ старуха и, вдругъ оживляясь и взмахивая костлявой рукой вверхъ, громкимъ шамкающимъ голосомъ прибавляетъ: — И вотъ живу, слава Богу! Въ больницѣ не лежу! По міру не побираюсь, копѣечекъ не прошу, не мерзну... 90 рублей проценту каждый годъ идетъ...

— Съ кѣмъ ты жила-то?

— Это ты въ сурьезъ, али лясы точишь? „Хи-хи-хи", да „ха-ха-ха"?

— Ей-Богу-же нѣтъ!

— Не съ однимъ жила. А пользовалась больше отъ полковника... Хорошій человѣкъ... Старый, степенный и безъ малаго генералъ! Сказывала, аль нѣтъ, я швея была? Пичужка махонькая, а брилліанты были! Наживи-ка съ своимъ-то голоштаннымъ! Нашла съ кѣмъ вязаться!.. Ежели и замужъ ненарокомъ вылетишь за заводскую шушеру, такъ жисть-то извѣстная... Въ синякахъ не хаживала, такъ походишь!

Дѣвушка задумчивымъ, остановившимся взоромъ смотритъ на одну изъ голубыхъ райскихъ птицъ; дугообразныя густыя брови ея немножко сдвигаются, а кончики ушей начинаютъ

горѣть. Наконецъ, она едва слышно вздыхаетъ, высоко подымая грудь, и, громко усмѣхаясь, прищуривъ серьезные глаза, говоритъ:

— Полковники-то на снѣгу поди не валяются!

Старуха фыркаетъ носомъ, плотно сжавъ расползающіяся губы, и, качая головой, смѣющимися глазками зорко смотритъ на дѣвушку.

— Хи-хи-хи!—наконецъ, чуть слышно смѣется она, опираясь руками о нары.—Глупая кра-со-точ-ка... И-хи-хи-хи Ищи, голубушка! На глазахъ вертись! Преглупая...

И не въ силахъ подавить въ себѣ все болѣе увеличивающійся приливъ игриво-насмѣшливой веселости, она широко обнажаетъ темную яму беззубаго рта и высокимъ дребезжащимъ голоскомъ запѣваетъ:

Въ деревнѣ мы жили,
Метелки вязали...
Мете-ел...метел...
Метелки вязали!..

— Убирайся ты!—вдругъ злобно кричитъ дѣвушка, порывисто вставая съ мѣста и наклоняясь къ старухѣ.—Наплевать мнѣ на твоихъ полковниковъ! Кочерыжка! Сводница! Сволочь паршивая!

И она съ раздраженіемъ стелетъ постель, швыряя шаль, подушку и одѣяло.

Старуха нѣкоторое время съ застывшимъ на лицѣ недоумѣніемъ косится на быстрыя движенія ея гибкаго туловища и рукъ, потомъ откашливается въ кулачекъ и усерднѣе прежняго принимается работать.

Дѣвушка раздѣвается и ложится лицомъ въ подушку; скоро тишину комнаты неожиданно нарушаетъ съ трудомъ сдерживаемое прерывистое рыданіе.

Старуха сморкается въ кончикъ передника и тихо бормочетъ:

— Плачь, плачь... Авось поумнѣешь!

Слезы душатъ дѣвушку; она моментами визгливо вскрикиваетъ, стонетъ, и потомъ снова монотонный и хрипящій звукъ „ы-ы“ нескончаемо вырывается изъ груди; все тѣло ея извивается, корчится, а голова не можетъ найти себѣ мѣста.

Старуха молчитъ.

— Ни-кол-ку жалко! — прорывается сквозь судорожное всхлипываніе.

— Себя жалѣй!—чуть слышно шепчетъ старуха, собираясь ложиться.

Она долго креститъ свое жесткое ложе, затѣмъ, звучно шлепая босыми ногами, подходитъ къ лампѣ и задуваетъ ее. Моментально комнатой овладѣваетъ мракъ и, точно по мановенію волшебной палочки, выдѣляется тускло-свѣтлѣющій синеватый четыреугольникъ окна съ чернѣющимъ крестомъ. Дѣвушки не видно теперь, но затихающій плачъ ея слышится во мракѣ рѣзче, назойливѣй.

— Издохнуть-бы! — громко шепчетъ дѣвушка и вдругъ вся настораживается, задерживая дыханіе, потому что ей показалось, что мракъ, окружающій ее, и все, что есть въ комнатѣ, повторило вслѣдъ за ней: „издохнуть!“

— Господи, прости мои согрѣшенія!—зѣвая говоритъ старуха, мягко шумя одѣяломъ.—Ноги мои, больныя ноги!

Тишина начинаетъ немолчно звенѣть въ уши дѣвушки и ей становится жутко; безпредметный страхъ и тоска овладѣваютъ ея душой; она порывисто приподнимается на локтѣ, съ минуту смотритъ, вытянувъ голову, въ окно на кучи грязнаго снѣга и снова ложится.

— Охъ, ноги мои, больныя ноженьки!

— Слушай-ка,—хрипло говоритъ дѣвушка,—а почему-же ты съ эдакимъ капиталомъ, какое ни на есть дѣло не завела?

Старуха нѣкоторое время молчитъ, громко позѣвывая, а потомъ говоритъ:

— А такъ... Людей побоялась. Ихъ бояться надо. А съ дѣломъ безъ людей нельзя.

Обѣ замолчали.

Дѣвушка не двигается и чуть слышно дышетъ. Подъ нарами мышь заиграла съ засохшей коркой хлѣба. Съ подоконника шумно заструилась вода; частыя капли съ мягкимъ звукомъ захлопали о полъ, — сначала непрерывно, а потомъ все рѣже и рѣже. Тихо.

III.

«Уловительницы».

Сегодня рабочіе получаютъ въ конторѣ деньги за двѣ недѣли работы. Контора — длинное одноэтажное деревянное, съ желѣзной зеленой крышей, зданіе, выкрашенное въ дымчатый цвѣтъ,—стоитъ въ глубинѣ двора, покрытаго толстой пеленой волнистаго снѣга, и издали, чрезъ уличную желѣзную рѣшотку, задумчиво и сурово смотритъ на улицу своими огромными окнами съ рѣзными завитушками на карнизахъ. Около широкаго крыльца съ зеленымъ навѣсомъ, на верхушкѣ котораго стоитъ рѣзной зеленый-же конь безъ

заднихъ ногъ,—топчется, сжатая сугробами, кучка рабочихъ съ грязными лицами и руками отъ заводской копоти и черной машинной мази. Широкія желтыя двери сѣней отворены настежъ, и внутренность, тускло освѣщенная краснымъ огонькомъ лампочки, висящей сбоку, издали кажется подземной мглистой пещерой.

На улицѣ, у воротъ и около рѣшотки, толпа женщинъ въ шубахъ, жакеткахъ, въ шерстяныхъ шаляхъ; иныя въ валенкахъ, а иныя въ ботинкахъ безъ калошъ. Морозъ чуть-чуть, легкою кистью, краситъ ихъ, по большей части, худыя и блѣдныя лица.

Женщины стоятъ или прогуливаются взадъ и впередъ вдоль рѣшотки, не разговаривая другъ съ другомъ. Однѣ топчутся на мѣстѣ, склонивъ туловище немного впередъ и запустивъ руки въ рукава какъ можно глубже; другія неподвижно стоятъ съ угрюмо-сосредоточенными лицами,—эти издали кажутся примерзшими къ своимъ мѣстамъ; третьи уставили лица въ пролеты рѣшотки и смотрятъ, не спуская глазъ, на освѣщенныя конторскія окна.

Сумерки незамѣтно овладѣваютъ землей и небомъ. Вверху, въ чистой свѣтло-голубой далекой лазури, кое-гдѣ уже дрожатъ первыя и самыя крупныя, блѣдныя, холодныя звѣзды. Быстрой и невидимой рукой какъ-то неожиданно зажглись всѣ уличные фонари, и рядъ красно-желтыхъ неподвижныхъ и симметрично разставленныхъ огоньковъ красиво, весело выдѣляется на дымчато-голубоватомъ фонѣ зимней сумеречной дали. На западѣ пурпурно-алымъ огнемъ горитъ небосклонъ; на немъ, тамъ и сямъ, висятъ длинныя, узкія и острыя, какъ клинокъ кинжала, темно-лиловыя, подкрашенныя снизу въ нѣжно-розовый цвѣтъ, облака.

Изъ рѣдѣющей кучки рабочихъ, уходящихъ въ контору, выдѣляется темная широкая фигура на короткихъ ногахъ и въ остроконечной высокой шапкѣ. Судя по тому, какъ она игриво размахиваетъ своими толстыми руками и звучно скользитъ съ разбѣгу по обледенѣлой тропинкѣ, можно заключить, что это—молодой парень. Подбѣгая къ рѣшоткѣ, онъ весело кричитъ громкимъ и сиплымъ голосомъ:

— Эй вы, уловительницы! Айда сюда! Отъ самого директора Карла Иваныча фонъ-Шмита распоряженіе вышло, чтобы, значитъ, жены замѣсто мужьевъ разсчетъ получали... А опосля, чтобъ женъ всѣхъ къ машинамъ и горнамъ поставить, а всѣхъ мужьевъ на кухню!.. Ха-ха-ха! Отворяй шире ворота! Эй, дворникъ! Гдѣ онъ? Боже мой, да гдѣ-же онъ?!..

— Ишь песъ!.. Глотку-то нагулялъ...—огрызается грубымъ, почти мужскимъ голосомъ одна изъ женщинъ въ жакеткѣ, промерзшихъ ботинкахъ и съ длиннымъ прямымъ носомъ

безъ переносицы.—Тебѣ-бы съ твоимъ хайломъ ночью на жуликовъ лаять!

— И піявицы-же вы только, ежели сурьезно-то посмотрѣть на васъ!—смѣется парень.

— Нечего лясы-то точить! Водка-то по тебѣ, поди, всѣ глаза выплакала... Иди, получай деньги да пропивай скорѣй!—раздается сердитый бабій окрикъ.

Парень беззаботно хохочетъ, высоко поднявъ голову, и съ тою-же игривостью, съ какою прибѣжалъ къ рѣшоткѣ, убѣгаетъ къ опустѣвшему крыльцу.

Скоро съ шуршаньемъ отворяется въ корридоръ обтянутая клеенкой дверь, и изъ конторы выходятъ двое рабочихъ, громко стуча подошвами сапогъ съ длинными и узкими голенищами, отчего ноги ихъ издали, на свѣту, кажутся выгнутыми движущимися палочками.

Одинъ изъ нихъ, длинный и широкій въ плечахъ, кричитъ, оживленно взмахивая руками:

— Нѣтъ, братъ, такъ нельзя! Гдѣ хошь спроси, скажутъ, что нельзя и шабашъ! Я вылежалъ не шесть, а пять денъ. Я ему, косоглазому чорту, напрямки сказалъ!.. Э-эхъ-ма! Будь они не ладны!.. Въ „Олень“ пойдешь?

Рѣшительнымъ, размашистымъ и крупнымъ шагомъ онъ выходитъ на улицу; свѣтъ фонаря падаетъ на его еще молодое взволнованное, съ красными пятнами на скулахъ, лицо, обрамленное рѣдкой русской бородкой; голубые глаза его влажны и слегка налились кровью.

— А ты поди-ка, Николаша!—едва слышно обращается къ нему гренадерскаго роста особа въ длинной, почти до пятъ, ваточной шубѣ, постепенно суживающейся кверху и оканчивающейся сѣрымъ мѣховымъ воротникомъ. Въ этотъ воротникъ какъ-бы вставлена, покрытая шалью, маленькая, острая головка; изъ шали высматриваетъ крошечное нѣжнобѣлое лицо, заключающееся въ огромныхъ, выпуклыхъ, карихъ испуганныхъ глазахъ да въ широкомъ приплюснутомъ носикѣ, кончикъ котораго покраснѣлъ отъ мороза.

Николаша круто поворачивается въ ея сторону и, оглядѣвъ ее съ ногъ до головы суровымъ и быстрымъ взглядомъ, идетъ далѣе.

— Нѣтъ, Николаша, ты погоди-ка! — таинственно на ходу говоритъ женщина и легонько дотрогивается длиннымъ и тонкимъ пальцемъ до кармана его ваточнаго пиджака.

— Чего тебѣ? — окрикиваетъ ее Николаша, неожиданно останавливаясь.

— А вотъ чего...—женщина понижаетъ голосъ до шепота и беретъ Николашу двумя пальцами за конецъ рукава. — Сколько ты получилъ-то?

— А сколько получилъ, столько и получилъ! Чего пристала!

— А ка-акъ-же!.. За квартиру надо заплатить, вчера отъ хозяина приходили...

— Ну приходили! Ну, такъ что-жъ!? Я-то тутъ что? Убирайся къ чорту! Анаѳемы...

— А ты постой-ка! Жить-то, поди, надо гдѣ ни на есть! — уже громко говоритъ женщина; что-то хрипитъ и перекатывается въ ея горлѣ.—Да и я опять-же... не сегодня—завтра рожу...

Скулы Николаши подергиваются, голова опускается внизъ, а плечи вдругъ немного приподнялись, точно къ нимъ отъ рукъ, засунутыхъ въ карманы, пробѣжалъ электрическій токъ.

— Хоша часть... — продолжаетъ женщина. — Приходили, отъ хозяина-то...

— Дадено мнѣ шесть. На тебѣ пять!

— Дай еще полтину! Да-ай, Николаша... дай еще полтину!!

— Пополамъ мнѣ что-ли рубль-то разгрызть? Уйди!

Жена рѣшительно тянетъ Николашу за кончикъ рукава уже всей пятерней и, наклонившись, возбужденно шепчетъ:

— Въ лавкѣ размѣняютъ... Та-амъ размѣняютъ! А ежели не размѣняютъ, спичекъ возьмемъ.

— Фу-у ты, чортъ... Язва!.. Банный листъ!.. Кайло семиверстное!..

Всѣ эти эпитеты Николаша произноситъ отрывисто, глухо и съ извѣстными паузами, пока оба они идутъ чрезъ дорогу къ освѣщенной бакалейной лавочкѣ.

— Ей, берегись! — раздается надъ ихъ головами, и маленькія санки, съ сидящимъ въ нихъ сѣденькимъ блѣднымъ старичкомъ въ золотыхъ очкахъ, лихо прокатились около самыхъ ногъ ихъ; старичокъ равнодушно строгими глазами смотритъ изъ-подъ густыхъ бѣлыхъ бровей впередъ.

А въ концѣ квартала вдругъ раздалась громкая непечатная ругань, произнесенная осипшимъ женскимъ голосомъ, и вслѣдъ затѣмъ тотчасъ-же послышались мужскіе голоса: „Держи! Лови!" Поднялась неожиданная суматоха. Къ мѣсту происшествія рысью пробѣжалъ городовой. Скоро все стихло.

IV.

Три письма.

10 часовъ зимней ночи. Въ темную комнату, осторожно ступая, входитъ изъ прихожей жилецъ комнаты, чертежникъ Павелъ Петровичъ, засидѣвшійся въ гостяхъ у знакомаго

мастера, и зажигаетъ лампу. Это молодой человѣкъ 20 лѣтъ, высокаго роста, широкоплечій и мускулистый; голова его съ коротко остриженными мягкими, свѣтлыми волосами кажется маленькой на гигантскомъ туловищѣ; свѣтло-каріе глазки смотрятъ умно и степенно, гармонируя съ высокимъ, покатымъ лбомъ, чисто вымытымъ, немножко смуглымъ, рябоватымъ лицомъ и свѣтлымъ пухомъ на верхней тонкой губѣ.

Зажженная лампа съ синимъ стекляннымъ абажуромъ мягко и ярко освѣтила крохотную комнату, почти цѣликомъ занятую деревянною кроватью съ двумя бѣлыми подушками и мягкимъ коричневымъ шерстянымъ одѣяломъ, тремя quasi-вѣнскими стульями и столомъ. На столѣ, кромѣ коробочекъ съ пудрой и зубнымъ порошкомъ, склянки съ одеколономъ, головной и зубной щетки и стоячаго зеркальца съ стеклянными пуговками по угламъ, валяется растрепанная книжка, на желтой обложкѣ которой обозначено: „Цѣною сердца. Романъ изъ жизни дамъ полусвѣта".

Въ квартирѣ совершенно тихо; хозяева спятъ; только рядомъ, въ сосѣдней квартирѣ, по временамъ слышится, заглушаемый стѣной, ревъ младенца. Павелъ Петровичъ видитъ, что на столѣ лежатъ два письма, мелькомъ взглядываетъ на штемпеля и, бросая ихъ на прежнее мѣсто, снимаетъ новый пиджакъ, манишку съ цвѣтнымъ, синимъ по бѣлому, шелковымъ галстухомъ, и только уже послѣ этого садится и беретъ въ руки одно изъ писемъ. Въ немъ, между прочимъ, написано:

„Итакъ, близкій моему сердцу и единственный племянникъ мой, твердо помни, что ты одинъ у почтенной лѣтами матушки твоей и у меня, дяди твоего. Соединяй съ трезвымъ образомъ жизни дальновидность своего ума. На этихъ дняхъ я имѣлъ съ Леопольдомъ Карловичемъ намекающій разговоръ, послѣдствіемъ котораго было мое заключеніе, что съ истеченіемъ нѣсколькихъ лѣтъ онъ не прочь отъ того, чтобы сдѣлать тебя, по внесеніи установленнаго залога, управляющимъ одной изъ своихъ мызъ. Изъ этого факта ты можешь понимать, что впослѣдствіи времени ты можешь быть человѣкомъ, то-есть, жить благородно и даже не безъ комфорта. Поэтому задача твоей жизни теперь заключается именно въ томъ, чтобъ въ истеченіи предопредѣленнаго срока скопить необходимую денежную сумму для внесенія залога. И какъ дѣтей у меня самого нѣтъ, то вотъ мой душевный совѣтъ. Денегъ я тебѣ не дамъ, будь относительно этого въ непреложной увѣренности; ты самъ, ежели не плохъ, можешь нажить ихъ, а въ противномъ случаѣ о тебѣ заботиться не стоитъ моего труда, какъ о слабомъ, забывающемъ себя самого человѣкѣ. Съ пріятелями водись, но въ мѣру, безъ нихъ

нельзя: какъ говорится, не имѣй ста рублей, а имѣй сто друзей; но промежду прочимъ имѣй дальновидность удаляться отъ ихъ безобразій, безшабашныхъ кутежекъ и прочее, потому какъ еще лучше: ежели имѣешь сто друзей, а въ карманѣ сто рублей. Взаймы понемногу всегда давай; рабочій человѣкъ во всякомъ разѣ заплатитъ, ужъ развѣ самая крайняя крайность; а въ тоже самое время тебя будутъ считать хорошимъ товарищемъ и можешь ты жить по своему благоразумію. Опять-же на счетъ женщинъ. Понимаю и даже весьма отлично, что безъ бабы тебѣ никакъ не можно. Ради Бога, не вяжись, которая ежели въ семействѣ живетъ по честности и значится дочерью. Рта не успѣешь разинуть, какъ окрутятъ, а въ то же самое время у тебя по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ можетъ быть крупная невѣста, не безъ капитала и собой не дурна. Слушайся меня старика! Любящій тебя дядя твой, Парамонъ Ведерниковъ".

Павелъ Петровичъ задумчиво смотритъ на картину въ черной тоненькой рамкѣ, изображающую фіордъ въ Норвегіи, и рветъ письмо на мелкіе кусочки. Затѣмъ, усмѣхаясь, мелькомъ взглядываетъ на фотографію почтеннаго худощаваго лысаго человѣка съ волнистой тщательно расчесанной сѣдой бородой, морщинистымъ лбомъ и круглыми, остановившимися, точно немного испуганными, глазами.

— Что-то пишетъ Оля,—шепчетъ онъ,—поди, лается...

„Дорогой и неоцѣненный мой Павликъ,—читаетъ Павелъ Петровичъ, чувствуя, какъ къ сердцу подкатываются какія-то теплыя волны,—никакими-то вотъ путями не возьму я въ понятіе, отчего ты не пишешь ничего и хотя-бы одинъ разъ прошелъ мимо оконъ нашего магазина за все это время"...

Павелъ Петровичъ на минуту отрывается отъ чтенія и представляетъ себѣ низенькую и плотную блондинку, съ курносымъ маленькимъ носомъ и продольными голубыми и смѣлыми глазами, поверхъ которыхъ почему-то особенно бросаются на видъ чуть замѣтныя свѣтлыя, прямыя, точно стрѣлки, брови; углы широкихъ губъ приподняты и какъ-бы упираются въ полныя и нѣсколько блѣдныя щеки.

Держа въ рукахъ письмо, Павелъ Петровичъ порывисто встаетъ съ мѣста, размашистой походкой дѣлаетъ два шага къ сундуку и достаетъ оттуда книжку сберегательной кассы; хочетъ развернуть ее, но вмѣсто этого, бросаетъ на столъ и продолжаетъ читать письмо:

„Тебѣ, должно быть, нѣтъ до меня теперь ровно никакого дѣла, и вотъ уже пять дней, какъ я тебя не вижу и ни одной строки не получила отъ тебя, въ то время какъ я тоскую и готова даже расплакаться, когда вспоминаю о тебѣ, мой милый, а это бываетъ ежечасно. Ужъ если ты заранѣе при-

думалъ измѣнить мнѣ и ухлыстывалъ за мною, какъ за хорошенькой дѣвчонкой, чтобы поиграть моимъ сердцемъ, и для этой цѣли стрѣлялъ въ меня по первоначалу своими милыми глазами,—отсюда слѣдуетъ, что ты обманщикъ, а я дура. Ахъ, какая я дура, что полюбила тебя и откликнулась на твой мысленный зовъ своимъ пристальныхъ взоромъ, помнишь на вечеринкѣ у Спиридоновны? Зачѣмъ все это случилось? Неужели, чтобы испытать мученія тоски и страдать, пока не забуду? Я знаю твои мысли: ты, конечно, хочешь жениться на богатой невѣстѣ и что-же?—скатертью дорожка. Я тебѣ могу принести въ приданое ничего больше, какъ только любовь мою. Но если ты насмѣялся надо мной, то лучше бы ты это сдѣлалъ съ какой-нибудь изъ шляющихъ вечернею порою. Богъ накажетъ тебя: вотъ женишься на уродѣ или на злой и вспомнишь тогда Оленьку. Мнѣ же послѣ такихъ страданій остается только погубить себя и больше ничего. Ухъ, и загуляю же! А всетаки въ другой разъ и вспомню о тебѣ, моемъ ненаглядномъ сокровищѣ. Живи, невѣрное сердце, и будь счастливъ! Твоя погибшая навѣки Ольга Иванова".

Немного ниже письма было подобіе червоннаго туза съ воткнутыми въ него тремя палочками, а почти рядомъ съ тузомъ явственно обозначалось продольное водянистое пятно, задѣвшее краемъ нижнюю строчку.

Густая краска заливаетъ лицо и уши Павла Петровича, и почтовый листикъ трепещетъ въ его огромныхъ, красныхъ рукахъ.

— Милая... милая... милая...—безконечно повторяетъ онъ про себя, шевеля губами, и въ одномъ этомъ словѣ, при каждомъ новомъ повтореніи его, всякій разъ открывается все бо̀льшая и бо́льшая магическая сила, которая ударяетъ по сердечнымъ струнамъ Павла Петровича все сильнѣе и сильнѣе, заставляя ихъ болѣзненно дрожать и звенѣть...

„Милая... Милая"...

Онъ съ трудомъ представляетъ пухлое, обыкновенно веселое лицо Оли плачущимъ, скорбнымъ, и ему очень хочется сейчасъ же, какимъ-нибудь чудомъ, очутиться около нея, чтобы приласкать ее, успокоить.

„Милая... Милая"...

Ему представляется ея фигурка склонившей на столъ свою голову съ пышными, русыми, спереди слегка завитыми, волосами... Спина согнулась, на бѣлой, нѣжной шеѣ чуть-чуть шевелятся выбившіеся курчавые волосики, а широкія приподнятыя плечи вздрагиваютъ...

„Не плачь, не горюй, дорогая моя... птичка моя! Я люблю тебя вѣрно и неизмѣнно"!—мысленно говоритъ Павелъ Петро-

вичъ, и тотчасъ же воображеніе рисуетъ ему, какъ онъ беретъ плачущую Олю за плечи, прижимаетъ ее, удивленную и обрадованную и даже немного испуганную, къ своей широкой груди и, наклонясь, безъ конца цѣлуетъ ея щеки, губы и горячіе глаза.

— Моя ты, моя!—шепталъ онъ довольно громко, увлеченный грезой.

Бьетъ 11 часовъ. На мгновеніе глаза Павла Петровича падаютъ на портретъ дяди, и ему не нравится его торжественное нахохлившееся лицо съ округлившимися глазами; ему кажется, что эти глаза слишкомъ живо, слишкомъ по-шпіонски смотрятъ въ его душу... Онъ немножко брезгливо отворачивается отъ фотографіи и развертываетъ сберегательную книжку. Тамъ, въ концѣ написаннаго и изукрашеннаго разноцвѣтными марками листка, значится цифра 250. Съ минуту Павелъ Петровичъ любуется ею, испытывая чувство пріятнаго спокойствія и мощи, гарантирующей его отъ черной нужды, и потомъ шепчетъ, загибая поочередно пальцы и прищуривая глазъ:

— Полтораста--мебель... Три стола, комодъ, кровать, полдюжины вѣнскихъ стульевъ... зеркало, матрацъ, подушки и прочее бѣлье... занавѣски, коврикъ, двѣ картины въ рамкахъ, ну хоть по полтора рубля... Диванъ... только едва ли онъ помѣстится... ну да тамъ видно будетъ! На все это полтораста... довольно!.. Ну, самоваръ, сервизъ, кухонная посуда и разныя тамъ тёрки, скалки, сковороды, противень, желѣзные листы для пироговъ... на это, если 50... Остается 50. Кухарки пока не нужно. Исподволь сама выучится... Поваренную книжку надо будетъ купить хоть за полтинникъ... А хорошо, чортъ возьми, заживемъ!.. Милая Оленька!.. Съ будущаго года навѣрное буду получать 60 въ мѣсяцъ. Квартира около 15, дрова, круглымъ счетомъ, по 4 въ мѣсяцъ. Отлично... „Ниву“ надо выписать... По праздникамъ мы будемъ ходить подъ ручку въ театръ въ народный домъ... Милая Оленька!

Павелъ Петровичъ, какъ ему кажется, уже исчерпалъ весь матеріалъ сладкихъ мечтаній, но ему страстно хочется мечтать и мечтать... И онъ напрягаетъ свое воображеніе.

— Черезъ два года, быть можетъ, буду получать рублей 90, можно будетъ ежемѣсячно откладывать рублей по 20 вѣрныхъ, даже по 25... Я не пью... Въ годъ это составитъ 250—300!.. И мыза не уйдетъ!

Онъ откидывается на спинку стула, вытягиваетъ ноги и нѣкоторое время смотритъ въ пространство ничего не выражающимъ, остановившимся взоромъ.

„Погоди же, Оленька,—смутно, откуда-то издалека проно-

сится въ его усталомъ сознаніи,—преподнесу я тебѣ сюрпризъ! Вотъ тебѣ и невѣрное сердце... Ахъ ты, дурочка!"

И онъ рѣшительнымъ жестомъ беретъ перо.

„Дорогая моя, милая, золото мое, безцѣнная Оленька!— пишетъ онъ, бисеромъ нанизывая ровныя, твердыя строчки.— И какъ тебѣ могло придти въ голову убѣжденіе, будто я не питаю къ тебѣ самаго горячаго чувства любви. Что это колоссальная несправедливость, доказательствомъ служитъ то, что я давнымъ-давно уже рѣшительно, какъ есть все предусмотрѣлъ и разсчиталъ, не опуская ни одной мелочи житейскаго обихода. Если же я дѣйствительно не писалъ тебѣ и не видѣлъ тебя, мою дорогую, пять дней, начиная со вторника, то причиной этого печальнаго обстоятельства была суматоха конторскаго дѣла предъ Рождествомъ, когда мнѣ приходилось ходить на вечернія занятія и просиживать въ конторѣ до 11—12 часовъ. Сегодня я дѣйствительно былъ въ гостяхъ у мастера, но этого нельзя было избѣжать, потому что онъ звалъ меня на именины жены, и онъ имѣетъ въ заводѣ видное положеніе. Но внѣ всякаго сомнѣнія, я тамъ очень скучалъ по тебѣ. Намъ надо поговорить, милая Оленька, объ одномъ очень важномъ для насъ обоихъ дѣлѣ, которое я основательно взвѣсилъ и разсчиталъ, что оно составитъ наше взаимное счастье. Приходи завтра, т. е. 23-го числа, ко мнѣ между 4 и 5 часами; не стѣсняйся, такъ какъ въ скоромъ времени ты будешь моей женой. Для начала обзаведенія у насъ есть необходимый капиталъ и только надо потихоньку посматривать удобную квартиру. До скораго свиданія, моя дорогая! Вѣчно твой Павелъ Кремневъ.

P. S. Квартиру надо подыскивать тотчасъ же, чтобы исподволь найти поудобнѣе и не такъ дорогую, и чтобы намъ успѣть повѣнчаться до великаго поста. П. К".

Павелъ Петровичъ оставляетъ вложенное въ конвертъ письмо на столѣ, потягивается съ чувствомъ удовлетворенности, раздѣвается и ложится. Съ четверть часа онъ читаетъ „Цѣною сердца", а затѣмъ гаситъ лампу. Воцаряется полнѣйшій мракъ; синяя занавѣска не пропускаетъ уличнаго ночного свѣта. Вездѣ—и на улицѣ, и въ квартирѣ совершенно тихо. Снизу и, кажется, точно подъ самымъ поломъ, слышенъ протяжный, продолжительный и хриплый бой часовъ. Тотчасъ же вслѣдъ за боемъ раздается легкое похрапываніе Павла Петровича.

V.

Бобыль.

Въ недавно открытомъ трактирѣ „Трансвааль“, въ девятомъ часу вечера было очень людно, шумно, свѣтло и грязно; не было свободныхъ столиковъ; табачный дымъ, точно нѣжнѣйшимъ синеватымъ газомъ, окутывалъ всѣ предметы и всѣхъ людей, машущихъ руками, говорящихъ и скрипящихъ стульями; лакеи съ чайными звенящими приборами или съ пивными бутылками въ рукахъ и подъ мышками, не ходили, какъ ходятъ вообще всѣ люди, а, точно птицы, порхали туда и сюда, извиваясь туловищами, шныряя между спинками стульевъ и столами. Оркестріонъ, вышиною до потолка, гудѣлъ, кажется, уже въ третій разъ маршъ „Бѣлаго Орла“, заглушая крики и топанье ногъ.

Я сидѣлъ за однимъ изъ столиковъ и пилъ пиво.

— Простите, пожалуйста... Вы, кажется, одни сидите? Нельзя-ли присѣсть къ вашему столику?

Я поднялъ голову и увидѣлъ знакомаго мнѣ помощника мастера, Петра Матвѣича.

Петръ Матвѣичъ, низенькій, полный, точно осѣвшій всѣмъ своимъ дряблымъ тѣломъ мужчина, лѣтъ 40, съ морщинистымъ мясистымъ лбомъ и какъ-будто вѣчно слипающимися, налившимися кровью ярко-голубыми глазами,—послѣ того, какъ 3 года тому назадъ лишился жены и сына, запилъ и не переставалъ напиваться каждый вечеръ вплоть до дня своей смерти. Каждое утро онъ аккуратно являлся на работу, и рабочіе, зная его образъ жизни, удивлялись его выносливости. Разсказывали, что по вечерамъ, ближе къ полночи, оставаясь въ квартирѣ одинъ, онъ дѣлается безумнымъ: стучитъ, шумитъ, кричитъ... Поэтому ни одинъ хозяинъ квартиры не соглашался пустить его жильцомъ въ свободную комнату. Никто не заглядывалъ къ нему, и онъ жилъ такимъ образомъ всѣ три года одинъ. Я давно подумывалъ сходить къ нему, да какъ-то все не удосуживался, да и не тянуло что-то.

И теперь мы больше молчали, изрѣдка перекидываясь незначительными фразами; въ Петрѣ-же Матвѣичѣ я не замѣтилъ даже слабой склонности къ разговору; на вопросы онъ отвѣчалъ хмуро и неохотно и, повидимому, весь былъ поглощенъ какою-то неотвязчивой мыслью. Въ трактиръ онъ пришелъ выпивши; послѣ нѣсколькихъ, взятыхъ имъ бутылокъ пива онъ захмѣлѣлъ порядочно.

Всматриваясь въ его красное, опухшее, съ углубленными

линіями лицо, я сталъ замѣчать, что мало-по-малу глаза его все чаще и чаще широко открываются и принимаютъ испуганный видъ, а самъ онъ съеживается, поводитъ круглыми опущенными плечами и оглядывается по сторонамъ...

— Ну... я пойду, видно!—сказалъ онъ, наконецъ, слегка заплетающимся языкомъ и улыбаясь дѣтской улыбкой.— Пойду я... да-съ! Тутъ... того и гляди... того...

— Скандала боитесь? Что вы!

— Не то, не то... совсѣмъ не то!—раздраженно воскликнулъ Петръ Матвѣичъ и махнулъ рукой. Его лицо болѣзненно сморщилось, точно кто-нибудь причинилъ ему мгновенную, но мучительную боль.

— Жены боюсь!—прошепталъ онъ.

— Позвольте, но вѣдь ваша жена...

— Вотъ то-то и оно-то! Эге! За-гад-ка!.. А ларчикъ просто открывается!—Густыя сѣдѣющія брови его приподнялись, и онъ подмигнулъ мнѣ однимъ глазомъ.—Ну, до свиданья!

Я вызвался проводить его.

На улицѣ сильно морозило, было тихо и пустынно. Безцвѣтное, темное небо казалось бездонной черной ямой — не то отъ того, что его загромоздили тучи, не то отъ расползшагося по небу дыма, цѣлый день густыми клубами валившаго изъ заводскихъ трубъ. Неподвижные желтые, точно скучающіе огни фонарей бросали кругомъ себя недалекій свѣтъ и, образуя небольшіе свѣтлые круги на покрытыхъ грязнымъ снѣгомъ тротуарахъ, дѣлали уличную тьму еще гуще, чернѣй, непривѣтливѣй.

Петръ Матвѣичъ шелъ нетвердой походкой, держась за мой локоть, и всю дорогу бормоталъ слова, смыслъ которыхъ можно было только угадывать.

— Вотъ... вотъ она, жизнь!..—говорилъ онъ.—Что такое?.. Э-ге! Ну-те-ка!—Петръ Матвѣичъ остановился, поднесъ ладонь ко рту и съ силой дунулъ на нее, а затѣмъ многозначительно посмотрѣлъ на меня.—Да... есть и нѣтъ!.. Былъ и потомъ къ чорту-дьяволу въ самое пекло, простите, пожалуйста!.. Вы, сказывали, пишете... И опи...опи-ши-те! Превосходно! Отлично! Ва-аля-ай!!.. Для безсмысленныхъ скотовъ!—закричалъ онъ, дѣлая грозное лицо,—какъ, значитъ, рра-бо-чій человѣкъ живетъ!.. Млекопитающее...ся... ну, ладно... Рыба, птица и гадъ... живутъ... хха! Ей-Богу, живутъ!.. А ррабочій? Позвольте васъ спросить?—Онъ опять остановился, дунулъ на ладонь, посмотрѣлъ на меня въ высшей степени удивленно недоумѣвающими глазами.—Была жена жива... и была мила... душка!.. За милую душу, значитъ, жили... Лю-би-илъ!.. Прекрасно!.. Не то, чтобы что... Простите, пожалуйста, я человѣкъ съ образованіемъ небольшимъ... что

значитъ, на умѣ... и вотъ такъ!.. Ну, наплевать!.. Въ техническомъ курсъ кончилъ... по мастерству... Ну ладно!.. Любилъ, ахъ какъ люби-илъ!.. А въ настоящее время, вродѣ какъ свинья... она-то... Да-съ, милая-то жена!..—И, остановившись, размахивая рукой, онъ вдругъ на всю улицу закричалъ:—Эй, свинья, выходи! Не боюсь! Размозжу!

— Нельзя такъ кричать!—внушительно замѣтилъ вынырнувшій изъ мрака городовой.—Въ участокъ захотѣлось?

Но Петръ Матвѣичъ не обратилъ никакого вниманія на окрикъ и продолжалъ:

— Была жива и все прекрасно, безвредно... А въ настоящее время адъ... Ей-Богу, адъ!.. Не мучила тогда, не вытягивала жилы... У-у, стерва! Не подходи!—снова закричалъ онъ, стукнувъ ногой, и чуть не упалъ.—И вотъ оказія-то, батенька!.. Ну и оказія!! А-ахъ ты, Б-боже мой! И всего-то вѣдь по шестому годочку отправился... мозглячокъ!.. Давнулъ перстомъ, и духъ вонъ!.. А туда-же, каналья... за матерью... Изъ за плечика... Ха-ха!.. Боится... а рожи строитъ... чертяка... зенки пялитъ... стерва!..

Незамѣтно мы подошли къ большому дому, верхушка котораго терялась во мракѣ черной ямы, зіявшей сверху, а на передній кирпичный фасадъ легло расплывшееся желтое пятно фонарнаго свѣта; на дворѣ, въ отдѣльномъ маленькомъ флигелѣ жилъ Петръ Матвѣичъ.

— Я зайду къ вамъ?—спросилъ я.

—Ну, конечно, коне-ечно!—забормоталъ Петръ Матвѣичъ.—Другъ... дружище!

Мы вошли въ избу; три запушенныхъ инеемъ окна чуть-чуть выдѣлялись во мракѣ небольшими синими холодными четыреугольниками. Петръ Матвѣичъ чиркнулъ спичкой, и мнѣ прежде всего бросились въ глаза огромная бѣлая русская печь и часть широкой коричневой кровати. Постепенно разроставшійся огонь зажженной свѣчи, мало-по-малу, выхватывалъ изъ темноты голыя сѣрыя стѣны и углы. Отъ квартиры вѣяло мертвеннымъ покоемъ, и наше присутствіе въ ней казалось чѣмъ-то совершенно ненужнымъ. Подобное ощущеніе испытывается при входѣ въ склепъ. Впрочемъ, квартира Петра Матвѣича и напоминала именно склепъ. Это была довольно просторная квадратная изба съ очень давно бѣлеными стѣнами, на которыхъ кое-гдѣ кусками выпала штукатурка, обнаживъ ромбы перекрещивающихся лучинокъ; мѣстами, главнымъ образомъ внизу и около угловъ, темнѣли зеленоватыя съ синимъ отливомъ пятна сырости. Единственный крытый лакомъ желтый столъ, два темно-коричневыхъ стула—одинъ около стола, а другой въ противоположномъ углу—рѣзали глазъ въ просторѣ комнаты

и казались нѣмыми стражами, оберегающими мертвый покой. Широкая двухспальная деревянная кровать стояла около слегка теплой печи и была не убрана; кругомъ нея, на полу, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, чернѣли не откупоренныя пивныя бутылки. На самой серединѣ грязнаго пола странно бросался въ глаза треугольный лоскутъ бѣлаго коленкора, прилипшій къ полу.

Громко сопя носомъ и стараясь не смотрѣть по сторонамъ, Петръ Матвѣичъ торопливо и небрежно сбросилъ съ себя пальто на кровать, взялъ со стола штопоръ и началъ откупоривать бутылки, ставя ихъ на прежнее мѣсто. Красныя, съ напружившимися темными жилами руки его замѣтно тряслись; глаза, смотрѣвшіе въ полъ, учащенно мигали, а во всей съежившейся фигурѣ чувствовалась мучительная напряженность, точно онъ ежеминутно ждалъ тяжелаго удара по спинѣ.

Садясь, я скрипнулъ стуломъ: Петръ Матвѣичъ вздрогнулъ и чуть не выронилъ изъ рукъ бутылки, тяжело, всей грудью, вздохнулъ, но ничего не сказалъ. Кончивъ дѣло, онъ обернулся и направился ко мнѣ. Я долго не забуду этого момента! Одутлое и обыкновенно красное лицо Петра Матвѣича было словно опсыпано слоемъ муки и казалось землисто-сѣрымъ; глубокія морщины рѣзко чернѣли на немъ кривыми линіями; глаза попрежнему смотрѣли въ полъ, и только опущенныя воспаленныя толстыя вѣки не утратили своей обычной красноты. Шатающейся походкой, немного оттопыривъ руки, въ которыхъ онъ держалъ по бутылкѣ, онъ медленно подошелъ ко мнѣ и тихо сталъ говорить, ставя бутылки на столъ и наклоняясь:

— А вамъ спасибо! Можетъ, полегче будетъ... Пейте-ка вотъ, на здоровье!.. А я, извините, лягу... Я лягу, да!.. А вы сидите ради Бога!.. Я усну... Тогда съ богомъ! Спасибо!— Онъ взялъ мою руку и крѣпко пожалъ ее.—Я какъ накачаюсь до... до точки замерзанія... усну... А безъ этого не усну... Ни за что не усну!.. А накачаюсь, усну... Люди ничего не подозрѣваютъ!.. Пьяница... разъэдакій и растакой... да... люди-то ничего не подозрѣваютъ...

— Послушайте, Петръ Матвѣичъ, у васъ, мнѣ кажется, нервное разстройство... Вамъ-бы полѣчиться, бросить работу-то!—сказалъ я, чтобы лишь развлечь его.

— Э-ге-ге!—воскликнулъ тонкимъ голосомъ Петръ Матвѣичъ, усмѣхаясь легкой болѣзненной улыбкой, не выходя взоромъ изъ круга моей головы.—Какой-же вы, скажу я вамъ... Вотъ на васъ пальто... Простите, пожалуйста, вы его украли? Нѣтъ? Какъ-же вы его достали?

— Т. е. какъ?! Понятно, заработалъ...

— А-та-та-та! — крикнулъ Петръ Матвѣичъ, замѣтно оживляясь, даже краснѣя немного, и подмигнулъ глазомъ.—А можно мнѣ безъ пива? Смекните-ка, вотъ!.. Загадка, ха-ха-ха!

Машинально онъ посмотрѣлъ на окно и вдругъ затрясся, и прежняя сѣрая блѣдность покрыла его лицо. Онъ схватилъ бутылку, и, не отрываясь отъ горлышка, залпомъ выпилъ ее.

— Ну, ладно... ладно...—забормоталъ онъ.—Я лягу... лягу..

И, подойдя къ постели, онъ быстро скинулъ сапоги и юркнулъ подъ одѣяло. Вытянувъ ноги, онъ поудобнѣе положилъ голову на подушку и закрылъ глаза.

— Зашуршала окаянная...—немного погодя, забормоталъ онъ.—Скобу ищетъ... анафема!..

— Да ничего не слышно,—сказалъ я, подходя къ нему.—Вамъ только кажется... Плюньте!

— Нѣтъ, братику, нѣтъ... Они... мертвые-то, народъ хитрый... Вонъ, вонъ опять!—Петръ Матвѣичъ приподнялся на локтѣ и, доставъ съ полу бутылку, продолжалъ:—Она закрыла ваши уши и глаза, бестія!.. Шуршитъ... я слышу, а вы нѣтъ... я вижу, а вы нѣтъ!..

Я подсѣлъ къ нему на кровать. Онъ-же съ небольшими перерывами опоражнивалъ одну бутылку за другой.

— Нѣтъ сна... да... нѣтъ и баста!.. А она стоитъ... знаю... зна-аю, что стоитъ вонъ тамъ... около двери... Змѣей вползла! Идетъ... идетъ... Не тянись ко мнѣ!—вдругъ дико закричалъ онъ и, приподнявшись, гнѣвными пьяными глазами вызывающе осмотрѣлся кругомъ, а затѣмъ, крѣпко схвативъ мою руку выше локтя, всхлипывающимъ и сиплымъ фальцетомъ быстро заговорилъ, указывая глазами и движеніями головы въ уголъ:

— Вонъ... вонъ-вонъ!.. Вы не видите... по стѣнѣ прокралась, шельма... прямо въ уголъ... Теперь вотъ лягъ-ка я... попробуй, лягъ... и потянетъ свою голову къ лицу моему... Уйди, паршивая! Не мучь! Убью!—вдругъ закричалъ онъ, и, быстро схвативъ пустую бутылку, съ размаха бросилъ ее въ уголъ.—Сорвалось! Ловкая бестія... увильнула... увильнула, чортъ тебя возьми! Погоди, по-го-ди-и, дружокъ!..

Другая бутылка ударилась въ стѣну. Петръ Матвѣичъ глубоко и хрипло дышалъ; на его лбу и вискахъ блестѣли, точно бисеръ, частыя и мелкія капли пота. Выпивъ залпомъ бутылку, онъ безсильно откинулся на подушку.

Чрезъ минуту онъ спалъ; изъ высоко поднимавшейся груди его вылетали тяжелые, хрипящіе звуки. Онъ беззвучно шевелилъ губами и постоянно поворачивалъ голову то въ

одну сторону, то въ другую. Понемногу его лицо начало принимать прежній красный цвѣтъ.

Я задулъ свѣчу и вышелъ. Теперь я понималъ, почему каждый вечеръ до безчувствія напивался Петръ Матвѣичъ: это безчувствіе, при условіяхъ его существованія, было необходимо ему, какъ солнце и воздухъ для всего живущаго.

Недѣли, должно быть, черезъ двѣ съ небольшимъ послѣ описаннаго Петръ Матвѣичъ скоропостижно умеръ.

VI.

Междоусобица.

— Давно онъ ушелъ-то?—Сказывай что-ли, когда тебя спрашиваютъ!..

— Давно...

— Съ рыжимъ?

— Съ рыжимъ.

— Господи ты, Боже мой! Опять въ карты!..

Маленькая женщина съ голубыми, растерянно бѣгающими глазками и съ веснущатымъ, худымъ и острымъ лицомъ всплескиваетъ грубыми костлявыми руками и безсильно опускается на стулъ, который тотчасъ-же со скрипомъ подался впередъ.

— Другіе которые только водку жрутъ... А мой моду выдумалъ... въ карты...

Дѣвочка лѣтъ шести, неподвижно сидѣвшая на зеленомъ сундукѣ, свѣсивъ худенькія босыя ноги, вдругъ начинаетъ тихонько всхлипывать...

— А ты что расхныкалась, пропасти на тебя нѣту!.. Деньги искалъ?

— Иска-алъ...

— А ты?

— Ска... сказала: не знаю... Подъ перину ла-азилъ!

— Ага! Теперь туда и спрячу...—Она встаетъ и достаетъ изъ кармана кошель.—Разъ, два, три, четыре... двадцать... Владычица, когда же этому конецъ-то будетъ?! Ежели, какъ въ ту получку, изъ двадцати пяти восемнадцать оставилъ...

— Спра-ашивалъ: гдѣ, говоритъ, деньги?

— А ты?

— А я: не знаю...

— Ну, ладно... Ежели придетъ, станетъ деньги спрашивать, смотри не говори... Бить меня будетъ,—не говори! Не скажешь, дочка?

— Не скажу...

— То-то... Шкуру спущу! Не твои бока болѣть будутъ... Слышь? Не твои бока!..

— Не мои... Идетъ, мамочка, иде-етъ!

Лицо женщины блѣднѣетъ и вытягивается, а голова слегка какъ бы уходитъ въ узкія, острыя плечи: вся ея фигура, крѣпкая и насторожившаяся, напоминаетъ хищную птицу, собирающуюся взмахнуть крыльями...

Въ квартиру шумно вошелъ прилично одѣтый рабочій, въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и въ низенькой шапочкѣ. Онъ тяжело дышетъ; худощавое, бѣлобрысое лицо блѣдно, а круглые, выпуклые сѣрые глаза сурово и безпокойно блуждаютъ кругомъ, избѣгая взгляда жены.

— Есть, что ли, ѣсть что-нибудь?

— Сколь отъ пяти-то рублей осталось?

— Тебѣ говорятъ, давай обѣдать!!

— Не стряпала! Думала, нажрешься гдѣ ни-на-есть...

Рабочій порывисто сбрасываетъ съ себя пальто.

— Чортъ съ тобой! Ступай, купи пива.

— Давай денегъ!

— На! Три бутылки.

— Сыру?

— И сыру.

Жена, накинувъ на голову шаль, ушла.

— А ты, Лизокъ, что пригорюнилась, а? Охъ ты, моя милая доченька! Ты меня любишь, дочка? Любишь?!

— Люблю...

— А мамка—сердитая? Да? Дочка...

— Сердитая...

— А я на Рождествѣ елку устрою!..

— Устрой, папочка, устрой!

— Такую елку сооружу... агромаднѣйшую!.. А ты знаешь, дочка, куда мамка деньги положила?

Съ дѣланной, заискиващей улыбкой онъ заглядываетъ ей въ лицо и гладитъ ея русую голову своей огромной мозолистой и дрожащей рукой.

— Я... я не зна-аю...

— Взгляни на меня, доченька!.. Ну!.. Скажи папочкѣ правду!

Дѣвочка робко смотритъ въ глаза отцу и вдругъ охватываетъ его шею руками и, прижимаясь къ его груди, шепчетъ:

— Я не знаю, папочка! Не знаю... Право, не знаю!..

Слезы блестятъ въ ея большихъ сѣрыхъ глазахъ...

— Я не всѣ возьму... мнѣ только пять рублей... Милая!..

— Не знаю...—почти беззвучно шепчетъ дочь.

— Ну, коли такъ, значитъ, ты не любишь меня... Дурная дочка, нехорошая!.. И я тебя не стану любить... И елку не куплю...

Дѣвочка плачетъ, уткнувшись лицомъ въ колѣна.

Входитъ мать и тревожно всматривается въ трепещущую фигурку дочери.

— Что ты? Что съ тобой?

— Ни че... че-го!..

— Раскапризничалась! Розги, знать, давно не пробовала!— говоритъ отецъ и встаетъ.

— На-а, жри!—Жена почти бросаетъ бутылки и сыръ на столъ.

— А ты не скули больно то!

Тотчасъ же квартиру наполняютъ высокіе звуки непрерывнаго, безконечнаго и монотоннаго причитанія; звенящей тоскливой нотой звучатъ въ немъ съ трудомъ сдерживаемыя рыданія.

— Несчастная я! Кой чортъ спуталъ меня съ охальникомъ, на всю жизнь маяться, горе мыкать, свѣту не видать... Сердце мое чуяло, когда замужъ выходила: горючими слезами плакала я, горемычная; доля моя распохабная; другіе люди не пьютъ, не курятъ, въ карты не играютъ; хоть бы только пилъ, хоть бы курилъ...

— Молчи, харя!

— ...И что же это за безумный такой уродился? Чужой вѣкъ заѣлъ; ни одна получка не проходитъ, чтобы пяти десяти рублей не проигралъ въ карты, будь онѣ прокляты; издохнуть бы, что ли, поскорѣе, не видать ничего...

Дѣвочка начинаетъ,—сначала слабо, а потомъ все сильнѣе,—вторить тономъ выше; ея молодой, звонкій, безъ словъ, голосъ воющими, однообразными звуками носится поверхъ речитатива матери, какъ бы аккомпанируя...

— ...Въ прошлый разъ семь рублей спустилъ; на семь рублей дровъ на сколько хватило бы; другіе люди живутъ, нужды-горя не знаючи...

— Молча-ать!!—Мужъ бросается къ женѣ и, остановившись предъ ней съ крѣпко сжатыми кулаками, кричитъ:— Гдѣ деньги?!

Жена отворачивается, закрывъ лицо руками. Речитативъ становится ниже и гуще, переходя моментами въ басовыя ноты.

— ...Послѣднія копѣйки тянетъ, пропащая душа. Гдѣ я денегъ возьму? Много ихъ накопила!.. послѣднія хочетъ по вѣтру пустить...

— Я тебя спрашиваю русскимъ языкомъ, гдѣ деньги? Гдѣ?—Мужъ порывисто схватываетъ жену за плечо.—Гдѣ? А-хъ ты...

Слышится тупой звукъ тяжелаго удара по тѣлу и тотчасъ же раздается пронзительный крикъ дѣвочки.

— Па... поч-ка, не... не бей!

Мужъ волочетъ жену къ кровати и, поваливъ, тычетъ ее кулакомъ въ грудь и въ бокъ, повторяя задыхающимся глухимъ голосомъ: „гдѣ деньги? скажешь, али нѣтъ, паршивая? гдѣ деньги? приглушу!!“

Жена молчитъ, стиснувъ зубы; ея красное и потное лицо напряжено и дышетъ злобой и рѣшимостью; изъ ея груди вырывается мычащій, стонущій, тихій и короткій крикъ.

Дѣвочка неудержимо и дико кричитъ; со стороны можно подумать, что какой-то безчеловѣчный палачъ съ невозмутимымъ желѣзнымъ хладнокровіемъ и методической медленностью переламываетъ ея хрупкіе члены...

— А-а-а-а... не бей... а-а-а-а!..

И вдругъ она выкрикиваетъ:

— Па-поч-ка, скажу... не бей! Ска-жу-у!

Мать дѣлаетъ отчаянное усиліе и, приподнявъ голову, поворачиваетъ къ дочери ужасное, искривленное судорогой, съ злыми налившимися кровью глазами, лицо и хрипитъ:

— Мм... молчи, шкура... изобью! Слово пикни..

— У-у, анафема!—задыхаясь, шепчетъ мужъ.—Извела ты меня... Не жить тебѣ... Богу молись...

— Подъ пе... периной, папочка! А-а-а-а!

Мужъ съ силой отбрасываетъ отъ себя жену; въ одно мгновеніе огромная перина и четыре подушки летятъ на полъ; но тотчасъ же между супругами возобновляется новая отчаянная борьба изъ-за кошелька, который, при паденіи перины, свалился подъ кровать. Жена ухватилась за руки мужа и повисла на нихъ всею тяжестью своего тѣла. Мужъ выпрямился во весь ростъ и, разставивъ ноги, поднялъ жену и бросилъ на полъ.

По уходѣ мужа, въ квартирѣ на минуту воцаряется мертвая тишина. Дѣвочка сидитъ съ лицомъ безъ кровинки Мать медленно поднимается съ пола; по ея впалой щекѣ, отъ виска, тонкой полоской алѣетъ струйка крови, задерживаемая морщинкой около края губъ; нѣсколько капель упало на рукавъ; глаза ея безсмысленно блуждаютъ...

— Ма-моч-ка...—захлебываясь слезами, шепчетъ дѣвочка.

— Кто тебя за языкъ тянулъ?

— Мамочка... милая!..

Мать схватываетъ руку дочери повыше локтя и судорожно изо всей силы сжимаетъ ее своими тонкими, костлявыми, цѣпкими пальцами.

— Ой! — раздается тихій, робкій и отрывистый звукъ; слезы, сдерживаемыя свѣтлыми рѣсницами, стоятъ въ испу-

ганныхъ глазахъ дѣвочки, съ тоскливой мольбой устремленныхъ въ потемнѣвшіе и загорѣвшіяся мрачнымъ огонькомъ глаза обезумѣвшей отъ злобы и досады женщины.

— Кто за языкъ тянулъ?

Сильная рука потрясаетъ маленькое, съежившееся въ комокъ тѣло...

— Кто?

И кончики жесткихъ пальцевъ захватываютъ нѣжную мягкую кожу и рвутъ... одинъ разъ... другой...

— О-ой! О-о-о-й! Ой-ой-ой!!—Стонущіе, не прерывающіеся ни на секунду, отчаянно-громкіе крики наполнили квартиру и рѣютъ въ ней, точно сотни уродливыхъ, навсегда потерявшихъ покой, испуганныхъ птицъ...

Вдругъ лицо матери густо покраснѣло: ужасъ и недоумѣніе изобразились на немъ... Она отворачивается отъ дочери, грузно падаетъ на колѣни и, простерши руки къ образамъ, громко шепчетъ:

— Владычица! Умири меня! Утиши меня! Спаси! Утиши! Умири!

Дѣвочка, дрожа всѣмъ тѣломъ, безсмысленно смотритъ на полураспустившуюся косу матери, на разорванную около плеча синюю кофточку, и ей вдругъ, быть можетъ, именно вслѣдствіе созвучія слова „умири“ со словомъ „смерть“,—вспомнилась недавняя уличная похоронная процессія... И тотчасъ же, истерзанная, растрепанная и избитая фигура матери представилась ей въ совершенно другомъ освѣщеніи и видѣ... Спокойная, кроткая, съ вытянутымъ, неподвижно-блѣднымъ лицомъ, покрытая чистымъ бѣлымъ коленкоромъ,—она лежитъ въ простенькомъ, выкрашенномъ голубою краской гробу, а гробъ стоитъ на большомъ кухонномъ столѣ.. Дѣвочка порывисто сползаетъ съ сундука и трепетно-любовно прижимается къ матери, охвативъ ея шею своими тонкими руками...

VII.

Книжный человѣкъ.

— ...Какимъ же образомъ Иванъ Сергѣичъ женился на ней?—спросилъ я Трофима Кузьмича.

Трофимъ Кузьмичъ немного подумалъ и потомъ отвѣчалъ:

— Книжный человѣкъ! Столь, я вамъ скажу, необыкновенная личность, что во имя убѣжденій ума своего ставитъ на карту даже счастье жизни!.. Получаетъ онъ, по своему положенію саршóго мастера, около ста, даже въ тихое по работѣ

время; сумма, какъ изволите видѣть, почтенная. При томъ же и не пьетъ. Женѣ бы жить, да ублажать такого мужа. Такъ нѣтъ!.. Фортенблясы выкидываетъ, что только ухъ!.. Представьте себѣ такой, примѣрно сказать, пейзажъ: приходитъ онъ съ работы; понятно, усталъ и играетъ въ желудкѣ волчій аппетитъ... Какъ хотите, но вѣдь полагается ей приготовить обѣдъ, да чтобы и домашнее убранство ласкало взоръ: цвѣтокъ къ цвѣтку, скатёрка, пятое-десятое... Что же представляется его глазамъ? На полу грязь, окурки, разное тряпье, будильникъ на сундукѣ; юбка на комодѣ, старый жилетъ на плитѣ и тому подобное... За столомъ сидитъ церковный регентъ и одинъ тутъ контористъ, а на столѣ—батарея пивныхъ бутылокъ... Регентъ съ рыжей бородищей басить херувимскую, контористъ же, мужчина столь могутный, что вывернуть скобу изъ любой двери для него—сущіе пустяки, пьетъ съ ей на брудершафтъ!.. Она же сидитъ красная, разбухшая, зенки масломъ налиты, прическа разсыпалась, кофточка только верхней пуговочкой держится и грязную сорочку видно... Жилы вытянулъ бы изъ шкуры барабанной! Но онъ?.. Вы, понятно, видали его? такой черненькій, росту малаго, одинъ глазъ закрытъ—на работѣ закрыло—онъ же сталъ, руки скрестилъ, какъ Наполеонъ какой на скалѣ, молчитъ нѣкоторое время и смотритъ на эту сцену своимъ единственнымъ глазомъ... Только краска съ лица спала, понятно. По истеченіи времени, говоритъ: „Вы, говоритъ, господа, удалитесь, по той, говоритъ, причинѣ, что вы въ нетрезвомъ состояніи своего ума, и тѣмъ я объясняю вашъ поступокъ въ отношеніи интимно-семейной благопристойности", и такъ далѣе въ томъ же родѣ. „Господа" уходятъ и, понятно, послѣ со смѣхомъ благовѣстятъ о столь глупомъ деликатесѣ! Онъ къ женѣ: „А ты, Сима, соснула бы лучше, а я схожу пока да и закушу гдѣ ни есть..." Онъ—за ворота, а моя баба тою же минутой къ сосѣдямъ. „Извелъ онъ меня! Идолъ! Окаянный! Сбѣгу я! Нѣтъ моченьки моей!" Позвольте васъ спросить: ежели, къ примѣру, какой человѣкъ закатилъ бы вамъ по щекѣ, вы подставите другую: ударь еще разикъ, Христа ради! Святое евангеліе-то писано въ тѣ времена, когда люди-то, можетъ, стыдъ имѣли! Что же касаемо нынѣшняго поколѣнія людей, такъ влѣпятъ вамъ, да еще послѣ такого смиренія съ вашей стороны, наплюютъ въ рожу-съ... Мораль, можно сказать, шиворотъ навыворотъ! Да и такъ я полагаю, что выше, значитъ, силъ человѣка по чистой-то совѣсти, по душѣ, а не книжнымъ только разумомъ, простить за такое дѣло...

— Какъ же это онъ спутался-то съ ней? — повторилъ я свой вопросъ, соображая, что любящій пофилософствовать

Трофимъ Кузьмичъ уже поѣхалъ на своемъ излюбленномъ конькѣ.

— Да какъ? Опять же скажу, что по своей большой умственности. Никто, какъ самъ себя погубилъ чрезъ книжный разговоръ. Въ холостыхъ годахъ сошелся тутъ съ человѣкомъ однимъ; читали-читали, да и начитался мой Иванъ Сергѣичъ до утраты здравыхъ чувствъ. „Надо, видите-ли, спасать, потому, какъ въ мірѣ владычествуетъ мракъ!“ Мракъ то это дѣйствительно; ну, а люди-то тоже большой руки звѣри... а загрызанныхъ людей и совсѣмъ, можно сказать, непочатый уголъ! Не на той струнѣ Иванъ Сергѣичъ заигралъ. Одинъ умнѣйшій человѣкъ говорилъ мнѣ въ нѣкоторомъ родѣ весьма даже вѣщее слово: „освѣтите, говоритъ, жизнь—и люди тою же секундой освѣтятся!“ И нѣтъ ничего проще такого пониманія; представьте себѣ: вношу я огонь... Но вы любопытствовали о женитьбѣ? Очень просто, ежели, помимо всего прочаго, понять желѣзный характеръ этого человѣка, который возымѣлъ намѣреніе спасать погибающихъ. Молодой человѣкъ былъ довольно рѣдкихъ достоинствъ: старательный и въ работѣ спорый; выбился изъ учениковъ до старшого, не смотря на самостоятельное обхожденіе съ начальствомъ. Но погубила его чувствительность ума. Познакомился онъ съ Серафимой Викторовной на улицѣ. Она работала на хлопчато-бумажной фабрикѣ, если изволите знать, Эйхенвальда. А женская жизнь на фабрикѣ весьма даже тернистая. Молодая дѣвушка во цвѣтѣ желаній получаетъ грошъ, а содержаніе, чтобы только сытымъ быть, вдвое дороже. Въ то же самое время окружаютъ ее молодые люди, для которыхъ испортить дѣвицу—плюнуть да растереть. Притомъ Серафима Викторовна имѣла, надо полагать, отъ природы возбудительное щекотаніе нескромныхъ помысловъ. Ихнее семейство я хорошо знаю; тоже заводскіе были. Отецъ померъ отъ чахотки, а мать еще при мужѣ запивала мертвымъ поемъ. Серафима съ 15 лѣтъ пошла на растра-та-ты! Иванъ Сергѣичъ все это зналъ. Но какъ теперича онъ мухи не обидитъ, такъ и тогда пуще того имѣлъ желаніе какъ бы обнять все живущее, всѣхъ осчастливить пылающимъ, можно сказать, расположеніемъ своего сердца... Бывало, начинаетъ онъ говорить, примѣрно, вотъ въ нашей компаніи молодыхъ рабочихъ, такъ проберетъ тебя, проожжетъ до мозга костей твоихъ... эхъ-ма, завей горе веревечкой! Въ тотъ же вечеръ въ другой разъ въ лоскъ налижешься... пропадай ты и жизнь-то вся! И все больше норовилъ насчетъ, такъ сказать, бѣдствующаго человѣка! Смертельно наивный и благородный человѣкъ. А что касаемо Серафимы, такъ ужъ тутъ его мало кто и слушалъ. У насъ есть которые на дѣвичій

стыдъ плевать хотятъ, а онъ: „такой же живой человѣкъ, да еще такой же и рабочій человѣкъ!“ Вотъ те и вышло: „такой же рабочій человѣкъ!“ А то вычиталъ тоже изъ книжки: „на плодородной почвѣ выростаетъ больше сорной травы“—и съ этой бывальщиной, бывало, носится... Ну-съ, хорошо. Познакомился онъ съ ней и стали они видаться на вечеркахъ, какія устраиваются въ нашемъ быту,—по общему согласію у какой-нибудь тамъ вдовы, до лишней трешницы охочей. Но чего-нибудь такого, нехорошаго, промежду ихъ и не было даже. Серафима — личность обширная, забубенная, а Иванъ Сергѣичъ въ натурѣ ея мучительное страданіе нашелъ!.. Сидѣли разъ они въ чайной. Народу было— всѣ столы заняты. Понятно, шумъ, звонъ. Грамофонъ поетъ разныя пѣсни. Довольно весело. И вотъ Серафима, положивши ему руку на плечо, впервой еще: „я у тебя сегодня ночевать буду!“ Тутъ онъ и высказалъ ей, чтобъ обвѣнчаться. Посмотрѣла она на него сомнительными глазами, усмѣхнулась и руку съ плеча отняла:

— „Смѣшной, говоритъ, ты, Ваня!

— „Какъ то-ись понимать это?

— „Да такъ. Аль не знаешь, что я гулящая?

— „Куда ведутъ эти слова твои?—онъ спрашиваетъ ее.

— „А туда же,—говоритъ,— ѣхали, да мимо проѣхали!.. Эй,—кричитъ прислуживающему, — нѣтъ-ли у васъ въ грамофонѣ: „я тотъ, которому внимала...“ Заведи!

— „Ну, скажемъ, гулящая,—не унимался герой нашъ,— еще какія-такія злодѣйства, за которыя вѣчной каторги мало?

Серафима какъ крикнетъ:

— „Знаю вашего брата; попреками съѣшь! Что я? Ни богата, ни что...

Иванъ Сергѣичъ на это ей и говоритъ:

— „Эхъ,—говоритъ,—Сима, любишь ты меня, а знаешь то, видно, мало! Безъ малаго считаешь за подлеца. Убыло тебя, что ты гулящая-то? души-то твоей убыло? А мы-то,— говоритъ,—лучше тебя? Нѣтъ, Сима, не нашему брату твой вѣкъ заѣдать. Мы съ тобой, Сима, рабочіе люди, оба рабочіе и толковать, значитъ, нечего! Мы—не господа, слава Богу, и никакихъ деликатесовъ намъ не нужно, а были бы крѣпкія руки! Изойдемъ дорогу жизни“.

И такимъ родомъ убѣдилъ ее, поставилъ на своемъ; да ежели вѣрить Ивану Сергѣичу, такъ будто и дѣйствительно она его любила. Но какъ бы тамъ ни было, а на повѣрку-то вышло одно безобразіе. Первымъ же дѣломъ она связалась съ сосѣдскимъ жильцомъ, переписчикомъ бумагъ по вольному найму... Ну, въ скорости же этотъ гоголь-моголь сокра-

тился: хозяинъ, токарь, у котораго онъ жилъ, по пьяному дѣлу и будучи въ обидѣ на него за того же Ивана Сергѣича, вздулъ его, калъ сидорову козу и, понятно, изъ квартиры своей выгналъ. Но Иванъ Сергѣичъ хоть бы что! пальцемъ даже не тронулъ Серафиму-то... ровно бы и не жена ему! Пошла она послѣ того съ пятымъ-десятымъ. Онъ въ работѣ, а въ квартирѣ его—море разливанное... И идетъ это дѣло вотъ уже четыре, а то и всѣ пять лѣтъ...

— Добромъ-то у нихъ едва-ли кончится,—замѣтилъ я.

— Совершенно съ вами согласенъ. Видите-ли... уши выше лба, какъ изволите знать, не растутъ и выше себя человѣку не быть! На что, надо полагать, бьетъ-то Иванъ Сергѣичъ? А все по тому-же книжному понятію, какъ я полагаю, что-де, увидѣвъ такое воловье терпѣнье съ его стороны и, замѣсто всклочки, спокойно-равнодушныя слова, Серафимѣ-то будто какъ-бы должно усовѣститься и бросить свое паскудство... Какъ-то это такъ по книгѣ-то выходитъ? Но видно, Серафиму только могила исправитъ; замѣсто сочувствія-то она его прямо-таки выносить не можетъ... Въ настоящее время злоба у ей противъ него достигаетъ, можно сказать, высшаго предѣла! Не при насъ еще пословица-то родилась: „люби жену, какъ душу,—а тряси, какъ грушу“. И такъ мы съ женой думаемъ, что ей даже хочется, чтобы повелъ онъ съ ей атаку, какъ заправскій мужъ... Вы улыбаетесь? Но судите сами: при мнѣ не разъ было,—напьется, какъ стелька, и начинаетъ обнаруживать предъ нимъ заключительные эпилоги своихъ похожденій, сквернословитъ, такъ что даже однимъ ухомъ тошно слушать канитель ея. Что можетъ быть противнѣе пьяной бабы, которая въ изступленіи бѣшенства всеё себя на изнанку выворачиваетъ?! И вотъ какое желѣзо въ ёмъ: въ лицѣ побѣлѣетъ, затрясется; ну, думаешь, сейчасъ пойдетъ штурма по всѣмъ правиламъ артиллеріи, — нѣтъ! Отворотится и уйдетъ, а то такъ и опрометью выбѣжитъ изъ дому... Она ужъ такъ и сякъ!.. Подстраиваетъ, примѣрно, такой фортель: рыдаетъ, бьетъ кулакомъ въ грудь, въ ногахъ у него валяется: „бей, измочаль меня! съѣла я жизнь твою! чрезъ меня тебѣ, миленькій, нѣту спокою жизни! Избей меня недостойную; ноги твои мыть буду, рабыней буду!“ А онъ тою же минутой впадаетъ въ великодушіе. „А зачѣмъ бить, говоритъ, бьютъ скотину, да и то по глупости. Довольно даже странно, чтобы за твое сердечное покаяніе я въ качествѣ звѣря началъ тебя лупцовать?“ И приближается къ ей съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поднять. Она-же начинаетъ въ пьяной злобѣ колотить его кулаками и оретъ, такъ что въ сосѣдней квартирѣ все до званья слышно. „Изуитъ ты! Ежели ты меня извести хочешь, такъ не будетъ этого во

вѣки вѣковъ; я тебя скорѣй того убью, подлый Іуда ты, христопродавецъ!“

Прибѣгаетъ онъ однажды ко мнѣ и, по всей видимости, послѣ подобнаго-же конфликта отношеній; на лицѣ лица нѣтъ; глазъ злобой горитъ; дышетъ тяжело и отрывисто. Едва поздоровался, упалъ на стулъ, грудью навалился на столъ, говоритъ:

— „Терпѣнью моему скоро конецъ!

Супруга моя стояла тутъ-же и на эти слова его вдругъ какъ выпалитъ:

— „И дай,—говоритъ,—Богъ, Иванъ Сергѣичъ.

— „То-ись какъ это?—встрепенулся онъ.

— „Да такъ. И себя мучаете, а ее и того пуще!

— „Я? ее? Извините, Елена Семеновна, но сами вы очень даже превосходно знаете, каковъ я въ поступкахъ касательно Серафимы...

Жена вспыхнула.

— „Извините и меня, но ваше поведеніе — отъ вашей гордости...

— „Гордости?!

— „Такое сильное превосходство надъ женой оказывать—грѣхъ!

— „А ежели въ ей совѣсти нѣтъ! — вскипятился Иванъ Сергѣичъ.—Однимъ словомъ, нѣтъ моего терпѣнья!

Слышится горькая обида въ его словахъ и даже слезы.

— „И опять-же скажу,—не унимается жена,—что вы травите Серафиму Викторовну, питая къ ней злобу. Промежду васъ война и вы—жестокій человѣкъ!

— „Что-то не пойму я васъ, Елена Семеновна,—говоритъ онъ и, видимо, очень недоволенъ такимъ сальтоморталемъ въ разговорѣ, — трудненько понять васъ. А поступаю я по правиламъ высшей справедливости и даже не попрекнулъ ее ничѣмъ...

— „Нашли тоже, чѣмъ хвастаться!

— „А что-же? Выходитъ, она безчувственная женщина!..

— „Безчувственная?! Э-эхъ!.. Ну да ладно, будь по вашему! — съ досадой говоритъ жена, и махнула рукой.

Иванъ Сергѣичъ даже вскочилъ со стула отъ волненія, глазъ ни на чемъ остановиться не можетъ; чуть не кричитъ:

— „Совѣсть скорѣе всего прочаго пробуждается не отъ палки, а отъ обращенія!

— „Да ужъ ежели на то пошло, — быстро говоритъ моя жена, мѣняясь въ лицѣ, — такъ стоеросовая дубина легче вашего обращенія!

— „Женское разсужденіе! — подхватываетъ Иванъ Сер-

гѣичъ съ какою-то злобной улыбкой.—„Стрижено!“ — „Нѣтъ, брито!“—„стрижено!“—„нѣтъ, брито!“

И въ скорости-же послѣ этихъ словъ попрощался и ушелъ съ видимымъ волненіемъ.

Я, понятно, посердился на жену и высказалъ ей свое неудовольствіе, по поводу этой перепалки, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ высказалъ. А она даже изъ себя вышла

— „Да что,—кричитъ,—онъ измывается надъ ей со своей-то святостью; святымъ-то только представляется!

Я такимъ-же манеромъ вышелъ изъ себя.

— „Ну, голубушка,—ехидно говорю, — ежели-бы всѣ такими святыми прикидывались, такъ всѣ-бы вы, дуры, на нашу шею сѣли! Съ ума ты сошла и больше ничего; шиворотъ-на выворотъ твое понятіе!

— „Ну и прекрасно,—говоритъ, — шиворотъ-на-выворотъ, такъ шиворотъ-навыворотъ... а только я на ее мѣстѣ удавилась бы и дѣлу конецъ!

Выругалъ я ее, плюнулъ и не сталъ больше разговаривать.

— „Всѣ-бы книжки-то его, — прибавляетъ она, немного погодя,—въ печкѣ сожгла!

И по тону ея видно, что придаетъ большой смыслъ своимъ словамъ и словно какъ-бы книжки-то эти дались ей пуще всего... будто и не въ Серафимѣ дѣло!.. Понять не могу даже такого женскаго пониманія вещей. Бабій умъ, я вамъ скажу, по какому-то особому ранжиру образованъ. . .

. . . .

Послѣ приведеннаго разговора прошло мѣсяца два. Пріѣхавши въ январѣ снова въ заводъ, я остановился у Трофима Кузьмича. Послѣ обычныхъ взаимныхъ привѣтствій и наступившаго вслѣдъ за ними тоже обычнаго молчаливаго раздумья, Трофимъ Кузьмичъ поднялъ голову и, пристально смотря на меня, произнесъ притворно-спокойнымъ голосомъ:

— Понятно, не слыхали еще про нашу заводскую новость?

— Какую?

— А то, что вотъ справедливо накаркала моя-то супружница касательно Серафимы Викторовны...

— А что?

— Удавилась.

— Клонилось къ тому!—коротко замѣтила Елена Семеновна, разставляя на столѣ чайную посуду.

Я молчалъ, очень хорошо зная, что Трофимъ Кузьмичъ, по своей любви разсказывать, поспѣшитъ въ подробностяхъ передать мнѣ исторію этого драматическаго происшествія.

И дѣйствительно, помолчавъ нѣкоторое время, онъ началъ самымъ равнодушнымъ тономъ:

— Иванъ-то Сергѣичъ самъ мнѣ послѣ разсказывалъ, какъ это было. Пришелъ онъ съ работы,—дверь изнутри заперта; никогда прежде, думаетъ, дверь не запиралась, а теперь заперта... Первая мысль была о любовникѣ. „Кровь, говоритъ, прилила мнѣ въ голову и такая ненависть всколыхнулась въ сердцѣ, что вотъ, кажется, готовъ разорвать ее на части!“ Застучалъ онъ что есть мочи кулакомъ; отвѣтомъ служитъ тишина... И вдругъ, знаете-ли, ни съ того, ни съ сего, вдарила ему въ голову страшная мысль! Похолодѣлъ весь и затрясся. „Страшно, говоритъ, мнѣ стало, ровно кто меня въ бездонную яму хочетъ столкнуть, и чувствую, какъ каждый волосокъ на головѣ привстаетъ одинъ за другимъ“... И въ ту-же самую минуту быстрымъ оборотомъ закружились въ умственномъ взорѣ разныя картины домашняго обихода и вгнѣздилась мысль, что жизнь есть какъ бы, такъ сказать, огромный змѣй сказки, пожирающій людей безъ всякой жалости! Забарабанилъ кулаками снова. И снова отвѣтствуетъ мертвая тишина. Бросился со всѣхъ ногъ къ сосѣдямъ, бормочетъ что-то тамъ не совсѣмъ понятное; но въ скорости-же всѣхъ какъ-бы осѣнило... Проходитъ нѣкоторое время,—изъ той и другой квартиры сбѣгаются люди и тихо переговариваются, и къ нимъ присоединяется народъ, приходящій съ работы... Я тоже шелъ съ работы; только вижу: тотъ-другой влетаютъ въ одни и тѣ-же ворота... Вбѣгаютъ во дворъ: галдежъ. Слышу: „виситъ... посреди горницы... веревку-то за крюкъ въ потолкѣ уцѣпила... табуретка валяется“... Стукъ: дверь ломаютъ. Бабы набѣжали, но молчатъ, стоятъ блѣдныя. Есть тутъ у насъ Спиридонъ Масленниковъ,—не говоря худого слова, подбѣгаетъ онъ къ окну и бацъ по крестцу кулакомъ! Стекла трень-брень... вверху рама ушла внутрь, а внизу подалась наружу; другую раму тѣмъ-же манеромъ; высадилъ рамы и самъ въ окно. Домовладѣлецъ ругается, самоуправство въ районѣ чужой собственности, грозится судомъ; но никто его не слушаетъ. Повалилъ народъ и въ дверь, и въ окно. Я стою и погруженъ въ задумчивость. Видѣть Ивана Сергѣича мнѣ хочется, но думаю: больно мнѣ будетъ смотрѣть на лицо моего друга при столь убійственномъ фактѣ его жизни. Однако, пошелъ; растолкалъ народъ. Кругомъ гомонъ, а поверхъ всего носится вопль Ивана Сергѣича. Веревка снята и валяется на полу, табуретка тоже валяется на боку, а покойница положена на кровать и на лицо ея наброшена скатерть. Иванъ Сергѣичъ стоитъ на колѣняхъ, голова уткнута въ перину, и вопитъ:

— Прости меня, Симочка! Виноватъ въ грѣхѣ твоемъ! Грѣхъ твой на мнѣ!

Страшный, какой-то нутряной вопль!.. Около меня стоитъ женщина, а изъ глазъ у нея текутъ по щекамъ слезы. Жуть меня пробрала; великое страданіе его чувствую всѣмъ нутромъ. Народъ стоитъ и съ каждымъ словомъ Ивана Сергѣича тишаетъ все больше, а, наконецъ, и дыханье затаилъ... Вдругъ, знаете-ли, Иванъ Сергѣичъ съ огромнымъ трудомъ встаетъ... на лицѣ ни кровинки, глазъ затемнился на бѣломъ лицѣ и сверкаетъ огонькомъ. Всталъ, потомъ сѣлъ и схватился руками за голову, а въ скорости снова всталъ и пошатнулся. Весь народъ вздохнулъ. А онъ молчалъ такъ около минуты и потомъ самымъ, знаете-ли, обыкновеннымъ своимъ тихимъ говоромъ говоритъ:

— „Симочку пускай никто не осуждаетъ: Симочкина вина на мнѣ. Мнѣ это дѣло открылось. Никто, какъ я—убійца. Новое вино не вливается въ старые мѣхи. Я—старые мѣхи, а въ меня было влито вино новое.

Я инда затрясся; вижу: какъ-бы съ ума человѣкъ спятилъ. И кругомъ тоже блѣдныя лица; а кое-кто и уходить бочкомъ началъ. А онъ продолжаетъ въ томъ-же тонѣ:

— „Я поступалъ по видимости; но во мнѣ какъ, значитъ, былъ волкъ, такъ и остался волкъ. Поступки моей жизни покрыты свѣтлой фольгой, но внутри была злоба, а не прощеніе. Симочка-то вотъ и пожелала умереть...

И по всей видимости онъ имѣлъ намѣреніе, чтобы продолжить свое объясненіе, но тутъ пришли полицейскіе чины и, осердившись, зачѣмъ покойницу сняли безъ надлежащаго на то разрѣшенія, выпроводили народъ и приступили къ составленію протокола.

Кончивъ свой разсказъ, Трофимъ Кузьмичъ почти тотчасъ-же обратился къ женѣ съ какими-то незначительными словами; Елена Семеновна что-то отвѣтила въ тонъ мужу. Всѣ мы усердно занялись чаепитіемъ.

— А теперь какъ поживаетъ онъ?—наконецъ, спросилъ я.

— Иванъ-то Сергѣичъ? Ничего, живетъ. Снялъ комнату. Я, признаться, знаете-ли, думалъ, да и всѣ мы такъ думали, что закрутитъ послѣ такого сюрприза, но вышло наоборотъ: еще тише сталъ. Какая-то странность въ ёмъ обнаружилась; и будто умный разговоръ ведетъ, а вотъ такъ и хочется въ его глазъ проникнуть: не играетъ-ли безуміе... Лишены слова его здравой простоты! А, впрочемъ, больше молчитъ. Пуще прежняго погруженъ въ чтеніе книгъ; но евангеліе—его, можно сказать, первенствующая книга. Сироту мальчика на воспитаніе взялъ; приходитъ съ работы и начинаетъ возиться съ нимъ, какъ нянька; трехъ лѣтъ еще нѣтъ младенцу-то.

Большое желаніе имѣетъ уѣхать въ какой ни есть глухой заводъ подальше отъ городовъ. Есть писатель... понятно, читали его сочиненія? Онъ писалъ про жизнь рабочаго люда на уральскихъ заводахъ и пріискахъ... Ну, да. Такъ вотъ Иванъ-то Сергѣичъ допытывался, гдѣ-бы узнать его адресъ; хочетъ письмо ему написать съ разспросомъ, что и какъ тамъ на Уралѣ. Однимъ словомъ сказать, бродитъ въ головѣ его какая-то думка... Какъ-то разъ онъ сказалъ мнѣ:

— „Всѣ люди,—говоритъ,—должны принять второе крещеніе огнемъ своей совѣсти. Тогда возвладычествуетъ въ душѣ ихъ любовь и прощеніе. Серафима была въ грѣхѣ съ головы до ногъ и пожелала жестоко отомстить мнѣ своей смертью и отомстила, дѣствительно, здорово... Но даже зло обращается въ пользу и замѣсто окончательной погибели моей получилось просвѣщеніе ума. Роковое стеченіе обстоятельствъ жизни!

...Не сумѣю сказать вамъ, то-ли тутъ глубокій умъ, то-ли поврежденіе мозговъ!

. . . .

VIII.

Артамонъ Кисель.

Артамона Ивановича Ежова, работавшаго въ кузнечномъ отдѣленіи машино-строительнаго завода, товарищи-рабочіе звали Киселемъ. Это былъ мощный человѣкъ—гигантъ, съ серьезнымъ, даже съ суровымъ, вдумчивымъ лицомъ. Въ компаніи съ рабочими онъ почти всегда горячо ораторствовалъ и вѣчно, какъ говорили, лѣзъ на рожонъ. Главный пунктъ, на которомъ свихнулся Артамонъ, это—„неумственная точка пониманія жизни“ у рабочаго человѣка. Но о ней онъ говорилъ такъ часто и съ такимъ жаромъ, что отъ его иногда довольно-таки радикальныхъ, если хотите, рѣчей вѣяло чѣмъ-то не особенно основательнымъ, даже дѣтскимъ, а нерѣдко просто очень забавнымъ...

— А что, Артамонъ Иванычъ,—шутливо обращался къ нему какой нибудь рабочій,—какъ примѣрно дѣла со свѣтомъ-то просвѣщенія... въ скорости времени вдаритъ онъ насъ, лупоглазыхъ, эдакимъ то-ись манеромъ?

— Лупоглазые и есть!—говорилъ себѣ подъ носъ Артамонъ.

Большіе выпуклые глаза его какъ-то растерянно и тревожно начинали бѣгать по сторонамъ, а на широкомъ, покатомъ въ верхней части, бѣломъ лбу появлялась глубокая складка. И вдругъ, точно почувствовавъ приливъ неудержи-

маго негодованія, онъ выпрямлялся во весь свой богатырскій ростъ и начиналъ „обличать", размахивая длинными мускулистыми руками:

— Помремъ дураками, и дуракъ тотъ человѣкъ, который жалѣть насъ будетъ! Люди мы?

— Надо полагать, не скотина...

— Безъязычная и глупая скотина! Иванъ Карпухинъ безъ малаго двѣнадцать лѣтъ промаячилъ съ нами... Пили вмѣстѣ! Померъ,—осталась баба съ малыми ребятами безъ пищи...— Голосъ Артамона дѣлался глухимъ и, казалось, съ трудомъ вылеталъ изъ горла.—Ежели въ настоящемъ понятіи разобрать, такъ эдакъ нельзя! По человѣчеству ежели, такъ помочь-бы надо... Не могли помочь?

— Правильно, Кисель! Громи пуще!

— Возьмемъ курицу...

— Вонъ оно куда... до курицы!

— Ее рѣжутъ, но потомство безъ призору не остается! А человѣку отъ Бога должна быть дадена умственная точка пониманія...

— Извѣстно, курица—курица, а человѣкъ, куда ни кинь,— все человѣкъ!

— А вотъ ужо, погодите малость, какъ ежели наступитъ свѣтъ просвѣщенія,—тогда самый зряшный человѣкъ свою жизнь по всѣмъ статьямъ раскуситъ и произведетъ себя...

— Че-го... прямо въ начальники депо!

Поводовъ къ возмущенію духа Артамона въ заводѣ было не занимать стать и, въ силу простой привычки, многое изъ его громогласныхъ мудрствованій проносилось мимо ушей и рабочей братіей, и начальствующими людьми. Въ послѣдней сферѣ его называли „смѣшнымъ человѣкомъ", да за такового-же собственно считали и въ его-же родной средѣ, хотя, несомнѣнно, любили.

Въ одинъ очень скучный и очень грязный осенній вечеръ, когда рѣдкіе огоньки уличныхъ керосиновыхъ фонарей своимъ красновато-желтымъ тусклымъ блескомъ лишь оттѣняли черную тьму, нависшую надъ заводскими скученными деревянными постройками, а сверху, точно изъ мрачной бездны, падалъ мелкими капельками настойчивый дождикъ,—я и давнишній мой знакомый слесарь Трофимъ Кузьмичъ звучно шлепали по жидкой грязи, направляясь къ квартирѣ Артамона. Съ Артамономъ я еще не былъ знакомъ, и дорогой Трофимъ Кузьмичъ старался выяснить мнѣ личность заинтересовавшаго меня рабочаго.

— Заводская жизнь, — говорилъ Трофимъ Кузьмичъ,— дѣйствительно, есть не больше, какъ промозглая мгла... А такой человѣкъ, какъ Артамонъ Иванычъ, есть уже, чтобы

тамъ ни говорили, свѣтлый фактъ... какъ вотъ, изволите видѣть, этотъ фонарь. Можетъ, онъ малость и чадитъ, а всетаки свѣтитъ! Въ эту вотъ лужу мы не попадемъ... Есть въ Артамонѣ страданіе... и мечта!—неожиданно, съ чувствомъ закончилъ Трофимъ Кузьмичъ.

— Почему его зовутъ Киселемъ?

— По началу-то называли: Артамонъ Кисельные берега, а ужъ изъ этого получился просто Кисель. Да вотъ увидите его...

Мы вошли въ довольно чистую небольшую квартирку, обитую дешевенькими голубыми обоями и состоящую изъ кухни, въ которой двоимъ повернуться трудно, и горенки въ три окна. На окнахъ съ кружевными занавѣсками стояли горшки съ немудрыми цвѣтами, а на стѣнѣ, кромѣ выцвѣтшихъ фотографій мужчинъ въ высокихъ сапогахъ и вышитыхъ косовороткахъ и женщинъ въ платьяхъ съ безчисленными оборками и съ кружевными косынками на головахъ,— красовались двѣ картины въ тонкихъ черныхъ рамкахъ, заплеванныхъ мухами; на одной были изображены лиловыя горы, синяя вода, голубое небо и сѣрые пароходики Швейцаріи, а другая символизировала „жизнь добраго христіанина“: въ младенчествѣ, въ юности, въ зрѣломъ возрастѣ и въ преклонной старости.

Артамонъ сидѣлъ и, при свѣтѣ длинной лампы безъ абажура, читалъ толстую книгу. При нашемъ входѣ, онъ всталъ и тотчасъ-же вся горница показалась мнѣ микроскопической по сравненію съ его фигурой. Онъ конфузливо-радостно улыбался всѣмъ своимъ нѣсколько сѣровато-блѣднымъ лицомъ: толстыя, сочныя губы расползлись, выпуклые глаза прищурились и, казалось, каждый волосокъ его свѣтло-русой небольшой бородки принималъ участіе въ улыбкѣ. Авдотья Петровна, жена его, показалась мнѣ женщиной замкнутой, молчаливой; ея маленькіе, черные, какъ уголь, и острые глаза глядѣли на сухощавомъ, немного блѣдномъ, лицѣ сурово-внимательно.

Въ углу, въ головахъ двухспальной высокой кровати, были привѣшены къ стѣнѣ двѣ маленькихъ самодѣльныхъ полочки, на которыхъ лежало нѣсколько истрепанныхъ книжекъ. Книга, которую читалъ Артамонъ, оказалась лубочно, грубо изданной поэмой Мильтона „Потерянный и возвращенный рай“.

Авдотья Петровна ушла въ кухню ставить самоваръ, а мы тѣмъ временемъ разговорились.

— Это даже весьма хорошо,—сурово заговорилъ Артамонъ, обращаясь ко мнѣ,—что вы, по видимости, человѣкъ съ образованіемъ и въ то-же самое время, какъ говорилъ сейчасъ

Трофимъ Кузьмичъ, жизнь знали... Вы что-же просто любопытствуете, али по какому ремеслу?

— Онъ, между прочимъ, для печати пописываетъ, — вставилъ Трофимъ Кузьмичъ.

— А-а!.. Это еще лучше... Нашъ братъ бумажно изобразить что-нибудь стоющее не можетъ... А надо огонька подпустить! Когда-то и я съ своимъ суконнымъ рыломъ хотѣлъ...

— Ртамоша!—крикнула изъ кухни Авдотья Петровна, и тотчасъ-же массивная переваливающаяся фигура Артамона скрылась за перегородкой, и въ кухнѣ послышалось шептанье.

— Ну такъ вотъ и я... было желаніе зазвучать!—продолжалъ онъ прерванный разговоръ, возвращаясь.—Если любопытствуете, могу показать?

Артамонъ долго возился, переворачивая разное бѣлье въ большомъ красномъ сундукѣ, и, наконецъ, досталъ небольшую кипу засаленныхъ и помятыхъ бумагъ.

Разсматривая тонкіе, пожелтѣвшіе листы, я убѣдился, что Артамонъ имѣлъ страстишку къ сочиненію стиховъ; большинство ихъ было злободневнаго, непосредственно практическаго свойства.

Жилъ рабочій веселъ, пьянъ,
Пока руку не сломалъ.
Пошелъ въ управленье:
„Дайте утѣшенье!“
А ему въ отвѣтъ:
„Денегъ лишнихъ нѣтъ!“
„Работалъ я у васъ,—
Говоритъ онъ лишній разъ,—
„Ребятишекъ пятеро дѣтей;
„Аль я буду лиходѣй:
„Наплодилъ, да по міру пущу?!
Говоритъ Альбертка: „съ лѣсницы спущу!“

Потомъ шли стихи о потребительской лавкѣ, которая не улучшаетъ качества товара, такъ какъ заправилы завода слишкомъ широко пользуются своимъ правомъ кредитоваться, но долги свои уплачиваютъ микроскопическими дозами; о больницѣ, читальнѣ, строющейся 15 лѣтъ церкви...

Видимости много
А толку все нѣтъ:
Рабочему убого,
Альбертка-жъ цвѣтетъ!

А вотъ и образецъ лирики:

Милая хорошая далеко—
На фабрикѣ въ Ямской!
Въ мой домъ иди, лебедка,
Живу я въ улицѣ Тверской.
Живу, какъ перстъ, бѣдняжка!
Темно въ моей квартирѣ:
Лампа не горитъ,
Самоварчикъ не кипитъ,—
Одинъ я въ этомъ мірѣ!

Пробѣгая прозаическія замѣтки, я заинтересовался одной изъ нихъ; заглавіе ея было широковѣщательно: „Понятіе о томъ, какъ прогнать тьму заводовъ". „Для настоящаго понятія о томъ, какъ прогнать вопіющую тьму,—писалъ Артамонъ,—надо помнить тотъ смыслъ, которымъ пропитанъ каждый изъ нашего брата. Главное дѣло въ свѣтѣ разумѣнія, то-есть въ точкѣ умственнаго пониманія жизни, а ея у рабочаго все единственно, какъ въ пустомъ амбарѣ зерна: хоть шаромъ покати, подобно тому, какъ насчетъ этого амбара пишетъ стихотворецъ Иванъ Кольцовъ, и въ этомъ заключается все бѣдствіе заводовъ. И не въ томъ, что въ разсужденіи чистоты и изобилія съѣстного я живу худо, а въ томъ, какая причина? Я получаю за трудъ ничего себѣ; у насъ слесаря, кузнецы, токаря и прочіе, сверловщики тамъ и гранильщики, зарабатываютъ съ цеховыми 50, а то и 60, ежели въ иное время не больше, каждый мѣсяцъ; ученики и другіе разные мастерки до 30, а чернорабочій 20 и 25. А всѣ живутъ, какъ скоты. Это бываетъ, что безъ своей вины маемся, когда сокращеніе работъ. А главное дѣло, свѣту просвѣщенія не напущено вдосталь, и заработокъ идетъ, кромѣ какъ на заправскую нужду, еще и на безобразное поведеніе жизни, но трактирщики и разные содержатели прочихъ заведеній брюхо выращиваютъ. Но великая причина, что розно живемъ и нѣтъ обоюднаго сочувствія бѣдѣ. И опять-же многое, само собой, видишь, а не каждому тоже хочется узнать кузькину мать, извините за выраженіе. И еще сказать, примѣрно, что наша жизнь волна"...

Появилась хозяйка съ кипящимъ огромнымъ и помятымъ самоваромъ.

— Вотъ это самое разсужденіе я носилъ въ газету подъ названіемъ „Свѣтъ",—прервалъ мое чтеніе Артамонъ,—изъ ея названія понялъ, что имѣетъ о рабочемъ заботу, и поперъ... А что, Дуня, ты сообразила, насчетъ чего говорили-то?

Вскорѣ на столѣ появилась бутылка водки и блюда съ кислой капустой, огурцами и груздями.

— Вы, между прочимъ, толкуете тутъ относительно своего матеріальнаго положенія,—сказалъ я, обращаясь къ Артамону,—какъ у васъ въ заводѣ на этотъ счетъ?

— Можно жить!—крикнулъ Артамонъ.—Ежели съ умомъ, можно!.. У насъ не фабричное положеніе, къ намъ не всякій полѣзетъ, сила нужна!

— Ну, больно-то не хорохорься,—усмѣхнувшись, замѣтила Авдотья Петровна,—будетъ сокращеніе, вотъ-те и сила!..

— Какъ разъ!—вставилъ Трофимъ Кузьмичъ.—У насъ около 10 тысячъ работало, а нынче едва-едва 8 наберется...

Артамонъ взволнованно поднялся съ мѣста.

— Противъ такого дѣла ты хоть лобъ расшиби, ничего не подѣлаешь! Тутъ и намъ, и заводу все единственно матъ!.. А вотъ что ты мнѣ скажи-ка: по какой причинѣ въ нашемъ кругозорѣ нѣтъ кассы?

— Устрой!—иронически замѣтилъ Трофимъ Кузьмичъ.

— Ага-а! Понимай дѣло на сажень глубже! Помнишь, сложились мы по гривеннику помочь этому, какъ его... Косареву, такъ и то разговоры пошли: что, какъ-кудакъ!.. Бѣльмовая пелена слѣпоты... Никакой умственности жизни! Тьма!

— А акціи-то нашего общества падаютъ, ниже противъ прошлаго года,—неожидано сказалъ Трофимъ Кузьмичъ.—Въ биржевой хроникѣ читалъ.

— Послушайте, Артамонъ Иванычъ,—сказалъ я,—допустимъ, что рабочій будетъ просвѣщенъ, ну а потомъ?...

— Что будетъ потомъ, не знаю, а только по настоящему времени сужу, что жилось-бы легче, когда-бы свѣтъ просвѣщенія, да такой, какъ вотъ ежели эту квартиру сотней электрическихъ рожковъ освѣтить!.. А то что?! Нѣтъ обоюдной обсказки нужды жизни! Одно слово—чужіе... Безголосіе!

Трофимъ Кузьмичъ сталъ прощаться; ему надо было зайти къ кому-то по дѣлу. Я остался.

Среди разговора Артамонъ не забывалъ угощать насъ водкой и самъ угощаться. И потомъ, когда Трофима Кузьмича уже не было, лицо его, по мѣрѣ выпивки, принимало все болѣе задумчивое и какое-то странное, мечтательно-грустное выраженіе.

— Жизнь!—тихо воскликнулъ онъ, точно стыдился своего настроенія.—Кабы люди-то были другъ дружкѣ того... „Здравствуй, другъ!“—„Здравствуй, мое почтеніе, другъ!“

— Опя-ять затянулъ свою пѣсню!—недовольно сказала Авдотья Петровна.

— А ты полагала,—взволнованно крикнулъ Артамонъ какимъ-то заглушеннымъ голосомъ:—что съ этой скукой и вымремъ? Солнца счастья не видать?! Увидимъ!

Онъ замолчалъ и откинулся на спинку стула. Грустная, почти блѣдная улыбка не сходила съ его широкаго съ прямымъ мясистымъ носомъ лица.

— „Братцы, надо, какъ значитъ, помочь бы!"—началъ онъ снова тихо, восторженно, точно про себя.—Тысячи рабочихъ открываютъ свои портмонеты: „На-а, другъ, помоги!" „Братцы и други, а ежели-бы насчетъ кассы... а какъ-бы ежели обмозговать, что касаемо нашей жизни!..."

Его глаза стали какъ будто темнѣе; лицо поблѣднѣло, отчего углубленныя синеватыя полоски подъ глазами обозначились явственнѣе.

— Тѣснота... любовь... Умственная точка...

Онъ поднялъ голову и обвелъ меня и жену мутными глазами, въ которыхъ изображались и усталость, и душевная мука.

— Тосчища!—вдругъ злобно произнесъ онъ, стискивая зубы.

Авдотья Петровна безпокойно посмотрѣла на него. А онъ, какъ бы спохватившись и точно извиняясь за свой порывъ, началъ говорить. Слова его лились, словно горный потокъ. Въ нихъ звучала страсть и тоска, вѣроятно, тоска очень многихъ лѣтъ... Онъ постоянно схватывался за горло, точно боялся, что спазмы помѣшаютъ ему высказаться до конца...

— Душа горитъ!..—выкрикивалъ онъ.—Соотвѣтствія нѣтъ! Судите сами! Здоровъ ты и ладно... Изувѣчила машина, спился,—никакому чорту нѣтъ дѣла и не будетъ! Человѣкъ человѣку чужой! Погодите, дайте сказать... Я каждому радъ! Я—всей душой! Я видѣлъ людей... съ образованіемъ видѣлъ и говорилъ! На кой чортъ заработная плата? Душѣ жить надо! Соотвѣтствовать надо!.. Позвольте, дайте мнѣ... извините, я не про васъ! Я васъ не знаю!.. А подходи ко мнѣ съ душой! Дай облегченіе... Проживу безъ тебя! У меня руки... Я быка свалю! Будь другъ! Рацеи читать? Убирайся! Къ чорту-дьяволу!.. Господа!..

Артамонъ всталъ и крикнулъ:

— А зачѣмъ они въ чиновники идутъ потомъ? Нѣ-ѣтъ, братъ, ежели хошь научить, къ намъ поступай! Въ ученики поступай!.. За станокъ стань! За молотъ берись! Межъ насъ поживи!

— Будетъ, Ртамоша! — умоляюще сказала Авдотья Петровна.

— И то правильно!—неожиданно согласился Артамонъ и грузно сѣлъ.

И вдругъ, навалившись грудью на столъ, опустивъ голову, онъ тихо, почти беззвучно зарыдалъ... Все огромное туловище его подергивалось, трепетало.

— Бываетъ это съ нимъ, когда выпьетъ...—тихо и виновато говорила Авдотья Петровна.—Вы ужъ извините.

Артамонъ поднялъ заплаканное лицо, взглядъ его упалъ на жену и тотчасъ же глаза сверкнули огонькомъ.

— Хоша бы забеременѣла! — сказалъ онъ. — Сколь лѣтъ живемъ, и не родишь...

Я попробовалъ замять этотъ непріятный разговоръ, но Артамонъ не унимался.

— Бралъ я тебя не за тѣмъ, чтобы тряпки мыла!

— Замолчи, Ртамоша!

— Фабричная!..

Авдотья Петровна, блѣдная, съ жалкимъ, растеряннымъ видомъ быстро поднялась и ушла въ кухню. Я всталъ.

- Бѣ-жишь!..

— Да чѣмъ виновата, что не родитъ?—вступился я.

— А тѣмъ, что не родитъ!—Онъ порывисто поднялся и, наклонившись къ моему уху, прошепталъ: — Онѣ... фабричныя-то дѣвушки вѣдь по угламъ живутъ!.. Въ одномъ-то углу она, а въ другомъ-то парень... Вотъ она жизнь!

— Такъ жизнь и вините, Артамонъ Иванычъ!

Артамонъ ничего не отвѣтилъ.

— Да... да!..—наконецъ, отрывисто заговорилъ онъ почти шопотомъ.—Да... да... да...

И въ этомъ „да“ столько было отчаянія!

. . . .

Я вышелъ. Фонари не горѣли. Улица находилась въ полной власти чернаго мрака. Моросилъ дождикъ и былъ слышенъ его немолчно-тихій однозвучный лепетъ. Изъ водосточныхъ трубъ, точно аккомпанируя этому лепету, шумно плескалась вода. Я шелъ на удачу, постоянно попадая въ глубокія лужи. А въ ушахъ все еще какъ бы отдавалось скорбно тоскливое артамоновское „да“...

Вл. Измайловъ.

Очерки по исторіи цензуры.

Очеркъ второй.

(«Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія»).

IV.

Еще когда комитетъ былъ „троемужіемъ“ и, слѣдовательно, не чувствовалъ подъ собой почвы высочайшаго утвержденія, и тогда онъ обѣщалъ превратиться въ самый форменный негласный надзоръ.

Вотъ какую запись встрѣчаемъ въ „Дневникѣ“ Никитенка подъ 28 декабря 1858 г.:

„Сегодня былъ у меня одинъ изъ кончившихъ въ нынѣшнемъ году курсъ студентовъ, котораго Мухановъ приглашаетъ къ себѣ въ сотрудники, т. е. въ агенты по этому комитету. Онъ предлагаетъ ему читать журналы и доносить комитету о томъ, что найдетъ въ нихъ дурного. Молодой человѣкъ былъ сильно озадаченъ этимъ приглашеніемъ и пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ. Я открылъ ему темную сторону предложенной ему роли, и онъ ушелъ отъ меня, повидимому, убѣжденнымъ и утвердившимся въ идеѣ чести“ *).

Какъ бы предвидя настоящее значеніе и истинную роль комитета, который ждалъ со дня на день своего оффиціальнаго рожденія, Ковалевскій прибѣгъ къ мѣрѣ, уже практиковавшейся его предшественникомъ, Норовымъ, во время господства комитета 2 апрѣля 1848 года **). Въ первыхъ числахъ января онъ поручилъ историку П. К. Щебальскому составленіе для государя ежемѣсячныхъ обозрѣній замѣчательнѣйшихъ статей въ журналахъ,—видя въ этомъ знакомствѣ съ лучшими произведеніями литературы и науки хоть нѣкоторый громоотводъ напряженной энергіи господъ Тимашевыхъ, Мухановыхъ и др.

---

*) «Рус. Стар.», 1890 г. IX, 625—626.

**) См. мой первый «очеркъ» въ февральской книжкѣ «Рус. Бог.» за этотъ годъ.

Читатели уже ознакомлены съ письмомъ Погодина. Тамъ были намеки на Щебальскаго, заключавшіеся въ слѣдующихъ словахъ: „Государь... могъ положиться на какія нибудь недостаточныя выписки, злонамѣренныя указанія или кривыя толкованія, кои, къ несчастію, слышатся нерѣдко" *). Щебальскій отвѣчалъ Погодину:

„Ѳ. И. Тютчевъ давалъ мнѣ прочесть письмо ваше по поводу послѣдней вашей статьи,—да, впрочемъ, оно ходитъ по городу и читается всѣми интересующимися судьбою русской литературы и вообще Россіи. Зная по своему положенію лучше многихъ, чего опасаться и чего ждать ей (литературѣ) надобно, я читалъ письмо ваше съ бо́льшимъ участіемъ и съ бо́льшимъ пониманіемъ, нежели многіе, но былъ прискорбно пораженъ однимъ мѣстомъ—именно, гдѣ вы говорите о томъ, что свѣдѣнія о литературѣ доходятъ до правительства посредствомъ доносовъ и *выписокъ*. О комъ думали вы, ставя послѣднее слово? Я составляю извлеченіе изъ журнальныхъ статей для прочтенія государя; но тѣ, которые читали эти извлеченія, знаютъ, что о нихъ нельзя упоминать рядомъ съ доносами. Въ первый разъ какъ вы будете въ Петербургѣ, можете сами въ томъ удостовѣриться. Да чего-либо подобнаго доносу не потерпѣлъ бы Евграфъ Петровичъ **), которому я представляю свою работу; Тютчевъ не сталъ бы рекомендовать меня для этого занятія, если бы считалъ меня способнымъ обратить перо мое противъ литературы. Вы, конечно, не назвали меня, стало быть, я не имѣю никакого права обижаться, но если вы меня подозрѣвали,—стыдно вамъ, грѣхъ вамъ! А что я принимаю это на свой счетъ, то это потому, что, къ сожалѣнію, очень распространилось мнѣніе, что мои выписки входятъ въ кругъ дѣйствій извѣстнаго комитета ***). Онѣ вовсе не имѣютъ съ нимъ общаго, идутъ совершенно другимъ путемъ (черезъ министра народнаго просвѣщенія), и составитель ихъ также мало похожъ на агентовъ этого комитета, какъ Ковалевскій на тушителя и обскуранта. Очень прискорбно мнѣ, если вы такимъ образомъ меня разумѣете, вы, съ которымъ я проводилъ вдвоемъ не одинъ часъ, не одинъ вечеръ... Или вы, также какъ многіе, не вѣрите никакой искренности, никакому самостоятельному убѣжденію?.. Невыгодная рекомендація этотъ скептицизмъ для того, кто имъ одержимъ, и плачевный симптомъ, если онъ проникаетъ все общество, какъ у насъ въ настоящее время!.. Я три года съ половиною служилъ московскому обществу, спалъ пять часовъ въ сутки, и въ благодарность былъ ославленъ взяточникомъ. Теперь выискалъ постъ, на которомъ могу служить литературѣ—и попадаю въ доносчики... Лестно служить такому об-

*) *Барсуковъ*, XVI, 353—354.

**) Ковалевскій.

***) Комитета по дѣламъ книгопечатанія.

ществу, такой литературѣ. Пламенно желалъ бы ошибиться въ моемъ подозрѣніи и убѣдиться, что ваше благородное письмо не имѣло въ виду меня, именно потому желалъ бы, что уважаю васъ" *).

Вернемся къ дѣятельности комитета.

Подъ 7 февраля 1859 г. Никитенко пишетъ:

„Комитетъ вступилъ, наконецъ, гласно въ свои негласныя права. Онъ отнесся къ министру съ требованіемъ объявить кому слѣдуетъ, чтобы цензора и литераторы являлись къ нему по его призыву для объясненій и вразумленій **). Муханову дано, между прочимъ, право задерживать, до его разрѣшенія, выдачу билета на выпускъ книги или журнала изъ типографіи. Да это хуже Бутурлинскаго негласнаго комитета! Даже Николай Павловичъ не посягалъ на это. Вотъ они забрались въ какое болото! Что же я съ ними буду говорить, когда они меня позовутъ? Тутъ невозможно никакое разумное внушеніе ***).

А подъ 12 марта:

„Въ комитетѣ Мухановъ свирѣпствовалъ противъ „Искры", на которую сперва напалъ Тимашевъ за стихи: „На Невскомъ проспектѣ" (№ 9). Но Тимашевъ полагалъ достаточнымъ призвать редактора въ III отдѣленіе и вымыть ему голову, а Мухановъ бредилъ все гауптвахтою. Я довольно сильно выразилъ сопротивленіе на *сильныя* мѣры. Послѣ я разсказалъ о пріемѣ, который сдѣлалъ мнѣ вчера государь, а особенно налегъ на то, что ему не угодны крутыя и стѣснительныя мѣры, и что я осмѣлился ему сказать о моей роли примирителя" ****).

Что же это за стихи? Можно подумать, въ нихъ проглядывала прямая противоправительственная пропаганда, явное нарушеніе нравственныхъ началъ, блюсти за которыми призванъ былъ комитетъ... Вотъ они въ буквальной подлинности:

На Невскомъ проспектѣ.

Прочь! поди съ дороги!.. мчатся, словно черти,
Въ щегольскихъ колясках чудо-рысаки;
Эй, посторонитесь—зашибутъ до смерти...
Прочь вы, пѣшеходы, горе-бѣдняки!..

Вотъ хватили дышломъ въ шею старушонку,
Вотъ мальчишку сшибли быстрымъ колесомъ,
Вотъ перевернули тощую кляченку
Съ Ванькой-горемыкой, съ бѣднымъ сѣдокомъ.

Ну, куда суетесь?... что вамъ за охота
Между экипажей проходить, спѣша?

*) *Барсуковъ*, XVI, 358—359.
**) Въ «Сборникѣ постанов. и распоряженій» такого распоряженія нѣтъ.
***) «Рус. Стар.», 1890 г., X, 145.
****) Тамъ же, 158.

— «Да нужда припала, выгнала забота,
«Дѣти просятъ хлѣба, денегъ ни гроша.

«Надо-жъ заработать, надо же разжиться,
«Ждать не будутъ... много насъ такихъ живетъ...
«Тутъ ужъ по неволѣ станешь суетиться;
«Страшно—опоздаешь—дѣло пропадетъ»!

Полно!—это горе, эти всѣ тревоги,
Деньги, хлѣбъ насущный—это пустяки!
Мѣсто, горемыки, мѣсто!... Прочь съ дороги!
А не то раздавятъ разомъ рысаки.

Имъ вотъ, этимъ франтамъ, выбритымъ отлично,
Этимъ щеголихамъ пышнымъ, молодымъ,
Ѣхать тише, ждать васъ вовсе неприлично,
Да и невозможно... много дѣла имъ!

Этотъ нынче утромъ долженъ быть съ визитомъ
У графини Лумпе, у княгини Кракъ,
У Дюсо котлетку скушать съ аппетитомъ,
Заказать портному самый модный фракъ.

Этотъ мчитъ подарки къ пышной Вильгельминѣ,
Цвѣту всѣхъ камелій, съ кучею связей —
Этихъ ждутъ мантильи въ модномъ магазинѣ,
Тѣхъ—свиданья тайно отъ сѣдыхъ мужей...

Шибче, шибче мчитесь! Щедро раздавайте
Дышлами ушибы, вывихи, толчки....
Мѣсто этимъ баранъ! Мѣсто имъ давайте
Всѣ вы, пѣшеходы, горе-бѣдняки! .. *).

Подъ стихотвореніемъ стояла подпись: *П. Вейнбергъ*. Думалъ ли молодой поэтъ (теперь, кажется, уже единственный представитель „Искры“ второго года ея существованія), какую бурю поднимутъ его строки, пропущенныя цензурой?!

Подъ 28 марта Никитенко записалъ:

„До сихъ поръ я не вижу въ комитетѣ по дѣламъ книгопечатанія никакихъ особенно враждебныхъ покушеній. Было у нихъ намѣреніе *направлять литературу* и располагать цензурою посредствомъ *внушеній* и *страха*. Но это, теперь для меня очевидно, было скорѣе слѣдствіемъ непониманія вещей, чѣмъ систематически организованнаго замысла. Что касается до *направленія* литературы, то мнѣ удалось совсѣмъ уничтожить эту мысль, а теперь удалось уже и сильно поколебать *покушеніе* на литературу“ *).

Эти послѣднія слова находятся въ самомъ очевидномъ противорѣчіи со словами, сказанными Никитенкомъ мѣсяцемъ раньше въ томъ же комитетѣ. Тогда (см. II главу) онъ категорически

*) «Искра» 1859 г. № 9.

**) «Русск. Стар.», 1890 г., X, 160.

утверждалъ, что „единственно возможное назначеніе комитета — быть посредникомъ между литературою и государемъ и дѣйствовать на общественное мнѣніе, проводя въ него, путемъ печати, виды и намѣренія правительства, подобно тому, какъ дѣйствуетъ литература, проводя въ него свои идеи". Развѣ это не прямая форма „направленія"?

Я остановился на этомъ противорѣчіи, потому, съ одной стороны, что Никитенко много разъ мѣнялъ свои виды на комитетъ, съ другой—въ эпоху 1856—1870 годовъ подобныя противорѣчія были замѣтной чертой дѣятельности и „убѣжденій" бюрократическихъ сферъ.

Далѣе тамъ же читаемъ:

„Въ послѣднемъ засѣданіи (въ четвергъ) я сильно и много говорилъ членамъ о неприкосновенности цензуры и о необходимости сосредоточить ее въ министерствѣ. Цензора сбиты съ толку и мы не должны еще больше сбивать ихъ своимъ вмѣшательствомъ. При томъ, что мы за сыщики, чтобы гоняться за статейками и пр.? Наше дѣло государственное, задача коего дѣйствовать на общественное мнѣніе и соглашать его стремленія съ видами правительства посредствомъ открытыхъ, разумныхъ и благородныхъ убѣжденій. „Между правительствомъ, сказалъ я,— и расположеніемъ лучшихъ умовъ въ литературѣ есть точка соприкосновенія, есть стороны, гдѣ возможно соглашеніе. На этихъ-то точкахъ и между этими сторонами надо стоять комитету и приводить ихъ въ гармонію, а не разъединять возбужденіемъ неудовольствій и раздраженій" *).

Независимо отъ комитета по дѣламъ книгопечатанія вопросы гласности обсуждались одновременно и въ совѣтѣ министровъ. Послѣдній можетъ служить тоже иллюстраціей быстрой смѣны убѣжденій. Еще недавно, высказавшись рѣзко противъ гласности, какъ орудія обличенія, совѣтъ совершенно неожиданно, въ мартѣ 1859 г., пришелъ къ заключенію, что

оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о существующихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ можетъ быть полезнымъ въ томъ отношеніи, что этимъ способомъ предоставляется правительству возможность получать свѣдѣнія независимо отъ оффиціальныхъ источниковъ, и нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній могутъ служить поводомъ къ повѣркѣ свѣдѣній оффиціальныхъ и къ принятію надлежащихъ по усмотрѣнію мѣръ. Но гласность можетъ быть и вредною, когда она касается важныхъ предметовъ управленія, правительствомъ окончательно не обсужденныхъ или не признанныхъ имъ заслуживающими вниманія, и когда напечатанныя сужденія о такихъ предметахъ, не вполнѣ доступныхъ, по неполнотѣ свѣдѣній, читающей публикѣ, могутъ быть принимаемы въ видѣ истинъ, не подлежащихъ сомнѣнію, а не въ видѣ вопросовъ, подлежащихъ еще обсужденію и допускающихъ возможность опроверженія. Когда предметомъ подобныхъ сужденій дѣлаются вопросы, касающіеся основныхъ государственныхъ постановленій, тогда глас-

*) «Русск. Стар.» 1890 г., X, 160.

ность становится опасною, и въ такомъ случаѣ необходимо предупредить послѣдствія вредныхъ заблужденій. Въ этомъ убѣжденіи полагалось возможнымъ допускать оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о предметахъ правительственныхъ, въ такомъ случаѣ, когда изложеніе подобныхъ статей будетъ заключаться въ предѣлахъ, согласныхъ съ постановленіями, охраняющими неприкосновенность самодержавнаго правленія и государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, все, непротивное основнымъ началамъ нашихъ государственныхъ учрежденій, представляемое въ видѣ разсужденій или предположеній, допускающихъ разсмотрѣніе и, слѣдовательно опроверженіе, можетъ быть допущено къ обнародованію, тогда какъ, напротивъ того, безусловное утвержденіе преимущества порядка государственнаго устройства, несогласнаго въ основаніяхъ съ существующимъ въ нашемъ отечествѣ, или изложеніе рѣшительныхъ заключеній о вопросахъ государственнаго устройства, не признанныхъ еще правительствомъ подлежащими его обсужденію, или по коимъ не послѣдовало распоряженій, обнаруживающихъ намѣреніе верховной власти подвергнуть пересмотру какую-либо часть нашего законодательства, къ печатанію допускаемо быть не можетъ» *).

Приводя это положеніе совѣта, утвержденное государемъ 26 марта, въ своемъ приказѣ Ковалевскій прибавлялъ:

„Руководствуясь сими указаніями, благонамѣренные писатели будутъ имѣть возможность обнаруживать всякаго рода злоупотребленія, не допуская личностей, какъ это предписано высочайшими повелѣніями, и содѣйствовать правительству развитіемъ мыслей полезныхъ относительно предположеній, коими достигнуты быть могутъ улучшенія въ ходѣ управленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнята будетъ возможность увлекать общественное мнѣніе въ заблужденіи относительно истинной цѣли и видовъ правительства“.

Этотъ приказъ 3 апрѣля 1859 г., вносившій нѣкоторое облегченіе въ тяжелое положеніе печати, былъ, по тогдашнимъ временамъ, значительнымъ шагомъ впередъ. Во всякомъ случаѣ, отъ совѣта министровъ его не ожидали тѣ, которые имѣли вѣрное представленіе объ истинной цѣнности „сочувствія“ къ гласности. Это такъ же мало гармонировало съ недавнимъ прошлымъ, вѣрнѣе—со вчерашнимъ настоящимъ, если можно такъ выразиться, какъ, напримѣръ, перемѣна въ мнѣніяхъ самихъ членовъ комитета по дѣламъ книгопечатанія.

„Ребиндеръ мнѣ говорилъ, — пишетъ Никитенко въ іюнѣ, — что Мухановъ вообще вовсе не такъ дуренъ, какъ о немъ толкуютъ; что онъ доступенъ хорошимъ идеямъ, и хотя не глубоко, но понимаетъ вещи. Иной разъ и мнѣ начинаетъ такъ казаться“ **).

А 4 марта Никитенко записалъ:

„Вечеромъ былъ у Тимашева. Если онъ не притворяется со мной, то онъ гораздо выше своей репутаціи, т. е. той репутаціи, какою онъ пользуется въ литературномъ кругу, и мнѣ во мно-

*) «Сборникъ постан. и распоряженій», 444—445.

**) «Русск. Стар.», 1890 г., X, 174.

томъ приходится смягчить мое первоначальное о немъ мнѣніе. Онъ оказывается либеральнѣе многихъ и многихъ изъ тѣхъ сановниковъ, съ которыми мнѣ случалось разсуждать и имѣть дѣло. Напримѣръ, онъ прямо сказалъ государю, что правительство его не пользуется довѣріемъ, а что довѣріе это можетъ быть пріобрѣтено уступками общественному мнѣнію, а не насилованіемъ послѣдняго. Онъ читалъ мнѣ свою записку, гдѣ эта мысль выражена. Потомъ онъ вообще показываетъ себя далекимъ отъ крутыхъ мѣръ и совершенно соглашается съ тѣмъ, что надо идти путемъ умѣреннаго и благоразумнаго либерализма. Такимъ образомъ, онъ, повидимому, вовсе не ретроградъ, не реакціонеръ, но не скрываетъ, впрочемъ, что, по его мнѣнію, надо останавливать слишкомъ ярыя стремленія ультра-либераловъ. Словомъ, въ немъ виденъ умный человѣкъ, понимающій потребности времени и сознающій необходимость улучшеній. Онъ говоритъ, что онъ вовсе не противъ гласности, а только противъ ея злоупотребленій" *).

Но уже 25 апрѣля Никитенко разочарованъ. „Что я буду дѣлать съ мелочными умами, которые отцѣживаютъ комара и поглощаютъ верблюда?.. Я хочу спасать великую, существенную вещь, политическій принципъ общества, дѣлая для этого необходимыя уступки и полагая, что этимъ упрочится спокойное, ровное развитіе общества, а они ярятся изъ-за пустяковъ и думаютъ, что спасаютъ общество отъ бурь, когда успѣваютъ потормошить какую-нибудь статейку или фразу"! **).

Послѣдствіемъ такой страсти къ „тормошенію" статейки или отдѣльной фразы былъ приказъ по цензурному вѣдомству отъ 3 октября. Мы видѣли, что только полгода назадъ, 3 апрѣля, печать призывалась къ обличеніямъ; правда, они должны были удовлетворять нѣкоторымъ особеннымъ условіямъ, но все же допускались. Полугода было достаточно, чтобы комитетъ по дѣламъ книгопечатанія возопилъ о массѣ обличеній, совершенно, конечно, еще не соотвѣтствовавшихъ колоссальному количеству злоупотребленій.

Вотъ этотъ знаменательный приказъ Ковалевскаго:

Главное управленіе цензуры, слѣдя за ходомъ русской литературы, не могло не обратить вниманія на то, что въ послѣднее время въ нашей журналистикѣ, сверхъ сатирическихъ произведеній беллетристики, изображающихъ вообще слабости и недостатки людей, въ томъ числѣ и лицъ, занимающихъ должности въ государственной и общественной службѣ, стали появляться статьи, *чуждыя всякаго литературнаго вымысла*, но посвященныя преимущественно указанію на злоупотребленія лицъ существующихъ и разсказамъ дѣйствительныхъ, будто бы, происшествій, съ означеніемъ иногда даже подлинныхъ именъ лицъ и мѣстъ, а большею частію съ такою обстановкою и прозрачнымъ замаскированіемъ ихъ, что очень не трудно догадаться, о комъ и о

---

*) Тамъ-же, 163—164.

**) Тамъ же, 167.

чемъ идетъ дѣло. Статьи подобнаго рода, нерѣдко изображающія самымъ рѣзкимъ образомъ злоупотребленія и даже уголовные проступки, побуждали правительство къ неоднократнымъ изслѣдованіямъ указанныхъ дѣйствій и происшествій. Произведенныя такимъ образомъ слѣдствія показали, что *нѣкоторые* изъ напечатанныхъ разсказовъ выдаютъ за дѣйствительно случившіяся такія событія, какихъ никогда не было, чему, между прочимъ, служить можетъ примѣромъ помѣщенное въ № 65 «С.-Петерб. Вѣдомостей» извѣстіе о заживо погребенной женщинѣ, какого происшествія, по оффиціальномъ, самомъ тщательномъ изслѣдованіи, рѣшительно не было, а между тѣмъ, оно едва не нарушило общественнаго спокойствія. Другія же статьи сего рода, *хотя и заключали въ себѣ въ нѣкоторой степени истину*, но описанныя въ нихъ происшествія оказались чрезмѣрно преувеличенными и легковѣрно или недобросовѣстно записанными со словъ лицъ, вовсе незаслуживающихъ довѣрія, какъ, напримѣръ, напечатанный въ № 175 «Московскихъ Вѣдомостей» разсказъ инженернаго офицера, подъ названіемъ «Нѣсколько словъ объ одномъ тюремномъ замкѣ». Къ этой категоріи принадлежитъ большинство такъ называемыхъ обличительныхъ статей.

Распространеніе такого направленія журналистики можетъ повести къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ злоупотребленія печати; а потому главное управленіе цензуры, при обсужденіи сего предмета, не могло не остановиться во-первыхъ, на допускаемыхъ, вопреки устава о цензурѣ, въ печати *личностяхъ* *), называя поименно описываемыя лица, или обозначая ихъ осязательно во-вторыхъ, на необходимости установленія такого порядка при допущеніи къ печати разсказовъ о такъ называемыхъ истинныхъ происшествіяхъ, который обезпечивалъ бы правительство и публику отъ ложныхъ извѣстій, вводящихъ ихъ въ заблужденіе, тѣмъ болѣе, что опровергать всѣ печатаемые въ современныхъ изданіяхъ несправедливые и ложные разсказы было бы невозможно и *недостойно правительства*.

Вслѣдствіе сего главное управленіе цензуры постановило:

1) Подтвердить по цензурному вѣдомству, что дальнѣйшее допущеніе къ печати, вопреки ст. 3 пункта *2* устава цензурнаго, статей, оскорбляющихъ честь какого либо лица, непремѣнно повлечетъ за собою удаленіе отъ должностей виновныхъ въ семъ упущеніи цензоровъ.

2) Принять за правило, чтобы отъ редакцій періодическихъ изданій, при представленіи ими для одобренія къ печати статей, заключающихъ въ себѣ описаніе какихъ-либо злоупотребленій или происшествій, выдаваемыхъ за дѣйствительно случившіяся, требовать *фактическаго* **) удостовѣренія въ ихъ дѣйствительности, и чтобы при томъ, въ случаѣ допущенія къ печати статьи, непремѣнно было извѣстно цензурѣ, какъ имя и мѣстопребываніе автора, такъ время и мѣсто описываемаго происшествія, съ тѣми фактическими подробностями, которыя всякій благоразумный цензоръ найдетъ необходимыми для удостовѣренія и которыя исчислить впередъ невозможно. Само собою разумѣется, что цензоръ при этомъ не въ правѣ требовать *юридическихъ* ***) доказательствъ въ подкрѣпленіе описываемыхъ происшествій, а долженъ ограничиваться вышесказаннымъ руководствомъ. За симъ всякое ложное извѣстіе вышесказаннаго рода, допущенное цензоромъ въ печать, будетъ отнесено къ неизбѣжной его отвѣтственности ****).

Конечно, при такихъ условіяхъ приходилось придерживаться и впредь установившагося обычая — выбирать такія явленія

---

*) Курсивъ не мой. *М. Л.*

**) Тоже.

***) Тоже.

****) «Сборн. пост. и распор.», 447 — 419.

изъ жизни Западной Европы, освѣщеніе которыхъ можно бы было вести, намѣренно подчеркивая аналогію ихъ съ Россіей; но и этотъ способъ требовалъ большой опытности и сноровки.

По этому поводу нельзя не привести нѣсколькихъ словъ „Русскаго Вѣстника", сказанныхъ въ отвѣтъ на вызовъ, брошенный со страницъ оффиціоза — „Journal de St.-Petersbourg". Въ № 257 этой газеты, отъ 31 октября н. ст., появилось письмо „подписчика", несомнѣнно, кѣмъ-либо инспирированнаго. Этотъ „подписчикъ" упрекалъ русскую журналистику въ апатіи и „болѣзни молчанія", указывая на полную, между тѣмъ, возможность говорить, благодаря просвѣщенности современной цензуры... „Русскій Вѣстникъ" и въ этомъ случаѣ оказался счастливѣе своихъ коллегъ и далъ наиболѣе рѣзкую оцѣнку такихъ обвиненій. Не буду приводить всего его „Отвѣта одному изъ подписчиковъ газеты Journal de St.-Petersbourg", дамъ лишь нѣсколько выдержекъ.

„Воздерживаясь по возможности отъ примѣненій къ существующимъ собственно у насъ учрежденіямъ, литература наша занялась преимущественно иностранными государствами, и доказательствомъ успѣшной дѣятельности ея служитъ то, что объ иностранныхъ государствахъ распространены въ нашей публикѣ гораздо болѣе здравыя понятія и гораздо болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія, нежели о Россіи и ея учрежденіяхъ"...

„Будущая исторія русской журналистики несомнѣнно засвидѣтельствуетъ, что русскіе публицисты показали не только патріотизмъ, но и весьма замѣчательное умѣнье выбирать именно то, что особенно нужно и важно для Россіи. Разсуждая теоретически, говоря о Западной Европѣ, русскіе публицисты постоянно имѣли въ виду потребности Россіи; они не бросались отъ одного вопроса къ другому, хватая вершки; они систематически разъясняли понятія публики именно по тѣмъ предметамъ, которые имѣютъ для насъ ближайшую важность?..

„Пишущій о предметахъ, подлежащихъ общей цензурѣ, если знаетъ законы и обладаетъ нѣкоторою опытностью, и если по счастью имѣетъ дѣло съ цензоромъ, знающимъ и соблюдающимъ законы, всегда можетъ быть болѣе или менѣе увѣренъ, что трудъ его не пропадетъ даромъ. Между тѣмъ, специальные цензоры слѣдуютъ правиламъ, публикѣ неизвѣстнымъ, и потому люди, пишущіе для спеціальной цензуры, всегда рискуютъ, что пишутъ не для публики, а только для спеціальнаго цензора *). Понятно поэтому, что тѣ изъ литераторовъ, которые дорожатъ своимъ временемъ, могутъ писать только о томъ, что подлежитъ общей

---

*) По высочайшему повелѣнію, 25 января 1858 г. отъ всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій назначены довѣренные чиновники для разсмотрѣнія всего, поступающаго въ цензуру, каждымъ по своему вѣдомству. Мнѣнія этихъ спеціальныхъ цензоровъ считались руководящими для общей цензуры.

цензурѣ; понятно, что въ особенности редакціи журналовъ, въ руководящихъ статьяхъ своихъ, преимущественно сильно вліяющихъ на общественное мнѣніе, не могутъ касаться вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію спеціальныхъ цензуръ" *).

Изъ другихъ статей по этому поводу назову статью П. В. Анненкова въ № 268 „Московскихъ Вѣдомостей" (за 1859 г.), уже гораздо болѣе сдержанную.

Какъ нелегко жилось журналистикѣ и печати вообще подъ „защитою" комитета по дѣламъ книгопечатанія, можно видѣть изъ одного очень интереснаго для исторіи цензуры документа. Я говорю объ особой „Запискѣ" представленной въ самый комитетъ нѣсколькими московскими редакторами черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, Ланского. Къ сожалѣнію, офиціальный источникъ, изъ котораго я заимствую ее, не приводитъ перечня именъ подписавшихся **). Можно только съ увѣренностью сказать, что были подписи Каткова, Кошелева—редактора-издателя „Русской Бесѣды", Н. С. Аксакова („Парусъ") и В. Корша — редактора „Московскихъ Вѣдомостей".

Опять-таки размѣръ „Записки" (24 страницы убористаго шрифта) принуждаетъ ограничиться нѣсколькими выдержками.

Предупредивъ комитетъ о своей полной откровенности, редакторы говорятъ:

Не считая, себя въ правѣ предлагать какія-либо органическія измѣненія, мы осмѣливаемся заявить возможность улучшить временнымъ образомъ положеніе печати при существующемъ порядкѣ административной расправы. Весь вопросъ состоитъ въ отвѣтственности... Нѣтъ ни малѣйшаго препятствія, а напротивъ, есть всѣ выгоды возложить полную отвѣтственность на редакторовъ журналовъ, давъ имъ право печатать, по ихъ усмотрѣнію, или съ разрѣшенія цензуры, или подъ собственною отвѣтственностью... Нѣтъ ничего и справедливѣе и естественнѣе, какъ отвѣчать за себя и за свое дѣло, и нѣтъ ничего затруднительнѣе, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ отвѣтственность за чужое дѣло. Это такъ естественно, что и въ настоящее время, при существованіи предупредительной цензуры, правительство подвергаетъ отвѣтственности не однихъ цензоровъ, какъ бы слѣдовало по строгой справедливости, но также и издателей журналовъ. Цензоръ получаетъ выговоръ, редактору грозятъ запрещеніемъ журнала, цензора смѣняютъ, редактора лишаютъ права изданія, ссылаютъ, заключаютъ въ крѣпость...

Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что въ настоящее время нигдѣ съ такими трудностями не сопряжено дѣло журналиста, какъ въ Россіи. Вездѣ редакторъ журнала можетъ посвящать своему дѣлу все свое время и всѣ свои силы, заботясь о внутреннемъ его достоинствѣ; у насъ, напротивъ, половина его силъ и времени употребляется на самый неблагодарный и самый непроизводительный трудъ, на сношенія съ цензурой... Каждый редакторъ можетъ набрать изъ цензорскихъ корректуръ десятки, сотни примѣровъ, которые поразили бы всѣхъ, даже самыхъ придирчивыхъ и строгихъ судей, своею необъяснимою странностью, о которыхъ со смѣ-

*) «Русск. Вѣстн.», 1859 г., октябрь, книжка вторая, «Соврем. Лѣтопись».
**) «Записка о цензурѣ коллежскаго асессора Фукса», 1862 г., изд. министерства народн. просвѣщенія, 73—96.

номъ впослѣдствіи станетъ вспоминать историкъ нашей литературы, но которыя тѣмъ не менѣе тяжело и горько обходятся нынѣшнему редактору журнала въ Россіи... Издатель постоянно долженъ имѣть въ виду не столько сущность дѣла, законъ или волю правительства, сколько ту особую организацію, которая поставлена надъ нимъ въ качествѣ цензора; онъ долженъ изучать ея особенности, прилаживаться къ нимъ, упуская изъ виду существенное, тратить свое время на мелкія, ничтожныя и вовсе ненужныя для правительства компромиссы, оставляя на благоусмотрѣніе цензора все то, что имѣетъ дѣйствительную важность для правительства. Вся горечь, которая такимъ образомъ необходимо развивается изъ отношеній издателя къ цензору, естественно переносится на самое правительство, а иногда и на самые тѣ предметы, которые поставлены подъ охрану закона. Вотъ источникъ того прискорбнаго антагонизма, который развивается у насъ между правительствомъ и мыслящею частью общества.

Дальше, возвращаясь къ вопросу объ отвѣтственности исключительно одного редактора, „Записка" говоритъ, что при современныхъ условіяхъ это, разумѣется, невозможно.

«Занятый своею игрой съ цензурой, онъ не имѣетъ ни времени, ни свободы, ни побужденія самъ вникать въ требованія закона, въ практическія условія времени, въ виды правительственной власти, совпадающіе съ существенными интересами народа и общества. Поладивъ въ извѣстныхъ пунктахъ съ цензоромъ, пригладивъ наружность статьи согласно его вкусу, редакторъ не чувствуетъ затѣмъ побужденія практически соображать свою дѣятельность, и стѣсненъ или парализированъ въ своихъ заботахъ о ея внутреннемъ направленіи. Трудно рѣшить, кто болѣе отъ этого теряетъ.

Развивъ затѣмъ способы практическаго осуществленія предлагаемой свободы редактора отъ цензуры, авторы цитируемаго документа продолжаютъ:

«Противъ этого плана можетъ быть сдѣлано одно, на первый взглядъ весьма сильное, возраженіе. Пользуясь льготою печатать безъ цензуры, редакція журнала можетъ выпустить такую статью, въ которой самымъ дерзкимъ образомъ будутъ нарушены основные законы о печати. Вникнемъ въ это предположеніе, которое съ перваго взгляда кажется достаточнымъ основаніемъ для продленія предупредительной цензуры, не смотря на всѣ ея неудобства. На свѣтѣ совершаются всякаго рода злодѣянія; въ предупрежденіе ихъ правительства усиливаютъ свою бдительность, общество принимаетъ мѣры къ устраненію тѣхъ условій, которыя болѣе или менѣе предрасполагаютъ его членовъ къ преступнымъ дѣйствіямъ; но ни правительство, ни общество не могутъ простирать свои предупредительныя мѣры до того, чтобы лишать людей матеріальной возможности совершить преступленіе. Нельзя поручиться, что кто нибудь, выйдя на улицу, не бросится съ ножомъ на проходящихъ,—но для предупрежденія такого ужаснаго и очень возможнаго случая, нигдѣ не запрещаютъ появляться людямъ на улицѣ, безъ особыхъ свидѣтельствъ въ ихъ благонамѣренности и здравомысліи. Люди вездѣ безпрепятственно выходятъ, свободно двигаются и встрѣчаются другъ съ другомъ, не тревожась мыслію объ опасности, ежеминутно угрожающей всѣмъ и каждому... Если дать волю предположеніямъ, то можно изыскать сотни способовъ обмануть бдительность самаго строгаго и придирчиваго цензора для того, чтобы провести преступную мысль. Наконецъ, если бы кто нибудь дѣйствительно возымѣлъ желаніе совершить въ печати нарушеніе самыхъ основныхъ положеній закона, то ничто не помѣшаетъ такому

избрать всякаго рода незаконные пути и при существованіи предварительной цензуры. Фабрикуются же фальшивыя ассигнаціи: могутъ фабриковаться и зажигательныя прокламаціи и возмутительные памфлеты...

Неправильность системы, принятой у насъ относительно печати, обозначается весьма характеристически тѣмъ, что правительство какъ бы само не довѣряетъ дѣйствительности цензуры и ставитъ цензуру надъ цензурой, контроль надъ контролемъ... Спеціальныя цензуры различныхъ вѣдомствъ являются чѣмъ-то совершенно непонятнымъ. Что за дѣло, если авторъ несправедливо судитъ о какихъ-либо военныхъ предметахъ или о предметахъ европейской политики, или о путяхъ сообщенія, или о дворянскихъ выборахъ, лишь бы только сужденія его были не противны цензурному уставу и оставались въ предѣлахъ, обозначенныхъ самимъ правительствомъ. Если высказываемыя мнѣнія односторонни и ложны, они должны подвергнуться критикѣ, а не цензурному запрещенію.

Московскіе редакторы особенно останавливаются далѣе на ненормальностяхъ спеціальной цензуры министерства иностранныхъ дѣлъ и въ доказательство неправильнаго отношенія правительства къ печати приводятъ незадолго передъ тѣмъ появившуюся статью въ „Journal de St.-Petersbourg", напечатанную отъ имени названнаго министерства. Я приведу ея вторую половину въ переводѣ авторовъ „Записки".

„Очевидно, что, открывая болѣе широкій путь для русской печати, правительство имѣло въ виду снять съ себя отвѣтственность во всемъ, кромѣ тѣхъ обязательствъ, которыя вытекаютъ изъ общественныхъ и международныхъ началъ, уважаемыхъ всѣми образованными государствами. Предварительная цензура, которой подчинены журналы, не имѣетъ другой цѣли. Цензоры поставлены для наблюденія за тѣмъ, чтобы въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ гласно, не было ничего противнаго религіи, нравственности, общественному порядку и уваженію, подобающему государямъ и правительствамъ. Во всемъ остальномъ всякое частное мнѣніе можетъ быть высказано въ Россіи, и русская печать, получивши право обсуждать, въ надлежащихъ границахъ, внутренніе вопросы, пользуется тѣмъ же правомъ и въ отношеніи къ вопросамъ иностранной политики. Поэтому мы считаемъ долгомъ формально отвергнуть всякое толкованіе, извращающее отношеніе печати къ правительству. Мы уполномочены объявить самымъ категорическимъ образомъ, что журналы русскіе или считающіеся таковыми, издающіеся въ Россіи или въ другихъ странахъ, представляютъ не болѣе, какъ свои собственныя мнѣнія, что правительство не беретъ на себя ни одобрять эти мнѣнія, ни порицать ихъ, и что еще менѣе можетъ оно принять на себя отвѣтственность за нихъ, на какомъ бы то ни было основаніи".

Вотъ что говорятъ объ этомъ странномъ заявленіи авторы „Записки":

Къ сожалѣнію, эти прекрасныя мысли остались на словахъ и не могли перейти въ дѣло. Иностранная публика не повѣрила имъ; ими русское пра-

вительство не успѣло пріобрѣсти себѣ желаемой независимости отъ правительствъ иностранныхъ, ибо существованіе предупредительной цензуры препятствуетъ вѣрить, чтобы правительство воздерживалось отъ вмѣшательства въ частныя сужденія и мнѣнія. Что же касается до русской публики, то что должна думать она въ виду вышеупомянутой статьи, которою министерство иностранныхъ дѣлъ отрекается отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла печати, и зная въ то же время, что оно безпрестанно въ нихъ вмѣшивается.

Предвидя безплодность ожиданій предполагаемыхъ реформъ въ области гласности, „Записка" замѣчаетъ далѣе:

«Если наша печать должна еще оставаться подъ административною расправою, то было бы, по крайней мѣрѣ, желательно, чтобы главное управленіе цензуры приняло въ нѣкоторой степени характеръ судебный...

«Вообще, литература приняла бы съ величайшею благодарностью такое распоряженіе, которое дозволяло бы присутствовать въ главномъ управленіи цензуры, при обсужденіи дѣлъ печати, особымъ ходатаямъ за литературу, въ числѣ двухъ или трехъ выбранныхъ отъ всѣхъ періодическихъ изданій, которые имѣли бы только совѣщательный, а не рѣшающій голосъ. Отъ нихъ главное управленіе печати узнавало бы объ ея нуждахъ и жалобахъ, и они же, въ случаѣ надобности, могли бы служить адвокатами обвиняемыхъ. Это значительно обезпечило бы положеніе печати и, нисколько не стѣсняя правительство, давало бы ему только возможность знакомиться прямѣе и ближе съ интересами и нуждами печати, судить безпристрастно и карать справедливо могущіе встрѣчаться въ ней проступки...

Ни въ одномъ изъ лежащихъ передо мною источниковъ я не могъ найти свѣдѣній о томъ, какъ отнесся комитетъ по дѣламъ книгопечатанія къ этой „Запискѣ"; страннѣе всего, конечно, абсолютное молчаніе Никитенка; между тѣмъ, уже по своему положенію дѣлопроизводителя онъ долженъ былъ ознакомиться съ мнѣніемъ московскихъ редакторовъ.

Теперь намъ нужно еще остановиться на роли комитета, какъ автора или только передаточнаго аппарата особыхъ статей съ надписью „сообщено", обязательныхъ, какъ мы видѣли, для редакцій русскихъ періодическихъ изданій.

Эта сторона дѣятельности „негласнаго воспитателя" была сведена почти къ нулю. Почему вышло такъ, сказать трудно; одно изъ соображеній я выясню ниже, пока же примемъ это лишь за фактъ. Послѣ внимательнаго просмотра за 1859 г. „Отечественныхъ Записокъ", „Современника", „Библіотеки для Чтенія", „Русской Бесѣды", „Петербургскихъ Вѣдомостей", „Московскихъ Вѣдомостей", „Сѣверной Пчелы", „Сына Отечества", „Экономическихъ Записокъ", „Морского Сборника" и „Военнаго Журнала", я нашелъ такія „сообщенія" только въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Это уже одно наводитъ на сомнѣніе: „сообщены" ли они именно комитетомъ по дѣламъ книгопечатанія? Кромѣ того, по самой своей задачѣ комитету имѣло смыслъ—съ его, конечно, точки зрѣнія—„сообщать" что-либо именно изъ области возможнаго „направленія" общественнаго мнѣнія, ну, хоть, взглядъ на

тотъ или другой шагъ отдѣльнаго вѣдомства, единичнаго администратора и т. п. Между тѣмъ, одно „сообщеніе“ (№№ 78, 79), описываетъ, правда на протяженіи цѣлыхъ двухъ съ половиною газетныхъ страницъ,—„Положеніе православныхъ церквей на турецкомъ Востокѣ“; въ концѣ помѣщенъ „Отчетъ о полученіи и употребленіи денегъ и вещей, полученныхъ кн. Васильчиковой послѣ 27 ноября 1858 г.“ и „о вещахъ и деньгахъ, полученныхъ гр. Протасовою въ 1859 г.“; въ №№ 300 и 307 тѣ же отчеты; въ № 82 отчетъ о деньгахъ и вещахъ, поступившихъ А. Н. Бахметеву въ пользу южно-славянскихъ церквей и училищъ; въ № 114—„Актъ въ Земледѣльческой школѣ“, въ № 271—„Объ освященіи Романовскихъ палатъ“, наконецъ, въ № 300—„Отвѣтъ“ непремѣннаго секретаря импер. московскаго общества сельскаго хозяйства Степана Маслова гр. Н. С. Толстому, подшутившему надъ юбилеемъ общества и его празднованіемъ. Всѣ эти „сообщенія“ врядъ-ли, по своимъ темамъ, могли быть присланы изъ комитета, тѣмъ болѣе въ однѣ „Московскія Вѣдомости“. Наконецъ, еще одно соображеніе: упомянутое „сообщеніе“ въ № 82, озаглавленное, какъ и всѣ другія, „сообщено“, начинается такими словами: „Мы получили слѣдующее извѣщеніе отъ А. Н. Бахметева“. Слѣдовательно, весьма возможно, что и остальныя аналогичныя по заглавію статьи были получены непосредственно отъ лицъ, заинтересованныхъ въ ихъ напечатаніи.

Всѣ эти апріорные доводы пріобрѣтаютъ болѣе положительный характеръ, если обратить вниманіе на одно мѣсто въ отвѣтѣ редакціи „Русскаго Вѣстника“ подписчику „Journal de St.-Petersbourg“. Тамъ сказано: „до сихъ поръ никогда еще наше правительство не учило литераторовъ и не трактовало ихъ, какъ несовершеннолѣтнихъ, если они сами не напрашивались на то. Оно считало нужнымъ запрещать то или другое; оно не считало нужнымъ дозволять, чтобы мы предлагали ему по тѣмъ или другимъ внутреннымъ вопросамъ плодъ нашихъ соображеній или помощь нашихъ совѣтовъ, но правительственныя лица не давали намъ наставническихъ уроковъ; честь литературы не была оскорбляема, а тѣ журналы, которые хотятъ того, сохраняютъ неприкосновенно независимость мнѣнія, говоря только то, что согласно съ ихъ убѣжденіями“ *).

Если въ эту тираду внести даже нѣкоторый коэфиціентъ поправки, что, всетаки, принимая во вниманіе, что она писалась въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1859 г., нельзя не получить полной увѣренности, что, дѣйствительно, редакція не знала, по крайней мѣрѣ, фактовъ печатанія—а слѣдовательно, и присылокъ, потому что иначе отказавшійся органъ немедленно былъ бы закрытъ—инспирированнаго матеріала.

*) «Русск. Вѣстн.», 1859, октябрь, вторая книжка, «Совр. Лѣт.».

Теперь, послѣ обзора одной стороны дѣятельности комитета, перейдемъ къ другой, едва-ли не болѣе интересной.

V.

Мы уже знаемъ, какъ относилось общество—вѣрнѣе, та его очень небольшая часть, которая знала о существованіи своего „воспитателя",—къ комитету.

Никитенко старался особенно внимательно прислушаться къ голосу общества и, по его словамъ, одни были рады его вступленію въ „троемужіе", другіе сильно порицали. По поводу вторыхъ Никитенко записываетъ: „Нѣкоторые изъ *крайнихъ* полагаютъ, однако, что поступленіемъ моимъ въ комитетъ я утвердилъ его существованіе; что если бы я отказался отъ него, то, увидѣвъ невозможность привлечь къ себѣ какую-либо изъ благородныхъ силъ литературы, онъ принужденъ былъ бы закрыться, какъ дѣло вполнѣ неудавшееся и невозможное. Ну, а если бы этого не случилось? Не принялъ ли бы тогда комитетъ характера вполнѣ подавляющаго? Врядъ-ли бы онъ могъ такъ добродушно посягнуть на самоубійство. Не увидѣлъ-ли бы онъ, напротивъ, въ такомъ рѣшительномъ отчужденіи литературы отъ правительства новаго повода пугать ею послѣднее, и не счелъ-ли бы своею обязанностью дѣйствовать противъ явнаго врага. Правительство, пожалуй, опять стало бы прибѣгать къ *сильнымъ мѣрамъ*, и запрещенія посыпались бы то на тотъ, то на этотъ журналъ. Что тогда? Не лучше-ли попытаться достигнуть желаемаго путемъ мирныхъ соглашеній" *).

О радующихся читаемъ: „всѣ литераторы приняли меня радушно, по-братски. Многіе выражали удовольствіе по случаю моего новаго назначенія. Это было мнѣ пріятно, какъ свидѣтельство, что они понимаютъ мои намѣренія и отдаютъ имъ справедливость" **). Подъ „*всѣми* литераторами" подразумѣваются бывшіе на обѣдѣ въ честь актера Мартынова — Дружининъ, Некрасовъ, Островскій, Шевченко, Языковъ. Удовольствіе же выражали лишь *многіе*... Въ другомъ мѣстѣ находимъ запись: „Отъ Дружинина письмо изъ Москвы: тамъ, по его словамъ, всѣ окончательно убѣдились въ пользѣ моего поступленія въ комитетъ" ***). Еще въ одномъ мѣстѣ узнаемъ, что Никитенко обѣдалъ у Некрасова, былъ И. И. Панаевъ ****).

Во всемъ этомъ нѣтъ ровно ничего удивительнаго. Никитенко былъ извѣстенъ знавшимъ его литераторамъ, какъ буферъ между

*) «Русск. Стар.», 1890, X, 153.
**) Тамъ же, 155.
***) Тамъ же, 171
****) Тамъ же, 165.

„административной расправой“ и печатью, каковую роль онъ исполнялъ еще и при Норовѣ. Такого человѣка людямъ не крайнихъ убѣжденій не приходилось чураться; а въ „Современникѣ“ Некрасова и Панаева Никитенко былъ одно время редакторомъ.

Когда Никитенку стало ясно общественное настроеніе, когда онъ увидѣлъ, что дѣятельность комитета, какъ учрежденія карательнаго, воспитателя строгаго и взыскательнаго, чревата бутурлинскими послѣдствіями,—у него возникаетъ планъ направленія общественнаго мнѣнія въ видахъ правительственныхъ путемъ гласности, короче—планъ правительственной газеты. Этимъ предполагалось достичь двухъ цѣлей,—обезвредить комитетъ, увлекши его литературнымъ предпріятіемъ, и бороться съ „крайними“ мнѣніями, которыхъ Никитенко совершенно не раздѣлялъ. Уже въ началѣ марта планъ этотъ былъ пущенъ въ свѣтъ для лучшаго обсужденія, вызвалъ большіе разговоры, напримѣръ, у гр. Блудова; достигъ государя,—что мы видѣли выше при описаніи пріема имъ Никитенка; словомъ, дѣло было въ ходу.

12 марта, на другой день своего представленія государю, Никитенко записалъ: „Теперь на первомъ планѣ забота о газетѣ. Надо склонять комитетъ къ мысли, что онъ можетъ дѣйствовать на общественное мнѣніе только этимъ путемъ, то есть, путемъ гласности, а никакихъ другихъ мѣропріятій... Еще надобно доказать имъ, что ихъ честь требуетъ противодѣйствія такимъ людямъ, какъ Чевкинъ, Панинъ и прочіе“ *). Онъ понималъ, что „даетъ большое сраженіе“. Какова же была программа предполагавшейся правительственной газеты? На это отвѣчаютъ только два мѣста „Дневника“. Прежде всего въ основу ея должно было лечь стремленіе къ „постепенному, ровному прогрессу“ „приведеніе въ систему либеральныхъ идей и прямое опредѣленіе чего должно и можно хотѣть“ русскому обществу. „Правительство, по мысли Никитенка, никакъ не должно показывать, что оно—врагъ новыхъ идей, если онѣ сдѣлались всеобщими. Его роль въ этомъ случаѣ есть роль согласителя этихъ идей съ общими интересами и съ безопасностью и благомъ государства. Должно указать настоящій путь либеральному началу, а правительство убѣдить, чтобы оно уважало его“ **).

Въ сущности Никитенку не принадлежитъ иниціатива въ мысли созданія такого органа. Проекты изданія правительственной газеты возникали гораздо раньше и одинъ изъ нихъ относится, напримѣръ, къ царствованію Александра I, когда адъюнктъ московскаго университета Баккаревичъ предлагалъ издавать очень обширный органъ, назвавъ его „Правительственнымъ Журналомъ“. Но мысль о гласности въ дѣлахъ правительствен-

*) Тамъ-же, 158—159.
**) Тамъ-же, 160, 163.

ныхъ дѣйствій не встрѣтила тогда сочувствія, а со стороны министра народнаго просвѣщенія, гр. Завадовскаго—даже и явное нерасположеніе *). Я не буду подробно останавливаться на этомъ отдаленномъ времени, но за то обращу вниманіе читателя на другой проектъ, гораздо болѣе близкій къ комитету по дѣламъ книгопечатанія.

Въ 1857 г. мысль Баккаревича была воспринята министромъ иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчаковымъ, однимъ изъ создателей „троемужія". Онъ подѣлился ею, между прочимъ, съ Ѳ. И. Тютчевымъ, только что тогда вступившимъ въ должность предсѣдателя комитета иностранной цензуры, а до тѣхъ поръ состоявшаго, съ 1848 г., старшимъ цензоромъ при особой канцеляріи министра. Въ ноябрѣ 1857 г. Тютчевъ подалъ ему по этому поводу особую записку, на французскомъ языкѣ. Приведу выдержки изъ этой интересной записки, по переводу, сдѣланному самимъ авторомъ **).

Если, среди многихъ другихъ, существуетъ истина,—писалъ Тютчевъ,— которая опирается на полнѣйшей очевидности и на тяжеломъ опытѣ послѣднихъ годовъ, то эта истина есть несомнѣнно слѣдующая: намъ было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишкомъ продолжительное стѣсненіе и гнетъ, безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма. Видно, всякое ослабленіе и замѣтное умаленіе умственной жизни въ обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою усиленіе матеріальныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже сама власть съ теченіемъ времени не можетъ уклониться отъ неудобствъ подобной системы. Вокругъ той сферы, гдѣ она присутствуетъ, образуется пустыня и громадная умственная пустота, и правительственная мысль, не встрѣчая извнѣ ни контроля, ни указанія, ни малѣйшей точки опоры, кончаетъ тѣмъ, что приходитъ въ смущеніе и изнемогаетъ подъ собственнымъ бременемъ еще прежде, чѣмъ бы ей суждено пасть подъ ударами злополучныхъ событій. Къ счастью, этотъ жестокій урокъ не пропалъ даромъ. Здравый смыслъ и благодушная природа царствующаго императора уразумѣли, что наступила пора ослабить чрезвычайную суровость предшествующей системы и вновь даровать умамъ недостававшій имъ просторъ...

Не болѣе другихъ, — продолжаетъ Тютчевъ,— и я нисколько не желаю скрывать слабыя стороны и подчасъ даже уклоненія современной литературы; но нельзя по справедливости отказать ей въ одномъ достоинствѣ, весьма существенномъ, а именно: что съ той минуты, когда ей была дарована нѣкоторая свобода слова, она постоянно стремилась сколь возможно лучше и вѣрнѣе выражать мнѣніе страны. Къ живому сознанію современной дѣйствительности и часто къ весьма замѣчательному таланту въ ея изображеніи, она присоединяла не менѣе искреннюю заботливость о всѣхъ положительныхъ нуждахъ, о всѣхъ интересахъ, о всѣхъ язвахъ русскаго общества. Въ смыслѣ предстоящихъ улучшеній она, какъ и сама страна, озабочивалась только тѣми, которыя были возможны, практичны и ясно указаны, не дозволяя себѣ увлекаться утопіей—этимъ недугомъ столь присущимъ литературѣ. Если въ борьбѣ ею предпринятой противъ злоупотребленій, она иногда доходила до очевидныхъ преувеличеній, то слѣдуетъ отнести къ ея чести,

*) «Историч. свѣд. о цензурѣ въ Россіи», 10—12.

**) «Русск. Архивъ», 1873 г., I, 607—632.

что въ пылу преслѣдованія ихъ она въ своихъ мысляхъ никогда не отдѣляла интересовъ верховной власти отъ интересовъ страны, проникнутая твердымъ и честнымъ убѣжденіемъ, что вести войну противъ злоупотребленій значило вести ее въ то же время противъ личныхъ враговъ государя...

Авторъ записки не скрываетъ отъ себя, что „такая оцѣнка можетъ встрѣтить недовѣріе со стороны многихъ лицъ изъ нашего оффиціальнаго міра", въ которыхъ во всѣ времена существовало „какое-то предвзятое чувство сомнѣнія и нерасположенія". Это нерасположеніе онъ объясняетъ „спеціальностью точки зрѣнія" людей его проявляющихъ. „Есть люди,—говоритъ онъ,—которые знаютъ литературу настолько, насколько полиція въ большихъ городахъ знаетъ народъ, ею охраняемый". Во всякомъ случаѣ, правительству „не приходилось до сихъ поръ раскаиваться въ томъ, что оно смягчило въ пользу печати тотъ гнетъ, который тяготѣлъ надъ нею". Но,—спрашиваетъ онъ,

въ этомъ вопросѣ о печати достаточно-ли того, что сдѣлано и, въ виду болѣе свободнаго умственнаго труда и по мѣрѣ того, какъ успѣхи литературы возрастали,—не ощущается-ли все сильнѣе ежедневная польза и необходимость высшаго руководства или направленія? Одна цензура, какъ бы она ни дѣйствовала, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ этого новаго порядка вещей. Цензура служитъ предѣломъ, но не руководствомъ. А у насъ въ литературѣ, какъ и во всемъ остальномъ, вопросъ не столько въ томъ, чтобы подавлять, сколько въ томъ, чтобы направлять. Направленіе мощное, разумное, въ себѣ увѣренное направленіе—вотъ чего требуетъ страна, вотъ въ чемъ заключается лозунгъ всего настоящаго положенія нашего...

Если справедливо то (что уже утверждалось такъ часто), что правительству не менѣе церкви ввѣрено попеченіе о душахъ, то нигдѣ эта истина столь не очевидна, какъ въ Россіи и нигдѣ также (нельзя въ этомъ не сознаться) подобное призваніе правительства не могло быть такъ легко выполнимо. И потому у насъ встрѣчено было бы съ единодушнымъ удовольствіемъ и одобреніемъ намѣреніе власти принять на себя, въ ея сношеніяхъ съ печатью, серьезно и честно, сознанное управленіе общественныхъ умовъ и сохранить за собою, право руководить умами.

Въ этой части записки можно, пожалуй, усмотрѣть контуры будущаго комитета по дѣламъ книгопечатанія. Горчаковъ еще тогда, повидимому, передалъ свою мысль Тютчеву, которую тотъ и вполнѣ одобрилъ.

Дальнѣйшее содержаніе записки выясняетъ, какъ достичь цѣли, и тутъ уже довольно ясно указывается на необходимость правительственнаго органа печати. Стараясь выяснить, на какихъ условіяхъ „правительство могло бы считать себя въ правѣ проявлять подобное вліяніе на умы", Тютчевъ пишетъ:

Прежде всего слѣдуетъ взять страну, какъ она есть въ настоящую минуту, погруженную въ весьма тягостныя и законныя умственныя заботы, между своимъ прошлымъ (правда, изобилующимъ указаніями, но и многими опытами, приводящими въ уныніе), и своимъ будущимъ, преисполненнымъ загадочности. Слѣдовало-бы, по отношенію къ государству, прійти къ тому сознанію, къ которому обыкновенно приходятъ съ такимъ трудомъ родители

относительно выросшихъ на ихъ глазахъ дѣтей, а именно: что настаетъ возрастъ, когда мысль тоже мужаетъ и желаетъ, чтобы ее признавали таковою. Такимъ образомъ, для того, чтобы пріобрѣсти надъ умами, достигшими зрѣлости, то нравственное вліяніе, безъ котораго нельзя помышлять о возможности руководить ими, слѣдовало бы прежде всего вселить въ нихъ увѣренность, что по всѣмъ великимъ вопросамъ, которые озабочиваютъ и волнуютъ нынѣ страну, въ высшихъ слояхъ правительства существуютъ, если и не совсѣмъ готовыя рѣшенія, то, по крайней мѣрѣ, строго сознанныя убѣжденія и сводъ правилъ, во всѣхъ своихъ частяхъ согласный и послѣдовательный.

...Считаю излишнимъ говорить,—продолжаетъ Тютчевъ,—что я вовсе не желаю для этого обратить правительство въ проповѣдника, возводить его на каѳедру и заставлять его произносить поученія передъ безмолвною толпою. Ему слѣдовало бы сообщить свой духъ, а не свое слово, той прямодушной пропагандѣ, которая творилась бы подъ его сѣнью. И такъ какъ, если желаешь убѣдить людей, первымъ условіемъ успѣха служитъ умѣнье возбудить ихъ вниманіе къ вашимъ словамъ, то весьма понятно, что эта спасительная пропаганда для своего успѣха должна не только не стѣснять свободу преній, но, напротивъ, стремиться къ тому, чтобы свобода эта была настолько искренна и серьезна, насколько состояніе страны можетъ это дозволить. При томъ нужно-ли въ сотый разъ повторять слѣдующее столь очевидное положеніе: что въ наше время вездѣ, гдѣ свобода преній не существуетъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ, ничто невозможно, рѣшительно ничто въ нравственномъ и умственномъ смыслѣ?

Въ подкрѣпленіе развиваемаго имъ положенія о необходимости совершеннаго измѣненія взглядовъ правительства на отношенія его къ печати, Тютчевъ обращаетъ вниманіе на крупный общественный фактъ, возникшій въ послѣдніе годы, и стремящійся „къ такому развитію, котораго значеніе и послѣдствія никто въ настоящую минуту предвидѣть не можетъ“. „Я разумѣю подъ этимъ,—говоритъ онъ,—основаніе русской печати за границей, безъ всякаго контроля нашего правительства“.

Это явленіе безспорно важное, и даже весьма важное, заслуживающее самаго глубокаго вниманія. Было бы безполезно скрывать уже осуществившіеся успѣхи этой литературной пропаганды. Намъ извѣстно, что въ настоящую минуту Россія наводнена этими изданіями, что они переходятъ изъ рукъ въ руки съ величайшею быстротою въ обращеніи, что ихъ съ жадностью домогаются и что они уже проникли, если и не въ народныя массы, которыя не читаютъ, то, по крайней мѣрѣ, въ весьма низкіе слои общества. Съ другой стороны, нельзя не сознаться, что за исключеніемъ мѣръ положительно-стѣснительныхъ и тираническихъ было бы весьма трудно существеннымъ образомъ воспрепятствовать какъ привозу и распространенію этихъ изданій, такъ равно и высылкѣ за границу рукописей, предназначенныхъ къ ихъ поддержкѣ.

Итакъ,—говоритъ Тютчевъ,—рѣшимся признать истинные размѣры, истинное значеніе этого явленія: это просто отмѣна цензуры, но отмѣна ея во имя вреднаго и враждебнаго вліянія и, чтобы лучше быть въ состояніи бороться съ нимъ, постараемся уяснить себѣ, въ чемъ заключается его сила и чему оно обязано своими успѣхами.

„До сихъ поръ,—продолжаетъ онъ,—по поводу рѣчи о заграничной русской печати, разумѣются только изданія Герцена“. Авторъ записки задается вопросомъ: какое значеніе имѣетъ Гер-

ценъ? Кто его читаетъ? Разгадку успѣха Герценовскихъ изданій онъ видитъ при этомъ никакъ ни въ его „соціальныхъ утопіяхъ и революціонныхъ проектахъ“. Среди читающихъ Герцена людей съ нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ—думаетъ онъ,

найдутся-ли двое на сто, которые бы относились серьезно къ его ученію и не считали оное болѣе или менѣе невольною мономаніею, имъ овладѣвшею? На дняхъ меня даже увѣряли, что нѣкоторыя личности, заинтересованныя въ его успѣхѣ, очень искренно убѣждали его откинуть подальше эту революціонную оболочку, чтобы не ослабить вліянія, которое они желали бы упрочить за его изданіемъ. Не доказываетъ ли это, что газета Герцена служитъ для Россіи выраженіемъ чего-то совершенно иного, чѣмъ исповѣдуемыя ея издателемъ доктрины? Для чего же скрывать отъ себя, что именно ему даетъ значеніе и доставляетъ вліяніе именно то, что онъ служитъ для насъ представителемъ свободы сужденія, правда, на предосудительныхъ основаніяхъ, исполненныхъ непріязни и пристрастія, но тѣмъ не менѣе настолько свободныхъ (отчего въ томъ не сознаться?), чтобы вызывать на состязаніе и другія мнѣнія, болѣе разсудительныя, болѣе умѣренныя и нѣкоторыя изъ нихъ даже положительно разумныя. И теперь, какъ скоро мы убѣдились, въ чемъ заключается тайна его силы и вліянія, намъ не трудно опредѣлить, какого свойства должно быть оружіе, которое мы должны употребить для противодѣйствія ему. Очевидно, что газета, готовая принять на себя подобную задачу, могла бы разсчитывать на извѣстную долю успѣха лишь при условіяхъ своего существованія, нѣсколько подходящихъ къ условіямъ своего противника. Вашему доброжелательному благоразумію предстоитъ рѣшить, возможны ли подобныя условія въ данномъ положеніи, вамъ лучше меня извѣстномъ, и въ какой именно мѣрѣ они осуществимы.

Въ заключеніе своей записки Тютчевъ говорилъ: „приведеніе въ дѣйствіе того проекта, который вамъ угодно было сообщить мнѣ, казалось бы хотя и не легкимъ, но возможнымъ, если бы всѣ мнѣнія, всѣ честныя и просвѣщенныя убѣжденія имѣли право образовать изъ себя открыто и свободно, умственную и преданную дружину на служеніе личнымъ вдохновеніямъ государя!“

На Горчакова эти мысли произвели, повидимому, впечатлѣніе, потому что планъ объ изданіи правительственной газеты его уже не оставлялъ. Это можно видѣть хотя бы изъ дневника гр. П. А. Валуева отъ 25 января 1859 г.: „Былъ у кн. Горчакова для сообщенія ему давно занимающей меня мысли объ изданіи журнала, который бы могъ противодѣйствовать нынѣшнимъ тенденціямъ всѣхъ нашихъ періодическихъ изданій. Былъ съ тѣмъ, что дамъ ходъ этому предположенію, если застану кн. Горчакова, — и отложу дѣло, если не застану. Я его не видалъ: слѣдовательно, дѣло отложено“ *). Кстати, это еще одно указаніе на существованіе плана правительственнаго органа и не только у Никитенка и кн. Горчакова. Послѣдній лишь возобновилъ его, когда гр. Валуевъ отложилъ, **) а кн. Горчаковъ не энергично преслѣдовалъ свою мысль.

*) «Русск. Стар.» 1891 г., VIII, 269.

**) Въ 1862 г. онъ осуществилъ ее въ «Сѣверной Почтѣ».

Въ маѣ Никитенко снова имѣлъ случай представиться государю (благодаря награжденію лентой) и записалъ по этому свой съ нимъ краткій разговоръ:

—„ Благодарю васъ,—сказалъ государь и мнѣ съ привѣтливою улыбкою.—Занимаетесь вы вашимъ трудомъ?

— Занимаюсь, ваше величество,—отвѣчалъ я.

— Какъ скоро вы надѣетесь кончить?

— Я надѣюсь лѣтними мѣсяцами кончить планъ, а съ новаго года можно будетъ начать самое изданіе.

Онъ съ новою улыбкою поклонился и обратился къ другимъ“ *).

А трудъ, дѣйствительно, былъ не изъ легкихъ. Создать газету вообще трудно, а такую, которая должна была стать либеральной, но исходить изъ тогдашнихъ бюрократическихъ кабинетовъ—и особенно.

Прежде всего—кто будутъ сотрудники? Никитенко надъ этимъ думалъ не мало. „Главное затрудненіе—гдѣ достать людей и довольно талантливыхъ, и *довольно* благородныхъ (!!), и довольно благоразумныхъ, которые поняли бы, что среди современныхъ стремленій можно и должно, не клонясь ни въ ту, ни въ другую сторону, твердо стоять на почвѣ собственныхъ безкорыстныхъ убѣжденій; что намъ еще рано думать о радикальныхъ переворотахъ, что много хорошаго еще возможно на постепенномъ пути къ нимъ, что наша безалаберность и политическая незрѣлость еще не въ состояніи теперь же, сейчасъ, вынести полнаго разрыва съ сильною, сосредоточенною властью? А не найдя такихъ людей, можно-ли выполнить и мой планъ?“ **).

Въ поискахъ за такими сотрудниками Никитенко отправляется даже въ Москву, но—„литераторовъ лѣтомъ въ Москвѣ мало, а тѣ, которыхъ я видѣлъ случайно, къ дѣлу не относятся“ ***). Послѣ такихъ неудачъ, послѣ неизвѣстно для какихъ жильцовъ выстроеннаго, совершенно темнаго дома, онъ впадаетъ въ первые признаки отчаянія—въ неувѣренность и малодушіе: „главное, у меня нѣтъ помощниковъ. Такъ называемые, передовые умы наши до того враждебны правительству, что и на меня даже смотрятъ холодно; не потому, говорятъ они, чтобы сомнѣвались въ чистотѣ моихъ намѣреній, а потому, что я будто бы содѣйствую задержкѣ кризиса“ ****).

Но такъ или иначе, планъ изданія газеты, состоящей изъ редакціоннаго комитета изъ нѣсколькихъ литераторовъ и другихъ „компетентныхъ лицъ“ и личнаго состава комитета по дѣламъ

*) «Русск. Стар.», 1890 г., X, 169.
**) Тамъ-же, 173.
***) Тамъ-же, 176.
****) Тамъ же, 178.

книгопечатанія, былъ внесенъ въ послѣдній для надлежащаго обсужденія.

19 іюня положено было приступить къ чтенію проекта. Тимашевъ былъ въ отпуску.

„Чтеніе дѣйствительно начато. И вотъ я опять наткнулся на замѣчанія, которыхъ уже больше не ожидалъ; напримѣръ, что общественнаго мнѣнія у насъ нѣтъ, да едва-ли оно и возможно; что толки, какіе мы ежедневно слышимъ и читаемъ въ журналахъ, не составляютъ его и т. д. Это говорилъ графъ Адлербергъ. Ему возражалъ Мухановъ и, надо сказать, довольно умно и удачно. Откуда набрался этихъ понятій графъ—не понимаю... Мы прочитали немного, а все разсуждали и спорили, такъ что изъ этого засѣданія ничего путнаго не вышло. Для меня, однако, оно было очень важно. Я вижу, что мнѣ надо измѣнить мою тактику. Я думалъ дѣйствовать прямо, силою истины, но мы стоимъ не на одинаковой почвѣ и надо маневрировать. Мнѣ хотѣлось разъяснить имъ вещи, чтобы они пришли сами къ извѣстнымъ убѣжденіямъ, — теперь надо, чтобы они приняли ихъ противъ воли. Они и примутъ ихъ, если не захотятъ опустить руки и предоставить все судьбѣ“ *).

Черезъ мѣсяцъ проектъ газеты былъ одобренъ комитетомъ, конечно, не безъ споровъ въ родѣ бывшихъ въ первое засѣданіе. Помощью переговоровъ отдѣльно съ членами, обѣдовъ у гр. Адлерберга, Никитенку удалось провести планъ въ цѣлости. Къ сожалѣнію, мнѣ нигдѣ не удалось найти его въ деталяхъ и потому приходится ограничиться этимъ.

VI.

Теперь, въ виду большей ясности послѣдующей дѣятельности комитета по дѣламъ книгопечатанія, намъ нужно сдѣлать небольшое отступленіе.

Мы уже знаемъ, что государь приказалъ Ковалевскому заняться составленіемъ и переработкой цензурнаго устава и что работа эта была поручена еще въ мартѣ 1858 г. Никитенку. По окончаніи имъ она перешла въ министерство. Здѣсь не мѣсто даже бѣгло останавливаться на сущности новаго проекта; скажу только, что, пройдя всякія инстанціи, онъ принялъ видъ очень схожій съ дѣйствовавшимъ уставомъ 1828 г., а въ нѣкоторыхъ деталяхъ впадалъ даже въ своего рода „шишковщину“ **). Въ департаментѣ законовъ государственнаго совѣта онъ встрѣтилъ

*) Тамъ же, 174—175.

**) См. «Объяснительную записку къ проекту новаго устава о цензурѣ 1859 года».

пріемъ совершенно никѣмъ въ министерствѣ не ожидавшійся. Основываясь на резолюціи государя 18 января 1850 г., положенной при разсмотрѣніи еще уваровскаго проекта *), департаментъ, прежде всего, призналъ изданіе новаго закона противорѣчащимъ названному высочайшему повелѣнію. Такимъ образомъ, вычеркивалось позднѣйшее повелѣніе Ковалевскому. Кромѣ того, департаментъ выразилъ такія мысли, которыя нельзя не считать цѣнными для характеристики нѣкоторыхъ теченій правящихъ сферъ.

„Вообще постановленія цензуры,—читаемъ въ журналѣ департамента,—по самой сущности своей, никакъ не могутъ быть высказаны вполнѣ въ буквѣ закона и, по необходимости, должны ограничиться одними краткими правилами, открывающими возможность къ всестороннему примѣненію; усилить же цензурный надзоръ возможно только мѣрами административными, соотвѣтственно временнымъ требованіямъ, ибо какъ бы ни были хороши законы и уставы, но весь успѣхъ ихъ будетъ зависѣть отъ правильнаго и бдительнаго надзора за исполнителями и отъ выбора сихъ исполнителей. Всякое стремленіе составить полный уставъ цензуры, который исчерпывалъ бы самыя мельчайшія подробности, неизбѣжно имѣло бы послѣдствіемъ то, что рама цензурныхъ запрещеній обставится такими рѣзкими опредѣлительными чертами, что все, сколько-нибудь изъ нея выступающее, должно будетъ, въ противность намѣренію законодателя, окружать препонами дѣйствія цензуры, возрождая чрезъ то безпрерывные вопросы и состязанія. Уставъ для надзора за книгопечатаніемъ, въ которомъ оглашались бы всенародно всѣ виды и намѣренія правительства, точно также невозможенъ, какъ и гласный уставъ для высшей полиціи, надзирающей за направленіемъ мыслей и мнѣній“. **).

Таковъ былъ взглядъ на законъ о печати высшаго законодательнаго учрежденія Россіи. Разсмотрѣніе проекта въ общемъ собраніи государственнаго совѣта было отложено до осени 1859 г., въ виду отсутствія Ковалевскаго изъ Петербурга, а затѣмъ и вовсе отложено, благодаря рапорту гр. Адлерберга 2-го на имя предсѣдателя, отъ 15 сентября, изъ г. Орла, увѣдомлявшаго: „нынѣ государю императору благоугодно, чтобы разсмотрѣніе сего устава было отложено впредь до высочайшаго повелѣнія“. Ковалевскому проектъ былъ впослѣдствіи возвращенъ***).

VII.

Никитенко хорошо понималъ, какъ мало можно было положиться на одобреніе комитетомъ проекта газеты; какъ самъ онъ,

---

*) См. мою статью въ февральской книжкѣ «Р. Б.» этого года.

**) «Матеріалы для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати», 1870 г. ч. I, 345.

***) Тамъ же, 348—349.

послѣ нѣкоторыхъ высказанныхъ по этому поводу мнѣній и взглядовъ мало могъ подходить для первой роли въ редакціонномъ комитетѣ. И вотъ у него рождается новый планъ: упразднить комитетъ и этимъ вынуть палку изъ колеса одушевлявшей его правительственной газеты. Но какъ это сдѣлать? Конечно, не торопясь, тонко, политично.

Прежде всего надо убѣдить Муханова, какъ самаго рьянаго сторонника активныхъ дѣйствій на манеръ бутурлинскаго комитета, что комитетъ, по своему положенію и необходимости подчиниться волѣ государя о непримѣненіи сильныхъ мѣръ, не можетъ удовлетворять собственному назначенію. Дѣло велось такимъ образомъ съ мѣсяцъ, а поддержка неподозрѣвавшихъ интриги Адлерберга и Тимашева гарантировала успѣхъ. „Наконецъ,—читаемъ въ „Дневникѣ" подъ 27 сентября, бездѣйствіе его (Муханова) утомило, и въ одномъ изъ засѣданій онъ горячо выразилъ мысль, что намъ ничего не остается дѣлать, какъ слиться съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Этого только я и ждалъ. Вся моя стратегія къ этому и вела. Но я не хотѣлъ отъ себя высказывать этой мысли... Теперь я употребилъ всю мою діалектику, чтобы поддержать это благое намѣреніе, и въ слѣдующее-же засѣданіе прочиталъ уже приготовленный мною проектъ превращенія комитета въ главное управленіе цензуры, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Онъ одобренъ, прочитанъ послѣднему, снова одобренъ, и сегодня, 27 числа, я везу его къ Тимашеву для представленія государю черезъ графа Адлерберга. Въ засѣданія главнаго управленія допущены цензора и литераторы. Я крѣпко боялся, что это встрѣтитъ сопротивленіе, особенно допущеніе литераторовъ. Но я заранѣе мѣру эту оградилъ такими доводами и причинами, что сопротивленія не было" *).

Въ послѣднихъ словахъ виденъ слѣдъ записки московскихъ редакторовъ, съ которой читатели уже знакомы.

Въ основу проекта были положены: централизація и сближеніе цензурной власти съ цензорами и литераторами. Такимъ образомъ „нравственное воздѣйствіе" еще не устранялось. Все было направлено къ тому, чтобы не „поссорить правительство съ общественнымъ мнѣніемъ" и „не усилить печать заграничную". Но вмѣстѣ съ тѣмъ комитету „оставлена одна тѣнь значенія, и то, если министръ немного понатужится, то можетъ и совершенно его сломить, въ чемъ, впрочемъ, кажется, нѣтъ особенной надобности: онъ окончательно будетъ обезсиленъ" **). 23 октября послѣ заключительнаго обсужденія проекта Ковалевскимъ, Адлербергомъ, Тимашевымъ и Никитенкомъ, рѣшено

*) «Русск. Стар.», 1890 г., X. 178—179.

**) Тамъ же, 181.

представить государю докладъ, написанный, конечно, директоромъ-дѣлопроизводителемъ.

Докладъ этотъ настолько интересенъ, что я приведу его подробно *).

„Поставленный неофиціальнымъ положеніемъ внѣ общей системы правительственныхъ учрежденій и въ то же время обязанный участвовать въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ общественныхъ, именно вопросовъ умственныхъ, комитетъ долженъ былъ затрагивать самыя щекотливыя стороны администраціи, общественнаго мнѣнія и печати, что дало ему видъ какого-то чрезвычайнаго, контролирующаго и, по его уединенности, видъ устрашающаго постановленія, не смотря на употребленные имъ всевозможные способы къ отстраненію всякихъ поводовъ къ подобному взгляду. Цензоры, подчиненные другому начальству, и естественно съ нимъ однимъ исключительно поставленные во всѣ обычныя служебныя отношенія, теперь, въ кругу своихъ дѣйствій, увидѣли новую власть, коей указаній не могли не считать для себя вполнѣ обязательными, — что къ затрудненіямъ, и безъ того обременяющимъ отправленіе ихъ должности, прибавило новыя, обыкновенно являющіяся тамъ, гдѣ однимъ дѣломъ распоряжаются двѣ власти. Литераторы, кромѣ вліянія обыкновенной цензуры, опасаясь отъ новаго учрежденія стѣснительнаго для себя сторонняго вмѣшательства, уклонились отъ всякихъ съ нимъ сношеній. Съ первыхъ же дней своего существованія, комитетъ ощутилъ невыгодныя послѣдствія возбудившихся такимъ образомъ недоразумѣній *и сталъ въ какое-то странное положеніе въ средѣ, гдѣ ему надлежало дѣйствовать*. Почти всеобщее нерасположеніе быстро устремилось навстрѣчу первыхъ же шаговъ его, и какъ моральное вліяніе въ дѣлахъ, возложенныхъ на комитетъ, составляло одно изъ первыхъ условій успѣха, то, при этихъ непреодолимыхъ препятствіяхъ къ пріобрѣтенію такого вліянія, дальнѣйшая дѣятельность комитета сдѣлалась не только затруднительною, но прямо невозможною.

„Главная причина невыгоднаго положенія комитета состоитъ въ томъ, что онъ, какъ отдѣльное правительственное учрежденіе, призванное дѣйствовать на ходъ и направленіе печати, на подобіе французскаго Bureau de la presse, оказался несовмѣстнымъ съ порядкомъ вещей, гдѣ существуетъ цензура предупредительная“.

Обращаясь затѣмъ къ разбору существовавшихъ цензурныхъ учрежденій, записка выражала такъ свое о нихъ мнѣніе:

„Администрація цензуры лишена правильнаго устройства. Ей недостаетъ главныхъ необходимыхъ качествъ всякой правительственной силы—самостоятельности и сосредоточенности. Каждое

*) «Проектъ устава о книгопечатаніи», 57—63.

управленіе имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствій, и своимъ служебнымъ назначеніемъ ограждено отъ всякаго посторонняго вмѣшательства въ свои распоряженія; одна цензура отъ него не изъята и служитъ предметомъ самыхъ разнородныхъ и даже противоположныхъ домогательствъ и требованій, тѣмъ болѣе затруднительныхъ, что за ними нерѣдко возбуждается и вопросъ о принятіи какой либо мѣры, которая не всегда согласуется съ общимъ ходомъ цензурныхъ дѣлъ. У цензуры есть своя спеціальность, своя, такъ сказать, техника, какъ во всякомъ правительственномъ кругу. Она должна дѣйствовать не по случайнымъ взглядамъ и соображеніямъ, а въ одномъ опредѣленномъ направленіи, обнимающемъ и соглашающемъ многоразличные и самые сложные интересы общества; и нельзя, чтобы каждый отдѣльный случай вводилъ въ кругъ ея новаго судью съ его понятіями и взглядами на вещи, можетъ быть, не лишенными основанія съ его точки зрѣнія, но невѣрными въ отношеніи къ цѣлой системѣ, которой должны слѣдовать цензора. Въ послѣднее время установлено правило обращаться къ разнымъ вѣдомствамъ за разрѣшеніемъ по литературнымъ произведеніямъ, коихъ содержаніе касается предметовъ ихъ управленія. Такимъ образомъ нерѣдко одно и то же сочиненіе должно проходить нѣсколько отдѣльныхъ цензуръ, не освобождаясь въ то же время отъ разсмотрѣнія цензуры общей. Кромѣ того, что этотъ порядокъ чрезвычайно стѣснителенъ для литераторовъ, онъ подвергаетъ цензуру весьма вредному раздробленію, которое, съ одной стороны, лишаетъ ее всякой системы, единства и послѣдовательности, а съ другой— ослабляетъ цензурную отвѣтственность, ибо каждое изъ лицъ, разсматривающихъ одно и то же сочиненіе, естественно, надѣется на другое, и въ случаѣ недосмотра или ошибки, всегда имѣетъ поводъ обратить вину на своего товарища, чему и были неоднократные примѣры. Вообще двухлѣтній опытъ *) доказалъ убѣдительно несостоятельность сей мѣры, которая кромѣ вышеозначенныхъ неудобствъ, доселѣ ничего не произвела.

„Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія, имѣя въ виду всѣ вышеизложенныя обстоятельства и соображенія, *находя, что въ настоящемъ своемъ видѣ и съ тѣми средствами, какія ему даны, онъ лишенъ возможности выполнить свою высокую задачу*, и наконецъ, убѣжденный въ томъ, что благоустроенная цензура есть одно изъ главныхъ условій успѣха въ дѣлѣ, на него возложенномъ, признаетъ необходимыми измѣненія, какъ въ своемъ собственномъ устройствѣ, такъ и въ цензурѣ вообще. Измѣненія сіи, по его мнѣнію, должны бы состоять въ слѣдующихъ положеніяхъ:

---

*) «Спеціальные» цензора учреждены, какъ уже было сказано, 25 января 1858 г.

1) Оставаясь въ настоящемъ своемъ составѣ, комитетъ соединяется съ главнымъ управленіемъ цензуры, съ которымъ онъ и образуетъ главную и высшую въ имперіи цензурную власть. Комитету предоставляется обсуживать всѣ высшіе вопросы *относительно направленія идей въ государствѣ, во всѣхъ проявленіяхъ ихъ въ печати*, и относительно цензуры свои соображенія, по предварительному соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, вносить въ главное управленіе цензуры для окончательнаго рѣшенія и принятія нужныхъ мѣръ. *Ему будетъ также принадлежать и непосредственное наблюденіе по редакціи предполагаемаго печатнаго правительственнаго органа, или газеты.* Такимъ образомъ, стремясь оказывать государству по высшимъ вопросамъ, относительно печати, ту пользу, какую въ состояніи онъ приносить по духу своего учрежденія и составу, онъ, чрезъ свое соединеніе съ главнымъ управленіемъ цензуры, получаетъ дѣятельное офиціальное участіе въ самыхъ мѣрахъ, какими осуществляются всѣ виды правительства по дѣламъ печати и цензуры. За симъ само собою отмѣняется обязанность комитета имѣть непосредственныя сношенія съ цензорами и литераторами".

Опуская 2, 3, 4 и 5 пункты, въ которыхъ детализируется устройство главнаго управленія, въ данный моментъ читателю мало интересное, приведу два послѣдніе:

6) Для достиженія въ цензурѣ возможной послѣдовательности и правильнаго систематическаго движенія и для сближенія цензоровъ съ руководящею и направляющею цензурною властію, они, по мѣрѣ надобности, приглашаются въ засѣданія главнаго управленія цензуры. Здѣсь сообщаются имъ, для руководства и *вразумленія ихъ*, виды правительства, касательно общаго направленія цензуры, а также разрѣшаются, безъ обременительнаго письменнаго производства, вопросы и сомнѣнія по текущимъ цензурнымъ случаямъ, если важность ихъ будетъ требовать сужденій высшей цензурной власти. Равнымъ образомъ, главному управленію цензуры предоставляется право, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, приглашать также въ собранія свое редакторовъ журналовъ и литераторовъ, наиболѣе пользующихся вліяніемъ и извѣстностію въ публикѣ.

7) Для того, чтобы московскому цензурному комитету доставить способы *обновлять, такъ сказать, свои понятія, относительно направленія*, коему онъ долженъ слѣдовать, и имѣть свѣдѣнія о видахъ правительства, *неудобныхъ къ передачѣ ихъ обыкновеннымъ письменнымъ порядкомъ*, —въ два мѣсяца одинъ разъ или чаще, если того потребуютъ обстоятельства, попечитель московскаго учебнаго округа вызывается въ Петербургъ для присутствія въ главномъ управленіи цензуры, гдѣ онъ и имѣетъ право голоса наравнѣ съ прочими членами. Сверхъ того, коми-

тету сему, по мѣрѣ надобности, будутъ сообщаемы протоколы важнѣйшихъ засѣданій главнаго управленія цензуры".

Такимъ образомъ, комитетъ на девятомъ мѣсяцѣ своего существованія самъ взывалъ о своей безполезности и совершалъ довольно рѣдкое въ такихъ случаяхъ самоубійство. Исходъ, казалось бы, аналогичный съ комитетомъ 2 апрѣля 1848 г., но какая, на самомъ дѣлѣ, громадная разница! Тамъ, въ запискѣ бар. Корфа, не только слышалась, но даже доминировала нотка преизбытка дѣятельности, здѣсь – полнаго безсилія; тамъ сзади было восемь лѣтъ кипучей работы, здѣсь—девять мѣсяцевъ исканія дѣла...

Для подкрѣпленія и приданія большаго вѣса докладу комитета по дѣламъ книгопечатанія, Ковалевскій подалъ особую всеподданнѣйшую записку, въ которой вполнѣ поддерживалъ предположенія комитета относительно реорганизаціи цензурнаго вѣдомства и возражалъ только противъ своего предсѣдательствованія въ глвномъ управленіи: онъ находилъ болѣе во всѣхъ отношеніяхъ удобнымъ поручить эту сложную обязанность особому лицу по выбору государя *).

5 ноября (1859 г.) совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ, какъ и всегда, самого государя, обсуждалъ и докладъ комитета, и записку Ковалевскаго. Вотъ что занесъ Никитенко въ свой „Дневникъ", поговоривъ съ министромъ:

„Были сильныя пренія. Впрочемъ, сліяніе „бюро де-прессъ" съ главнымъ управленіемъ цензуры не встрѣтило сопротивленія. Это дѣло, повидимому, рѣшенное. Но вообще въ ходѣ цензурно-литературныхъ дѣлъ являются два непріятныя обстоятельства. Во-первыхъ, государь оказывается сильно нерасположеннымъ къ литературѣ. Всѣ благородные, разумные и справедливые доводы министра въ защиту ея, кажется, не произвели большого впечатлѣнія на умъ его, предубѣжденный ревнителями молчанія и безсмыслія. Во-вторыхъ, цензуру намѣреваются отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія. Это будетъ важная мѣра, но едва-ли полезная самому правительству"... **)

Въ слѣдующій четвергъ,—день засѣданія совѣта министровъ,— 12 ноября, по инниціативѣ самого же Ковалевскаго, послѣдовало высочайшее повелѣніе: „1) Главное управленіе цензуры отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія и составить изъ онаго, подъ предсѣдательствомъ того лица, которое будетъ избрано е. и. в., особое оффиціальное государственное учрежденіе, для исключительнаго и непосредственнаго завѣдыванія цензурою въ имперіи и царствѣ Польскомъ. 2) Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія, въ нынѣшнемъ его составѣ, слить съ преобразуемымъ

*) «Проектъ», 63—65.

**) «Русск. Стар.». 1890, X. 183—184.

главнымъ управленіемъ цензуры. 3) Министру народнаго просвѣщенія взять обратно внесенный имъ въ государственный совѣтъ проектъ цензурнаго устава и передать оный тому лицу, которое будетъ назначено государемъ императоромъ для предсѣдательствованія въ главномъ управленіи цензуры и на которое будетъ е. в. возложено составленіе подробныхъ соображеній объ устройствѣ главнаго управленія и о прочихъ предметахъ, до цензурнаго дѣла относящихся" *).

Этимъ лицомъ былъ избранъ бар. М. А. Корфъ. 21 ноября Никитенко записалъ: „роль моя по комитету книгопечатанія кончена".

Въ концѣ концовъ предполагаемое отдѣленіе главнаго управленія не состоялось, оно только было слегка преобразовано, а 24 января 1860 г. комитетъ по дѣламъ книгопечатанія высочайше упраздненъ и слитъ съ главнымъ управленіемъ.

Такъ кончилось это очень характерное для своего времени назидательное учрежденіе. Что же касается правительственнаго органа, то немного позже мысль эта была осуществлена: 1 января 1862 г. Никитенко выпустилъ первый номеръ „Сѣверной Почты", той самой „Почты", которой открывалъ широкую дорогу—онъ такъ думалъ—министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Валуевъ, когда разослалъ губернаторамъ циркуляръ съ предписаніемъ вмѣнить полиціи въ обязанность побуждать подписываться на новую газету,—„такъ какъ эта газета правительственная и должна противодѣйствовать русской прессѣ". За подлинность этого циркуляра ручается самъ г. редакторъ... **)

Мих. Лемке.

*) «Проектъ», 65—67.

**) «Русск. Стар»., 1891 г., II, 333—334.

РОДНОЕ.

I.

На шумныхъ улицахъ движенье, суета,
Нарядныя толпы облиты яркимъ свѣтомъ...
Красивый, свѣтлый сонъ!.. Но грубо нищета
Врывается въ него какимъ-то дикимъ бредомъ.

Они пришли сюда изъ жалкихъ деревень
И принесли съ собой несказанную муку...
Вотъ мать несчастная,—полуживая тѣнь,—
Не смѣя глазъ поднять, протягиваетъ руку.
Ребенокъ худенькій, заплаканный больной,
На встрѣчу намъ бѣжитъ, лепечетъ: „хлѣба, хлѣба..."
Но мимо жизнь идетъ безсмысленной волной,
И слышенъ смѣхъ въ толпѣ... И ярко блещетъ небо!..

II.

Надъ сумрачнымъ селомъ нависли облака...
Какая глушь вокругъ! Пустынно, неуютно...
Сырой, безцвѣтный день глядитъ уныло, мутно,
И на душѣ моей тяжелая тоска!

По кровлямъ сѣрыхъ избъ невидимымъ крыломъ
Холодный вихрь шуршитъ... И свистъ его угрюмый
Печаленъ и суровъ, какъ въ грустномъ сердцѣ думы
О жизни горестной...
Унынье надъ селомъ!..

Н. Шрейтеръ.

ПЕПЕЛИЩЕ.

Романъ *Ст. Жеромскаго.*

Переводъ съ польскаго **Н. Ю. Татарова.**

Весна.

Майское утро освѣтило сандомирскую землю. Окно въ угловой комнаткѣ Рафаила было открыто, и черезъ него доходили весенній ароматъ, щебетаніе птицъ, далекій лай собакъ... Рафаилъ почти ничего не замѣчалъ и не слышалъ. Отъ времени до времени имъ овладѣвали непреодолимыя, нервныя слезы. Грудь разрывалась отъ физической боли, и какая-то тяжесть угнетала, какъ камень.

Послѣ продолжительной болѣзни, державшей Рафаила въ теченіе марта, апрѣля и части мая на краю смерти, онъ исхудалъ и истомился совсѣмъ. Но, вслѣдъ за выздоровленіемъ тѣла, появилась новая болѣзнь—угрызенія совѣсти. Накунунѣ онъ получилъ отъ сестеръ извѣстіе, что по его винѣ Елену увезли не то въ Краковъ или въ Варшаву, не то въ Парижъ или въ Берлинъ, что возникли какія-то подозрѣнія, какія-то догадки. Было очевидно, что онъ потерялъ ее навсегда. Рафаилъ сталъ безобразенъ, какъ трупъ. Носъ у него заострился и вытянулся. Впавшіе глаза пылали въ орбитахъ, какъ бы выгорая до основанія. Онъ не спалъ по ночамъ, а когда днемъ погружался въ полусонъ, передъ нимъ являлись видѣнія, силу, реальность и отчетливость которыхъ невозможно выразить словами. То была другая жизнь, болѣе дѣйствительная, чѣмъ на яву. Въ ней рождались тревоги, надежды, рѣшенія, составлявшія жизнь души. Дѣйствительность была только блѣднымъ, жалкимъ міромъ тоски. Въ тѣхъ видѣніяхъ являлась ему и Елена. Рафаилъ слышалъ ея голосъ, веселый смѣхъ, легкіе, приближающіеся шаги, и пробуждался съ сознаніемъ ужасной истины, что все это только сонъ. Съ ранняго утра, съ пяти часовъ, онъ

шагалъ по своей комнатѣ взадъ и впередъ, отъ стѣны къ стѣнѣ. Онъ съ завистью смотрѣлъ на поля, на камни, которые ничего не чувствовали... Покой его, казалось, исчезъ навѣки. Противъ воли, вопреки усиліямъ, эта зависть превращалась въ слѣпое бѣшенство, въ дикую страсть—бередить свои раны, въ непрестанное желаніе жить только своимъ горемъ.

Все способствовало этому. Отецъ выгналъ его изъ дому, разрѣшивъ остаться дома лишь до выздоровленія. Когда среди помѣщиковъ распространилась сплетня о причинахъ ночного путешествія Рафаила и о катастрофѣ съ лошадью, старый чесьникъ впалъ въ дикое бѣшенство. Весь домъ трепеталъ отъ страха. Всѣ вспомнили объ его ужасномъ поступкѣ со старшимъ сыномъ. Вспоминали тотъ страшный день, когда старшій сынъ, молодой офицеръ, только что выпущенный изъ кадетскаго корпуса, въ спорѣ съ отцомъ по поводу столичныхъ новостей, схватился за рукоятку шпаги, а отецъ пригрозилъ ему плетьми и приказалъ созвать мужиковъ... Мать и сестры ходили теперь на цыпочкахъ и старались добиться только одного, чтобы Рафаилъ могъ поправиться дома. Раны отъ волчьихъ укусовъ, наконецъ, зажили, и прошла какая-то ужасная болѣзнь, которая развилась съ тѣхъ поръ, какъ его, полумертваго, нашли въ крестьянской хатѣ. Но тутъ-то и начался настоящій адъ. Старикъ бѣсновался. Его искривленныя губы извергали самыя оскорбительныя слова, руки швыряли въ каждаго встрѣчнаго, что̀ ни попало. Всѣмъ былъ отданъ приказъ, особенно матери, что какъ только „извергъ“ встанетъ на ноги, онъ долженъ убираться изъ дому и не показываться на глаза впредь до новаго распоряженія. Рафаилъ поднялся съ постели и въ тотъ же день послѣ завтрака долженъ былъ уѣхать изъ дому. Мать тайно снаряжала его къ старшему брату, который жилъ далеко, въ лѣсистой мѣстности, гдѣ-то вблизи Малогоща. Бѣдная мать знала, что и тотъ сынъ сильно боленъ, и думала, отправляя туда младшаго, спасти обоихъ. Наконецъ,—хоть бы получить какую-нибудь вѣсточку!.. Она сама не могла даже мечтать о поѣздкѣ туда. Напротивъ, должна была притворяться, что и она до сихъ поръ не простила сына. Черезъ подстаросту, панскаго приспѣшника и фаворита, удалось добиться только одного,—что для поѣздки Рафаила были даны двѣ клячи и дрянная телѣга. Чесьникъ угадывалъ, куда направляется изгнанникъ. Можетъ быть даже, въ глубинѣ души и онъ хотѣлъ получить извѣстіе о нѣкогда любимомъ первенцѣ, который страдалъ въ своемъ одиночествѣ. До сихъ поръ только глухія вѣсти, изъ десятыхъ устъ, добѣгали до него и терзали вѣчную рану въ сердцѣ. Старый скряга каж-

дый день съ ранняго разсвѣта блуждалъ по полямъ и лугамъ и по временамъ, среди окружавшей его общей паники, бросалъ крикливые, возбуждавшіе трепетъ вопросы:

— Все еще здѣсь этотъ ночной воръ, молокососъ?

И сегодня Рафаилъ слышалъ тотъ-же крикъ, но не обращалъ на него вниманія. Его душевныя муки были глубже и сильнѣе, чѣмъ все, что могло ожидать его со стороны отца.

Ему жаль было матери. Но это сожалѣніе было какое-то равнодушное, точно чужое... Рафаилъ выслушивалъ ея просьбы, заклинанія, тихія, сквозь слезы, слова, назрѣвшія въ сердцѣ въ безсонныя ночи, и отвѣчалъ съ принужденіемъ, печально, наскоро придуманною ложью. Онъ что-то обѣщалъ и даже клялся въ чемъ-то торжественнымъ шепотомъ. Онъ исполнялъ разныя дѣла, получалъ, запаковывалъ, перевязывалъ приносимыя по секрету посылки для брата Петра, котораго почти совсѣмъ не зналъ; записывалъ какіе-то рецепты лѣкарствъ, выслушивалъ благословенія, въ которыхъ сказывалась вся безконечная материнская любовь, и въ то же время удерживалъ кровавыя слезы, подавлялъ въ себѣ рыданіе, раздиравшее грудь, и кривилъ губы въ веселую улыбку. Во время этихъ разговоровъ съ матерью и сестрами, когда Рафаилъ вынужденъ былъ заниматься приготовленіями къ путешествію, онъ страдалъ больше всего. Всюду и всегда являлись передъ нимъ нѣжно смотрѣвшіе на него голубые глаза...

Наконецъ, Рафаилу объявили, что лошади ждутъ на гумнѣ, и что пора ѣхать. Онъ вытеръ глаза и, не оглядываясь назадъ, вышелъ изъ комнаты. Мать, тихонько плакавшая въ сѣняхъ, сказала ему, что отецъ не хочетъ его видѣть передъ отъѣздомъ.

Вѣчно погруженный въ свои мечты, молодой изгнанникъ едва понималъ, что ему говорятъ. Онъ простился съ матерью и сестрами, повидимому, нѣжно и большими шагами направился на гумно.

Пара старыхъ, тощихъ клячъ,—саврасая кобыла и гнѣдой слѣпой конь,—лѣниво потащили по дорогѣ разсохшуюся бричку. Кругомъ раскинулись поля. Сухой и теплый вѣтеръ колебалъ мягкіе колосья свѣтлой ржи, темной пшеницы, и едва выступавшіе изъ сѣрой земли ростки ячменя. Дыханьемъ огромнаго простора вѣяло отъ этихъ тучныхъ полей, открытыхъ ласкамъ неба и солнца. Широкія долины по направленію къ Вислѣ были покрыты зеленой травой. Ручейки и родники на лугахъ покрылись желтыми лютиками, а болѣе сухія возвышенности были усѣяны какими-то блѣдно-голубыми цвѣтами. Поперечные овраги, пересѣкавшіе долины,

сверкали на солнцѣ свѣтложелтой глиной. Кое-гдѣ по сторонамъ этихъ обрывовъ цѣплялся колючій терновникъ или кустъ дикой, приземистой яблоньки, одѣтой бѣлыми цвѣтами, какъ праздничной ризой. Бѣлыя березы стояли по скатамъ холмовъ. Отъ дуновенія теплой весны онѣ раскачивали свои вѣтки, покрытыя молодыми листочками. Хаты, ютившіяся въ изгибахъ овраговъ, выдѣлялись своей бѣлизной среди зеленыхъ садовъ. Уже чуткая лиственница покрыла свою голову и плечи роскошною зеленью, какъ фатой изъ паутины. Въ болотистыхъ мѣстахъ стояли кривые, толстые стволы вербъ, пустившія молодые ростки. Ольхи были еще мертвы и печальны въ прозрачномъ воздухѣ, и черные кусты бросали тѣнь на зеленую мураву. Казалось, даже жалкія мазанки расцвѣли съ весной. Ихъ крыши, съ разноцвѣтной соломенной настилкой, прогнившей по краямъ и похожей на старый бархатъ, золотились на солнцѣ...

По одному изъ сандомирскихъ проселковъ тащилась бричка, поднимая за собой тучу сѣрой пыли. Бричка спускалась на дно глубокихъ и холодныхъ овраговъ, вскарабкивалась на верхушки горъ... Въ одномъ мѣстѣ Рафаилъ оглянулся назадъ и увидѣлъ вдали свой домъ, съ его окрестностями. Онъ всматривался въ родныя мѣста и среди безпорядочныхъ мыслей испыталъ докучливое сожалѣніе. Рафаилъ чувствовалъ, что не совладаетъ съ печалью, но, увидѣвъ на горизонтѣ синѣвшія аллеи въ Дерславицахъ, невольно вздохнулъ съ облегченіемъ. Туда было не по пути, и кучеръ уже хотѣхъ свернуть влѣво, но Рафаилъ сказалъ ему:

— Викентій... мы, кажется... на Дерславицы ѣдемъ?...

— Никакъ нѣтъ! На Базовъ...

— Ѣдемъ туда... черезъ Дерславицы.

— Да зачѣмъ же такой крюкъ?! Коли вельможный панъ узнаетъ...

— Не узнаетъ!

— Какъ же, онъ чего-нибудь не узнаетъ!.. Не миновать мнѣ тогда плетей.

— Викентій! Я дамъ на чай и, кромѣ того, рюмку водки; а узнать—никто не узнаетъ... Ѣдемъ туда!

— Ради святого Бога, зачѣмъ намъ, панычъ, на Дерславицы? Тутъ дорога, какъ стрѣла. Подстароста далъ приказаніе, какъ и что мнѣ дѣлать...

— На мой страхъ!

— Ну, ужъ растянутъ меня передъ крыльцомъ...

Кучеръ съ рѣшимостью свернулъ въ сторону и поѣхалъ по направленію къ Дерславицамъ.

Рафаилъ вспомнилъ знакомую дорогу. На перекресткѣ

стояла священная статуя. Сильный запахъ молодой зелени обвѣвалъ ее; простые придорожные цвѣты, желтые и сѣрые, окружали вѣнкомъ ея подножіе. Рафаилъ взглянулъ на нее глазами, полными слезъ. Вся прошлая и будущая жизнь, все, что было и что могло быть, показалось ему теперь нестоющимъ и одного мгновенья въ тотъ счастливый часъ. При одной мысли, что эта дорога, тысячи разъ видѣнная въ мечтахъ, уже не приведетъ его къ цѣли, Рафаилъ чувствовалъ, что въ сердцѣ его не любовь, а только желаніе смерти. Не увидитъ онъ никогда больше чудныхъ глазъ Елены; кто-нибудь другой уже наслаждается ея присутствіемъ... Рафаилъ переживалъ всѣ степени умиранія души до конца. Въ немъ проснулся демонъ-искуситель, вѣчный предатель и лицемѣръ,—ревность. Ничто не спасало уже отъ упадка духа.

Зашумѣли дерславицкія аллеи. Тихо шептали громадные вѣковые липы и тополи, съ на-половину высохшими стволами и едва у вершинъ покрытые молодыми листьями. По всему саду раздавался крикъ птицъ, занятыхъ своими гнѣздами. Голоса иволгъ, сорокъ, зябликовъ, подорожниковъ—слышались въ мокрой листвѣ. Дорога, спускавшаяся внизъ, привела вскорѣ къ кузницѣ. Рафаилъ велѣлъ остановиться и предложилъ кучеру осмотрѣть подковы у лошадей. Удивленный Викентій слѣзъ съ козелъ и сердито началъ поднимать ноги у клячъ. Оказалось, что дѣйствительно стертыя подковы едва держались. Рафаилъ настаивалъ, чтобы перековать лошадей. Когда кузнецъ принялся за дѣло, онъ соскочилъ съ брички. Тяжелыми шагами приблизился онъ къ рѣшеткѣ сада и остановился у калитки. Онъ увидѣлъ усадьбу, садъ, высокія липы...

Естественная бесѣдка подъ балдахиномъ старой сирени сверкала зеленью дерна на земляной скамейкѣ. Разросшіеся кусты жасмина и дикихъ розъ образовали живыя стѣны и закрывали ее. Увидѣвъ это мѣсто, Рафаилъ едва удержался отъ рыданій. Онъ стоялъ, смотрѣлъ, и каждый взглядъ заставлялъ терзаться его сердце! На заваленкахъ, подъ окнами, стояли цвѣты съ яркой окраской. Знакомое окно было раскрыто, и обѣ его половинки слегка колыхались отъ вѣтра. Бѣлыя стѣны дома таинственно молчали среди распустившихся вишень и яблонь. Вишневыя деревья, раздвоенныя почти у самой земли, стояли длиннымъ рядомъ, низко опустивъ вѣтви. Старая кора на нихъ лопалась, точно истлѣвшее платье. Тропинка, мокрая еще отъ росы, вилась среди кустовъ и уходила вдаль, въ тѣнь деревьевъ.

Продолговатые, нѣжные листья вишень и плотные листья сливъ блестѣли, какъ покрытые медомъ. Сильный запахъ

цвѣтовъ, пѣніе безчисленнаго множества птицъ, — все это растравляло его сердце. Скованный волшебными чарами, онъ не могъ сдвинуться съ мѣста. Въ послѣдній разъ вдыхалъ онъ запахъ этого сада и запечатлѣвалъ его въ памяти на всегда... Рафаилъ представлялъ себѣ, какъ онъ шелъ бы съ Еленой въ сторону бесѣдки. Головой она касалась бы его головы, кругомъ слышался весенній шумъ и гамъ; сыпался пухъ цвѣтовъ, бѣло-розовый снѣгъ цвѣтущихъ вишенъ и яблонь...

Рафаилъ ощущалъ въ своемъ сердцѣ все счастье былого и силой воображенія пытался перенести его цѣликомъ на это мѣсто и въ это мгновенье. Но все разсѣялось въ прахъ. Домъ былъ пустъ и нѣмъ. Оконныя рамы сонно раскачивались, а сѣрый полинявшій отъ дождей ставень скрипѣлъ имъ въ тактъ, тихонько скрежеталъ старческимъ, ехиднымъ смѣхомъ заржавѣвшихъ петель. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...—издѣвался этотъ дряхлый, холодный голосъ...

Пора было возвращаться къ бричкѣ.

Уже кузнецъ окончилъ ковку, и Викентій покашливаніемъ давалъ понять, что пора въ путь. Рафаилъ вручилъ мастеру деньги и въ это время бросилъ мелькомъ взглядъ на кузницу, на высѣченный у входа желобъ...

Наконецъ, бричка, дребезжа разсохшимися колесами, двинулась съ мѣста. Проселокъ, на который они свернули съ проѣзжей дороги, велъ въ лѣсъ. Путники ѣхали медленно то по полямъ, окруженныхъ лѣсомъ, то по лучшей дорогѣ, до самаго Сташева. Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, въ которомъ сильно нуждались лошади, тронулись дальше. Сумерки застали ихъ на границѣ какихъ-то луговъ, среди которыхъ сверкали озера. Нигдѣ не было видно ни деревни, ни хаты. Кое-гдѣ попадались лѣсныя рощи на лугахъ, которые уже покрывались цвѣтами. Надъ рѣкой чернѣли ряды ольхъ и густыхъ вязовъ. То песчаная, то болотистая дорога шла вдоль лѣса. Лошади еле тащились, все чаще и чаще спотыкаясь, и, наконецъ, совсѣмъ остановились. Не помогали ни кнутъ, ни кнутовище, ни дерганье возжами, ни ласки. Лошади, похожія на два ходячіе скелета, свѣсили свои старыя морды и погрузились въ полное спокойствіе, равнодушныя ко всему, даже къ самой смерти. Рафаилъ былъ тронутъ видомъ этихъ лошадей. Онъ слѣзъ съ брички, осмотрѣлъ лошадиныя морды и рѣшилъ, что въ этомъ мѣстѣ нужно заночевать. Кучеръ тотчасъ добылъ мѣшокъ съ тощимъ кормомъ, распрягъ лошадей и устроилъ ихъ у передка брички, а самъ съ удовольствіемъ принялся жевать ломоть сухого чернаго хлѣба и творогъ, окаменѣвшій отъ старости. Рафаилъ не чувствовалъ голода. Его взволнован-

ная душа заглушала чувствительность тѣла. Онъ бродилъ взадъ и впередъ подлѣ брички, обуреваемый страстью, которая терзала его сердце.

Надъ лугами вдали гасла заря. Потухающій пожаръ ея еще пылалъ нѣкоторое время въ водѣ, на стебляхъ травы, на листьяхъ бѣлыхъ тополей, осокорей и вязовъ. Когда она совсѣмъ потухла, Рафаилъ велѣлъ кучеру набрать сухихъ вѣтокъ и развести костеръ. Тотчасъ взлетѣлъ на воздухъ столбъ синяго дыма, и гибкіе языки пламени стали пожирать сухіе листья можжевельника.

Рафаилъ стоялъ въ небольшомъ кругѣ, освѣщенномъ пламенемъ, и смотрѣлъ на опущенную морду лошади, съ выпуклыми костями черепа и впавшими глазами. Суровая голова была какъ бы олицетвореніемъ страданія. Невольно взглядъ приковывался къ потухшимъ лошадинымъ глазамъ, отжившимъ и вмѣстѣ поразительно-умнымъ и краснорѣчивымъ. Въ этихъ печальныхъ глазахъ, отражавшихъ пламя костра, казалось, можно было читать слова страданія.

Рафаилъ отвернулся и ушелъ въ сторону. Разогрѣтый песокъ еще не остылъ. Ноги съ наслажденіемъ погружались въ него. Вдали сонно, уныло квакали лягушки: голоса ихъ терялись среди высокихъ деревьевъ...

Вблизи темнѣлъ хвойный лѣсъ, неподвижный, мертвый, объятый темнотой. Издалека, съ прибрежныхъ холмовъ, давно охваченныхъ ночью, доносился по временамъ оживленный лай собакъ, и опять все погружалось въ тишину. Едва-едва нарушало ее сухое потрескиваніе горѣвшихъ хвой и жужжанье невидимаго комара. Отъ далекихъ бѣлыхъ тополей, съ поверхности водъ, изъ кустовъ ивняка и ира доносилось дыханіе влажнаго вѣтерка, насыщеннаго живительнымъ запахомъ. Черезъ мгновенье онъ уже убѣгалъ отъ сухихъ песковъ, и опять возвращалась тишина незамѣтнымъ приливомъ.

Рафаилъ вытащилъ другой мѣшокъ съ сѣномъ, положилъ его вдоль брички и улегся навзничь. Онъ всматривался въ небо. Отъ звѣздъ спускались въ темноту серебристыя полосы свѣта. Бѣлыя полосы паровъ, зыбкія облака, не сплотившіеся еще зародыши тучъ, медленно и сонно плыли между звѣздами. Ихъ млечныя тѣла слабо освѣщались отблескомъ звѣздъ и, подвигаясь въ бездну, расплывались въ неуловимыя формы, становились небомъ.

Ночь была душная. Изрѣдка мелькали зарницы, эти предвѣстники ведра. Послѣ нихъ сохранялись въ глазахъ лишь впечатлѣнія синеватыхъ лѣсовъ, деревень, спавшихъ среди садовъ и зеленыхъ полей. Взглядъ и мысль погружались въ непроницаемую ночь, напрасно ища только что видѣнныхъ картинъ.

Кучеръ заснулъ мертвецки вблизи потухавшаго костра.

Когда Рафаилъ лежалъ такимъ образомъ неподвижно, радуясь, что ничего не чувствуетъ, что даже не знаетъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, въ ближайшемъ кустарникѣ орѣшника раздался звукъ... За нимъ другой и третій... Юноша приподнялся и сѣлъ. То были соловьиныя пѣсни: металлическіе звуки, легкіе, какъ будто ихъ вызывало прикосновеніе пера къ струнамъ цитры. Рафаилу послышались слова... Слова смутныя, слова—ласки, едва касавшіяся души его. Онъ услышалъ всю исторію своей любви въ дивныхъ пѣсняхъ, которыя неслись, какъ алмазныя стрѣлы въ свѣтлую лазурь неба...

Первому соловью отвѣтилъ другой, потомъ третій... Къ этому тріо присоединился четвертый голосъ, образуя съ первыми прелестный аккордъ. Далеко, въ прибрежной чащѣ запѣлъ еще соловей...

Какъ только начало свѣтать, Рафаилъ разбудилъ Викентія и тронулся въ путь. Отдохнувшія лошади пошли шибче. По сторонамъ виднѣлись деревни и фермы, сгорѣвшія два года назадъ до основанія. Сохранились еще обширныя черныя площади обожженной земли, не успѣвшія зарости травой. На нихъ лежали груды обгорѣвшихъ балокъ и обуглившихся стропилъ. Кругомъ виднѣлись отверстія оконъ въ усадьбахъ, выломанныя двери, ставни, криво висѣвшіе на послѣднемъ крюкѣ, потолки, опиравшіеся на полуразрушенныя стѣны, засыпанныя пепломъ. Кое-гдѣ возвышались на пепелищахъ избы, хлѣвы, амбары. Въ иныхъ мѣстахъ строилась новая усадьба, между обуглившимися липами, которыя, подобно чернымъ факеламъ, вырисовывались среди зеленыхъ полей. Большинство деревушекъ еще пустовало.

Къ полудню Рафаилъ миновалъ Хенцины. Старый, разрушенный замокъ, съ черными потрескавшимися башнями и изрытыми стѣнами, напоминалъ разбитый черепъ. Путники очутились въ гористой, лѣсной мѣстности и подвигались къ мѣсту назначенія. Рафаилъ никогда еще не бывалъ здѣсь. Передъ его глазами разстилался безмолвный, дикій, унылый край: холмистыя пространства съ красноватой почвой, поросшей сосною или можжевельникомъ, пески на возвышенностяхъ, трясины по берегамъ рѣкъ. Съ большой дороги они свернули въ сторону и ѣхали узкимъ лѣсистымъ проселкомъ до самаго вечера. Корни пихтъ, какъ змѣи, преграждали путь, а когда впереди разступались деревья, то глазамъ открывалась желтая лента песку съ двумя колеями, которыя уходили далеко-далеко въ лѣсъ. Вокругъ стояли стройныя пихты. Зеленый, блестящій весенній мохъ покрывалъ ихъ рыжевато-синюю кору. Солнце проникало вглубь лѣса, и лучи

его пробивались сквозь чащу вѣтвей и освѣщали свѣжіе ростки. Молодыя, мягкія, желто-зеленыя хвои были прозрачны, какъ капли воды. Тѣнь отъ деревьевъ на молодой травѣ, казалось, пугливо, съ трепетомъ переноситъ людскіе взгляды, бѣжитъ и скрывается, когда посмотришь на нее. Рафаилъ слѣдилъ за нею изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ.

Розовыя, весеннія шишки, казалось, таяли и распускались въ солнечномъ теплѣ. Пахучая смола вытекала изъ нихъ, и ароматъ ея распространялся по землѣ. Трава еще не разрослась въ лѣсу. Прошлогоднія хвои и сухіе листья покрывали землю мертвымъ слоемъ, но уже кое-гдѣ влажная дорога сверкала въ тѣни настоящимъ изумрудомъ зелени. Мѣстами почва была тверже. Тамъ, въ чащѣ елей бѣлѣли молодыя березки. Въ глубинѣ рѣдкаго лѣса видны были одинокія просѣки, гдѣ спокойно дремали мелкія, стоячія воды, на днѣ которыхъ желтѣли пласты утонувшихъ хвой. Вокругъ такихъ лужъ зеленѣла брусника, молодыя, ярко зеленыя елочки купались въ водѣ, а лютики со всѣхъ сторонъ окружали ихъ желтой рамой. Въ ближайшемъ болотѣ распускались кучи незабудокъ.

Клячи плелись медленно. Колеса брички перескакивали съ корня на корень или врѣзывались въ глубокій песокъ, гдѣ бричка еле двигалась, монотонно скрипя колесами, по спицамъ которыхъ струился сухой песокъ. Рафаилу пріятна была эта лѣсная глушь. Послѣ воздѣланныхъ сандомірскихъ полей, душѣ Рафаила были дороги эти забытые, нетронутые лѣса: они говорили о свободѣ и независимости. Что-то толкало его выскочить изъ брички, броситься на землю и остаться здѣсь на долгіе дни и ночи, касаться руками только деревьевъ, губами цвѣтовъ и слушать, какъ вѣтеръ сонно играетъ въ вѣтвяхъ сосенъ...

Близился уже закатъ солнца, когда путники выѣхали изъ лѣсу. Передъ ними открылась широкая поляна. На опушкѣ противоположнаго лѣса сверкало въ лучахъ заходящаго солнца какое-то огромное озеро и рѣка, которая вилась блестящей лентой въ берегахъ, поросшихъ кустарникомъ. По всему этому пространству раскинуты были песчаные холмы, кое-гдѣ прикрытые приземистой сосной и можжевельникомъ, и воздѣланныя поля. Съ возвышенности, гдѣ находилась бричка, вся обширная долина видна была, какъ на ладони. Далеко, надъ озеромъ, бѣлѣла въ чащѣ деревьевъ усадьба.

— Вотъ Выгнанка,—сказалъ Викентій, оборачиваясь на козлахъ.—Тамъ живетъ молодой панъ.

— Это Выгнанка,—повторилъ Рафаилъ.

Только теперь онъ вспомнилъ, что скоро ему предстоитъ встрѣтиться съ братомъ. Рафаилъ почти не зналъ его, такъ

какъ братъ, бывшій въ ссорѣ съ отцомъ, никогда не пріѣзжалъ въ Тарнины. Знали только, что онъ, тяжело раненный, былъ однажды при смерти, и затѣмъ поселился въ своей Выгнанкѣ. Эти вѣсти, Богъ знаетъ откуда, получала мать. Зналъ объ этомъ и отецъ, но никогда ни одного слова о Петрѣ не было громко произнесено въ Тарнинахъ. Рафаилу вдругъ пришло въ голову, что и братъ можетъ встрѣтить его дурно... Что тогда дѣлать? Онъ не находилъ отвѣта и терзался этимъ вопросомъ. Тогда останется... Краковъ, Варшава, Берлинъ...

Солнце закатилось за далекіе лѣса, и погасъ послѣдній его лучъ. Усталыя лошади тащились съ такимъ трудомъ, что кучеръ ежеминутно выражалъ опасеніе, не остановятся ли онѣ совсѣмъ. Какъ будто на зло, дорога была отвратительна. Непролазная грязь тянулась между двумя рядами камней, которые были собраны съ полей. Камни эти были покрыты кустами боярышника, который уже начиналъ цвѣсти. На песчаной почвѣ виднѣлись жалкіе ростки ржи и овса. Когда стало темно, въ далекой усадьбѣ загорѣлись огоньки въ трехъ окнахъ. Рафаилъ ощутилъ странное волненіе. Онъ смотрѣлъ въ эти окна, отражавшіяся въ блестящей водѣ озера,—и не могъ оторвать отъ нихъ глазъ. Это была первая минута, когда онъ не чувствовалъ страданія.

Къ ночи путники были у цѣли своей поѣздки. За плотиной дорожка, изрытая весенними ливнями, тянулась между ольховыми рощами, пересѣкая ручьи, которые текли изъ шлюзъ и мельничныхъ рѣшетокъ. Лошади сами находили бродъ въ темнотѣ. Вездѣ слышалось задорное журчанье воды. Во мракѣ носился туманъ. Очертанія деревьевъ, кустовъ и цѣлыхъ рощъ то выдѣлялись, то опять исчезали въ темнотѣ. Надъ поверхностью озера серебрился бѣловатый, рѣдкій туманъ. Сердцо Рафаила билось безпокойно. Онъ всматривался въ тьму ночи и все видѣлъ передъ собой свѣтившіяся сквозь чащу деревьевъ три окна. Миновавъ мельницу, бричка свернула въ гору и остановилась у закрытыхъ воротъ.

Вокругъ не было ни души. Викентій началъ звать, но никто не являлся, и онъ самъ открылъ ворота. Дворъ поднимался въ гору до самаго дома. У крыльца Рафаилъ нерѣшительно соскочилъ съ брички и вошелъ въ сѣни. Когда онъ поднялъ стукъ, разыскивая въ темнотѣ входъ, передъ нимъ раскрылась дверь, и человѣкъ высокаго роста, сильно заикаясь, спросилъ:

— Кто тамъ?

Рафаилъ не зналъ, что отвѣтить незнакомому лицу.

— Капитанъ Ольбромскій дома?—спросилъ онъ, наконецъ

— До... до... дома. А кто тамъ?

— Братъ.

Неизвѣстный человѣкъ посторонился, и Рафаилъ вошелъ въ комнату. Переступая порогъ, онъ увидѣлъ брата, выходившаго изъ сосѣдней комнаты. Капитанъ Ольбромскій былъ высокъ, худъ и немного сутуловатъ. Лицо его было очень красиво и чисто выбрито. Длинные волосы, зачесанные вверхъ, падали на воротникъ его бѣлаго кителя. Когда онъ узналъ Рафаила, улыбка радости, восхищенія, счастья озарила его лицо. И въ сердцѣ Рафаила что-то дрогнуло при видѣ человѣка, котораго онъ помнилъ съ дѣтскихъ лѣтъ, какъ будто сквозь сонъ. Капитанъ прижалъ его къ груди и, ни слова не говоря, долго цѣловалъ въ губы. Посадивъ, наконецъ, Рафаила за столъ, онъ долго еще молча всматривался въ него, рукой закрывая глаза отъ горѣвшей свѣчки.

— Ты одинъ пріѣхалъ? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Одинъ.

— Мама и отецъ живы?

— Живы.

— И здоровы?

— Здоровы.

— А сестренки: Зофка, Аннуся?

— Здоровы...

— Здоровы... Мама не пріѣдетъ сюда за тобой?

— Нѣтъ.

— Не пріѣдетъ... Но ты останешься у меня, правда? Не торопишься? останешься?

— Останусь.

Капитанъ положилъ свою ладонь на руку Рафаила и крѣпко пожалъ ее. Немного погодя, онъ обратился къ лакею, стоявшему у дверей:

— Михцикъ, займись лошадьми панича и подумай объ ужинѣ.

— Слу-лу-лушаю,—пробормоталъ заика, щелкнувъ зубами, какъ будто хотѣлъ укусить что-то въ воздухѣ, обернулся на одной пяткѣ и вышелъ.

Когда братья остались одни, Петръ нѣкоторое время смотрѣлъ вслѣдъ ушедшему лакею и потомъ обратился къ Рафаилу съ вопросомъ:

— Отецъ... не велѣлъ сказать мнѣ... то есть...

— Рѣшительно ничего! — быстро отвѣтилъ Рафаилъ и покраснѣлъ. Онъ ощутилъ въ себѣ еще никогда не испытанное возмущеніе. Первый разъ въ жизни стоялъ онъ предъ лицомъ равнаго себѣ по несчастью человѣка, но возвышеннаго, благороднаго.

Петръ повторилъ, какъ эхо:

— Ничего рѣшительно!..

Въ этихъ словахъ прозвучало столько страданія, что Рафаилъ почувствовалъ необходимость смягчить свой отвѣтъ.

— Когда я уѣзжалъ, — началъ онъ объяснять,—я даже не видѣлъ отца: онъ былъ какъ разъ... въ полѣ.

— Въ полѣ былъ,—улыбнулся Петръ.

— Ну да, вышелъ...

— И не простился съ тобой?

— Нѣтъ, даже... долженъ я сказать...

— Говори со мной откровенно. Я не стану строго судить тебя,—улыбнулся Петръ.—Должно быть, ты выкинулъ какую нибудь штуку?

Рафаилъ улыбнулся, показавъ всѣ зубы.

— Дѣйствительно...

— Говори смѣло!

— Отецъ приказазъ мнѣ убираться изъ дому; далъ только слѣпого коня и кобылу Марголю, чтобы вывезти меня, какъ мертвое тѣло на кладбище.

— Ого! За что же это?

— За то, что я загналъ верховую кобылу.

— Загналъ лошадь... И только?

— Ну да...

— Что жъ это за дорогая кобыла?

— Бася, которая осталась жеребенкомъ послѣ Попелятки.

— Я не зналъ ея... Давно уже не былъ дома... Не огорчайся, Рафаилъ: я тоже выѣхалъ или, вѣрнѣе, ушелъ изъ дому, не простившись; меня чуть не травили собаками. Давнія это дѣла... Я думалъ, что отецъ присылаетъ съ тобой...

Капитанъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Рафаилъ слѣдилъ за нимъ глазами и съ величайшимъ любопытствомъ наблюдалъ за его фигурой, манерой говорить, за каждымъ движеніемъ, жестомъ, гримасой. Онъ не могъ побороть въ себѣ недоумѣніе, которое овладѣвало имъ при видѣ брата... Онъ не могъ помириться съ тѣмъ, что его братъ, который ушелъ изъ родительскаго дома и сталъ символомъ чего-то большого и страшнаго, о чемъ нужно молчать, — живетъ въ этомъ жалкомъ, старомъ домишкѣ. „Такъ вотъ онъ—Петръ?"—думалъ юноша, украдкой посматривая на него.

Петръ остановился передъ Рафаиломъ и заговорилъ:

— Видишь-ли, братецъ... ты еще молодъ и, можетъ быть, не долженъ знать всего, что я тебѣ открою. Но... кто знаетъ, что будетъ завтра?.. Я хочу откровенно разсказать тебѣ, почему я такъ давно не былъ у васъ, чтобы ты не судилъ дурно о моихъ чувствахъ къ семьѣ.

— И не думаю объ этомъ!

— Моя исторія такова... Отецъ отдалъ меня въ военную школу въ Варшавѣ. Я долго не былъ дома, потому что на лѣто меня обыкновенно бралъ къ себѣ одинъ товарищъ по школѣ. Первый разъ пріѣхалъ я въ Тарнины, когда былъ уже эфрейторомъ. Голова была полна разныхъ идей... Не знаю, поймешь-ли ты меня...

Рафаилъ принялъ солидный видъ, хотя не особенно былъ увѣренъ въ себѣ.

— Уже въ школѣ, видишь-ли, началось извѣстное броженіе умовъ. Мы много читали... „Замѣтки о жизни Яна Замойскаго“, „Біографія Ходкевича“ — были для насъ какъ бы свѣтомъ факела въ темную ночь. Я тебѣ дамъ эти книжки... На крѣпостной гнетъ крестьянъ, на положеніе общественныхъ дѣлъ мы смотрѣли съ ненавистью въ сердцѣ. Всякій изъ насъ уповалъ на свою шпагу и принесъ на ней присягу. Мы были убѣждены, что вся Рѣчь Посполитая въ нашихъ рукахъ, и что мы ее двинемъ впередъ. Когда я вернулся домой и началъ разговаривать съ отцомъ, мною овладѣло отчаяніе. Отецъ былъ на сторонѣ и въ рядахъ тѣхъ, кого я ненавидѣлъ. Онъ заставлялъ меня думать и поступать такъ же, какъ онъ самъ и его единомышленники *). Настаивалъ, чтобы я отрекся отъ самого себя. Въ одной бесѣдѣ онъ оскорбилъ меня, въ другой разъ пригрозилъ.. розгами.

— Знаю, знаю...—простоналъ Рафаилъ.

— Ты слышалъ объ этомъ дома?

— Слышалъ.

— Тебѣ мама говорила?

— Мама, Аннуся...

Петръ быстро и тяжело дышалъ... Щеки его горѣли. Онъ торопливо ходилъ по комнатѣ и медленно бросалъ слова шопотомъ:

— Растопталъ мою офицерскую честь. Это еще ничего! Но всю душу растопталъ... Въ страшномъ гнѣвѣ, въ дикомъ бѣшенствѣ... когда собрали мужиковъ... я крикнулъ, что я—офицеръ, не дамся... и выхватилъ шпагу изъ ноженъ!.. Боже мой!..

Петръ сѣлъ, еле дыша. Сидѣлъ онъ такимъ образомъ долго и затѣмъ продолжалъ:

— Ночью я ушелъ. Сколько лѣтъ уже прошло!.. Когда

---

*) Въ борьбѣ между «гетманской» (аристократической) и «патріотической» партіей. Первая враждебно относилась ко всѣмъ соціальнымъ реформамъ и стояла за миръ съ Россіей, а вторая желала реформъ и прежде всего освобожденія крестьянъ и политической независимости.

Прим. перев.

мы изъ окрестностей Брацлава, подъ Гроховскимъ, пробирались къ Поланцу *)... издали я видѣлъ наши мѣста... А потомъ... ни слова!

— Отецъ ничего не зналъ о тебѣ, и мы тоже.

— Что жъ вы могли знать? То же, что и о каждомъ другомъ. На Щекоцинскомъ полѣ... меня искололи штыками пруссаки... Я истекалъ кровью... Лежалъ среди труповъ. Вотъ этотъ солдатъ, котораго ты здѣсь видѣлъ, вернулся за мною ночью, нашелъ меня полуживого и вынесъ на рукахъ... Я отлеживался по помѣщичьимъ дворамъ, подъ Краковомъ, а когда, наконецъ, всталъ и поправился... наше дѣло, собственно говоря... уже погибло **)...

Петръ щелкнулъ пальцами и быстро проговорилъ:

— Охъ, не могу... разсказывать!

Немного погодя, однако, онъ опять началъ:

— Я явился сюда вотъ съ этимъ солдатомъ: здѣсь его родина. Я взялъ въ аренду эту деревушку и сижу въ ней. Земли здѣсь мало, и намъ приходится выкорчевывать можжевельникъ. Грызетъ меня тоска... А изъ дому... ни слова!

Рафаилъ, побуждаемый какимъ-то особеннымъ чувствомъ, началъ говорить о домѣ, распространяться обо всемъ, что случилось и сохранилось въ памяти. Петръ опять остановился передъ нимъ и своими горящими глазами разжигалъ его словоохотливость. Петръ, какъ дитя, разспрашивалъ о деревьяхъ передъ домомъ и въ саду, особенно объ одномъ старомъ вязѣ въ нижней части сада, о лошадяхъ и собакахъ, о домашнихъ принадлежностяхъ, о поляхъ, дорогахъ, о паробкахъ и мужикахъ. Его глаза смѣялись теперь такъ же, какъ глаза Рафаила. Они стали совершенно похожи другъ на друга, казались однимъ человѣкомъ въ двухъ лицахъ. Иногда, среди разсказа о какихъ-нибудь домашнихъ дѣлахъ, они прерывали другъ друга восклицаніемъ, легкимъ смѣхомъ и быстро перелетали къ другому предмету. Петръ разспрашивалъ о старыхъ теткахъ, о приживальщикахъ изъ родни, и разспросы о каждомъ сопровождалъ какимъ-нибудь характернымъ для нихъ жестомъ или ужимкой. Иногда среди живого смѣха, лица обоихъ братьевъ вдругъ застывали, какъ будто леденѣли, когда проносилось какое-нибудь горестное, безъ словъ извѣстное воспоминаніе, не смотря ни на что, не умиравшее въ памяти.

---

*) Приблизительный маршрутъ кн. Іосифа Понятовскаго, главнаго вождя востанія 1792 г. въ защиту конституціи 3 мая—противъ Россіи и Тарговицкой конфедераціи («гетманской» партіи). Прим. перев.

**) Окончательное усмиреніе возстанія 1794 г. послѣ Мацѣіовицкаго сраженія, гдѣ разбитъ на голову Костюшко.

Прим. перев.

Михцикъ уже накрылъ столъ скатертью и поставилъ тарелки, а братья ничего не замѣтили. Скудный ужинъ они уничтожили очень скоро и совсѣмъ незамѣтно. Михцикъ приготовилъ постель Рафаилу на кушеткѣ, обтянутой зеленой кожей, и сталъ у дверей.

— Иди спать, старикъ, — сказалъ ему Петръ, не прерывая разговора.

Солдатъ опять, заикаясь, отчеканилъ свое: „Слушаю" и вышелъ.

Свѣчи догорѣли въ жестяныхъ подсвѣчникахъ. Петръ нашелъ новыя и зажегъ ихъ. Какъ это ни странно, онъ главнымъ образомъ разспрашивалъ Рафаила объ отцѣ; задавалъ множество вопросовъ о его здоровьи, хотѣлъ знать о немъ всѣ подробности.

Рафаилъ, увлекшись разсказомъ, перешелъ границы, которыя всегда соблюдалъ. Первый разъ въ жизни онъ былъ такъ откровененъ. Онъ самъ не зналъ, какъ ему пришло въ голову сказать Петру всю правду о ночномъ приключеніи, о борьбѣ съ волкомъ и признаться въ любви къ Еленѣ.

Петръ все выслушивалъ съ широко открытыми глазами. По нѣскольку разъ просилъ онъ повторять нѣкоторыя подробности. Разговоръ перескакивалъ съ одного предмета на другой. Братья не замѣтили, какъ поблѣднѣлъ свѣтъ свѣчъ, очертанія предметовъ стали яснѣе, черезъ открытыя окна врывалась освѣжающая прохлада. Вѣтки съ едва распустившимися листьями, сѣдыя отъ утренней росы, неподвижно покоились за окномъ. Изрѣдка только какая-нибудь молодая вѣточка вздрагивала, точно отъ пронизывающаго холода, и вдругъ дождевыя капли сыпались съ нея, шелестя въ листвѣ, какъ бы сквозь сонъ... Отъ времени до времени прохладный и влажный вѣтерокъ проскальзывалъ между вѣтвями жасмина и ютился въ мокрыхъ листьяхъ, чтобы подъ ихъ покровомъ отдохнуть бодрящей утренней дремотой. Изъ туманной дали доносился нѣжный, мягкій голосъ водяной курочки.

Свѣтало.

Въ окна виднѣлась спокойная синева, а на ея фонѣ темными полосами стали выступать далекіе холмы и лѣсныя чащи. Высоко, на безоблачномъ небѣ сіяла умирающимъ блескомъ утренняя звѣзда. Изъ-за горизонта выступала заря и уже окрашивала край земли.

— Ты даже не видѣлъ, Рафаилъ,—сказалъ Петръ,—какія у меня здѣсь мѣста. Пойдемъ, посмотримъ. Уже свѣтаетъ.

Они оба остановились у открытаго окна.

Внизу, за заборомъ сада виднѣлось сквозь вѣтви сонное озеро. Надъ его блѣдно-голубыми водами дымился туманъ. Родной и небу, и землѣ, онъ покидалъ воду ради неба, отдѣ-

лялся отъ нея съ печалью, какъ душа разстается съ тѣломъ. Но прежде, чѣмъ удалиться, туманъ стоялъ надъ водой, какъ будто погруженный въ глубокое раздумье. Восхищеннымъ братьямъ казалось, что эта минута продолжается цѣлую вѣчность. Но свѣтъ надвигался издалека на всякую тѣнь, и по его всесильному мановенію вода одиноко оставалась внизу, а туманъ уходилъ изъ ея объятій. Онъ подбиралъ свои чудныя, длинныя одежды, распростиралъ прозрачныя крылья и, тая и извиваясь въ воздухѣ, исчезалъ въ небесахъ. Въ глубинѣ ольховыхъ рощъ, куда свѣтъ еще не проникъ, сизыя облачка тумана еще не очнулись отъ вчерашняго крѣпкаго сна. Деревья среди нихъ принимали оригинальный видъ: листья казались свѣтло-синими, а стволы точно выростали изъ снѣжнаго облака. Далекія песчаныя мели у низкаго берега порозовѣли, какъ щеки только что проснувшагося ребенка. За озеромъ, на плоскогоріи, неподвижнымъ щитомъ лежало изумрудное поле яровой ржи.

Петръ обнялъ Рафаила лѣвой рукой. Рафаилъ тоже нерѣшительно обнялъ брата. Оба молчали. Неподвижно простояли они все время разсвѣта, глядя въ чудныя воды, въ волшебную синеву небесъ, которыя постепенно загорались и отражались въ подвижной поверхности воды. Было такъ тихо, что они слышали, какъ у каждаго изъ нихъ бьется сердце...

Одинокій.

Прошла весна.

Рафаилъ провелъ ее въ Выгнанкѣ. Петръ предоставилъ ему полную свободу. Выгнанка лежала вдалекѣ отъ большихъ дорогъ, въ совершенной глуши. Годной для хлѣба земли тамъ было немного, и только капитанъ, взявъ въ аренду деревушку, началъ обрабатывать и засѣвать пустыри. Тутъ же, за озеромъ, раскинулась большая площадь безплоднаго пастбища. Здѣсь земля, поросшая можжевельникомъ, верескомъ и березнякомъ, когда-то воздѣлывалась, такъ какъ на ней замѣтны были ясные слѣды бороздъ и загоновъ. Когда Рафаилъ первый разъ отправился туда, онъ встрѣтилъ тамъ хромого еврея, который кайлой вырывалъ изъ земли можжевеловые кусты. Рафаилъ завелъ разговоръ со старикомъ и узналъ много любопытнаго. Еврей назывался Урія („но это только на бумагѣ“), на самомъ дѣлѣ его звали Ури. По ремеслу онъ былъ сапожникъ, но исполнялъ также и другія работы. Ури всей своей фигурой напоминалъ какое-то дерево съ кривыми вѣтвями. Суковатыя руки его были покрыты большими веснушками, точно застывшимъ сокомъ ежевики.

Борода и „пейсы“ такъ выцвѣли на солнцѣ и подъ дождемъ, что больше походили на древесный мохъ, чѣмъ на волосы. Рваная одежда совсѣмъ напоминала кору.

— Когда капитанъ сталъ корчевать пустыри,—разсказывалъ еврей,—онъ нанялъ меня для этой работы. Раньше, года два назадъ, капитанъ иногда приходилъ на новину и собственноручно вырывалъ можжевельникъ. Но у капитана и тогда не хватало силъ: вѣдь у можжевельника корень длинный, какъ у человѣческаго горя. Не хватало силы! Можетъ быть, прежде онъ и былъ силенъ, навѣрно—да, но теперь совсѣмъ слабъ. Развѣ можно быть сильнымъ послѣ такой тяжелой болѣзни? Теперь онъ уже никогда не приходитъ въ поле. А, бывало, приходилъ и любилъ присѣсть на камень и смотрѣть, какъ Ури работаетъ. Но онъ не затѣмъ приходилъ, чтобы слѣдить за моей работой... Это не такой человѣкъ, чтобы слѣдить за другими... За Ури наблюдать не нужно. Онъ садился на камень, подпиралъ голову руками и смотрѣлъ. Смотрѣлъ и молчалъ. Но такое молчаніе стоитъ самаго мудраго разговора, если человѣкъ такъ смотритъ на человѣка. Извините, паничъ, почему такой христіанинъ не родился еврейскимъ раввиномъ? Много попадается мудрыхъ раввиновъ между евреями, но самый мудрый раввинъ изъ раввиновъ не такъ мудръ, какъ капитанъ. Онъ все знаетъ своимъ умомъ. Каждое его слово можно продать за наличныя, какъ самый лучшій товаръ. Нѣсколько разъ онъ заговаривалъ со мной не о корчевкѣ, не о заработкѣ, не о пищѣ и питьѣ, не о здѣшней, а... о *той* жизни!.. Я не помню, не могу повторить, что онъ говорилъ, но съ той минуты, — какъ я становлюсь на молитву,—я хорошо знаю, что капитанъ говорилъ правду. Капитанъ говорилъ не такъ, какъ обыкновенно говоритъ порядочный „гой“ съ евреемъ, онъ не говорилъ даже, какъ еврей съ евреемъ. Разъ онъ пришелъ, долго молчалъ и, наконецъ, спросилъ меня. Что будетъ, когда человѣкъ умретъ? Вѣрю-ли я въ Іегову? Пусть Ури отвѣтитъ ему... Ури очень испугался, Ури дрожалъ, но сказалъ правду. А потомъ капитанъ сказалъ такое великое слово бѣдному еврейчику изъ Выгнанки, что я совсѣмъ понялъ его мудрость... Вотъ эту озимую рожь капитанъ самъ сѣялъ, а ту, яровую, сѣялъ Михцикъ. Гдѣ это видано, чтобы такой шляхтичъ сѣялъ или корчевалъ? Онъ опоясывался фартукомъ и самъ сѣялъ. Ури очень пріятно, что онъ корчевалъ эту новину, а капитанъ ее засѣвалъ... Прекрасный овесъ густо росъ на нови, какъ дикое зелье...

Рафаилъ не былъ такъ ласковъ съ Ури, какъ Петръ. Онъ ушелъ отъ него со смѣхомъ, и только иногда изъ глубины березовой рощи присматривался къ его тяжелой работѣ.

Въ этой рощѣ, среди дѣвственныхъ кустовъ ивы, надъ озеромъ, Рафаилъ проводилъ дни, а иногда и вечера, погруженный въ мечты. Случалось, что онъ полдня пролеживалъ на спинѣ въ рощѣ, глядя на облака, скользившія по небесной лазури. Только прозаическій голодъ нарушалъ его мечты и гналъ домой. Часто, охваченный своими мыслями, онъ не слышалъ громкаго голоса Михцика, приглашавшаго его къ обѣду. Иногда же онъ приходилъ не во время, думая, что явился какъ слѣдуетъ.

Единственною дѣйствительностью для него была жизнь его сердца. И потому величайшую радость доставляло ему каждое мгновеніе одиночества. Виды озера, рѣчныхъ извилинъ, луговъ, рощъ и дикихъ овраговъ представляли для него невыразимую прелесть. Ихъ одинокая жизнь безъ людей очаровывала своею грустью... Видъ черныхъ ольхъ надъ голубой, бѣгущей, измѣнчивой водой наполнялъ его душу какой-то жгучей печалью. А молодыя, далекія березки... Глядя тоскующими глазами на ихъ верхушки, отливавшія серебромъ на солнцѣ, на трепетавшіе листочки, на бѣлые стволы, которые, какъ тѣло, стыдливо прячутся за прозрачными одеждами, онъ слышалъ въ глубинѣ своей души таинственныя клятвы любовной нѣжности. Онъ не могъ бы объяснить, почему при видѣ темныхъ ивъ, стоявшихъ унылыми рядами по берегу быстрой рѣки, изъ устъ его вылетали жалобы.

Не разъ, когда Рафаилъ лежалъ на землѣ среди невозмутимой тишины и въ немъ пробуждались и росли мечты о счастьи, вдругъ раздавался трескъ пролетавшаго бекаса, который, какъ злая насмѣшка, разбивалъ мечту; личность Елены исчезла изъ его воображенія; даже воспоминаніе о ней ослабѣвало; въ сердцѣ оставалась лишь пустота...

Капитанъ проводилъ дни тоже въ полномъ одиночествѣ. Утромъ Михцикъ выносилъ ему большое кресло подъ липы, откуда видна была вся окрестность, и ставилъ на коврикѣ. Капитанъ просиживалъ тамъ цѣлые дни, сонными глазами глядя въ пространство. Его блѣдное лицо, обрамленное длинными волосами, временами отдыхало на подпиравшей его ладони, но чаще его голова опиралась на спинку кресла, и глаза были обращены къ небу. Въ листвѣ вѣковыхъ липъ жужжали пчелы. Одуряюще пахло липовымъ цвѣтомъ. Съ клумбъ цвѣтника, гдѣ рядами росли бальзамины, гвоздика, анютины глазки, доносился запахъ резеды. За озеромъ виднѣлись луга, еще покрытые травой, которую только что начинали косить. Съ мельницы, не работавшей въ это время года, доносился плескъ воды, вырывавшейся изъ шлюзовъ и вѣчно что-то шептавшей въ тиши.

Хозяйство велъ Михцикъ. Подъ его надзоромъ выходили люди на барщину, онъ наблюдалъ за паробками и дѣвушками, работницами на фермѣ, смотрѣлъ за лошадьми и скотомъ, за гумномъ и амбаромъ, за кладовыми и кухней. Онъ-же готовилъ и обѣдъ.

Деревня изъ одиннадцати хатъ, ютившаяся на холмѣ, производила жалкое впечатлѣніе своими прогнившими крышами и покосившимися стѣнами.

Однажды, въ концѣ іюня, послѣ обѣда, Рафаилъ сидѣлъ въ тѣни рядомъ съ братомъ и приготовился уже направиться въ путь: ружье стояло возлѣ него, ягташъ былъ подъ рукой; онъ ждалъ только, чтобы немного спалъ полуденный жаръ. Вдругъ дремавшія собаки подняли головы и начали лаять. Съ дороги послышался шумъ колесъ, и скоро, въ облакѣ пыли, остановился передъ воротами чей-то экипажъ. Во дворъ въѣхала пара гнѣдыхъ, въ блестящей упряжи съ гербами, запряженныхъ въ богато украшенную пролетку. Изъ нея выскочилъ стройный юноша, бросилъ на руки лакею полотняную накидку и съ изящнымъ поклономъ направился къ сидѣвшимъ подъ деревомъ братьямъ.

— Князь Гинтултъ,—шепнулъ Рафаилу Петръ.

Рафаилъ съ восхищеніемъ всматривался въ незнакомца. Онъ забылъ поклониться и не могъ произнести ни слова, не могъ оторвать глазъ отъ костюма гостя, изъ чернаго сукна, и его лакированной обуви. Князь Гинтултъ съ улыбкой подошелъ къ капитану и отъ души пожалъ ему руку. Петръ всталъ, но гость сейчасъ же усадилъ его на прежнее мѣсто и сѣлъ самъ на краешкѣ принесеннаго ему стула. Когда онъ снялъ шляпу, Рафаилу представилась возможность восхищаться его прелестными, свѣтлыми волосами, которые падали локонами на плечи, и запахомъ духовъ красиваго господина.

— Я вторично являюсь узнать о твоемъ здоровьи, капитанъ,—заговорилъ князь,—хотя могъ бы обидѣться за то нерасположеніе, которое ты чувствуешь ко мнѣ или, вѣрнѣе, проявляешь. Ты до сихъ поръ не отдалъ мнѣ визита въ Груднѣ,—говорилъ князь.

— Я не могъ быть въ Груднѣ. Я чувствую себя все хуже,—оправдывался капитанъ.

— Въ самомъ дѣлѣ твое здоровье такъ плохо?

— Плохо. Сильный упадокъ силъ.

— Это нехорошо! А каковы же симптомы твоей болѣзни? Потому что на видъ...

— Самые очевидные симптомы—приливы крови къ легкимъ и къ горлу, частыя кровотеченія. Фельдшеръ изъ Влощовой нѣсколько разъ пускалъ мнѣ кровь, но это не

помогаетъ. Послѣ каждаго кровопусканія я чувствую еще большій упадокъ силъ.

— Почему же ты не пригласишь моего доктора изъ Кѣльцъ, о чемъ я просилъ тебя?

— Развѣ докторъ можетъ вернуть силы?.. Quand la poire est mûre, elle tombe... Ну, а у тебя что́ новаго?

— Ничего новаго. Скучаю... Охочусь, иногда немного шалю, но больше всего скучаю... Часто думаю о тебѣ, старый товарищъ.

— Благодарю.

— Все прошло, какъ сонъ! Потонуло въ области смерти. Нѣтъ ничего... Помнишь наши кадетскія времена? Уроки фехтованья у Мартэна Дешанъ? А Шилье съ обязательнымъ французскимъ языкомъ? А почтенный Крейсъ со своимъ нѣмецкимъ языкомъ? А старый танцмейстеръ Давиньи?

— Давиньи,—повторилъ капитанъ, какъ эхо. Печальная улыбка легла на его губахъ.

— Славная была наша молодость... Послушай! Не хочешь ли взять у меня другую деревушку? Я отдамъ тебѣ, какую захочешь, на выгодныхъ условіяхъ, гдѣ-нибудь въ болѣе веселомъ мѣстѣ, ближе къ Груднѣ и свѣту! Я хотѣлъ бы чаще бывать съ тобой, Петръ. Въ этихъ лѣсахъ и пескахъ пусто, какъ-то угрюмо и дико.

— Возможно, но, если позволишь, князь, я не хотѣлъ бы отсюда двигаться. Къ тому же аренду я плачу въ твою кассу аккуратно,—прибавилъ онъ съ улыбкой,—и ты не въ правѣ выдворять меня. Я заботливо воздѣлываю пустыри, чищу озеро, развожу въ немъ рыбу, осушаю луга, рвы...

— Совсѣмъ, какъ тотъ... Цинциннатъ.

Грубая иронія скользнула по лицу князя, когда онъ произносилъ эти слова.

— Цинциннатъ,—сухо и такъ-же рѣзко отвѣтилъ Петръ,— не завелъ-бы осѣдлости теперь...

Князь вытеръ лобъ надушеннымъ платкомъ. Пряча его въ карманъ, онъ наклонился и многозначительно сказалъ:

— Я вполнѣ убѣжденъ, что причина твоей болѣзни—не приливы крови, а... мысли. А этому, конечно, ни фельдшеръ, ни самый знаменитый врачъ ничѣмъ не помогутъ.

Петръ поднялъ на него усталые глаза и нехотя произнесъ:

— Нѣтъ. Сердце уже успокоилось. Мысли остановились.

— А если такъ, то зачѣмъ же сидѣть здѣсь въ глуши? Зачѣмъ тебѣ избѣгать жизни, пока ты молодъ? Я читаю въ твоихъ глазахъ, какъ въ книгѣ. Въ тебѣ копошатся все тѣ-же шальныя идеи, какъ и тогда, когда ты лишалъ меня сна на урокахъ Ленскаго, Губе, Штейнера, а потомъ—въ

офицерской палаткѣ по ночамъ. Я помню твои ужасныя рѣчи...

— Я не зналъ, что онѣ были такъ страшны, — сказалъ Петръ и засмѣялся рѣзкимъ смѣхомъ.

Въ глазахъ князя отразилось горделивое пренебреженіе. Онъ медленно и вѣжливо проговорилъ:

— Теперь твои слова не могли бы уже выводить въ моемъ сердцѣ прежнихъ іероглифовъ.

— Потому что нѣтъ объекта разговора. О чемъ говорить? Лучшее, что можетъ дѣлать каждый изъ насъ,—это молчать. Это участь такихъ, какъ мы...

— Ну, позволь еще смѣяться... Это не противно человѣческой природѣ... Когда я оглядываюсь назадъ, то, знаешь ли, о чемъ больше всего сожалѣю? О томъ, что такъ долго удерживался отъ смѣха и упорно былъ резонеромъ!

— Вѣрно говоритъ наша простонародная поговорка: „панъ, какъ панъ,—все можетъ".

— Ну... конечно. Вѣдь я помню, когда насъ, кадетовъ, въ виду недостатка въ кавалерахъ для танцевъ, приглашали въ королевскій дворецъ, ты всегда отговаривалъ меня, и самъ... ни за что! хотя мы оба прекрасно танцовали. Скажи, почему мы тогда не веселились? Почему не знакомились съ дворомъ, свѣтомъ, съ красивыми женщинами?

Разговоръ оборвался. Князь обмахивался шляпой. Его глаза съ упорнымъ вниманіемъ остановились на лицѣ Петра, который сидѣлъ, глядя въ землю съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто только что разговаривалъ о погодѣ или жужжаніи пчелъ. Послѣ продолжительнаго молчанія князь сказалъ рѣшительно и сухо.

— Ударъ неотразимъ. Впрочемъ, что̀ дѣлать! Земля подъ ногами, небо надъ головой,—вотъ все, что еще осталось. Солнце и намъ свѣтитъ. Мы должны поднять глаза—и жить. Ты говоришь, что, по зрѣломъ размышленіи, отъ всего отрекся, а мнѣ кажется, что ты все еще мыслишь вкривь и вкось.

— Вѣдь это никому не вредитъ.

— Тебѣ вредитъ! Убиваетъ въ тебѣ дѣятельное чувство.

— Благодарю за соболѣзнованіе... Но, — ты самъ говоришь,—что дѣлать!.. Qui ne sait pas nager, va au fond. Я принадлежу, князь, къ очень плохимъ пловцамъ. Однимъ пловцомъ стало меньше—вотъ и все! Пусть другіе поднимаютъ головы—и живутъ.

— Я не хотѣлъ бы вмѣшиваться въ твою жизнь... Но... въ школѣ мы сидѣли на одной скамьѣ, на полѣ сраженія стояли рядомъ... ты хорошо знаешь, какъ я любилъ тебя...

— Князь...

— Я знаю, что говорю! Никто болѣе тебя не былъ склоненъ рисковать жизнью. Однако... Когда я вижу тебя теперь здѣсь, заброшеннаго, мнѣ кажется, что я совершаю преступленіе. Почему ты сталъ такой печальный? Что мы могли еще сдѣлать? Мы стояли лицомъ къ лицу съ врагами, грудь къ груди противъ штыковъ на плотинѣ въ имѣньи Хебедзя... Ты исполнялъ свое дѣло не хуже, чѣмъ Жолкевскій въ свое время.

— Молчи, князь!—прервалъ Петръ грубо и дерзко.—Жолкевскій не ушелъ живой съ поля чести. Ты не знаешь этого, что-ли? Онъ сложилъ свою голову и будто посадилъ ее на копье на вѣчный страхъ поколѣніямъ. Онъ не измѣнилъ подъ мечомъ своему Богу.

— Тамъ и было за что сложить голову. Но ты вспомни только, что досталось на нашу долю! Была-ли то Рѣчь Посполитая временъ Жолкевскаго?—эти стада человѣческаго „быдла“, съ саблями на боку, которыми на сеймикахъ они рубили каждую болѣе умную голову?.. Какъ вспомню я эти банды наемниковъ, эти рожи, рычавшія по приказу, эти пустые, ничтожные, бритые лбы, которые пользовались властью издавать,—о Боже!—законы.. признаюсь...

На лицѣ Петра появилась холодная улыбка. Князь продолжалъ:

— Помню я до настоящей минуты сеймики. Сеймики!—повторилъ онъ саркастическимъ голосомъ.—Мой отецъ... былъ кандидатомъ. Я тогда только что кончилъ школу и смотрѣлъ на эти вещи съ благоговѣніемъ, какъ на священныя. Я сопровождалъ отца. Помню, мы проѣзжали мимо луга подъ городомъ, гдѣ расположился лагерь „пановъ братьевъ“... Никогда не забуду я ихъ палатокъ изъ грязныхъ полотнищъ, шалашей изъ вѣтокъ, жердей и дерна, пылавшихъ костровъ, возлѣ которыхъ рѣзали воловъ нашего противника по кандидатурѣ и жарили куски мяса на вертелахъ. Бочки пива и меда, бутыли водки—ха, ха!—стояли повсюду, и вокругъ нихъ шагалась съ горшками, со стаканами, съ кувшинами и съ черепками въ рукахъ настоящая татарская орда, считавшаяся партіей нашего конкуррента. Тощія клячи бродили по сторонамъ, окончательно дополняя иллюзію, будто находишься въ Кипчакской ордѣ. Панове-братья въ кафтанахъ, въ епанчахъ, въ буркахъ, въ сапогахъ, вымазанныхъ дегтемъ, а то и безъ сапогъ, увидавъ насъ, принялись рычать во всю глотку и вытаскивать изъ ноженъ сабли... и въ тотъ же день пустились грабить еврейскія лавки, выбивать стекла, срывать ставни...

— Зачѣмъ только, князь, ты вспоминаешь все это?—спросилъ Петръ.

— Затѣмъ, чортъ возьми, чтобы ты не плакалъ надъ лишеніемъ правъ этого быдла, твоей земли обѣтованной. Эти права необходимо было отнять *).

— Вѣдь та земля обѣтованная была ваша, магнатская. Ты самъ говоришь.

— Мой отецъ подкупалъ деньгами, кормилъ, поилъ свою банду,—это правда; но съ какою цѣлью? Чтобы бороться въ сеймѣ за наслѣдственность престола. Поистинѣ, онъ продѣлывалъ это во вредъ собственнымъ интересамъ. Потому что кто же,—если не панъ,—могъ чувствовать себя прекрасно на пути, который при желаніи могъ привести его на престолъ.

— Обо всемъ этомъ я думалъ и пришелъ къ выводу...

— Вотъ противъ того-то, къ чему ты пришелъ, я и возстаю.

— Ничто ужъ не измѣнится изъ того, что я замкнулъ въ себѣ.

— Живя въ одиночествѣ, среди снѣговъ и льдовъ, раздумывалъ и я не мало. Я думалъ, главнымъ образомъ, о томъ, что по существу я пересталъ быть самимъ собой, т. е. господиномъ. Я не возвышался надъ окружавшими меня рѣшительно ничѣмъ. *Себя* приравнялъ *имъ*! Когда хотѣли, они презирали меня. Когда были настроены великодушно, то макали конецъ пальца въ воду и подносили каплю къ моимъ запекшимся губамъ. Я долженъ былъ уважать ихъ за то, что, имѣя возможность дѣлать мнѣ зло, они не дѣлали этого. Не спасала меня даже наслѣдственная родовая гордость, потому что, когда я стучался въ нее съ отчаяніемъ кулаками, она издавала не звонъ мѣди и стали, не презрѣніе ко всѣмъ, какъ прежде въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ,—а только стоны твоихъ долгихъ, мудрыхъ выводовъ. Тогда-то и осѣнила меня мысль, которой я преклоняюсь теперь. Я обрѣлъ въ самомъ себѣ скалу и, утвердившись на ней, почувствовалъ силу въ душѣ и смѣлость во взглядѣ. Я пересталъ быть невольникомъ. Я увидѣлъ жизнь въ полномъ объемѣ. Все нужно имѣть въ себѣ самомъ, нужно самому стоять выше другихъ головой, обладать силой, болѣе могучей, чѣмъ смерть. Нужно въ себѣ самомъ носить силу льва и ни о чемъ больше не заботиться. Скажи-ка, Петръ, чувствовалъ ли ты себя когда-нибудь въ большей степени человѣкомъ, чѣмъ тогда, въ подольской степи, — когда мы съ тобой думали именно такъ? Нѣтъ ничего, кромѣ насъ! Міръ—это мы! Остальное пусть покорно молчитъ. Таковъ же, въ тѣхъ же мѣстахъ, былъ и твой Жолкевскій, когда держалъ въ своей рукѣ судьбу ко-

---

*) Конституція 3-го мая 1791 г. давала сравнительно широкія права населенію. Костюшко своимъ поланецкимъ универсаломъ 7-го мая 1794 г. освободилъ крестьянъ отъ личной зависимости.—Пр. перев.

роля и всей Рѣчи Посполитой. Было-ли въ твоей жизни что-нибудь лучше нашихъ ночей временъ бивуаковъ подъ Брацлавомъ, возвращеній утромъ въ лагерь съ ночныхъ патрулей?.. А во что обратились наши заботы, мученія? Ничего не осталось отъ нихъ для души. Только струпья позора, память объ оскорбленіяхъ будятъ они и теперь еще по ночамъ. Съ грустью вспоминаю я о прелестныхъ хуторахъ съ вишневыми садами, которые таились въ широкой степи; о восхитительныхъ любовныхъ интрижкахъ, шумныхъ пирушкахъ, молодецкой ѣздѣ! Когда намъ объявили радостную вѣсть о возвращеніи, первая моя мысль была: нѣтъ,—теперь иначе жить! И больше ужъ меня не совратятъ твои суровыя обязанности. Слышишь, капитанъ?

— Хорошо слышу.

— И не думай, что я оподлился. Нѣтъ! То, о чемъ ты мечтаешь — иллюзія, застарѣвшее заблужденіе. Хуже всего то, что ты самъ себя убиваешь. Одно зло на свѣтѣ, — это смерть. Жизнь—добро!

Петръ равнодушно молчалъ.

— Когда я вернулся,—продолжалъ князь,—то засталъ все въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ ожидалъ. Варшава опустѣла, правда, и заброшена, какъ старое кладбище. Дворы въ замкахъ поросли травою, окна выбиты или заколочены. И мое гнѣздо въ такомъ же видѣ. Но матеріально дѣла никогда не обстояли такъ хорошо, какъ теперь. Были ли когда-нибудь такія цѣны на хлѣбъ или на землю? Я не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ, когда коммиссаръ говорилъ мнѣ о цѣнности моихъ имѣній. Одно Грудно стоитъ теперь въ два раза дороже, а всѣ мои доходы увеличились втрое, особенно въ южной Пруссіи...

— Въ южной Пруссіи... Если такъ, — быстро заговорилъ Петръ,—то, можетъ быть, и мнѣ легче будетъ сыграть роль Цинцинната на твой счетъ, любезный князь...—Его глаза блестѣли, какъ огоньки, а щеки раскраснѣлись.

— Охотно... Въ чемъ дѣло?

— Солдатъ, который на рукахъ вынесъ меня съ поля битвы, принадлежитъ къ твоимъ крѣпостнымъ и родомъ изъ твоей деревни. Онъ служитъ теперь у меня егеремъ, поваромъ и подстаростой. Я хотѣлъ бы отблагодарить его, но не могу, какъ бы хотѣлось. И вотъ...

Князь Гинтултъ смотрѣлъ ему въ глаза, сдерживая ироническую улыбку.

— Освободить „гражданина"... какъ бишь его? отъ крѣпостной зависимости, сравнять съ собой, поднять, облагородить...

— Увы! не только его. Я хотѣлъ бы спасти всю эту де-

ревушку. Это очень бѣдное селеніе, и крѣпостная зависимость при такихъ условіяхъ... Я уже приготовилъ планъ на бумагѣ, разсчетъ...

— Можешь-ли ты сомнѣваться? Съ величайшей готовностью прикажу опредѣлить стоимость и качество ихъ земли, уничтожить крѣпостную зависимость; если хочешь, сдамъ имъ землю въ аренду. Одно только долженъ замѣтить: имѣніе не исключительно моя собственность; у меня есть несовершеннолѣтніе братья и сестры; значитъ, опекунскій совѣтъ долженъ будетъ утвердить мое рѣшеніе. Дѣло затянется. Но ужъ я постараюсь...

Петръ рванулся съ кресла, точно хотѣлъ пасть къ ногамъ князя. Рафаилъ, наблюдавшій издалека, при видѣ этого унизительнаго движенія брата, почувствовалъ такой приливъ гордости и гнѣва, какъ еще никогда въ жизни. Онъ не могъ понять, откуда это раболѣбство въ высокомѣрномъ, сдержанномъ офицерѣ, не понималъ радости, которая такъ явно сіяла на лицѣ брата. Симпатіи его въ этомъ случаѣ были на сторонѣ князя.

Петръ привсталъ и, опершись руками на ручки кресла, крикнулъ:

— Михцикъ, Михцикъ!

Въ голосѣ его было что-то особенное. Глаза широко открыты и полны слезъ. Ротъ расплывался въ улыбку. Немного погодя, онъ обратился къ князю и своей тонкой рукой пожалъ его колѣно.

— Благодаря тебѣ,—произнесъ онъ почти шепотомъ,—у меня... у меня на землѣ... еще одинъ день...

Михцикъ приблизился и сталъ на вытяжку, держа руки по швамъ.

— Кланяйся барину... князь... даровалъ тебѣ...

Старый солдатъ хотѣлъ было обнять его колѣни, но князь Гинтултъ изо всей силы оттолкнулъ его. Взглядъ его былъ полонъ гнѣва и сарказма.

— Не выношу я этихъ чувствительныхъ сценъ! Ты, кажется, знаешь это, Петръ... Вотъ въ такую-то минуту я наиболѣе чувствую ненависть ко всему тому, чѣмъ ты увлекалъ меня въ свое время. Я испытываю непреодолимое отвращеніе къ благородной слабости, къ доброй немощи, которую ты прививалъ мнѣ столько лѣтъ безъ успѣха. Право, отвратительно это... Вѣрь мнѣ, Петръ...

— Не понимаю... Совсѣмъ не понимаю...

— Я говорю,—порывисто продолжалъ князь,—что моя здоровая раса, да и твоя, полагаю, стряхиваетъ съ себя, какъ наважденіе, эти трогательныя добродѣтели... Я всегда задыхался,—говорю это теперь совершенно откровенно,—въ атмо-

сферѣ сеймовъ; а въ настоящее время и подавно... Я предпочитаю силу духа, волю, мощь, гордость, царственность какого-нибудь примаса Понинскаго *) всѣмъ вашимъ сантиментамъ...

— Какія необдуманныя слова!..

— Смотря теперь въ твои глаза, безмѣрно счастливые, полные величайшаго восторга, я ощутилъ въ себѣ слабую, достойную презрѣнія душу, которую ты развратилъ низменными мечтаніями. Такое счастье должно вызываться чѣмъ-нибудь другимъ. Такое волненіе должно сопровождать подвиги Ходкевича, Собѣскаго... Какимъ ничтожнымъ былъ бы человѣкъ, если бъ постоянно ходилъ въ твоихъ кандалахъ чувства долга относительно маленькихъ людей, въ цѣпяхъ милосердія къ слабенькимъ, сочувствія къ гніющимъ трупамъ? Какой же подвигъ можно тогда совершить? Скажи... Можно-ли? Ты такъ радуешься, что выпросилъ для мужика свободу отъ крѣпостной зависимости, какъ будто сдвинулъ цѣлую гору...

— Дѣйствительно, моя радость безгранична.

— Вѣдь ты его не возвысилъ, онъ останется тѣмъ, чѣмъ былъ, самъ же опустился съ высоты внизъ, въ жалкую юдоль. Съ цѣлымъ міромъ въ самомъ себѣ, вмѣсто того, чтобы стремиться вверхъ, ты замыкаешься въ міркѣ поваренка. Ты ему самому причиняешь вредъ, потому что двигаешь, несешь его на себѣ. Его волю, силу, мощь духа ты обрекаешь на участь воза, который тащится за лошадью.

— Слова, слова...

— Нѣтъ, не слова. Когда я вспоминаю другой міръ, меня охватываетъ гордость, что я принадлежу ему всѣмъ: кровью мясомъ, костями, каждымъ мускуломъ. Что за люди! Ни одинъ не похожъ на другого, всякій самъ по себѣ, каждый поистинѣ — господинъ. Гдѣ же были когда-нибудь подобные люди? Самуилъ Зборовскій, Ласкій, Радзивиллы!.. А Чарнецкій? Собѣскій? Кто заставлялъ ихъ дѣлать то, что они дѣлали? Все дѣлалось изъ благородства души... Каждая дорога къ Рѣчи Посполитой завалена ихъ трупами, памятники ихъ отъ Варны до Вѣны. Это вы, мудрецы, оскорбили память объ этомъ мірѣ. Еще хуже то, что вы освободили чернь, чтобы она дерзнула поднять руку на господъ.

Лицо Ольбромскаго передернулось, и правой рукой онъ началъ что-то нетерпѣливо искать возлѣ себя.

---

*) Платный сторонникъ Россія и врагъ всякихъ внутреннихъ реформъ. Магнатъ, прославился своимъ корыстолюбіемъ и злоупотребленіями. Одна изъ наиболѣе ненавидимыхъ его соотечественниками историческихъ личностей.—Пр. перев.

— Ты боленъ... поэтому я замолчу,—сказалъ князь.

— Ты оскорбилъ меня...

Петръ больше ничего не прибавилъ, но не спускалъ глазъ съ Гинтулта. Въ глазахъ его появилось особенное выраженіе, которое Рафаилъ наблюдалъ съ трепетомъ. Они походили на потухающій пепелъ, въ которомъ ни одна искра уже не сохраняется надолго: если вспыхнетъ, то сейчасъ же потухаетъ. Князь отвѣтилъ, глядя ему прямо въ глаза:

— Если бы ты былъ здоровъ, я доказалъ бы тебѣ, что твои планы о всякихъ палладіумахъ напоминали лягушку Лафонтена.

— Не говори больше съ мной,—тихо проговорилъ больной.

Князь Гинултъ лѣнивымъ движеніемъ поднялся съ кресла и произнесъ сквозь зубы:

— Ты, капитанъ, далъ бы мнѣ отчетъ въ такомъ приказаніи, если бы... могъ стоять на ногахъ.

— Отчетъ!—громовымъ голосомъ крикнулъ Петръ.—Отчетъ я готовъ дать сейчасъ... Михцикъ!

— Ты, надѣюсь, понимаешь, что при твоемъ болѣзненномъ состояніи я убью тебя первымъ ударомъ шпаги.

— За мной право выбора. Дать пистолеты!.. Секунданты есть.

— Гдѣ секунданты? Не вижу...

— Братъ.

— Ага... братъ! Это, навѣрно,—твой секундантъ. Мнѣ ты любезно предоставляешь „гражданина“ Михцика.

Ольбромскій хранилъ странное молчаніе, наконецъ, тихо произнесъ:

— Онъ—солдатъ...

Вдругъ голова его упала на ручку кресла. Лицо стало блѣдно, какъ гипсовая маска. На губахъ появилась кровь, а на лбу выступилъ крупный потъ. Тѣло дрожало. Сухіе глаза медленно озирались по сторонамъ.

Михцикъ, стоявшій прислонившись спиной къ стволу липы, подошелъ къ своему господину и началъ что-то говорить ему, такъ сильно заикаясь, что ни князь, ни Рафаилъ не могли понять ни слова. Немного погодя, когда больной приподнялъ глаза, Михцикъ просунулъ подъ него руку, взялъ, какъ грудного ребенка, и понесъ домой. Красивая голова Петра повисла на его рукѣ. Рафаилъ шелъ за Михцикомъ, самъ не сознавая, что дѣлаетъ. Князь остался на прежнемъ мѣстѣ. Онъ даже не взглянулъ на ушедшихъ. Когда солдатъ вошелъ въ первую комнату и былъ уже на серединѣ ея, то вдругъ рѣзкимъ и дикимъ голосомъ что-то крикнулъ. Рафаилъ подбѣжалъ къ нему.

Михцикъ медленно, осторожно опустилъ Петра на кушетку,

стоявшую у окна. Капитанъ безпомощно сѣлъ, плечи его уперлись въ раму открытаго окна, а голова, какъ камень, откинулась и глухо ударилась о косякъ. Рафаилъ съ ужасомъ заглянулъ въ его лицо. Нижняя губа была прикушена открытыми зубами; улыбка точно застыла на губахъ, и Рафаилу показалось, что братъ съ печалью засмотрѣлся на что-то, заслушался шума текущей вдалекѣ воды, что онъ глубоко задумался о какой-то тайнѣ... Но глаза Петра, смотрѣвшіе вдаль, были холодны и мертвы, слабое тѣло — неподвижно. Михцикъ заботливо просунулъ руку подъ голову капитана и хотѣлъ положить его на кушетку, но Рафаилъ отстранилъ его руки.

— Пусть смотритъ,—прошепталъ онъ.

Благоговѣйная тревога охватила Рафаила, какъ будто суровый голосъ говорилъ въ глубинѣ души, что неизвѣстно, что дѣлаетъ въ настоящую минуту умершій,—не прощается ли съ полями, со своими трудами, не молится-ли...

И Рафаилъ съ Михцикомъ почтительно отошли и, остановившись вдали, тихо молились про себя. Но вдругъ старый солдатъ началъ рыдать и стонать. Кулакомъ онъ ударялъ себя въ грудь. Отдѣльныя слова, обрывки молитвы вырывались изъ его почернѣвшихъ, запекшихся губъ и больше походили на бѣшеныя угрозы, на призывъ къ отвѣту, на проклятія жизни... Сзади ихъ стукнула дверь.

Князь Гинтултъ вошелъ въ комнату. Тихо приблизился онъ къ трупу капитана, склонился было... и вдругъ крикнулъ, будто обжегшись. Онъ рѣзко махнулъ рукой и велѣлъ Михцику положить мертваго на кушетку.

Скоро покойника одѣли въ его домашнее платье, потому что не оказалось военнаго мундира. Только шпагу съ серебрянымъ темлякомъ, висѣвшую надъ кроватью, положили рядомъ съ нимъ и небольшой портретъ Костюшки на грудь Двѣ стертыя монеты закрыли ему глаза...

Князь Гинтултъ задумчиво сидѣлъ въ креслѣ и смотрѣлъ на покойника. Рафаилъ вышелъ въ смежную комнату, которая служила брату спальней и конторой, и присѣлъ на сундукѣ. Странныя мысли овладѣли имъ. Онъ разсматривалъ все вокругъ и вдругъ почувствовалъ жадность къ обладанію разными вещами брата. Прежде всего бросались ему въ глаза охотничьи принадлежности, ремни, кнуты, хорошее сѣдло... У окна стоялъ письменный столикъ съ запертымъ на ключъ ящикомъ. Этотъ ящикъ разжигалъ его воображеніе. Одѣвая покойника, Михцикъ выронилъ изъ кармана ключъ отъ стола. Рафаилъ замѣтилъ этотъ вытертый и блестящій отъ частаго употребленія ключъ и ждалъ только подходящей минуты, чтобы схватить его. Но онъ боялся дви-

нуться съ мѣста... При одной мысли, что князь Гинтултъ начнетъ разговаривать съ нимъ такъ же, какъ съ братомъ, станетъ задавать ему какіе-нибудь вопросы, онъ чувствовалъ испугъ и желаніе скрыться. Между тѣмъ, стремленіе завладѣть ключомъ и открыть ящикъ, узнать, что тамъ, жгло его и мѣшало спокойно сидѣть.

Вошелъ Михцикъ съ работниками, чтобы перенести кушетку на середину комнаты. Замѣтивъ ключъ на полу, онъ поднялъ его и отдалъ Рафаилу, бормоча что-то и показывая жестомъ, что ключъ отъ стола. Рафаилъ тотчасъ отперъ ящикъ. Тамъ не было ничего особеннаго: немного денегъ, офицерскій дипломъ, военные приказы, планы, карты, рисованныя перомъ, и письма; была, кромѣ того, особая тетрадь изъ толстой бумаги, въ переплетѣ изъ зеленой кожи, въ которой нѣсколько первыхъ страницъ были исписаны рукою покойнаго.

Всѣ эти бумаги Рафаилъ сложилъ аккуратно, перевязалъ бичевкой и рѣшилъ сохранить у себя. Деньги онъ положилъ въ карманъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Онъ такъ былъ занятъ содержаніемъ шкафа, сундука и особенно осмотромъ охотничьихъ принадлежностей, что едва замѣтилъ, какъ вышелъ и уѣхалъ князь. Послѣ его отъѣзда Рафаилъ осмотрѣлъ весь домъ. Нѣкоторыя вещи онъ великодушно пожертвовалъ Михцику, другія—рабочимъ, нѣсколько вещей предназначилъ для матери и сестеръ. Этого рода занятіе заняло все время до самыхъ сумерекъ.

Уже смеркалось, когда изъ костела въ Груднѣ привезли, повидимому, по приказанію князя Гинтулта, погребальныя свѣчи и бабу-сидѣлку. Сейчасъ же зажгли свѣчи, заправивъ ихъ въ высокіе черные подсвѣчники, и поставили въ два ряда подлѣ смертнаго ложа хозяина дома.

Телѣга уѣхала обратно. Слышалось дребезжаніе ея колесъ, все затихавшее во мракѣ... Михцикъ устроилъ Рафаилу постель въ амбарѣ, совершенно пустомъ въ эту пору. Онъ положилъ охапку сѣна, только что привезеннаго съ луга, и покрылъ его простыней. Но Рафаилу было не до сна. Вмѣстѣ съ старымъ солдатомъ они усѣлись у дверей амбара,—одинъ на высокомъ порогѣ, а другой на ступенькѣ, и оба молча всматривались въ темноту ночи. Яркій свѣтъ выходилъ изъ оконъ домика. Все стихло, даже собаки не лаяли въ сосѣднихъ деревушкахъ.

Было совершенно темно. Надъ холмами, которые днемъ виднѣлись на горизонтѣ, висѣли теперь неподвижныя тучи. Только вода слегка сверкала при блескѣ звѣздъ, горѣвшихъ въ вышинѣ. Около полуночи надъ этими нагроможденными тучами появилось сіяніе восходящей луны. Обрисовались

края темныхъ облаковъ, и показалось въ нихъ безчисленное количество наслоеній, а между тучами—какъ бы поперечныя долины въ громадныхъ горахъ. Далекія равнипы, бездны и высоты виднѣлись въ этой далекой волшебной странѣ. На чистый небесный сводъ медленно выплывалъ мѣсяцъ. Черезъ всю громадную поверхность озера протянулась дрожащая полоса свѣта, будто далекая дорога въ страну горъ. Торжественная ночная тишина разстилалась надъ этой дорогой, сверкавшей въ глубинѣ ночи. Громадныя ольхи склонялись къ ней, а прибрежныя вербы, освѣщенныя луной, отражали въ водѣ стволы съ зелеными верхушками. Ни малѣйшій вѣтерокъ не касался воды: ея зеркальную поверхность разсѣкали иногда острые плавники окуня. Они врѣзывались, какъ пила, въ золотистую полосу свѣта. По временамъ плескалась плотва, играя въ веселомъ сіяніи мѣсяца. И медленно, ритмически расходились отъ нея круги, постепенно исчезавшіе въ темнотѣ. Видны были водяные комары на ходульныхъ ногахъ съ большими ступнями и далекій цвѣтокъ водяной лиліи, неподвижно дремавшій на краю широкаго листа. Капля ночной росы блестѣла въ чашечкѣ лиліи...

Рафаилъ вынулъ изъ кармана книжку, переплетенную въ зеленую кожу съ тиснеными золотомъ краями, открылъ ее на первой страницѣ и при свѣтѣ мѣсяца началъ читать написанное братомъ:

„Я оставилъ отца и мать; остался одинъ и иду одиноко, какъ трупъ въ ворота кладбища.

„Во мракѣ ночи въ головѣ блуждаютъ мысли безъ конца, какъ шаги обезумѣвшаго человѣка отъ стѣны къ стѣнѣ въ домѣ пустоты и ничтожества.

„Лучшій товарищъ и послѣдній другъ мой — сонъ бродитъ вокругъ моей постели, склоняется къ моимъ вѣчно бодрствующимъ, открытымъ вѣкамъ и, вздыхая печально, удаляется, тихо, тихо.

„Мною овладѣло страшное безсиліе, страданіе души. Я сталъ чуждъ самому себѣ, какъ будто заблудился въ этомъ мірѣ. Я не узнаю себя, разумъ человѣческій мнѣ противенъ. Я чувствую только одно—страданіе.

„Боже! Останься со мною!

„Отвращеніе застилаетъ мои глаза, блуждающіе по землѣ. Волшебный міръ моей юности превратился въ песчаную пустыню. Мнѣ больно отъ шелеста листьевъ, мучителенъ запахъ цвѣтовъ, скучно при видѣ утренней и вечерней зари. Я чую тихіе шаги отчаянія, которое приближается ко мнѣ...

„Боже! Спаси меня!

„Ты былъ со мною среди свиста пуль, треска ядеръ,

при блескѣ штыковъ, среди лязга сабель и копій несущейся конницы, когда обезумѣвшія лошади дрожатъ и стонутъ, и здоровый, сильный солдатъ трепещетъ всѣмъ тѣломъ.

„Когда ужасная мысль: „умираю!“—проникала мой мозгъ на полѣ битвы, я узналъ Тебя, стоявшаго надо мной... Ты привелъ солдата изъ рядовъ, бѣжавшихъ отъ врага, и обратилъ его лицомъ къ лицу съ вѣрной смертью. Ты вложилъ въ его грудь геройское мужество, помогъ ему вынести меня на рукахъ,

„Ты это сдѣлалъ, Ты, Богъ мой!

„Зачѣмъ благодатнымъ мановеніемъ Ты удалилъ смерть и однимъ взглядомъ простого человѣка, одной лаской утишилъ бурю мученій?

„Одинъ Ты знаешь, каково было моей груди снова дышать воздухомъ рабства, а пробужденнымъ глазамъ видѣть братьевъ въ цѣпяхъ.

„Ты знаешь, что легче было бы моей головѣ лежать на окровавленныхъ костяхъ въ общей ямѣ...

„Теперь, когда, успокоившись, я лежу въ бездѣйствіи, только неясное предчувствіе говоритъ мнѣ о Тебѣ. Я теперь—затихшая вода озера, въ которой отразилось небо съ его волнистыми тучами и ясной бездной лазури. Минуетъ отраженіе облака въ глубинѣ озера—исчезаетъ надежда изъ моей души, и только мракъ, болѣе ужасный, чѣмъ когда бы то ни было, проникаетъ въ нее до самаго дна.

„О, Боже, яви еще разъ въ черный день Твое бытіе моимъ безсоннымъ глазамъ.

„Вырви изъ груди сомнѣніе и лукавую мысль, которыя вертятся и съ силой ударяютъ въ измученное сердце, исторгая оттуда вздохи.

„Вырви изъ сердца печаль, которая лежитъ въ немъ тяжелымъ камнемъ, и дай отдохнуть ему, какъ нѣкогда отъ крика отчаянья.

„Вырви изъ сердца мысль невѣрія и влей въ него благословенную мощь спокойствія и вѣры.

„Дай мнѣ еще разъ порадоваться любви, близкой къ Тебѣ, дай исповѣдать предъ Тобой мои обиды, Богъ мой!“

Деревья въ Груднѣ.

Весь слѣдующій день прошелъ въ хлопотахъ, касавшихся погребенія. Михцикъ отправился въ мѣстечко Влоцову за гробомъ, а Рафаилъ за ксендзомъ—въ Грудно. Тамъ, однако, все уже было сдѣлано княземъ. Рафаилъ узналъ, что тѣло будетъ перенесено въ тотъ же день въ костелъ. Онъ вер-

нулся въ Выгнанку и занялся отправкой съ нарочнымъ письма къ родителямъ. Пока накормили лошадь, пока самъ гонецъ какъ слѣдуетъ закусилъ и разспросилъ о дорогѣ, пока, наконецъ, Рафаилъ обдумалъ и написалъ письмо,— наступилъ вечеръ. Дождь, моросившій съ полудня, лилъ теперь, какъ изъ ведра. Михцикъ, промокшій насквозь, вернулся съ гробомъ и положилъ въ него на вѣчный покой тѣло своего товарища и господина.

Едва только все это было сдѣлано, во дворъ въѣхало штукъ шесть экипажей, нѣсколько бричекъ и телѣгъ. Это князь Гинтултъ прибылъ со всей своей семьей и съ придворными, чтобы присутствовать при проводахъ въ костелъ тѣла капитана. Рафаилъ былъ такъ ошеломленъ множествомъ людей, что едва рѣшился выдти къ нимъ изъ своей каморки. На его глазахъ выскакивали изъ каретъ, колымагъ и бричекъ молодыя и старыя, прелестныя и безобразныя женщины, великолѣпные мужчины... Всѣ съ дѣланнымъ выраженіемъ глубочайшаго почтенія входили въ дверь низкаго дома. Былъ и ксендзъ съ органистомъ, и костельный причтъ.

Гайдуки, кучера и лакеи зажгли смолистые факелы. При свѣтѣ этихъ мрачныхъ огней, съ церковнымъ пѣніемъ вынесли гробъ. Посреди двора стояли большія, запряженныя четверкой дроги, выстланныя соломой и покрытыя большимъ ковромъ. На нихъ поставили и привязали веревками гробъ. Ксендзъ, приподнявъ полы подрясника, двинулся впередъ. За нимъ шли факельщики. Возлѣ самаго гроба шагалъ князь Гинтултъ, а за нимъ его прекрасныя и безобразныя дамы. Ихъ платья трепались, и ноги утопали въ грязи, но, не смотря на это, ни одна изъ нихъ не сѣла въ экипажъ. За этой великолѣпной свитой робко шелъ Рафаилъ; рядомъ съ нимъ—Михцикъ. Когда похоронная процессія проходила мимо деревни, изъ хатъ вышли мужики въ грязныхъ рубахахъ, въ вытертыхъ портахъ изъ дерюги, бабы въ безобразныхъ короткихъ юбкахъ, полуголыя дѣти. Всѣ эти люди изумленно смотрѣли на блестящую процессію, и только тогда, кода огни уже были далеко, они тронулись впередъ и пошли на почтительномъ разстояніи отъ господъ. За деревней дорога спускалась между двумя лѣсистыми горами къ рѣкѣ и тянулась дальше вдоль берега. Дорога была залита грязью, изрыта выбоинами и кое-гдѣ завалена камнями. По колѣна въ грязи, уже ночью, достигли Грудны. Дождь затихъ. Когда процессія приближалась къ грудненскимъ аллеямъ, Рафаилъ шелъ уже рядомъ съ толпой господъ. Онъ сталъ смѣлѣе. Имъ овладѣла гордость, что онъ—родной братъ человѣка, которому оказываютъ почести. Ему хотѣлось какъ-нибудь дать знать о себѣ, обратить на себя вниманіе... Рафаилъ

вполголоса обращался къ Михцику, разспрашивалъ о разныхъ подробностяхъ, давалъ порученія. Старый солдатъ поднималъ голову и, уставившись въ него мутными глазами, бормоталъ что-то непонятное. На лицахъ большинства дамъ и мужчинъ отражалось искреннее бѣшенство, когда приходилось пробираться черезъ лужи. Особенно одна престарѣлая дама, промокшая, забрызганная грязью, съ распустившейся куафюрой, метала во всѣ стороны такіе взгляды, которые могли испепелить человѣка. Одинъ князь Гинтултъ шелъ впереди, поднявъ голову. Погруженный въ свои мысли, онъ перебирался черезъ самыя глубокія лужи, не замѣчая ихъ. Наконецъ, дорога стала лучше. Она пошла въ гору, къ костелу, стоявшему наверху холма. По обѣимъ сторонамъ широкой дороги стояли вѣковыя липы, тополи, грабы, клены, дубы и буки.

Теперь, когда на нихъ сквозь клубы сѣраго дыма падало мерцающее пламя факеловъ, они казались вдвойнѣ большими. Стволы, вѣтви, верхушки ихъ точно достигали темнаго неба, а листья терялись среди тучъ. Въ этихъ деревьяхъ, въ сплетеніяхъ ихъ вѣтвей, рвущихся къ небу, а въ особенности въ ихъ шумѣ чувствовалась огромная сила.

Корона съ массой листьевъ одного изъ старыхъ деревьевъ огромной плакучей березы клонилась къ землѣ, какъ лохматая голова мужика-старца. Когда дроги, окруженныя мелькающими огоньками, очутились подъ деревомъ, оно шумѣло... Изъ глубины его выходилъ какъ будто испуганный шелестъ, шепотъ пробужденныхъ отъ сна и изумленныхъ листьевъ... Иногда склоненная голова дерева вдругъ поднималась, терялась въ темнотѣ и тогда шумѣла вверху. Разные голоса слышались въ этомъ шумѣ: были равнодушные, глухіе, но были и такіе, которые плакали, какъ живой, чувствующій человѣкъ. Сердце Рафаила сжалось. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ зеленые, покрытые старымъ мхомъ стволы, увѣшанные множествомъ мелкихъ вѣточекъ: такъ стариковъ окружаютъ ихъ правнуки... Вѣтви качались и шелестѣли въ воздухѣ...

Рафаилъ съ особенной силой почувствовалъ, что его брата Петра уже нѣтъ въ живыхъ.

Вдругъ кто-то нѣжно положилъ руку на его плечо. Рафаилъ вздрогнулъ и увидѣлъ рядомъ съ собой князя Гинтулта. Князь внимательно разсматривалъ его.

— Кажется, я не ошибаюсь,—сказалъ онъ,—вы братъ покойнаго капитана Ольбромскаго?

Рафаилъ съ усиліемъ пробормоталъ:

— Да.

— Пожалуйста, скажите мнѣ... ваши родители еще живы?

— Да...

— А вы увѣдомили ихъ?

— Да.

— Жаль, что не пришло мнѣ въ голову. Лучше было бы обождать...

— О, родители, вѣроятно, не пріѣхали бы на похороны.

— Почему?

— Потому что они стары... и кромѣ того...

— Что, кромѣ того?

— Кромѣ того... живутъ далеко.

— Да. Ну, а вы, послѣ похоронъ, куда намѣрены отправиться? Домой?

— Нѣтъ, Боже сохрани!

— Боже сохрани?!

— Видите-ли, князь... мы съ братомъ покойникомъ оба...

Рафаилъ замялся и только теперь понялъ, какая глупость готова была сорваться съ его языка.

— Прошу васъ послѣ похоронъ пожаловать ко мнѣ,—любезно сказалъ князь, глядя куда-то въ пространство.—Прошу васъ считать Грудно собственнымъ домомъ, какъ будто вы у брата. Живите у меня, сколько понравится, уѣзжайте, когда захотите...

Князь удалился, но вдругъ вернулся и прибавилъ еще съ улыбкой:

— Можете написать, если хотите, родителямъ, что у меня съ Петромъ были денежные счеты. Я ему долженъ. Вы останетесь тутъ наслѣдникомъ? Не правда-ли?

— Да, могу,—пробормоталъ Рафаилъ.

— Ну, значитъ, будемъ сводить счеты... Оставайтесь въ Груднѣ.

Князь кивкомъ головы подозвалъ къ себѣ престарѣлаго слугу, показалъ ему Рафаила и отдалъ какія-то приказанія. Въ то же мгновеніе изъ-за деревьевъ послышался звукъ погребальнаго колокола. Желѣзное сердце ударяло въ мѣдную грудь...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ГОРАХЪ.

Я на уступахъ дикихъ горъ.
Шумитъ сосновый темный боръ,
Кричатъ орлы.
И, какъ свобода, властно-дикъ
Ихъ, отраженный эхомъ, крикъ...
Полны холодной мглы,
На темени угрюмыхъ кручъ
Ютятся стаи хмурыхъ тучъ
И тихо въ даль,
Покинувъ краткій свой пріютъ,
Толпою вольною плывутъ...
Имъ ничего не жаль!

А я тоскую. Здѣсь одинъ
Межъ дикихъ я брожу вершинъ,
И страстная печаль
Томитъ меня... Тамъ, подо мной,
Въ долинахъ, скрытыхъ мутной мглой,
Страдаютъ люди. И людей
Мнѣ страстно жаль... Тамъ звонъ цѣпей,
Тамъ стукъ машинъ... Тамъ—суета
Труда больного, нищета
И море горькихъ слезъ!

И я всю горечь слезъ людскихъ,
Всю боль, весь гнетъ цѣпей земныхъ
Сюда съ собой принесъ,—
Сюда, на кручи дикихъ горъ,
Гдѣ мощнымъ гуломъ темный боръ
Свободѣ гимнъ поетъ,
Гдѣ—позабыть земли позоръ—
Влечетъ въ свой царственный просторъ
Бездонный небосводъ!..

Л. Андрусонъ.

— Хорошо. Стань сбоку.

Лакей вздрогнулъ, но исполнилъ приказаніе.

— Я велѣлъ тебѣ выбросить этого пса; ты почему не послушался?

— Ясный пане, онъ самъ вышелъ,—оправдывался со слезами Августъ.

— Молчать!—крикнулъ Бухгольцъ и сильно ударилъ его палкой по лицу.

Августъ невольно отшатнулся назадъ.

— Стой, иди ближе!

Когда лакей, подъ вліяніемъ страха, снова пододвинулся, онъ придержалъ его за руку и страшно избилъ.

Августъ даже не пытался вырываться, только отвернулся, чтобы скрыть слезы, которыя струями текли по его выбритымъ щекамъ. Когда, смертельно измученный, Бухгольцъ пересталъ колотить его и откинулся въ креслѣ, испуская стоны, лакей закуталъ ему ноги фланелью, развернувшейся отъ сильныхъ движеній фабриканта.

Карлъ, не желая быть свидѣтелемъ скандала, поѣхалъ обѣдать въ такъ называемую „колонію", на Спацеровую улицу.

„Колонія" состояла изъ нѣсколькихъ полекъ, загнанныхъ судьбою въ Лодзь изъ разныхъ концовъ Царства Польскаго.

Тутъ были преимущественно неудачницы: вдовы, бывшія помѣщицы, бывшія капиталистки, бывшія дамы, старыя дѣвы и молодыя дѣвушки, которыя явились сюда искать работы. Несчастье соединило ихъ и то же несчастье уничтожило между ними общественныя и кастовыя неравенства.

Онѣ занимали на Спацеровой улицѣ цѣлый этажъ, обращенный въ подобіе гостиницы; длинный корридоръ шелъ вдоль всей квартиры и кончался большой угловой комнатой, служившей общей столовой.

Карлъ и Морицъ обѣдали тамъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами.

Боровецкій немного опоздалъ, и большой круглый столъ уже былъ весь занятъ.

Ѣли быстро и молча, никто не имѣлъ времени на разговоры: каждый поминутно поднималъ голову и прислушивался, не свистятъ-ли фабрики.

Карлъ сѣлъ рядомъ съ той баронессой, которая въ субботу была въ ложѣ, молча пожалъ нѣсколько рукъ, кивнулъ головой сидѣвшимъ далѣе и началъ ѣсть.

— Горна еще не было?—спросилъ кто-то черезъ столъ у пани Лапинской.

— Почему-то опоздалъ сегодня,—отвѣтила она.

— Онъ придетъ только вечеромъ,—объявила молодая дѣ-

вушка съ коротко остриженными волосами, которые она поминутно откидывала со лба.

— А почему, Кама?

— Онъ хотѣлъ сегодня сдѣлать скандалъ Бухгольцу и отказаться отъ мѣста.

— Онъ говорилъ вамъ объ этомъ? — живо спросилъ Карлъ.

— Да, у него былъ такой планъ.

— Онъ ничего, какъ вижу, не дѣлаетъ безъ плана: ходячая методичность.

— Завзятый нѣмчикъ!

— Почему, тетя, панъ Серпинскій называетъ Горна нѣмчикомъ,—протестовала Кама.

— У него даже въ гнѣвѣ своя метода. Я видѣлъ разъ, какъ онъ ссорился съ Мюллеромъ въ конторѣ.

— А сейчасъ тоже самое дѣлаетъ съ Бухгольцомъ,—сказалъ Боровецкій.

— Что случилось, пане Карлъ?—живо спросила Кама, кинулась къ Боровецкому, запустила въ его волосы свою маленькую, еще дѣтскую ручку и, повертывая къ себѣ его голову, требовала, какъ избалованное дитя:—Тетя, пусть панъ Карлъ скажетъ!

Нѣсколько лицъ поднялось надъ тарелками.

— При мнѣ еще ничего не случилось, но что было потомъ, не знаю. Дѣло шло не на шутку. Горнъ совершенно серьезно увѣрялъ Бухгольца, что онъ злодѣй и прусская харя.

— Ха, ха, ха, браво! Горнъ молодецъ!

— Дворянская кровь такъ или иначе сказывается,—самодовольно бормоталъ Серпинскій, вытирая огромные крашеные усы.

— Я васъ люблю, пане Серпинскій, вы тоже порядочный шляхтичъ. Правда, тетя?—сказала Кама.

— Въ Горнѣ не столько молодечества, сколько безсмысленнаго задора,—небрежно проговорилъ Карлъ.

— Мы запрещаемъ такъ говорить о Горнѣ, — заявили женщины, смотря на Каму, которая быстро отошла отъ Боровецкаго и смотрѣла на него, раскраснѣвшись, горящими гнѣвными глазами.

— Я не возьму своихъ словъ назадъ, я могу ихъ доказать. Если онъ не желалъ служить,—могъ уйти; если у него была какая-нибудь претензія къ Бухгольцу,—могъ ее высказать; съ Бухгольцемъ легче столковаться, чѣмъ съ другими, потому что онъ умный человѣкъ. Зачѣмъ дѣлать скандалъ? Чтобы порисоваться, чтобы о немъ говорили въ Лодзи? Да, всѣ подростки будутъ восхищаться его смѣлостью и муже-

ствомъ. Большой героизмъ — выругать больного человѣка! Бухгольцъ никогда не проститъ; онъ будетъ мстить до смерти, у него хорошая память.

— О, слава Богу, недолго ужъ ему придется помнить: кажется, онъ очень боленъ,—горячо произнесла Кама.

— Кама, что ты говоришь?

— А, впрочемъ, фигу онъ ему сдѣлаетъ, не больше Горнъ уѣдетъ въ Варшаву, домой. Правда, тетя?

— А что выругалъ пруссака, такъ хорошо сдѣлалъ.

— У Бухгольца длинныя руки, онъ достанетъ и въ Варшавѣ, найдетъ способъ обратить на него вниманіе; сдѣлаетъ такъ, какъ сдѣлалъ Мюллеръ съ Обрембскимъ. Горнъ успѣетъ остыть: времени будетъ достаточно.

Гдѣ-то недалеко послышался рѣзкій свистокъ.

— Кшечковскій, твой соловей тебя зоветъ, — пошутилъ кто-то.

Высокій, худой блондинъ въ очкахъ торопливо вышелъ.

— Дѣйствительно-ли дѣло такъ серьезно, пане Карлъ?— спросила, подсаживаясь къ нему, Стефанія, одѣтая такъ же во все лиловое, какъ въ субботу въ театрѣ.

— Болѣе, чѣмъ серьезно: Горнъ хотѣлъ броситься на Бухгольца.

— Да вѣдь Бухгольцъ обращается со всѣми, какъ съ собаками, чортъ возьми!—раздраженно крикнулъ Серпинскій.— Прошу извинить... я забылся.... Ну, моя скотина уже реветъ, — сказалъ онъ торопливо, цѣлуя руки у всѣхъ женщинъ, и быстро удалился: низкій гудокъ фабрики звалъ его на работу.

Также, по очереди, всѣ быстро вскакивали изъ-за стола, бросали неоконченный обѣдъ, прощались кивкомъ головы и выбѣгали, надѣвая пальто на ходу, на лѣстницѣ. Фабричные свистки гудѣли. Каждый зналъ свой и каждый, услышавъ ненавистный призывъ, бросалъ все и бѣжалъ, боясь опоздать.

Не обращали вниманія на свистки только Боровецкій да Малиновскій, молодой техникъ изъ конторы Шаи, который ѣлъ, молча, и въ перерывахъ между блюдами писалъ что-то въ памятной книжкѣ, лежавшей рядомъ съ тарелкой. Малиновскій поводилъ иногда своими зелеными глазами по лицу Стефаніи, вздыхалъ, поглаживая волосы, скатывалъ шарики изъ хлѣба и долго всматривался въ нихъ.

Лицо у него было блѣдное, какъ сырой коленкоръ, волосы и усы совершенно пепельные и удивительные зеленые глаза, которые постоянно мѣняли свой цвѣтъ. Онъ обращалъ на себя общее вниманіе, такъ какъ былъ очень красивъ, застѣнчивъ и сосредоточенъ.

— Тетя, панъ Малиновскій говорилъ что-нибудь сегодня?— спросила Кама, съ неизмѣннымъ удовольствіемъ терзавшая его ежедневно.

Лапинская ничего не отвѣтила, занятая разговоромъ съ Боровецкимъ, а Малиновскій опустилъ глаза и, нѣжно улыбнувшись, сталъ опять писать въ своей книжкѣ.

Женщины, сидѣвшія за столомъ, тоже начали постепенно уходить: каждая изъ нихъ гдѣ-нибудь работала.

Въ передней громко зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Это мой Матвѣй: телеграмма!—вскрикнулъ Карлъ, хорошо знавшій его манеру звонить. Дѣйствительно, Матвѣй принесъ телеграмму отъ Морица.

— Сейчасъ только пришла,—объявилъ онъ.

— Кто приходитъ въ грязныхъ сапогахъ, долженъ вытирать ноги въ передней,—энергично скомандовала Кама.

Боровецкій, не обращая вниманія на любопытные взгляды, подошелъ къ окну и прочиталъ депешу:

„Кнолль, Цукеръ, Мендельсонъ хорошо покупаютъ. Первую партію выслалъ утромъ. Свози ко мнѣ. Пятнадцатью процентами дороже. Запасы малые. Черезъ недѣлю вернусь“.

Карлъ, жадно перечитавъ еще разъ, не могъ скрыть удовольствія.

— Хорошія извѣстія, пане Карлъ?—спросила Стефанія, смотря голубыми глазами на его прояснившееся лицо.

— Очень хорошія!

— Отъ невѣсты!—вскрикнула Кама.

— Отъ Морица изъ Гамбурга. Хороша невѣста.. Если Кама будетъ хорошо вести себя, я сосватаю ее за Морица.

— Жиденокъ, не хочу, не хочу,—воскликнула дѣвушка, топая ногами.

— Ну, такъ за Баума.

Камы уже не было въ комнатѣ.

Онъ началъ прощаться.

— Васъ-то вѣдь свистки не зовутъ?—сказала Стефанія.

— Я сегодня спѣшу больше обыкновеннаго.

— Вы никогда для насъ не находите времени, три недѣли не заглядывали по вечерамъ, — проговорила Стефанія съ легкимъ упрекомъ.

— Пани Стефанія, я не смѣю даже вѣрить, чтобы мое отсутствіе было замѣчено: я не такъ самонадѣянъ. Пропуская эти вечера, я терялъ гораздо больше, чѣмъ вы!

— Кто знаетъ?!—сказала она тихо, протягивая руку, Боровецкій поцѣловалъ ее очень крѣпко и вышелъ.

Въ передней онъ вдругъ увидѣлъ передъ собой Каму.

— Пане Карлъ, у меня къ вамъ просьба, очень, очень большая...

— Слушаю и заранѣе обѣщаю исполнить.

Кама не смотрѣла на него; черные кольца короткихъ волосъ спустились ей на лобъ, но она не поправляла ихъ и, опершись спиной о дверь, со стиснутыми кулачками, долго собирала свое мужество.

— Не преслѣдуйте Горна, помогите ему! Онъ заслуживаетъ этого, онъ такой добрый, благородный, а ему такъ нехорошо въ Лодзи: его никто не любитъ, всѣ надъ нимъ смѣются... Мнѣ такъ больно, я бы такъ хотѣла, Боже мой!..— вскрикнула она, разражаясь слезами, и убѣжала въ гостиную, потерявъ по дорогѣ туфлю.

„Дѣвочка влюблена“, — подумалъ онъ, постоялъ минуту, поднялъ туфлю и понесъ ее въ гостиную. Но, открывъ дверь, онъ остановился въ изумленіи.

Кама въ однихъ чулкахъ ловила болонку, которая со второй туфлей въ зубахъ бѣгала вокругъ стола.

Дѣвушка смѣялась до упаду, умная же собаченка успѣвала увернуться въ самую критическую минуту, а когда погоня ослабѣвала, бросала туфлю и игриво лаяла.

— Picolo, отдай, Picolo! — говорила Кама, подкрадываясь, но собака, замѣтивъ ея маневръ, снова хватала свою добычу.

— За то я возвращаю Камѣ потерю, — сказалъ Карлъ, — хотя смѣло могъ бы оставить и у себя.

— Тетя! — закричала дѣвушка, присѣдая на корточки, чтобы спрятать ноги.

Карлъ поставилъ туфельку на полъ и удалился въ веселомъ настроеніи.

Онъ пошелъ въ контору Морица осмотрѣть склады для ожидаемой хлопчатой бумаги.

По дорогѣ Боровецкій наткнулся на Козловскаго, съ которымъ познакомился у Муррея.

— Bonjour, директоръ,—крикнулъ Козловскій, протягивая ему руку въ изящной красной перчаткѣ.

— Morgen!

— Можно васъ немножко проводить? — спросилъ онъ и набалдашникомъ трости сдвинулъ свой цилиндръ нѣсколько на затылокъ.

— Пожалуйста, очень пріятно. Какъ дѣла?

— Блестящи, разумѣется. У меня есть замѣчательный планъ, жду только денегъ... Бабенка—настоящая рѣпа!—прервалъ онъ себя, съ увлеченіемъ смотря на какую-то женщину, и отъ удовольствія надвинулъ палкой цилиндръ на лобъ.

— Вы по этой спеціальности думаете здѣсь работать?

— Нѣтъ, этимъ въ Лодзи не занимаются... Только вчера я встрѣтилъ первую красивую женщину въ Лодзи, и, конечно, не здѣшнюю.

— Есть красивыя и въ Лодзи.

— Какъ честный человѣкъ,я этого не скажу! Вѣдь я постоянно въ городѣ, постоянно ищу... Безъ женщинъ, и притомъ хорошенькихъ, я не понимаю жизни.

— Ну, а та, вчерашняя?

— Ага, заинтересовались!.. Сейчасъ... Иду я по Петроковской, возвращаясь изъ „Грандъ-Отеля“. Смотрю: прямо на меня какая-то дѣвица. Костюмъ—шикъ, мордочка—цаца, фигура—прелесть, волосы—смола, глаза — сапфиръ, бедра громадныя, ростъ — ничего себѣ, — словомъ, чудо, а не женщина! Губы, долженъ вамъ сказать,—двѣ великолѣпныя маленькія зразы.

— Вы сегодня, должно быть, еще не обѣдали?—прервалъ его Карлъ.

— Почему?—изумился Козловскій, сдвигая цилиндръ на затылокъ.

— Потому что вамъ пришло въ голову такое кулинарное сравненіе.

— Вы, панъ, веселый попутчикъ! — сказалъ Козловскій, дружески похлопывая его по животу.—Разумѣется, я сразу повернулъ назадъ и — за ней. Она идетъ, а я за ней. За Новымъ Рынкомъ, на тротуарѣ было грязно, и вотъ моя дамочка—зонтикъ подъ мышку, платьице въ обѣ ручки и—айда, впередъ! Ножки у нея прямо божественныя, — можно ботинки цѣловать! Я осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, а она все притворяется, что не замѣчаетъ меня. Наконецъ, опережаю ее и останавливаюсь передъ какой-то витриной. Въ это время она проходитъ, и я заглядываю ей въ глаза. Она такъ волшебно улыбнулась, что прямо обожгла глазами. Идемъ дальше: она впереди, я за нею. Думаю: кто бы это такая? Слишкомъ демонстративно не обращаетъ на меня вниманія.... У меня свой методъ для оцѣнки женщинъ... Всѣ внѣшнія данныя говорятъ о большой роскоши и изяществѣ, но причесана небрежно, — это первый минусъ; шляпа, навѣрно, парижская, — плюсъ; костюмъ дорогой, — шерсть самаго лучшаго сорта, хорошей работы и совершенно по сезону,—второй плюсъ... Но вглядываюсь внимательнѣе и вижу, что надъ ботинками рыжѣютъ обыкновенные, простые фильдекосовые чулки... должны бы быть шелковые,—двойной минусъ!

— Вы работали по дамской части?—иронически прервалъ его Боровецкій.

— Нѣтъ, но я знатокъ въ этихъ вещахъ... По манерѣ одѣваться, по подробностямъ гардероба, узнаю: кто? откуда? сколько?

— Ну, и кто же она была? — По описанію Боровецкій узналъ жену Цукера.

— Да вотъ не знаю... первый разъ измѣнилъ мнѣ мой

методъ. По шляпѣ и лицу—свѣтская женщина, милліонерша, по платью—зажиточная особа, ѣздящая въ каретахъ; фильдекосъ напоминаетъ учительницу, жену чиновника или мелкаго купца; нижняя юбочка,—я замѣтилъ и ее,—изъ желтаго дешеваго шелка,—ничего себѣ, но... украшена бумажными кружевами. Поймите—бумажными! — отчеканилъ онъ почти съ ужасомъ.

— Что-же это значитъ?

— Дешевка, тротуарная дамочка или, въ лучшемъ случаѣ, разряженная выскочка. Это меня доконало: сразу пропалъ всякій интересъ. Я окинулъ ее взглядомъ еще разъ,—она, должно быть, обидѣлась, перешла на другую сторону...

— Ну, а вы опять за ней?

— Нѣтъ, не стоило. Если бъ я даже ошибся въ моей оцѣнкѣ, то уже одно заметаніе платьемъ грязи достаточно убѣдило меня, что это обыкновенная лодзинская неряха. Ни одна варшавская модистка не сдѣлаетъ этого: во-первыхъ, у нихъ красивыя ноги, а во-вторыхъ—пачкать платье... фи!..

Онъ сдѣлалъ презрительную гримасу и остановился.

— До свиданья. Мнѣ нужно сюда, — сказалъ Карлъ и, чтобы избавиться отъ него, зашелъ въ кондитерскую на углу пассажа Мейера.

У него вдругъ мелькнула мысль доставить удовольствіе „колоніи".

Онъ купилъ пирожнаго, коробку конфектъ, и велѣлъ отнести все на Спацеровую улицу вмѣстѣ съ запиской на имя Камы. „Пусть дитя не плачетъ и подѣлится конфетками съ Picolo,—писалъ онъ:—авось, онъ другой разъ не украдетъ туфельки; и пусть дитя будетъ увѣрено, что негодный Карлъ сдѣлаетъ все, что возможно для Г.".

— Пусть и онѣ заработаютъ что-нибудь на моемъ дѣлѣ,—подумалъ Боровецкій, выходя на улицу.

Онъ такъ былъ всѣмъ доволенъ, что весело раскланивался съ многочисленными знакомыми, спѣшившими послѣ обѣда на работу, и съ нѣкоторою снисходительностью смотрѣлъ на Козловскаго, который по другой сторонѣ улицы шелъ за какими-то женщинами, поминутно заглядывая имъ въ глаза.

Козловскій казался ему смѣшнымъ, въ сакъ-пальто, въ свѣтлыхъ брюкахъ, демонстративно завернутыхъ надъ лакированными ботинками, съ цилиндромъ на затылкѣ и съ необыкновенно подвижнымъ лицомъ, напоминавшимъ мопса.

Тротуары были буквально переполнены рабочими, спѣшившими на фабрики; нѣкоторые на бѣгу еще кончали свой обѣдъ. Стукъ деревянныхъ подошвъ наполнялъ улицу и терялся въ воротахъ и боковыхъ проходахъ вмѣстѣ съ вол-

ной почернѣвшихъ, изможденныхъ, оборванныхъ рабочихъ.

Около тротуара двигалась убогая похоронная процессія. Бѣлый гробикъ несли четверо одѣтыхъ въ черное подростковъ; впереди несъ крестъ, сонно шлепая по глубокой грязи, костельный сторожъ, въ синей пелеринѣ, сгорбленный, съ лысой головой. Покойника провожало нѣсколько дѣтей подъ зонтиками; они шли возлѣ самаго тротуара, потому что извозчичьи пролетки, кареты и возы, нагруженные товаромъ, поминутно сгоняли ихъ съ улицы и обрызгивали гробикъ черной липкой грязью, которую ежеминутно вытирала фартукомъ какая-то старуха.

Никто не имѣлъ времени обращать вниманіе на похороны; только рабочіе снимали шапки, или работницы набожно крестились и опять бѣжали дальше, подгоняемые свистками.

Боровецкій остановился, ища глазами извозчика, и въ въ это время замѣтилъ, что ему кланяются изъ коляски Мада Мюллеръ и ея братъ, который, въ красной шапочкѣ, съ красно-зеленой лентой корпораціи черезъ плечо и съ большимъ чернымъ пуделемъ на колѣняхъ, сидѣлъ, раскинувшись, въ экипажѣ.

Проѣхавъ нѣсколько шаговъ, экипажъ остановился у тротуара.

Мада съ улыбкой обратилась къ Боровецкому:

— Пане, а гдѣ обѣщанный списокъ книгъ? Вы такъ держите слово?—начала она, едва успѣвъ поздороваться.

Боровецкій посмотрѣлъ въ ея золотистые глаза.

— Откровенно признаюсь, забылъ, но торжественно обѣщаю исправиться и сегодня же прислать.

— Не вѣрю; требую гарантіи,—весело щебетала она.

— Готовъ дать подписку.

— Подписки мало, — смѣялась она, приходя въ веселое настроеніе отъ комическаго тона, какимъ онъ говорилъ.

— Въ такомъ случаѣ, я представлю поручительство какой-нибудь крупной фирмы.

— Развѣ madame Ликертъ?—быстро проговорила она и спрятала лицо въ бархатную муфту, испугавшись собственныхъ словъ.

— Столько разъ говорилъ я ей, — пробормоталъ Вильгельмъ,—что она глупа, а все не вѣритъ.

— Куда панъ идетъ?—спросила Мада, желая поправить свою неловкость, и подняла покраснѣвшее лицо.

— На работу,—безъ замѣшательства отвѣтилъ онъ, хотя упоминаніе о Ликертовой было ему очень непріятно.

— Подвеземъ пана, Мада?

— О, съ удовольствіемъ. Вы не откажетесь?

— Сажусь, вмѣсто отвѣта.

— Вильгельмъ, сядь рядомъ съ собакой, а пану уступи свое мѣсто.

— Благодарю, я сяду тутъ, мнѣ удобнѣе будетъ видѣть... Славная собака!

— Стоитъ три тысячи марокъ. Получила медаль на выставкѣ и представлялась самому Каприви.

— Значитъ, знаменитость!

— Злая, лаетъ на меня, изорвала мой новый фартукъ.

— И вы ее не наказали за такое преступленіе?

— Развѣ Вильгельмъ позволитъ?

— А вы, господа, куда ѣдете?

— Мада что-то осматривала въ аристократическомъ салонѣ, вѣроятно, снова хочетъ купить какую-нибудь глупую картину. А я хотѣлъ провѣтрить своего Цезаря: онъ скучаетъ дома такъ же, какъ и я.

— Когда же вы возвращаетесь въ Берлинъ? — спросилъ Боровецкій.

Мада засмѣялась громко и задушевно.

— Онъ цѣлый мѣсяцъ уѣзжаетъ и каждый день ссорится изъ-за этого съ папой.

— Мада, ты глупа и не говори о томъ, чего не понимаешь, — раздраженно отвѣтилъ братъ, и его шрамъ сталъ краснымъ. Онъ выпрямился и сидѣлъ пасмурный.

— Скажите, пане, вамъ я тоже кажусь такой глупой? Мнѣ объ этомъ дома постоянно говорятъ, и я, наконецъ, сама должна буду повѣрить... Между тѣмъ, я знаю, напримѣръ, что Вильгельмъ надѣлалъ въ Берлинѣ долговъ, которые папа платить не хочетъ, потому онъ и сидитъ въ Лодзи,— говорила она, насмѣшливо смотря на брата.—Ха-ха-ха, какую смѣшную мину онъ сдѣлалъ!

— Молчи, иначе я слѣзу и прямо пойду къ отцу, пожалуюсь...

— Слѣзай! намъ съ паномъ Боровецкимъ будетъ удобнѣе... Однако, пане, вы не отвѣтили на мой вопросъ?

— Такіе вопросы остаются безъ отвѣта.

— Вы не хотите сказать правду?

— Въ этомъ случаѣ я правды не знаю.

— Когда же я получу списокъ?

— Сегодня же.

— Не вѣрю. Въ наказаніе вы сами должны принести.

— Если таково наказанье, то какая же будетъ награда?

— Вы получите хорошій кофе!—наивно отвѣтила она.

Вильгельмъ такъ громко разсмѣялся, что Цезарь даже залаялъ.

— Развѣ я сказала какую-нибудь глупость?—спросила она, раскраснѣвшись отъ безпокойства.

— Панъ Вильгельмъ смѣется надъ собакой: посмотрите, какой у нея курьезный видъ.

— Вы, пане, добрый человѣкъ, это даже папа говоритъ, и всѣ наши, кромѣ Вильгельма.

— Мада!

— Какъ мнѣ ни хорошо съ вами, господа, но я уже возлѣ своей фабрики. Благодарю и спѣшу проститься.

— Мы ждемъ васъ въ воскресенье послѣ обѣда.

— Помню и жалѣю, что воскресеніе не завтра.

Мада весело разсмѣялась, окинувъ его задушевнымъ взглядомъ.

Онъ немного постоялъ еще на тротуарѣ и замѣтилъ, что она нѣсколько разъ оглянулась.

— Жаль, что у Анки нѣтъ милліона! — подумалъ Боровецкій, спѣша на фабрику, которая послѣ обѣденнаго роздыха снова пришла въ движеніе.

Изъ боковыхъ построекъ вдругъ выѣхалъ отрядъ вольной пожарной команды и помчался во весь опоръ, такъ что грязь подъ колесами глубоко раскрывалась.

— Гдѣ горитъ, пане Рихтеръ?—спросилъ Карлъ начальника вольной команды, одного изъ директоровъ прядильни, котораго фабричный швейцаръ застегивалъ и стягивалъ поясомъ.

— Застегивайте же!—кричалъ онъ швейцару, который съ трудомъ втискивалъ его огромный животъ въ пожарный мундиръ, настолько тѣсный, что отскакивали пуговицы.

— Давно?

— Ужъ съ полчаса, и, кажется, все уже въ огнѣ... Сильнѣе, пане Шмитъ!

— Потому такая и спѣшка?

— Гросглюкъ телефонировалъ Бухгольцу, умоляя его, на зло Грюнспану, не допустить сгорѣть зятю.

— Ага, хотятъ разорить его!

— Третій пожаръ сегодня.

— Фабрики?

— Ну, да.

— Вознаграждаютъ свои потери отъ послѣднихъ банкротствъ.

— Пусть ихъ черти поберутъ, проклятыхъ висѣльниковъ: они зарабарываютъ, а мы, какъ собаки, съ высунутыми языками, бѣгаемъ съ пожара на пожаръ!

— Что дѣлать, если это необходимо ради баланса.

— До свиданія! Уфъ, лопну, ей-Богу!—говорилъ Рихтеръ, садясь въ ожидавшую его передъ воротами пролетку, и тот-

часъ помчался вслѣдъ за пожарными, блестящія каски которыхъ виднѣлись уже на концѣ улицы.

— Ого! начинается горячій сезонъ,—подумалъ Боровецкій и поспѣшилъ къ телефону, чтобы сказать Максу Бауму о телеграммѣ Морица.

Онъ не успѣлъ еще отойти отъ телефона, какъ послышался звонокъ.

Говорилъ Травинскій о томъ, что сейчасъ придетъ по очень важному дѣлу.

— Жду въ печатнѣ,—отвѣтилъ Карлъ и скоро очутился между вагонетками, машинами, кучами матеріала, которыя направлялись во всѣ концы, какъ разноцвѣтныя ленты, въ лѣсу безконечныхъ ремней, колесъ, среди адскаго грохота и пара, поднимавшагося, точно облако, надъ „прачешной“; его сразу охватилъ хаосъ звуковъ, и онъ весь ушелъ въ эту дикую, захватывающую жизнь фабрики.

Карлъ осматривалъ товары, давалъ распоряженія и мчался дальше, совсѣмъ забывая обо всемъ, что не было связано съ работой.

Послѣ нервнаго напряженія послѣднихъ дней ему было здѣсь легче; усталость проходила, и онъ точно заряжался безчисленными токами энергіи людей и машинъ, которыми охваченъ былъ со всѣхъ сторонъ.

Онъ обошелъ всѣ отдѣленія и вернулся въ „кухню“.

Муррей въ маленькой комнатѣ, за стеклянной перегородкой, производилъ опыты на небольшой печатной машинѣ. Они не удавались, краска разливалась по матеріалу, и рисунокъ размазывался. Англичанинъ былъ въ бѣшенствѣ, лицо его отъ волненія стало сѣрымъ, а длинные желтые зубы оскалились, какъ у бульдога, но губы всетаки складывались въ нѣжную улыбку. Онъ вытиралъ руки о фартукъ и тихо бранился.

— Съ полудня мучаюсь, и ничего не выходитъ!

Боровецкій энергично было занялся его работой, но ему помѣшалъ Травинскій, который пришелъ необыкновенно взволнованный и, забывъ даже поздороваться, съ порога попросилъ конфиденціальнаго разговора.

— Пойдемъ въ вальцовый магазинъ, тамъ нѣтъ никого,—предложилъ Боровецкій.

Они направились туда.

Травинскій шелъ, будто ничего не сознавая. Его голубые глаза блуждали по сторонамъ; худое красивое лицо было измучено, выраженіе горечи застыло въ углахъ губъ, едва прикрытыхъ маленькими русыми усами. Онъ былъ старый товарищъ и другъ Карла, а въ настоящее время собственникъ довольно большой хлопчатобумажной прядильни.

— Говори! — сказалъ Карлъ, вводя его въ большую, высокую залу, уставленную рядами желѣзныхъ полокъ, блестѣвшихъ мѣдными печатными вальцами, похожими на громадные свитки папируса, покрытые, какъ бы іероглифами, выпуклыми рисунками.

— Сейчасъ разскажу,—прошепталъ Травинскій, садясь на какой-то ящикъ.

Онъ снялъ шляпу, оперся головой о стѣну и нѣсколько времени сидѣлъ молча, собираясь съ духомъ.

— Ты боленъ? Видъ у тебя ужасный.

— Какъ же иначе можетъ смотрѣть банкротъ?—отвѣтилъ онъ съ горечью.

— Что случилось? Опять тебя кто-нибудь подвелъ?

— Хуже: я банкротъ, и, вѣроятно, безнадежный!

— Что ты говоришь!—вскрикнулъ Карлъ, притворяясь изумленнымъ, хотя уже зналъ о положеніи Травинскаго.

— Крахъ, который подкосилъ болѣе сильныхъ, а въ настоящую минуту заставляетъ горѣть Гросмана, не пощадилъ и меня. Въ субботу платежъ по векселямъ, для уплаты же нѣтъ ничего, кромѣ векселей, выданныхъ такими же банкротами, иначе сказать, у меня рѣшительно ничего нѣтъ. Если не заплачу, все будетъ кончено. Чортъ побери такое счастье! Третій разъ я стою надъ пропастью и, если упаду теперь, больше уже не встану.

— Сколько ты долженъ заплатить?

— Пятнадцать тысячъ!

— Банкротство изъ-за такой ничтожной суммы!

— Сумма ничтожная, но у меня ея нѣтъ. Хотѣлъ занять, но въ Лодзи теперь такой переполохъ, что вчера Гросглюкъ отказалъ въ двадцати тысячахъ Розенбергу. Никто, ни одинъ банкъ не хочетъ учитывать самыхъ солидныхъ векселей, всѣ боятся, потому что Лодзь дрожитъ. Чѣмъ это кончится! А тутъ еще ужасный сезонъ! У меня на десять тысячъ готовой пряжи, и ни одна собака не требуетъ, постоянные покупщики на половину уменьшили производство, а я долженъ продолжать работать, долженъ двигать эту машину, потому что, если она остановится на минуту, я погибъ. И безъ того все плохо, а тутъ еще банкротства добиваютъ... Какія времена! Имѣя такія гарантіи, какъ цѣлая фабрика, столько машинъ, не можешь достать пятнадцати тысячъ!

— Ты пробовалъ у Бухгольца? Онъ вчера помогъ Валькману.

— Ну, это на зло Шаѣ. Я вообще не могу просить помощи у этого пруссака. Онъ мнѣ противенъ, и я прямо считалъ бы униженіемъ...

— Что дѣлать, если нѣтъ другого спасенья.

— Нѣтъ, онъ знаетъ, что я о немъ думаю.

— Я бы оказалъ тебѣ содѣйствіе.

— Благодарю тебя, не могу: будетъ не только противъ моихъ принциповъ, но прямо свинство и униженіе обращаться за помощью къ человѣку, котораго ненавидишь и прямо, не стѣсняясь, выражаешь ему это.

— Шляхетская этика, — раздраженно сказалъ Карлъ, закуривая папиросу.

— Не шляхетская, а простая этика порядочнаго человѣка.

— Не забывай, что ты въ Лодзи. Тебѣ все кажется, что ты имѣешь дѣло съ цивилизованными людьми. Лодзь—лѣсъ, дикая пустыня: если у тебя сильные когти, смѣло и безъ оглядки дави ближнихъ, иначе они тебя задушатъ, высосутъ и выплюнутъ вонъ.

Карлъ, тронутый несчастьемъ товарища, долго еще говорилъ. Онъ хорошо зналъ Травинскаго, цѣнилъ его, какъ человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ къ нему какую-то пренебрежительную злобу за то простофильство, съ которымъ онъ хотѣлъ вести дѣла на честность, гдѣ для нея почти не было мѣста.

Травинскій долго молчалъ, опершись головой въ какой-то длинный валъ, и слѣдилъ глазами за Карломъ, который, въ волненіи, быстро расхаживалъ по узкому проходу между полками.

Фабрика шумѣла, какъ море; стѣны дрожали, скользившіе подъ потолкомъ безконечные ремни рѣзко свистѣли, и еще болѣе рѣзкій лязгъ желѣзныхъ токарныхъ станковъ доносился изъ модельной, отдаваясь на измученныхъ нервахъ Травинскаго глухой болью.

— Что ты думаешь предпринять?—прервалъ молчаніе Боровецкій.

— Я пришелъ просить у тебя взаймы. Вѣрь, что я не рѣшился бы, если бы не крайность.

— Не могу, абсолютно не могу. Деньги у меня есть, но ты, вѣроятно, слышалъ: я самъ открываю фабрику, а кромѣ того, въ настоящую минуту, мнѣ предстоитъ большой расходъ по другому предпріятію.

— Одолжи мнѣ только на мѣсяцъ, я гарантирую тебѣ 15,000 фабрикой, всѣмъ, что имѣю. Навѣрно, хватитъ на погашеніе въ самомъ худшемъ случаѣ.

— Вѣрю тебѣ, но не дамъ. Ты человѣкъ, которому не везетъ; я просто боюсь вступать съ тобой въ какія бы то ни было дѣла. Можетъ быть, ты удержишься, можетъ быть, свалишься, кто тебя знаетъ! Мнѣ нужно жить, нужно имѣть фабрику. Я продлилъ бы твое существованіе на какой-нибудь годъ, а самъ погибъ бы.

— Ты, по крайней мѣрѣ, откровененъ,—проговорилъ Травинскій съ горечью.

— Милый мой, зачѣмъ водить другъ друга за носъ! Я ненавижу безсмысленную ложь, какъ ненавижу и сантиментальное нѣжничанье съ каждымъ несчастнымъ, которое не приноситъ ему никакой пользы. Развѣ что онъ умретъ, облитый слезами участія. Будь возможность, я бы далъ, а такъ какъ ея нѣтъ, то отказываю. Вѣдь не могу же я отдать пальто, если безъ него придется мерзнуть самому.

— Ты правъ. Вопросъ исчерпанъ. Извини, что надоѣлъ тебѣ.

— Ты сердишься?— сказалъ Карлъ, удивленный тономъ его голоса.

— Нѣтъ. Ты такъ ясно поставилъ вопросъ, что я понимаю твой отказъ. Мнѣ отъ него, можетъ быть, больно, но онъ вполнѣ понятенъ для меня.

Травинскій всталъ.

— Ты не думаешь идти на сдѣлку?

— Нѣтъ, злостнымъ банкротомъ я не стану, я могу разориться только честно.

— Можно бы найти еще средство,

— Укажи, буду очень радъ.

— Ты застрахованъ на большую сумму?

— Я перестраховывался осенью, послѣ неудавшагося поджога.

— Жаль, что не сгорѣлъ тогда. Рабочій, желавшій тебѣ отомстить, оказалъ бы въ дѣйствительности большую услугу.

— Ты серьезно говоришь?

— Совершенно! И такъ же серьезно обращаю твое вниманіе на то, что въ настоящую минуту горитъ Гросманъ, ночью сгорѣлъ Гольдштанъ, завтра сгоритъ, навѣрно, Феликсъ Фишбинъ, Рихтеръ, Фуксъ и другіе. Что ты на это скажешь?

— Что я не былъ и не буду поджигателемъ и негодяемъ!

— Я вѣдь не совѣтую тебѣ это дѣлать, а только указываю на соперниковъ, на ихъ способы борьбы за существованіе; съ такими конкурренціи не выдержишь.

— Что дѣлать... Если не хватитъ силъ, пущу пулю въ лобъ.

— А жена?—спросилъ Боровецкій, замѣтивъ въ его глазахъ безнадежное отчаяніе.

Травинскій вздрогнулъ.

— Мнѣ пришла въ голову идея!—продолжалъ Боровецкій.—Ты знаешь старика Баума?

— Мы сосѣди и даже въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

— Иди къ нему, разскажи все откровенно. Это такой удивительный фабрикантъ, что онъ, навѣрно, тебѣ поможетъ. Головой ручаюсь, что если онъ тебя знаетъ, то поможетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, счастливая мысль!.. Впрочемъ, я ничего не потеряю, если и откажетъ!

— Конечно, ничего, а попытаться стоитъ. Это исключительный экземпляръ среди лодзинцевъ. Человѣкъ могъ бы имѣть милліоны и не захотѣлъ нагнуться за ними; сотни тысячъ рублей заплатилъ за другихъ; врагъ крупной промышленности; рутинеръ, снобъ или „архифіалка", какъ его называютъ, а въ сущности—сумасшедшій, пережитокъ временъ ручного производства...

Они молча простились.

Карлъ почувствовалъ нѣкоторый холодъ въ прощальномъ пожатіи товарища. Онъ смотрѣлъ на него съ необъяснимымъ чувствомъ сожалѣнія.

— Простофиля!—думалъ онъ, едва удерживаясь, чтобы не сказать это въ слухъ и стараясь заглушить въ себѣ какой-то неясный упрекъ самому себѣ, который быстро разростался.

Онъ оправдывалъ свой отказъ и въ тоже время былъ собой не доволенъ. Передъ его глазами все стояло лицо Травинскаго, съ печатью вѣчной заботы и безпокойства. Онъ чувствовалъ, что долженъ былъ дать ему, что тутъ не было даже риска и онъ оказалъ бы большую услугу. Это сознаніе терзало его все сильнѣе.

— Какое мнѣ дѣло, если чортъ возьметъ лишняго человѣка,—думалъ онъ, проходя черезъ отдѣленіе, заваленное до потолка кучами бѣлаго товара, который попадалъ на машины, проходя между двухъ ножей, срѣзавшихъ съ матеріи хлопчатобумажный мохъ, который образуется при тканьѣ.

Нѣсколько женщинъ работало въ этой бѣлой, холодной и относительно тихой залѣ, наполненной почти неуловимымъ облакомъ хлопчатобумажной пыли; она висѣла надъ машинами, одѣвала бѣлымъ покровомъ людей и дрожала сѣроватымъ мхомъ на безконечныхъ ремняхъ, исчезавшихъ въ потолкѣ.

Боровецкій окинулъ взглядомъ залу и подошелъ было къ подъемной машинѣ, какъ вдругъ раздался короткій, страшный крикъ.

Одно изъ колесъ зацѣпило блузу неосторожно подвинувшагося рабочаго, втянуло его въ машину, изломало, размозжило и выбросило окровавленное тѣло, ни на минуту не переставая двигаться.

Кровь брызнула до самаго потолка и красною струей залила часть товара и стоявшихъ близко работницъ.

Страшный крикъ повторился, машину остановили, но было уже поздно: кровавая масса свѣшивалась съ оси колесъ и съ разныхъ частей машины и спускалась на землю,—тяжелая, еще вдрагивавшая трепетомъ жизни.

Рабочій былъ буквально размозженъ и лежалъ, какъ куча мяса, кровавымъ пятномъ на бѣломъ фонѣ сырыхъ ситцевъ.

Поднялся тихій плачъ женщинъ; нѣкоторыя постарше стали на колѣни возлѣ трупа и начали громко читать молитву за умершихъ; рабочіе поснимали шапки и сбились въ кучу... Глаза ихъ не сверкали слезами: въ нихъ отражалась дикая, суровая апатія. Зала онѣмѣла, и въ этой тишинѣ слышались только всхлипыванія женщинъ да грохотъ сосѣднихъ отдѣленій, которыя не прекращали работы.

Какъ только явился фельдшеръ, постоянно дежурившій на фабрикѣ, Боровецкій ушелъ.

Прибѣжалъ главный мастеръ и, видя, что работа стоитъ, крикнулъ еще съ порога:

— Къ машинамъ!

Всѣ разбѣжались, какъ птицы, встревоженныя ястребомъ, и черезъ минуту все пришло въ движеніе, кромѣ одной залитой кровью машины, которую тотчасъ же стали чистить.

— Ferflucht! сколько погибло матеріала! — ругался мастеръ, осматривая запачканный кровью ситецъ, и сталъ бранить рабочихъ, угрожая вычесть со всѣхъ за порчу.

Боровецкій уже ничего не слышалъ: подъемная машина съ быстротой молніи перенесла его въ красильню. Несчастный случай не произвелъ на него никакого впечатлѣнія: онъ уже привыкъ къ такимъ вещамъ.

— Соха!—обратился онъ къ протеже своей невѣсты, который сегодня былъ первый разъ на фабрикѣ и развозилъ матеріалъ въ вагонеткахъ.

Мужикъ вытянулся.

— Какъ же ваши дѣла?

— Да вотъ работаю, вельможный панъ!

— Ну, работайте, только остерегайтесь машинъ.

— Ахъ, эти стервы!—воскликнулъ мужикъ и хотѣлъ велѣть женѣ досказать остальное, какъ машина оторвала сегодня у него кусокъ кафтана,—но жены не было, да и Боровецкій ушелъ; за нимъ прислалъ Бухгольцъ. Соха съ грустью посмотрѣлъ на свой кафтанъ, превратившійся по милости машины въ пиджакъ, почесалъ голову, поплевалъ на руки и направилъ вагонетку къ подъемной машинѣ, такъ какъ со всѣхъ сторонъ начали ругаться, что онъ загораживаетъ дорогу.

IX.

Травинскій вышелъ въ угнетенномъ состояніи духа.

Идя къ Боровецкому, онъ былъ почти увѣренъ въ благопріятномъ исходѣ своей просьбы, принимая, какъ и всякій человѣкъ въ безвыходномъ положеніи, свое желаніе за фактъ, который долженъ случиться.

Отъ Карла Травинскій отправился, взявъ извозчика, на Петроковскую. Онъ ничего уже не думалъ, чувствовалъ себя разбитымъ и неспособнымъ ни къ какому активному поступку. Съ пассивностью переутомленія поддавался онъ наплыву горечи и смотрѣлъ почти съ отчаяніемъ на грязный, смоченный дождемъ городъ; на покрытые грязью тротуары, заполненные пѣшеходами, на безчисленныя трубы, которыя, какъ тополи, возвышались надъ плоскими крышами и исчезали въ надвигавшихся сумеркахъ, свидѣтельствуя о своемъ существованіи только клубами бѣлаго дыма; на сотни возовъ съ углемъ, которые громадной цѣпью тянулись къ фабрикамъ; на полныя товаровъ платформы ломовиковъ; на экипажи, быстро мелькавшіе въ разныхъ направленіяхъ; на безчисленные конторы и склады, переполненные товарами и людьми; на безпрерывное уличное движеніе, на напряженную, кипѣвшую кругомъ жизнь. Онъ чувствовалъ свое безсиліе, сознавая, что еще немного, и онъ изъ этого омута, изъ этой машины, называемой Лодзью, вылетитъ, какъ отбросъ, изжеванный и негодный кусокъ мяса. Онъ глядѣлъ съ безсильною ненавистью на фабрики, сверкавшія въ темнотѣ тысячами оконъ, на громадную улицу, которая разливала потоки огней и трепетала энергіей, силой жизни. Ему больно было смотрѣть на электрическіе фонари, зажженные во дворахъ, больно слушать глухой, но могучій и безпрерывный шумъ, который выливался на улицы изъ фабрикъ и мастерскихъ, больно отъ бьющей ключомъ жизни, отъ страшнаго сознанія близкой смерти, когда потухающими глазами замѣчаешь, что столько еще остается живыхъ! И это сознаніе разъѣдало его душу невыразимою завистью.

Онъ не умѣлъ жить, не умѣлъ приспособляться къ средѣ.

Онъ потратилъ столько силъ, ума, заботъ, капиталовъ, своихъ и чужихъ, прожилъ столько лѣтъ, полныхъ страданій, и зачѣмъ?.. Чтобы опять начинать сначала! Чтобы снова возводить зданіе, которое, въ концѣ концовъ, рухнетъ на его-же голову.

Травинскому показалось невыносимо сидѣть въ пролеткѣ, и онъ пошелъ пѣшкомъ къ старику Бауму, но старался от-

далить минуту послѣдняго разочарованія, да и не могъ оторваться отъ улицы.

Затерявшись въ толпѣ, которая двигалась по тротуару, толкала и несла его, Травинскій безсмысленно всматривался въ магазинныя витрины, купилъ даже въ какой-то кондитерской конфектъ для жены, поздоровался тамъ съ нѣсколькими знакомыми и опять пошелъ, засматриваясь на фабрики, на освѣщенныя окна, за которыми мелькали силуэты машинъ и людей. Окружающій гамъ постепенно оглушалъ его, и онъ становился все равнодушнѣе.

Онъ не замѣчалъ дождя, моросившаго безъ перерыва, забылъ даже открыть зонтикъ, ничего не видѣлъ, кромѣ конторъ, переполненныхъ людьми и товарами, и торопливо работавшихъ фабрикъ.

— Добрый вечеръ, пане Травинскій!

— Добрый вечеръ, пане Гальпернъ!

Онъ пожалъ руку высокаго, довольно небрежно одѣтаго Гальперна.

— Вышли прогуляться?

— Да, хотѣлъ немного пройтись.

— Лодзь вечеромъ очень красива. Я ежедневно выхожу изъ конторы пошататься и посмотрѣть на городъ.

— Вы любитель красотъ, пане Гальпернъ!

— Что дѣлать! если проживешь пятьдесятъ шесть лѣтъ въ одномъ мѣстѣ, всѣхъ знаешь, то можно стать любителемъ.

— Что новаго?

— Что новаго? Плохія дѣла: хлынулъ настоящій дождь протестованныхъ векселей, можно будетъ покупать ихъ на вѣсъ. Но это не бѣда.

— Почему?

— Негодяевъ чортъ приберетъ, а Лодзь всетаки останется. Я видѣлъ въ Лодзи худшія времена! Послѣ дурного всегда наступаетъ хорошее, такъ и теперь будетъ. Зачѣмъ шумѣть изъ-за пустяковъ! Для умныхъ людей всегда хорошее время.

— А для честныхъ когда оно бываетъ?—спросилъ Травинскій съ ироніей.

— Гмъ!.. Для нихъ уготовано небо; зачѣмъ имъ хорошее на землѣ?

— Гросманъ, кажется, сгорѣлъ?

— Очень удачно, очень удачно! Двѣсти пятьдесятъ тысячъ страховыхъ—все равно, что въ кассѣ. Но у Гольдштанда, который сгорѣлъ ночью, вышло маленькое недоразумѣніе съ полиціей. И по дѣломъ ему: если не умѣешь, не берись!

— Чья же теперь очередь?

— Изъ болѣе крупныхъ: Рихтеръ и Фишбинъ.

— То же самое говорилъ мнѣ Боровецкій

— Панъ Боровецкій, ого-го! Онъ знаетъ Лодзь, онъ знаетъ, что кому нужно.

— Ну, и вы тоже хорошо знаете Лодзь.

— Я? Можно сказать, наизусть. Пятьдесятъ лѣтъ смотрю на здѣшія фирмы и могу предсказать судьбу каждой возникающей вновь. Вѣрьте мнѣ, пане Травинскій, мое слово—не вѣтеръ, а документъ, вексель съ надежнымъ поручительствомъ.

Травинскій ничего не отвѣтилъ, и они молча продолжали идти рядомъ.

Гальпернъ, закрываясь зонтикомъ, любовно посматривалъ на дома и фабрики; его большіе черные глаза свѣтились фосфорическимъ блескомъ на блѣдномъ лицѣ, обрамленномъ сѣдой бородою. У него была голова патріарха, посаженная на худой, искривленный скелетъ. Длинное истрепанное пальто висѣло на немъ, какъ на палкѣ.

— Я знаю тутъ каждый домъ, — заговорилъ онъ съ жаромъ.—Я помню Лодзь, когда здѣсь было двадцать тысячъ жителей, а теперь въ ней триста тысячъ! И я дождусь, когда въ ней будетъ полмилліона, — раньше не умру! Я долженъ видѣть это своими глазами и порадоваться.

— Если она не провалится до того времени,—прошепталъ съ ненавистью Травинскій.

— Ха-ха-ха, пане Травинскій, не говорите жалкихъ словъ! Лодзь была, есть и будетъ! Вы ее не знаете! Извѣстны-ли вамъ ея обороты за прошлый годъ? Двѣсти тридцать милліоновъ рублей! — вскрикнулъ Гальпернъ съ такимъ воодушевленіемъ, что даже остановился на тротуарѣ. — Ничего себѣ сумма! Вы покажите мнѣ другой такой городъ!

— Нечѣмъ гордиться... А, впрочемъ, вы правы: болѣе злодѣйскаго города не сыщешь въ Европѣ,—говорилъ Травинскій со злобой.

— Злодѣйскій?!.. Для меня это пустой звукъ. Для меня важно, чтобы строили дома, фабрики, проводили улицы, устраивали пути сообщенія! Я хочу, чтобы моя Лодзь росла, чтобы въ ней были великолѣпные дворцы, красивые сады, большая торговля, большія деньги.

— А для начала—большія мошенничества и большая дешевка.

— Въ этомъ нѣтъ бѣды, разъ все это содѣйствуетъ величію Лодзи.

— А пока пусть она провалится!.. Спокойной ночи, пане Давидъ.

— Спокойной ночи, пане Травинскій. Ваше слово не можетъ быть послѣднимъ для Лодзи.

— Послѣднее и совершенно искреннее!.. Извозчикъ! — крикнулъ Травинскій.

— Голышъ! — пренебрежительно прошепталъ ему вслѣдъ Гальпернъ и повернулъ обратно. Онъ всматривался въ дома, фабрики, магазины, склады очарованными глазами; шелъ, какъ загипнотизированный, не замѣчая ни дождя, ни толчковъ, отъ которыхъ попадалъ въ водосточныя канавы и натыкался на стѣны; ни возовъ, ни пролетокъ, которыя обрызгивали его грязью на перекресткахъ...

Травинскій жилъ довольно далеко, и въ концѣ Константиновской улицы велѣлъ свернуть въ настолько темный и грязный переулокъ, что извозчикъ не захотѣлъ туда ѣхать. Пришлось пойти пѣшкомъ. Тротуаръ едва возвышался надъ уровнемъ немощеной улицы, обратившейся отъ грязи въ черную рѣку, которую пересѣкали золотыя полоски свѣта, выходившаго изъ оконъ низкихъ домовъ.

Здѣсь обитали кустари-ткачи, и въ каждомъ окнѣ мелькали силуэты станковъ, наполняя улицу монотоннымъ стукомъ и трескотней.

Поперечные переулки съ одной стороны тянулись до самыхъ полей. Не смотря на шумъ станковъ,—покосившіеся домишки, разрушенные заборы говорили о нищетѣ и заброшенности. Травинскому стало жутко и холодно отъ пронизывающаго, сырого вѣтра, который дулъ съ полей.

Надъ этимъ утопавшимъ въ грязи кварталомъ, такъ не похожемъ на остальную Лодзь, царила фабрика Мюллера. Четырехъ-этажные корпуса возвышались надъ моремъ низкихъ домиковъ, внушительно сверкая тысячами оконъ.

Фабрика, какъ могучее олицетвореніе силы, казалось, пригибала къ землѣ ряды искривленныхъ хибарокъ. Чувствовалось, что эти огромныя зданія съ страшнымъ гуломъ сотенъ машинъ постепенно высасываютъ жизнь изъ стараго квартала, пожираютъ процвѣтавшую здѣсь когда-то мелкую ручную промышленность. Она еще отчаянно защищалась, но безъ надежды на побѣду.

Фабрика Травинскаго скромно стояла рядомъ съ фабрикой Мюллера, отдѣленная отъ нея лишь узкимъ огородомъ.

Старый, безногій ветеранъ, отворившій ворота Травинскому, вытянулся по военному и ждалъ приказаній, но хозяинъ только улыбнулся при видѣ этого археологическаго наслѣдія и направился въ контору, гдѣ нѣсколько человѣкъ дремало надъ книгами. Потомъ онъ заглянулъ въ прядильню, осмотрѣлъ машины и снова вышелъ на длинный дворъ,

освѣщенный желтыми огнями газовыхъ фонарей, которые рядомъ съ электрическими лампами Мюллеровской фабрики казались похоронными свѣчами.

Стоявшій въ глубинѣ садика одноэтажный домъ, благодаря своему готическому стилю, казался втрое выше, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Изъ оконъ, закрытыхъ шторами, пробивался свѣтъ. Миновавъ нѣсколько комнатъ, прелестно меблированныхъ, теплыхъ, уютныхъ, полныхъ нѣжнаго аромата цвѣтущихъ въ жандиньеркахъ гіацинтовъ, Травинскій вошелъ въ маленькій будуаръ.

Ковры заглушили его шаги, и Нина, не замѣчая возвращенія мужа, продолжала читать. Онъ остановился передъ портьерой.

— Нина! Ты одна?—спросилъ онъ, садясь возлѣ нея.

— А кто же могъ быть у меня?—печально отвѣтила Нина.

— Ты плакала?

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала она, быстро отвернувшись отъ свѣта.

— Я вижу слезы...

— Мнѣ такъ было скучно одной!—прошептала Нина, мягкимъ движеніемъ склонивъ голову на его грудь. Слезы снова наполнили ея глаза. — Я ждала тебя, а дождь все лилъ, хлесталъ въ окна, барабанилъ въ крыши и такъ странно клокоталъ въ водосточныхъ трубахъ, что мнѣ сдѣлалось страшно за тебя.

— Почему же за меня?

— Не знаю почему, но мною овладѣли какія-то дурныя предчувствія. Съ тобой ничего не случилось? Ты здоровъ и спокоенъ, правда?—спрашивала она, обнимая его.

Она гладила его волосы, цѣловала нѣжный, покрытый сѣткой синихъ жилокъ лобъ; ея зеленоватые, съ золотистыми рѣсницами глаза тревожно бѣгали по его худому, измученному лицу.

— Почему ты грустенъ?

— Въ такую ужасную погоду трудно быть веселымъ!

Онъ освободился изъ ея объятій и началъ ходить по будуару. Страшная буря разрывала его сердце. Если бы онъ могъ разсказать ей все, открыть свое положеніе, ему было-бы легче, но, смотря на прелестное лицо, склонившееся у лампы, которая освѣщала роскошные каштановые волосы, искрившіеся золотомъ на вискахъ, Травинскій чувствовалъ, что ни за что не скажетъ.

Онъ ходилъ все медленнѣе и съ какой-то жадностью дышалъ чистой, изысканной атмосферой своей квартиры; страннымъ взглядомъ всматривался онъ въ роскошную ме-

бель, въ безчисленныя бездѣлушки, бывшія настоящими произведеніями искусства большой цѣны, которыя они въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ свозили изъ всѣхъ частей свѣта, не считаясь съ расходами. Нина со своей аристократической натурой и артистической впечатлительностью ко всему прекрасному, съ душой мимозы, чувствовала себя хорошо только въ красивой обстановкѣ.

Онъ не мѣшалъ ей украшать ихъ жилище, тѣмъ болѣе, что самъ ощущалъ потребность окружать себя произведеніями искусства. Но теперь, въ виду близкаго разоренія, его терзалъ страхъ за завтрашній день, который отниметъ, вмѣстѣ съ этими богатствами, покой и счастье.

— Что дѣлать?—думалъ Травинскій, не переставая, и въ отвѣтъ ему приходило только одно: обратиться къ отцу. На мгновеніе эта мысль такъ овладѣла имъ, что онъ начиналъ уже смотрѣть радостно, но взглядъ быстро угасалъ, и уже затуманенными, полными тревоги глазами, посмотрѣлъ онъ на жену, когда она встала и пошла по амфиладѣ комнатъ.

Травинскій слѣдилъ глазами за ея тонкой, красивой фигурой. Нина удалялась съ какой-то таинственной улыбкой.

Вернувшись, она принесла довольно тяжелый деревянный ящикъ.

Вопросительно смотря на нее, онъ взялъ ящикъ и положилъ на столъ.

— Угадай, что такое? Я хотѣла сдѣлать тебѣ сюрпризъ.

— Не стану даже пытаться, — съ усиліемъ проговорилъ онъ, увидѣвъ на посылкѣ почтовыя печати и поблѣднѣвъ при мысли, что опять какая-нибудь дорогая покупка.

— Это отъ нашего Бандини, изъ Флоренціи, — та мозаичная доска, которую мы лѣтомъ видѣли... помнишь?

— Ты заказывала?—спросилъ онъ довольно рѣзко.

— Да, я хотѣла сдѣлать тебѣ сюрпризъ; ты вѣдь не сердишься?

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю тебя отъ всей души, — растерянно отвѣтилъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Давай вскроемъ, посмотримъ. Я велѣла прислать ту, поменьше, болѣе дешевую, а дешева она—невѣроятно!

— Прислали счетъ?

— Вотъ... Двѣ тысячи двѣсти лиръ, правда, совсѣмъ за безцѣнокъ?

— Да... за безцѣнокъ...—отвѣтилъ онъ, вскрывая ящикъ дрожащими руками.

Мозаика оказалась прелестной. На квадратной плитѣ изъ чернаго мрамора, рѣдкаго голубоватаго оттѣнка, былъ брошенъ букетъ фіалокъ, свѣтло-желтыхъ розъ и лиловыхъ,

обсыпанныхъ золотисто-ржавой пылью кукушкиныхъ слезокъ; одинъ мотылекъ съ рубиново-зелеными крыльями качался на цвѣткѣ кукушкиныхъ слезокъ, а два другіе носились въ воздухѣ. Работа была чудная: хотѣлось взять эти цвѣты или схватить за крылышки мотылька.

Нина, хотя и видѣла доску уже во Флоренціи, вскрикнула отъ изумленія и долго всматривалась въ нѣмомъ восторгѣ.

— Ты не смотришь, Казиміръ?

— Я видѣлъ; да, прекрасно, въ своемъ родѣ шедевръ,— тихо отвѣтилъ онъ.

— Знаешь, ее надо будетъ вставить въ широкую раму изъ матовой бронзы и повѣсить на стѣнѣ: жаль вдѣлывать въ столъ, — сказала она, нѣжно водя длиннымъ, тонкимъ пальцемъ по очертаніямъ листиковъ и цвѣтовъ, чувствуя наслажденіе отъ прикосновенія къ дивнымъ краскамъ.

— Мнѣ нужно идти, Нина! — проговорилъ Травинскій, вспомнивъ о старомъ Баумѣ.

— На долго? Возвращайся скорѣе, мой золотой, милый!— просила она, прижимаясь къ нему и цѣлуя въ губы.

— Не позже, чѣмъ черезъ часъ. Я къ Бауму, напротивъ.

— Буду ждать тебя пить чай.

— Хорошо.

Онъ поцѣловалъ жену и вышелъ, но на порогѣ остановился:

— Нина, поцѣлуй меня и пожелай мнѣ счастья, — сказалъ онъ.

Она исполнила его просьбу и вопросительно посмотрѣла, не понимая его словъ.

— За чаемъ я все объясню тебѣ.

Нина проводила его до передней и смотрѣла на него черезъ стеклянную дверь, пока онъ не исчезъ въ ночной темнотѣ.

Вернувшись въ будуаръ, она занялась было разсматриваніемъ мозаики, но входная дверь опять хлопнула.

— Я забылъ сказать тебѣ, — проговорилъ Казиміръ,—что мой университетскій товарищъ, съ которымъ ты въ прошломъ году познакомилась въ Швейцаріи, Гросманъ,сегодня сгорѣлъ.

— Какъ?

— До тла сгорѣла его фабрика, ничего не спасли.

— Бѣдный!—сочувственно воскликнула Нина.

— Нечего жалѣть: пожаръ-то, именно, и поставитъ его на ноги.

— Ничего не понимаю!

— Дѣла Гросмана шли плохо, онъ покачнулся,—какъ у насъ выражаются,—и вотъ, чтобы поправиться, онъ устроилъ

пожаръ. Фабрики и склады его застрахованы въ разныхъ обществахъ на большую сумму. Онъ получитъ страховую премію,которая въ четыре раза покроетъ всѣ убытки, и будетъ себѣ посмѣиваться въ усъ.

— Нарочно поджегъ?! Но это же преступленіе!—вскрикнула Нина возмущенно.

— Такъ говоритъ законъ, а на обиходномъ языкѣ это называется удачной аферой,—проговорилъ онъ быстро, съ лихорадочнымъ выраженіемъ лица и не смотря ей въ глаза.

— Онъ казался мнѣ такимъ благороднымъ; я прямо не хочу вѣрить!..

— Что дѣлать! когда разореніе заглянуло ему въ глаза, онъ оставилъ этику, отложилъ ее „на послѣ". Безъ этики жить можно, а безъ денегъ нельзя,—рѣшительно произнесъ Травинскій.

— Ахъ, нѣтъ, никогда, лучше умереть!—страстно воскликнула она: вся душа ея возмутилась при мысли о преступленіи.—Какъ хорошо, что ты такъ не думаешь и никогда не сдѣлалъ бы ничего дурного! Знаешь, если бъ я даже не любила тебя, то и тогда поклонялась бы тебѣ за твою доброту, за твое благородство.

Казиміръ молча поцѣловалъ ея разгорѣвшіеся отъ негодованія глаза, ея пурпуровыя, полныя губы, порицавшія безнравственныхъ людей, зло и грязь жизни; страстнымъ поцѣлуемъ онъ какъ будто хотѣлъ скрыть собственное униженіе, которое почувствовалъ отъ ея словъ, и заглушить какую-то блеснувшую мысль.

Онъ тотчасъ отправился на фабрику Баума, стоявшую въ глубинѣ огромныхъ садовъ.

Въ конторѣ онъ засталъ только Макса, который безъ сюртука сидѣлъ за конторкой.

— Если хотите, я могу позвать отца,—сказалъ Максъ.

— Я пойду самъ, я никогда не видѣлъ вашей фабрики.

— Нечего и смотрѣть,—бѣднота! — проговорилъ тотъ съ пренебреженіемъ, садясь снова за работу.

Стеклянная веранда, въ видѣ корридора, вела изъ конторы въ первый фабричный павильонъ.

На большомъ дворѣ, огороженномъ съ трехъ сторонъ двухъэтажными корпусами фабрики, было мрачно и тихо; ряды оконъ слабо мерцали, а въ нѣкоторыхъ этажахъ было совсѣмъ темно; только у входныхъ дверей печально чадили керосиновые фонари, освѣщая красныя, осклизлыя отъ сырости стѣны.

Сухой трескъ ручныхъ станковъ, навѣвая тоску, монотонно разносился по темнымъ корридорамъ, гдѣ валялись отбросы шерсти.

На лѣстницахъ и въ корридорахъ было пусто, изрѣдка раздавался топотъ деревянныхъ подошвъ, мелькалъ въ темнотѣ рабочій, исчезая въ большихъ залахъ, расположенныхъ въ концѣ корридора, и только сухая трескотня станковъ да эхо нарушали эту сонную тишину.

Въ фабричныхъ залахъ было такъ же пусто, темно и сонливо. Эти огромные ящики, подпертые по серединѣ рядомъ желѣзныхъ столбовъ, были загромождены ручными ткацкими станками Жаккара, которые стояли въ два ряда у оконъ. Половина мастерскихъ бездѣйствовала, покрытая, точно сѣдымъ мохомъ, хлопчатобумажною пылью.

Нѣсколько лампочекъ на столбахъ освѣщали средній проходъ и работницъ, навивавшихъ пряжу на катушки. Ручныя прялки сонно скрипѣли, сонно склонялись надъ ними работницы и сонно трещало нѣсколько станковъ, которые при желтоватомъ, слабомъ освѣщеніи походили на громадные коконы, фантастически опутанные тысячами разноцвѣтныхъ волоконъ; въ серединѣ коконовъ, какъ шелковичные черви, шевелились рабочіе, автоматически прибивая одной рукой бердо̀, а другой притягивая сверху веревку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, перебирая ногами педали; челноки со свистомъ перелетали между полосами пряжи, точно желтые, длинные жуки, и возвращались тѣмъ-же путемъ, съ утомительнымъ однообразіемъ.

Большинство рабочихъ были старики; потухшими глазами апатично посматривали они на проходившаго Травинскаго, автоматически продолжая свое дѣло.

Травинскій съ грустью смотрѣлъ на агонію ручной промышленности, которая съ упорствомъ безумія боролась съ чудовищами, громадныя тѣла которыхъ, полныя неисчерпаемой энергіи, видны были изъ оконъ.

Онъ спросилъ про Баума; ему указывали дорогу движеніемъ руки или головы, не прерывая работы; всѣ двигались будто полумертвые, равнодушные и печальные, какъ темныя, умирающія залы, по которымъ проходилъ Травинскій, натыкаясь въ темнотѣ на столбы, на бездѣйствующіе станки и людей.

Онъ прошелъ два павильона, и вездѣ была та же пустота и скука...

Травинскимъ овладѣвало все большее уныніе. Онъ совершенно потерялъ надежду на помощь Баума и шелъ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ проходятъ мимо умирающаго: здѣсь когда-то работало пятьсотъ человѣкъ, а теперь одна сотня! Фабрика казалась ему тяжко больнымъ, которому даже громадныя деревья, шумѣвшія за окнами, пѣли отходную.

Старый Баумъ сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ третьяго

павильона, за конторкой, заваленной кучей образчиковъ, нарѣзанныхъ длинными полосками.

Они поздоровались молча; старикъ крѣпко пожалъ его руку и пододвинулъ стулъ.

— Давно васъ не видѣлъ,—сказалъ Баумъ.

Травинскій сослался на занятія. Онъ говорилъ о постороннихъ предметахъ, долго не рѣшаясь приступить къ цѣли своего посѣщенія; его удерживала общая удручающая атмосфера и печаль, отражавшаяся на лицѣ Баума, который безсознательно обращалъ свои поблекшіе глаза къ окну, изъ котораго, какъ на ладони, видна была фабрика Мюллера, сверкавшая огнями.

Баумъ отвѣчалъ отрывисто, ожидая выясненія цѣли визита.

Травинскій почувствовалъ это и, прервавъ себѣ на полусловѣ, сказалъ коротко:

— Я пришелъ къ вамъ съ просьбой.—Проговоривши это, онъ облегченно вздохнулъ.

— Пожалуйста... я слушаю васъ...

Травинскій быстро разсказалъ ему о своемъ положеніи, но не рискнулъ просить помощи, замѣтивъ, какъ сурово наморщились брови Баума и какое недоброжелательное выраженіе приняли его глаза.

— Намъ всѣмъ одна дорога: они насъ проглотятъ!.. — медленно произнесъ старикъ, указывая на фабрики.—Чѣмъ могу вамъ помочь?—прибавилъ онъ.

— Дать взаймы или поручиться по векселямъ.

— Сколько нужно?

— Въ крайнемъ случаѣ, десять тысячъ. Иначе я погибъ,—отвѣтилъ онъ тихо, какъ бы боясь громкимъ звукомъ вспугнуть участіе, замѣченное имъ въ глазахъ Баума.

— У меня наличныхъ нѣтъ, но сдѣлаю для васъ все, что могу. Дайте мнѣ на эту сумму векселей, а я—вамъ.

Травинскій вскочилъ и началъ съ восторгомъ благодарить его.

— Не за что, пане Травинскій, я тутъ не рискую, потому что хорошо знаю васъ и ваши дѣла. Вотъ вамъ бланки, можете сейчасъ заполнить ихъ.

Травинскій былъ ошеломленъ; почти неожиданное спасеніе вывело его изъ равновѣсія; онъ лихорадочно писалъ текстъ векселей, ежеминутно поднимая голову и взглядывая на Баума, который ходилъ по конторѣ, останавливался у окна и смотрѣлъ на Лодзь какимъ-то тупымъ взглядомъ.

Баумъ былъ такъ-же высокъ, какъ его сынъ, но очень худощавъ. Онъ не любилъ много говорить и самыя важныя дѣла кончалъ обыкновенно съ нѣсколькихъ словъ. Тихій, спокойный, уступчивый, даже до слабости, съ женой и дѣтьми,

онъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ свои непоколебимые взгляды; его благотворительность славилась въ Лодзи, была неисчерпаема, и въ то же время онъ былъ страшно скупъ въ домашней жизни.

— Какой вы хотите срокъ?—спросилъ Травинскій.

— Какой для васъ удобнѣе, — отвѣтилъ Баумъ, пріотворяя дверь въ сосѣднюю залу, гдѣ дѣйствовали всѣ станки.

Потомъ онъ снова закрылъ ее, сунулъ руки въ карманы толстаго суконнаго кафтана и опять сталъ смотрѣть на городъ.

Послышался звонокъ телефона,—это было единственное современное изобрѣтеніе, допущенное на его фабрикѣ.

— Это васъ зовутъ, панъ Боровецкій,—сказалъ Баумъ.

Травинскій съ удивленіемъ началъ слушать.

— Мой дорогой, отъ твоей жены я узналъ, гдѣ ты. Я разсчиталъ, что могу занять тебѣ пять тысячъ рублей, но только всего на два мѣсяца. Хочешь? — спрашивалъ Боровецкій.

— Съ радостью соглашаюсь!—радостно вскрикнулъ Травинскій.—Откуда ты телефонируешь?

— Изъ твоего кабинета, подъ охраной твоей жены.

— Подожди меня, я сейчасъ приду.

— Хорошо.

— Это Боровецкій хочетъ со мной видѣться; вы съ нимъ знакомы?—обратился Травинскій къ Бауму.

— Только шапочно. Я не бываю въ большомъ лодзинскомъ свѣтѣ, у этихъ Бухгольцевъ, Мендельсоновъ, Зальцмановъ, Мейеровъ и другой пакости. Знаю ихъ всѣхъ въ лицо, а въ давнія времена былъ даже знакомъ ближе, когда въ Лодзи еще существовала честность и не было милліонеровъ. Объ этихъ временахъ вы, молодые, не имѣете понятія. Моя фирма со старикомъ Гейеромъ была самой крупной въ Лодзи. Пара, машинъ, электричества, векселей, дешевки, банкротствъ, поджоговъ никто не зналъ даже по слухамъ...

— Однако, то, что теперь, должно было случиться.

— Я знаю, что должно: старый порядокъ всегда уступаетъ мѣсто новому, но объ этомъ не стоитъ говорить!—махнулъ онъ рукой и началъ читать векселя.

Безсильная злоба овладѣла его сердцемъ съ такой силой, что слова изсякли, и, подписавъ векселя, онъ долго сидѣлъ молча.

— Вы спѣшите?

— Да. Позвольте еще разъ отъ всей души поблагодарить васъ за помощь.

— Не стоитъ! Мнѣ одного только жаль,—что вы не были

пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ Лодзи; вамъ тогда нужно было имѣть фабрику. Вы тоже не подъ масть нынѣшней Лодзи, здѣсь честнымъ фабрикантамъ нечего дѣлать, пане Травинскій.

Послѣдній ничего не отвѣтилъ, потому что спѣшилъ домой; они условились на счетъ нѣкоторыхъ вопросовъ, касавшихся сроковъ векселей, и разстались.

Сейчасъ же почти послышались пронзительные свистки, обозначавшіе окончаніе работъ; огни на фабрикахъ начали тухнуть, и фабрики, одна за другой, погружались въ темноту.

Баумъ, послѣ ухода рабочихъ, направился тоже домой.

Переодѣвшись въ своей комнатѣ въ легкую тужурку, вязаныя туфли, прикрывъ посѣдѣвшіе, но еще густые волосы маленькой шапочкой, вышитой бѣлымъ бисеромъ, онъ пошелъ въ столовую, гдѣ уже накрывали ужинъ.

Максъ помогалъ племянницамъ, которыя висѣли у него на шеѣ, строить домики изъ кубиковъ.

Дѣвочки смѣялись и щебетали, какъ птички.

Хозяйка дома, лѣтъ шестидесяти, съ симпатичнымъ, болѣзненнымъ лицомъ сидѣла въ глубокомъ креслѣ и вязала чулокъ. На ея длинномъ носу сверкали серебряныя очки; сѣдые волосы были гладко причесаны надъ низкимъ, выпуклымъ лбомъ; глаза были живые, губы блѣдныя, голосъ и улыбка нѣжные. Изъ кармана ея синяго фартука, гдѣ лежалъ клубокъ бумаги, тянулась нитка; она поминутно считала петли, шевеля спицами, и всѣмъ улыбалась: сыну, внучкамъ, дочери, которая читала книгу фрау Августѣ, кузинѣ неопредѣленныхъ лѣтъ, занимавшейся ихъ хозяйствомъ; старой прислугѣ, двумъ бурымъ котамъ Августы, которые мурлыкали и терлись спинами о платье; привѣтливо смотрѣла она даже на два буфета, стоявшіе рядомъ, на старую печь, на шкафикъ съ фарфоровыми фигурами и тарелочками.

Въ уютномъ покоѣ стараго мѣщанскаго дома всѣ такъ сжились, что съ одного взгляда, безъ словъ, понимали другъ друга.

Старикъ оставлялъ свои заботы въ конторѣ. Домой онъ приходилъ всегда съ спокойной улыбкой, разсказывалъ женѣ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, иногда ссорился съ Максомъ, регулярно каждый вечеръ въ теченіе двадцати лѣтъ подтрунивалъ надъ Августой, шалилъ съ внучками, которыхъ всегда имѣлось достаточно, такъ какъ его четыре дочери давно уже были замужемъ; постоянно читалъ „Koelnische Zeitung“ и одну изъ польскихъ газетъ. Такъ-же неизмѣнно прослушивалъ онъ по вечерамъ какой-нибудь сантиментальный романъ

изъ разныхъ „Familien blat'-овъ", которыми увлекались его жена и дочери.

Все такъ же было и сегодня. Онъ сѣлъ за столъ и началъ подманивать къ себѣ пальцемъ внука, который сидѣлъ верхомъ на большомъ игрушечномъ конѣ возлѣ печи.

— Ясь, иди къ дѣдушкѣ, иди!

— Сейчасъ пріѣду,—отвѣтилъ мальчикъ, погоняя лошадь хлыстомъ и ногами. Но, видя, что это не помогаетъ, онъ слѣзъ, погладилъ лошадь по головѣ, похлопалъ по груди и сказалъ:—Лошадка, послушайся Яси, — ему надо ѣхать къ дѣдушкѣ, дѣдушка дастъ конфектъ.

Его нѣжныя слова, молодецкія вскакиванія на сѣдло и подталкиванія ногами достигли цѣли: онъ объѣхалъ всю комнату и добрался до дѣдушки.

— Стой!.. Германъ, лошадь въ конюшню! —распоряжался онъ, но дѣдушка снялъ его и посадилъ къ себѣ на колѣни.

Мальчикъ началъ было кричать и рваться къ лошади, которую дѣвочки предательски перетащили за рыжій хвостъ на другую сторону стола...

— Ясь, а это что такое?—спросилъ Баумъ, вынимая изъ кармана дѣтскую трубу и показывая издали.

Мальчикъ сталъ ее требовать, протягивая ручонки.

— Не хочешь сидѣть у дѣдушки, не любишь его, такъ я дамъ ее не тебѣ, а Вандѣ.

— Дай Ясю, дѣдушка, Ясь дѣдушку любитъ, Ванда глупая, не любитъ его... Дѣдушка, дай! — просилъ онъ со слезами и сталъ взбираться ему на плечи, цѣловать, не спуская разгорѣвшихся синихъ глазъ съ трубы, которую старикъ держалъ высоко надъ головою.

Дѣдушка, наконецъ, отдалъ.

Мальчикъ, не успѣвъ даже поблагодарить, спрыгнулъ на полъ, побѣжалъ, отнялъ у дѣвочекъ лошадь, отвелъ ее къ печкѣ и покрылъ стянутымъ съ матери желтымъ шелковымъ платкомъ. Затѣмъ онъ принялся бѣгать по комнатѣ и трубить изо всѣхъ силъ.

Дѣвочки съ плачемъ подбѣжали къ дѣдушкѣ и стали карабкаться къ нему на колѣни.

Онъ кинулся отъ нихъ бѣжать.

Дѣвочки погнались за нимъ. Старикъ отгораживался стульями, прятался за буфеты, выскальзывалъ изъ рукъ, наконецъ, позволилъ себя поймать въ какомъ-то углу и, взявъ ихъ обѣихъ подъ мышки, принесъ обратно къ столу, гдѣ онѣ обыскали его карманы и вытащили оттуда куклы, которыя онъ принесъ.

Безконечная радость свѣтилась на лицахъ дѣвочекъ, ко-

торыя собрались за маленькимъ столикомъ, у окна, и внимательно разсматривали подарки.

Старики чувствовали себя среди этого гама прекрасно, но Берта заткнула уши и погрузилась въ чтеніе, а Максъ громко свистѣлъ, стараясь не слышать визга дѣтей. Онъ сердился на отца, такъ какъ чувствовалъ, что онъ опять устроилъ кому-нибудь заемъ или поручился за кого-нибудь: всякій разъ, когда это случалось, старикъ приносилъ дѣтямъ игрушки и избѣгалъ Макса. Проявляя большую нѣжность и горячее участіе въ каждомъ разговорѣ, старикъ, такимъ образомъ, отдѣлывался отъ разспросовъ сына.

За ужиномъ онъ разговаривалъ безъ умолку, заботливо ухаживалъ за дѣтьми, подтрунивалъ надъ Августой.

— Ja, ja, Herr Baum,—безсмысленно улыбалась она, показывая длинные, желтые и кривые зубы.

— Гдѣ же Юзефъ? вы спрятали его у себя?—спросилъ онъ Августу.

— Панъ Юзефъ сейчасъ придетъ,—и прежде чѣмъ успѣла она прижать къ своей широкой груди бурыхъ котовъ, вошелъ Юзефъ Яскульскій.

Это былъ бѣдный юноша, нѣчто вродѣ конторщика, о которомъ уже нѣсколько лѣтъ заботился Баумъ. Лѣтъ восемнадцати, огромнаго роста съ слишкомъ большими ногами и длинными руками, съ большой головой, всегда растрепанной, всегда потнымъ круглымъ лицомъ, Юзефъ, въ довершеніе всего, былъ очень робокъ и неловокъ: онъ постоянно натыкался на разные предметы.

Теперь Яскульскій вошелъ довольно храбро, но, почувствовавъ на себѣ взгляды присутствующихъ, сразу, едва поклонившись, запутался ногами въ коврѣ, ушибся бокомъ объ уголъ буфета, толкнулъ стулъ Макса и, красный, какъ вареный ракъ, усѣлся за столъ.

Не смотря на свои восемнадцать лѣтъ и окончаніе курса въ ремесленной школѣ, онъ былъ наивенъ, какъ дитя. Послушный, уступчивый, добрый, Юзефъ, казалось, извинялся передъ всѣми, что осмѣливается жить среди нихъ. Макса онъ очень боялся: тотъ постоянно подтрунивалъ надъ нимъ. Максъ и теперь, видя, что у Яскульскаго все валится изъ рукъ, началъ смѣяться:

— Нужно мнѣ взять васъ изъ-подъ опеки фрау Августы на свое попеченіе.

— Оставь, Максъ, ему гораздо лучше подъ нашей опекой.

— Вы дѣлаете изъ него размазню.

— А ты что бы хотѣлъ сдѣлать?

— Человѣка, мужчину.

— Водилъ бы его по трактирамъ, на кутежи и т. п.

Фрицъ часто съ отвращеніемъ разсказываетъ мнѣ о вашей холостой жизни.

— Ха-ха-ха, знаешь, Берта, это несовмѣстимо: Фрицъ— и отвращеніе къ веселой жизни! Мало же ты знаешь своего мужа!

— Максъ, зачѣмъ разрушать ея иллюзіи? — шепнулъ старикъ.

— Ты правъ, отецъ, но меня раздражаетъ: чтó бы ни налгалъ ей этотъ болванъ, она вѣритъ всему, готова все отдать за такую правду.

— Максъ, не забывай, что ты говоришь о моемъ мужѣ.

— Увы, мы съ отцомъ слишкомъ часто должны считаться съ тѣмъ, что Фрицъ твой мужъ и принадлежитъ къ нашей семьѣ, иначе...

— Иначе что?—вскрикнула она со слезами на глазахъ.

— Мы вышвырнули бы его за дверь,—проворчалъ Максъ.— Ты хотѣла, и я сказалъ тебѣ. Можешь плакать, сколько угодно, только помни, что послѣ слезъ у тебя глаза распухаютъ, носъ краснѣетъ...

Берта въ самомъ дѣлѣ громко расплакалась и вышла изъ комнаты.

Мать начала деликатно упрекать сына за грубость.

— Оставьте, мама, я знаю, что дѣлаю. Фрицъ—животное! Фабрикой не занимается, а только кутитъ и разыгрываетъ передъ Бертой роль несчастнаго, которому во всемъ не везетъ, который надрывается ради жены и дѣтей, тогда какъ всю его семью содержитъ отецъ, съ перваго дня ихъ свадьбы.

— Тише, Максъ, зачѣмъ объ этомъ говорить!

— Затѣмъ, что пора, наконецъ, кончить съ этимъ шантажемъ, постояннымъ надувательствомъ. Мы всѣ работаемъ только для того, чтобы наши зятья могли веселиться...

Онъ замолчалъ, такъ какъ въ передней зазвенѣлъ колокольчикъ. Въ комнату вошелъ Боровецкій

Баумъ былъ немного смущенъ и сдержанъ, но старуха встрѣтила Карла задушевно и тотчасъ познакомила его съ Бертой, которая вышла на звонокъ и съ любопытствомъ смотрѣла на лодзинскаго донъ-жуана, о которомъ такъ много говорили въ городѣ.

Ему очень любезно предложили чаю, но онъ отказался.

— Я ужиналъ у Травинскихъ и забѣжалъ къ Максу по дѣлу... Сейчасъ долженъ опять идти,—отвѣтилъ онъ, но вынужденъ былъ сѣсть за столъ: Августа съ самой привлекательной улыбкой подавала ему стаканъ; Берта, голосомъ, въ которомъ еще слышались слезы, тоже просила его, а старуха, улыбаясь, пододвигала какое-то печеніе.

Онъ уступилъ, и такъ какъ былъ въ прекрасномъ на-

строеніи, то вскорѣ овладѣлъ разговоромъ: со старухой бесѣдовалъ о внучкахъ, передъ Бертой восхищался красотой ея дѣтей, которыхъ ему представили; цѣлыхъ пять минутъ посвятилъ восхваленію послѣдней новеллы Гейзе, которую увидѣлъ на столѣ; плѣнилъ сердце Августы, поигравъ съ ея фаворитами, которые принялись, мурлыча, лѣзть ему на спину, тереться объ лицо,—что такъ раздражило его, что ему хотѣлось схватить ихъ за хвостъ и ударить объ стѣну; не смотря на эту досаду, онъ не забылъ даже Юзефа. Боровецкій былъ такъ милъ, любезенъ, изященъ, что въ двадцать минутъ очаровалъ всѣхъ. Даже старикъ, хорошо его знавшій и не очень любившій, принялъ участіе въ разговорѣ.

Августа пришла отъ него въ такое восхищеніе, что постоянно подливала ему чай, придвигая все новыя пирожныя, и улыбалась, показывая всѣ зубы. Только Максъ молча, съ ироническою улыбкой наблюдалъ всю сцену. Наконецъ, соскучившись и зная, что Карлу тоже ужъ надоѣло, онъ поднялся и увелъ его въ сосѣднія комнаты.

За столомъ водворилась тишина.

Дѣти возлѣ дѣдушки начали опять смотрѣть игрушки.

Юзефъ сталъ читать вслухъ, какъ всегда дѣлалъ это по вечерамъ. Старуха снова взялась за чулокъ. Берта слушала, посматривая въ ту комнату, гдѣ сидѣли Максъ и Боровецкій и видны были черезъ открытую дверь. Августа тихо убирала со стола, ласкала своихъ кошекъ, иногда останавливалась и, закатывая маленькіе, черные глазки, которые плавали на ея лицѣ, какъ зернышки перца на сковородѣ въ поджаренномъ маслѣ, глубоко вздыхала.

— Дѣдушка, у куклы нога не болитъ?—спрашивали дѣвочки, отрывая куклѣ ногу.

— Не болитъ,—отвѣчалъ старикъ, гладя свѣтлыя кудрявыя головки.

— Дѣдушка, что трубитъ въ этой трубѣ?—спрашивалъ мальчикъ отъ времени до времени и, не получая отвѣта, съ большою ловкостью и увлеченіемъ ковырялъ въ ней палочкой.

— Дѣдушка, головка у куклы не болитъ? —спрашивали дѣвочки, разбивая куклу объ полъ.

— Кукла не живая, а Ванда глупая.

Дѣти замолкли, въ комнатѣ раздавался только голосъ Юзефа, прерываемый вздохами Августы, да восклицаніями Берты, которая, расчувствовавшись отъ повѣсти, плакала и протяжно вздыхала.

— Удивительно симпатичная, хорошая у васъ атмосфера,—говорилъ Карлъ.

Онъ вытянулся въ креслѣ, съ удовольствіемъ смотря на сидѣвшую въ столовой семью.

— Разъ въ годъ можетъ быть пріятно, но не чаще,— отвѣтилъ Максъ.

— И то хорошо: имѣть одинъ день въ году, когда можешь забыть о всѣхъ дѣлахъ на свѣтѣ, обо всѣхъ заботахъ жизни и чувствовать себя окруженнымъ семейнымъ счастьемъ.

— Вѣдь ты женишься, значитъ, можешь пользоваться этимъ счастьемъ хоть... до отвращенія.

— Знаешь, я поѣду на нѣсколько дней въ деревню домой.

— Къ невѣстѣ?

— Это все равно: Анка живетъ у насъ.

— Я бы хотѣлъ съ ней познакомиться.

— Я свезу тебя какъ-нибудь на нѣсколько часовъ.

— Почему только на нѣсколько часовъ?

— Потому что дольше не выдержишь: можно умереть съ тоски. Ахъ, какъ тамъ скучно, сѣро, пусто, ты не можешь даже представить! Если бъ не Анка, я и двухъ часовъ не могъ бы высидѣть подъ кровомъ моихъ предковъ.

— А твой отецъ?

— Мой отецъ?.. Онъ завзятый демократъ, но шляхетскій, какъ, впрочемъ, и вся наша демократія. Очень любопытный типъ.—Боровецкій замолчалъ, иронически улыбаясь, но въ глазахъ его отражалось нѣжное чувство: онъ любилъ отца всей душой.

— Когда же ты ѣдешь?

— Какъ только вернется Морицъ или Кнолль. Сегодня его вызываютъ телеграммой. Бухгольцъ очень боленъ: сказалась старая болѣзнь сердца. При мнѣ у него былъ такой страшный припадокъ, что я едва отходилъ его. Это, впрочемъ, не помѣшало ему, придя въ сознаніе, такъ выругать меня, что я долженъ былъ отказаться отъ мѣста.

— Ты такъ спокойно говоришь объ этомъ!—воскликнулъ Максъ.

— Раньше или позже, но все равно пришлось бы уйти. Я только воспользовался прекраснымъ предлогомъ, такъ какъ мой контрактъ кончается лишь въ октябрѣ.

— Иначе сказать, тебѣ представился случай отвѣтить на грубость негодованіемъ, съ придачей отставки?

Карлъ разсмѣялся и сталъ ходить по комнатѣ, разсматривая портреты, писанные углемъ.

— Вся житейская мудрость,—говорилъ онъ,—состоитъ именно въ томъ, чтобы во-время возмущаться, веселиться, сердиться, работать... ну, и во-время уйти отъ дѣла. Чьи эти портреты?

— Наша семейная кунсткамера... Я понимаю тебя, но самъ никогда не умѣлъ ловить такія минуты, не умѣлъ примѣняться къ нимъ: обстоятельства всегда застаютъ меня врасплохъ.

— „Судъ безъ милосердія чините тѣмъ, кто не былъ милосердъ“,—громко прочелъ Карлъ библейскій стихъ, вышитый шелкомъ по канвѣ, вдѣланной въ дубовую раму и повѣшенной между окнами.

— Ахъ, ты читаешь протестантскія изреченія! По старому нѣмецкому обычаю, ихъ вышиваютъ и вѣшаютъ.

— Знаешь, мнѣ нравится: это придаетъ оригинальный характеръ дому.

— Ты правъ... У насъ былъ Травинскій.

— Это мнѣ извѣстно: я сейчасъ отъ него; твой старикъ помогъ ему.

— Я догадывался: отецъ сегодня совсѣмъ не говоритъ со мной, избѣгаетъ даже смотрѣть на меня. Травинскій сказалъ, на какую сумму?

— Десять тысячъ.

— Чортъ побери нѣмецкіе сантименты! — раздраженно сказалъ Максъ.

— Онъ человѣкъ надежный,—успокаивалъ Карлъ, разсматривая бархатную мебель, покрытую гипюровыми чехлами.

— Этотъ идіотъ Травинскій не сумѣлъ бы и десяти копѣекъ заработать нечестнымъ путемъ!.. Для меня важно то, что старикъ помогаетъ всѣмъ, въ кого вѣритъ, и всѣ, разумѣется, его надуваютъ. Наша фабрика еле дышетъ, склады завалены готовымъ товаромъ, некуда уже больше класть; неизвѣстно, каковъ будетъ сезонъ, а онъ играетъ въ филантропію, спасаетъ другихъ!

— Это вѣрно: Травинскаго онъ спасъ.

— Но себя и меня губитъ.

— Утѣшься сознаніемъ, что твой отецъ самый честный человѣкъ въ Лодзи.

— Я предпочелъ бы, чтобы онъ былъ немного умнѣе.

— Ты начинаешь говорить на манеръ Вельта.

— А ты лучше думаешь?

— Нѣсколько иначе... Впрочемъ, лучше или хуже, честнѣе или безчестнѣе,—все это діалектика и больше ничего.

— Какъ же тебѣ понравилась легендарная Травинская?

— Кратко характеризуя, по Сенкевичу: волшебна!

— Вѣроятно, ты преувеличиваешь: откуда Травинскому взять такую!

— Ничего не преувеличиваю, а еще прибавлю: красавица и прекрасно воспитана. Не чему удивляться! Травинскій, не забывай этого, очень красивый и образованный человѣкъ.

Смотри на него, не какъ на фабриканта, которому не везетъ, а какъ на человѣка. Онъ представляетъ собой исключительный образецъ утонченной, старой культуры. Онъ разсказывалъ мнѣ, что его отецъ, очень богатый волынскій помѣщикъ, почти заставилъ его открыть фабрику. Старику вскружила голову крупная промышленность: ему представляется долгомъ работать для ея развитія. Онъ ждетъ отъ нея возрожденія шляхты. А Травинскій такъ же годится для этого, какъ, напримѣръ, ты для мазурки. Но онъ послушался, и прядильня постепенно поглощаетъ отцовскіе капиталы, въ ней быстро таютъ ихъ фамильные лѣса и земли. Травинскій видитъ, прекрасно сознаетъ, что наша „земля обѣтованная" должна стать для него землей проклятія, но всетаки упорно борется съ неудачами. Человѣкъ уже заупрямился: хочетъ все преодолѣть.

— Иногда такое упрямство довольно печально кончается. Жена знаетъ объ его положеніи?

— Вѣроятно, нѣтъ. Люди такого сорта готовы умереть, лишь бы не коснулась печальная вѣсть или забота дорогого человѣка.

— Значитъ, онъ любитъ свою волшебницу?

— Тутъ нѣчто большее, чѣмъ любовь; въ ихъ взглядахъ я читалъ довольно ясно взаимное поклоненіе, восторгъ.

— Почему они нигдѣ не появляются?

— Не знаю. Ты не можешь представить, сколько у этой женщины прелести въ разговорѣ, въ движеніяхъ, какъ восхитительно, напр., поднимаетъ она голову.

— Ты съ жаромъ говоришь о ней...

— А ты глупо и совершенно напрасно улыбаешься: я не увлекся, я не могъ бы ее любить. Она мнѣ нравится, какъ красивая женщина, съ очень одухотвореннымъ лицомъ, но это не мой типъ, хотя рядомъ съ нею всѣ наши лодзинскія красавицы—обыкновенный ситецъ въ сравненіи съ чистымъ шелкомъ.

— Перекрась ее въ свой цвѣтъ.

— Оставь свои красильныя остроты.

— Ты уже уходишь? Пойдемъ вмѣстѣ.

— Да, но у меня есть еще дѣла въ городѣ.

— То-есть, мнѣ не слѣдуетъ провожать тебя?

— Ты прекрасно понялъ... Тебѣ кланяется Куровскій, онъ будетъ въ субботу и приглашаетъ на обычный ужинъ, а пока спрашиваетъ: не похудѣлъ ли толстый пруссакъ, то-есть ты, и не растолстѣлъ ли тонкій жидъ, то-есть Морицъ.

— Онъ всегда остроумничаетъ. Бухгольцъ одобрилъ его химическіе составы?

— Мы уже цѣлый мѣсяцъ употребляемъ ихъ.

— Значитъ, его дѣла хорошо пойдутъ. Я слышалъ, что Кеслеръ и Эндельманъ тоже заключили съ нимъ договоръ.

— Да, онъ говорилъ. Онъ на пути къ богатству и уже начинаетъ пріобрѣтать его.

— Пусть пріобрѣтаетъ, мы тоже разбогатѣемъ.

— Ты вѣришь въ это, Максъ?

— Зачѣмъ мнѣ вѣрить? Я доподлинно знаю, что оно въ нашихъ рукахъ.

— О, да, ты правъ, мы разбогатѣемъ... Ну, если ты застанешь Горна,—онъ долженъ былъ придти ко мнѣ,—то скажи, чтобы непремѣнно подождалъ: я вернусь не позже, чѣмъ черезъ два часа.

Они еще разъ перечитали телеграмму Морица. Карлъ, простившись со всѣми, вышелъ вмѣстѣ съ Юзефомъ, который раскланялся съ нимъ и исчезъ въ темномъ переулкѣ.

X.

Юзефъ пошелъ навѣстить своихъ родителей.

Яскульскіе жили далеко, за старымъ костеломъ, въ безымянномъ переулкѣ, который упирался въ знаменитую городскую рѣчку, служившую водосточной канавой для фабрикъ.

Улица походила на мусорную кучу городскихъ отбросовъ.

Юзефъ быстро прошелъ по ней и направился къ неоштукатуренному дому, который свѣтился точно фонарь, и гдѣ жужжалъ цѣлый человѣческій рой.

Въ темныхъ, ужасно вонючихъ и грязныхъ сѣняхъ онъ ощупью отыскалъ липкія перила и быстро спустился въ подвалъ. Длинный корридоръ, съ землянымъ поломъ, загроможденный мусоромъ и хозяйственными принадлежностями, тоже полный грязи и вони, освѣщался маленькой лампочкой, коптившей подъ потолкомъ.

Онъ пробрался между набросанными на пути препятствіями и достигъ конца корридора.

На него пахнуло теплымъ подвальнымъ воздухомъ, насыщеннымъ гнилью и сыростью, стекавшей рыжими полосами по выбѣленнымъ стѣнамъ.

Нѣсколько штукъ дѣтей бросились ему навстрѣчу.

— Я думала, ты ужъ не придешь,—сказала высокая, худая, сутуловатая женщина, съ желтымъ, изможденнымъ лицомъ и большими черными глазами.

— Я опоздалъ, мама, потому что у насъ сидѣлъ Боровецкій, директоръ Бухгольца, и я не рѣшился выйти раньше. Отецъ еще не вернулся?

— Нѣтъ,—глухо отвѣтила мать и пошла за чаемъ къ плитѣ, отдѣленной отъ остальной комнаты занавѣской.

Юзефъ послѣдовалъ за нею и положилъ принесенную имъ провизію.

— Я получилъ сегодня отъ хозяина деньги за недѣлю. Спрячьте, мама.

Юзефъ вынулъ четыре рубля съ копѣйками; всего онъ получалъ пять рублей въ недѣлю.

— А себѣ ничего не оставишь?

— Мнѣ ничего ненужно. Мнѣ только жаль, что я не могу заработать столько, чтобы вамъ хватало,—говорилъ онъ простодушно; его застѣнчивость совершенно исчезла.

Онъ нарѣзалъ хлѣбъ и хотѣлъ нести его.

— Юзекъ мой дорогой, дитя мое милое,—говорила мать плачущимъ голосомъ, и слезы крупными каплями катились по ея исхудалымъ щекамъ и падали на голову сына, которую она прижимала къ груди.

Юноша поцѣловалъ ея руку и, развеселившійся, вернулся къ дѣтямъ, которыя сидѣли на полу, подъ маленькимъ рѣшетчатымъ оконцемъ, выходившимъ на тротуаръ. Ихъ было четверо, въ возрастѣ отъ двухъ до десяти лѣтъ. Они играли очень тихо, потому что тринадцатилѣтній ихъ братишка, больной чахоткой, лежалъ въ постели. Кровать была немного отодвинута отъ стѣны, такъ какъ сырость сочилась по ней.

— Антось!—сказалъ Юзефъ, склонившись надъ подушкой къ блѣдному, зеленоватому лицу. Мальчикъ изъ глубины цвѣтной постели смотрѣлъ стеклянными, неподвижными глазами съ трагическимъ спокойствіемъ умирающаго.

Онъ ничего не отвѣтилъ, только пошевелилъ губами и уставился на него сѣрыми, горящими глазами; потомъ ласково коснулся исхудавшими пальцами лица Юзефа, и блѣдная улыбка, точно улыбка увядающихъ цвѣтовъ, скользнула по его синеватымъ губамъ и оживила мертвый взглядъ.

Юзекъ сѣлъ рядомъ, поправилъ подушки, причесалъ брату своимъ гребешкомъ растрепанные, слипшіеся, мягкіе, какъ шелкъ, свѣтлые волосы и опять спросилъ:

— Антось, тебѣ сегодня хорошо?

— Хорошо,—прошепталъ братъ тихо и началъ хмурить брови и улыбаться.

— Скоро выздоровѣешь!

Юзефъ щелкнулъ пальцами. Его здоровый, сильный организмъ совершенно не чувствовалъ ужаса болѣзни брата.

Антось умиралъ медленно; чахотка развилась послѣ сильной инфлюэнцы, и болѣзни способствовала нищета, которая угнетала семью уже два года, со времени переѣзда въ Лодзь изъ деревни. Мальчика добивалъ видъ матери, которая съ

каждымъ днемъ становилась печальнѣе; добивали младшіе братья и сестры, которые становились все тише; вѣчная трескотня станковъ, которые почти безпрестанно, днемъ и ночью, заставляли дрожать потолокъ надъ его головой; сырость, визгъ и крикъ сосѣдей, драки, часто происходившія въ сосѣднихъ подвалахъ и наверху; больше же всего угнетало сознаніе нищеты, возраставшей съ каждымъ днемъ.

Мальчикъ былъ очень развитъ; постигшія семью несчастья и продолжительная болѣзнь развили его еще больше. Натура у него была тихая и мечтательная.

— Юзекъ, еще нѣтъ зелени на поляхъ?—спросилъ онъ тихо.

— Нѣтъ, сегодня только пятнадцатое марта.

— Жаль,—и глаза его затуманились печалью.

— Черезъ мѣсяцъ все зазеленѣетъ, ты будешь тогда здоровъ, мы соберемъ товарищей и пойдемъ на маевку.

— Вы пойдете, и мама пойдетъ, отецъ, Зося, Адамъ, всѣ пойдутъ, всѣ, а я не пойду, нѣтъ!—покачалъ онъ головой.

— Если всѣ пойдутъ, такъ и ты съ нами.

— Нѣтъ, Юзекъ, меня уже не будетъ,—проговорилъ онъ медленно, и грудь его начала вздрагивать отъ рыданій. Мальчикъ пытался ихъ сдерживать, но слезы падали, какъ крупныя жемчужины. Онъ смотрѣлъ сквозь эти слезы въ какую-то ужасающую глубину, губы у него дрожали. Имъ овладѣлъ такой сильный страхъ смерти, что онъ вскочилъ, какъ будто сбираясь бѣжать.—Юзекъ, я не хочу умирать, не хочу, Юзекъ!—шепталъ онъ, и ужасная тоска разрывала его сердце.

Юзекъ обнялъ Антося руками, заслонилъ собой, боясь, какъ бы мать не замѣтила, и началъ успокаивать:

— Ты не умрешь, докторъ вчера сказалъ мамѣ, что выздоровѣешь не позже мая. Не плачь, мама услышитъ,—шепнулъ онъ ему на ухо.

Антось немного успокоился, быстро вытеръ слезы и долго смотрѣлъ на занавѣску, за которой была мать.

— Когда я поправлюсь, то поѣду къ дядѣ Казиміру на все лѣто, правда?

— Мама уже писала объ этомъ дядѣ.

— Въ апрѣлѣ какъ разъ будутъ молодыя утки. Знаешь, мнѣ вчера снилось, что я ѣхалъ на челнокѣ по нашему озеру, а ты и панъ Валицкій стрѣляли дикихъ утокъ. Такъ хорошо было на водѣ! Потомъ я остался одинъ и слышалъ совсѣмъ ясно, какъ на лугахъ звенятъ косы. Хотѣлось бы мнѣ видѣть наши луга.

— Увидишь.

— Но вѣдь они уже не наши?.. Знаешь, почему я свалился съ буланки, когда отецъ такъ побилъ меня за это? Я не хотѣлъ тогда говорить: Мацику больно бы досталось... Но

онъ виноватъ: онъ такъ слабо затянулъ подпруги, что сѣдло съѣхало со мной, я и упалъ... А на отцовскомъ жеребцѣ я бы не боялся ѣздить. Знаешь, я бы надѣлъ ему удила, взнуздалъ покороче, чтобы онъ не могъ вставать на дыбы, и легонько подгонялъ бы его хлыстомъ... Небось, пошелъ бы! Правда?

— О, пошелъ бы, но его не удержишь: онъ крѣпкоуздый.

— Удержу, Юзекъ! Вотъ какъ я взялъ бы его,—онъ началъ показывать, наморщивъ брови, чмокая губами и наклоняя голову, какъ будто отъ быстраго бѣга лошади.

Красныя пятна появились у него на щекахъ.

— Юзекъ, и мы поѣдемъ!—кричали дѣти, собираясь вокругъ кровати.

— Поѣдете, но только въ экипажѣ,—серьезно отвѣчалъ онъ.

— Въ экипажѣ, четверкой гнѣдыхъ,—щебетала дѣвочка, прижимаясь къ колѣнямъ Юзека свѣтлой, какъ ленъ, головкой, и смотрѣла на братьевъ синими глазками, полными радости.

— Вью!—выкрикивалъ толстый мальчикъ, толкая передъ собой маленькій табуретъ и стегая его кнутомъ, сдѣланнымъ изъ тесемокъ материнскаго фартука.

— Поѣдешь, Геля, всѣ поѣдутъ: и Игнась, и Болекъ, и Казикъ.

— Мама насъ одѣнетъ и мы поѣдемъ въ костелъ, правда, Юзекъ?

— А я знаю, что такое костелъ!—сказалъ Болекъ:—Это тотъ домъ, куда мы такъ долго ѣхали? Тамъ играетъ органъ: бумъ... буууумъ... А люди носятъ на палкахъ платки съ картинками и поютъ.—Мальчикъ началъ пѣть, подражая слышаннымъ въ костелѣ напѣвамъ; потомъ взялъ въ углу метлу, повѣсилъ на нее окровавленный платокъ Антося и съ большой торжественностью заходилъ вокругъ стола.

— Погоди, Болекъ, мы сдѣлаемъ костелъ,—сказала старшая дѣвочка, и тотчасъ всѣ, накрывъ головы, чѣмъ попало, повынимали изъ комода книжки.

— А я буду ксендзомъ,—объявилъ девятилѣтній Игнась.

Онъ накрылся фартукомъ, надѣлъ материнскія очки, раскрылъ книжку и началъ пѣть тонкимъ голоскомъ:

— In saecula saeculorum... um...

— Amen!..—отвѣчали дѣти хоромъ и продолжали пѣть, ходя очень серьезно вокругъ стола.

Они останавливались въ каждомъ углу, потому что ксендзъ становился на колѣно и осѣнялъ ихъ крестомъ; пропѣвъ нѣсколько словъ, они шли дальше, вспоминая картины, видѣнныя ими съ ранняго дѣтства.

Яскульская смотрѣла на дѣтей молча.

Антось тоже напѣвалъ въ полголоса. Юзекъ посматривалъ на мать, которая украдкой вытирала глаза, опершись на столъ, и всецѣло ушла въ то недавнее прошлое, которое такъ живо еще было въ сердцѣ.

Антось вкладывалъ всю душу въ воспоминанія. Онъ пересталъ пѣть, перенесясь душой въ любимую деревню, по которой такъ тосковалъ, чахъ, какъ растеніе, пересаженное на безплодную землю.

— Дѣти, чай пить!—позвала, немного погодя, мать.

Антось пришелъ въ себя и озирался почти съ изумленіемъ, окидывая глазами комнату, стѣны, зеленыя отъ сырости, на которыхъ гнили портреты предковъ въ почернѣвшихъ рамахъ, сохранившіеся послѣ страшной катастрофы; слезы заблестѣли въ его глазахъ; онъ лежалъ нѣмой и безжизненно смотрѣлъ на сверкавшія сѣро-рыжеватыя капли сырости.

Юзекъ выдвинулъ столъ на середину комнаты; дѣти жадно набросились на хлѣбъ и чай. Юзекъ не ѣлъ, серьезнымъ отцовскимъ взглядомъ посматривая на эти свѣтлыя головы и съ безпокойствомъ слѣдя за исчезновеніемъ хлѣба. Мать, съ видомъ мученицы, согбенная, изнуренная, двигалась по комнатѣ, какъ тѣнь, и все подмѣчала своимъ сильнымъ взглядомъ безграничной любви. Ея нѣжное лицо съ очень тонкими чертами, отмѣченное печатью серьезнаго горя, чаще всего обращалось къ больному.

Никто ничего не говорилъ за чаемъ.

Надъ головами трещали ткацкіе станки, глухо ворочались прялки, отъ чего дрожалъ весь домъ; по временамъ глухой шумъ врывался съ улицы черезъ окно; слышались шлепающіе по грязи шаги или дребезжаніе проѣзжающихъ возовъ, звонъ упряжи.

Тусклая лампа съ зеленымъ абажуромъ освѣщала только головы дѣтей.

Дверь вдругъ съ силой отворилась, и вбѣжала молодая дѣвушка, съ шумомъ вытирая о порогъ ноги.

Яскульскую она громко поцѣловала, обняла всѣхъ дѣтей, которыя бросились къ ней съ восклицаніями, подала руку Юзеку и наклонилась надъ больнымъ.

— Добрый вечеръ, Антось, возьми фіалки!—сказала она и, отцѣпивъ съ высокой груди букетикъ, бросила ему.

— Благодарю. Хорошо, что ты пришла, Зоська!.. Благодарю!

Онъ жадно вдыхалъ нѣжный запахъ цвѣтовъ.

— Ты прямо изъ дому?

— Нѣтъ, я была у госпожи Шульцъ, тамъ игралъ на

гармоніи Фелекъ, послушала немного и побѣжала къ Манѣ, а отъ нея зашла къ вамъ.

— Мама здорова?

— Благодарю васъ, вѣроятно, очень здорова, если такъ поссорилась съ нами, что отецъ ушелъ пить пиво, а я убѣжала на весь вечеръ... Знаешь, Юзекъ, твой молодой Баумъ очень красивый кавалеръ.

— Ты познакомилась съ нимъ?

— Мнѣ показала его сегодня въ обѣдъ одна чесальщица.

— Онъ очень хорошій человѣкъ,—горячо сказалъ Юзекъ, посмотрѣвъ на Зоську.

Дѣвушка не могла усидѣть на мѣстѣ, принялась помогать Яскульской хозяйничать, разсматривала книжки, лежавшія на старомъ комодѣ, осмотрѣла вязаную скатерть, которою была накрыта швейная машина, причесала дѣтямъ головы и все время вертѣлась по комнатѣ, какъ юла.

Печальную и угрюмую, словно могила, квартиру она наполнила весельемъ здоровой молодости. Ея свѣжее, очень хорошенькое личико и черные, бойкіе глаза дышали здоровьемъ.

Въ ея движеніяхъ, въ рѣшительной манерѣ говорить было много мужского. Въ этомъ сказывалось пребываніе на фабрикѣ, постоянное общеніе съ мужчинами.

— Вы не должны носить такого платка на головѣ, это васъ безобразитъ,—сказала она Яскульской.

— Смѣшная ты, Зося, съ твоимъ замѣчаніемъ.

— Какъ бы не такъ! — Зося хлопнула себя по бедру и начала перечесываться передъ маленькимъ зеркаломъ, висѣвшимъ на стѣнѣ.

— Но ты становишься все красивѣе!

— Ба! То-же самое сказалъ мнѣ вчера молодой Кеслеръ, директоръ нашей прядильни.

Зося кокетливо засмѣялась.

— Тебя это радуетъ?

— Мнѣ все равно. Всѣ кавалеры говорятъ одно и то же, но я только смѣюсь надъ ними, — она презрительно выпятила свои красныя губы, но по сіявшему отъ удовольствія лицу было видно, что комплименты радуютъ ее.

Она говорила безъ умолку, разсказывая о работницахъ, о мастерахъ, о директорахъ; потомъ помогла Яскульской уложить дѣтей, которыя сильно противились этому.

— Знаете, пани, я продала два вязаныхъ покрывала и двѣ кофточки. Деньги получу въ субботу, послѣ выдачи жалованья,—сказала она Яскульской.

— Богъ тебя наградитъ, Зося!

— Не стоитъ! Вы сдѣлайте такихъ кофточекъ побольше, только поизящнѣе,—я ужъ всучу ихъ нашимъ.

— Кто-же купилъ?

— Молодой Кеслеръ. Онъ видѣлъ, какъ вечеромъ я показывала ихъ въ конторѣ, и взялъ домой, говоря, что мать покупаетъ; даже не торговался: молодецъ!.. Антось, помнишь, какъ мы въ прошломъ году танцовали?

— Помню,—оживленно отвѣтилъ онъ.

— Нынче фабрика хочетъ всѣмъ устроить маевку: поѣдемъ въ Руду. Что бы тамъ мама ни говорила, я должна поѣхать туда съ отцомъ... Юзекъ, вы играли въ воскресенье?

— Играли, но безъ Адася. Онъ былъ дома?

— Адась! Онъ уже съ мѣсяцъ не показывается домой: говорятъ, все время проводитъ у тѣхъ дамъ, на Спацеровой, а онѣ, кажется, вертихвостки.

— Не говори такъ, Зося, я хорошо знаю пани Лапинскую и пани Стецкую, это очень порядочныя женщины; онѣ, какъ и мы, лишились всего имущества и теперь вынуждены работать.

— Я не знаю; это мама говорила, но мама иногда такъ лжетъ, что дымъ стоитъ столбомъ. Она злословитъ на счетъ этихъ барынь, можетъ быть, потому, что Адамъ постоянно у нихъ сидитъ.

Адамъ былъ Малиновскій,—тотъ свѣтлый блондинъ съ зелеными глазами, который обѣдалъ въ „колоніи". Онъ былъ родной братъ Зоси.

— Отецъ ходитъ на ночную работу?

— А какъ-же! Гнетъ спину съ десяти вечера до шести утра.

— Знаете, мама,—прервалъ молчаніе Юзекъ,—встрѣтилъ я сегодня на Петроковской Стаха Вильчека, моего репетитора въ шестомъ классѣ, сына органиста въ Куровѣ. Вы помните его? Онъ жилъ у насъ однажды на каникулахъ.

— Что-же онъ дѣлаетъ въ Лодзи?

— Не знаю; говоритъ, что все: служитъ въ желѣзнодорожной транспортной конторѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ занимается разными предпріятіями: держитъ лошадей и возитъ уголь со станціи на фабрики, имѣетъ складъ дровъ на Николаевской улицѣ и собирается открыть въ Варшавѣ лавку остатковъ съ фабрикъ Згержа. Онъ уговаривалъ поступить къ нему въ складъ.

— Что-же ты отвѣтилъ?

— Наотрѣзъ отказался. Конечно, онъ платилъ бы больше другихъ, но неизвѣстно, долго ли онъ просуществуетъ.

— И хорошо сдѣлалъ... Кромѣ того, непріятно быть въ зависимости отъ какого-то сына органиста. Я помню его хо-

рошо еще съ тѣхъ поръ, когда онъ приносилъ намъ оплатки на Рождество.

— Красивый?—спросила Зося.

— О, красивый и такъ изящно одѣвается, какъ будто собственникъ фабрики. Онъ кланялся вамъ, мама, и обѣщалъ навѣстить насъ.

— Милый Юзекъ, пусть бы лучше не приходилъ... Зачѣмъ ему видѣть, какъ и гдѣ мы живемъ? Нѣтъ, нѣтъ, меня очень огорчилъ бы этотъ визитъ. Пусть Богъ поможетъ въ его дѣлахъ, но зачѣмъ ему знать наше положеніе.

— Такой человѣкъ можетъ иногда пригодиться,—вмѣшалась Зося.

— Ужъ у такихъ людей мы не станемъ искать помощи,— сухо прервала ее пани Яскульская. Ея гордость возмутилась при мысли о мальчишкѣ, которому она сама помогала въ болѣе счастливыя времена поступить въ гимназію, о сынѣ органиста, котораго принимали всегда въ передней, одѣляя доброхотными подаяніями. Соображеніе Зоси казалось чудовищнымъ для ея фамильной гордости.

— Идетъ отецъ съ докторомъ,—прошепталъ Антось, услышавъ голоса въ корридорѣ.

Дѣйствительно, вошелъ Яскульскій, а впереди его Высоцкій. О Высоцкомъ говорили, что у него самая большая практика въ Лодзи, но онъ живетъ на средства матери, такъ какъ лѣчитъ исключительно бѣдныхъ паціентовъ.

Высоцкій привѣтливо поздоровался, остановивъ нѣсколько дольше взглядъ на Зосѣ, которая, желая быть на виду, выдвинулась впередъ, и принялся изслѣдовать больного.

Зося такъ ревностно помогала ему поднимать Антося, такъ вертѣлась все возлѣ кровати, что Высоцкій съ досадой проговорилъ:

— Оставьте насъ однихъ.

Дѣвушка обидѣлась и пошла за занавѣску, гдѣ старикъ Яскульскій сидѣлъ на ящикѣ для угля и почти со слезами оправдывался передъ женой:

— Клянусь честью, я не пьянъ! Встрѣтился со Ставскимъ. Помнишь его? Пріѣхалъ и онъ, сирота, въ Лодзь, потому что и его, какъ насъ, совсѣмъ ограбили пруссаки. Пошли мы въ Польскую гостиницу, поплакали надъ нашей долей, выпили по рюмкѣ, вотъ тебѣ все наше пьянство. А потомъ я уладилъ одному еврею покупку лошадей, и мы выпили могарычъ, и больше ничего. Былъ у Шварца; мѣсто оказалось уже занято, но, говорятъ, открывается какое-то въ желѣзнодорожномъ магазинѣ; завтра пойду къ завѣдующему, можетъ быть, удастся попасть.

— Какъ и всегда тебѣ удается,—тихо, съ горечью про-

шептала жена, съ безпокойствомъ смотря на Антося и доктора.

Яскульскій уставился своими покраснѣвшими глазами на лампу и молчалъ. Въ его обрюзгшемъ лицѣ, съ огромными, свѣтлыми усами, отражалась безпомощность отчаянья и какое-то почти трагическое убожество.

Яскульскій былъ типомъ разгильдяя.

Благодаря разгильдяйству, онъ потерялъ все свое и женино имущество, благодаря тому-же разгильдяйству, два года не могъ найти себѣ мѣста, а если и получалъ его по протекціи друзей, то такъ же скоро терялъ по своей распущенности.

Въ немъ было много разслабленной чувствительности и ни на грошъ выносливости. Яскульскій плакалъ при всякомъ удобномъ случаѣ, жилъ надеждой на наслѣдство и счастливую перемѣну, а пока, въ поискахъ мѣста, коммиссіонерствалъ по продажѣ лошадей и понемногу выпивалъ, тоже отъ разгильдяйства, не имѣя энергіи противиться уговору. Семья погибала отъ нищеты, потому что онъ ничего не умѣлъ, ни къ чему не былъ способенъ.

Яскульская шила кофточки, фартуки, чепчики и ходила по воскресеньямъ продавать ихъ въ Старый Городъ; занялась даже стиркой бѣлья на рабочихъ, жившихъ въ томъ-же домѣ, но у нея не хватало силъ; она стала давать обѣды тѣмъ-же рабочимъ, но этого было недостаточно; тогда она принялась давать мастерамъ и фабричнымъ чиновникамъ уроки польскаго, французскаго языковъ и музыки.

Всѣ эти способы, вся напряженная, восемнадцати-часовая работа доставляла ей какихъ нибудь десять рублей въ мѣсяцъ. Она отстаивала семью отъ голодной смерти, и отстояла. Ихъ положеніе начало улучшаться, когда Юзекъ сталъ зарабатывать по двадцати рублей въ мѣсяцъ и отдавать матери все до копѣйки.

— Ну, что, докторъ?—спросила она, подходя къ нему, послѣ того, какъ онъ кончилъ изслѣдованіе.

— Безъ перемѣны. Лѣкарства давайте тѣ же самыя, а къ молоку можно прибавлять коньякъ.

Онъ вынулъ изъ кармана пальто бутылку и коробку съ порошками.

— Такъ какъ же?—спросила она такъ тихо, что онъ скорѣе догадался, чѣмъ разслышалъ.

— Ничего не могу сказать. Только нужно отправить его въ деревню, какъ только потеплѣетъ. Я думалъ о лѣтней колоніи, но это не для него. Во всякомъ случаѣ, я устрою, чтобы двухъ старшихъ дѣтей взяли туда: нѣсколько недѣль въ деревнѣ очень поправятъ.

— Благодарю васъ.

— Ну, молодецъ, поѣдемъ лѣтомъ на травку?—говорилъ онъ Антосю.

— Хорошо, докторъ.

— А читать ты любишь?

— Очень, только уже всѣ книжки, даже календари, прочиталъ.

— Завтра я пришлю тебѣ новыя, но, когда прочтешь, долженъ мнѣ разсказать ихъ содержаніе.

Антось крѣпко пожималъ его руку и не могъ говорить отъ радости.

— Ну, будь здоровъ, черезъ нѣсколько дней я опять загляну къ тебѣ.

Высоцкій ласково погладилъ его по вспотѣвшему, холодному лбу и началъ надѣвать пальто.

— Пане докторъ,—застѣнчиво проговорилъ Антось.—Эти фіалки такъ хорошо пахнутъ... Золотой мой, возьмите ихъ. Вы добры со мной, какъ мама, какъ Юзекъ; мнѣ дала ихъ Зося, возьмите ихъ, возьмите,—просилъ онъ тихонько,— и растроганный Высоцкій съ улыбкой пристегнулъ букетикъ къ отвороту пальто.

При прощаніи Яскульская хотѣла сунуть ему рубль, но Высоцкій отскочилъ, точно отъ огня.

— Прошу, пожалуйста, безъ глупостей,—вскрикнулъ онъ съ досадой.

— Но я не могу допустить, чтобы вы, докторъ, посвящали намъ столько времени и трудовъ... не могу.

— Малышъ уже заплатилъ мнѣ... Спокойной ночи!

Онъ вышелъ въ коридоръ вмѣстѣ съ Яскульскимъ, который взялся проводить его до Петроковской.

— Глупыя шляхетскія фанаберіи, — ворчалъ Высоцкій, такъ быстро шагая, что Яскульскій едва поспѣвалъ за нимъ.

— Нѣтъ у васъ, докторъ, ничего для меня?—робко спросилъ старикъ, поровнявшись съ нимъ.

— Мѣсто есть, только тамъ нужно работать.

— А я, по вашему, не хочу работать?

— Можетъ быть, и хотите, но этого недостаточно: въ Лодзи нужно еще умѣть работать. Почему вы не удержались у Вейсблата? Мѣсто было порядочное.

— Честное слово, я не виноватъ! Я не могъ выдержать преслѣдованій директора; меня тамъ постоянно оскорбляли...

— Оскорбителей бьютъ въ зубы, а прежде всего не нужно подавать поводовъ ни для шутокъ, ни для оскорбленій. Мнѣ было стыдно за васъ.

— Почему? Я добросовѣстно работалъ.

— Я знаю, но мнѣ приходилось стыдиться за вашу непригодность.

— Я работалъ, какъ умѣлъ и какъ могъ, — прошепталъ Яскульскій со слезами въ голосѣ.

— Не плачьте, чортъ васъ побери! Вы не слѣпую клячу мнѣ сбываете: я вамъ вѣрю на слово.

— Честное слово, вы меня оскорбляете!..

— Ну, и возвращайтесь себѣ съ Богомъ домой, я самъ найду дорогу на Петроковскую.

— Прощайте,—отрывисто кинулъ Яскульскій, и повернулся уходить.

Доктору стало стыдно своей грубости по отношенію къ этому жалкому человѣку, но онъ такъ раздражалъ его, что не могъ сдержаться.

— Пане Яскульскій,—крикнулъ докторъ.

— Слушаю.

— Можетъ быть, вамъ нужны деньги? Нѣсколько рублей я могу вамъ ссудить.

— Ахъ, нѣтъ, честное слово, не нужно, благодарю васъ!—слабо отказывался старикъ, уже размякшій и забывшій обиду.

— Возьмите, отдадите все сразу, когда получите ваше наслѣдство послѣ тетки.—Высоцкій сунулъ ему три рубля и простился.

Яскульскій со слезами посмотрѣлъ у фонаря на кредитку и, вздыхая, поплелся домой.

Высоцкій медленно поднимался на Петроковскую, глубоко удрученный нищетой, которую видѣлъ ежедневно.

Усталымъ, печальнымъ взглядомъ оглядывалъ онъ притихшій городъ, фабрики, мелькавшія въ глубинѣ дворовъ, какъ черныя спящія чудовища, немногочисленныя освѣщенныя окна, глядѣвшія въ черную, сырую ночь. Имъ овладѣло странное возбужденіе и тревога; душа его была полна необъяснимаго чувства безпокойства и страха, которое, безъ всякой внѣшней причины, иногда охватываетъ человѣка и такъ пугаетъ, что онъ въ волненіи смотритъ на дома, не валятся-ли они на него, ждетъ ужасныхъ вѣстей, всевозможныхъ несчастій.

Высоцкій былъ въ подобномъ настроеніи.

Ему не хотѣлось идти домой, не хотѣлось даже завернуть въ кондитерскую, мимо которой онъ проходилъ, прочитать газеты, для него все сдѣлалось безразлично, кошмаръ безпокойства овладѣвалъ имъ все сильнѣе.

— Глупую жизнь я веду, — думалъ онъ. — Совершенно глупую!

Около театра онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Мелей.

Она возвращалась съ Розой пѣшкомъ изъ театра. Карета ѣхала за ними.

Высоцкій довольно холодно поздоровался и хотѣлъ уже проститься, но Меля спросила:

— Ты не проводишь насъ?

— Я не хотѣлъ вамъ мѣшать.

— Пойдемъ пить чай,—пригласила Роза,—Бернардъ, ужъ навѣрно ждетъ.

Высоцкій шелъ молча, ему не хотѣлось говорить.

— Что съ тобой, Мецекъ?

— Ничего, кромѣ обыкновеннаго раздраженія и какой-то острой апатіи.

— У тебя случилось что-нибудь дурное?

— Нѣтъ, но я жду... меня никогда не обманываетъ предчувствіе.

— Меня тоже, но мнѣ стыдно было признаться, — тихо проговорила Меля.

— И еще я былъ сегодня у бѣдныхъ людей, гдѣ видѣлъ столько картинъ несчастія, что совсѣмъ ошеломленъ.

Онъ нервно вздрогнулъ.

— Ты боленъ жалостью, какъ говоритъ о тебѣ Бернардъ.

— Бернардъ! — рѣзко отвѣтилъ Высоцкій. — У него какой-то вѣчный delirium tremens оплеванія всего и всѣхъ! Онъ похожъ на слѣпого, который хочетъ всѣхъ убѣдить, что ничего нѣтъ, такъ какъ онъ самъ ничего не видитъ.

— Кто эти бѣдные? Нельзя-ли имъ помочь? — спросила Меля.

Онъ разсказалъ о положеніи Яскульскихъ и еще нѣсколькихъ рабочихъ семей.

Меля слушала сочувственно, запоминая ихъ адреса.

— Почему люди должны такъ страдать? за что? — прошептала она.

— Теперь я спрошу тебя, Меля: что съ тобой? У тебя слезы въ голосѣ?

— Не спрашивай, не старайся даже узнать.

Она склонила голову на грудь.

Высоцкій умолкъ, посмотрѣлъ на лицо Мели и погрузился въ задумчивость.

Онъ глядѣлъ на пустыя улицы, на длинную цѣпь фонарей, на ряды домовъ, похожихъ на окаменѣлыя головы чудовищъ, лежавшихъ другъ подлѣ друга, на мерцающія, какъ сквозь тяжелый, безпокойный сонъ, окна.

— Что съ ней?—думалъ онъ, чувствуя, что ему становится больно и тоскливо отъ ея грусти. — Вамъ, видно, не очень было весело въ театрѣ?

— Напротивъ! Но какъ велика сила любви!—воскликнула

Роза, какъ бы доканчивая свою мысль.—Какъ страдала Сафо! Я помню всѣ ея крики, мольбы, страданія, ощущаю ихъ въ себѣ. Меня изумила такая любовь, я не понимаю ея, сомнѣваюсь даже, можно-ли такъ сильно чувствовать, такъ отдаться этому чувству, чтобы исчезнуть въ немъ.

— Можно... можно... — тихо повторяла Меля, поднимая глаза.—Высоцкій, дай мнѣ руку.

Когда онъ исполнилъ ея желаніе, она прижала его худую руку къ своему разгорѣвшемуся лицу.

— Ты чувствуешь, какъ я горю?

— Ужасно! Зачѣмъ же ходить на пьесы, которыя такъ волнуютъ?

— А что же мнѣ, наконецъ, дѣлать!—воскликнула Меля съ горечью и посмотрѣла на него широко раскрытыми глазами.—Ты не даешь мнѣ никакого лѣкарства противъ тоски, а мнѣ уже надоѣли всѣ эти „фиксы", прогулки по городу, путешествія за границу: я ненавижу жизнь въ гостиницахъ; театръ еще развлекаетъ иногда, встряхиваетъ нервы, волнуетъ, а я люблю, когда что-нибудь взволнуетъ меня до глубины.

— Что съ Мелей?—прервалъ онъ, не слушая ее.

— Сейчасъ узнаешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—возразила Меля.

Они вошли въ освѣщенную переднюю дворца Мендельсоновъ.

— Панъ Эндельманъ дома?—спросила Роза лакея, бросая ему шляпу и длинную пелеринку.

— Они въ охотничьей комнатѣ и просятъ васъ пройти туда.

— Пойдемъ въ охотничью; тамъ теплѣе, чѣмъ въ моемъ будуарѣ, и теплѣе, чѣмъ здѣсь,—говорила Роза, провожая ихъ черезъ рядъ комнатъ, слабо освѣщенныхъ шестисвѣчнымъ канделябромъ, который несъ впереди лакей.

„Охотничья" была комната Станислава Мендельсона, младшаго сына Шаи; свое названіе она получила отъ ковра изъ тигровыхъ шкуръ, такихъ же портьеръ и мебели изъ буйволовыхъ роговъ, обитой мѣхомъ, съ длинной пепельной шерстью; множество оружія висѣло по стѣнѣ, вокругъ огромной головы лося.

— Я жду цѣлый часъ,—проговорилъ Бернардъ, даже не вставая поздороваться. Онъ сидѣлъ подъ головой лося и пилъ чай.

— Почему ты не пришелъ въ театръ?

— Потому что не желаю смотрѣть театральную балаганщину: такія вещи хороши для васъ.

Онъ презрительно искривилъ губы.

— Позеръ!—небрежно произнесла Роза.

Ирландскій „ледоходъ“.

(*Письмо изъ Англіи*).

I.

Ирландія теперь находится наканунѣ великихъ событій. Близокъ къ разрѣшенію аграрный вопросъ, составляющій основу ирландской жизни. Когда вы читаете теперь ирландскія газеты, предъ вами вырисовывается громадная рѣка ранней весною. Ледъ на ней покрылся трещинами. Черная полоса дороги вздулась буграми. Глухой трескъ не смолкаетъ надъ рѣкой. Кое-гдѣ образовались зàбереги, въ которыхъ ослѣпительно отражаются лучи весенняго солнца. Но ледъ не трогается. Рѣка стоитъ неподвижно, мертвая, скованная, хотя все вокругъ тысячами голосовъ возвѣщаетъ нарожденіе новой жизни. Потянетъ случайнымъ холодомъ, и рѣка скована, повидимому, еще сильнѣе. Даже забереги тогда затянутся снова ледкомъ. По вздувшейся дорогѣ тогда съ побѣднымъ карканьемъ, переваливаясь, бродятъ вороны. Онѣ, какъ будто, кричатъ перелетнымъ птицамъ, отъ радостнаго клекота которыхъ кипитъ въ воздухѣ: „пр-р-ростоитъ! пр-р-ростоитъ!“ Но вороньи предсказанья не сбываются. Одинъ теплый день, и съ трескомъ ломается ледъ. Напирая другъ на друга, съ характернымъ шуршаніемъ, плывутъ льдины, очищая вольную синюю воду. Правда, случается, что тамъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ загогулину, образуется заторъ. Туда прибиваетъ льдины, и поперекъ рѣки образуется крѣпкая, громадная плотина. Рѣка опять скована, но не на долго. Со страшнымъ грохотомъ плотина рушится, и напирающая вода сразу уноситъ уродливыя, громадныя, холодныя глыбы. Нѣкоторыя изъ нихъ, грязныя и рыхлыя, остаются на „лайдѣ“ (песчаныхъ, отлогихъ берегахъ), какъ околѣвшія чудовища. Здѣсь онѣ лежатъ, покуда не растаютъ ихъ безобразныя тѣла отъ жаркихъ лучей ликующаго, весенняго солнца. Радостно бьется сердце во время ледохода. Новая жизнь вливается въ грудь. Великій, чудный, мощный космосъ, частицу котораго составляемъ мы, захватываетъ насъ и щедро поитъ надеждой въ

возрожденіе и увѣренностью въ гибель отжившаго, какъ бы цѣпко оно ни держалось...

Исторія имѣетъ свои ледоходы, своихъ воронъ, радующихся тому, что рѣка скована; она много говоритъ про внезапные заторы и про то, какъ въ концѣ концовъ холодныя глыбы гибнутъ, выброшенныя на берегъ, подъ жаркими лучами весенняго солнца...

Такой „ледоходъ“ переживаетъ теперь Ирландія. Мнѣ припоминаются мѣткія слова остроумнаго наблюдателя и глубокаго знатока Англіи Искандера. „На эту страну,—говоритъ онъ,—находятъ, и довольно часто, періодическіе страхи, и въ это время не попадайся ей ничего на дорогѣ. Страхъ вообще безжалостенъ, безпощаденъ; но имѣетъ ту выгоду за собой, что онъ скоро проходитъ. Страхъ не злопамятенъ, онъ старается, чтобы его поскорѣе забыли“. „Не надо думать,—продолжаетъ нашъ авторъ,—чтобы трусливое чувство осторожности и тревожнаго самосохраненія лежало въ самомъ англійскомъ характерѣ. Это слѣдствіе отучнѣнія отъ богатства и воспитанія всѣхъ помысловъ и страстей на стяжаніи. Робость въ англійской крови внесена капиталистами и мѣщанствомъ, они передаютъ болѣзненную тревожность свою оффиціальному міру, который въ представительной странѣ постоянно поддѣлывается подъ нравы — голосъ и деньги имущихъ. Составляя господствующую среду, они при всякой неожиданной случайности теряютъ голову и, не имѣя нужды стѣсняться, являются во всей безпомощной, неуклюжей трусости своей, не прикрытой пестрымъ и линялымъ фуляромъ французской риторики. Надобно умѣть пережидать; какъ только капиталъ придетъ въ себя, успокоится, — все опять пойдетъ своимъ чередомъ“.

Эти слова, въ значительной степени, являются ключомъ къ пониманію отношенія Англіи къ ирландскому вопросу. Они выясняютъ, почему Сити ликовало такъ, когда арестовали Парнелля въ 1881 г., почему Times послѣдовательно являлся непримиримымъ врагомъ „Земельной лиги“, „Плана кампаніи“ и, въ послѣднее время, „Ирландской лиги“.

„Ирландскій вопросъ“ прежде былъ гораздо сложнѣе, чѣмъ теперь. Тогда онъ заключалъ въ себѣ требованіе религіозной терпимости, свободы личности, слова и сходокъ; право на землю, мѣстное самоуправленіе и, наконецъ, самоуправленіе политическое (гомруль). Въ XVIII вѣкѣ, напр., отъ перовъ и коммонеровъ ирландцевъ требовалась присяга, въ которой отрицался догматъ пресуществленія и заявлялось, что одно изъ основныхъ таинствъ католической вѣры есть „преступное идолослуженіе“. Конечно, ни одинъ католикъ не могъ дать такой присяги и, такимъ образомъ, ирландцы были устранены отъ общественной дѣятельности. Правительство приняло мѣры къ тому, чтобы глубокое невѣжество

было удѣломъ ирландцевъ. „Папистовъ“ не принимали въ общія школы, воспрещали строить свои собственныя и не позволяли отправлять дѣтей въ школы за границу. Въ Англіи законъ еще въ XVII в. охранялъ неприкосновенность личности и семейнаго очага. Въ Ирландіи правительство разрѣшало дѣлать обыски въ частныхъ домахъ во всякое время дня и ночи (подъ предлогомъ, не спрятано-ли оружіе). Восемнадцатый вѣкъ открылся приказомъ о воспрещеніи въѣзда въ Ирландію католическимъ священникамъ и епископамъ. Когда вступила на престолъ королева Анна (въ 1702 г.), протестанты составляли въ Ирландіи одну шестую часть населенія. Имъ принадлежала почти вся земля. Изъ этого класса, по преимуществу, выбирались представители въ ирландскій парламентъ. „Живя среди недовольнаго населенія, они находились въ состояніи вѣчнаго страха и, подъ вліяніемъ послѣдняго, издавали удивительные по своей жестокости законы противъ католиковъ. „Протестантскій гарнизонъ“, какъ кошмара, страшился мысли, что католики когда-нибудь возьмутъ верхъ“ *). Вотъ нѣкоторые изъ изданныхъ тогда законовъ. Папистамъ воспрещалось покупать землю; имъ предписывалось въ завѣщаніяхъ дѣлить землю между всѣми дѣтьми поровну (мѣра, направленная къ тому, чтобы въ Ирландіи были помѣщики только англичане). Если старшій сынъ отрекался отъ католичества, онъ получалъ право на всю землю; кромѣ того, при жизни отца ренегатъ могъ потребовать съ него треть всѣхъ доходовъ. Католикъ могъ снимать землю въ аренду на сроки не больше, чѣмъ на 31 годъ. Онъ не имѣлъ права закладывать свое помѣстье. Папистъ не могъ быть чиновникомъ, офицеромъ, морякомъ, адвокатомъ, не имѣлъ права состоять на городской службѣ. Ему, съ ограниченіями, открыто было только медицинское поприще. Католикъ не могъ быть третейскимъ судьею или опекуномъ. Англійское правительство воспретило ирландцамъ-ремесленникамъ имѣть больше двухъ учениковъ (кромѣ ткачей). Ирландцевъ изгнали изъ Лимерика и Голуэйя. Они могли отлучаться отъ мѣста жительства только съ паспортомъ. Папистъ имѣлъ право держать только такую лошадь, которая стоитъ не дороже 50 руб. Если ферма, арендуемая ирландцемъ, приносила въ годъ на $^1/_3$ больше уплачиваемой ренты, то всякій англичанинъ могъ прогнать крестьянина и взять аренду себѣ. Для всего этого достаточно было, чтобы желающій занять ферму далъ показаніе подъ присягой. Англичанинъ, подозрѣвающій, что другой протестантъ снимаетъ ферму для католика, могъ забрать ферму себѣ. Замужняя ирландка, отрекшаяся отъ католицизма, имѣла право на разводъ и могла требовать отъ мужа денежнаго обезпеченія. „Эти законы вторгавшіеся въ частную жизнь, причиняли много несчастій и

*) *W. S. Gregg*, «Irish History», p. 80.

порождали не малое озлобленіе. Жена, которой надоѣлъ мужъ, и безпутный сынъ отрекались отъ своей вѣры и получали щедрое вознагражденіе за ренегатство“ *).

Но съ особенной строгостью законъ обрушивался на священниковъ. Въ Ирландіи зарегистровали 3000 священниковъ. Не „реестровый“ священникъ подлежалъ смертной казни. Епископы совсѣмъ не были внесены въ списокъ. Вакансіи, открытыя смертью кого-либо изъ „реестровыхъ“ священниковъ, не пополнялись. Такимъ образомъ, имѣлось въ виду мало-по-малу воспретить совершенно исповѣданіе католической вѣры. Назначили спеціальныхъ „охотниковъ за священниками“, которые получали по 500 руб. за каждаго пойманнаго епископа, по 200 руб. за священника или монаха и по 100 руб. за школьнаго учителя. Не реестровые священники и школьные учителя укрывались въ горахъ, въ пещерахъ. При вступленіи на престолъ Георга II, у католиковъ отняли право подавать голосъ на выборахъ.

Англія видѣла тогда въ Ирландіи серьезнаго промышленнаго соперника, и вотъ послѣдовалъ рядъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью захватить рынокъ для себя. При Карлѣ II воспрещенъ былъ ввозъ въ Англію изъ Ирландіи скота, мяса, окороковъ, сыра и масла. Ирландскіе фермеры тогда превратили свои пашни въ луга, завели овецъ и скоро стали доставлять лучшую въ Европѣ шерсть, которая въ огромномъ количествѣ вывозилась въ сыромъ видѣ во Францію и въ Испанію. На сѣверѣ Ирландіи возникли громадныя суконныя фабрики. Возраставшая промышленность возбудила опасеніе въ англійскихъ фабрикантахъ. И вотъ въ началѣ XVIII вѣка ирландцамъ воспретили подъ страхомъ конфискаціи груза и корабля вывозить шерсть за границу или въ колоніи. Англія, такимъ образомъ, заручилась монополіей на лучшую шерсть въ Европѣ, по крайне низкой цѣнѣ: фунтъ шерсти во Франціи стоилъ 2 ш. 6 пен., тогда какъ ирландцы принуждены были продавать свой товаръ въ Англіи по пяти пенсовъ за фунтъ (т. е. за $^{1}/_{6}$ стоимости). Фермеры терпѣли громадные убытки; но не меньшіе, чѣмъ ткачи. Ихъ было около сорока тысячъ. Законъ, воспретившій вывозъ сукна, вышвырнулъ ихъ на улицу. Оставались еще двѣ отрасли промышленности: постройка кораблей и ткацкое дѣло. Въ XVIII в. въ Ирландіи было еще много дубовыхъ лѣсовъ, которые шли на постройку кораблей; но Англія тоже имѣла свои верфи. И, чтобъ убить корабельное дѣло въ Ирландіи, Англія создала такой законъ: ирландскіе товары можно вывозить только на англійскихъ корабляхъ, при томъ—только въ Англію. Этотъ законъ принесъ разореніе всѣмъ приморскимъ ирландскимъ городамъ. Корабельные плотники, матросы, конопатчики, смолокуры и пр. должны были или

*) *Gregg.* p. 82.

эмигрировать, или обратиться къ земледѣлію. Чтобы убить полотняное производство, Англія обложила громадной пошлиной парусину и крашеныя полотна. Такимъ образомъ, у всей страны остался только одинъ источникъ существованія—земледѣліе. Этотъ бѣглый набросокъ даетъ нѣкоторое представленіе о томъ, почему аграрный вопросъ пріобрѣлъ потомъ первенствующее значеніе въ исторіи Ирландіи.

Итакъ, ирландскій вопросъ прежде былъ очень сложенъ; но теперь онъ значительно упростился. Всѣ спеціальные законы относительно „папистовъ" отошли въ область преданій. Свобода совѣсти, личности, слова, сходокъ—все это добыто. Законы объ усиленной охранѣ (Coercion Acts), о которыхъ дальше, проносятся лишь порой, какъ циклоны. Въ 1898 г. ирландцы получили широкое мѣстное самоуправленіе. Такимъ образомъ, фактически, ирландскій вопросъ состоитъ теперь изъ двухъ пунктовъ: изъ требованія 1) политическаго самоуправленія (гомруля) и 2) земли.

Перваго пункта я теперь касаться не буду. Какъ извѣстно, десять лѣтъ тому назадъ консервативная партія оказала въ парламентѣ сильное сопротивленіе гладстоновскому биллю. И теперь торійская печать, выставляя радикаловъ пугаломъ въ глазахъ избирателей, укоризненно называетъ гладстоніанцевъ „гомрулерами". Этимъ консервативная печать желаетъ сказать, что гладстоніанцы унижаютъ достоинство имперіи, желая расчленить ее. „Что скажутъ колоніи, которыя были такъ лояльны намъ во время войны, если верхъ возьметъ партія умалителей Англіи?"—говорятъ консерваторы. Тѣ, которые слѣдятъ внимательно за событіями англійской жизни, знаютъ, что теперь проектъ гомруля, исходящій отъ консервативной партіи, находится вполнѣ въ предѣлахъ возможности. Что же касается мнѣнія колоній, то приведу здѣсь телеграмму изъ Оттавы (Канада), помѣщенную въ Таймсѣ. „Костиганъ (морской министръ) внесъ резолюцію въ пользу гомруля для Ирландіи; она принята въ парламентѣ 102 голосами противъ 41. За резолюцію подали голосъ и сэръ Вильфридъ Лорье (премьеръ), и Бордэнъ (вождь оппозиціи, т. е. консервативной партіи). Премьеръ оправдывалъ вмѣшательство Канады ссылкой на Южную Африку" *). Эта телеграмма поставитъ въ немалое затрудненіе консервативную печать, которая восхваляла постоянно „лоялизмъ" Канады и выставляла Вильфрида Лорье, какъ олицетвореніе настоящаго имперіализма. Авторъ только что вышедшей интересной книги „To-Day and To-Morrow in Ireland", доказывая необходимость гомруля, пишетъ: „Одинаковыя причины произведутъ одинаковыя послѣдствія. Внѣ сомнѣнія, что колоніи были бы недовольны и мятежны, если бы въ нихъ существовала

*) «Times» 2 апрѣля 1903 г.

такая же система управленія, какъ въ Ирландіи. И если бы Ирландія имѣла полное самоуправленіе, какъ колоніи, она проявила бы такую же лояльность, какъ и онѣ. Повидимому, это мнѣніе раздѣляютъ всѣ премьеры, посѣтившіе Лондомъ лѣтомъ 1903 г. Всѣ они, какъ говорятъ, высказались въ пользу гомруля... Возраженіе противъ гомруля основано, главнымъ образомъ, на опасности, которую онъ представляетъ для имперіи. По этому поводу можно сказать слѣдующее. Какъ дѣла обстоятъ теперь, для Ирландіи, въ случаѣ европейской войны, понадобится сильный гарнизонъ, хотя она разоружена. Съ другой стороны, если бы она пользовалась такимъ же широкимъ самоуправленіемъ, какъ и колоніи, у ней были бы такія же основанія, какъ и у послѣднихъ, явиться на помощь метрополіи.. Гомруль измѣнилъ бы сильно Ирландію... Вліяніе католической церкви тогда сильно ослабѣло бы, такъ какъ католицизмъ пришелъ бы въ столкновеніе съ другими силами. Священники, безъ сомнѣнія, попытались бы управлять Ирландіей; но это имъ не удалось бы. Самое большее, произошелъ бы расколъ между городомъ и деревней *).

Такимъ образомъ, теперь „ирландскій вопросъ" состоитъ, фактически, изъ одного пункта — требованія земли. „Ирландская лига" и вожди парламентской партіи, какъ Рэдмондъ или Вильямъ О'Брайенъ, отлично знаютъ, что гомруль самъ приложится въ ближайшемъ будущемъ. Они знаютъ, что съ паденіемъ лэндлордизма исчезнетъ въ Ирландіи та партія, которая задавала тонъ парламенту въ борьбѣ съ гомрулемъ; партія, „нагонявшая тѣ періодическіе страхи", о которыхъ говоритъ Искандеръ. И, зная это, „лига" отодвинула гомруль на второй планъ. На первый выдвинули вопросъ о землѣ, который теперь, послѣ короткой, но упорной борьбы, находится наканунѣ окончательнаго разрѣшенія.

II.

„Лучшимъ памфлетомъ противъ системы аглійскаго владычества въ Ирландіи является сухой отчетъ всенародной переписи,— говоритъ Брэйлсфордъ, авторъ только что вышедшей книги „Some Irish Problems".—Таблицы, показывающія число переселенцевъ, оставившихъ страну, являются лѣтописью отчаянія, подточившаго мало-по-малу всѣ надежды жизнерадостнаго народа. Въ исторіи англійскихъ колоній статистика эмиграціи показываетъ стремленіе завоевывать новыя страны и желаніе расширить метрополію. Ирландцы отправлялись на западъ, за океанъ, не въ поискахъ за богатствомъ и приключеніями, какъ дѣлали наши соотечествен-

*) Stephen Gwynn. To-Day aud To-Morrow in Ireland. Dublin, 1093. p. XIII—XIV.

ники, покинувшіе Англію, потому что у нихъ былъ переизбытокъ энергіи. Ирландскіе переселенцы были изгнанники, а не созидатели имперій... За океанъ ихъ гналъ голодъ. Побудителемъ къ переселенію явился землевладѣлецъ, прогонявшій фермера за неплатежъ ренты. Крестьянинъ строилъ самъ котэджъ, осушалъ болото и превращалъ его въ пашню; онъ платилъ свою чрезмѣрно-высокую ренту (rack-rent) и, тѣмъ не менѣе, лѣтъ тридцать тому назадъ помѣщикъ могъ прогнать фермера каждую минуту. Если Ирландія въ то время не совершенно опустѣла, то только благодаря существованію тайныхъ обществъ, боровшихся насиліемъ противъ насилія. Въ послѣдніе годы старые аграрные законы сильно измѣнены; но не настолько, чтобы утолить „земельный голодъ“ ирландскихъ крестьянъ“ *).

Подъ вліяніемъ „земельнаго голода“ за пятьдесятъ лѣтъ изъ Ирландіи выселилось 3.841,419 человѣкъ. За десятилѣтній періодъ (1892—1902 г.), какъ показала послѣдняя перепись, Ирландію оставили 433,526 чел. За эти десять лѣтъ населеніе Англіи увеличилось на 12%, тогда какъ населеніе Ирландіи уменьшилось на 5%. Явленіе это не обусловлено дѣйствіемъ какихъ нибудь факторовъ, лежащихъ внѣ человѣческаго контроля. „Бѣдность Ирландіи,—говоритъ упомянутый выше авторъ,—зависитъ не отъ свойства почвы, не отъ состоянія міровыхъ рынковъ, не отъ воли самого народа. Она обусловливается только системой землевладѣнія, явившейся результатомъ завоеванія острова. Система эта создана искусственно, законодательнымъ путемъ. И то, что сдѣлано законодателемъ,—можетъ быть измѣнено имъ“. Тюдоры и Стюарты, стремясь къ захвату Ирландіи, отдали землю своимъ сторонникамъ и превратили всѣхъ крестьянъ въ полукрѣпостныхъ. До конца XVIII вѣка католикъ не могъ владѣть ни акромъ той земли, которая когда-то вся принадлежала его предкамъ. Завоеватели не признавали тѣхъ обязанностей землевладѣльца, которыя мы наблюдаемъ въ Англіи. Онъ не строилъ избъ, не осушалъ болотъ, не огораживалъ полей. Земельный участокъ пріобрѣталъ какую нибудь стоимость только въ силу работы фермера. „Рента, которую взималъ лэндлордъ, — говоритъ Брэйлсфордъ, — являлась данью, которую Англія позволила ему брать за услуги, оказанныя ей. Помѣщики — были гарнизономъ въ покоренной странѣ, и земельная рента являлась жалованьемъ... Въ теченіе многихъ лѣтъ парламентъ издавалъ аграрные законы для Ирландіи, исходя изъ фатальной ошибки, что земельныя отношенія тамъ такія же, какъ и въ Англіи... Въ Англіи помѣщикъ сдаетъ въ аренду ферму, тогда какъ въ Ирландіи—только землю. Англійскій землевладѣлецъ, взимая ренту, получаетъ этимъ небольшой процентъ на капиталъ, затраченный имъ и его предшествен-

---

*) *H. N. Brailsford*, «Some Irish Problems», 1903, p. 24.

никами на улучшеніе земли и на сооруженіе построекъ. Ирландскій же помѣщикъ до 1881 г. жалъ тамъ, гдѣ никогда не сѣялъ; онъ бралъ ренту за трудъ, затраченный предшественникомъ фермера; послѣдняго помѣщикъ могъ прогнать каждую минуту, не заплативъ ему ни фартинга за трудъ и улучшенія... Вся земельная система можетъ быть охарактеризована только словомъ „грабежъ“. Она вела къ тому, что фермеры привыкли смотрѣть на землевладѣльцевъ не иначе, какъ на исконныхъ враговъ. Земельная система вырыла еще глубже пропасть, созданную различіемъ расъ и религій. Крестьяне видѣли въ законѣ только санкцію несправедливости и тираніи“. Въ то время, какъ въ Англіи исторически выработалось глубокое уваженіе къ законамъ, выработаннымъ самимъ населеніемъ, въ Ирландіи, наоборотъ, такимъ же историческимъ путемъ создалась ненависть и недовѣріе къ законамъ, сочиненнымъ завоевателями.

Итакъ, въ теченіе многихъ вѣковъ завоеватели систематически убивали всѣ отрасли промышленности Ирландіи. Единственнымъ подспорьемъ страны осталось земледѣліе. И этотъ фундаментъ экономическаго существованія народа былъ подрытъ дикой аграрной системой. Ирландія много разъ конвульсивно содрогалась, пытаясь сбросить эту систему, разорившую страну и погнавшую за океанъ цвѣтъ населенія. И каждый разъ попытки покончить съ земельной системой переживали, если можно такъ выразиться, правильный циклъ опредѣленныхъ фазисовъ: 1) какія нибудь необычайныя причины, какъ, напр., голодъ, создавали аграрное движеніе среди крестьянъ; 2) они требовали отмѣны старой системы земельныхъ отношеній; 3) правительство, подстрекаемое лэндлордами, отвѣчало рѣшительнымъ „никогда“ и для усмиренія движенія издавало спеціальные законы объ охранѣ (Coercion Acts); 4) движеніе тогда не только не уменьшалось, но принимало бурный, стихійный характеръ; Coercion Acts вызывали убійства, пожары, калѣченье скота, бойкотъ и пр.; 5) правительство уступало и издавало какой нибудь земельный билль для Ирландіи. Но такъ какъ уступка дѣлалась крайне неохотно и такъ какъ недовольные землевладѣльцы оказывали постоянное давленіе на правительство, то реформы являлись всегда только полумѣрой и немного улучшали положеніе дѣлъ. До тѣхъ поръ, покуда громадная каменная глыба лежитъ неподвижно, къ ней можно пристроивать что угодно; но если она, въ силу какихъ нибудь обстоятельствъ, покатилась подъ гору,—никакія силы не удержатъ ее. То же самое можно сказать относительно назрѣвшей реформы. Полумѣра не успокаивала движенія въ Ирландіи, которое послѣ нѣкотораго перерыва, снова начиналось, такъ какъ продолжали существовать создавшія его причины. Тогда намѣченный циклъ повторялся съ удивительной правильностью. Классическимъ примѣромъ можетъ служить исто-

рія земельнаго билля 1881—1882 гг. Убѣжденія и доводы друзей Ирландіи не имѣли никакого вліянія на англійское правительство. Страшный голодъ, невѣроятная нищета — все это нисколько не интересовало правительства, покуда Ирландія страдала терпѣливо. О реформахъ начали говорить тогда, когда голодъ создалъ стихійное движеніе, выразившееся въ аграрныхъ преступленіяхъ. О числѣ ихъ могутъ дать представленіе слѣдующія цифры.

годы.	число преступленій.
1844	6327
1845	8088
1846	12374
1847	20986
1848	14080
1849	14908
1850	10639
1851	9144 *)

Вотъ причины, породившія первый ирландскій земельный билль 1870 г., который имѣлъ цѣлью предупредить только массовыя изгнанія фермеровъ; но онъ остался мертвой буквой. „Земельный законъ 1870 г. нисколько не сократилъ чрезмѣрно высокой ренты,—говоритъ историкъ.—Эта рента взималась такъ же безжалостно, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ, напр., въ Ольстерѣ, даже болѣе безжалостно, чѣмъ прежде. Противъ изгнанія законъ предлагалъ только одну мѣру: землевладѣлецъ долженъ былъ заплатить фермеру за причиненную тревогу. Предполагалось, что эта сумма въ извѣстной степени вознаградитъ фермера за потери. Но въ странѣ, гдѣ всѣ средства къ жизни доставляетъ земля, единственнымъ вознагражденіемъ можетъ быть только такая сумма, которая обезпечила бы изгнанному фермеру существованіе до конца жизни. Говорить въ Ирландіи о вознагражденіи за „тревогу“, причиненную изгнанному фермеру, то же самое, что говорить о вознагражденіи потерпѣвшихъ крушеніе въ открытомъ морѣ за гибель плота, представлявшаго единственную надежду на спасеніе. Затѣмъ, вознагражденіе за убытки присуждали судьи, которые невольно тяготѣли къ землевладѣльцамъ. Судьи привыкли считать, что помѣщикъ имѣетъ право, когда захочетъ, прогнать фермера. Претензіи на вознагражденіе казались судьямъ чѣмъ-то неестественнымъ. Нужно припомнить, что земельная система въ Ирландіи создавалась вѣками. Вся она стремилась къ тому, чтобы сдѣлать лэндлорда всесильнымъ. Адвокаты и судьи были проникнуты идеями, созданными такимъ порядкомъ дѣлъ. Въ силу этого, судьи склонны были оцѣнивать убытки фермеровъ въ ничтожную сумму“ **). Кромѣ этого, по закону 1870 г.

*) *T. P. O'Connor*, The Parnell Movement, p. 216.
**) *Ib.*, p. 165.

вознагражденіе имѣлъ право требовать только тотъ фермеръ, котораго изгоняли, хотя онъ аккуратно платилъ ренту. Не смотря на законъ, изгнанія фермеровъ не только не уменьшились, но даже увеличились. Объ этомъ говорятъ слѣдующія цифры:

годы.	число преступленій.
1876	1269
1877	1323
1878	1749
1879	2667 *)

Въ 1879 г. начался въ Ирландіи голодъ вслѣдствіе неурожая картофеля. Попытки обратить вниманіе правительства на бѣдственное положеніе крестьянъ не привели ни къ чему. На запросъ въ парламентѣ, секретарь по ирландскимъ дѣламъ отвѣтилъ насмѣшкой. Онъ допускалъ, самое большее, что „въ Ирландіи существуетъ нѣкоторый застой; но положеніе земледѣлія тамъ далеко не въ такомъ плохомъ состояніи, какъ въ другихъ мѣстахъ Соединеннаго Королевства". „Англійскій министръ произнесъ фразу, которая имѣла самыя серьезныя послѣдствія,—говоритъ по этому поводу Селливэнъ,—своей рѣчью министръ подписалъ приговоръ лэндлордизму" **). Среди фермеровъ началось движеніе, имѣвшее конечной цѣлью освобожденіе отъ лэндлордизма. То были отдѣльныя организаціи въ различныхъ графствахъ. Слилъ ихъ въ цѣлое одинъ изъ наиболѣе выдающихся ирландскихъ дѣятелей послѣдняго времени—Майкэль Дэвиттъ. Онъ родился въ 1846 г. въ графствѣ Мэйо. Отецъ его былъ фермеромъ. Мальчику было четыре года, когда лэндлордъ изгналъ отца его изъ фермы. Семья переѣхала въ Англію, гдѣ была доведена до необходимости просить милостыню. Сцена изгнанія глубоко врѣзалась въ памяти впечатлительнаго мальчика. Майкэль Дэвиттъ часто возвращается къ ней въ своихъ рѣчахъ. Возражая впослѣдствіи на грубую нападку въ печати (въ 1878 г.), подписанную именемъ архіепископа Макъ-Хэйла,—Майкэль Дэвиттъ говоритъ: „Около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ отца моего прогнали съ фермы, которую онъ снималъ въ приходѣ Стрэйдъ, въ графствѣ Мэйо. Прогнали отца потому, что онъ, вслѣдствіе неурожая, не могъ внести ренту. Послѣдствіемъ этого изгнанія является то, что отецъ мой похороненъ въ Америкѣ, а единственной поддержкой семьи остался я, калѣка (Майкэль Дэвиттъ въ дѣтствѣ былъ отданъ на фабрику, гдѣ потерялъ правую руку), да и то только съ тѣхъ поръ, какъ меня раньше срока выпустили изъ тюрьмы по ticket-of-leave ***). Въ маѣ 1870 г. Майкэля Дэвитта, на основаніи показаній шпіона, арестовали въ Лондонѣ по обвиненію въ подготовленіи возстанія въ

*) *R. Barry O'Brien*, The Life of Parnell, v. I, p. 181.
**) Sullivan, New Ireland, p. 438.
***) *D. B. Cashman*, Life of Michael Davitt, p. 96.

Ирландіи. Его присудили къ пятнадцати годамъ каторжныхъ работъ. Изъ этого срока Дэвиттъ отбылъ въ Дартморской каторжной тюрьмѣ семь лѣтъ и семь мѣсяцевъ. Въ декабрѣ 1877 г., вмѣстѣ съ тремя другими феніями, его освободили условно, по такъ называемому ticket-of-leave. Радикальная печать тогда много говорила о томъ, что позорно держать на каторгѣ людей за поступки политическаго характера, въ особенности рѣзко критиковалось правительство, когда товарищъ Дэвитта, Макъ-Карти, внезапно скончался черезъ два дня послѣ освобожденія, на обѣдѣ, который давалъ въ честь освобожденныхъ Парнелль. Въ тюрьмѣ еще Дэвиттъ обдумалъ грандіозный планъ борьбы: именно, объединить всѣ организаціи фермеровъ, которыя, какъ было ему извѣстно, существовали въ различныхъ графствахъ. Суть плана заключалась въ томъ, чтобы поставить организацію на легальную почву. Страданія вслѣдствіе голода въ особенности чувствовались сильно въ западныхъ графствахъ Ирландіи. И здѣсь именно зародились первыя организаціи фермеровъ. Послѣднія сдѣлали даже слабую попытку слить отдѣльныя организаціи. Такова была „Центральная ассоціація для защиты фермеровъ“ (Central Tenants'Defence Association). Она выставила умѣренныя требованія, которыя впослѣдствіи стали извѣстны, какъ „три Ф“. (Постоянство аренды, справедливая рента и свободное право продажи сдѣланныхъ улучшеній; по англійски, всѣ эти требованія начинаются съ буквы Ф: Fixity of tenure, Fair rent, Free sale). Какъ только Майкэль Дэвиттъ вышелъ изъ тюрьмы, онъ тотчасъ же принялся за осуществленіе своего плана, и въ апрѣлѣ 1879 г. явилась мощная организація—*Земельная лига*. „*Land League*“ имѣла громадное преимущество надъ тайными феніанскими организаціями: ей не предстояло прятаться. Англія признаетъ свободу ассоціацій. Въ силу этого общество, учрежденное съ цѣлью добиться уменьшенія ренты, вполнѣ было согласно съ закономъ,—какъ вѣрно замѣчаетъ Эдуардъ Эрвэ *).

Что же сдѣлало правительство? На требованія „лиги“ оно отвѣтило: „никогда“ и пустило въ ходъ систему устрашенія. Въ ноябрѣ 1879 г. главные вожди лиги (Дэвиттъ, журналистъ Дэйли и адвокатъ Колленсъ) были арестованы за произнесеніе „мятежныхъ рѣчей“. Черезъ нѣсколько дней Парнелль присутствовалъ въ Балла (въ графствѣ Мэйо) на митингѣ, устроенномъ съ цѣлью протеста противъ изгнанія фермеровъ и противъ арестовъ. Одинъ изъ секретарей „лиги“ произнесъ горячую рѣчь, которой собравшіеся бурно апплодировали. Парнелль сидѣлъ неподвижно. Затѣмъ онъ поднялся, поблагодарилъ оратора за „превосходную рѣчь“, но высказалъ опасенія, что она приведетъ его туда же, куда попали Дэвиттъ съ товарищами. Предсказаніе оправдалось

*) La Crise Irlandaise depuis le fin du XVIII siècle, Paris, 1885, p. 300.

Черезъ три дня оратора арестовали *). Существованіе „лиги“ встревожило до крайности лэндлордовъ. Они оказали давленіе на вице-короля, а послѣдній на правительство съ цѣлью добиться спеціальныхъ законовъ для разгрома аграрнаго движенія. И въ январѣ 1881 г. министерство внесло законъ объ усиленной охранѣ (Coercion Bill). Ирландскіе депутаты употребили всѣ усилія, чтобы отклонить предстоящую мѣру.

Земельная лига, между тѣмъ, разросталась. Средства прибывали въ изобиліи изъ Америки. Чтобы привести въ исполненіе изгнаніе изъ фермъ, правительство должно было каждый разъ посылать отряды солдатъ и полицейскихъ. И въ такомъ случаѣ рѣшеніе землевладѣльца не всегда приводилось въ исполненіе, потому что войска встрѣчали всюду крестьянъ вооруженными вилами и косами, чтобы помѣшать изгнанію **). Парламентъ принялъ законъ объ усиленной охранѣ въ Ирландіи, не смотря на попытки націоналистовъ устроить обструкцію. (Имъ удалось продолжить одно засѣданіе въ теченіе 49 часовъ). Первымъ примѣненіемъ новаго Coercion Bill—явился вторичный арестъ Майкэля Дэвитта. Поклонники турецкихъ нравовъ и обычаевъ, держащихся кое-гдѣ на континентѣ,—имѣются и въ Англіи; но произволу ихъ нѣтъ выхода. Препятствіемъ является гарантія личности, затѣмъ—широкая гласность. Такіе „усмирители“, поэтому, должны эмигрировать въ коронныя колоніи (т. е. такія, гдѣ нѣтъ самоуправленія) и только тамъ могутъ дать просторъ своему произволу. Событія въ Южной Африкѣ свѣжи еще у всѣхъ въ памяти. Законы объ усиленной охранѣ (Coercion Bill), отнимая гарантіи, предоставленныя конституціей,—даютъ возможность такимъ любителямъ произвола широкую возможность развернуться во всю. Нагляднымъ примѣромъ является Ирландія.

Введеніе Coercion Bill 1881 г. развязало руки такимъ агентамъ правительства, какъ Трэйлъ, Бондъ и Клифордъ Ллойдъ. „Они неистовствовали всюду,—говоритъ О'Конoръ—стремясь проявить свою жестокость.—Первымъ подвигомъ майора Трэйла было отправиться въ воскресенье въ полицейскій участокъ, гдѣ содержалось нѣсколько человѣкъ по обвиненію въ аграрныхъ преступленіяхъ. Безъ магистрата, своею собственною властью, Трэйлъ опредѣлилъ наказанія отъ нѣсколькихъ дней ареста до заключенія на мѣсяцъ въ смирительный домъ. Когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія суда, рѣшеніе Трэйла отмѣнили. Предсѣдатель, строгій консерваторъ, отмѣняя приговоръ, объявилъ, что „Трэйлъ поступилъ противозаконно“. Защита сослалась на то, что Трэйлъ—военный и, какъ таковой, не обязанъ знать законовъ. Между тѣмъ, посаженные въ тюрьму админи-

*) См. Barry O'Brien, Life of Parnell, v. I, p. 196.

**) The Parnell Movement, by T. P. O'Connor, M. P.; p. 214.

стративнымъ порядкомъ отбыли уже свои сроки наказанія. Правительство не наказало Трэйла. Секретарь по ирландскимъ дѣламъ (Форстеръ) сказалъ, что „маіоръ уже достаточно наказанъ тѣмъ, что ему пришлось выступить отвѣтчикомъ въ трехъ дѣлахъ“. Еще больше усердія проявилъ другой усмиритель, Клифордъ Ллойдъ. „Въ первый же день провозглашенія Coercion Bill, онъ въ Килмаллокѣ приказалъ, чтобы населеніе не смѣло ходить группами по улицамъ. Въ это время проходила процессія, съ музыкой впереди. Ллойдъ велѣлъ полицейскимъ разогнать ее, при чемъ многихъ ранили“*). Ллойдъ дальше приказалъ бить женщинъ, собравшихся на улицѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ арестовали. Полиція обвинила ихъ въ томъ, что онѣ „глумились надъ закономъ“. Женщинъ освободили, потому что въ Ирландіи, даже когда она находится подъ дѣйствіемъ Coercion Bill, все же остается хоть тѣнь законности. При Клифордѣ Ллойдѣ случаи изгнанія фермеровъ быстро возрасли: до него ихъ было 1732, при немъ—5262. Законъ объ усиленной охранѣ распространили и на Дублинъ, хотя тамъ не было ни одного аграрнаго преступленія. Примѣненіе закона было необходимо для контроля надъ газетами и дѣятелями лиги. Такимъ образомъ, арестовали Джона Диллона. Правительство долго колебалось, арестовать ли Парнелля, на котораго Сити указывало, какъ на главнаго врага Англіи. Наконецъ, Форстеръ сдѣлалъ и этотъ шагъ. „Въ Ирландіи арестъ Парнелля былъ оплаканъ, какъ народное бѣдствіе,— говоритъ очевидецъ. Не смотря на полицію, устроился рядъ митинговъ съ цѣлью протеста. Почти во всѣхъ городахъ въ тотъ день заперли лавки и окна, какъ будто оплакивали чью-то смерть. Вся Ирландія кипѣла негодованіемъ. И это чувство было тѣмъ болѣе сильно, что ему не было выхода: правительство воспретило всякаго рода собранія. Въ Ирландію вызвали войска. Всюду ходили патрули. Чтобы окончательно терроризировать населеніе Дублинъ отдали на два дня въ полное распоряженіе полиціи. „И тамъ тогда произошли сцены жестокости и грубости, о которыхъ еще и теперь,—продолжаетъ авторъ,—невозможно вспомнить безъ негодованія. На главной улицѣ Дублина расположились полицейскіе патрули. Жестоко избили даже дѣтей, собравшихся посмотрѣть на констэблей“ **). Жителю континента, даже французу, который создалъ спеціальныя выраженія „passer à tabac“, „filer la pipe“ и „passer à la plume“ для обозначенія грубости полиціи, это негодованіе О'Коннора будетъ невполнѣ понятно. Нужно знать, что Англія, кажется, единственная страна, въ которой населеніе относится къ „бобби“ (полисмэнамъ) не только безъ раздраженія и озлобленія, но даже любовно. Англійскій „бобби“

*) Letter of Father Sheehy to Parnell, Hansard, v. CCXLI, p. 994.
**) *T. P. O'Connor*, p. 238.

безусловно лояленъ обществу, подъ контролемъ котораго всецѣло находится. У „бобби"—одна работа: охранять мирныхъ обывателей отъ воровъ и драчуновъ. И нужно отдать справедливость, дѣлаетъ это „бобби" великолѣпно. „Бобби" твердо помнитъ, что ему категорически запрещено вмѣшиваться въ „политику". Только въ Англіи можно наблюдать сцену, какую я видѣлъ на Трафальгарскомъ сквэрѣ три года тому назадъ. Изъ Барцелоны прибыли изгнанные оттуда анархисты. Какъ извѣстно, испанское правительство смѣшало въ одну кучу соціалистовъ, радикаловъ, трэдъюніонистовъ и пришпилило къ нимъ пугающій общество ярлыкъ. Англійскіе друзья изгнанныхъ устроили митингъ въ сердцѣ Лондона. Выступилъ Томъ Мэнъ; хотя и не анархистъ, онъ говорилъ въ защиту барцелонцевъ. Такъ какъ тогда было время „мэфекинговъ", т. е. патріотическихъ сатурналій, то раздались крики: „про-буръ", „обличитель отечества", „въ воду его!" Томъ Мэнъ страстно заговорилъ противъ войны. Крики усилились. Бродяги и франты въ цилиндрахъ пошли брать платформу штурмомъ. Но безстрастные „бобби" сомкнулись внизу плечомъ къ плечу, чтобы дать возможность британскому гражданину свободно высказаться, что гарантировано ему конституціей. Въ первый разъ, вѣроятно, анархисты находились подъ подобной защитой. Не то мы видимъ въ Ирландіи. „Нигдѣ традиціи завоевателей такъ крѣпко не держатся, какъ въ рядахъ ирландской полиціи,—говоритъ современный авторъ.—Въ Англіи полиція—слуга общества и существуетъ для охраны его. Англійская полиція — не вооруженная гражданская армія. Она содержится на средства, доставляемыя плательщиками городскихъ налоговъ, и находится подъ исключительнымъ контролемъ муниципалитетовъ или земскихъ совѣтовъ. Въ Ирландіи, наоборотъ, жандармы (Constabulary)—военная сила, вооруженная скорострѣльными ружьями. Полиція здѣсь находится подъ контролемъ не городскихъ совѣтовъ, а секретаря по ирландскимъ дѣламъ. Жандармы (Constabulary) не слуги, а господа общества. Они являются агентами чуждаго правительства, которое считаетъ ихъ своею главною защитою" *). Такимъ образомъ, горечь негодованія О'Коннора происходитъ, въ значительной степени отъ того, что онъ оцѣниваетъ дѣятельность усмирителей, какъ Клифордъ Ллойдъ, съ *англійской* точки зрѣнія...

Арестъ Парнелля вызвалъ всеобщее горе въ Ирландіи; совсѣмъ противоположное впечатлѣніе онъ произвелъ въ Лондонѣ, въ тѣхъ кругахъ общества, которые были всецѣло на сторонѣ лэндлордовъ. „Арестъ Парнелля пробудилъ ликованія въ Сити,—говоритъ другой современникъ.—Восторгъ былъ до такой степени великъ, что можно было подумать, что Англія одержала блестя-

*) *H. N. Brailsford*, Some Irish Problems, p. 8.

щую побѣду. Врядъ ли биржа ликовала бы сильнѣе, если бы получилось извѣстіе о томъ, что непріятельскій флотъ разбитъ въ устьяхъ Темзы" *).

Вслѣдъ за Парнеллемъ въ Килмэнгэмскую тюрьму привезли другихъ вождей лиги и ирландскаго движенія. Изданъ былъ также приказъ объ арестѣ не разысканныхъ вождей: Хили, Артура О'Коннора, Биггара, прославившагося умѣніемъ вести обструкцію въ парламентѣ. Съ менѣе видными дѣятелями уже совсѣмъ перестали церемониться. Это видно, напр., по тому, какъ обращались съ женщинами, принимавшими участіе въ движеніи. Онѣ образовали „женскую земельную лигу" (Ladies'Land League). Главная задача ея состояла въ прiисканiи убѣжища для изгнанныхъ фермеровъ. Чтобы разгромить женскую лигу, выискали старинный законъ времени Эдуарда III (XIV вѣка), направленный противъ бродягъ и проститутокъ. Въ силу этого закона произвели массовые аресты. На основаніи его Форстеръ отправилъ въ тюрьму миссъ Макъ Кормакъ на шесть мѣсяцевъ, миссъ Кэркъ—на три мѣсяца, миссъ Рэйнольдсъ—на шесть мѣсяцевъ и пр. **). Противъ дѣтей и подростковъ полиція начала такой же походъ, какъ и противъ женщинъ. Одного мальчика доставили къ магистрату за насвистываніе революціонной пѣсенки,—ужасается историкъ, прилагающій къ событіямъ англійскую, а не континентальную мѣрку. Другого мальчика констэбль обвинилъ, кромѣ того, въ произнесеніи ругательствъ противъ правительства. Какъ выяснилось, „ругательство" заключалось въ томъ, что мальчикъ пѣлъ пѣсеньку „Harvey Duff", въ которой осмѣивается англійское правительство. Историкъ, еще разъ повторяю, отмѣчаетъ эти факты, которые должны ужаснуть *англичанъ*, потому что они не только могутъ „насмѣшливо отзываться о правительствѣ", но у нихъ нѣтъ даже закона lèse-majesté. Въ апрѣлѣ 1882 г. „въ Ватерфордѣ полисмэнъ набросился на женщину, читавшую революціонную газету *United Ireland*, бросилъ даму на полъ, наступилъ на грудь и обыскалъ. Въ Кэппаморѣ, въ графствѣ Лимерикъ, жандармъ ранилъ штыкомъ двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, распѣвавшую „Harvey Duff".

— Правда ли,—спросили въ парламентѣ Хили,—что десятилѣтній Даніэль О'Селливэнъ, котораго въ слезахъ привели къ магистрату, привлеченъ судьей къ отвѣтственности на основаніи закона, изданнаго противъ ночныхъ грабителей (Whiteboy Act)? Правда ли, что преступленіе состояло въ томъ, что Даніэль О'Селливэнъ, днемъ, съ факеломъ въ рукахъ, вопреки закону и нарушая порядокъ, установленный державной волей нашей королевы,—велъ толпу другихъ мальчиковъ? Правда ли, что въ дѣй-

*) *Barry O'Brien*, v. I, p. 317.
**) *T. P. O'Connor*. p. 241.

ствительности дѣти возвращались съ работы: они копали огородъ для больной женщины?

Форстеръ остался недоволенъ „легкомысленностью тона“ оратора. Мальчикъ О'Селливэнъ,—по словамъ министра, — шелъ во главѣ демонстрантовъ въ возрастѣ отъ 12 — 17 лѣтъ. Самому Даніэлю не девять, а одиннадцать лѣтъ *). На ряду съ такими преслѣдованіями увеличилось число изгнаній изъ фермъ. Сторонники правительства доказывали, что нужно проявить „сильную руку“, и все аграрное движеніе исчезнетъ, какъ дымъ. Въ первые три мѣсяца 1881 г. изгнано 1732 фермера, во вторую четверть года—5562 фермера, въ третью четверть — 6496, а въ послѣднюю четверть 3851. За годъ болѣе 17 тысячъ человѣкъ потеряли право на снимаемые ими участки. Всѣ пути, при помощи которыхъ англичанинъ можетъ выразить законнымъ путемъ свой протестъ и свое недовольство, были закрыты. Основываясь на законѣ объ усиленной охранѣ (Coercion Bill), правительство отмѣнило свободу сходокъ, слова. Замирило ли насиліе край? Принесъ ли полицейскій терроръ ожидаемые результаты? Послѣдствія были совсѣмъ не тѣ, которыя предсказывали поклонники „сильной руки“. Вмѣсто открытой организаціи, возникли всюду тайныя сообщества. Земельная лига удерживала феніевъ. Теперь бѣлый терроръ создалъ красный терроръ. Поджоги, калѣченье скота и аграрныя убійства увеличились въ поразительной прогрессіи. Въ 1880 г. было восемь убійствъ и двадцать пять случаевъ стрѣлянія изъ-за угла или изъ-за куста. Въ 1881 г. было 17 политическихъ убійствъ и шестьдесятъ шесть случаевъ стрѣлянія изъ-за куста. При помощи „закона объ усиленной охранѣ совершенно не удалось возстановить порядокъ въ Ирландіи, — сказалъ въ парламентѣ въ мартѣ 1882 г. Горстъ.—Судебная статистика показываетъ, что теперь число преступленій удвоилось въ Ирландіи. Правительство должно придумать что нибудь другое, помимо устрашенія“ **). Вотъ нѣкоторыя цифры, приведенныя Горстомъ. Въ 1880 г. юнгфордскій ассизный судъ разсмотрѣлъ 75 случаевъ аграрныхъ преступленій, тогда какъ въ 1881 — 98. Въ графствѣ Клэйръ въ 1880 г. было 254 аграрныхъ преступленія, а въ 1881 г.—356; въ графствѣ Слайго съ 97 число преступленій достигло 138, въ графствѣ Донигалъ съ 645—4105, въ графствѣ Типперарри съ 75—159 и т. д. Любопытно также и то, что въ тѣхъ графствахъ, въ которыхъ сильнѣе всего примѣнялся Coercion Bill, тамъ больше всего было аграрныхъ преступленій. Усмирители, какъ Клифордъ Ллойдъ, удвоили и утроили случаи такихъ преступленій ***).

*) *Hansard*, v. CCLVIII, p. 888. См. также «The Parnell Movement, О'Коннора», p. 243.

**) *Hansard*, v. CCLXVIII, p. 210.

***) *T. P. O'Connor*, *p.* 245.

Убѣдившись, что грубая сила абсолютно не годится для уврачеванія общественныхъ язвъ,—правительство пошло на уступки. Явился земельный законъ 1881 г., установившій право фермера на всѣ сдѣланныя имъ улучшенія. Законъ имѣлъ цѣлью предупредить изгнанія изъ фермъ. На основаніи „Land Act“ 1881 г. появились спеціальные судьи, которые опредѣляли размѣръ ренты. Фермеры, разъ въ 15 лѣтъ, получили право обращаться въ судъ съ требованіемъ уменьшить ренту, если считаютъ ее чрезмѣрно высокой. Это право было утверждено и расширено впослѣдствіи земельными актами 1885, 1887 и 1896 гг. Другими словами, земельный законъ 1881 г. далъ фермерамъ тѣ „три Ф“ (Fixity of tenure, Fair rent, Free sale), о которыхъ упомянуто выше. Законъ создалъ двойную систему владѣнія землей. Съ одной стороны, почва принадлежала помѣщику, съ другой, всѣ улучшенія—фермеру. Законъ былъ хорошій, но, какъ всякій компромиссъ, онъ не разрѣшилъ наболѣвшаго вопроса, а, наоборотъ, создалъ только новыя осложненія. И аграрное движеніе, вмѣсто того, чтобы прекратиться, возникло снова. Намѣченный выше „циклъ“, такимъ образомъ, былъ пройденъ вполнѣ.

III.

Почему же гладстоновскій законъ не устранилъ коренного зла? Прежде всего потому, что фермеры считали землю своею. Система двойного владѣнія землей породила безчисленныя тяжбы. Спеціальный судъ, The Fair Rent Court, былъ заваленъ жалобами. Судъ этотъ никогда не повышалъ ренты; наоборотъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ до 1900 г. дважды значительно понизилъ ее; но это не измѣнило отношенія фермеровъ къ суду. Нужно знать, что въ Англіи исторически выработалось у населенія глубокое уваженіе къ суду, рѣшающему по законамъ, выработаннымъ самими гражданами. Въ Англіи нѣтъ того антагонизма между населеніемъ и законами, который мы наблюдаемъ во многихъ мѣстахъ, антагонизма, въ силу котораго населеніе *всегда* становится на сторону подсудимаго или осужденнаго. Взглядъ на осужденныхъ, какъ на несчастныхъ, выработался не столько въ силу природной сердечной мягкости, сколько въ виду глубокаго недовѣрія къ нелицепріятію и безпристрастности суда. Напрасно станемъ мы искать въ англійской литературѣ мягкаго, гуманнаго отношенія къ каторжникамъ. Я напомню читателямъ добраго, мягкаго Диккенса и отношеніе его къ бѣглому каторжнику въ романѣ „Большія Ожиданія“. Въ Ирландіи мы находимъ совсѣмъ другое отношеніе къ суду. Населеніе *всегда* видитъ въ немъ форпостъ завоевателей, — судья, по представленію ирландца, всегда пристрастный защитникъ лэндлордовъ; это — правительственный чиновникъ, идущій всегда объ руку съ констэблемъ, шпіономъ и

агентомъ провокаторомъ. „Англійскій магистратъ,—говоритъ цитированный уже авторъ,—анализируетъ показанія и постановляетъ приговоры, зная, что онъ отвѣтственъ лишь передъ собственной совѣстью. Никакая власть не можетъ смѣстить его. Въ Ирландіи магистратъ подчиненъ вице-королю; послѣдній отвѣтственъ не предъ ирландцами, а предъ той или другой политической партіей, пославшей его. Магистратъ самъ принадлежитъ къ классу лэндлордовъ; очень часто это—бывшій земельный агентъ (т. е. управляющій) или же полицейскій чиновникъ, получившій повышеніе. Что касается присяжныхъ, то вербуются они въ Ирландіи на основаніи діаметрально противоположнаго принципа, чѣмъ въ Англіи. Здѣсь они назначаются для того, чтобы защитить гражданина отъ возможнаго тяготѣнія представителя короны (судьи) къ правительству. Въ Ирландіи присяжные тщательно вербуются среди протестантовъ (т. е. потомковъ завоевателей) именно въ надеждѣ, что они поддержатъ взглядъ правительства на подсудимыхъ-католиковъ. Правда, это касается собственно „политическихъ" процессовъ, но правительство и не интересуется преступленіями иного рода" *). Такой взглядъ населенія на судъ не могъ внушить уваженія къ Rent Courts, назначеннымъ по закону 1881 г. для устраненія недоразумѣній между фермерами и землевладѣльцами.

Законъ 1881 г., не смотря на всѣ благія намѣренія, принесъ съ собою только безконечный рядъ процессовъ, которые, въ свою очередь, породили недовольство и новое движеніе. Намѣченный выше циклъ начался сызнова. По внушенію лэндлордовъ, правительство думало разрѣшить все усиленіемъ полиціи. За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ населеніе Ирландіи уменьшилось на половину. За тотъ же періодъ число ирландскихъ жандармовъ (Irish Constabulary) удвоилось. Въ Ирландіи теперь, приблизительно, столько населенія, сколько въ Шотландіи (четыре съ лишнимъ милл.). Между тѣмъ, въ Шотландіи порядокъ поддерживаютъ 4900 полицейскихъ, тогда какъ въ Ирландіи—12320 вооруженныхъ жандармовъ. Въ Шотландіи содержаніе полиціи обходится въ 400,000 ф. ст., въ Ирландіи—1.300,000 ф. ст. Поддержаніе порядка обходится англичанину въ 2 ш. 2 пен., шотландцу—въ 2 ш. 4 п., а ирландцу—въ 7 ш. Между тѣмъ, уголовныхъ преступленій въ Ирландіи меньше, чѣмъ въ Англіи или въ Шотландіи. Въ 1900 г. въ Шотландіи осуждено было за уголовныя преступленія 1840 чел., а въ Ирландіи 1087. Но ирландская полиція существуетъ не для того, чтобы охранять населеніе отъ преступниковъ,—говоритъ одинъ изъ современныхъ наблюдателей. „Задачи ея чисто политическія. Обязанность полицейскихъ—слѣдить за народными вождями, слѣдовать по пятамъ членовъ парламента

*) «Some Irish Problems», p. 7.

и мѣстныхъ политическихъ дѣятелей. Куда пойдутъ послѣдніе, за ними, навѣрное, крадется уже тѣнь шпіона. Если въ деревнѣ соберется нѣсколько человѣкъ, къ нимъ непремѣнно присоединится шпіонъ и провокаторъ. Онъ записываетъ рѣчи и, если возможно, пытается подбить крестьянъ на аграрное преступленіе. Когда какой нибудь безжалостный лэндлордъ посылаетъ своего агента, чтобы выгнать какую нибудь вдову-крестьянку изъ занимаемой ею мурьи на болотѣ,—полицейскіе, съ примкнутыми штыками, охраняютъ агента. Вся громадная полицейская армія, въ дѣйствительности, представляетъ собою не что иное, какъ машину для взысканія ренты и недоимокъ. Кромѣ полиціи, въ распоряженіи правящаго класса имѣются еще и солдаты. Въ Шотландіи квартируетъ 3982 чел., въ Ирландіи—23687 ч.“ *).

Я сказалъ, что циклъ ирландскихъ аграрныхъ движеній повторялся съ необыкновенной правильностью, т. е. за народнымъ движеніемъ слѣдовала попытка со стороны правительства подавить недовольство силой, бѣлый терроръ вызывалъ красный; затѣмъ дѣлалась полууступка. Такимъ образомъ, явился рядъ поправокъ и расширеній законодательства 1881 г. Земельные билли прошли въ 1887 г. (послѣ Plan of Campaign), въ 1891 г. (Irish Land Purchase Bill) и въ 1896 г. Съ 1891 г. въ аграрныхъ ирландскихъ законахъ наблюдается новая черта. Правительство убѣждается въ необходимости радикальной мѣры: выкупа земли. По закону 1896 г. устроенъ былъ родъ крестьянскихъ банковъ, которые покупали у лэндлордовъ цѣлыя вотчины, *улучшали ихъ* и потомъ перепродавали фермерамъ. Арендная плата шла на погашеніе стоимости земли. При этомъ, выкупные платежи были *меньше* той аренды, которую прежде вносили фермеры. Такъ, напр., банкъ, пріобрѣлъ громадную вотчину лорда Диллона и продалъ ее крестьянамъ. Вмѣсто одного фунта ренты съ акра, какъ прежде, крестьяне платятъ теперь банку 13 шил., и, на придачу, черезъ извѣстное количество лѣтъ, земля станетъ собственностью фермеровъ. Государство отпустило въ 1896 г. на выкупъ земли 33 милліона ф. ст. Въ общемъ, 62 тысячи крестьянъ сдѣлались собственниками. Они аккуратно вносятъ казнѣ выкупные платежи. Почему же остальные 400,000 ирландскихъ крестьянъ не воспользовались закономъ 1896 г.? Потому, что многіе лэндлорды отказались продать свои помѣстья. Типичный примѣръ мы увидимъ дальше, а теперь приведу нѣсколько цифръ. Я сказалъ, что по закону 1881 г. фермеры могли требовать отъ суда разъ въ 15 лѣтъ „справедливую“ ренту. Съ тѣхъ поръ рента была уменьшена дважды. Подробности видны изъ слѣдующей таблицы. **)

---

*) «Essays on Irish Subjects», Dublin, 1903 г., p. 197—198.

**) The New Volumes of the Encyclopaedia Britannica, v. XXIX, 1902 p. 554.

	Число хозяйствъ.	Размѣры въ акрахъ.	Прежняя рента.	Рента, уменьшенная судомъ.	На сколько % уменьшена рента.
Первое требованіе объ уменьшеніи ренты.	328.720	9.859,970	6.725.049	5.325,740	20,8%
Второе требованіе . . .	52,396	1.432,615	858,980	666,108	22,4%

Такимъ образомъ, рента была уменьшена дважды. Въ сравненіи съ условіями 1881 г., фермеры платятъ теперь меньше на 20,8—43,2%. Слѣдующая таблица показываетъ, въ какой степени воспользовались фермеры въ различныхъ провинціяхъ Ирландіи законами о пріобрѣтеніи земли черезъ посредство крестьянскаго банка (Congested Districts Board): *)

Провинціи.	По законамъ 1885 — 1900 гг.				По законамъ 1891 — 1900 гг.				Общій итогъ	
	Просили ссуду.		Выдана ссуда.		Просили ссуду.		Выдана ссуда.		ссудъ.	
	число фермер.	размѣры ссудъ.	число фермер.	размѣры ссудъ	число фермер.	размѣры ссудъ.	число фермер.	размѣры ссудъ.	число фермер.	размѣры ссудъ.
Лейнстеръ.	5.062	2.758,639	4.222	2.358,183	6,084	2.599,400	4,117	1.793.327	8,339	4.151,510
Мюнстеръ .	5,893	3.637,301	5,204	3.222,056	5,940	2.664,859	4,195	1.826,430	9,399	5.048,486
Ольстеръ .	14,528	4.171.513	12.954	3.749.421	12,426	2.758,336	8,406	1.955,886	21,360	5.705,307
Коннаутъ .	3,426	799,342	2,988	662,980	5,053	962,429	2,509	508,574	5,497	1.171,554
	28,909	11.366,795	25,368	9.992,640	29,503	8.985,024	19,227	6.084,217	44,595	16.076,857

Эта таблица показываетъ, что изъ 33 мил. ф. ст., отпущенныхъ въ 1896 г. на выкупъ земли, израсходовано меньше половины. Объясняется это не тѣмъ, что крестьянскій банкъ (Congested Districts Board) неохотно выдаетъ ссуды, а тѣмъ, что нѣтъ лэндлордовъ, согласныхъ продавать землю. Поэтому понятно, почему „Ирландская лига", о возникновеніи и дѣятельности которой я писалъ уже года два тому назадъ,—первымъ пунктомъ выставила *принудительный* выкупъ земли. „Лэндлорды, продавшіе вотчины,— говоритъ Брэйлсфордъ,—абсентеисты, поспѣшившіе развязаться съ землей, чтобы помѣстить свои капиталы въ другихъ источникахъ дохода. Помѣщики, жившіе рентой, не стали продавать вотчины, хотя положеніе ихъ не завидно. Судъ уменьшалъ арендную плату, подчасъ, на 43%. Впереди—новыя пониженія ренты. Судебные процессы поглощаютъ доходы помѣщика, а безпрерывныя аграрныя волненія грозятъ самому источнику доходовъ". Не нормально также и положеніе фермеровъ. Законъ 1896 г. создалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, небольшой классъ привилегированныхъ фермеровъ (62 тысячи). Поясненіемъ является положеніе фермеровъ на двухъ смежныхъ вотчинахъ: лорда Диллона и лорда Дефрейна (въ графствѣ Мэйо). На землѣ лорда Диллона жило 4000 крестьянъ. Помѣщику надоѣли вѣчные споры, и онъ продалъ свою землю крестьянскому банку, который поправилъ

*) Ibidem.

усадьбы, провелъ новый дренажъ, а затѣмъ отдалъ вотчину фермерамъ. Они платятъ уменьшенную противъ прежняго на 33% ренту, при чемъ, черезъ 49 лѣтъ, земля станетъ ихъ собственностью. Банкъ провелъ новыя дороги, выстроилъ, вмѣсто прежнихъ избъ, чистенькіе котэджи, превратилъ въ пашни луга, далъ ссуду на покупку скота. Благосостояніе вотчины сразу поднялось. Рядомъ съ этой землей находится вотчина Дефрейна, который отказался уступить ее банку. Фермеры не могутъ понять, почему сосѣди платятъ 13 ш. 4 п. и будутъ имѣть свою землю, тогда какъ они платятъ Дефрейну 1 ф.? Черезъ дорогу фермеры живутъ въ новыхъ, чистенькихъ домикахъ, тогда какъ на землѣ Дефрейна избы, сбитыя изъ высохшихъ земляныхъ кирпичей. Все это повело къ сильнымъ волненіямъ на землѣ Дефрейна. Предъ нами только единичный примѣръ. Подобныхъ ему много въ Ирландіи. Вотъ почему лозунгомъ крестьянскаго населенія здѣсь сдѣлался принудительный выкупъ земли. „Ирландская лига“ находила сторонниковъ не только тамъ, гдѣ зарождались постоянно націоналистическія движенія, но и въ провинціи, заселенной фермерами-протестантами, потомками завоевателей края. И въ этотъ разъ, подъ вліяніемъ крупныхъ лэндлордовъ, изъ которыхъ главные—члены кабинета, министерство думало сперва подавить движеніе терроромъ; но прежнія реформы дали возможность фермерамъ дѣйствовать на чисто-законной почвѣ. Въ Ирландіи не было ни тайныхъ сообществъ, ни аграрныхъ преступленій, которыя дали бы предлогъ ввести законъ 1887 г. объ усиленной охранѣ (Irish Crimes Bill). Тогда выступили агенты подстрекатели. Они взялись подготовить „смуту“. О дѣятельности одного изъ нихъ—Шерридана—много говорилось въ парламентѣ въ прошломъ году. Шерриданъ раскрылъ цѣлый рядъ аграрныхъ преступленій. Онъ обвинилъ шестидесятилѣтняго бродягу Райана въ томъ, что тотъ приклеилъ угрожающую прокламацію къ воротамъ фермера, снявшаго землю, съ которой прогнали прежняго владѣльца. Шерриданъ раскрылъ, что нѣкто Брэй поджегъ изъ мести скирдъ у фермера. Брэя отправили въ каторжныя работы, гдѣ онъ умеръ. Въ округѣ было нѣсколько случаевъ искалѣченья скота помѣщиковъ. Шерриданъ раскрылъ, что хвосты коровамъ отрѣзывалъ нѣкто Макъ-Гуэнъ, котораго присудили къ каторжнымъ работамъ на два года. Тотъ же неутомимый Шерриданъ нашелъ фермера Мерфи, который, по словамъ полицейскаго, убилъ корову помѣщика. Процессъ Макъ-Гуэна интересенъ. Такъ какъ калѣченье скота помѣщиковъ въ Ирландіи—политическое преступленіе, то присяжныхъ католиковъ отвели. Адвокатъ, видя составъ присяжныхъ, посовѣтовалъ подсудимому признать себя виновнымъ, чтобы получить снисхожденіе. Такъ Макъ-Гуэнъ и сдѣлалъ. Впослѣдствіи выяснилось, что всѣ осужденные—невиновны. Райанъ—полуслѣпой идіотъ. Скирдъ сѣна, за поджогъ котораго осу-

дили Брэйя, подпалилъ Шерриданъ. Онъ же самъ отрѣзалъ хвосты скоту и убилъ корову, за которыхъ осудили Мэкъ-Гуэна и Мерфи. Шерриданъ получилъ возможность скрыться въ Америку. Правительство не рѣшилось требовать его выдачи. Осенью 1902 г. Вильямъ О'Брайенъ указалъ въ парламентѣ на дѣятельность другого провокатора Селливана, который послалъ одному молодому фермеру деньги и письмо, будто бы, отъ имени „Ирландской лиги", подговаривая свершить политическое убійство. Законъ объ усиленной охранѣ всетаки ввели, не смотря на отсутствіе аграрныхъ преступленій. „Coercion Act" ввели прежде всего въ графствахъ Мэйо и Роскоммонъ. Населенія здѣсь столько же, сколько въ Кумбэрлэндѣ или въ Монмоутширѣ. Въ 1901 г. въ Мэйо и Роскоммонѣ осуждено всего 123 человѣка, а въ Кумбэрлэндѣ - 283. Что же касается Монмоутшира, то осужденій тамъ было 580. Такимъ образомъ, число преступленій оправдывало бы примѣненіе закона объ усиленной охранѣ не въ ирландскихъ, а въ англійскихъ графствахъ. Въ апрѣлѣ 1902 г. „Crimes Act" ввели еще въ девяти ирландскихъ графствахъ. Когда же парламентъ закрылся, и правительство, такимъ образомъ, перестало страшиться безпрерывныхъ запросовъ, подъ усиленную охрану отдали всѣ графства съ кельтскимъ населеніемъ и городъ Дублинъ. Въ январѣ 1902 г. ирландскій генералъ-атторней (правительственный юрисконсультъ), на запросъ въ парламентѣ, отвѣтилъ: „Въ Ирландіи теперь нѣтъ серьезныхъ преступленій". Онъ категорически опровергъ „безстыдную ложь" нѣкоторыхъ газетъ, бившихъ въ набатъ по поводу „анархіи въ Ирландіи".

„Что же имѣло правительство въ виду, вводя „Coercion Act", если въ Ирландіи не было аграрныхъ преступленій?—говоритъ Брэйлсфордъ. Цѣль вполнѣ понятна. Ирландская лига выставила первымъ пунктомъ своей программы принудительный выкупъ земли. Мѣра эта—рѣшительная; но въ ней такъ мало „мятежнаго", что коммонеръ Рессель, занимавшій правительственный постъ, высказался за нее". Крупные помѣщики требовали отъ правительства заявленія, что лига—противозаконное сообщество. Въ министерствѣ образовался расколъ. Болѣе умѣренные члены кабинета, какъ Уиндгэмъ, не рѣшались выступить противъ лиги. Пять лэндлордовъ, тоже входящихъ въ составъ кабинета, настаивали на примѣненіи крутыхъ мѣръ. Они заручились содѣйствіемъ *Таймса.* Партія крупныхъ помѣщиковъ, оказывавшая давленіе на министерство, дѣйствовала открыто. Въ апрѣлѣ 1902 г. два вождя „непримиримыхъ" помѣщиковъ (лордъ Клонброкъ и Смитъ-Барри) издали манифестъ, приглашая всѣхъ ирландскихъ землевладѣльцевъ образовать новый трестъ съ цѣлью самообороны. Еще черезъ недѣлю опубликована была программа новаго сообщества за подписью, между прочимъ, двухъ членовъ министерства. Сообщество помѣщиковъ посовѣтовало лорду Дефрейну не продавать

землю фермерамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ вотчинѣ его выселяли при помощи вооруженной полиціи крестьянъ изъ фермъ. Помѣщикъ сдавалъ землю фермерамъ, соглашавшимся платить какую угодно ренту. Крестьяне тогда прибѣгли къ своему испытанному средству—бойкоту. Рессель разсказываетъ, какъ обошелъ весь Лимерикъ въ тщетныхъ поискахъ извозчика, который повезъ бы его къ фермеру за 17 верстъ отъ города. Фермеръ былъ подъ „бойкотомъ“. Когда у него умерла жена, нельзя было найти людей, которые повезли бы тѣло на кладбище или выкопали бы могилу. Все это сдѣлали полицейскіе. Coercion Act нисколько не защищалъ фермера. По этому закону подлежатъ наказанію всѣ подговаривающіе къ бойкоту. Но ирландскіе крестьяне знаютъ, какъ дѣйствовать по молчаливому соглашенію. Является фермеръ подъ бойкотомъ въ церковь, всѣ молящіеся уходятъ. На базарѣ у него никто не покупаетъ; съ его дѣтьми никто не играетъ. Въ то же время нѣтъ никакого насилія, которое могъ бы покарать законъ.

Пресса крупныхъ землевладѣльцевъ требовала все болѣе и болѣе суровыхъ мѣръ отъ правительства. Times громилъ виновниковъ смуты и вопилъ, что если „Ирландскую лигу“ не запретятъ,—будетъ всеобщій пожаръ. Введеніе Coercion Act отмѣнило гарантію личности. Ирландскія тюрьмы наполнились. Правительство, въ особенности, забирало выборныхъ представителей общества, потому что тюремное заключеніе отстраняло ихъ на нѣсколько лѣтъ отъ дѣятельности. Въ разныхъ тюрьмахъ очутилось около 12 коммонеровъ-ирландцевъ. Правительство разгромило три газеты. Чтобы удобнѣе справляться съ вождями лиги, правительство выискало старинный законъ Эдуарда III (XIV вѣка). Хотя въ немъ говорится о „бездѣльникахъ и бродягахъ“, но его примѣнили къ муниципальнымъ совѣтникамъ и коммонерамъ. Безъ всякаго сомнѣнія, аграрный циклъ повторился бы вполнѣ, т. е. правительственный терроръ возродилъ бы тайныя сообщества „лунныхъ ребятъ“, „непобѣдимыхъ“ и пр. Но, съ одной стороны, въ министерствѣ нашлись благоразумные люди, могущіе предвидѣть событія. Съ другой, большинству ирландскихъ помѣщиковъ надоѣла вѣчная борьба: они рады были раздѣлаться съ землей и бѣжать куда-нибудь. Во главѣ этихъ помѣщиковъ стали лорды Денрэвенъ и Мэйо. Они устроили плебисцитъ среди землевладѣльцевъ, при чемъ большинство высказалось за выкупъ земли. Трестъ крупныхъ помѣщиковъ остался безъ поддержки. И тогда съ поразительной быстротой, которая возможна только въ Англіи, гдѣ слово „Revolution“, по мѣстной поговоркѣ, пишется безъ буквы *R* (Evolution), наступила оттепель. Всѣхъ политическихъ заключенныхъ въ Ирландіи выпустили, Coercion Act отмѣнили, а вмѣсто него министерство внесло въ парламентъ грандіозный билль о выкупѣ

земли. Начался „ледоходъ“: система, продержавшаяся почти восемь вѣковъ, распалась.

IV.

Въ общихъ чертахъ новый билль заключается въ слѣдующемъ *): на основаніи его, 400 тысячъ арендаторовъ становятся собственниками. На выкупъ земли понадобится сто милліоновъ ф. ст. Кромѣ того, чтобы поощрить помѣщиковъ разстаться съ землей, имъ выдается еще „премія“ въ 12 милліоновъ ф. ст. Помѣщики получаютъ не выкупныя свидѣтельства, а наличныя деньги. Выкупные платежи фермеровъ *меньше* арендной платы, которую они вносятъ теперь. Мы видѣли уже, что земельные суды съ 1881 г. дважды уменьшали арендную плату. Теперь послѣдняя опять уменьшается (на 10 — 30%, если рента сбавлена дважды и на 20—40%, если рента разъ сокращена), фиксируется и составляетъ размѣръ выкупнаго платежа. Такимъ образомъ, если фермеръ платитъ теперь 100 ф. ст. аренды, ежегодный выкупной платежъ будетъ отъ 90 до 70 ф. ст. Стоимость фермы исчисляется такъ, что арендная плата принимается за $3^1/_2\%$. Выкупъ будетъ законченъ совершенно въ $68^1/_2$ лѣтъ.

Въ биллѣ крайне важна одна черта, являющаяся шагомъ къ націонализаціи земли: $^7/_8$ денегъ, вносимыхъ фермерами государству, составляютъ *временный платежъ*. Черезъ $68^1/_2$ лѣтъ онъ прекратится, но $^1/_8$ будетъ продолжаться постоянно. Другими словами, это значитъ, что фермеры на $^7/_8$ становятся собственниками земли. Извѣстное право ($^1/_8$) остается за государствомъ. Эта мѣра, говорятъ, между прочимъ, принята съ цѣлью предупредить переходъ земли въ руки деревенскихъ ростовщиковъ, какъ въ Индіи.

Въ сдѣлку входятъ не отдѣльные фермеры съ помѣщиками. Государство черезъ посредство особыхъ посредниковъ (Estates Commissioners) покупаетъ цѣлыя вотчины, *улучшаетъ ихъ*, если нужно, затѣмъ продаетъ уже фермерамъ. Крестьяне *общей группой*, если захотятъ, могутъ сами сговариваться съ помѣщиками, но проектъ договора долженъ поступить на утвержденіе посредниковъ. Государство покупаетъ не только обработанную землю, но и луга, которые снова превращаетъ въ пашни и продаетъ ихъ *изгнаннымъ* фермерамъ. Послѣднимъ на устройство хозяйства ассигнуется сумма не больше, чѣмъ въ 500 ф. ст. Впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ — и 1000 ф. ст. Помѣщики, разставшіеся съ землей, получаютъ, кромѣ стоимости ея, премію въ зависимости отъ оцѣнки ея. Если стоимость продаваемой земли

*) Мнѣ приходится здѣсь повторять отчасти то, что уже сказано мною въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 80, 1903 г.)

5000 ф. ст., то помѣщикъ въ видѣ преміи получаетъ 15% этой суммы, если 20 тысячъ ф. ст., то 10%; если 40 тысячъ ф. ст., то—6%. Если же вотчина оцѣнена въ сумму выше 40 тысячъ ф. ст, то премія равняется 5%. Эта премія замѣнила въ биллѣ принципъ *принудительной* продажи. Деньги на выкупъ земли получаются путемъ государственнаго займа. Бумаги отвержденнаго государственнаго долга идутъ теперь на биржѣ въ 90 (до войны 114). Заключить заемъ теперь значило было еще больше понизить государственную ренту. Но такъ какъ весь выкупъ не можетъ быть произведенъ сразу, то въ первые три года, по разсчетамъ, понадобится не больше, чѣмъ по пяти милл. ф. ст. Помѣщикамъ оставляютъ ихъ усадьбы. Начало выкупа въ ноябрѣ этого года.

„Предъ нами двѣ альтернативы, — закончилъ министръ, внесшій билль въ парламентъ,—мы можемъ затянуть еще на 100—150 лѣтъ трагедію, продолжающуюся уже восемь вѣковъ; мы можемъ также, рѣшивъ аграрный вопросъ, сдѣлать Ирландію счастливой и спокойной“. Сами ирландскіе коммонеры покуда не высказались по поводу билля, который будетъ разсматриваться лѣтомъ. Оцѣнку новаго закона сдѣлаетъ „ирландскій конвентъ“, который соберется въ концѣ апрѣля. Другіе критики высказались по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ. Иныя замѣчанія очень интересны. Чѣмъ правительство гарантировано, что крестьяне будутъ аккуратно вносить платежи? На этотъ вопросъ докладчикъ билля въ парламентѣ отвѣтилъ, что гарантій нѣсколько: 1) министръ финансовъ всегда можетъ урегулировать ссуды, выдаваемыя каждому графству такъ, чтобы онѣ не превышали поступающихъ платежей. Если крестьяне не будутъ аккуратно вносить платежи, министръ финансовъ уменьшитъ ссуды другимъ крестьянамъ, которые земли еще не купили. 2) Гарантіей въ полную сумму является купленная земля. 3) Есть еще одинъ факторъ, значеніе котораго не слѣдуетъ уменьшать: гарантія моральная. Фермеры до сихъ поръ оказываютъ нравственное давленіе на своихъ товарищей, заставляя ихъ быть аккуратными. Среди многихъ тысячъ фермеровъ, пріобрѣвшихъ землю по закону 1896 г., нѣтъ ни одного недоимщика. Экономистъ де-Уокеръ, авторъ извѣстной и въ Россіи книги *Австралійскія Демократіи*, разсматривая доводы докладчика, говоритъ, что они солидны лишь на первый взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ,—пишетъ онъ,—„я не могу вѣрить, чтобы правительство, отвѣтственное за сохраненіе порядка и спокойствія въ Ирландіи, имѣло бы безуміе отказать въ ссудѣ потому, что есть недоимщики. То же самое можно сказать и о гарантіи, представляемой землей. Нѣтъ сомнѣнія, правительство не станетъ выгонять фермеровъ, чтобы отдать ихъ землю другимъ. Что касается моральной гарантіи, то это факторъ дѣйствительно серьезный; но крестьяне будутъ считаться съ нимъ только тогда, когда

платежи придется вносить правительству, избранному самимъ населеніемъ. Англійскихъ чиновниковъ ирландскіе фермеры считаютъ посторонннмъ и враждебнымъ элементомъ. Такимъ образомъ, выкупъ земли логически поведетъ за собою другую реформу: назначеніе ирландской центральной власти, облеченной отвѣтственностью за внутренній порядокъ въ странѣ и получающей свои полномочія отъ самаго ирландскаго народа“ *). Другими словами, для успѣшнаго выполненія аграрной реформы въ Ирландіи понадобится мѣстное политическое самоуправленіе, т. е. гомруль. Выводъ этотъ до такой степени очевиденъ, что въ послѣднее время вся пресса говорила, что министерство намѣрено распустить осенью парламентъ и обратиться къ избирателямъ за полномочіями на проведеніе широкой реформы въ Ирландіи. Толки эти теперь опровергнуты оффиціально; но въ свое время торійское министерство опровергало, что оно намѣрено ввести земскую и муниципальную реформу въ Ирландіи (Законъ этотъ прошелъ въ 1898 г.).

Во всякомъ случаѣ „ирландскій ледоходъ“ свидѣтельствуетъ о слѣдующемъ. Никакія реакціонныя силы не въ состояніи задержать реформы, разъ необходимость ея создана историческими условіями. Никакія полумѣры не могутъ разрѣшить назрѣвшаго вопроса. Тормозящія силы, стремящіеся остановить покатившійся камень, могутъ прибавить букву *R* къ слову „Evolution“.

Діонео.

Стамбуловъ и Каравеловъ.

(Личныя воспоминанія).

Осенью 1894 года, когда я получилъ возможность бесѣдовать съ Стамбуловымъ и Каравеловымъ, первый изъ нихъ находился подъ слѣдствіемъ за оскорбленіе болгарскаго князя Фердинанда и, кромѣ того, съ часу на часъ ожидалъ серьезнаго судебнаго преслѣдованія за свою правительственную дѣятельность, такъ какъ вопросъ объ этомъ уже былъ поставленъ въ народномъ собраніи на очередь, а второй въ качествѣ политическаго арестанта отбывалъ наказаніе въ государственной тюрьмѣ „Черная Джамія“, какъ осужденный по дѣлу объ убійствѣ министра Бельчева. Въ прошломъ этихъ выдающихся людей было много общаго. Ихъ послужной списокъ можно составить, пользуясь почти одними и тѣми же выраженіями; разница лишь въ датахъ.

*) *The Speaker*, April, 4, 1903, p. 17.

Оба были вице-президентами, а затѣмъ и президентами болгарскаго народнаго собранія; оба были президентами совѣта министровъ и даже регентами государства, оба издавали газеты, наконецъ, оба превратились въ подсудимыхъ.

Однако, у каждаго изъ нихъ были крупныя достоинства, которыхъ недоставало другому. Эти достоинства положили свой отпечатокъ, какъ на судьбу самихъ дѣятелей, такъ и на выдающіяся событія болгарской политической жизни въ теченіе четверти вѣка. Ранѣе, чѣмъ ввести читателей въ стѣны тюрьмы, гдѣ содержался Каравеловъ, и въ просторный кабинетъ Стамбулова, я позволю себѣ въ немногихъ словахъ напомнить политическую роль этихъ талантливыхъ людей, а также главнѣйшіе моменты болгарской исторіи въ ея современномъ фазисѣ.

Какъ только началось освобожденіе Болгаріи русскими войсками, Петко Каравеловъ покинулъ свою педагогическую дѣятельность въ Россіи, вернулся на родину и сдѣлался вице-губернаторомъ Видина. Очень скоро болгарскій народъ былъ призванъ высказаться насчетъ конституціи возрождающагося государства, и мы застаемъ Каравелова вице-президентомъ перваго же народнаго собранія (1879 г.), гдѣ онъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла отстаиваетъ демократическую программу. Разностороннее образованіе и таланты выдвигаютъ его впередъ, хотя онъ окруженъ людьми и партіями, по справедливому замѣчанію историка, „удивившими иностранцевъ своимъ практическимъ смысломъ“. Опередить Каравелова было трудно: и въ качествѣ администратора, и въ качествѣ законодателя страны онъ былъ въ числѣ первыхъ. Его государственной карьерѣ вначалѣ помогали правящія сферы Россіи, солидное образованіе, о которомъ я уже упоминалъ, а въ особенности огромная популярность его брата, Любена Каравелова, безкорыстнаго борца за болгарскую свободу. Поэтъ, публицистъ, заговорщикъ, организаторъ, Любенъ Каравеловъ одинаково пользовался въ борьбѣ съ турками и революціонными брошюрами, и оружіемъ. Группа агитаторовъ и отряды вооруженныхъ людей, смѣняя другъ друга, а иногда дѣйствуя параллельно, боролись за дѣло болгарской свободы, всегда вдохновляемые имъ, а часто находясь подъ его контролемъ. Преслѣдуемый, гонимый изъ одной страны въ другую, онъ удвоивалъ энергію при неудачахъ и умеръ въ 1879 году на зарѣ болгарской свободы. Естественнымъ преемникомъ его обаянія явился Петко Каравеловъ; начало его выдающейся дѣятельности хронологически совпадаетъ со смертью брата.

Стамбуловъ въ другомъ положеніи; у него не было ни образованія, ни вліятельныхъ родственниковъ, ни поддержки Россіи. Однако, въ роли дѣятельнаго патріота, онъ пріобрѣлъ извѣстность на родинѣ гораздо ранѣе, чѣмъ Петко Каравеловъ.

18-ти лѣтній Стамбуловъ исключенъ изъ одесской семинаріи

въ 1872 году за сношенія съ русскими революціонерами. Безъ образовательнаго багажа, но съ большимъ запасомъ энергіи, онъ возвращается на родину, беретъ на себя опасную роль „апостола", книгоноши; ежеминутно рискуя жизнью, распространяетъ запрещенныя брошюры, пишетъ стихи, агитируетъ противъ турецкаго гнета и 20-ти лѣтъ становится предводителемъ одного изъ 4-хъ округовъ, на которые революціонный комитетъ раздѣлилъ Болгарію. Какъ поэтъ, какъ ораторъ, какъ воинъ, онъ борется съ турками, а въ 1877 году даже вступаетъ добровольцемъ въ русскую армію.

Когда война окончилась, 24-хъ лѣтній патріотъ могъ бы, наконецъ, воспользоваться плодами достигнутыхъ успѣховъ: сѣверная Болгарія, съ его роднымъ городомъ Тырновомъ, сдѣлалась фактически независимой; политическая свобода гражданъ сулила ему блестящую будущность, какъ писателю, оратору, общественному дѣятелю.

Но Стамбуловъ жестоко уязвленъ Берлинскимъ трактатомъ; онъ не хочетъ мириться съ неопредѣленнымъ положеніемъ Восточной Румеліи и съ турецкимъ владычествомъ въ Македоніи.

Несомнѣнно, самымъ симпатичнымъ, самымъ свѣтлымъ поступкомъ этого выдающагося человѣка было то, что онъ вновь рѣшилъ вернуться на свой прежній опасный путь. Только убѣдившись въ полнѣйшей невозможности борьбы, онъ возвращается домой и становится адвокатомъ. У него нѣтъ ни диплома, ни юридической подготовки; но сильный умъ, огромное ораторское дарованіе и знаніе народной жизни доставляютъ ему извѣстность. Въ 1880 г. Стамбуловъ, избранный въ депутаты народнаго собранія, становится его вице-президентомъ, горячо поддерживая радикальную политику Каравелова, успѣвшаго занять постъ главы министерства, и въ то же время оставшагося вліятельнѣйшимъ публицистомъ въ Болгаріи. Переворотъ 27 апрѣля 1881 года, отмѣнившій конституцію, заставилъ обоихъ сойти съ политической арены. Каравеловъ имѣлъ право на отдыхъ: администраторъ съ 1878 г., законодатель и вице-президентъ собранія весной 1879 г., дѣятельный представитель оппозиціи, одержавшей на выборахъ осенью того же года побѣду, онъ долженъ готовиться къ новой избирательной кампаніи, такъ какъ кн. Александръ Баттенбергскій, не подчиняясь волѣ большинства, распустилъ черезъ нѣсколько дней первое избранное при немъ народное собраніе, просуществовавшее лишь съ 27 октября по 3 ноября 1879 г.

Послѣ этого Каравеловъ, уже признанный глава оппозиціи, одерживаетъ еще болѣе рѣшительную побѣду надъ правительствомъ во время ближайшихъ выборовъ, всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ предыдущихъ, и становится сперва министромъ финансовъ, а вскорѣ главой кабинета.

Въ теченіе 2-хълѣтняго анти-конституціоннаго періода (съ

апрѣля 1881 г. по сентябрь 1883 г.), не помышляя объ отдыхѣ, Каравеловъ издаетъ въ Восточной Румеліи газету „Независимость“, одно время учительствуетъ, наконецъ, занимаетъ мѣсто филиппопольскаго головы (кмета).

Возстановленіе конституціи пробуждаетъ и въ Стамбуловѣ, и въ Каравеловѣ усиленную жажду дѣятельности, и очень скоро, въ 1884 г., оба они занимаютъ уже вліятельнѣйшія въ государствѣ должности: первый становится президентомъ народнаго собранія, а второй снова президентомъ совѣта министровъ.

Само собою разумѣется, оба патріота принимаютъ живѣйшее участіе въ безкровной революціи 6 сентября 1885 года, благодаря которой Болгарія соединилась съ Восточной Румеліей, вопреки Берлинскому трактату, т. е. вопреки всей Европѣ.

Чтобы оцѣнить усилія и заслуги болгарскихъ государственныхъ людей, вспомните репрессаліи, которыя посыпались на несчастное княжество, а также полную побѣду, которую одержала рѣшительная и мужественная политика Стамбулова, фактически сдѣлавшагося диктаторомъ съ августа 1886 г.—Могло казаться, что Болгарія не имѣетъ никакихъ шансовъ въ этой глухой борьбѣ противъ всей Европы. Могущественная Россія недовольна нарушеніемъ Берлинскаго трактата и лишаетъ болгаръ своего покровительства. Турція прямо задѣта посягательствомъ на ея сюзеренныя права. Сербія, раздраженная ростомъ Болгарскаго княжества, бросается на него съ 45-тысячной арміей. Когда эта армія разбита и отброшена, Австрія открываетъ свои карты и спасаетъ сербовъ отъ послѣдствій проигранной войны, доказавъ тѣмъ, что послѣдніе дѣйствовали по ея внушенію.

Всѣмъ этимъ очень грознымъ тучамъ, собравшимся надъ Болгаріей, она могла противопоставить только сильный умъ и неутомимую энергію своихъ государственныхъ людей. Ихъ успѣхи являются полнѣйшей загадкой, тѣмъ болѣе, что въ рѣшительную минуту вліятельнѣйшіе люди Болгаріи не проявили даже единодушія. Выдѣлилась фигура Стамбулова, который, какъ бы затѣвая борьбу противъ цѣлаго свѣта, не щадилъ и своихъ согражданъ, если они становились препятствіемъ къ осуществленію его цѣлей. Но вотъ результаты: конституція была возстановлена 7 сентября 1883 г. при такихъ условіяхъ, которыя служили поводомъ охлажденія отношеній съ Россіей. Въ русскомъ изданіи политической исторіи Сеньобоса (т. II, стр. 253) мы читаемъ: „русскіе генералы оставили взбѣшенные залу засѣданія; Каульбарсъ вышелъ, крича „свиньи, канальи, лжецы“! Не смотря на это, конституціонный режимъ въ странѣ сохранился и донынѣ. Это во-первыхъ. Затѣмъ, присоединеніе Восточной Румеліи къ Болгаріи оспаривалось всей Европой и, какъ мы видѣли, отчасти даже съ оружіемъ въ рукахъ.

Тѣмъ не менѣе, это возсоединеніе остается въ силѣ вотъ уже 18-й годъ. Европейская дипломатія, такъ сказать, капитулировала

передъ энергіей маленькаго народа и его вождей, успокоившись на формулѣ „совершившійся фактъ". Это была вторая побѣда. Наконецъ, въ 3-хъ, избраніе княземъ Болгаріи Фердинанда Кобургскаго, внука французскаго короля Луи Филиппа, не только вызвало противъ себя протестъ дипломатической Европы, но даже оспаривалось многими болгарами, въ томъ числѣ столь вліятельнымъ, какъ Каравеловъ. Одно время часть нашей прессы не иначе говорила объ этомъ, какъ употребляя слова въ родѣ „авантюра", „кобургіада". И что же мы видимъ? Дѣло, созданное стамбуловскими руками, остается прочнымъ, и принцъ Фердинандъ занимаетъ престолъ уже 16-й годъ, нынѣ признаваемый болгарскимъ княземъ со стороны всего свѣта. Между тѣмъ, при избраніи онъ имѣлъ противъ себя почти все; но за него былъ Стамбуловъ, и это обезпечило удачу невозможнаго на первый взглядъ предпріятія.

Однако, спроситъ читатель, всѣ эти успѣхи, имѣли ли они цѣнность сами по себѣ или только свидѣтельствовали объ умѣніи Стамбулова побѣждать препятствія? Да, имѣли—отвѣчу я безъ колебанія. Они тѣсно связаны съ сохраненіемъ и даже укрѣпленіемъ фактической независимости въ международныхъ отношеніяхъ и народнаго самоуправленія во внутреннихъ дѣлахъ княжества.

Стамбуловъ увѣрялъ одного русскаго публициста, что могущественная держава, ища почвы для примиренія съ Болгаріей, въ 80-хъ годахъ требовала для себя права распоряжаться двумя министерствами—иностранныхъ дѣлъ и военнымъ. Легко представить себѣ, какъ реагировалъ патріотъ на эти предложенія.— У Стамбулова было много грѣховъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но если Болгарія фактически независима, то этимъ она обязана прежде всего ему. Въ августѣ 1886 года и онъ, и Каравеловъ сдѣлались регентами; но при исключительной серьезности положенія обнаружилось все несходство темпераментовъ, взглядовъ, характеровъ.

Стамбуловъ оставался у власти съ 27 августа 1886 по 18 мая 1894 г. Онъ скоро порвалъ съ Каравеловымъ, который за этотъ періодъ дважды превращался въ арестанта, первый разъ по выходѣ изъ состава регентства, образованнаго въ 1886 году, а второй— въ связи съ убійствомъ министра Бельчева въ 1892 году. Послѣдній арестъ, основанный на судебномъ приговорѣ, тянулся очень долго; даже паденіе Стамбулова не внесло перемѣны въ судьбу Каравелова; онъ не былъ освобожденъ въ маѣ 1894 года, какъ почему-то увѣряетъ одинъ популярный историкъ, и попрежнему оставался въ тюрьмѣ „Черной Джаміи", гдѣ я посѣтилъ его въ октябрѣ того же года. Отчетъ объ этомъ свиданіи былъ мною тогда помѣщенъ въ парижской газетѣ „Eclair".

Племянникъ Каравелова г. М. предложилъ мнѣ въ Софіи, черезъ нашего общаго знакомаго врача Захарія Петрова, посѣтить заключеннаго эксъ-министра и брался выхлопотать пропускные

билеты у прокурора. Я охотно согласился и на другой день отправился съ Петровымъ къ „Черной Джаміи“. Оказалось, что обѣщанные билеты для насъ не доставлены; но мой спутникъ обратился съ горячей рѣчью къ караульному офицеру и, указывая на мое дорожное пальто, убѣждалъ не стѣснять туриста требованіемъ излишнихъ формальностей. Офицеръ согласился. Черезъ минуту мы были во дворѣ „Черной Джаміи“, гдѣ сравнительно недавно происходили казни и проливалась кровь враговъ Стамбулова. Пройдя весь этотъ дворъ, мы очутились подлѣ низенькаго каменнаго зданія и черезъ нѣсколько секундъ были въ пріемной, гдѣ въ это время Каравеловъ принималъ своихъ посѣтителей, среди которыхъ я съ удовольствіемъ увидѣлъ моего пріятеля, публициста г. Бойкинова. Узникъ любезно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу, и между нами завязался разговоръ, который я сразу испортилъ искренними словами, произведшими, однако, при данныхъ обстоятельствахъ непріятное впечатлѣніе на собесѣдника. Дѣло въ томъ, что, входя къ Каравелову, я находился еще подъ впечатлѣніемъ, съ одной стороны, мрачныхъ думъ, навѣянныхъ лобнымъ мѣстомъ, а съ другой—поразительной легкости доступа къ важнѣйшему политическому арестанту страны и, пожимая ему руку, воскликнулъ: „Признаюсь, съ удовольствіемъ констатирую, что тюремный режимъ здѣсь не такъ строгъ, какъ это кажется многимъ; нигдѣ въ Европѣ человѣка посторонняго не впустили бы къ политическому арестанту безъ формальнаго разрѣшенія“.

Вдругъ Каравеловъ рѣзко измѣнился, любезное выраженіе сбѣжало съ его лица, глаза заблестѣли, и онъ громко заговорилъ: „Милостивый государь! Вы забываете, что въ Европѣ министры не сидятъ по тюрьмамъ. Тотъ, кого вы сейчасъ видите въ качествѣ узника, былъ не разъ министромъ - президентомъ и представителемъ народнаго собранія въ своей странѣ. Поищите аналогичный примѣръ“.

Очень многіе бесѣдовали и будутъ бесѣдовать съ премьерами; но очень немногіе видятъ ихъ въ арестантской роли. Тѣмъ не менѣе, мой собесѣдникъ былъ фактически неправъ, утверждая, что нигдѣ въ Европѣ министры не сидятъ въ тюрьмахъ—именно въ то время французскій министръ Байо находился въ Мазасѣ. Я, однако, не возражалъ и заговорилъ о болгарской политикѣ. Каравеловъ прекрасно выражался по - русски; его рѣчь была убѣдительна, манеры властны; впечатлѣніе отъ его словъ нѣсколько портилось безпрестанными ссылками на научные авторитеты, при чемъ онъ называлъ множество писателей всевозможныхъ странъ. Комната, въ которой мы бесѣдовали, была довольно просторна, очень просто обставлена, но въ ней не было ничего суроваго, соотвѣтствующаго моему представленію о мрачной тюрьмѣ „Черной Джаміи“. У стѣнъ стояли мягкіе диваны, обитые солдатскимъ сук-

номъ. Никто изъ представителей тюремнаго надзора не надоѣдалъ намъ своимъ присутствіемъ. Каравеловъ рѣзко отозвался объ антирусской политикѣ и, въ особенности, о мотовствѣ стамбуловскаго правительства.

Указавъ на финансовое положеніе Болгаріи, когда онъ правилъ страной, и на государственный долгъ, возросшій съ тѣхъ поръ въ нѣсколько разъ, Каравеловъ одобрилъ лишь нѣкоторые расходы, сдѣланные правительствомъ. Между прочимъ, онъ заявилъ себя сторонникомъ сильной арміи, но рѣшительно высказался за сокращеніе срока службы. Вотъ его слова: „обыкновенный солдатъ обучится военному ремеслу въ 8 мѣсяцевъ, менѣе способный въ 10, а тотъ, который не сумѣетъ освоиться съ солдатскими обязанностями въ теченіе года, уже, повѣрьте, никогда ничего не пойметъ". Затѣмъ онъ продолжалъ съ большой страстностью: „годичный срокъ службы вытекаетъ изъ самой сущности вещей; это время солдатъ занятъ, онъ обучается и становится воиномъ, не переставая быть гражданиномъ. На второй годъ ему уже нечего дѣлать, онъ валяется въ казармахъ, обращаясь въ лѣнтяя и тунеядца, въ голову его лѣзетъ всякій вздоръ. Это уже не сынъ народа, — онъ проникается духомъ касты". Выслушавъ собесѣдника съ большимъ интересомъ, я разсказалъ ему, что во время моего пребыванія въ Швейцаріи въ союзномъ совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ объ увеличеніи боевыхъ силъ страны. Одинъ изъ представителей исчерпалъ все содержаніе предмета, сдѣлавъ такое заявленіе: „какъ-бы тяжко мы ни обременили нашего плательщика налоговъ, швейцарская армія даже приблизительно не сравнится съ силами любой изъ 4 великихъ сосѣднихъ державъ; но тотъ, кто захочетъ насъ проглотить, подавится". Указывая на политическую и военную программу, которая ясна изъ приведенныхъ словъ, я замѣтилъ, что численность болгарскаго и швейцарскаго народовъ, а также топографическія особенности этихъ странъ, имѣющія столь важное значеніе въ военномъ дѣлѣ, одинаковы; и, если бы болгарское правительство, не дѣлая чрезмѣрныхъ расходовъ на армію, поддерживало юнацкій духъ народа, то, можетъ быть, страна оказалась бы въ столь завидномъ положеніи, какъ Швейцарія, импонирующая сильнымъ сосѣдямъ и тратящая на армію меньше, чѣмъ Данія, Бельгія или Швеція.

Моя мысль не понравилась Каравелову. Признавая, что вооруженный народъ съ точки зрѣнія демократическихъ принциповъ представляетъ большія преимущества передъ регулярной арміей, онъ возразилъ, что, во 1-хъ, у Швейцаріи почтенная старость; во 2-хъ, окружающія ее великія державы имѣютъ устойчивыя границы, тогда какъ на востокѣ слишкомъ много горючаго матеріала и нерѣшенныхъ географическихъ проблемъ. Наконецъ, онъ подшутилъ надъ употребленнымъ мной выраженіемъ „юнацкій духъ".

Въ качествѣ представителя болгарскаго правительства, Кара-

веловъ имѣлъ возможность наблюдать дипломатовъ различныхъ странъ. Параллель между русской и англійской миссіями въ Софіи, сдѣланная имъ въ концѣ нашей бесѣды, была полна юмора.

Изъ предыдущихъ строкъ уже видно, что Каравеловъ въ данное время одобрялъ руссофильскія теченія: разговоръ нашъ происходилъ незадолго до общихъ выборовъ 1894 года. Разставаясь съ узникомъ, я упомянулъ объ амнистіи, ожидавшейся, по слухамъ, къ концу года, и выразилъ надежду, что въ слѣдующій разъ мы встрѣтимся уже на волѣ.

Вотъ интересная подробность: въ то время, къ которому относится мой разсказъ, продолжала выходить каравелистская газета „Знамя", безусловно оппозиціонная, враждебная министерству Стоилова. Я не помню, чтобы въ ней появлялись статьи, подписанныя Петко Каравеловымъ, но могу удостовѣрить, что тюремный режимъ, которому подвергался знаменитый узникъ, давалъ ему полную возможность быть ея фактическимъ редакторомъ. Почти все на свѣтѣ относительно. Одна восточная сказка говоритъ о философѣ, который, получивъ отъ ближняго ударъ палкой или камнемъ, былъ способенъ воскликнуть: „О, это хорошій человѣкъ, который хотя и бьетъ меня палкой или камнемъ, но не лишаетъ жизни"! Каравеловъ держался обратнаго правила, какъ бы говоря: „хотя болгарскіе правители и создали для меня мягкій тюремный режимъ, при которомъ я могу спокойно принимать, кого хочу, и редактировать газету, но этимъ слѣдуетъ воспользоваться для словесныхъ и печатныхъ нападокъ на нихъ же". Что это, — брутовская неподкупность или излишняя требовательность? спрашивалъ я себя; конечно, вопросъ рѣшается въ пользу Каравелова. Вѣдь послѣ 18 мая 1894 г., т. е. послѣ паденія Стамбулова, консерваторы со Стоиловымъ во главѣ, оказавшись у власти, предлагали узнику свободу подъ условіемъ прекращенія оппозиціи противъ князя. Онъ отказался. Освобожденный въ декабрѣ безъ всякихъ условій, Каравеловъ остался вѣренъ себѣ и только черезъ 6 лѣтъ опять былъ признанъ необходимымъ и сдѣлался первымъ министромъ, чтобы затѣмъ уступить мѣсто Даневу.

Болгарскіе патріоты съ горечью противопоставляютъ борцовъ за свободу родной страны, которые бились съ турками, мечтая о славной смерти, какъ о единственной наградѣ,—современнымъ политиканамъ, финансистамъ, дѣльцамъ, министрамъ, депутатамъ, строящимъ себѣ дома, ѣздящимъ въ каретахъ, одѣвающимся во фраки и цилиндры. Надо сознаться, что горькое чувство, вызываемое такимъ сравненіемъ, говоря вообще, имѣетъ свои основанія. Лишь очень немногіе, подобно Петко Каравелову, управляли судьбами страны, держали въ своихъ рукахъ ея финансы и сохранили эти руки совершенно чистыми.

Приходилось дѣлать займы, распоряжаться иногда большими

суммами безконтрольно, подготовляя такія событія, какъ филиппопольскій переворотъ; милліоны приливали и отливали, а Каравеловъ оставался по прежнему бѣднымъ человѣкомъ. Занималъ ли онъ постъ министра финансовъ, или министра президента, чтобы вслѣдъ за этимъ превратиться въ политическаго арестанта, или мѣнялъ тюремную камеру на министерскую квартиру, жена его продолжала быть школьной учительницей, не только по призванію, но и по нуждѣ.

Теперь, когда Петко Каравеловъ умеръ, и друзья, и враги должны признать, что кипучая 25-лѣтняя дѣятельность въ роли администратора, законодателя, журналиста, предводителя оппозиціи, главы правительства, ни въ какомъ случаѣ не служила для его личныхъ цѣлей. Примѣръ рѣдкій не только въ Болгаріи, но и во всемъ мірѣ. Въ моментъ его кончины враждебные голоса затихли. Народное собраніе почтило память патріота и назначило пенсію его семьѣ. — Пикаръ не только утверждалъ на словахъ, но и доказалъ на дѣлѣ, что власть легко дѣлаетъ умныхъ людей глупыми. Да, пользованіе властью, обаяніе популярности ставитъ человѣка на скользкій путь. Благодаря этому многіе кончаютъ карьеру совсѣмъ не въ томъ направленіи, въ какомъ они ее начали. Примѣры такихъ людей, какъ Криспи, Гамбетта у всѣхъ передъ глазами. Тѣмъ ярче выдѣляется безкорыстіе Каравелова.

Я всего одинъ разъ видѣлся съ этимъ человѣкомъ, и стѣны тюремной камеры, въ которой мы бесѣдовали, составляли, быть можетъ, лучшую иллюстрацію того, какъ умѣютъ современники цѣнить мужество, стойкость и безкорыстіе. Если читатель вспомнитъ и тѣ истязанія, которымъ подвергся Каравеловъ еще во время перваго своего ареста, истязанія, надѣлавшія столько шуму въ дипломатическихъ сферахъ Европы,—то онъ представитъ себѣ и терніи, и розы, какими далеко не въ одинаковой степени былъ усыпанъ путь этого нынѣ покойнаго педагога, администратора, законодателя, журналиста, трибуна, министра и арестанта.

Стамбуловъ прожилъ на свѣтѣ 22-мя годами менѣе, чѣмъ Каравеловъ. Тяжело израненный на улицахъ Софіи лѣтомъ 1895 года, онъ умеръ чрезъ нѣсколько дней, приблизительно въ томъ возрастѣ, въ которомъ Каравеловъ только начиналъ свою карьеру государственнаго человѣка. Очевидно, его бурная жизнь шла болѣе быстрымъ темпомъ и наложила болѣе рѣзкій отпечатокъ на дѣла страны, а между тѣмъ, невольно спрашиваешь себя, чѣмъ могъ этотъ недоучка импонировать Болгаріи и Европѣ, оказавшись у власти въ столь трудную годину?

Ближайшіе сосѣди, т. е. Турція, оскорбленная филиппопольскимъ переворотомъ, и Сербія, испытавшая военное пораженіе, отнеслись къ болгарскому правительству враждебно. Политика

великихъ державъ отвергала регентство со Стамбуловымъ во главѣ, а впослѣдствіи и князя Фердинанда, первымъ министромъ котораго онъ остался. Денегъ въ странѣ не было, и могло ли правительство требовать кредита въ финансовыхъ сферахъ Европы, когда его не признавали извнѣ, когда противъ него интриговали внутри страны?

Малѣйшая слабость, ошибка, неудача трактовались какъ признаки приближающейся анархіи; ее пророчили, ее почти констатировали по отношенію къ Болгаріи и дома, и за границей. Она, дѣйствительно, казалась неизбѣжной; но могучая рука Стамбулова взяла кормило правленія, и наперекоръ Европѣ и такимъ опытнымъ, но осторожнымъ людямъ, какъ Каравеловъ, княжество вступило на путь независимой политики. Словно чудомъ были заключены займы, золото появилось въ странѣ; Англія и Австрія вошли въ дружественныя сношенія съ „нелегальнымъ“ правительствомъ; турецкая дипломатія перешла къ самому дружелюбному тону, пути сообщенія улучшились, армія продолжала совершенствоваться, страна покрылась сѣтью школъ, и, посѣтивъ Болгарію вскорѣ послѣ паденія Стамбулова, я засталъ въ ней болѣе 3000 училищъ, болѣе 6000 учителей, при чемъ на образованіе расходовалось свыше $^1/_{10}$ всего государственнаго бюджета (9.349.842 франка, слѣд. около 3 фр. или 1 руб. 15 коп. на человѣка), тогда какъ Россія въ то же время расходовала на народное образованіе лишь $^1/_{50}$ своего государственнаго бюджета (около 20 к. на человѣка). Было бъ непростительной наивностью думать, что Стамбуловъ, не имѣвшій ни авторитета, ни связей, ни образованія, могъ достичь такихъ результатовъ, не встрѣчая рѣзкаго противодѣйствія, которое ему приходилось подавлять суровыми мѣрами. Перешелъ ли онъ границу необходимаго, это вопросъ, давно рѣшенный всѣми въ утвердительномъ смыслѣ. Сейчасъ мы увидимъ, чѣмъ оправдывалъ этотъ выдающійся человѣкъ репрессаліи, которыя составляютъ наиболѣе уязвимую сторону его правительственной дѣятельности.

Стамбуловъ въ теченіе почти 8 лѣтъ оставался у власти, вызывая своей энергіей и успѣхами то бѣшеный восторгъ, то лютую ненависть народа, не прощавшаго ему деспотическихъ замашекъ.

Его паденіе, совершившееся подъ аккомпаниментъ криковъ „долой, блудникъ Стамбуловъ!“—было только хронологически связано съ романическимъ приключеніемъ, задѣвавшимъ семейную честь военнаго министра Саввова. Разумѣется, это паденіе имѣло болѣе глубокія причины: пропитанный демократическимъ духомъ, народъ тяготился властной рукой, которую онъ такъ неожиданно на себѣ почувствовалъ. Низвергнутый диктаторъ помнилъ, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онъ доводилъ преслѣдованія до жестокости. Боясь мщенія, онъ заперся въ своемъ домѣ и выѣзжалъ только

по ночамъ въ клубъ, гдѣ игралъ въ карты съ дипломатами и отпускалъ остроты по адресу принца Фердинанда. Въ такомъ положеніи находился Стамбуловъ, когда я посѣтилъ его за нѣсколько мѣсяцевъ до его трагической кончины.

Главный подъѣздъ стамбуловскаго дома на Раковской улицѣ всю осень не отпирался, посѣтителей пропускали черезъ калитку. Камердинеръ опасливо оглядывалъ меня, пока не узналъ, что я пріѣхалъ по приглашенію хозяина дома. Въ пріемной находилось нѣсколько человѣкъ, относительно которыхъ нельзя было составить себѣ опредѣленнаго понятія, пришли ли они въ гости, или находятся у себя. Я вспомнилъ слухи о вооруженныхъ стамбуловцахъ, дежурящихъ при особѣ своего патрона. Впрочемъ, оружія поверхъ платья у нихъ не было.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ въ кабинетѣ. На первый взглядъ въ немъ обращала вниманіе лишь одна особенность—два письменныхъ стола. Хозяинъ—плотный человѣкъ выше средняго роста, коротко стриженый; голосъ у него громкій, рѣзкій; взоръ сверкающій, рѣчь вдохновенная, убѣдительная, русскій выговоръ неправильный, манера говорить, повидимому, вполнѣ искренняя; отвѣчаетъ на вопросы быстро, не задумываясь. Но скоро начинаешь чувствовать, что изъ сотни соображеній, мелькающихъ въ мозгу собесѣдника, высказываются имъ лишь нѣкоторыя, если можно такъ выразиться, парадныя, предназначенныя для огласки...

„Если бы вы не запретили ввозъ русскихъ газетъ въ Болгарію, то знали бы, что у насъ далеко не всѣ были вашими врагами“, сказалъ я, здороваясь съ эксъ-премьеромъ.

Онъ быстро отвѣчалъ: „нѣкоторые изъ вашихъ органовъ держались по отношенію къ намъ достойнаго тона. Что же касается до подавляющаго большинства ихъ, то явно искажать истину, клеветать, ругать насъ они какъ бы считали патріотическимъ дѣломъ, и, если въ вашихъ словахъ упрекъ мнѣ за недопущеніе въ Болгарію русскихъ изданій, то надо помнить, что это былъ только отвѣтъ на условія, въ которыхъ находится русская печать; такого распоряженія я не дѣлалъ относительно газетъ изъ другихъ странъ, хотя и враждебныхъ“.

Желая перейти къ болѣе жгучимъ вопросамъ, я сказалъ: „находясь въ центрѣ партійной борьбы, встрѣчая препятствія извнѣ, направляя ваше княжество къ международной независимости, борясь со многими враждебными вліяніями, вы, конечно, лучше меня можете судить, какія мѣры были для васъ необходимы, и всетаки я долженъ замѣтить, что, разстрѣлявши Паницу и ставъ на путь репрессалій, вы лишились въ Европѣ многихъ друзей“. Стамбуловъ затрепеталъ отъ массы нахлынувшихъ на него чувствъ и заговорилъ съ большимъ жаромъ: „независимость княжества, политическая свобода гражданъ это—прекрасныя вещи; но личная свобода приходитъ раньше ихъ. Получивъ власть, я засталъ

безпорядокъ рѣшительно во всемъ. Нельзя было сдѣлать нѣсколько шаговъ по Плевненскому шоссе, не рискуя подвергнуться нападенію разбойниковъ. Я провелъ законъ, въ силу котораго злоумышленникъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ, подлежалъ смертной казни. Но, когда нашлись люди, захотѣвшіе напасть на весь нашъ государственный механизмъ, я сказалъ—это тоже разбойники, подвергающіе опасности всю будущность страны, и настоялъ на смертной казни".

Въ голосѣ бывшаго диктатора послышались крикливыя ноты, бушевавшее въ немъ пламя рвалось наружу, и онъ громче прежняго продолжалъ: „вы знаете, что я разстрѣлялъ Паницу, но знаете ли вы, въ чемъ была его вина? Я не робкій человѣкъ, но волосы стали у меня дыбомъ при извѣстіи о его затѣѣ. Вѣдь это былъ врагъ сильный; какъ комендантъ Софіи, онъ располагалъ всѣмъ гарнизономъ столицы. Захватить князя и всѣхъ министровъ для него было бы дѣломъ одной минуты. Здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, я принялъ необходимое рѣшеніе, ничего не говоря князю, въ это время беззаботно танцовавшему на балу. Совѣщаніе съ малодушнымъ человѣкомъ это —только потеря времени. Полиція была мнѣ предана, и я схватилъ Паницу. Когда нѣкоторое время спустя повезли въ Ламполанку смертный приговоръ военнаго суда для конфирмаціи князю, собиравшемуся ѣхать въ Европу, этотъ сентиментальный человѣкъ заплакалъ. Но я воскликнулъ: „князь! если вы помилуете Паницу, то позвольте мнѣ уѣхать изъ Болгаріи на пароходѣ, приготовленномъ для васъ, а вы вернитесь и управляйте страной, гдѣ армія будетъ деморализована помилованіемъ человѣка, который собирался арестовать васъ же". Да, я настоялъ на казни, и откровенно говорю это; но въ другихъ случаяхъ часто бралъ вину на себя, когда и не слѣдовало. Я былъ вполнѣ конституціонный министръ, я помнилъ, что уйду со сцены, а князь останется, и заблаговременно заботился о его реабилитаціи. Когда, разставшись съ властью, я послѣ прощальной аудіенціи выходилъ изъ дворца, ничтожная толпа кричала мнѣ: „долой, блудникъ Стамбуловъ", а полиція дѣлала видъ, что не можетъ справиться съ буянами. Я самъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и понимаю такое притворство. Вчера, напримѣръ, какъ вы вѣроятно знаете, полиція дѣйствовала болѣе искренно, и здѣсь на площади 15 жандармовъ разогнали толпу въ 9000 человѣкъ. Еще бы! Наше правительство угодничаетъ передъ Турціей и не могло допустить вчерашняго митинга, имѣвшаго цѣлью напомнить Европѣ о реформахъ, обѣщанныхъ Берлинскимъ трактатомъ".

Не желая удлиннять настоящую замѣтку, я опускаю рѣчи Стамбулова, въ которыхъ заключалась энергичная, горячая критика Стоиловскаго управленія.

Въ тотъ самый день и часъ, когда велся этотъ разговоръ,

въ болгарскомъ народномъ собраніи поднимался вопросъ о судебномъ преслѣдованіи моего собесѣдника. Онъ зналъ объ этомъ и по временамъ поглядывалъ на дверь, поджидая извѣстій. Между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ о депутатахъ: „если они сдѣлаютъ эту глупость, я посажу на скамью подсудимыхъ рядомъ съ собою Стоилова и Начевича“.

Гораздо интереснѣе были для меня не нападки Стамбулова на другихъ, а защита его собственной дѣятельности. Говоря о ней, онъ замѣтилъ: „въ Рущукѣ также были казни, но вѣдь тамъ мы имѣли дѣло съ военнымъ возстаніемъ. Надо сознаться, положеніе было опасно: войскъ, преданныхъ правительству, насчитывалось черезчуръ мало. Военное счастье улыбнулось намъ: нераспорядительность заговорщиковъ послужила на пользу. Гдѣ при подобныхъ обстоятельствахъ дѣло обошлось бы безъ казней?“

Открытая руссофобская политика, съ одной стороны, и оповѣщенная нашими газетами высылка изъ Болгаріи русскихъ эмигрантовъ—съ другой, находились въ непримиримомъ противорѣчіи, и мнѣ хотѣлось вызвать Стамбулова на объясненіе. На поставленный мною вопросъ, онъ отвѣчалъ въ такихъ словахъ: „Я не допускалъ вмѣшательства Европы въ наши внутреннія дѣла, и, когда дипломаты вошли ко мнѣ съ представленіемъ о положеніи арестованнаго Каравелова, я далъ понять, что могу разговаривать съ ними о подобныхъ предметахъ, когда непріятельскій флотъ будетъ угрожать Варнѣ или Бургасу, и попросилъ ихъ не касаться нашихъ домашнихъ дѣлъ. Но вопросъ о русскихъ эмигрантахъ былъ въ другомъ положеніи.

„Европу тревожилъ ростъ анархизма, петарды и бомбы лопались на улицахъ Праги, Вѣны и Мадрида; въ Парижѣ Равашоль взрывалъ на воздухъ цѣлые дома. Я не могъ допустить при подобныхъ условіяхъ, чтобы Европа считала Болгарію очагомъ анархіи, и этимъ осложнять свои безъ того нелегкія дипломатическія задачи. Рѣшительныя представленія были мнѣ сдѣланы не только дипломатами Германіи и Франціи, но также Австріи и Англіи. Вы знаете, что мы, однако, высылали немногихъ и тѣмъ собрали деньги на дорогу“.

Не находясь у власти, почти не выходя изъ дома, Стамбуловъ велъ, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно дѣятельную жизнь. Онъ вдохновлялъ оппозиціонную газету „Свобода“ и непостижимымъ для меня способомъ слѣдилъ за всевозможными мелочами болгарской жизни. Совершенно неожиданно, болѣе или менѣе деликатно, онъ вводилъ въ разговоръ слова, доказывавшія, что очень хорошо освѣдомленъ на счетъ человѣка, котораго видѣлъ въ первый разъ. Говоря о нѣсколькихъ болгарскихъ дѣятеляхъ, онъ быстро взглядывалъ на меня, прибавляя, напр., „вашъ пріятель такой то“, или „во время путешествія въ такихъ-то горахъ, вы

могли убѣдиться, что практиковавшійся мною режимъ, дѣйствительно, привелъ къ порядку и личной безопасности".

Послѣ нѣсколькихъ часовъ непрерывавшейся бесѣды я простился съ этимъ, еще сравнительно молодымъ, но уже сдѣлавшимъ бурную карьеру и, несомнѣнно, выдающимся человѣкомъ. Онъ невыгодно отличался отъ Каравелова тѣмъ, что, по временамъ, упиваясь властью, пользовался ею въ личныхъ видахъ. Разумѣется, состояніе Стамбулова не было такъ велико, какъ одно время говорили его противники; къ тому же оно было отчасти пріобрѣтено адвокатской дѣятельностью. Но не подлежитъ сомнѣнію, что иногда онъ обогащался, злоупотребляя своимъ положеніемъ диктатора.

Увлекаясь борьбой, онъ доходилъ не только до антиконституціонныхъ мѣръ, но и до прямой жестокости. Однако, какъ ни возмутительны поступки въ такомъ родѣ, они представляются крупицей сравнительно съ колоссальными заслугами Стамбулова. Онъ вывелъ страну на самостоятельный путь въ самый трудный для нея историческій моментъ, преодолѣвая препятствія, огромность которыхъ не оцѣнена въ полной мѣрѣ.

Сильный, проницательный умъ, энергія и титаническая сила поставили этого дѣятеля выше Каравелова, безупречная честность котораго давала, въ свою очередь, крупное преимущество послѣднему. Рядомъ можно поставить лишь одного изъ ихъ современниковъ — Захарія Стоянова; но съ этимъ удивительнымъ человѣкомъ, страстнымъ патріотомъ и необыкновеннымъ публицистомъ, остававшимся большую половину своей жизни неграмотнымъ, я, къ сожалѣнію, никогда не встрѣчался.

Н. Кулябко-Корецкій.

Новыя книги.

А. Купринъ. Разсказы. Спб. 1903.

Въ дарованіи г. Куприна есть одна обѣщающая черта: оно развивается. Онъ еще не установился, и произведенія его болѣе разнообразны по манерѣ и тону, чѣмъ это бываетъ въ предѣлахъ законченной писательской индивидуальности. Но кто прослѣдитъ хронологію разсказовъ, собранныхъ въ его книгѣ, тому станетъ

очевидно, что послѣднія произведенія г. Куприна въ тоже время—лучшія.

Въ печати уже указывали на подражаніе Чехову, какъ будто замѣтное на одномъ изъ его разсказовъ. Кажется, о подражаніи говорить не стоитъ: рѣчь можетъ здѣсь идти лишь о серьезномъ вліяніи, мы сказали бы даже, о чеховскомъ стилѣ, если не о чеховской школѣ. Опредѣлять уже теперь характерныя черты этой школы, пожалуй, преждевременно, но можно указать, какія стороны литературнаго развитія нашли въ ней поддержку. Это—дальнѣйшее усиленіе выразительности, „сгущеніе мысли", большее преобладаніе образнаго мышленія надъ элементами раціональными, стремленіе къ констатированію посредствомъ поэзіи жизненныхъ фактовъ за счетъ ихъ обсужденія. Исходной точкой этого движенія могло служить всеохватывающее и неустранимое сознаніе или чувство сложности жизни. Къ ней подходятъ съ категоріями слишкомъ немногочисленными и потому грубыми, а она вотъ какая многообразная, противорѣчивая, загадочная. Это особое воззрѣніе вызываетъ и особый стиль изображенія; но объективность манеры не должна здѣсь казаться признакомъ холодной объективности міровоззрѣнія. Шиллеръ назвалъ бы такую поэзію наивной, а его дѣленіе поэтовъ на сентиментальныхъ и наивныхъ сохраняетъ свою силу. Правда, виды и формы усложняются въ непрестанномъ взаимодѣйствіи, и въ наше время кажется уже непосредственнымъ то, что прежнему наблюдателю показалось бы надуманнымъ, и наоборотъ: мы находимъ элементы разсудочности въ томъ, что раньше представлялось простымъ и безыскусственнымъ. И, однако, категоріи остаются отграниченными и для нашего времени: есть творчество съ преобладаніемъ размышленія, есть искусство, живущее наблюденіемъ.

Такимъ по преимуществу представляется намъ творчество г. Куприна. Того, что называютъ выдумкой: увлекающаго развитія дѣйствія, подкупающей исключительности положеній, оригинальности образовъ,—у него нѣтъ. Но есть другое, что мы назвали бы жадностью къ жизни. Писатель не ищетъ въ ней отвѣтовъ на свои запросы: ихъ не видно; наоборотъ: если онъ чего нибудь ищетъ въ жизни, то скорѣе—загадокъ. Онъ порывисто и энергично запускаетъ въ нее руку и ставитъ предъ собой и предъ нами то, что захватилъ. Богъ знаетъ, что онъ объ этомъ думаетъ: онъ предоставляетъ намъ додумываться; его дѣло не обсуждать явленія, а констатировать ихъ. И это не такъ легко и незначительно, какъ иногда полагаютъ. Разумѣется, поскольку всякое изображеніе есть сужденіе, его непосредственная объективность не исключаетъ опредѣленнаго отношенія къ дѣйствительности; но не это сужденіе занимаетъ его по преимуществу. Съ напряженностью ищущаго импрессіониста онъ останавливается на простомъ изображеніи отдѣльныхъ моментовъ; ему хо-

чется изобразить и—отойти прочь. Въ „Молохѣ“ безъ большой необходимости для развитія разсказа есть описаніе того, какъ неуклюжій толстякъ, противъ ожиданія присутствующихъ, изящно и легко танцуетъ мазурку; въ разсказѣ „Въ циркѣ“ мы найдемъ удивительно пластичное и отчетливое изображеніе головоломныхъ упражненій, продѣлываемыхъ четою итальянскихъ акробатовъ. Эти этюды съ натуры, вкрапленные въ разсказъ, грѣшно было бы назвать совсѣмъ лишними, но за ними такъ и чувствуется непосредственная потребность художника—взять и нарисовать. Оттого онъ такъ разнообразенъ въ выборѣ сферъ изображенія; заводское общество, казарма, мужицкая изба, циркъ, актерская богадѣльня, кабачекъ на западной границѣ: онъ вездѣ побывалъ, вездѣ присматривался къ жизни, вездѣ, не проникая вглубь, копилъ впечатлѣнія и искалъ имъ выраженія. Это удавалось ему, и онъ былъ всегда силенъ тамъ, гдѣ былъ собою.

Семенъ Юшкевичъ Разсказы. Т. I. Спб. 1903.

Въ разсказахъ г. Юшкевича передъ читателями развертывается жизнь сѣрой еврейской массы, тѣснящейся за чертою осѣдлости, и, въ особенности, жизнь бѣднѣйшей части этой массы. Авторъ изслѣдуетъ самыя темныя низины народнаго быта, вплоть до тѣхъ мрачныхъ закоулковъ, гдѣ гнѣздится голодная проституція съ ея жертвами и эксплуататорами — „котами“; но онъ больше останавливается на душевномъ мірѣ этихъ падшихъ и униженныхъ, чѣмъ на „натуралистическихъ“ подробностяхъ и аксессуарахъ, и оттого его картины, при всей своей рѣзкости, не столько бьютъ читателя по нервамъ, сколько будятъ въ немъ притупившееся чувство и заставляютъ работать его мысль надъ проблемой массоваго человѣческаго страданія. Самъ онъ воздерживается и отъ лирическихъ отступленій, и отъ выводовъ, предоставляя живой и ужасной дѣйствительности, претворенной въ художественные образы, говорить самой за себя. И она краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ душно жить за глухою стѣной, замыкающей современное гетто, самое обширное и населенное изъ всѣхъ, какія когда-либо знала исторія. При всей неустранимости этого вывода авторъ, повторяемъ, не навязываетъ его читателямъ. Напротивъ: указывая на своихъ героевъ,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, онъ какъ будто говоритъ: „Взгляните, — всюду жизнь!“ Но это совершенно особая жизнь, какъ на картинѣ Ярошенко,—жизнь за тюремной рѣшеткой, отдѣляющей ее отъ вольнаго божьяго міра... Надъ нею нависло безысходное страданіе, которое гнететъ ее всегда неотступно и сквозитъ даже въ рѣдкой улыбкѣ изможденныхъ лицъ... Именно такою представляется намъ, въ наиболѣе обобщенномъ видѣ, художественная концепція г. Юшкевича. Она получила самое яркое и одухотво-

ренное воплощеніе въ небольшомъ, но удивительно изящномъ и трогательномъ разсказѣ „Невинные“. Она же невидимо связываетъ и всѣхъ вообще дѣйствующихъ въ его произведеніяхъ лицъ, — сильныхъ и слабыхъ, кроткихъ и озлобленныхъ; отвратительныхъ семейныхъ деспотовъ, создаваемыхъ отравленною атмосферой нищеты и безправія, и ихъ безотвѣтныхъ женъ и дѣтей; преступниковъ съ отчаянія и ихъ жертвъ; поджигателей и разоряемыхъ ими еще горшихъ бѣдняковъ; кабатчиковъ, пускаемыхъ по міру винной монополіей; эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. Авторъ гораздо меньше занимается контрастами богатства и бѣдности, борьбой труда и капитала, чѣмъ того можно было бы ожидать при его чуткости и реализмѣ; но намъ кажется, что и въ этомъ случаѣ онъ остается только послѣдовательнымъ въ однажды занятой позиціи, которая, пожалуй, имѣетъ за себя извѣстное оправданіе: прежде, чѣмъ выносить явленія даннаго быта за общую скобку классовыхъ отношеній, прежде, чѣмъ примѣнять къ первымъ, безъ существенныхъ поправокъ и оговорокъ, общеустановленный критерій, нужно въ самомъ дѣлѣ сперва фактически раскрыть ту желѣзную скобку гетто, въ тискахъ которой эти отношенія подвергаются неизбѣжнымъ искаженіямъ и перетасовкѣ. Въ сущности, подъ этимъ лежитъ глубокій и непререкаемый принципъ: только тотъ, кто обладаетъ полнымъ объемомъ правъ, предоставляемыхъ даннымъ общежитіемъ, можетъ нести въ полномъ объемѣ и отвѣтственность за свои дѣйствія. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно быть, — нужды нѣтъ, что въ дѣйствительности сплошь и рядомъ наблюдается обратное.

Сказаннаго не надо, однако, понимать въ томъ смыслѣ, будто автора совсѣмъ не занимаетъ общественно-экономическая проблема современности. Въ разсказѣ „Ита Гайне“, который, наряду съ „Невинными“, является, по нашему мнѣнію, лучшимъ изо всего имъ написаннаго, г. Юшкевичъ задѣваетъ одну изъ самыхъ болѣзненныхъ сторонъ этой проблемы, — ту, съ которой міръ жалкихъ и грязныхъ „подонковъ“ общества, міръ нищеты и проституціи не только непосредственно соприкасается съ міромъ сытыхъ и обезпеченныхъ людей, но властно вторгается въ него и проникаетъ въ самое его сердце, питая его дѣтей молокомъ своихъ любовницъ, сестеръ и дочерей-кормилицъ, поступающихъ дойными коровами въ богатые и зажиточные дома. Спросъ создаетъ предложеніе; женщины и дѣвушки рожаютъ дѣтей не для того, чтобы стать матерями, а чтобы стать кормилицами, найти себѣ пристанище и добывать деньги для собственной голодной семьи или для ненасытнаго „содержателя“; дѣвушка, уступившая потребности привѣта и ласки, послѣдовательно проходитъ стадіи любовницы, матери, кормилицы и проститутки; дѣтей, прижитыхъ отъ первой, еще можетъ быть чистой и беззавѣтной, со стороны дѣвушки любовной связи или рожденныхъ „нарочно“, для про-

фессіональной цѣли, — поддержанія „молочности“, — безразлично, постигаетъ одна и та же неизбѣжная участь: отданныя матерями, иногда послѣ мучительной борьбы, а чаще съ радостью избавленія отъ обузы, въ руки женщинъ, промышляющихъ вскармливаніемъ питомцевъ, они массами, съ большею или меньшею быстротой, препровождаются въ лучшій міръ, чтобы очистить мѣсто для другихъ такихъ-же кандидатовъ въ „ангелы“. Повальныя болѣзни, косящія этихъ питомцевъ на грязныхъ окраинахъ, грозятъ, въ свою очередь, домамъ состоятельныхъ людей. Такъ все и идетъ колесомъ, все цѣпляется одно за другое, и нищета сама мститъ за себя довольнымъ и счастливымъ....

Но все, что еще не задавлено въ конецъ этой нищетой, рвется на просторъ изъ проклятаго гетто; юноши, успѣвшіе, цѣною безконечныхъ лишеній со стороны своихъ семей, получить хоть какое - нибудь образованіе, уходятъ прочь безъ оглядки... Этими счастливыми исключеніями еще ярче оттѣняется, по контрасту, безвыходность того давящаго, хотя только искусственными, внѣшними преградами, замкнутаго круга, въ которомъ тщетно бьется вся несмѣтная масса безправныхъ („Распадъ“). Еврейская толпа иногда волнуется смутными мечтами о массовомъ выселеніи на землю праотцевъ („Кабатчикъ Гейманъ“), но волнуется какъ-то неувѣренно, безъ страстнаго увлеченія, и не выдѣляетъ изъ себя на этомъ пути настоящихъ, убѣжденныхъ и сильныхъ вождей. Авторъ, повидимому, не раздѣляетъ этой успокоительной фантастической мечты,—и, думается, онъ глубоко правъ...

А. В. Кругловъ.—Вчера и сегодня. Повѣсти и разсказы. М. 1903.

Уже по перечню на обложкѣ книги видно, что г. Кругловъ—писатель очень плодовитый и очень разносторонній. Цѣлыхъ двѣ страницы заняты спискомъ его произведеній: есть у него и „Господа крестьяне“, и „Господа земцы“, и „Провинціальные корреспонденты“, и „Вселенскіе учители“ „для школьнаго и семейнаго чтенія“, и „Женскій Аеонъ“ и „Кронштадтскій пастырь“ и т. д. и т. д. Какъ солнце въ малой каплѣ водъ, такъ это разнообразіе, свойственное вообще вдохновеніямъ г. Круглова, отражается и въ сборникѣ „Вчера и сегодня“. Авторъ не затрудняется выборомъ темъ и расписываетъ на десяткахъ страницъ такія событія, для исчерпанія которыхъ было бы совершенно достаточно скромной газетной корреспонденціи. Этимъ нехитрымъ пріемомъ и питается неистощимый фонтанъ его творчества. Что касается, собственно, обработки темъ, то ужъ тутъ выручаетъ г. Круглова всего только одно, если не весьма почтенное, то иногда не безвыгодное качество,—развязность, которой нельзя не удивляться,

просматривая одинъ за другимъ всѣ эти „разсказы и повѣсти“, обязательно подраздѣленные на главы, разбавленные безконечными діалогами и почти совершенно лишенные содержанія. Въ сознаніи собственнаго великолѣпія г. Кругловъ съ подчеркнутымъ пренебреженіемъ относится при этомъ къ такъ называемой „меньшей литературной братіи“, и когда ему случается говорить о „корреспондентѣ“, третируетъ его чисто по-обывательски, т. е. съ нарочитымъ презрѣніемъ, изображаетъ его въ нелѣпо-гнусномъ видѣ и отзывается о немъ устами одного изъ своихъ героевъ: „А вѣдь все ради презрѣннаго металла, бестія“!—хотя надо полагать, что и самъ г. Кругловъ, сочиняя свои „повѣсти“ и издавая ихъ отдѣльными сборниками, тоже не пренебрегаетъ „презрѣннымъ металломъ“... Излюбленная манера г-на Круглова—сатирическая, и самая обширная изъ его „повѣстей“, озаглавленная почему-то „Чужая крыша“, бичуетъ нѣкоторую „передовую даму“, которая вѣчно хлопочетъ по какимъ-то „идейнымъ дѣламъ“, устраиваетъ подписки на эти дѣла, даетъ пріютъ какимъ-то невѣдомымъ молодымъ людямъ, рискуя наскочить, horibile dictu—на безпаспортнаго или безпаспортную, а сама отбилась отъ дому, мужа-труженика вводитъ въ долги, одѣвается Богъ знаетъ какъ,—„юбка нѣсколько *на боку*“, „ножки въ дырявыхъ туфляхъ, а на подъемѣ бѣлаго чулка дырища объемомъ въ Черное море, и сквозь дыру красуется грязное тѣло“, а дочку-подростка воспитала такъ, что та бесѣдуетъ съ авторомъ, „болтая ногой и слегка покачиваясь“ и произноситъ такія рѣчи: „Вѣдь между нами и народомъ большая пропасть, говоритъ мамочка. И я люблю народъ. Я въ гимназіи дружу больше съ тѣми, которыя изъ простого класса. Всѣ эти чванныя барышни мнѣ не нравятся... такія противныя куклы“!.. Можно подумать, что это изъ Дьякова-Незлобина и написано въ укоръ „нигилистамъ“, въ семидесятыхъ годахъ. Но нѣтъ: подъ „повѣстью“ значится новѣйшая дата—„1897 годъ“... Что касается купцовъ и мѣщанъ, то ихъ г. Кругловъ изображаетъ преимущественно „по Лейкину“, вслѣдствіе чего они у него обязательно „зычно рыгаютъ“ и разговариваютъ между собой въ такомъ родѣ: „*Не подъ кадрель*... гости-то, вишь, *не подъ фасонъ* такимъ особамъ“.—„Это такъ... это ты вѣрно“...—„Вотъ въ чемъ вся и музыка-то! Тоже, кумъ, мы понятіе имѣемъ... Въ *имназіи* не учились, а политику, что *дипломанты* правимъ, *какъ слѣдствуетъ*“. Само собою разумѣется, что въ этихъ разговорахъ фигурируютъ также „тигра лютая“ „звѣря хищная“, „секлетарь“, „медалія“, „пальто съ пендерлинкой“, „песню“ вмѣсто пенснэ и т. п.,—все, что „по Лейкину“ полагается... Подъ каждымъ изъ собранныхъ въ книжкѣ произведеній своихъ г. Кругловъ заботливо проставилъ дату его первоначальнаго появленія въ свѣтъ. Тутъ представлены всѣ эпохи: и „1897“, и „1901“, и „1889“, и „1886“, и „1878“, и даже „1872 годъ“. Боимся только, какъ бы

эти обстоятельныя помѣтки подъ довольно-таки пустопорожними „повѣстями и разсказами“ не напомнили иному читателю бумажки съ надписью: „Сія дыня съѣдена такого-то числа“ незабвеннаго Ивана Ивановича Перерепенко..

Артуръ Шнитцлеръ. Фрау Берта Гарланъ. Романъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Г. Спб. 1903.

Эта книга представляетъ собою скорѣе художественно-психологическій трактатъ, чѣмъ романъ въ настоящемъ смыслѣ. Шнитцлеръ вообще отличается склонностью къ изображенію внутренняго психическаго міра въ ущербъ внѣшней фабулѣ. Самыя событія, вызывающія то или другое душевное движеніе его героевъ или обусловливаемыя ими, происходятъ какъ бы за кулисами, тогда какъ главнымъ мѣстомъ дѣйствія служитъ психическій аппаратъ, въ которомъ эти событія проектируются. Шнитцлеръ великолѣпный знатокъ человѣческой души; умно и умѣло онъ развертываетъ передъ читателемъ процессъ перехода человѣка отъ одного комплекса ощущеній и представленій къ другому. Но нужно вмѣстѣ съ тѣмъ сказать, что слишкомъ большое мѣсто, которое занимаетъ въ его произведеніяхъ игра мыслей героевъ, дѣлаютъ ихъ нѣсколько тяжелыми.

Драма, которую изображаетъ Шнитцлеръ въ романѣ „Фрау Берта Гарланъ“, имѣетъ совершенно личный характеръ. Молодая вдова, мало жившая со своимъ мужемъ и нелюбившая его, развиваетъ въ себѣ постепенно, на почвѣ неудовлетворенной потребности любви, влеченіе къ другу юности. Это влеченіе приводитъ ее къ ряду неблагоразумныхъ поступковъ, бросающихъ ее въ распоряженіе бывшаго возлюбленнаго, превратившагося съ того времени изъ мечтательнаго идеалиста въ человѣка, довольно реально взирающаго на отношенія къ женщинѣ. Главнымъ мѣстомъ дѣйствія романа служитъ мозговой аппаратъ фрау Берты, въ которомъ отражаются и послѣдовательное отступленіе доводовъ мѣщанскаго благоразумія передъ проснувшимся влеченіемъ, и уступки передъ собственными моральными требованіями, и полная побѣда чувства, и возвращеніе, навѣрно временное, къ прежней „чистотѣ“ подъ прикрытіемъ горькаго и обиднаго разочарованія. Въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ Шнитцлера, какъ, напр., въ „Поручикѣ Густлѣ“, разборъ котораго былъ помѣщенъ въ одной изъ прошлогоднихъ книжекъ „Р. Б.“, личная психика изображаемыхъ героевъ входитъ въ столкновеніе съ идеей, съ принципомъ, крѣпкимъ въ окружающей героя средѣ, и по занимаемому этимъ принципомъ мѣсту, по его соціальному значенію, опредѣляется и категорія изображаемаго конфликта. Въ „Фрау Гарланъ“ стремленіе героини къ личному счастью сталкивается съ такимъ-же стремленіемъ другого человѣка, и потому весь кон-

фликтъ имѣетъ характеръ не болѣе, какъ личной драмы, описанной тонко и умно.

Д-ръ Рудольфъ Лотаръ. Генрихъ Ибсенъ. Пер. съ нѣмецкаго Ѳ. А. Волькенштейнъ («Образовательная Библіотека» изд. О. Н. Поповой). СПБ. 1903.

„Образовательная библіотека" — подходящая обстановка для этой книжки, оправдывающая появленіе ея перевода и смягчающая ея недостатки. Это подробное, основательное, общедоступное и занимательное изображеніе жизни и литературной дѣятельности великаго сѣвернаго писателя. Подробно излагая содержаніе его драмъ, связывая ихъ съ господствующими настроеніями писателя и вкладывая въ нихъ свое пониманіе, авторъ старается сдѣлать ихъ понятными для читателя. Это не всегда удается ему въ достаточной мѣрѣ. Онъ слишкомъ terre-à-terre, слишкомъ точенъ, реаленъ и грубъ; онъ объясняетъ, но не умѣетъ создать атмосферу для самостоятельнаго пониманія. Онъ орудуетъ общими мѣстами, которыя уже кажутся банальностями для посвященнаго и вызовутъ недоумѣніе въ новичкѣ. Ибсенъ—аристократъ и индивидуалистъ, Ибсенъ—противникъ демократіи и „сплоченнаго либеральнаго большинства"—все это формы, которыя могутъ быть наполнены разнымъ содержаніемъ. Подходящимъ эпиграфомъ для всѣхъ произведеній Ибсена, охватывающимъ всѣ оттѣнки ихъ основной идеи, онъ считаетъ знаменитыя слова В. Гумбольта: „Истинная цѣль жизни—всестороннее и гармоничное развитіе всѣхъ способностей человѣка до наиболѣе полнаго единства. Первое и неотъемлемое условіе этого развитія — свобода". Извѣстно, какъ многообразны толкованія этихъ широкихъ положеній. Какую форму они приняли у Ибсена—вотъ что спорно и противорѣчиво до сихъ поръ и остается неопредѣленнымъ послѣ труда д-ра Лотара. Но въ частностяхъ онъ даетъ много любопытныхъ, свѣдѣній, указаній самого Ибсена и матеріаловъ для самостоятельнаго сужденія. Это, такъ сказать, путеводитель по Ибсену; онъ указываетъ, что надо замѣтить и какъ это сдѣлать: дѣло мыслящаго читателя — воспользоваться его указаніями и продѣлать ту работу наслажденія и размышленія, которой требуетъ отъ насъ художественное произведеніе.

Лили Браунъ.—Женскій вопросъ, его историческое развитіе и экономическое значеніе. Пер. съ нѣмецкаго подъ ред. **Г. А. Гроссмана.** Спб. 1903.

Книга г-жи Браунъ представляетъ собою одну изъ наиболѣе серьезныхъ попытокъ анализа такъ называемаго женскаго вопроса съ точки зрѣнія экономическихъ отношеній. Судя по преди-

словію, авторъ не ограничиваетъ этимъ свою общую задачу, намѣреваясь посвятить второй томъ своего труда гражданско-правовому и публично-правовому положенію женщины, а также психологической и этической сторонѣ женскаго вопроса.

Первая часть книги, заключающая въ себѣ очеркъ развитія женскаго вопроса до XIX столѣтія, любопытна главнымъ образомъ установкою точки зрѣнія автора, приводящею его къ рѣзкому противоставленію буржуазнаго женскаго движенія и движенія пролетарскаго, проведенному далѣе черезъ весь анализъ во второй части. Тогда какъ въ эпоху примитивной культуры, говоритъ г-жа Браунъ,

мужчины и женщины стояли на одинаковой ступени, разстояніе между ними съ поступательнымъ процессомъ экономическаго развитія становилось все болѣе отдаленнымъ. Различіе между интересами, цѣлями, образомъ жизни болѣе сильнаго и менѣе связаннаго условіями половой жизни мужчины и прикованной къ дому и дѣтямъ женщины сдѣлались причиною духовнаго и правового разобщенія между ними... Когда многоразличныя отрасли труда домашняго хозяйства все болѣе переходили въ сферу ремесленнаго и промышленнаго производства, и по мѣрѣ того, какъ женщина, принадлежащая къ имущимъ классамъ, не знала, куда дѣвать свой досугъ, и стала томиться пустотою своего внутренняго и внѣшняго существованія, а женщина неимущаго класса была вынуждена обратить свою домашнюю дѣятельность въ наемный трудъ внѣ дома и семьи,—только тогда начала проникать въ сознаніе несносность и горечь женской доли.

Мы позволили себѣ привести эту цитату для характеристики взгляда автора на источники женскаго движенія, какъ пролетарскаго, такъ и буржуазнаго. Этотъ взглядъ послѣдовательно проводится и во второй, наиболѣе существенной части книги. Нечего и говорить, что г-жа Браунъ, сама дѣятельная и выдающаяся работница въ сферѣ пролетарскаго женскаго движенія, относится отрицательно къ дѣятельности тѣхъ представительницъ женскаго движенія въ средѣ буржуазныхъ классовъ, которыя выдвигаютъ на первый планъ исключительные интересы женщины въ противоположеніе интересамъ мужчинъ. Въ сужденіи г-жи Браунъ, женщина—это прежде всего человѣкъ, и женское движеніе постольку слѣдуетъ считать разумнымъ и прогрессивнымъ, поскольку оно ставитъ своею задачей достиженіе болѣе справедливыхъ соціальныхъ отношеній. Авторъ очень далекъ и отъ тѣхъ тенденцій, которыя направлены къ отрицанію въ женщинѣ ея специфическихъ семейныхъ и соціальныхъ функцій. Напротивъ, установленіе нормальныхъ условій ихъ отправленія г-жа Браунъ разсматриваетъ какъ одну изъ задачъ женскаго движенія, но несчитаетъ эту задачу разрѣшимой безъ рѣшенія общихъ соціальныхъ проблемъ. Выдѣляя живую струю въ современномъ женскомъ движеніи, она вѣритъ въ ея мощный ростъ, какъ вѣритъ и въ торжество той доктрины, которую исповѣдуетъ въ своихъ общихъ соціальныхъ воззрѣніяхъ.

Только дополненіе мужскихъ способностей женскими,—говоритъ авторъ, только сотрудничество обоихъ половъ, имѣющихъ одинаковое право существованія на землѣ, повлечетъ за собою слѣдствія, которыя не будутъ вредить своею односторонностью ни одной изъ частей... Только признаніе, что все существо женщины отличается отъ мужского, что оно внесетъ новый оживляющій принципъ въ жизнь человѣчества, дѣлаетъ женское движеніе тѣмъ, что оно есть въ дѣйствительности: факторомъ коренного общественнаго преобразованія.

Со стороны женскаго рабочаго движенія,—говоритъ далѣе г-жа Браунъ,—было бы самоотреченіемъ,

если бы оно приняло характеръ женскаго движенія въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ женщины изъ буржуазіи... Самостоятельное движеніе работницъ является лишь исходомъ изъ затрудненій правового характера, которыя во многихъ случаяхъ мѣшаютъ его сліянію съ общимъ рабочимъ движеніемъ.

Женскій трудъ при настоящемъ экономическомъ строѣ въ промышленныхъ государствахъ является важнымъ соціальнымъ факторомъ, роль его, не смотря на частичныя уклоненія, въ общемъ благопріятна осуществленію справедливыхъ соціально-экономическихъ отношеній. Во всѣхъ отрасляхъ промышленности,—говоритъ г-жа Браунъ,—въ которыхъ заняты мужчины и женщины

уже теперь рабочее время мужчинъ опредѣляется рабочимъ временемъ женщинъ, такъ какъ иначе въ производствѣ произошелъ бы безпорядокъ. Дальнѣйшее сокращеніе рабочаго времени, которое должно произойти для женщинъ въ силу сознанія убійственныхъ слѣдствій чрезмѣрнаго напряженія, повлечетъ за собою сокращеніе рабочаго времени мужчинъ. Тогда усилится спросъ на рабочихъ, а такъ какъ мужскихъ рабочихъ силъ не хватитъ, то откроется мѣсто для женщинъ, все въ большей степени принужденныхъ искать работу. Постепенно освободительная тенденція труда проявитъ свое дѣйствіе и на нихъ.

Это утвержденіе находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ предшествовавшимъ признаніемъ автора, что женщина своимъ участіемъ въ промысловомъ трудѣ оказываетъ понижательное вліяніе на заработную плату, не только путемъ увеличенія предложенія рабочихъ рукъ, но и вслѣдствіе меньшей способности отстаивать свои интересы. Дѣйствительно, весьма обычны факты, что женщина уже одною этой своей неспособностью даетъ предпринимателямъ такія выгоды, которыя заставляютъ его въ нѣкоторыхъ производствахъ цѣликомъ замѣнять мужской трудъ женскимъ. При такихъ условіяхъ заработная плата понижается, изнурительность труда не становится менѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываетъ болѣе вредное вліяніе на общее состояніе народнаго здоровья. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ заботы государства о сохраненіи здоровья населенія имѣютъ постоянные пути для своего выраженія, союзникомъ рабочихъ является соціальное законодательство, прежде всего имѣющее своимъ объектомъ женскій и дѣтскій трудъ. Такимъ образомъ, интересы рабочаго класса во-

обще, кооперируя съ сознанными интересами государства по охранѣ населенія отъ вырожденія, оказываютъ вліяніе въ сторону улучшенія условій труда; участіе-же въ промысловой дѣятельности женщинъ и дѣтей, напротивъ, ухудшаетъ условія труда (не одну, конечно, заработную плату). Равнодѣйствующею этихъ двухъ тенденцій является всетаки улучшеніе въ положеніи рабочихъ.

Только познаніе проблемы женскаго вопроса,—говоритъ въ заключеніе своей книги авторъ,—

съ полною ясностью освѣщаетъ сущность соціальнаго вопроса, частью котораго онъ является... Женскій трудъ обязанъ своимъ происхожденіемъ перевороту въ формахъ производства, но и самъ онъ заключаетъ въ себѣ всѣ элементы, чтобы въ свою очередь революціонизировать эти формы, налагая рычагъ на одинъ изъ ихъ основныхъ устоевъ—семью и мобилизуя противъ нихъ мужа, жену и дѣтей съ такою силой, какъ это еще не бывало ни въ одномъ изъ случаевъ исторической борьбы классовъ. Самый консервативный элементъ человѣчества — женщины — станутъ двигательными силами самаго радикальнаго прогресса.

Появленіе книги Лили Браунъ въ русскомъ переводѣ можно лишь привѣтствовать, такъ какъ она очень поможетъ разобраться въ сложномъ вопросѣ взаимоотношеній между мужчиной и женщиной на аренѣ борьбы за лучшее соціальное будущее.

Переводъ сдѣланъ въ общемъ удовлетворительно, хотя и есть промахи въ родѣ „нравственная полиція“ „императорскій канцлеръ“, „нѣмецкая статистика“, или: „Требованіе... было принято со смѣхомъ“ (стр. 141), тогда какъ оно принято вовсе не было, а было встрѣчено смѣхомъ.

М. М. Щуцкій. Общедоступное изложеніе вопросовъ о нравственности. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1903 г.

Авторъ настоящаго изданія несомнѣнно прекрасно понялъ потребности тѣхъ „людей, желающихъ читать сочиненія, касающіяся разныхъ вопросовъ о нравственности“ (X), которые не столько нуждаются въ серьезномъ изученіи философіи, сколько въ осуществленіи потребности „безотлагательно защититься отъ злотворнаго вліянія какого-либо соблазна и поддержать себя духовно“ (395). Эти люди „поняли“ уже ту „истину“, что не знать правилъ христіанской жизни—„все равно, что оставаться слѣпымъ и умышленно совершать то, что наша церковь называетъ грѣхомъ, за который предстоитъ нести неизбѣжную отвѣтственность“; однако-же, такъ какъ для пониманія „этики“ является „препятствіемъ“ „своеобразный философскій языкъ“, которымъ она изложена, то авторъ настоящей книжки и взялъ на себя задачу „простыми словами передать истины, разбросанныя во множествѣ

сочиненій, касающихся вопросовъ этики, богословія и философіи вообще“ (X—XII).

И авторъ, дѣйствительно, опростилъ всѣ тѣ „истины“, которыя онъ выбралъ изъ „этики, богословія и философіи вообще“. Сравнивая человѣка съ животнымъ, г. Щуцкій находитъ, что „двигаясь всегда въ вертикальномъ положеніи, исключительно на ногахъ, мы пользуемся верхними конечностями, т. е. руками, какъ аппаратомъ для исполненія самыхъ разнообразныхъ задачъ“... „сколько“, восклицаетъ авторъ далѣе: „безцѣнныхъ вкладовъ въ область науки сдѣлано все тѣми-же двумя такъ называемыми верхними конечностями человѣческаго скелета“!.. (4). Таковы „особенности въ строеніи нашего тѣла“, которыя „служатъ нагляднымъ выразителемъ той внутренней *духовной* жизни, которою одарены исключительно только люди“ (4—5) *). Изслѣдуя вопросъ объ отношеніи души и тѣла, нашъ опроститель смѣло утверждаетъ, что „нашъ головной мозгъ по отношенію къ душѣ—тоже, что телефонъ относительно пѣвца. Пока машина исправна, она въ точности передаетъ тѣ звуки, которые она воспринимаетъ. Но можетъ случиться, что въ дѣйствительности артистъ будетъ исполнять превосходно свою партію, а телефонъ исказитъ ее своимъ шипѣніемъ и гнусавостью. То же возможно со стороны нашего мозга... перевирающаго во время передачи то, что онъ получаетъ отъ души“ (19). Относительно различія въ темпераментахъ, нашъ авторъ утверждаетъ на основаніи своей „философіи“, что „у людей сангвиническаго темперамента кровяные шарики (въ волостныхъ сосудахъ **) ярко окрашены и многочисленны; ихъ нервы напряжены и, подобно натянутой струнѣ, вибрируютъ (колеблются) скоро и очень легко“... (36); „у флегматиковъ-же, кровеобращенье ослаблено, тогда-какъ циркуляція лимфы увеличена. Жизненный обмѣнъ матеріи медленъ, тѣло склонно къ ожирѣнію, глаза и волосы безъ блеска“... (38).

Не менѣе замѣчательна и общественная теорія автора; здѣсь соединенные въ общежитіе общностью „не только интересовъ, но и труда“ люди прибѣгаютъ къ раздѣленію труда, такъ-какъ „каждому отдѣльно взятому человѣку недоступно одновременно заниматься всѣми видами труда, необходимаго для удовлетворенія разнообразныхъ его потребностей“, въ силу же этого создается такой порядокъ вещей, при которомъ „каждый членъ общежитія занимается лишь какимъ-нибудь особымъ видомъ труда и обмѣнивается имъ съ прочими“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечивается усовершенствованье издѣлій: „избирая себѣ работу по своимъ духовнымъ и физическимъ способностямъ, люди постояннымъ упражненіемъ пріобрѣтаютъ все болѣе опыта и сноровки“ (48—49).

---

*) Курсивъ вездѣ автора книги.

**) Не отъ слова ли волость производитъ авторъ свои «волостные сосуды»?

Таковы „истины“ христіанской этики, на которыхъ г. Щуцкій обосновываетъ свои выводы. Эти „истины“ говорятъ сами за себя и не нуждаются въ комментаріяхъ. И совершенно въ томъ-же духѣ дано авторомъ и его ученіе о „нравственныхъ основахъ“, а въ частности его „правила для оцѣнки нравственныхъ дѣйствій“. Здѣсь автору приходитъ на помощь уголовное право, въ особенности положенія нашего стараго уложенія. „Такимъ образомъ, при оцѣнкѣ нравственныхъ дѣйствій берется въ соображеніе образъ дѣйствія, т. е. размѣръ добра или вреда, вытекающаго изъ того, что совершается, а равно и то, какъ эти дѣйствія вліяютъ на окружающихъ насъ“... „обращается вниманіе, кто таковъ самъ по себѣ тотъ, чьи нравственныя дѣйствія теперь оцѣниваются“... „принимается въ разсчетъ также, что вообще позволено, предписано или, наоборотъ, запрещено данному человѣку, сообразно положенію въ обществѣ“ (120—121). Характерны и примѣры, приводимые авторомъ въ подтвержденіе его словъ: такъ, „двусмысленности, произносимыя среди однихъ мужчинъ, ровно ничего не значатъ; но тоже самое въ устахъ дамы, въ присутствіи мужчины, обнаруживаетъ неустойчивость ея нравственности“, „шутовскія кривлянія на подмосткахъ увеселительнаго мѣста весьма бываютъ кстати; въ монашеской-же кельѣ они возмутительны“ и т. д. (121). Изъ такого пониманія нравственной оцѣнки и вмѣненія слѣдуетъ уже съ полной очевидностью, что если „право на такое вмѣненіе принадлежитъ прежде всего самому человѣку относительно собственныхъ его дѣйствій“, то, съ другой стороны, это-же право принадлежитъ „и другимъ людямъ въ лицѣ родителей, опекуновъ“—надо полагать, надъ малолѣтними—„и начальниковъ“—надъ полнолѣтними людьми. (125). И на основаніи такого „вмѣненія“ далѣе и происходитъ награда или наказаніе.

Перейдемъ теперь къ ученію о добродѣтели г. Щуцкаго. И здѣсь мы найдемъ тоже постоянное господство чисто внѣшней стороны надъ внутренней, которое мы отмѣтили выше, и тутъ подъ понятіе христіанской этики, если и не подставляется непосредственно уложеніе о наказаніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, чувственные и грубо утилитарные мотивы. Такъ, любить Бога мы должны потому, что онъ „поставилъ насъ въ счастливое положеніе „царя природы“ и, сверхъ того, предназначилъ людямъ вѣчное блаженство послѣ смерти (228). Любить ближнихъ и проявлять эту любовь въ видѣ благотворительности нужно, между прочимъ, и потому, что „отъ превратностей судьбы, а слѣдовательно и отъ нужды никто не гарантированъ“; при чемъ благотворительности „необходима благоразумная осторожность“ (258, 259). Даже самое предпочтеніе небесныхъ благъ земнымъ совершается не безъ разсчета: „то, что намъ кажется благомъ въ видѣ богатства и чувственныхъ наслажденій, нерѣдко бываетъ пагубно

для насъ, разстраиваетъ силы и приводитъ къ мучительнымъ болѣзнямъ" (316); однако, и это предпочтеніе духовныхъ благъ земнымъ не идетъ такъ далеко, чтобы лишить насъ возможности „имѣть *матеріальный достатокъ*", „пользоваться любовью лица другого пола", „занимать почетныя мѣста на службѣ и въ обществѣ и получать знаки отличія пріятные самолюбію" или „имѣть вкусную пищу и пить вино" (318—319). Все дѣло тутъ въ томъ, что „провидѣніе предназначило каждому человѣку точную мѣру благополучія и страданія, необходимую для насъ въ смыслѣ пользы въ теченіе земной жизни и для спасенія души, а слѣдовательно, и полученія вѣчнаго блаженства на небѣ" (317). Такимъ образомъ, здѣсь стоитъ каждому только пользоваться тѣмъ, что ему доступно, и дѣло будетъ сдѣлано, такъ какъ „наша религія ничуть не запрещаетъ наслаждаться радостями и прелестями жизни, но лишь требуетъ, чтобы способы для этого были не безнравственные" (318), и далѣе, „утѣшительный смыслъ нашего вѣроученія въ томъ, что, не требуя отъ насъ удаленія изъ міра съ отрѣшеніемъ отъ его радостей и не запрещая пользоваться земными благами, оно даетъ намъ увѣренность, что спасти свою душу человѣкъ можетъ въ любомъ званіи и общественномъ положеніи. Никакая служба и никакое честное занятіе не противны христіанскимъ завѣтамъ" (319, 320). И дѣйствительно, въ „указаніи на имена тѣхъ людей, которые своей жизнью подтвердили, что осуществленіе требованій христіанской этики хотя не легко, но возможно", мы встрѣчаемъ имена и такихъ добродѣтельныхъ лицъ, какъ язычники Аристидъ, Ѳемистоклъ, Кимонъ, Катонъ Утическій (по отдѣлу справедливости вообще), и такихъ дѣятелей, какъ Яковъ Долгоруковъ, Неккеръ, графъ Канкринъ (тамъ же), и такихъ героевъ въ области „великодушія и благородства", какъ Лаврентія Медичи, графа Миниха, сэра Нэпира и т. п., которые съ многократными повтореніями наполняютъ своими именами сорокъ страницъ разбираемой книжки.

Но спрашивается, что-же тутъ христіанскаго? И почему именно эти лица попали въ каталогъ добродѣтельныхъ лицъ, составленный во имя христіанской этики?

Дѣло разрѣшается очень просто. Г. Щуцкій, который, судя по автобіографическимъ даннымъ, разбросаннымъ въ его книгѣ, принадлежитъ къ современному русскому „среднему разряду" людей, призадумался надъ теоретическимъ оправданіемъ той маленькой, безцвѣтной и безсодержательной жизни, которую онъ довольно ярко рисуетъ въ своемъ сочиненіи. А оправданіе этой жизни въ настоящее время положительно необходимо. Прежде можно было спокойно жить да поживать и добра наживать безъ всѣхъ этихъ проклятыхъ вопросовъ. Теперь-же на твердыню мѣщанской сытой добродѣтели ополчилось слишкомъ много враговъ. Приходится защищаться. И вотъ создается книжка, подобная сейчасъ разо-

бранной; является система шаблонной прописной морали, приноровленной къ обстоятельствамъ, благословляющей имущихъ на пользованіе благами жизни, утѣшающей обездоленныхъ и неимущихъ небеснымъ блаженствомъ и прикрывающей свое убожество и эгоистичность громкими фразами о духѣ, идеалахъ и т. д. Мы вполнѣ понимаемъ законность явленія такой морали: надо-же идеализировать ту пошленькую сферу, среди которой сидишь, но при чемъ-же тутъ христіанство?—Это мы никакъ не можемъ понять.

Не убѣждаетъ насъ въ этомъ отношеніи даже то обстоятельство, что книгу въ предисловіи рекламируетъ профессоръ университета св. Владиміра, прот. П. Свѣтловъ, котораго г. Щуцкій считаетъ „извѣстнымъ ученымъ" (98), и который, въ свою очередь, считаетъ г. Щуцкаго обладающимъ „широкой эрудиціей въ области: права, философіи, психологіи, этики, богословія, исторіи, естествознанія и литературы".

С. С. Арнольди. Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. Изданіе второе. Спб. 1903.

Съ содержаніемъ книги Арнольди читатели „Р. Б." знакомы уже по изложенію, сдѣланному въ свое время г. П. Б. (См. „Р. Б.", октябрь 1898 г.) *). Въ виду того, что только что вышедшее въ свѣтъ второе изданіе этой книги не представляетъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ сравнительно съ первымъ, мы ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на нѣкоторыя изъ тѣхъ сторонъ сочиненія Арнольди, которыя остались не затронутыми въ статьѣ г. П. Б. Намъ нѣтъ нужды останавливаться еще разъ на положительныхъ сторонахъ этой содержательной и интересной книги: онѣ нашли себѣ должную оцѣнку въ упомянутой статьѣ. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ сторонъ сочиненія Арнольди, которыя вызываютъ на критическія замѣчанія.

Книга Арнольди трактуетъ о самыхъ разнообразныхъ и часто очень сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ, входящихъ въ область теоріи исторіи („историки"), философіи исторіи и соціологіи,—вопросахъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ ломали голову не мало мыслителей. Своею книгой Арнольди хочетъ—если только мы правильно поняли поставленную имъ себѣ задачу—ввести читателя въ эту сложную сѣть множества взаимно переплетающихся вопросовъ. Лучшимъ средствомъ оріентировать читателя въ этихъ вопросахъ было бы, кажется намъ, ознакомленіе его, по крайней мѣрѣ, въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ, съ тѣми взглядами, которые существуютъ на эти вопросы въ новѣйшей

---

*) По поводу перваго изданія этой книги.

научной литературѣ,—ихъ критическій разборъ съ указаніемъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ каждаго взгляда, и, наконецъ, изложеніе собственныхъ воззрѣній автора. Къ сожалѣнію, такому *научно-критическому методу* авторъ разбираемой книги предпочелъ совершенно другой методъ, который мы затрудняемся назвать иначе, какъ *популярно-догматическимъ*. Переходя отъ вопроса къ вопросу, авторъ даетъ въ популярно-догматической формѣ рѣшеніе каждаго изъ нихъ, лишь изрѣдка, случайно и въ видѣ исключенія, знакомя читателя въ короткихъ словахъ со взглядомъ того или другого писателя на тотъ или иной вопросъ. То, чему слѣдовало бы быть правиломъ, является въ книгѣ Арнольди лишь въ видѣ исключенія. Между тѣмъ, такой способъ трактованія предмета тѣмъ менѣе можетъ быть оправданъ, что разбираемое сочиненіе, какъ отнюдь не думаетъ того скрывать и самъ авторъ, не есть вполнѣ самостоятельный трудъ, и большая часть мыслей и взглядовъ, излагаемыхъ имъ отъ себя, принадлежатъ не ему. „Само собою разумѣется,—говоритъ онъ въ предисловіи,— что почти во всѣхъ главахъ этого труда самою большею частью того, что въ немъ встрѣтитъ читатель, авторъ обязанъ многимъ историкамъ и мыслителямъ, какъ иностраннымъ, такъ и русскимъ, которые или прямо и опредѣленно высказали ту или другую мысль, здѣсь повторенную, или навели на нее автора. Для послѣдняго было всего менѣе важно отличить то, что можно здѣсь встрѣтить новаго и оригинальнаго, отъ того, чѣмъ онъ обязанъ предшественникамъ".

Для автора, быть можетъ, это дѣйствительно „всего менѣе важно", но *для читателя*, для котораго вѣдь и написана книга, это было бы и очень важно, и очень интересно, хотя бы уже для того, чтобы лучше оріентироваться въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ и имѣть возможность отнестись болѣе сознательно и самостоятельно къ тому или другому рѣшенію послѣдняго.

Нельзя не пожалѣть, далѣе, что у автора не хватило рѣшимости стряхнуть съ себя иго различныхъ апріорныхъ идей, которыя держатся въ наукѣ по традиціи, въ качествѣ одного изъ тѣхъ „культурныхъ переживаній", которыя тормозятъ научный прогрессъ,—тотъ самый научный прогрессъ, сторонникомъ и поборникомъ котораго выступаетъ авторъ. Къ числу такихъ апріорныхъ идей, подлежащихъ сдачѣ въ архивъ, или лучше сказать— въ археологическій музей культурныхъ переживаній, принадлежитъ, напримѣръ, и это, раздѣляемое нашимъ авторомъ, традиціонное представленіе объ *исторической жизни* въ отличіе отъ *жизни неисторической*, и объ *историческихъ народахъ*, въ отличіе отъ *народовъ неисторическихъ*. Къ счастью, новѣйшая историческая наука освобождается мало-по-малу отъ этого глубоко вкоренившагося научнаго предразсудка, приводящаго въ своемъ логическомъ результатѣ къ совершенно произвольному (да факти-

чески и совершенно невыполнимому) исключенію изъ подлежащей вѣдѣнію исторической науки дѣйствительности изрядной части послѣдней. Новѣйшая историческая наука знать не хочетъ этихъ обветшавшихъ перегородокъ, которыми долгое время хотѣли (да и до сихъ поръ, какъ видимъ, продолжаютъ пытаться) положить историческому знанію предѣлъ, его же не прейдеши. Современная историческая наука хочетъ изслѣдовать и изучать *всю доступную ей человѣческую дѣйствительность* и „всѣ племена земныя“ включить въ сферу своего познанія. *Историческая жизнь* и *историческіе народы* для нея всюду, куда простирается историческое знаніе; *жизни неисторической*, качественно отличной отъ *жизни исторической*, для нея такъ же нѣтъ, какъ нѣтъ *историческихъ народовъ*, качественно отличныхъ отъ *народовъ неисторическихъ*: для нея есть лишь, съ одной стороны—дѣйствительность, доступная историческому познанію, съ другой—дѣйствительность, такому познанію недоступная; съ одной стороны—народы, прошлая жизнь которыхъ поддается историческому познанію, съ другой—народы, ускользающіе отъ такого познанія.

Посмотримъ, однако, какъ понимаетъ нашъ авторъ проводимую имъ (по традиціи) противоположность между жизнью исторической и неисторической. Критеріемъ *историчности* у него служитъ *сознательная мысль*. Тѣмъ самымъ, слѣдовательно (если только мы правильно поняли мысль автора), всѣ безсознательные процессы выносятся за предѣлы исторической жизни, въ область жизни неисторической и, стало быть, находящейся за предѣлами вѣдѣнія исторической науки. Но авторъ идетъ еще дальше въ своемъ желаніи сузить историческую дѣйствительность, опредѣляя историческій процессъ, какъ „процессъ переработки формъ культуры (сознательною) мыслью“. По этой формулѣ, очевидно, даже и сознательные процессы не всѣ входятъ въ сферу „исторической жизни“, а только тѣ изъ нихъ, которые направлены на „переработку формъ культуры мыслью“. Эти ограничительныя стремленія нашего автора идутъ какъ разъ въ разрѣзъ съ тенденціей новѣйшей исторической науки - расширить свой кругозоръ, расширить поле историческаго познанія, не ограничивая его ни „сознательною мыслью“, ни „культурой“, потому что ни „сознательная мысль“ не существуетъ въ дѣйствительности безъ тѣсной связи и зависимости отъ различныхъ безсознательныхъ процессовъ, ни „культура“—безъ такой же связи и зависимости отъ „некультурныхъ явленій“. Историческая наука хочетъ изучать живого человѣка, состоящаго изъ плоти и крови, а не отвлеченное „сознательно-мыслящее“ существо. Говорить поэтому объ исторіи, какъ объ „обособленной наукѣ, представляющей обособленную область фактовъ“ (слова Арнольди) совершенно невозможно,—такъ же невозможно, какъ невозможно отграничить въ

живомъ человѣкѣ сознательные мыслительные процессы отъ процессовъ безсознательныхъ, какъ психическихъ, такъ и физическихъ, связанныхъ, съ одной стороны, съ его тѣлесною организаціей, съ другой—съ физическою средой, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ. Историческая наука не можетъ исключить изъ поля своего вѣдѣнія даже стихійные процессы, какъ процессъ біологическій, являющійся факторомъ эволюціи расъ и національностей, или какъ процессъ геологическій, являющійся факторомъ эволюціи физической среды, въ которой живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ.

Въ общемъ изложеніе автора, хотя и не всегда отличающееся ясностью и удобопонятностью, носитъ на себѣ печать продуманности; но приходится и въ этомъ отношеніи встрѣчаться то тамъ, то сямъ съ нѣкоторыми недочетами. На стр. 24, напримѣръ, читаемъ: „Терминомъ *культура* здѣсь будетъ обозначена та совокупность формъ общежитія и психическихъ пріемовъ, которая, какъ въ самыя отдаленныя эпохи жизни человѣчества и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ породъ, такъ и въ продолженіе всей исторіи, обнаруживаетъ стремленіе передаваться отъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ нѣчто неизмѣнное“. И вслѣдъ за этимъ опредѣленіемъ культуры, безъ малѣйшаго перерыва, читаемъ: „Тѣмъ не менѣе въ этой культурѣ совершаются измѣненія“. Какимъ образомъ „нѣчто неизмѣнное“ въ то же время подвержено „измѣненіямъ“,—непонятно. Источникъ этого противорѣчія, конечно, лежитъ въ неправильномъ опредѣленіи культуры, которое совсѣмъ не согласуется съ тѣмъ не подлежащимъ сомнѣнію фактомъ, что въ ней „совершаются измѣненія“. Благодаря этому, автору приходится искать „двигателей этихъ измѣненій“ въ какихъ то силахъ, лежащихъ какъ будто внѣ культуры. Онъ видитъ эти силы въ „потребностяхъ отдѣльной личности“ и во „вліяніи на личности соціальной среды“. Но здѣсь опять можно спросить: неужели же личность съ ея потребностями и соціальная среда представляютъ собою что-то, стоящее внѣ культуры? Если же авторъ этого не думаетъ, то, стало быть, онъ признаетъ въ самой культурѣ наличность факторовъ „измѣненій“, и, слѣдовательно, эпитетъ „нѣчто неизмѣнное“ опять-таки оказывается неумѣстнымъ по отношенію къ культурѣ. Говоря о тенденціи культуры къ неизмѣнности, не имѣлъ ли въ виду авторъ культурную традицію и культурныя переживанія и не отождествилъ ли съ ними самую культуру? Не съ одинаковымъ ли правомъ могъ говорить авторъ и о противоположной тенденціи культуры—къ измѣненіямъ?

Еще одна частность. Арнольди удѣляетъ много вниманія въ своей книгѣ вопросу о субъективномъ элементѣ въ исторіи. Съ большей частью высказываемыхъ имъ по этому вопросу сужденій нельзя не согласиться. Къ сожалѣнію, авторъ ограничился разсмотрѣніемъ вопроса объ историческомъ субъективизмѣ лишь постольку,

поскольку послѣдній имѣетъ отношеніе къ пониманію историческихъ явленій, то есть къ *историческому синтезу*, и совершенно упустилъ изъ вида другую сторону историческаго субъективизма, ту сторону, которой онъ относится къ оцѣнкѣ и пониманію источниковъ историческаго знанія, то-есть къ *исторической критикѣ*.

Позволимъ себѣ сдѣлать еще замѣчаніе относительно языка книги, носящаго мѣстами слѣды недостаточно внимательной отдѣлки (напр., на стр. 24 говорится о трехъ рядахъ поколѣній: *ребяческихъ*, зрѣлыхъ и старѣющихъ).

Высказанными выше замѣчаніями мы отнюдь не хотимъ умалить тѣхъ безспорныхъ достоинствъ интересной и содержательной книги Арнольди, которыя въ свое время были по достоинству оцѣнены на страницахъ „Р. Б.“ Это одна изъ тѣхъ книгъ, которыя заставляютъ читателя „шевелить мозгами“; и чѣмъ чаще будутъ появляться такія книги, тѣмъ лучше.

Тарасовъ и Моравскій. Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. М. 1903.

Необходимость наглядныхъ пособій при преподаваніи исторіи, въ особенности въ средней школѣ, гдѣ учащемуся впервые приходится имѣть дѣло съ жизнью болѣе или менѣе отдаленныхъ эпохъ различныхъ культурныхъ народовъ, давно уже признана и въ теоріи, и въ практикѣ преподаванія на Западѣ, въ особенности въ Германіи и Франціи. Новѣйшіе нѣмецкіе и французскіе учебники исторіи совсѣмъ непохожи на наши унылыя, сѣрыя брошюрки съ сплошнымъ текстомъ, лишеннымъ по большей части всякихъ признаковъ „наглядныхъ пособій“, въ видѣ пояснительныхъ картъ и рисунковъ, наглядно знакомящихъ учащагося съ бытомъ, обстановкой, условіями жизни различныхъ народовъ въ различныя эпохи,—портретовъ выдающихся историческихъ личностей, характерныхъ историческихъ сценъ, и т. д. У пишущаго эти строки имѣется въ настоящую минуту подъ рукой одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ учебниковъ отечественной исторіи: на 279 страницахъ текста въ немъ имѣется 572 рисунка и двадцать (въ томъ числѣ 15 раскрашенныхъ) картъ. Замѣтимъ къ слову, что книжка эта, въ изящномъ и прочномъ переплетѣ, стоитъ полтора франка, т. е. 56 копѣекъ, слѣдовательно, дешевле большей части нашихъ макулатурныхъ учебниковъ. Не довольствуясь этимъ, нѣмецкіе и французскіе педагоги идутъ далѣе навстрѣчу потребностямъ учащихся (да отчасти и самихъ учащихъ) и въ послѣднее время выпускаютъ въ свѣтъ цѣлый рядъ наглядныхъ пособій въ дополненіе къ всякому учебнику, въ родѣ картинъ Лемана и „Историческаго Альбома“ Пармантье и Лависса. „Только тогда,—справедливо замѣчаетъ проф. Лависсъ,—преподаваніе исторіи будетъ поставлено разумно и толково, когда оно будетъ со-

провождаться нагляднымъ ознакомленіемъ учащихся съ историческими предметами, картинами, сценами. Ученики легко будутъ *понимать*, потому что будутъ *видѣть*. Введеніе изображеній должно освѣжить изученіе исторіи; оно на мѣсто слова поставитъ предметъ, и вмѣсто отвлеченныхъ терминовъ, сплошь да рядомъ превратно понимаемыхъ, поставитъ предъ глазами учащагося живую дѣйствительность". Профессора Ланглуа и Сеньобосъ, въ своемъ „Введеніи въ изученіе исторіи", рекомендуютъ не только показывать учащимся картины, но и заставлять производить самостоятельный анализъ ихъ содержанія: „такое небольшое устное или письменное изложеніе, замѣчаютъ они, будетъ служить ручательствомъ того, что учащійся видѣлъ и понялъ все ему показанное". Къ сожалѣнію, эти, казалось бы, слишкомъ очевидныя и безспорныя истины лишь очень медленно, и только въ самое послѣднее время, начинаютъ входить въ сознаніе руководителей историческаго преподаванія у насъ въ Россіи, и потому нельзя не привѣтствовать всякую попытку ввести въ старую рутину живую струю. Только что вышедшая въ свѣтъ книга московскихъ педагоговъ гг. Тарасова и Моравскаго представляетъ собою одну изъ такихъ попытокъ. Въ качествѣ матеріала, они воспользовались для своей книги серіей культурно - историческихъ картинъ Лемана и объяснительнымъ къ нимъ текстомъ Геймана и Юбеля, который былъ подвергнутъ составителями переработкѣ въ виду, во первыхъ, того, „что содержаніе очерковъ не всегда стояло на надлежащей научной высотѣ", затѣмъ—потому, „что изложеніе въ нихъ слишкомъ проникнуто нѣмецкимъ настроеніемъ съ патріотической тенденціей", и, наконецъ, „потому, что и самая форма изложенія оказалась не всегда удачной". Что касается переработки текста, то составители разрѣшили свою задачу удачно: ихъ изложенію не приходится сдѣлать упрека ни съ научной точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія литературной; они прекрасно владѣютъ русскимъ литературнымъ языкомъ, и за ихъ изложеніемъ почти не чувствуется нѣмецкій оригиналъ.

Книжка состоитъ изъ двѣнадцати очерковъ: 1) въ усадьбѣ древняго германца, 2) государевы посланцы, 3) за стѣнами монастыря, 4) замокъ феодала, 5) на праздникѣ въ замкѣ XIII вѣка, 6) на турнирѣ, 7) городъ въ осадѣ, 8) нѣмецкій городъ XV вѣка, 9) день въ купеческой семьѣ XVI столѣтія, 10) крестьяне и ландскнехты въ XVI столѣтіи, 11) въ лагерѣ, 12) въ аристократическомъ домѣ XVIII в. Къ каждому очерку приложена соотвѣтствующая картинка, къ которой собственно и относится каждое изъ приведенныхъ заглавій, а очеркъ является какъ бы развитымъ пояснительнымъ текстомъ къ каждой изъ картинъ.

Что касается выбора картинъ и ихъ исполненія, то въ этомъ отношеніи наши составители были до извѣстной степени связаны своимъ матеріаломъ, и не на нихъ, конечно, ложится отвѣтствен-

ность за тѣ недостатки, которые приходится здѣсь отмѣтить. Дѣло въ томъ, что не только „содержаніе очерковъ не всегда стояло на надлежащей научной высотѣ“, и „изложеніе ихъ слишкомъ проникнуто нѣмецкимъ настроеніемъ съ патріотической тенденціей“: то же самое слѣдуетъ сказать и о картинахъ. Начать съ того, что „патріотическая тенденція“ сквозитъ въ самомъ *подборѣ* картинъ: всѣ безъ исключенія онѣ взяты изъ нѣмецкой жизни; исключенія не составляетъ даже „аристократическій домъ XVIII вѣка“, гдѣ все, начиная мужскими париками и дамскими куафюрами и кончая садомъ съ вытянутыми въ струнку подстриженными деревьями, похоже, какъ двѣ капли воды, на Францію XVIII вѣка: и это, какъ оказывается изъ объяснительной статьи, должно изображать тоже уголокъ Германіи... За эту патріотическо-нѣмецкую тенденціозность выбора картинъ составители разсматриваемой книжки, конечно, не отвѣтственны; но вполнѣ въ ихъ власти было исправить эту тенденціозность — стоило только озаглавить книгу: „культурно-историческія картины изъ жизни *Германіи*“, что вполнѣ бы и соотвѣтствовало ея содержанію. Но нѣмецко-патріотическая тенденція сквозитъ и въ самомъ *содержаніи* картинъ, точнѣе — въ способѣ трактованія ихъ сюжетовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ гораздо менѣе исторической правды, чѣмъ *идеализаціи нѣмецкой старины*. Такимъ характеромъ отличаются въ особенности: первая картина („въ усадьбѣ древняго германца“), картина пятая („на праздникѣ въ замкѣ XIII вѣка“), девятая („въ купеческомъ домѣ XVI столѣтія“). Нѣкоторыя изъ картинъ отличаются, кромѣ того, черезчуръ схематическимъ характеромъ, напоминающимъ наивную манеру средневѣковыхъ художниковъ, соединявшихъ въ одной картинѣ нѣсколько сценъ, одновременность и совмѣстность которыхъ фактически невозможна (этотъ недостатокъ особенно бросается въ глаза въ третьей картинѣ: „на монастырскомъ дворѣ“). Нельзя также не отмѣтить количественную скудость сюжетовъ и не пожалѣть, что составители, „будучи связаны созданной уже коллекціей, не могли ввести новыхъ сюжетовъ, очень желательныхъ и необходимыхъ“.

Отмѣченные нами недочеты въ книгѣ московскихъ педагоговъ отнюдь, однако, не мѣшаютъ намъ привѣтствовать ея появленіе, какъ цѣнный вкладъ въ только что зарождающуюся у насъ литературу наглядныхъ пособій по всеобщей исторіи. Полагаемъ, что эта книжка найдетъ себѣ читателей и далеко за предѣлами педагогическаго міра.

П. Гензель. Новый видъ мѣстныхъ налоговъ. Обложеніе «незаслуженнаго» прироста цѣнности при городскихъ улучшеніяхъ въ Англіи, Америкѣ, Германіи и др. странахъ (Съ приложеніемъ библіографическаго указателя). Спб., 1903 г.

Не трудно представить себѣ ту почти безконечно обширную

огромную и необычайно разнообразную по своему составу область, въ которой предстоитъ развиваться разъ выбившемуся на надлежащій путь городскому хозяйству. Но пока оно еще почти все въ будущемъ, хотя-бы многообѣщающемъ и блестящемъ. Даже тамъ, гдѣ городское хозяйство, казалось бы, достигло уже пышнаго расцвѣта, въ дѣйствительности оно въ настоящее время едва только выходитъ изъ первоначальной стадіи развитія. Пока еще это хозяйство не столько разрѣшаетъ, сколько ставитъ и намѣчаетъ свои задачи, да ищетъ путей и средствъ для ихъ разрѣшенія. Это обусловливается прежде всего самымъ существомъ задачъ городского хозяйства: наиболѣе важныя и крупныя изъ нихъ всегда впереди, ибо возникаютъ онѣ только по мѣрѣ роста городовъ и увеличенія массы и плотности городскаго населенія. Затѣмъ огромнымъ тормазомъ для надлежаще быстраго и широкаго развитія городского хозяйства является то обстоятельство, что городскія нужды и потребности, особенно, наиболѣе крупныя изъ нихъ, назрѣваютъ на много раньше, чѣмъ у города оказываются средства, необходимыя для ихъ удовлетворенія. Происходитъ это по многимъ, не всегда и не вездѣ одинаковымъ причинамъ, но всегда и вездѣ, какъ при самомъ отсталомъ, такъ и при самомъ развитомъ городскомъ хозяйствѣ, одинаково ростъ городскихъ потребностей далеко опережаетъ ростъ городскихъ бюджетныхъ средствъ. Естественно поэтому, что усиленная забота объ умноженіи городскихъ доходовъ путемъ улучшенія старыхъ и изысканія новыхъ источниковъ является едва-ли не наиболѣе вѣрнымъ признакомъ дѣятельнаго городского управленія, не мирящагося съ застоемъ въ городскомъ хозяйствѣ и стремящагося къ его непрестанному развитію. По крайней мѣрѣ, возможно большее усиленіе городскихъ финансовыхъ средствъ—одна изъ главнѣйшихъ заботъ передовыхъ западно-европейскихъ городскихъ управленій, развивающихъ особенно энергичную дѣятельность, въ цѣляхъ всесторонняго улучшенія муниципальной финансовой системы. Направленіе, въ которомъ ищутъ этого улучшенія, опредѣляется въ значительной мѣрѣ составомъ городскихъ самоуправленій, взаимоотношеніемъ тѣхъ интересовъ, которые въ нихъ представлены. Соотвѣтственно той видной роли, которую въ западной муниципальной жизни начинаютъ играть интересы трудящейся массы городского населенія, цѣлью реформаторскихъ стремленій въ данной области является созданіе такой финансовой системы, которая наиболѣе удовлетворяла бы требованіямъ соціальной справедливости. Это вызываетъ требованіе, чтобы центръ тяжести городского бюджета перенесенъ былъ съ косвеннаго обложенія на прямые налоги, которые падали бы главнымъ образомъ на имущественные классы и по существу своему или совсѣмъ не поддавались бы, или, по крайней мѣрѣ, только въ малой степени поддавались бы переложенію. Въ поис-

кахъ за соотвѣтствующими объектами естественно было (особенно же подъ вліяніемъ возрастающей квартирной нужды и спекуляціи пустопорожними городскими участками) обратить вниманіе на явленіе, которое Дж. Ст. Милль окрестилъ „незаслуженнымъ приростомъ цѣнности". Дѣло идетъ о томъ, какъ бы самопроизвольномъ, происходящемъ безъ всякихъ усилій и затратъ собственника, быстромъ ростѣ цѣнности земли, который особенно даетъ себя чувствовать въ городахъ. Владѣльцы городскихъ (даже незастроенныхъ) земельныхъ участковъ, по выраженію Милля, „богатѣютъ во снѣ, нисколько не трудясь, ничѣмъ не рискуя и ничего не затрачивая,—единственно потому, что владѣніе землею представляетъ собою естественную монополію. Прежде всего гонитъ въ гору цѣны городскихъ участковъ, при естественной ограниченности территоріи, ростъ городского населенія, усиливающій спросъ на жилища, слѣдовательно, и на землю, необходимую для ихъ постройки. Затѣмъ „богатѣнію во снѣ" городскихъ земле и домовладѣльцевъ въ огромной степени содѣйствуетъ улучшеніе городского благоустройства. Когда прокладывается новая или приводится въ блогоустроенное состояніе старая улица, когда проводится усовершенствованный путь сообщенія, устраивается канализація, возводится какое-нибудь крупное, предназначенное для общественнаго пользованія сооруженіе и т. п.,—то, помимо той пользы, которую это приноситъ всему вообще городскому населенію, есть еще особыя, исключительныя, спеціальныя выгоды, которыя извлекаютъ отсюда земле и домовладѣльцы того района, въ которомъ произведены эти улучшенія. Въ какой мѣрѣ любое изъ нихъ увеличиваетъ цѣнность и доходность прилегающихъ домовъ,—это хорошо извѣстно каждому горожанину. Любому городскому квартиронанимателю, навѣрное, не разъ пришлось на собственномъ тяжеломъ опытѣ узнать, какъ повышается квартирная плата, благодаря тому, что устроена мостовая, улучшено уличное освѣщеніе, проведенъ водопроводъ, улучшено сообщеніе съ центромъ города, устроенъ вблизи рынокъ и т. п. Всѣ такого рода улучшенія производятся за городской общественный счетъ, и тотъ крупный излишекъ цѣнности и доходности, который, благодаря имъ, перепадаетъ на долю домовладѣльцевъ, является по существу общественнымъ достояніемъ, ненадлежаще попавшимъ въ частный карманъ. Естественно было возникнуть идеѣ о такой системѣ обложенія, которая возвращала бы присвоенное себѣ домовладѣльцами общественное достояніе туда, гдѣ такому достоянію быть надлежитъ—въ городскую общественную кассу. Извлекая изъ даннаго городского сооруженія или предпріятія особую спеціальную выгоду, домовладѣлецъ, по справедливости, долженъ подвергнуться и соотвѣтственному особому „спеціальному обложенію"; получая за общественный счетъ „незаслуженный приростъ цѣнности", домовладѣлецъ, по справедливости же,

долженъ возвратить обществу, въ видѣ особаго налога, хотя бы часть этого прироста, — при томъ возвратить именно изъ своего *собственнаго* кармана. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ особенно крупное достоинство такого рода обложенія, ибо нельзя не согласиться съ г. Гензелемъ, стоящимъ на той точкѣ зрѣнія, что такого рода спеціальные налоги по самой природѣ своей непереложимы. „Если вслѣдствіе благопріятныхъ условій домовладѣлецъ получитъ, по причинѣ произведеннаго городомъ улучшенія, болѣе высокую наемную плату, то изъ этого излишка доходности онъ будетъ уплачивать спеціальное обложеніе; если по какимъ либо причинамъ доходность дома не увеличится отъ городского предпріятія, то обложеніе упадетъ на капиталъ (т. е. уменьшитъ существовавшій доходъ), хотя и будетъ компенсировано возрастаніемъ цѣнности данной недвижимости. Тутъ нельзя говорить о переложеніи налога: какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ домовладѣлецъ не досчитается въ своемъ карманѣ суммы уплаченнаго имъ спеціальнаго обложенія, ибо при отсутствіи послѣдняго онъ выручилъ бы больше“. Понятно, почему вездѣ, гдѣ тому не препятствуютъ строй и организація учрежденій, вѣдающихъ городское хозяйство, такъ называемое „спеціальное обложеніе“, т. е. „налогъ на улучшенія“ и „обложеніе незаслуженнаго прироста цѣнности“ (Special assessments, betterment tax, Beiträge) начинаютъ играть все болѣе замѣтную роль въ системѣ мѣстныхъ финансовъ, принимая различные виды и формы, соотвѣтственно различнымъ мѣстнымъ, политическимъ, экономическимъ и соціальнымъ особенностямъ. Въ настоящее время съ системой спеціальнаго обложенія мы встрѣчаемся уже въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Пруссіи, Голландіи, Соединенныхъ Штатахъ, австралійскихъ колоніяхъ и др. государствахъ. Обстоятельному изслѣдованію „причинъ возникновенія общественныхъ и экономическихъ условій существованія и самого значенія“ этого имѣющаго, несомнѣнно (не только въ городскомъ, но и въ земскомъ хозяйствѣ) огромное будущее новаго вида мѣстныхъ налоговъ и посвященъ трудъ г. Гензеля. Впрочемъ, для русскаго читателя этотъ трудъ представляетъ только чисто теоретическій интересъ. На практическое осуществленіе у насъ системы „спеціальнаго обложенія“, по крайней мѣрѣ, пока существуетъ данный муниципальный строй, какъ это признаетъ и г. Гензель, нѣтъ ни малѣйшей надежды. Во-первыхъ, хотя дѣйствующее городовое положеніе и допускаетъ установленіе „по соглашенію съ домовладѣльцами“ нѣкоторыхъ спеціальныхъ сборовъ, но эти сборы не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ „спеціальнымъ обложеніемъ“, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Во-вторыхъ, если бы законъ даже допускалъ такое обложеніе, оно фактически оказалось бы не осуществимымъ при современномъ домовладѣльческомъ составѣ нашихъ городскихъ думъ. По этой причинѣ наименьшее значеніе

для русскаго читателя имѣютъ тѣ страницы труда г. Гензеля, на которыхъ трактуется о формахъ спеціальныхъ налоговъ, методахъ ихъ установленія и взиманія и т. д. За то съ большой пользою для себя прочтетъ онъ тѣ отдѣлы книги, въ которыхъ идетъ рѣчь о причинахъ, вызвавшихъ движеніе въ пользу „спеціальнаго обложенія", и объ условіяхъ, ему благопріятствовавшихъ. Особенно рекомендовали бы мы вниманію читателя страницы, трактующія о той героической борьбѣ, которую пришлось вести за установленіе системы betterment совѣту лондонскаго графства: здѣсь онъ увидитъ, въ какой огромной степени свободныя учрежденія Англіи, ея свободная печать и сильное независимое общественное мнѣніе содѣйствовали проведенію началъ соціальной справедливости въ систему мѣстныхъ финансовъ, даже тогда, когда взаимное обложеніе общественныхъ классовъ и распредѣленіе между ними власти тому совершенно неблагопріятствовало.

Каталогъ книжнаго склада комитета по устройству сельскихъ библіотекъ и читаленъ. Книготорговля. Изданіе харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1903.

Каталогъ книгъ для школьныхъ библіотекъ. Изданіе книжнаго склада ярославскаго губернскаго земства. Ярославль. 1903.

Лѣтъ тридцать тому назадъ Некрасовъ, какъ о болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, говорилъ о томъ времени, когда „мужикъ Бѣлинскаго и Гоголя, а не Милорда глупаго съ базару понесетъ". Мы еще не дожили до этого времени, но, кажется, доживаемъ... Правда, „Милордъ" на базарѣ царитъ еще, вѣроятно, попрежнему, но на томъ же базарѣ появился съ прошлаго года и Гоголь, а раньше того пришли на базаръ и Пушкинъ съ Лермонтовымъ, и Л. Н. Толстой, и др. Число грамотныхъ въ Россіи увеличивается ежегодно приблизительно на милліонъ. Потребность въ чтеніи среди народа есть и она растетъ съ каждымъ годомъ. Издатели-лубочники выпускаютъ своихъ „Милордовъ" болѣе 15 милліоновъ экземпляровъ въ годъ (Вахтеровъ „Внѣшкольное образованіе народа"). Но наряду съ этимъ въ народъ идетъ и хорошая книжка. Объ этомъ свидѣтельствуетъ образованіе новыхъ издательскихъ фирмъ спеціально для народныхъ изданій (Моревъ, Жирковъ, Берманъ, Раппъ и Потаповъ, Орѣховъ, Слѣпцова и др.), издательская дѣятельность земствъ (вятское, саратовское) и частныхъ просвѣтительныхъ обществъ (харьковское и кіевское общества грамотности, бывшіе столичные комитеты грамотности и др.). Объ этомъ же увеличеніи спроса на книгу говоритъ и растущее съ каждымъ годомъ число книжныхъ складовъ въ провинціи. Въ 1872 году земскихъ книжныхъ складовъ у насъ было только 9, а къ 1899 году ихъ насчитывалось уже болѣе сотни. (Кудрявцевъ „Объ устройствѣ книжныхъ складовъ и ихъ докладъ VIII

съѣзду земскихъ врачей Пензенской губерніи.) Объ этомъ же говорятъ намъ и лежащіе передъ нами каталоги, появившіеся почти одновременно въ Ярославлѣ и въ Харьковѣ.

Появленіе этихъ каталоговъ отвѣчаетъ вполнѣ назрѣвшей потребности. Какъ читателю, такъ и устроителямъ народной библіотеки или книжнаго склада трудно теперь разобраться въ той массѣ дешеваго по цѣнѣ матеріала, который существуетъ въ настоящее время въ продажѣ. Названные каталоги могутъ оказать въ этомъ случаѣ хорошую помощь. Харьковскій каталогъ содержитъ въ себѣ около 700 названій дешевыхъ книгъ, цѣною не дороже 30 копѣекъ, и предназначается главнымъ образомъ для книготорговли. „Комитетъ, говорится въ предисловіи къ каталогу, принимаетъ на себя составленіе небольшихъ книжныхъ складовъ на сумму отъ 3 до 100 рублей для розничной продажи книгъ по каталогу, для книготорговли съ уступкой 15% съ номинальной стоимости книгъ". При каждомъ названіи указаны цѣна и издатель. Подборъ книгъ, указанныхъ въ каталогѣ, сдѣланъ очень тщательно. Не говоря уже, конечно, о лубочныхъ книгахъ, много книгъ, рекомендуемыхъ другими подобными указателями, не нашли себѣ мѣста въ этомъ каталогѣ. Даже собственныя изданія харьковскаго общества грамотности не всѣ удостоились попасть туда. Такая разборчивость рекомендаціи естественнымъ образомъ ведетъ къ относительной бѣдности указаній по многимъ отдѣламъ. Укажемъ для примѣра на отдѣлъ книгъ по исторіи. По этому отдѣлу (исторія, біографія, историческіе повѣсти и разсказы) изъ русской исторіи не указано ни одной книжки о первыхъ князьяхъ (Владимірѣ, Ярославѣ и др.), нѣтъ ничего о татарскомъ игѣ, совершенно отсутствуетъ исторія XVIII вѣка (если не считать переложенія „Ледяного дома" г-жи Свѣшниковой), по исторіи XIX вѣка есть только одна книга г. Малышева „Какъ дѣдъ воевалъ съ французами". О Петрѣ указано единственное сочиненіе г. Кизеветтера „Петръ Великій заграницей", а объ Алексѣѣ Михайловичѣ и его времени—цѣлыхъ три книги. Можетъ быть, очень хорошихъ дешевыхъ книгъ для народа по указаннымъ здѣсь пропускамъ и нѣтъ, но болѣе или менѣе сносныя сочиненія всетаки могли бы найтись. Та же неравномѣрность въ выборѣ матеріала замѣтна и въ отдѣлѣ географіи (географія, этнографія и путешествія). Здѣсь всего 32 названія. Въ числѣ ихъ есть по двѣ книжки о Голландіи и о Китаѣ и нѣтъ ни одной по географіи Франціи, Италіи, Египта, Кавказа, Средней Азіи и пр.; нѣтъ ничего и по географіи средней Россіи. Подобныя замѣчанія можно бы было сдѣлать и относительно остальныхъ отдѣловъ каталога (духовно-нравственный, естественно-историческій, сельско-хозяйственный и юридическій). Каталогъ ограничивается указаніями на книги цѣной не дороже 30 коп. на томъ основаніи, что болѣе дорогія книги очень мало расходятся среди покупателей изъ народа. Дѣй-

ственно, въ народной книжной торговлѣ, чѣмъ книга дешевле, тѣмъ она ходче идетъ. И для успѣха такой торговли прежде всего необходимъ возможно больщій запасъ самыхъ дешевыхъ книгъ, книгъ по одной копѣйкѣ цѣной *). Съ этой точки зрѣнія, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы включить въ каталогъ побольше такихъ копѣечныхъ книгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ при дешевыхъ изданіяхъ отдѣльныхъ произведеній Пушкина, Гоголя и Лермонтова указать на самыя дешевыя, что далеко не вездѣ сдѣлано въ харьковскомъ каталогѣ.

Ярославскій каталогъ для школьныхъ библіотекъ силой вещей ограниченъ въ широтѣ своихъ указаній министерскими каталогами, циркулярными предложеніями, отдѣльными распоряженіями и вообще всей той тройной цензурой, черезъ которую проходитъ у насъ всякая книжка, прежде чѣмъ сподобится попасть на полку книжнаго шкафа школьной библіотеки. Каталогъ этотъ содержитъ указатель книгъ „основной школьной библіотеки на 25 рублей" и три дополненія: на 20 руб., на 10 руб. и на 15 руб. Затѣмъ идетъ „списокъ книгъ для пополненія школьныхъ библіотекъ", куда вошли книги, разрѣшенныя и для учительскихъ библіотекъ, а послѣ него „книги, не вошедшія въ предыдущіе списки". Для пользованія каталогомъ такая система дополнительныхъ списковъ несовсѣмъ удобна: постоянно приходится глядѣть то въ одно, то въ другое дополненіе, забывая только что просмотрѣнное. Было бы лучше печатать каталогъ сполна по отдѣламъ—ихъ въ каталогѣ 5: духовный, литературный, историческій, географическій и научно-практическій—и отдѣлить основныя книги и дополнительныя хоть чертой или цифрой. Кромѣ этого недостатка, въ ярославскомъ каталогѣ замѣчательна еще чрезмѣрная краткость указаній о книгахъ. Есть, напримѣръ, такія перечисленія: „Волга"—цѣна 5 коп., „Туркестанъ"—5 коп., „Свѣтъ Божій"—20 коп. По такимъ коротенькимъ кличкамъ не только трудно составить себѣ понятіе о книгѣ, но трудно даже и разыскать ее. Цѣны на нѣкоторыя произведенія, имѣющіяся въ нѣсколькихъ изданіяхъ, не вездѣ указаны самыя дешевыя, какъ это было бы желательно. Такъ, басни Крылова показаны цѣной въ 40 коп., тогда какъ есть разрѣшенныя изданія этихъ басенъ въ 15 и даже 10 коп. „Ночь передъ Рождествомъ" по каталогу стоитъ 20 коп. и „Тарасъ Бульба" 25 коп. (цѣны изданій Маркса), между тѣмъ, тѣ же повѣсти въ разрѣшенномъ изданіи с.-петербургскаго общества грамотности стоятъ 4 и 9 коп. Но въ общемъ въ ярославскомъ каталогѣ такъ же, какъ и въ харьковскомъ, подборъ

*) Кстати сказать, цѣна $1\frac{1}{2}$ коп., установленная издательской фирмой «Посредникъ» и держащаяся до сихъ поръ на такъ наз. листовки, имѣетъ мало основаній. Грошъ, какъ монетная единица, у насъ совсѣмъ не въ ходу, а листовки оптомъ покупаются отъ 60 до 90 коп. за сотню и безъ большихъ убытковъ свободно могутъ быть продаваемы по одной копѣйкѣ.

книгъ сдѣланъ весьма удачно, и, не смотря на всѣ указанные здѣсь недостатки, оба каталога можно смѣло рекомендовать всѣмъ, кто занятъ дѣломъ образованія и хочетъ „сѣять разумное, доброе, вѣчное". Разумными и добрыми основаніями руководствовались издатели въ составленіи своихъ каталоговъ, и объ этомъ говоритъ не столько то, что есть, сколько то, чего нѣтъ въ каталогахъ. Такъ, напримѣръ, мы съ удовольствіемъ могли замѣтить, что ни въ томъ, ни въ другомъ каталогѣ нѣтъ ни одного изъ многочисленныхъ „военно-нравственныхъ" разсказовъ г. Тхоржевскаго, не смотря на то, что завидный талантъ этого автора обладаетъ поразительнымъ свойствомъ создавать произведенія, сразу одобряемыя и для публичныхъ народныхъ чтеній, и для дѣтскихъ, и для солдатскихъ библіотекъ.

Н. И. Тезяковъ. Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи и врачебно-продовольственные пункты. Выпускъ второй. Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ области Войска Донского и сѣвернаго Кавказа съ санитарной стороны. Спб. 1902.

„При посредствѣ г. управляющаго дѣлами комитета попечительства о домахъ трудолюбія и народныхъ домахъ" г. Тезяковъ „обратился къ подлежащимъ начальствамъ области Войска Донского и Сѣвернаго Кавказа съ просьбой о содѣйствіи по ознакомленію съ положеніемъ сельско хозяйственныхъ рабочихъ на рынкахъ найма". „Но, къ сожалѣнію", автору „пришлось быть въ областяхъ ужъ въ такое время (съ конца іюня), когда массовое движеніе рабочихъ почти затихло, и рабочіе рынки опустѣли". Пріѣхавъ, такимъ образомъ, на опустѣвшіе уже рынки, авторъ засталъ здѣсь, конечно, лишь весьма блѣдную копію дѣйствительности. Но и то, что онъ видѣлъ, имѣетъ весьма печальный характеръ.

Авторъ говоритъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, а многія изъ приводимыхъ имъ цифръ, добытыхъ канцелярскимъ путемъ, не могутъ имѣть большого значенія, особенно цифры текущей статистики, совершенно, какъ извѣстно, тамъ неорганизованной. Такъ, г. Тезяковъ говоритъ, что число несчастныхъ случаевъ при сельско-хозяйств. машинахъ въ Донской Области за 1900 г. было 133, и хотя онъ самъ деликатно называетъ эту цифру (полученную черезъ областное врачебное отдѣленіе) „случайной", но, не смотря на это, дѣлитъ ее въ процентномъ отношеніи по разнымъ категоріямъ. Само собою, ни абсолютное число это, ни процентныя отношенія никакого значенія имѣть не могутъ.

Тѣмъ не менѣе, при бѣдности нашей литературы свѣдѣніями о санитарномъ положеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, книга г. Тезякова является весьма желательной.

Въ предисловіи авторъ высказываетъ надежду, что, быть можетъ, его книга настолько возбудитъ интересъ, что поведетъ „къ практически добрымъ результатамъ, къ возникновенію то тамъ, то здѣсь врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, рабочихъ биржъ“.

Существованіе врачебно-продовольственныхъ пунктовъ на рынкахъ найма с.-х. рабочихъ и въ земскихъ губерніяхъ часто является проблематичнымъ, и дѣятельность ихъ подвержена многимъ случайнымъ и неслучайнымъ вліяніямъ: тѣмъ меньше значенія будутъ, по нашему мнѣнію, имѣть эти пункты, учрежденные „то тамъ, то здѣсь“ въ неземскихъ губерніяхъ. Болѣзнь требуетъ болѣе серьезнаго лѣченія, болѣе солидныхъ мѣръ.

Отчетъ санитарнаго бюро Одесскаго городского общественнаго управленія за 1900 г. съ 7 діагр. и 5 картогр. Завѣдующій бюро санитарн. врачъ Н. П. Василевскій. Одесса, 1902.

Смертность г. Одессы за отчетный 1900 г. была 23,6 (на тысячу населенія). За послѣдніе 10 лѣтъ смертность уменьшилась: въ 1891 г. она была 26,4. Такое уменьшеніе смертности отчетъ справедливо ставитъ въ связь съ развитіемъ важнѣйшихъ предпріятій по оздоровленію города: водоснабженія, канализаціи и замощенія улицъ. Приводимая діаграмма очень рельефно показываетъ, что чѣмъ больше развивалась сѣть этихъ послѣднихъ, тѣмъ больше величина смертности шла на убыль. Въ послѣдній годъ смертность увеличилась по сравненію съ предыдущими тремя годами (въ 1897 - 99 гг. она была 21,7), и этотъ подъемъ смертности объясняется тѣмъ, что ростъ сѣти оздоровительныхъ предпріятій не соотвѣтствуетъ въ послѣднее время росту города. Разсмотрѣніе смертности по отдѣльнымъ участкамъ города подтверждаетъ общее положеніе: чѣмъ больше въ данномъ участкѣ города развита сѣть водопроводная и канализаціонная, тѣмъ смертность въ немъ меньше и наоборотъ.

Изъ причинъ смерти по количеству жертвъ на первомъ мѣстѣ стоятъ дѣтскіе поносы, на второмъ—чахотка. Интересно отмѣтить, что смертность отъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ, столь пугающихъ публику заразныхъ болѣзней (оспа, корь, скарлатина, дифтеритъ, коклюшъ, тифы) *въ* $1^1/_2$ *раза меньше* смертности отъ чахотки, а смертность отъ чахотки, въ свою очередь, значительно меньше смертности отъ дѣтскихъ поносовъ.

Появленіе такихъ „отчетовъ“ имѣетъ весьма важное значеніе. Самъ отчетъ составленъ просто и хорошо, не обремененъ лишнимъ баластомъ, діаграммы приведены только существенныя, и онѣ весьма ясны и наглядны.

Дѣтская смертность въ Московской губерніи и ея уѣздахъ въ 1883—1897 гг. Санитарнаго врача московскаго губернскаго земства **П. И. Куркина**. Изд. Моск. губ. земства. М. 1902.

Въ солидной книгѣ г. Куркина разработана по строго систематическому плану дѣтская смертность въ Московской губ. за 15-лѣтній періодъ въ возрастѣ до 1 года (Заглавіе книги,—очевидно, по недосмотру—не соотвѣтствуетъ ея содержанію). Факторами дѣтской смертности въ Московской губерніи авторъ считаетъ: экономическія условія, метеорологическія условія въ теченіе 3 лѣтнихъ мѣсяцевъ, эпидемическую болѣзненность населенія, рождаемость, а также условія профессіональнаго характера: питомческій промыселъ, отходъ, развитіе крупной фабрично-заводской промышленности. Къ этому авторъ присоединяетъ еще вообще вліяніе культурнаго развитія общества на размѣры дѣтской смертности.

Но намѣченная программа не вездѣ строго и одинаково стройно выдержана. Такъ, авторъ совсѣмъ не анализируетъ вліянія фактора экономическаго, а изъ условій, которыя онъ называетъ условіями профессіональнаго характера, онъ совершенно не касается вліянія отхода и крупной фабрично-заводской промышленности. Между тѣмъ, вопросъ о вліяніи на дѣтскую смертность крупной фабрично-заводской промышленности было бы, конечно, особенно интересно изучить именно въ Московской губ. За то авторъ очень много мѣста удѣляетъ одному изъ помянутыхъ имъ условій профессіональнаго характера—питомческому промыслу; онъ разсматриваетъ питомческій промыселъ на ряду съ прочими факторами и, кромѣ того, удѣляетъ этому вопросу спеціальное приложеніе въ 50 стр. О такой неравномѣрности авторскаго вниманія нельзя не пожалѣть.

Г. Куркинъ, конечно, признаетъ важное „значеніе экономическаго фактора, опредѣляемаго высотой урожая хлѣба (ржи), цѣнами на хлѣбъ или высотой заработной платы“ и говоритъ относительно уѣздовъ Московской губерніи: „При маломъ урожаѣ, при повышенныхъ цѣнахъ на хлѣбъ, при пониженіи заработковъ—однимъ словомъ, при ухудшеніи экономическаго положенія населенія уже въ тотъ же годъ всякій разъ повышается смертность вообще и, какъ наиболѣе, быть можетъ, чувствительный элементъ ея, дѣтская смертность въ особенности. Наоборотъ,—улучшаются экономическія условія—понижается смертность дѣтская и всего населенія“ (XXIII). Признавая, такимъ образомъ, важное значеніе экономическаго фактора, г. Куркинъ, тѣмъ не менѣе, дѣлаетъ сознательный пропускъ и отказывается отъ изученія вліянія этого фактора. Онъ говоритъ: „Условія экономическаго порядка въ качествѣ фактора смертности населенія и дѣтской въ особенности намъ представляются по нѣкоторымъ причинамъ не подлежащими губернскому анализу интересующаго насъ въ данное время во-

проса о дѣтской смертности въ 1883—1897 гг." (XXVI). Авторъ ссылается при этомъ на „большія трудности, связанныя съ разрѣшеніемъ вопроса объ отысканіи критерія экономическаго состоянія губерніи" при ея „чрезвычайной неоднородности въ смыслѣ занятій населенія, отношенія къ земледѣлію, къ крупной промышленности, по качественнымъ и количественнымъ условіямъ отходныхъ промысловъ, по плотности населенія, по отношенію къ промысламъ и къ торговымъ центрамъ".

Намъ кажется, что неоднородность территоріи губерніи не можетъ служить препятствіемъ къ обнаруженію того вліянія, какое оказываютъ на дѣтскую смерность урожай хлѣбовъ, цѣны на хлѣбъ, высота заработной платы и прочіе факторы экономическаго благосостоянія населенія. Разнородность условій не препятствуетъ изученію и обнаруженію однообразно дѣйствующаго закона.

Смертность дѣтей въ возрастѣ до 1 года (изъ 100 родившихся) въ Московской губ. была въ началѣ взятаго 15-лѣтняго періода, въ 1883 г.—37,23, а въ концѣ его, въ 1897 г. — 36,93. „Главная господствующая закономѣрность",—говоритъ авторъ,— „дѣтской смертности въ Московской губ. выражается въ ея медленномъ и непрерывномъ движеніи къ пониженію" (42). Пониженіе, дѣйствительно, весьма незначительное. Наиболѣе благопріятными годами были 1886, 1888, 1891, 1893 и 1896 г., давшіе смертность дѣтей до 1 г.—35,72; 31,80; 34,07; 32,85; 33,90. Наиболѣе печальными годами были 1885, 1889, 1890, 1895, давшіе цифры 45,81; 38,55; 40,22; 40,21. Какія благопріятныя условія въ первомъ случаѣ и неблагопріятныя во второмъ соединились и дали эти цифры, почему въ такіе-то годы дѣтская смертность была очень высока, а въ такіе-то значительно ниже,—объ этомъ авторъ ничего не говоритъ.

Вообще авторъ нигдѣ не задается вопросомъ: „какая тутъ причина, и гдѣ тутъ корень зла"? Важность такого вопроса онъ хорошо сознаетъ и не отрицаетъ, что необходимо „смотрѣть въ корень вещей", но не дѣлаетъ этого. Каждую главу книги сопровождаетъ резюмирующее заключеніе, но всѣ заключенія остаются на почвѣ сухихъ фактовъ. Анализируя дѣтскую смертность по 4 районамъ губерніи (центральный, сѣверный, западный и юго-восточный) по 4 возрастнымъ группамъ, по пятилѣтіямъ, отдѣльнымъ годамъ и пр. и получая различныя цифры, авторъ нигдѣ не отвѣчаетъ на самъ собой напрашивающійся вопросъ—„почему"? какія причины обусловливаютъ паденіе смертности тамъ и подъемъ ея здѣсь?

Перефразируя слова самого автора, мы бы сказали: „Статистическое наблюденіе, стоя на почвѣ сухого констатированія фактовъ, должно стремиться путемъ сопоставленій заглянуть въ глубь вещей, опредѣлить связь между явленіями, раскрыть ихъ взаимоотношенія и причинности". И это особенно должно отно-

ситься къ земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, ближайшая цѣль которыхъ служить руководствомъ для земскихъ дѣятелей. Однѣ сухія цифры, безъ указанія причинности явленій, много сказать не могутъ.

Оставаясь на почвѣ строгаго научнаго изслѣдованія, красиво анатомируя группы цифръ и собирая ихъ въ новыя, почти художественныя группы, мастерски оттачивая каждый свой фактическій выводъ, г. Куркинъ какъ бы опасается и не хочетъ идти дальше, не хочетъ дѣлать тѣ выводы, раскрыть тѣ причинности, которыя ему кажутся не столь строго-математически вытекающими изъ совокупности имѣющихся и могущихъ быть полученными данныхъ. Почтенный авторъ какъ бы сдерживаетъ себя, не даетъ широкаго полета своей мысли, не хочетъ говорить языкомъ наиболѣе интереснымъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Сочиненія ***А. Луговою.*** Грани жизни. Романъ въ 5 частяхъ. 2-ое изд. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

А. Амфитеатровъ. Викторія Павловна (именины). Изд. Райской. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Полное собраніе соч. ***К. Головина.*** (К. Орловскаго). Томы IX и X. Спб. 1903 г. Подписная цѣна за 12 томовъ 10 р.

Г. Зудерманъ. Собраніе драматическихъ сочиненій. Томъ II. Перев. подъ ред. К. Бальмонта. Изд. С. Скирмунта. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. М. Сѣверская-Сичулина. Драматическія сочиненія. Томъ I. Изд. С. Разсохина. М. 1903 г. Ц. 2 р.

А. В. Кругловъ. Вчера и сегодня. Повѣсти и разсказы. Изд. кн. маг. И. А. Соловьева. М. 1903 г. Ц. 1 р.

О. Волжанинъ. Разсказы. Изд. С. Курнина и К°. М. 1903 г. Ц. 1 р.

А. М. Ѳедоровъ. Разсказы. Книга I. Изд. О. Н. Поповой. Спб. Ц. 1 р.

Ѳ. Тищенко. Разсказы. Томъ I. Изд. 2-ое. С. Курнина и К°. М. 1903 г. Ц. 1 р.

Анатолій Каменскій. Степные голоса. Разсказы. Изд. Н. П. Сойкина. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Н. А. Лейкинъ. Голь перекатная. Разсказы. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

В. А. Монинъ. Сибирскіе мотивы и др. стихотвор. Изд. М. А. Ильина. М. 1903 г. Ц. 40 к.

П. Э. Тайна. Души моей невольныя признанья. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ раннихъ воспоминаній. Спб. 1903 г. Ц. 80 к.

Актеръ ***Павелъ Скуратовъ.*** Сказки, былины, легенды. Съ рисунками художн. М. М. Ярового, П. А. Левченко и др. Кіевъ. 1903 г. Ц. 2 р.

Изданія редакціи журнала »Всходы»: Принцъ и нищій. Соч. ***Марка Твэна.*** Перев. съ англ. З. Журавской. Ц. 75 к.— ***В. Буснаха.*** Своими силами. Перев. съ франц. Ц. 30 к.— ***Вацлавъ Сѣрошевскій.*** Въ степяхъ Монголіи. Ц. 60 к.—Приключенія Финна. Соч. ***Марка Твэна.*** Перев. съ англ. А. Анненской. Ц. 75 к.—Приключенія Тома. Соч. ***Марка Твэна.*** Перев. съ англ. З. Журавской. Ц. 75 к.—***Е. Новикова.*** Въ плѣну у черкесовъ (Быль). Ц. 35 к.— ***М. Пенькова.*** Въ гору. Исторія одной глухонѣмой дѣвочки. Ц. 35 к. Спб. 1903 г.

Изданія «Посредника»: Мой безславный пріятель Мистеръ Рэгенъ. Разсказъ

Р. Р. Дэвиса. — Женихъ-москвичъ, или по одежкѣ встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. ***С. Семенова.***—Горе Селима. Разсказъ ***Сергѣя Орловскаго.*** — Сильная рука и золотое сердце. Романъ по Зудерману (съ нѣмецкаго).—За тюремной рѣшеткой. Повѣсть объ итальянскомъ узникѣ Сильвіо Пеллико. Составила ***М. Бекетова.***—Порука и др. разсказы. ***И. Горбунова-Посадова.*** —Въ разлукѣ и др. повѣсти и разсказы. ***С. Т. Семенова.***—Малымъ ребятамъ. Разсказы и стихи. Кн. 25-ая.—Чужой коровай. Комедія въ 1 дѣйствіи. ***С. Т. Семенова.*** — Сказаніе о трехъ лиліяхъ, двухъ лягушкахъ и змѣѣ съ золотою короною. ***С. Орловскаго.*** — Емельянъ Пиляй. Разсказъ ***М. Горькаго.***—Дочь китайскаго вельможи и др. разсказы ***И. Горбунова-Посадова.*** — Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія. ***Ж. Ж. Руссо.***—Хромуша медвѣженокъ. — Путешествіе дикой утки. Два разсказа. ***Э. Сетона-Томпсона.*** ***Его же.*** Рогачъ. Исторія кутенейскаго горнаго барана.—***Его же.*** Степной волченокъ.—***Его-же.*** Лобо, король Корромпо. Исторія одного волка.—Желѣзныя дороги и Дж. Стифенсонъ. Очеркъ ***С. Орловскаго.***—О жизни растеній. Проф. ***П. А. Костычева.*** — ***Его же.*** Что есть въ землѣ, и какія бываютъ земли. — ***Его-же.*** Объ удобреніи земли навозомъ.—***Его же.*** Чѣмъ и какъ можно удобрять землю, кромѣ навоза.—***Его-же.*** Обработка земли для посѣва хлѣбовъ и др. растеній.—***Его-же.*** О разведеніи хлѣбовъ и др. сельскохозяйств. растеній.—***Его-же.*** О правильной обработкѣ земли.—Лѣчебникъ домашнихъ животныхъ. Ветеринарнаго врача ***А. Н. Степанова.*** Изд. 5-е. М. 1903 г.

Русскіе писатели въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ. Изд. Г. Н. Каранта. Одесса. 1903 г.

Собраніе сочиненій ***Макса Нордау.*** Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Н. Михайлова. Изданіе Б. К. Фукса. Томъ XII. Кіевъ. 1903 г. Ц. 12 томовъ 6 р.

М. Де-Вогюэ. Максимъ Горькій, какъ писатель и человѣкъ. Критическій этюдъ. Перев. съ франц. Изд. Г. Н Каранта. Одесса. 1903 г. Ц. 30 к.

В. Лапинъ. Библіографич. замѣтка о драм. произв. артистки А. М. Сѣверской-Сичулиной Благовѣщенскъ. 1902 г.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, собранные книгоиздательствомъ «Скорпіонъ». М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологическія данныя, собранныя ***Н. Лернеромъ.*** Книгоизд. «Скорпіонъ». М. 1903 г. Ц. 1 р.

Н. В. Гоголь (1829—1842). Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы. ***Н. А. Котляревскаго.*** Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

П. Ивановъ. Студенты въ Москвѣ. Бытъ. Нравы. Типы. М. 1903 г. Ц. 1 р.

Г. Новополинъ. Глѣбъ Успенскій. Опытъ литературной характеристики. Харьковъ. 1903 г. Ц. 35 к.

А. Левенстимъ. А. Ѳ. Кони. Очеркъ его обществ. и литерат. дѣятельности. Харьковъ. 1903 г.

Н. В. Рейнгардъ. «Воскресеніе» гр. Л. Н. Толстого и вопросы уголовнаго права. Казань. 1903 г.

Д-ръ мед. ***Н. Н. Баженовъ.*** Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. Скальковскій. Очерки и фантазіи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Н. Л-нъ. Опытъ новаго міросозерцанія. Березовка. 1903 г. Ц. 25 к.

Изданія Исторической коммиссіи учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній: ***Вл. Львовъ.*** Самоѣды Очеркъ. Ц. 15 к.—Въ римскомъ циркѣ. Составила ***Е. Мельгунова.*** Ц. 8 к.—Будда, его жизнь и ученіе. Составилъ ***Платонъ Лебедевъ.*** Ц. 10 к.—Страна пирамидъ (Египетъ). Составила ***М. Мельгунова.*** Ц. 10 к.—Москва. 1903 г.

С. М. Соловьевъ. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. Изд. т-ва «Общественная Польза». Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

І. Тюрканъ. Генеральша Бонапартъ. Перез. съ франц. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Анна Столповская. Проявленіе упадка во Франціи (по національнымъ источникамъ). М. 1903 г. Ц. 1 р.

Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи проф. ***В. Безескула.*** Харьковъ. 1903 г. Ц. 3 р.

Краткій учебникъ политической экономіи. Проф. ***П. И. Георгіевскаго.*** Второе изд. (исправленное и дополненное). Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика и желѣзнодорожные займы (1893—1902). Проф. ***П. П. Мигулина.*** Харьковъ. 1903 г. Ц. 2 р.

В. Тотоміанцъ. Мощь кооперацій. Изд. 2-ое кн. маг. «Книжное дѣло». М. 1903 г. Ц. 15 к.

Францъ фонъ-Листъ. Учебникъ уголовнаго права. Общая часть. Пере-

водъ Ф. Ельяшевича. М. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Библіотека самообразованія: ***В. Оствальдъ***. Философія природы. Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. Э. Л. Радлова.—***В. Вундтъ.*** Введеніе въ философію.—Сущность жизни. Сборникъ статей подъ ред. проф. ***В. А. Фаусека***. Книгоизд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1903 г.

Г. Ф. Липпсъ. Основы психофизики. Перев. Г. А. Котляро. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 40 к. ***Артуръ Кеніонъ Роджерсъ***. Краткое введеніе въ исторію новой философіи. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1903 г. Ц. 1 р.

Н. Лосскій. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. Розенталь. Общая физіологія. Введеніе въ изученіе естественныхъ наукъ и медицины. Подъ ред. кн. И. Тарханова. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1903 г. Ц. 3 р.

Д-ръ ***Шарль Летурно***. Біологія. Перев. съ франц. В. Ранцова. Изд. А. Большакова и Д. Голова. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

I. С. Новоплянскій. Наслѣдственность или вѣчное упражненіе. Вильна. 1903 г. Ц. 35 к.

Изданія т-ва И. Д. Сытина: ***Я. Г. Бандалинъ***. Роль опыта въ медицинѣ. Ц. 40 к.—***Его-же***. Борьба науки со старостью. Ц. 30 к. Москва. 1903 г.

Начальный учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ проф. ***В. Н. Львовъ***. Часть II: Безпозвоночныя. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1903 г. Ц. 1 р.

Жизнь животныхъ. ***А. Э. Брэма***. Въ трехъ томахъ. Обработано для юношества подъ ред. А. М. Никольскаго. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1903 г. Ц. 6 р.

Изданія т-ва «Просвѣщеніе»: Большая энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія. подъ ред. С. Н. Южакова. Выпуски 81—113. Цѣна 20 томовъ (200 выпусковъ) въ переплетахъ по 6 руб. за томъ.—Серія соч. по всемірной географіи. Проф. В. Сиверса. Африка. Проф. ***Ф. Гана***. Полный перев. со 2-го изд. Д. А. Коропчевскаго. Выпуски 1—13. Цѣна (15 выпусковъ) 7 р. 50 к.—Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Проф. ***К. Вёрмана***. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. Н. Сомова. Выпуски 2—8. Цѣна (60 выпусковъ) 24 р.—Промышленность и техника. Энциклопедія промышленныхъ знаній. Технологія металловъ. Проф. ***Г. Гедике, Ю. Гоха, Е. Дальгофа, Д. Кастнера, Ф. Лютмера*** и ***Ф. Рело***. Перев. съ IX нѣмецк. изд. подъ ред. проф. А. Н. Митинскаго. Выпуски 52—60.—Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. съ 9-го нѣм. изд. подъ ред. проф. В. Я. Добровлянскаго и А. В. Ключарева. Выпускъ 31.—Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ. Проф. ***М. Гари, Г. Гехта. Э. Крамера*** и ***Лассаръ-Кона*** Перев. съ 9-го нѣм. изд. подъ ред. проф. В. В. Эвальда и А. А. Байкова. Выпускъ 61.—Силы природы и ихъ примѣненія въ промышленности и техникѣ. Проф. ***Грунмахъ*** и инженера ***Розенбоомъ***. Перев. съ IX нѣм. изд. подъ ред. проф. Н. А. Гезехуса. Выпуски 15—20. Цѣна всего сочиненія 60 р.—Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Составлена профессорами-спеціалистами подъ ред. Г. Гельмольта. Перев. подъ ред. проф. В. В. Бартольда и Б. А. Тураева. Выпуски 21—40. Цѣна (80 выпусковъ) 40 р.—Земля и жизнь. Сравнительное землевѣдѣніе. Проф. ***Ф. Ратцеля***. Выпускъ 1. Цѣна (30 выпусковъ) 15 р.—Красота формъ въ природѣ. Проф. ***Э. Геккеля***. Перев. подъ ред. проф. А. С. Догеля. Выпуски 2—10. Цѣна (20 выпусковъ) 20 р.—Иллюстрированный календарь т-ва «Просвѣщеніе» на 1903 г. Ц. 80 к.

Г. Риккертъ. Естествовѣдѣніе и культуровѣдѣніе. Перев. съ нѣм. М. Я. Фитермана. Изд. Е. Д. Кусковой. М. 1903 г. Ц. 25 к.

С. Павловъ. Вулканы и землетрясенія. Изд. т-ва «Общественная польза». Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. Гофманъ. Радій и его лучи. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. И. И. Боргмана. Спб. 1903 г. Ц. 70 к.

Ѳ. Г. Шубинъ. Мой отвѣтъ защитникамъ рутины въ школьной географіи. Спб. 1902 г. Ц. 15 к.

Толковый словарь живого великорусскаго языка. ***Вл. Даля***. Третье изд. т-ва М. О. Вольфъ, подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Вып. I. Подписная цѣна на 4 тома 20 рублей.

Литература и жизнь.

О ликующихъ современникахъ вообще и о «Пѣснѣ гидальго» г. Случевскаго въ частности.—Объ уравненіи: «сильно=морально и хорошо».—Изъ исторіи религіи.—О борьбѣ за индивидуальность и о томъ, что значитъ «придать стиль своему характеру».—«На днѣ» г. Горькаго.

Среди множества хмурыхъ, недовольныхъ, скорбныхъ, озабоченныхъ, озлобленныхъ русскихъ лицъ вы встрѣчаете тамъ и сямъ, иногда цѣлыми гнѣздами, иногда въ одиночку, физіономіи, сіяющія, какъ новый или тщательно вычищенный мѣдный пятакъ. Присматриваясь къ этимъ физіономіямъ и прислушиваясь къ рѣчамъ ихъ обладателей, вы замѣчаете, что они не тѣмъ главнымъ образомъ довольны, не потому такъ празднично сіяютъ, что ихъ семейныя, торговыя, служебныя или еще какія иныя дѣла идутъ хорошо,—такіе всегда были, а я говорю о настоящемъ времени. Это довольство ходомъ своихъ дѣлъ возможно, конечно, и въ данномъ случаѣ, но есть и еще что-то, что радуетъ и ласкаетъ сердце сіяющихъ людей, о которыхъ я говорю, и наводитъ лакъ на ихъ физіономіи, и заставляетъ васъ, глядя на нихъ, чуть не прикрывать глаза рукой, какъ отъ солнца.

Вотъ стихотвореніе г. Случевскаго, напечатанное въ журналѣ „Новый Путь“, подъ заглавіемъ „Пѣсня гидальго“:

Я—художникъ мгновеній!
Я—пѣвецъ настроеній!
Плавность лебедя, ласточки крылья!
Думъ, отвагой блестящихъ,
Вглубь безумья скользящихъ,
Нѣтъ ни въ комъ, какъ во мнѣ, изобилья!
Мнѣ—и жены, и дѣвы...
Не по мнѣ перепѣвы...
Я одинъ въ цѣломъ божьемъ созданьи!
Разумъ мнѣ не по нраву,
Жизнь и смерть мнѣ въ забаву,
Я—въ грядущихъ вѣкахъ и въ преданьи,
Созданъ весь изъ изъятій,
Полнъ молитвъ и проклятій,
Въ сердцѣ—вѣчныя зори, закаты...
Если любишь тревожность,
Обними невозможность
И тогда лишь обнимешь меня ты!

Трудно рѣшить, почему это стихотвореніе называется „пѣсней гидальго“, то есть испанскаго дворянина. Ничего спеціально испанскаго, какъ видитъ читатель, въ немъ нѣтъ, и тѣмъ болѣе, значитъ, не приходится искать разгадки въ общественномъ поло-

женіи гидальго. Во всякомъ случаѣ, тотъ гидальго, которому г. Случевскій вложилъ въ уста эту „пѣсню“, совсѣмъ не похожъ на обыкновеннаго гидальго, но за то очень похожъ на многихъ современныхъ россійскихъ поэтовъ.

Можетъ показаться, что маститый поэтъ,—правда, и прежде склонный къ экстравагантностямъ, но не до такой же степени!—подшутилъ надъ редакціей „Новаго Пути“, или же почтенный журналъ сдѣлался жертвой обмана какого нибудь другого шутника и собственнаго преклоненія передъ именемъ г. Случевскаго. Можетъ, далѣе, показаться, что не все въ этой поэтической самоаттестаціи такъ уже лестно. Иной скажетъ, пожалуй: что же хорошаго въ томъ, что такому великолѣпному поэту „разумъ не по нраву“? Пушкинъ недурной вѣдь былъ поэтъ, а пѣлъ хвалу разуму: „да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!“—Все это можетъ быть и вѣрно, но мало измѣняетъ дѣло. Если приведенное стихотвореніе и шутка, пародія на произведенія современной музы, то пародія удачная; а что Пушкинъ желалъ здравія разуму, а г. Случевскому разумъ не по нраву, такъ это только усугубляетъ типичность стихотворенія или удачность пародіи.

Въ чемъ же, однако, дѣло? Почему такъ гордъ и свѣтелъ поэтъ?

Г. Случевскій, вмѣстѣ со многими другими современниками, открылъ въ себѣ въ одинъ прекрасный день нѣкоторое *я* и пришелъ въ восторгъ. Какъ прапорщикъ, въ первый разъ надѣвшій эполеты, онъ не налюбуется, не наглядится на эту открытую имъ въ себѣ штуку, и кажется ему даже, что онъ „одинъ въ цѣломъ божьемъ созданьи“. Не то, чтобы ужъ такъ въ самомъ дѣлѣ одинъ-одинехонекъ, а кругомъ безбрежная пустыня,—это ужъ очень скучно было бы, да и покрасоваться не передъ кѣмъ. Поэтому въ міровой пустынѣ для него припасены конкурренты, тоже богатые „думами блестящими, въ глубь безумья скользящими“, но только не въ такомъ, какъ онъ, изобиліи; припасены еще жены и дѣвы, чтобы ему было кого заключать въ объятія, хотя онѣ-то его обнять не могутъ, потому что это значило бы „обнять невозможность“...

Фихте праздновалъ, какъ день духовнаго рожденія своего сына, тотъ день, когда сынъ въ первый разъ произнесъ слово *я*. Нѣтъ ничего удивительнаго, если русскій человѣкъ празднуетъ именины сердца, открывъ въ себѣ это *я*. Это вѣдь событіе, въ самомъ дѣлѣ, великой важности, во взросломъ человѣкѣ знаменующее пору настоящей зрѣлости, когда появляются *свои* мысли, *свои* чувства и желанія, *своя* воля. Что несетъ съ собою въ міръ это вылупляющееся *я*,—добро или зло, красоту или безобразіе, истину или ложь,—это вопросъ особый. Оставляя пока въ сторонѣ проистекающія отсюда осложненія, нельзя не признать, что люди, цѣлыя общества людей, цѣлые народы иногда слишкомъ долго

не только дѣйствуютъ, а и мыслятъ, и чувствуютъ по выраженнымъ или не выраженнымъ предписаніямъ со стороны. Г. Случевскій и прочіе ликующіе современники, конечно, и прежде не сомнѣвались въ существованіи своихъ *я*, когда, напримѣръ, клали свое жалованье, гонораръ, проценты съ капитала въ *свой* карманъ, когда представляли какой нибудь документъ въ полицейскій участокъ или контору нотаріуса для засвидѣтельствованія подписи: *я*, такой-то, имя рекъ, и т. п. Но все это только подчеркивало зависимость мѣстоимѣнія личнаго перваго лица единственнаго числа отъ тысячи стороннихъ силъ и условій,--зависимость столь очевидную, что это мѣстоимеліе совершенно въ нихъ тонуло. Всѣ эти документально засвидѣтельствованные имяреки, если и вкусили когда нибудь плодовъ древа познанія добра и зла и оцѣнили ихъ каждый *по своему*, то познаніе либо такъ и осталось познаніемъ, ничѣмъ не отражаясь въ жизни, либо и совсѣмъ, безслѣдно затерлось сторонними силами; и люди мыслили, чувствовали, дѣйствовали, вообще жили ради себя, но *какъ всѣ*. Поэтому г. Случевскій и ликующіе съ нимъ современники имѣютъ полное право праздновать моментъ пробужденія въ нихъ личнаго мѣстоименія перваго лица единственнаго числа. Да, великій это моментъ сознанія своего личнаго достоинства и личной отвѣтственности передъ этимъ достоинствомъ. И можно бы было снисходительно отнестись къ нѣкоторымъ преувеличеніямъ г. Случевскаго, къ тому слишкомъ ужъ цвѣтному и яркому одѣянію, въ которомъ онъ предъ нами является,—дѣло праздничное. Но, независимо отъ этой кричащей яркости костюма, въ стихотвореніи есть и еще кое-что, мѣшающее намъ радоваться радованію поэта и вмѣстѣ съ нимъ праздновать именины его сердца.

„Я—художникъ мгновеній! я—пѣвецъ настроеній“!—рекомендуетъ себя авторъ стихотворенія. Слѣдовательно, минетъ мгновеніе, явится у поэта новое настроеніе, и сброситъ онъ свой цвѣтной нарядъ, надѣнетъ вицъ-мундиръ подлежащаго вѣдомства и пойдетъ себѣ потихоньку въ канцелярію, либо въ халатъ облачится, и опадетъ великолѣпно раздувшееся *я*, какъ проколотый пузырь... Очень вѣдь ненадежно все, что опредѣляется настроеніемъ и мгновеніемъ, и мы этихъ проколотыхъ пузырей насмотрѣлись въ послѣднее время досыта. Совсѣмъ еще недавно у насъ было очень распространено, грозя даже всю такъ называемую интеллигенцію захватить, настроеніе, прямо противоположное тому, которое лежитъ въ корнѣ стихотворенія г. Случевскаго. Это былъ моментъ не рожденія или пробужденія нашего *я*, а, напротивъ, его похоронъ, сопровождавшихся, однако, тоже ликованіемъ. „Личность есть quantité négligeable“, *своихъ* мыслей и чувствъ ни у кого нѣтъ и быть не можетъ—мыслитъ и чувствуетъ группа, а не какое бы то ни было *я*, *свои* дѣйствія тоже немыслимы, ибо всѣ мы находимся во власти безличнаго, но всемо-

гущаго процесса развитія экономической сущности исторіи. Таковы въ общихъ чертахъ вдохновлявшія насъ недавно идеи, а такъ какъ мы при этомъ твердо знали, что историческій процессъ ведетъ къ правдѣ, добру и свѣту, то хотя и облекали наши *я* въ саваны, готовя ихъ въ страну небытія, но въ то же время ликовали... Таково было настроеніе и длилось оно, исторически говоря, одно мгновеніе...

„Не по мнѣ перепѣвы... Я одинъ въ цѣломъ божьемъ созданьи"!—восклицаетъ далѣе г. Случевскій. Это онъ, увы! неправду восклицаетъ, точно такъ же, какъ и заявляя, что онъ „созданъ весь изъ изъятій". Что особенно поражаетъ въ ликующихъ современникахъ, такъ это совершенное отсутствіе оригинальности, на которую, однако, они именно и бьютъ. Стоитъ только гдѣ нибудь въ западной Европѣ раздаться сильному, властному голосу, какъ у насъ его послѣднія слова или даже только послѣдніе слоги послѣдняго слова повторитъ тысячекратное послушное эхо, постепенно замирая вдали: экономическій фундаментъ... экономическій фундаментъ... идеологическія надстройки на экономическомъ фундаментѣ... Или: сверхъ-человѣкъ... сверхъ-человѣкъ... переоцѣнка... переоцѣнка всѣхъ цѣнностей... по ту сторону добра и зла... по ту сторону... Конечно, это и въ западной Европѣ даже слишкомъ часто случается: овца, будь она мериносъ или наша романовская, рѣшетиловская—все равно овца. Но въ Европѣ для овечьихъ умовъ и душъ есть всегда достаточно центровъ притяженія, чтобы они не грудились всѣ въ одну кучу.

Какъ-бы то ни было, г. Случевскій, вопреки аттестату, выданному имъ самому себѣ, занимается именно перепѣвами. Казалось бы, какъ оригинально это „я одинъ въ цѣломъ божьемъ созданьи"! Вѣдь это выдумать надо! Но г. Өедоръ Сологубъ раньше г. Случевскаго пѣлъ:

Если бъ хотѣлъ я любить,
Если бы могъ я желать,—
Въ мірѣ кого полюбить,
Въ жизни чего пожелать?
Только Отецъ мой да я,
Больше и нѣтъ никого.

И г. Балтрушайтисъ раньше г. Случевскаго обращался къ какому-то своему другу со словами:

Тебѣ я грезами сродни,
И *въ цѣломъ мірѣ мы одни*!
Мы—вся нарядность бытія,
Насъ въ мірѣ двое: ты да я.

Г-жа Гиппіусъ давно уже „любитъ себя, какъ Бога", г. Бальмонтъ объявилъ: „Высшимъ знакомъ я отмѣченъ". И т. д., и т. д.

Это ликующее настроеніе, европейскіе источники котораго

слишкомъ ясны, — что бы ни говорилъ г. Мережковскій о самобытности русской помѣси ничшеанства съ декадентствомъ, — не есть солипсизмъ или иное какое рѣзкое противопоставленіе индивидуальнаго *я* безбрежному *не я.* Упомянутые господа поэты, равно какъ и многіе современные прозаики и многіе современники вообще, признаютъ за своими *я* только „нарядность бытія", именно въ этомъ отношеніи они единственны. Иначе говоря, они усмотрѣли въ своемъ *я* все наилучшее, всѣ достоинства человѣка.

И читатель не долженъ удивляться, что въ числѣ этихъ достоинствъ нѣтъ разума, а есть, напротивъ, „глубь безумья". Было время, когда разумъ составлялъ нашу гордость, и Линней выдѣлилъ человѣка изъ всего животнаго міра хвастливой кличкой Homo sapiens. Нынѣ, когда современники стремятся занять позицію „по ту сторону добра и зла" и произвести „переоцѣнку всѣхъ цѣнностей", разумъ естественно долженъ былъ утратить свое недавнее значеніе. Польскій представитель помѣси ничшеанства съ декадентствомъ, Пшибышевскій даетъ своему роману заглавіе „Homo sapiens", очевидно, чисто иронически, такъ какъ герой романа руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно неразумными мотивами, а гидальго г. Случевскаго прямо объявляетъ, что разумъ ему „не по нраву". Двоякого рода недовольство вызываетъ въ настоящее время этотъ былой кумиръ. Одни недовольны тѣмъ, что, ограниченный условіями человѣческой природы, разумъ не въ силахъ раскрыть послѣднія тайны бытія,—эти, отметая разумъ, ищутъ новыхъ путей въ недоступный ему „по-ту-сторонній", сверхчувственный міръ, они готовы сказать вмѣстѣ съ Платономъ, что боги даруютъ мантику лишь человѣку, лишенному разума. Другіе протестуютъ противъ стѣсненій, налагаемыхъ разумомъ на наши инстинктивныя побужденія, которыя, по ихъ предположенію, будучи освобождены отъ гнета разума, должны дать роскошные цвѣты и плоды. Я не знаю, съ какой изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія разумъ не по нраву г. Случевскому (возможно и соединеніе ихъ), но меня будутъ занимать протестанты второго рода.

Они исходятъ изъ Ничше, изъ чего, однако, отнюдь не слѣдуетъ, что несчастный нѣмецкій мыслитель отвѣтственъ за всѣ тѣ глупости, а подчасъ и мерзости, которыя говорятся, пишутся и совершаются во имя его. Г. Невѣдомскій въ предисловіи къ русскому переводу книги Лихтенберже „Философія Ничше" справедливо замѣчаетъ, что Ничше ни отъ кого такъ не открещивался, какъ отъ „сопредѣльныхъ" съ нимъ, такъ сказать, „имморалистовъ"; хотя, надо правду сказать, Ничше не мало и самъ подалъ поводовъ для безобразныхъ выводовъ и толкованій его идей. „Ничше со своимъ „молотомъ"—говоритъ г. Невѣдомскій—очень часто высказывался въ томъ смыслѣ, что распутная сила негодяя привлекательнѣе и выше сократовской посредственности.

Именно этотъ эксцессъ пришелся по вкусу нѣкоторымъ нашимъ „ничшеанцамъ“ или вообще „новымъ людямъ“: у г-жи Гиппіусъ одна героиня, чтобы сдѣлать что-нибудь „сильное“, несетъ грудного ребенка по лѣстницѣ и вдругъ—хлопсъ! кидаетъ его о каменныя ступени“.

Это, конечно, не чрезвычайно умно, но г-жа Гиппіусъ сыграла въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, только роль enfant terrible. Любопытно, что приведенныя слова г. Невѣдомскаго помѣщены въ подстрочномъ примѣчаніи къ слѣдующему мѣсту текста: „Можно не присоединяться къ эксцессамъ Ницше; можно не отдавать, напримѣръ, предпочтенія распутной силѣ какого-нибудь Цезаря Борджіа передъ благонамѣренной, но слабосильной посредственностью „Сократовскаго“ типа (Хотя, оставляя въ сторонѣ личныя симпатіи и моральную оцѣнку, — еще большой вопросъ: кто изъ этихъ двухъ типовъ фактически вреднѣе для жизни? Для насъ это даже не вопросъ: мы присоединяемся къ рѣшенію Ницше)“.— Обратите вниманіе, сколько недоразумѣній въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ. Во первыхъ, сужденіе Ницше о „распутной силѣ“ Цезаря Борджіа есть „эксцессъ“, иначе говоря, Ницше въ этомъ случаѣ, по мнѣнію г. Невѣдомскаго, хватилъ черезъ край,—и, однако, г. Невѣдомскій присоединяется къ рѣшенію Ницше. Во-вторыхъ, Ницше очень отрицательно относится къ Сократу, но та огромная роль, которую онъ отводитъ ему въ исторіи, никоимъ образомъ не вяжется съ слабосильною посредственностью: Сократъ, говоря словами Ницше, наложилъ отпечатокъ своей руки на цѣлые вѣка,—и это, казалось бы, можетъ до извѣстной степени оградить его отъ великолѣпнаго презрѣнія г. Невѣдомскаго. А то—такой маленькій Сократъ и такой большой г. Невѣдомскій,—это даже не смѣшно. Въ-третьихъ, г. Невѣдомскій отдѣляетъ „моральную оцѣнку“ отъ оцѣнки съ точки зрѣнія „вреда для жизни“, тогда какъ для Ницше эти двѣ точки зрѣнія совпадали. Но для насъ здѣсь особенно интересно первое недоразумѣніе, въ связи съ критическимъ замѣчаніемъ г. Невѣдомскаго о какомъ-то беллетристическомъ произведеніи г-жи Гиппіусъ: „эксцессъ“ Ницше насчетъ „распутной силы“ „пришелся по вкусу нѣкоторымъ нашимъ „ничшеанцамъ“ или вообще „новымъ людямъ“, и г. Невѣдомскій этого не одобряетъ, но тотъ же самый эксцессъ и ему самому приходится по вкусу...

Съ легкой руки Ницше, слова „сила“, „сильный“ и проч. производятъ на современниковъ одурманивающее впечатлѣніе, и подъ вліяніемъ этого дурмана теряютъ значеніе тѣ разнообразныя опредѣленія, дополненія, обстоятельства мѣста, времени и образа дѣйствія, которыхъ эти слова требуютъ и безъ которыхъ они, сами по себѣ, не заслуживаютъ ни плюса, ни минуса. Желая устроиться „по ту сторону добра и зла“, эти одурманенные

люди въ дѣйствительности просто замѣняютъ добро силой и зло слабостью. Пусть это—переоцѣнка моральныхъ цѣнностей, но во всякомъ случаѣ не переправа на ту сторону добра и зла. А какъ терминологія, эта замѣна ведетъ только къ вящшей путаницѣ.

Въ разсказѣ г. Горькаго (котораго г. Невѣдомскій называетъ „самородкомъ ничшеанцемъ") „Ошибка" нѣкто Ярославцевъ, находящійся наканунѣ психическаго разстройства, приходитъ къ той мысли, что „жалость и жестокость — два совершенно однородныхъ слова, синонимы по смыслу". Въ подтвержденіе онъ припоминаетъ слѣдующую когда-то видѣнную имъ сцену. Телка упала въ оврагъ и сломала себѣ переднія ноги. Народъ сбѣжался и съ любопытствомъ смотрѣлъ на мученія бѣднаго животнаго и слушалъ его стоны. Но вотъ появляется кузнецъ Матвѣй съ тяжелой полосой желѣза въ рукахъ. Обругавъ любопытствующихъ зрителей, онъ ударилъ телку своей желѣзиной по головѣ и тѣмъ разомъ положилъ конецъ ея мученіямъ, а затѣмъ спокойно ушелъ. Ярославцевъ размышляетъ: „Вотъ онъ какъ жалѣлъ, этотъ Матвѣй! Можетъ быть, онъ такъ же бы поступилъ и съ человѣкомъ, безнадежно больнымъ. Морально это или не морально? *Во всякомъ случаѣ это сильно, прежде всего сильно, и потому оно морально и хорошо*" *).

Случай, вспомнившійся Ярославцеву, не представляетъ собою чего нибудь рѣзко исключительнаго. Лошадей, поврежденныхъ на скачкахъ, собакъ, пораненныхъ нечаянно на охотѣ, для прекращенія мученій, обыкновенно пристрѣливаютъ, а ветеринарамъ поступокъ кузнеца Матвѣя даже слишкомъ понятенъ. Обобщать эти случаи въ уравненіе жалость = жестокость значитъ совершать чисто словесный фокусъ, ибо обобщеніемъ этимъ устраняется множество случаевъ безжалостной жестокости и безпримѣсной жалости. Далѣе, какъ бы ни поступилъ кузнецъ Матвѣй съ безнадежно больнымъ человѣкомъ, но если бы онъ по злобѣ, коры-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что послѣднихъ, подчеркнутыхъ мною словъ нѣтъ въ новомъ (1903 г.) изданіи разсказовъ г. Горькаго. И это, повидимому, далеко не единственныя строки, вычеркнутыя авторомъ. Я не имѣю ни времени, ни терпѣнія сравнивать все новое изданіе съ прежними, но нѣкоторые пропуски сами бросились мнѣ въ глаза. Такъ, въ разсказѣ «Коноваловъ» авторъ уничтожилъ слѣдующее разсужденіе: «Каждый человѣкъ, боровшійся съ жизнью, побѣжденный ею и страдающій въ безжалостномъ плѣну ея грязи, болѣе философъ, чѣмъ Шопенгауеръ, потому что отвлеченная мысль никогда не выльется въ такую точную и образную форму, въ какую выльется мысль, непосредственно выдавленная изъ человѣка страданіемъ». Подобныя выкидки свидѣтельствуютъ, мнѣ кажется, о совершающемся въ г. Горькомъ переломѣ. Устраненіе уравненія: «сильно=морально и хорошо»—особенно тѣмъ интересно, что вѣдь это говоритъ человѣкъ наканунѣ сумасшествія, которому, слѣдовательно, можно бы было предоставить свободу говорить разныя несообразности. Очевидно, уравненіе представляло хотя отчасти собственную мысль автора, отъ которой онъ нынѣ отказался.

сти или просто ни съ того, ни сего, хватилъ своей желѣзиной, ну хоть автора „Ошибки“, передъ которымъ цѣлая цвѣтущая будущность, то это было бы также сильно, но едва-ли кто-нибудь назвалъ бы этотъ поступокъ „моральнымъ“...

У г. Горькаго есть страшная страничка съ натуры, озаглавленная „Выводъ“: мужикъ наказываетъ жену за измѣну, наказываетъ безжалостно, всенародно и ко всеобщему удовольствію публики, ибо таковъ мѣстный (въ Херсонской губ.) обычай. Истязающій жену мужикъ опирается на двоякую силу: свою физическую силу и силу общественнаго мнѣнія, съ точки зрѣнія котораго такая расправа морально правильна, но авторъ разсказываетъ о ней съ негодованіемъ: съ его точки зрѣнія это сильно, но не морально. Есть у г. Горькаго еще страшный разсказъ „Васька Красный“. Герой разсказа—служитель въ публичномъ домѣ и палачъ провинившихся въ чемъ-нибудь его обитательницъ. Въ рукахъ этого звѣря сила физическая, сила, такъ сказать, административная, врученная ему хозяйкой публичнаго дома, и, наконецъ, таинственная сила престижа, такъ какъ дѣвицы трепещутъ при одномъ его имени. И пользуется же этой тройной силой Васька Красный! Но есть маленькая разница между его поведеніемъ и поступкомъ кузнеца Матвѣя: одинъ мучаетъ, другой прекращаетъ мученія...

Казалось бы, это такъ элементарно просто, что даже говорить неловко. Но такова сила дурмана словъ...

„Хорошо только то, что сильно,—говоритъ и г. Невѣдомскій,—сильнымъ же можетъ быть лишь то, что самопроизвольно, свободно, что является результатомъ свободной дѣятельности *инстинктовъ* и потребностей“. Покойный Гуковскій въ книгѣ „Новыя вѣянія и настроенія“, о которой я недавно бесѣдовалъ съ читателемъ, писалъ: „Сила здороваго человѣка въ его любви къ жизни, въ его *инстинктивномъ* стремленіи къ счастію, къ свободѣ. Такой человѣкъ всегда смѣетъ, всегда имѣетъ силу поступать такъ, какъ ему хочется, сообразно своимъ *инстинктамъ* и стремленіямъ. Мы должны возвратиться назадъ, къ природѣ, къ *инстинктамъ*, стать естественными, болѣе твердыми и жестокими“.

Такія рѣчи вы можете нынѣ услышать очень часто, равно, какъ и слѣдующія: г. Невѣдомскій негодуетъ на „современную (до Ничше) мораль за то, что во главѣ угла она всегда ставила и ставитъ не начало свободы и права, чести и достоинства личности, а начало обязанности, долга и совѣсти“. Или Гуковскій: „Современный (уже Ничшевскій) человѣкъ стремится къ свободѣ, и поэтому онъ не хочетъ знать такихъ словъ, какъ долгъ, обязанности, жертва, слова эти кажутся ему ненужными, устарѣвшими, и онъ хочетъ освободиться отъ нихъ. Словъ этихъ не можетъ признавать свободный человѣкъ, такъ какъ служеніе долгу

несовмѣстимо съ свободой, уничтожаетъ послѣднюю. Утрачивая, однако, вѣру въ значеніе этихъ словъ, мы этимъ самымъ устраняемъ и прописную мораль съ ея шаблоннымъ различіемъ между добромъ и зломъ, между хорошимъ и дурнымъ... Каждый настоящій человѣкъ идетъ свободно и гордо своей дорогой, не зная внутренней борьбы, никому, ни во имя чего не принося жертвъ, не зная долга и обязанностей"...

Прежде, чѣмъ идти дальше, позволю себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Что между людьми, именующими себя послѣдователями Ницше, есть настоящіе негодяи, это несомнѣнно; но въ большинствѣ, и въ особенности среди русскихъ ницшеанцевъ, это чистые словесники. Въ какой мѣрѣ отвѣтственъ за эту словесность самъ Ницше,—этого вопроса я лишь отчасти коснусь ниже; во всякомъ случаѣ, большинство нашихъ ницшеанцевъ, я увѣренъ, никакому обвиненію въ „имморализмѣ" на дѣлѣ не подлежатъ. Ихъ словесность есть словесность, и только. Это своего рода лицемѣріе на выворотъ. Эти неистовые враги „добра", отрицающіе совѣсть, проповѣдующіе „священную жестокость" и проч., и проч., суть овцы, одѣтыя въ модную волчью шкуру. И если кое-кто изъ нихъ, можетъ быть, и обдѣлываетъ свои маленькія дѣлишки, опираясь и ссылаясь на *новые* принципы, то дѣлалъ бы то же самое и приспособляясь къ изгибамъ ходячей морали.

Выше, въ началѣ статьи было сказано, что моментъ пробужденія личнаго мѣстоименія перваго лица есть моментъ сознанія своего личнаго достоинства и личной отвѣтственности передъ этимъ достоинствомъ. Современники, какъ видитъ читатель, высоко ставя достоинство своего *я*, не желаютъ обременять его отвѣтственностью, ибо долгъ, совѣсть, обязанность—все вѣдь это формы отвѣтственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ разумъ имъ „не по нраву", они (напоминаю, въ теоріи, словесно) отдаются на волю своихъ инстинктовъ и настроеній, что, конечно, очень удобно. Отсюда празднованіе именинъ сердца по случаю открытія личнаго мѣстоименія перваго лица единственнаго числа: открыта собственно безотвѣтственность инстинктовъ каждаго *я*, вслѣдствіе чего оно и кажется столь нарядпымъ и единственнымъ „въ цѣломъ Божьемъ созданьи"... Передъ кѣмъ или передъ чѣмъ можетъ быть отвѣтственъ единственный въ мірѣ человѣкъ?

Г. Невѣдомскій (все въ томъ же предисловіи къ книгѣ Лихтенберже) очень недоволенъ слѣдующими моими словами: „Нравственность безспорно начинается съ того момента, когда человѣкъ надѣваетъ на свое *я* какую бы то ни было узду, когда онъ соглашается поступиться чѣмъ-нибудь изъ своихъ желаній во имя чего-нибудь, признаваемаго имъ высшимъ, святымъ, неприкосновеннымъ: до этого момента мы имѣемъ только нравы". („Литературныя воспоминанія и современная смута", II, 390).

Поставивъ меня рядомъ съ Кантомъ, а мою „узду" съ его категорическимъ императивомъ (и присоединивъ затѣмъ, какъ сейчасъ увидимъ, еще Сократа,—компанія вообще недурная), г. Невѣдомскій предается разнымъ сарказмамъ на тему объ „уздѣ", „тугой уздѣ", „недоуздкѣ" и проч. Слѣдить за всѣми этими его игривостями я не буду, но кое-что изъ нихъ привести надо. Между прочимъ, г. Невѣдомскій говоритъ: „Ницше про обоихъ (т. е. про Канта и меня) сказалъ бы, что они аскеты, можетъ быть, пустилъ бы въ обоихъ „декадентомъ" и напомнилъ бы, что онъ не одинъ разъ предупреждалъ насъ, что и священникъ, и философъ-моралистъ, и демократъ (хотя бы послѣдній былъ авторомъ „Борьбы за индивидуальность")—что все это одно и то же, жизненные „синонимы". И развѣ онъ былъ бы ужъ такъ совершенно неправъ? Почему бы въ самомъ дѣлѣ Н. К. Михайловскому не сказать такъ: „нравственность начинается тамъ, гдѣ начинаются безкорыстныя, альтруистическія побужденія" (ужъ если обязателенъ альтруизмъ)?"

Почему бы мнѣ не сказать такъ, какъ подсказываетъ г. Невѣдомскій? Да просто потому, что я такъ не думаю. Я имѣлъ въ виду общую формулу нравственности, а потому и говорилъ о *какой бы то ни было* уздѣ, о *какомъ-нибудь* желаніи, о *чемъ-нибудь* признаваемомъ высшимъ и святымъ. Въ эти общія и съ виду неопредѣленныя рамки могутъ входить и альтруистическія побужденія, но эти же рамки вмѣщаютъ въ себѣ и діаметрально-противоположное содержаніе, въ томъ числѣ и мораль Ницше.

Хотя Ницше и утверждалъ, что современное человѣчество черезчуръ сердобольно относится къ слабымъ и неудачникамъ, къ которымъ, дескать, слѣдуетъ, наоборотъ, относиться съ „священною жестокостью", но вѣдь это по малой мѣрѣ не совсѣмъ вѣрно. На нашихъ глазахъ англичане отнюдь не сердобольно расправились съ слабыми и неудачливыми бурами, равно какъ европейцы съ китайцами, да и тѣ, въ свою очередь, когда могли, охулки на руки не клали. А въ современной частной жизни съ ея бѣшеной конкурренціей и съ ея общимъ укладомъ, въ которомъ на каждомъ шагу „сила солому ломитъ", такихъ примѣровъ не оберешься. Вообще на недостатокъ жестокости въ современномъ обществѣ жаловаться трудно. И если г. Невѣдомскій не испыталъ на себѣ жестокости какой-нибудь „силы" и самъ лично, вольно или невольно, не причастенъ къ таковой, то его можно поздравить, какъ довольно рѣдкое исключеніе. Таковы современные нравы, отнюдь не согласующіеся съ современною, такъ сказать, оффиціально признанною нравственностью. Эта нравственность можетъ восторжествовать надъ нравами лишь подъ условіемъ „узды" для современныхъ аппетитовъ (кто и во имя чего можетъ наложить узду,—это вопросъ особый, котораго мы коснемся ниже). Но и мораль Ницше—ибо она у него есть, и онъ лишь по не-

доразумѣнію называетъ себя имморалистомъ—несетъ съ собою узду. И съ общей принципіальной точки зрѣнія разница между его моралью и моралью „современною“ совсѣмъ не такъ рѣзка, какъ это кажется г. Невѣдомскому, когда онъ говоритъ: „Тутъ надо выбирать: либо „разсчетливый“ Сократъ съ уродливымъ тѣломъ, искусно задрапированнымъ въ складки бѣлаго хитона, и съ „уздой“ Н. К. Михайловскаго въ рукѣ; либо не только уздой, но и одеждой тяготящійся, божественно нагой, божественно свободный „расточитель“ Діонисъ“.

Какъ поэтическое произведеніе, эта группа символовъ можетъ быть и превосходна (сомнѣваюсь, впрочемъ), но за то въ другихъ отношеніяхъ она, надо правду сказать, никуда не годится. Діонисъ былъ богъ и потому, какъ выражается одинъ изъ мужиковъ въ „Плодахъ просвѣщенія“, ему „клеймать позволялъ“ ходить нагишомъ; а изъ нашихъ смертныхъ современниковъ даже Ѳедоръ Карамазовъ, не смотря на все свое безстыдство, просилъ не подстрекать его показываться „въ натуральномъ видѣ“. И, во всякомъ случаѣ, выбирать надо не между уздой и божественной наготой, а между той или другой уздой.

Діонисъ есть „богъ инстинкта“, по опредѣленію г. Невѣдомскаго, а Ницше служитель этого бога инстинкта.. И г. Невѣдомскій, вдохновляемый имъ, требуетъ свободы всѣхъ инстинктовъ и превознесенія ихъ надъ идеей долга, во имя котораго будто бы вся современная мораль отрицаетъ инстинкты и подлинныя человѣческія чувства, надѣваетъ на нихъ „узду“ или, по малой мѣрѣ, „недоуздокъ“.

Припомнимъ же нѣкоторыя изъ изреченій Ницше.

„Все человѣчество *должно* неустанно работать надъ тѣмъ, чтобы воспитать нѣсколько великихъ личностей, это его задача и другой задачи у него нѣтъ“.—„Горести влачащихъ тяжелое существованіе тружениковъ *должны* еще возрости, чтобы дать возможность небольшому числу людей-олимпійцевъ создать прекрасный міръ искусства“.—„Мы можемъ сравнить торжествующую культуру съ побѣдителемъ во время тріумфальнаго шествія, который, весь въ крови своихъ жертвъ, тащитъ въ рабство за своей колесницей толпу привязанныхъ къ ней побѣжденныхъ“.—„Слабые и неудачники *должны* погибнуть,—это первое положеніе нашей любви къ человѣку, и *надо* еще помогать ихъ гибели“.—„Умѣть страдать—это еще немного: въ этомъ искусствѣ доходятъ подчасъ до настоящаго мастерства слабыя женщины и даже рабы. Но не гибнуть отъ глубокой тоски и неувѣренности въ себѣ въ то время, когда причиняешь великую боль и слышишь крики этой боли,—вотъ великое, вотъ область великаго“.

Читатель, даже только по наслышкѣ знакомый съ писаніями Ницше, знаетъ, что я еще долго могъ бы приводить изъ нихъ цитаты этого рода. Но для моей ближайшей цѣли достаточно и

этого, и я приведу еще только одинъ изъ комментаріевъ г. Невѣдомскаго: „Сверхъ-человѣкъ, по ученію Заратустры, *долженъ* воспитать въ себѣ настолько „надежную и долгую“ волю, чтобы умѣть весело смѣяться и отдаваться беззаботной радости ребенка наперекоръ обстоятельствамъ, даже наперекоръ судьбѣ“.

Я не касаюсь здѣсь вопроса о томъ, вѣрны или невѣрны приведенные взгляды Ничше. Я только утверждаю, что всѣ эти „долженъ“, „должно“, „надо“, „должны“ налагаютъ на человѣка „узду“, при томъ очень „тугую“. Г. Невѣдомскому не нравится это слово, и я предоставляю ему выбрать другое, лишь бы это было только слово, не измѣняющее мысли. Прежде всего ясно, что Ничше хочетъ въ сильныхъ людяхъ или „господахъ“, какъ онъ ихъ называетъ, обуздать, подавить чувство состраданія или жалости къ слабымъ и неудачникамъ, къ „влачащимъ тяжелое существованіе труженикамъ“, къ тѣмъ, кому „причиняется великая боль“. И Ничше разсказалъ намъ, чего стоило Заратустрѣ обуздать свое чувство состраданія (эпизодъ съ „самымъ уродливымъ изъ людей“). Затѣмъ, по Ничше, сильный человѣкъ долженъ обуздать, подавить въ себѣ весь тотъ комплексъ инстинктовъ и чувствъ, который мѣшаетъ людямъ „весело смѣяться и отдаваться беззаботной радости ребенка наперекоръ обстоятельствамъ и даже судьбѣ“. Это предписанія для сильныхъ, господъ, ну, а о слабыхъ или „рабахъ“ и говорить нечего. Всѣ эти „влачащіе тяжелое существованіе труженики“ должны обуздать въ себѣ чувства зависти, мести, скорби, негодованія, пожалуй, даже ощущенія голода и холода, дабы на ихъ счетъ росла и цвѣла горсть „людей-олимпійцевъ“. Пусть все это дѣйствительно такъ и должно быть, но вѣдь это всетаки *долгъ*, „узда“. Наконецъ, самъ г. Невѣдомскій цитируетъ слѣдующее мѣсто изъ „Götzendämmerung“: „Всякая натуралистическая мораль, т. е. всякая здоровая мораль служитъ жизненному инстинкту: каждое велѣніе жизни исполняется ею въ видѣ созданія соотвѣтствующаго правила (канона) о „должномъ“ и „недолжномъ“, а всякое препятствіе и все враждебное жизни отстраняется при этомъ съ пути жизни. Наоборотъ, противоестественная мораль, т. е. почти вся мораль, какая до сихъ поръ преподавалась, почиталась и проповѣдывалась, идетъ наперекоръ жизненнымъ инстинктамъ,—она, то въ скрытомъ видѣ, то открыто и дерзко, произноситъ осужденіе инстинкту“.

Такимъ образомъ, и „натуралистическая“ мораль, которой держится Ничше, и „противоестественная“, которую онъ отрицаетъ,—обѣ имѣютъ свои „каноны“, свои „должно“ и „не должно“. „Противоестественная“ мораль стремится наложить узду на „жизненные инстинкты“, и это сочетаніе словъ Ничше часто замѣняетъ однимъ словомъ „инстинкты“. Въ дѣйствительности же онъ знаетъ и не-жизненные и подлежащіе съ его точки зрѣнія обузданію инстинкты. Таковы именно „рабскіе“ или „стадные“

инстинкты (къ числу ихъ онъ относитъ, между прочимъ, и сострадание), противъ которыхъ онъ постоянно мечетъ громы и молніи.

Здѣсь кстати будетъ припомнить одинъ разсказъ Геродота. Однажды скифы на долго задержались въ далекомъ военномъ походѣ Оставшіеся дома рабы ихъ воспользовались ихъ отсутствіемъ, захватили въ свои руки власть, поженились на скифскихъ женахъ, народили дѣтей, которые выросли уже свободными людьми, и когда скифы вернулись, эта молодежь не хотѣла имъ повиноваться. Скифы стали хлопать бичами,—обычнымъ орудіемъ наказанія рабовъ, и этого было достаточно, чтобы рабскіе инстинкты проснулись въ дѣтяхъ рабовъ... Какъ бы ни было велико наше довѣріе къ природѣ человѣка и къ его природнымъ инстинктамъ, слѣдуетъ помнить, что „натуральнаго“ человѣка нигдѣ нѣтъ, ибо общественныя отношенія наложили на него свои разнообразныя печати и привили ему соотвѣтственные инстинкты очень различной цѣнности.

Достойно вниманія, что, воздавъ хвалу „любимому противоположенію Ницше природы — человѣку, Діониса — Сократу“, г. Невѣдомскій замѣчаетъ: „Но, конечно, строгой философской оцѣнки это противоположеніе не выдерживаетъ: гдѣ кончается „природа“ и инстинктъ и гдѣ начинается „искусственно приспособленный къ обществу“ человѣкъ? Куда, напримѣръ, въ какую изъ противоположныхъ категорій отнести перешедшіе уже на степень инстинктовъ соціальные навыки?—все это вопросы не легко разрѣшимые“. Ну, а трудно разрѣшимые вопросы г. Невѣдомскій предпочитаетъ оставлять нерѣшенными. И пока онъ занимаетъ эту небезвыгодную позицію, я могу повторить свою формулу нравственности: она начинается тамъ, гдѣ человѣкъ надѣваетъ на себя какую бы то ни было узду, соглашается поступаться чѣмъ нибудь изъ своихъ желаній во имя чего нибудь высшаго, святого; до этого момента мы имѣемъ только нравы. А кончится нравственность въ томъ идеальномъ, пожалуй, божественномъ мірѣ мечты, гдѣ человѣку не придется отказываться ни отъ одного изъ своихъ желаній, и гдѣ поэтому Діонисъ можетъ ходить нагишомъ...

Но кто и во имя чего можетъ наложить узду нравственности? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы должны сдѣлать большое отступленіе.

Въ прибавленіи ко второму тому знаменитыхъ „Soirées de Saint-Pétersbourg“, озаглавленномъ „Eclaircissement sur les sacrifices“, Жозефъ де-Местръ съ негодованіемъ возстаетъ противъ извѣстнаго изреченія: primus in orbe deos fecit timor. Не страхъ,—говоритъ онъ,—а, напротивъ, радость бытія породила религію и составляетъ основу ея. Тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ онъ со

свойственнымъ ему капризнымъ произволомъ мысли,—люди всегда были увѣрены въ той „страшной истинѣ, что они живутъ подъ рукой нѣкоторой гнѣвной силы, которая можетъ быть умилостивлена только жертвами". Согласно вѣрованіямъ, проходящимъ красною нитью черезъ всю исторію человѣчества отъ первобытной древности до нашихъ дней, боги добры, и за все благое, что мы имѣемъ въ жизни, мы должны быть имъ благодарны, но боги вмѣстѣ съ тѣмъ справедливы, а люди виновны, грѣшны, и должны умилостивлять боговъ и искупать свои вины. Грѣхъ коренится въ самой природѣ человѣка, именно „въ *чувственномъ началѣ* (le principe sensible), въ *жизни*, наконецъ, въ *душѣ* (l'âme), которую древніе такъ тщательно отличали отъ *духа* (l'esprit), или разума (l'intelligence)". Древніе не могли себѣ представить какую-нибудь прямую связь между духомъ и тѣломъ, такъ что душа была для нихъ нѣкоторою посредствующею силою, въ которой коренится духъ, какъ сама она коренится въ тѣлѣ. Подборомъ цитатъ изъ Иліады и Одиссеи Местръ доказываетъ, что въ случаяхъ твердыхъ рѣшеній боги и герои Греціи постановляютъ эти рѣшенія въ „разумѣ" своемъ, тогда какъ въ иныхъ случаяхъ боги и герои колеблятся, и затѣмъ происходитъ уже совмѣстное рѣшеніе „души и разума". Въ первомъ случаѣ они „едины", во второмъ—какъ бы раздвоены. Что хотятъ сказать словами: такой-то побѣдилъ, пересилилъ себя? Это значитъ, что человѣкъ можетъ быть и сильнѣе, и слабѣе самого себя, другими словами: въ немъ заключены какъ бы два существа. „Если бы человѣкъ былъ единъ,—говорилъ Гиппократъ,—онъ никогда бы не болѣлъ, потому что нельзя найти причину болѣзни въ единомъ". Двойственность человѣка такъ очевидна, что, какъ замѣчаетъ Паскаль, нѣкоторые предполагали существованіе въ человѣкѣ двухъ душъ, ибо не могли себѣ представить, чтобы единое существо было способно къ такимъ единовременнымъ противорѣчіямъ, какія мы наблюдаемъ въ человѣкѣ. Въ немъ происходитъ постоянная борьба между двумя различными, болѣе или менѣе самостоятельными началами. Местръ называетъ ихъ то „двумя душами", то „тѣломъ и духомъ", то „разумомъ и страстями", то „тѣло" замѣняется у него „органами животныхъ функцій", или „жизнью", или, наконецъ, „кровью". Какъ бы то ни было, для него этою именно двойственностью природы человѣка объясняется постоянно наблюдаемая нами внутренняя борьба побужденій въ человѣческой жизни; благодаря ей, человѣкъ можетъ одновременно тяготѣть къ добру и злу, любить и ненавидѣть одинъ и тотъ же предметъ, одновременно испытывать страданіе и наслажденіе, заразъ хотѣть и не хотѣть чего нибудь, и т. д. Древніе египтяне, передъ бальзамированіемъ трупа, вынувъ изъ него внутренности („органы животныхъ функцій") и обмывъ ихъ пальмовымъ виномъ, помѣщали ихъ въ особый ящикъ, надъ

которымъ произносили слѣдующую молитву: „Солнце, верховный владыка, даровавшій мнѣ жизнь! благоволи принять меня къ себѣ. Я неизмѣнно слѣдовалъ культу моихъ отцовъ; я всегда почиталъ родителей, никого не убивалъ. Если же я совершилъ другіе грѣхи, то не самъ собою, а вотъ *этими вещами*". И вслѣдъ затѣмъ „эти вещи", то есть внутренности, бросались въ воду. Но останавливаться на „этихъ вещахъ", какъ на причинѣ грѣховъ, вовсе не въ видахъ Местра; ихъ, равно какъ и тѣло, душу, страсти, ему нужно замѣнить чѣмъ то другимъ, и онъ неожиданно заключаетъ: „Такъ какъ человѣкъ грѣшенъ своимъ *чувственнымъ началомъ, своимъ тѣломъ, своею жизнью*, то проклятіе падало на кровь, ибо кровь была началомъ жизни или, вѣрнѣе, кровь была жизнь". Этотъ неожиданный скачокъ въ сторону подтверждается нѣсколькими текстами Ветхаго Завѣта и ссылкой на слова одного анатома конца XVIII столѣтія. А затѣмъ все идетъ уже, какъ по маслу, въ желательномъ для автора направленіи. Оказывается, что именно кровью, и только кровью, какъ принципомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ символомъ грѣха, искупается грѣхъ, при чемъ невинная кровь можетъ быть пролита за виновную. „Такъ люди всегда вѣрили и будутъ вѣрить",—рѣшительно объявляетъ Местръ. Отсюда кровавыя жертвоприношенія, изъ которыхъ особенно выразительнымъ автору представляется одинъ изъ обрядовъ культа Митры: кающійся грѣшникъ помѣщался въ ямѣ, накрытой продырявленными досками; на этотъ дырявый помостъ вводилось жертвенное животное и убивалось; кровь безчисленными каплями стекала на кающагося и давала ему очищеніе отъ грѣха.

Но религіозное рвеніе древнихъ требовало не только животныхъ жертвъ, а и человѣческихъ. Это „ужасное суевѣріе" естественно родилось изъ той же „врожденной человѣку" (Местръ на этомъ настаиваетъ) идеи возможности замѣны одной крови другою и, не смотря на всѣ протесты разума и сердца, получило „къ стыду человѣчества" всеобщее распространеніе. Люди руководились при этомъ, повидимому, двумя соображеніями. Во первыхъ, принося въ жертву человѣка въ особенно трудные для цѣлаго общества моменты, напримѣръ, передъ отправленіемъ на войну или въ осажденномъ непріятелемъ городѣ и т. п., думали, что въ сравненіи съ важностью цѣли и человѣческая жертва не будетъ чрезмѣрною. Во вторыхъ, подъ рукой были люди, уже осужденные на смерть политическимъ закономъ или обычаемъ,—преступники, плѣнные иноплеменники. Почему же не принести ихъ въ жертву богамъ, которымъ кровавыя жертвоприношенія всегда пріятны? Это, какъ уже сказано, есть „ужасное суевѣріе" и „стыдъ человѣчества". Но, апологетъ войны и палача, Местръ видитъ въ этомъ суевѣріи и позорѣ долю и какъ бы предчувствіе правды, осуществившейся искупительнымъ проли-

тіемъ святой крови на Голгофѣ, послѣ котораго стали уже совершенно безсмысленными и безусловно преступными человѣческія жертвоприношенія.

Кромѣ свойственныхъ Местру логическихъ скачковъ и кроваваго идеализма, къ этому его разсужденію можно подойти съ разныхъ сторонъ, между прочимъ, и съ фактической. Въ этомъ отношеніи прежде всего поражаетъ отсутствіе и намека на существованіе у разныхъ народовъ безкровныхъ жертвъ, какъ умилостивительныхъ, искупительныхъ, такъ и благодарственныхъ. Мы знаемъ, что многіе древніе народы, какъ и многіе современные дикари или полудикари, приносили и приносятъ въ жертву богамъ плоды, цвѣты, благовонія, вино, масло, табакъ, драгоцѣнные камни, разныя символическія изображенія. Знаемъ далѣе, что и человѣкъ приносился часто въ жертву безъ кровопролитія: жертвы бросались въ воду, зарывались живьемъ въ землю, подвергались удушенію, замуровывались въ каменныя стѣны, сожигались. Вообще, хотя кровь и жизнь дѣйствительно часто отождествляютъ въ первобытномъ мірѣ, но собственно въ жертвоприношеніяхъ кровь отнюдь не играетъ такой исключительной роли, какую ей приписываетъ Местръ.

Жертвоприношеніе всегда представляетъ собою одну сторону обмѣна между людьми и богами; и человѣкообразные боги, которымъ приносятся жертвы, естественно требуютъ того, что нравится самимъ людямъ,—начиная съ элементарныхъ чувственныхъ удовольствій и кончая сложными духовными наслажденіями, какія даются выраженіями любви, преданности, почтенія. Какъ и въ обыкновенной мѣновой сдѣлкѣ, боги и люди торгуются или прямо даютъ настоящую цѣну, обманываютъ другъ друга или свято исполняютъ договоръ; а въ случаѣ нарушенія договора человѣкъ подвергается гнѣву бога, который требуетъ, кромѣ назначеннаго эквивалента, новой жертвы—искупительной; но и, обратно, не воздавшій должное за жертву богъ терпитъ поруганіе отъ человѣка. Извѣстенъ разсказъ Гезіода о томъ, какъ Прометей обманулъ Зевеса и какъ тотъ разгнѣвался, открывъ обманъ: раздѣливъ убитаго и разрубленнаго быка на двѣ части, Прометей положилъ на одной сторонѣ лучшіе, наиболѣе вкусные куски, прикрывъ ихъ сверху плохими, а на другой сторонѣ расположилъ разные сорта наоборотъ и предложилъ богу выбрать самому. Во всемъ этомъ эпизодѣ и помину нѣтъ собственно о крови, рѣчь идетъ, какъ сказали бы мы теперь, просто о говядинѣ перваго и второго сорта. Нѣтъ рѣчи о крови и въ разсказѣ Овидія о томъ, какъ Нума торговался съ Юпитеромъ, хотя здѣсь поминаются разные предметы: богъ требуетъ головы, Нума обѣщаетъ головку чесноку; богъ поясняетъ, что ему нужно нѣчто живое, Нума прибавляетъ къ обѣщанному рыбу; Юпитеръ гово-

ритъ, что ему требуется нѣчто человѣческое, Нума прибавляетъ человѣческихъ волосъ.

Всегда сохраняя характеръ обмѣна, жертвоприношенія претерпѣваютъ, однако, въ этихъ предѣлахъ значительныя измѣненія какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи. Местръ имѣетъ преимущественно въ виду жертвоприношеніе въ искупленіе грѣха. По существу искупительная жертва ничѣмъ не отличается отъ другихъ жертвоприношеній. Точно также представляетъ она собою одну сторону мѣновой сдѣлки,—только на этотъ разъ люди и боги обмѣниваются не благами, а зломъ: за нарушеніе божескихъ велѣній или оскорбленіе божества человѣкъ платится тѣмъ или другимъ ущербомъ для себя; и точно такъ жертва отнюдь не исключительно и обязательно кровавая,—въ этомъ случаѣ наряду съ другими видами жертвъ получаетъ особенное развитіе жертва аскетическая, разнаго рода болѣе или менѣе тяжелыя лишенія, эпитемьи, самоистязанія.

Есть, однако, въ изложенной теоріи Местра одна сторона, независимо отъ его собственнаго толкованія фактически вполнѣ достовѣрная.

Благодаря Тайлору, Спенсеру, Леббоку, Бастіану и др., мы имѣемъ огромную коллекцію фактовъ, иллюстрирующихъ возникновеніе понятія о душѣ у первобытныхъ людей. Сонъ, во время котораго человѣкъ какъ бы раздваивается: одинъ остается неподвиженъ, а другой гдѣ то витаетъ, разговаривая и слушая разговоры, сражаясь съ врагами и убѣгая отъ нихъ, и т. д.; обмороки, летаргія, экстазы и другія болѣзненныя явленія, во время которыхъ наблюдается то же раздвоеніе: человѣкъ временно уходитъ куда-то „изъ себя“; тѣнь человѣка (какъ и другихъ предметовъ, живыхъ и мертвыхъ), неотступно преслѣдующая его и куда то исчезающая на ночь, чтобы при первомъ солнечномъ лучѣ опять пристать къ своему двойнику; эхо, повторяющее гдѣ то далеко каждый крикъ, оставаясь невидимымъ; отраженіе въ зеркальной поверхности воды и проч.,—все это въ совокупности достаточно объясняетъ первобытный дуализмъ души и тѣла, который затѣмъ получаетъ опору какъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, такъ и въ самомъ общественномъ строѣ съ его раздѣленіемъ труда на физическій и умственный. Но этого мало. Сама душа, какъ справедливо указываетъ Местръ, для многихъ древнихъ народовъ представляетъ собою нѣчто множественное, по крайней мѣрѣ, двойственное. Местръ останавливается главнымъ образомъ на классическомъ мірѣ, лишь изрѣдка и мимоходомъ отмѣчая ту же идею у древнихъ египтянъ и индусовъ. Но у Тайлора мы найдемъ примѣры, взятые изъ гораздо болѣе широкой области. Такъ, туземцы острововъ Фиджи различаютъ „темную душу“—тѣнь человѣка и „свѣтлую“—его отраженіе въ водѣ или въ зеркалѣ, и судьба этихъ душъ послѣ смерти человѣка не одинакова.

Малагазцы говорятъ, что saina или умъ человѣка исчезаетъ послѣ смерти безслѣдно, aina или жизнь превращается въ воздухъ, а matoatoa или духъ носится надъ могилой. У алгонкиновъ только одна душа отдѣляется во время сна для сновидѣній, а другая остается при тѣлѣ, и послѣ смерти онѣ опять таки удаляются въ разныя стороны. Нѣкоторые народы раздѣляютъ душу на три, даже на четыре самостоятельныхъ начала. Одна изъ душъ представителя племени дакота послѣ смерти остается при тѣлѣ, другая—въ его домѣ или селеніи, третья отлетаетъ въ воздухъ, четвертая—въ страну духовъ. И т. д., и т. д. Эта идея множественности душъ отнюдь не составляетъ исключительной собственности современныхъ дикарей и древнихъ высоко цивилизованныхъ народовъ. Она знакома и европейскому средневѣковью, въ которомъ пользовалось авторитетомъ Аристотелево дѣленіе души на растительную, ощущающую и мыслящую. Современные мистики, опираясь въ особенности на явленія гипнотизма, предчувствій, вѣщихъ сновъ и т. п., стараются придать научный обликъ дѣленію души на эмпирическую, имѣющую общеніе съ внѣшнимъ міромъ при посредствѣ органовъ чувствъ, нервовъ и мозга, и трансцендентальную, не нуждающуюся ни въ какомъ посредствѣ для общенія съ самою сущностью вещей, лежащею по ту сторону явленій. Знаменитая теософка Блавацкая представляла себѣ человѣка состоящимъ даже изъ семи самостоятельныхъ началъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, четыре должны быть поставлены на счетъ тому, что обыкновенно называется душой. Местръ приводитъ слова Паскаля о существующихъ въ душѣ человѣка единовременно противорѣчіяхъ, казалось бы, недопустимыхъ въ единомъ существѣ. Но у Паскаля можно найти и гораздо болѣе выразительныя мѣста въ этомъ родѣ. „Междоусобная борьба разума со страстями,—говоритъ онъ,—стала причиной того, что тѣ, кто желалъ сохранить миръ, раздѣлились на двѣ школы. Одни рѣшили отречься отъ страстей и стать богами, другіе—отречься отъ разума и стать скотами. Но ни тѣ, ни другіе не могли исполнить свое желаніе: разумъ вѣчно живетъ, обличая низость и несправедливость страстей и смущая покой тѣхъ, которые предаются имъ; страсти тоже постоянно живы, даже въ тѣхъ, кто хочетъ отречься отъ нихъ“ („Мысли о религіи“. Переводъ Первова). И мы понимаемъ, что хочетъ сказать этимъ привычнымъ намъ, образнымъ языкомъ Паскаль, какъ понимаемъ и „двѣ души“, живущія „въ груди“ Фауста, какъ понимаемъ и выраженіе поэта: „страсти могучи, воля слаба“, и проч. Каждый изъ насъ, по собственному опыту, знаетъ часто мучительный разладъ между различными способностями души.

Этими способностями духа мы привыкли считать разумъ, чувство, волю придавая каждой изъ нихъ извѣстную самостоятельность, благодаря которой между ними и возможны различныя

враждебныя столкновенія. Современная психологія, однако, отрицаетъ раздѣльное существованіе этихъ способностей.

Для Гефдинга („Очерки психологіи, основанной на опытѣ“, переводъ подъ редакціей Я. Колубовскаго, 3-е изданіе) „разладъ между различными частями или способностями душевной жизни опровергается безусловнымъ единствомъ сознательной жизни“. „Нельзя указать ни на одно состояніе, которое всецѣло было бы или чистымъ представленіемъ, или чувствованіемъ, или хотѣніемъ“. „Нѣтъ познанія безъ чувства, нѣтъ познанія безъ воли, нѣтъ чувства безъ познанія“. Это не какія нибудь отдѣльныя, самостоятельныя способности, а лишь „психологическіе элементы“,— „различныя стороны или свойства состояній сознанія или явленій его“. Эта точка зрѣнія, плодотворная во многихъ отношеніяхъ, не устраняетъ, однако, возможности внутренняго разлада, и Гефдингъ признаетъ, что „мы вправѣ при психологическомъ изслѣдованіи брать за основаніе трехчастное дѣленіе“. „Не бываетъ мышленія безъ всякаго чувства, чего такъ часто требовали спекулятивные философы“, но борьба разума со страстями вполнѣ возможна, только подъ нею „слѣдуетъ подразумѣвать собственно борьбу между чувствами, связанными съ разумными разсужденіями, и чувствами посильнѣе, но связанными съ меньшимъ количествомъ элементовъ мысли и обозначаемыми словомъ страсть“. И, начавъ съ *безусловнаго* единства духа (стр. 70), Гефдингъ кончаетъ заявленіемъ: „Мы должны допустить, что единство, синтезъ не представляетъ собою чего нибудь абсолютнаго,—оно всегда *относительно и неустойчиво*“ (114). Стоя на точкѣ зрѣнія безусловнаго единства, онъ указывалъ на низшія ступени развитія жизни (въ ребенкѣ), гдѣ различіе „психологическихъ элементовъ“ выступаетъ не съ такою отчетливостью, какъ на высшихъ, что, дескать, объясняется общимъ закономъ эволюціи, въ силу котораго неопредѣленное и однородное предшествуетъ опредѣленному и разнородному. А становясь на точку зрѣнія единства относительнаго, онъ уже говоритъ, что относительность эта „обнаруживается, и далеко не въ незначительной степени, въ началѣ сознательной жизни, когда разсѣянныя и разрозненныя ощущенія и влеченія выступаютъ, повидимому, безъ внутренней связи и единства“. „Нѣкоторые изслѣдователи,—продолжаетъ Гефдингъ,—даже высказывали мнѣніе, что единства сознанія не бываетъ съ самаго начала. Въ такомъ случаѣ они думали, что душевная жизнь начинается съ разрозненныхъ и самостоятельныхъ ощущеній, которыя мало-по-малу объединяются и получаютъ связь (Vierordt, Physiologie des Kindesalters). Другіе приписываютъ маленькому ребенку нѣсколько разныхъ *я* (*я* большого мозга, *я* спинного мозга, кромѣ того, *я* для каждаго центра органовъ чувствъ), которыя сливаются будто бы впослѣдствіи (Preyer, Die Seele des Kindes)“. Гефдингъ не допускаетъ такого слитія нѣсколькихъ *я* въ одно цѣлое, но

находитъ всетаки, что „сильнѣе нельзя выразить спорадическій характеръ первичной сознательной жизни“.

Но въ мысли Прейера есть нѣчто и кромѣ удачнаго выраженія факта незавершенности индивидуальнаго *я* ребенка. Признаніе разума, чувства и воли не отдѣльными какими нибудь самостоятельными способностями, а лишь психологическими элементами, всегда въ той или другой пропорціи сосуществующими и неотдѣлимыми, очень важно; однако, будемъ ли мы ихъ называть способностями или элементами, они и ихъ взаимныя отношенія,— фигурально выражаясь,—дружественныя или враждебныя, остаются предѣломъ, его же психологія не прейдеши. Но, какъ справедливо говоритъ Гефдингъ, „только временно психологія, направляемая интересомъ извращеннаго спиритуализма, пыталась отдѣлить свой предметъ отъ физіологіи“ и, прибавлю я, біологіи вообще, равно какъ и соціологіи, о чемъ, впрочемъ, и Гефдингъ упоминаетъ. Біологія же учитъ насъ, что каждый индивидуальный организмъ состоитъ изъ индивидуальностей низшаго порядка, сохраняющихъ извѣстную степень самостоятельности и, пожалуй, зачаточную форму сознанія. Но при этомъ организмъ тѣмъ выше, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе ему, какъ цѣлому, подчинены его части. Въ свою очередь, индивидуальный организмъ можетъ входить въ составъ высшей, общественной индивидуальности или цѣлой системы таковыхъ, составляющихъ предметъ соціологіи. Не повторяя здѣсь многочисленныхъ фактовъ, на которыхъ основано это обобщеніе и которые читатель можетъ найти въ моихъ старыхъ статьяхъ, позволю себѣ напомнить только мой общій выводъ въ примѣненіи къ человѣку,

Тяготѣя, въ силу закона развитія, все къ большей сложности и цѣльности, то есть къ количественному увеличенію и качественной подчиненности частей, всякая индивидуальность враждебно сталкивается съ входящими въ ея составъ, равно какъ и съ тѣми, въ составъ которыхъ она сама входитъ. Исторія жизни во всемъ ея разнообразіи, со всей ея красотой и безобразіемъ, состоитъ изъ ряда возникающихъ отсюда побѣдъ и пораженій. Борьба ведется съ перемѣннымъ счастіемъ: одолѣваетъ то одна, то другая ступень индивидуальности. Но борьба не прекращается. Пораженная, разбитая сторона или какъ бы выжидаетъ благопріятныхъ обстоятельствъ для заявленія себя, или, наталкиваясь на неодолимую преграду для своего развитія, ищетъ, по крайней мѣрѣ, какого нибудь обхода. Человѣкъ, какъ индивидъ, человѣческая личность представляетъ собою одну изъ ступеней индивидуальности (пятую, по классификаціи Геккеля). Въ составъ его входятъ индивидуальности четырехъ низшихъ порядковъ, а надъ нимъ высится индивидъ шестого порядка—общество (колонія), различныя формы котораго опять представляютъ собою систему обнимающихъ одна другую степеней индивидуальности, между которыми опять идетъ своя борьба.

Борьба за индивидуальность, возникающая для человѣческой личности изъ этого, отведеннаго ей природой положенія обязательна, очевидно, въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, личность должна безпощадно подчинять себѣ, какъ цѣлому, всѣ входящія въ ея составъ низшія индивидуальности; должна, слѣдуя старому девизу—divide et impera, строго проводить раздѣленіе труда между своими органами, требуя отъ нихъ напряженной спеціальной работы въ ея, личности, интересахъ. Во-вторыхъ, личность должна противодѣйствовать тому, чтобы римскій девизъ „divide et impera" прилагался къ ней самой со стороны какой бы то ни было высшей индивидуальности, какими бы пышными именами она ни называлась. Этими двумя требованіями въ сущности исчерпывается антропологическая или—что тоже, какъ въ буквальномъ, такъ и въ условномъ смыслѣ слова—гуманная точка зрѣнія на міръ. Всякія другія точки зрѣнія будутъ лишь попытками стать либо выше, либо ниже той ступени индивидуальности, на которой человѣкъ стоитъ по самой природѣ своей, а слѣдовательно, не приличествуютъ человѣческой мысли.

Какъ видитъ читатель, въ общемъ это довольно близко къ Ничшевской теоріи автономной, себѣ лишь довлѣющей личности. Но здѣсь возникаетъ вопросъ: человѣкъ есть существо сложное, его единство или, говоря славянофильскимъ, не хорошимъ словомъ, цѣлокупность—относительна; разумъ, чувство и воля, комбинированные въ разныхъ пропорціяхъ, могутъ тянуть его въ разныя стороны; и гдѣ же въ человѣческой личности тотъ центръ, тотъ верховный судья, который долженъ разрѣшать подобные конфликты? Ничше называетъ его то *я*, то ставитъ и надъ *я* господина, который называется *самъ*. По опредѣленію самого Ничше, этотъ „самъ" есть наше „тѣло" и его „великій разумъ", въ противоположность „малому разуму", который мы называемъ „умомъ". А, по объясненію г. Невѣдомскаго, „самъ" есть „все тотъ-же богъ Діонисъ, все тотъ-же богъ природы и инстинкта". Велико довѣріе Ничше къ природѣ и инстинктамъ, но, какъ мы видѣли, онъ допускалъ расцѣнку инстинктовъ сообразно тому, способствуютъ ли они „совокупности жизни" (Gesammtleben) или, напротивъ, урѣзываютъ ее. Наши же ничшеанцы поютъ гимны инстинктамъ вообще, и если, напримѣръ, г. Невѣдомскій останавливается на мысли о томъ, что инстинкты бываютъ разной цѣнности, то, за трудностью разрѣшенія этого вопроса, проходитъ мимо него. Вопросъ, дѣйствительно, не легкій, и затрудненіе встрѣчается уже при самомъ приступѣ къ нему. Въ самомъ дѣлѣ, разъ существуютъ инстинкты различной цѣнности, вся лирика Заратустры на тему о „тѣлѣ" и его „великомъ разумѣ" ни на шагъ не подвигаетъ насъ впередъ, и передъ нами стоитъ все тотъ же вопросъ, только въ новомъ костюмѣ: гдѣ въ человѣкѣ тотъ верховный судья, которому приличествуетъ произвести классификацію и рас-

цѣнку инстинктовъ? Самъ по себѣ „инстинктивизмъ“, какъ немножко неуклюже выражается г. Невѣдомскій, помочь намъ тутъ не можетъ, такъ какъ въ инстинктахъ именно и предстоитъ разобраться. Если сказать, что работу эту уже сдѣлалъ за насъ Ничше, указавъ объективное мѣрило цѣнности инстинктовъ въ ихъ пользѣ или вредѣ для жизни, то, не говоря уже о трудности примѣненія этого общаго принципа къ отдѣльнымъ частнымъ случаямъ,—самъ же Ничше добылъ, обосновываетъ и защищаетъ его сознательно, а для практическаго проведенія его въ жизнь нужна воля, и обращаются, какъ Ничше, такъ и его критика и комментаторы, къ нашему сознанію и къ нашей волѣ; инстинктъ же есть нѣчто безсознательное и мимовольное.

Въ „Fröhliche Wissenschaft“ есть слѣдующій, приводимый и г. Невѣдомскимъ афоризмъ съ характернымъ заглавіемъ „Одно нужно“: „Придать стиль своему характеру — это великое и рѣдкое искусство!.. По окончаніи такой работы человѣкъ убѣждается, что его побуждалъ къ ней все тотъ же вкусъ, который опредѣляетъ и порождаетъ въ немъ великое и малое и управляетъ великимъ и малымъ: хорошій ли то вкусъ — это далеко не столь важно, какъ принято думать, — довольно уже того, что это—вкусъ!“ Мимоходомъ сказать сентенція эта благословляетъ, между прочимъ, стили и вкусы „раба“ и лицемѣра, которыхъ громитъ Ничше. Но во всякомъ случаѣ выработка „стиля“ есть „искусство“, это „работа“. Герой романа Пшибышевскаго „Homo sapiens“ несомнѣнно „стильная“ фигура. Онъ пьяница, лжецъ, развратникъ, предатель, но считаетъ себя сверхъ-человѣкомъ, да и другіе признаютъ его таковымъ, хотя его сверхъ-человѣчество выражается только побѣдами надъ женскими сердцами, при чемъ побѣды эти достигаются пакостными средствами. Допустимъ (чего самъ Ничше, конечно, не допустилъ бы), что всѣ эти мерзости и слабости, при нынѣшней переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей, не должны называться слабостями и мерзостями, а слѣдуетъ ихъ считать проявленіемъ силы, стоящей выше добра и зла, по ту сторону ихъ. Но спрашивается, какая же это сила, когда герой романа, какъ трость, колеблемая вѣтромъ, или какъ щепка въ водоворотѣ, не можетъ устоять передъ какимъ бы то ни было соблазномъ, состоитъ ли онъ въ стаканѣ коньяку или въ первой встрѣчной женщинѣ. Это своего рода „стиль“, но стиль тряпки, и ужъ, конечно, ему не достигнуть именно того, что, по мнѣнію Ничше, „одно нужно“: „великое и рѣдкое искусство“ работы надъ собой. Пусть въ концѣ этой работы окажется, что все дѣло во „вкусѣ“, каковъ бы онъ ни былъ, но вѣдь работа то всетаки нужна,—*одно* нужно.

Физіологи сказали бы, что въ героѣ романа Пшибышевскаго относительно бездѣйствуютъ высшіе нервные центры сознанія и воли, лежащіе въ сѣромъ веществѣ мозговыхъ полушарій, вслѣдствіе чего на всей своей вольной волѣ, не контролируемые, и не

регулируемые, усиленно работаютъ низшіе центры, заложенные въ спинномъ мозгу и другихъ подчиненныхъ частяхъ нервно-мозговой системы и завѣдующіе рефлексами и инстинктами. Есть насѣкомое, изъ прямокрылыхъ, такъ называемый Богомолъ (Mantis religiosa), въ которомъ центры, непосредственно управляющіе половою дѣятельностью, до такой степени независимы отъ высшихъ центровъ, что если ему совсѣмъ отрѣзать голову, онъ ищетъ самку, находитъ ее и совершаетъ половой актъ. Герой Пшибышевскаго есть нѣчто въ родѣ этого насѣкомаго. То въ его „тѣлѣ“, что одно властно контролируетъ и регулируетъ всѣ наши позывы и инстинкты, и объединяетъ истинное *я*, въ немъ подавленно въ угоду, фигурально выражаясь, по самой природѣ вещей подчиненнымъ *я*. Между тѣмъ, именно высшее, центральное и объединяющее *я* и есть мѣрило личнаго достоинства человѣка и естественный верховный судья въ случаяхъ душевныхъ конфликтовъ.

На этомъ мы пока кончимъ,—мнѣ еще нужно сказать нѣсколько словъ о надѣлавшей шуму пьесѣ г. Горькаго „На днѣ“. Прибавлю только, во избѣжаніе недоразумѣній, что при выработкѣ стиля своего характера дѣло идетъ совсѣмъ не о подавленіи всѣхъ инстинктовъ и потребностей, къ чему такъ склонна аскетическая мораль и что даетъ такую богатую пищу сарказмамъ и негодованію нашихъ ничшеанцевъ, а только о регулированіи ихъ. При этомъ, однако, нѣкоторые инстинкты, какъ, напримѣръ, тотъ, который заставилъ свободныхъ дѣтей скифскихъ рабовъ смириться передъ простымъ хлопаньемъ бичей, несомнѣнно должны быть подавлены, съ чѣмъ, надо думать, согласятся и ничшеанцы. Между аскетическою моралью и „эксцессами“ Ничше въ сторону „распутной силы“ — дистанція огромнаго размѣра, и нѣтъ никакого резона выбирать только между ними.

Читая „На днѣ“ г. Горькаго, я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ остановился на одной изъ авторскихъ ремарокъ. Описывается обстановка третьяго акта: „Пустырь, засоренное разнымъ хламомъ и заросшее бурьяномъ дворовое мѣсто“ и т. д. И въ концѣ: „На бревнѣ сидятъ рядомъ Наташа и Настя. На дровняхъ Лука и Баронъ. Клещъ лежитъ на кучѣ дерева у правой стѣны. Въ окнѣ у земли—*рожа* Бубнова“. Эта „рожа“ представляетъ нововведеніе въ драматургіи. Почему, конечно, не быть нововведеніямъ и въ этой области, какъ и во всякой другой. Нѣмецкіе критики, восторгаясь произведеніемъ г. Горькаго, едва ли не всѣ, однако, признаютъ, что это не драма и авторъ не драматургъ. Да вѣдь онъ и самъ называетъ свою пьесу не драмой, даже не пьесой, а „картинами“. И разъ эти „картины“ даютъ то, что, по словамъ нѣмецкой критики, даетъ „На днѣ“, то этотъ новый родъ драматургіи столь же законенъ, какъ и обычныя формы

драмы. Но эта фамильярная „рожа“ въ авторской ремаркѣ, это подчеркнутое вмѣшательство автора, нетерпимое въ драмѣ, гдѣ образы должны говорить сами за себя, намекаетъ, мнѣ кажется, на такія особенности таланта г. Горькаго, которыя позволяютъ сказать, что онъ сдѣлалъ ложный шагъ, ступивъ на поприще драматурга. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что онъ долженъ былъ сдѣлать этотъ ложный шагъ, побуждаемый отчасти опять таки особенностями своей писательской физіономіи. И сдѣлать этотъ ложный шагъ онъ долженъ былъ именно теперь, когда въ немъ, какъ выше замѣчено, совершается какой-то переломъ.

При той головокружительной быстротѣ, съ которою г. Горькій пріобрѣлъ популярность не только въ Россіи, а и въ Европѣ,— чему, мимоходомъ сказать, много способствовали, какъ особенности его собственной біографіи, такъ и характеръ общественнаго слоя, выбраннаго имъ для художественной эксплуатаціи,— трудно было съ увѣренностью разобраться въ его литературномъ багажѣ. Онъ, такъ сказать, ошеломилъ читающую публику, и читатели, и критики интересовались больше портретной галлереей героевъ произведеній г. Горькаго, чѣмъ имъ самимъ, какъ писателемъ, не смотря на интересъ къ его біографіи. Теперь, когда міръ его героевъ, какихъ мы до сихъ поръ отъ него получили, повидимому, исчерпанъ „до дна“, и ему предстоитъ либо безъ конца варьировать одни и тѣ же типы, одни и тѣ же мотивы, либо направить свое вниманіе въ какую нибудь другую сторону, наступила пора пристальнѣе вглядѣться въ его писательскую физіономію. Матеріаловъ для этого имѣется достаточно.

Художественное дарованіе г. Горькаго стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Это талантъ оригинальный и сильный, отдѣльными искорками сказывающійся даже въ слабыхъ произведеніяхъ. Но безупречныхъ въ художественномъ отношеніи вещей у него очень мало, и любопытно, что онѣ, какъ, напримѣръ, „Ярмарка въ Голтвѣ“, „Скуки ради“, меньше всего обращаютъ на себя вниманіе читателей. Въ большинствѣ произведеній г. Горькаго его крупное художественное дарованіе составляетъ какъ бы прибавку къ чему-то, иногда, какъ, напримѣръ, въ „Читателѣ“, доводимую имъ до послѣдняго minimum'а. Въ самомъ дѣлѣ, „Читатель“ есть въ сущности ни больше, ни меньше, какъ яркая публицистическая статья объ обязанностяхъ литературы, вставленная въ тоненькую-тоненькую беллетристическую рамку, пожалуй, и совсѣмъ не нужную: мысли аллегорическаго незнакомца авторъ могъ бы прямо отъ себя изложить въ этой самой формѣ, безъ ущерба для дѣла, тѣмъ болѣе, что это несомнѣнно его собственныя мысли. Давно уже замѣчено, что дѣйствующія лица разсказовъ (и драмъ) г. Горькаго сравнительно гораздо больше говорятъ, чѣмъ дѣйствуютъ. Даже въ большихъ его повѣстяхъ, какъ „Ѳома Гордѣевъ“, „Трое“, гдѣ есть весьма сильныя дѣй-

ствія, вплоть до убійства, разговоровъ всетаки больше, и они значительнѣе. Дѣло въ томъ, что при всемъ своемъ несомнѣнномъ художественномъ дарованіи, *по темпераменту* г. Горькій больше публицистъ, чѣмъ художникъ.

Считаю нужнымъ оговориться. Въ статьѣ „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія" (въ „Проблемахъ идеализма") г. П. Г. очень озабоченъ точнымъ опредѣленіемъ рубрикъ, подъ которыя должны быть подведены ученый, философъ и публицистъ, и, между прочимъ, пишетъ: „Чтобы быть публицистомъ, не нужно разбирать по статьямъ ни таможенный тарифъ, ни даже положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Но публицистъ современной Россіи не можетъ игнорировать, долженъ затронуть и освѣтить съ принципіальной точки зрѣнія и протекціонизмъ, и мѣстное самоуправленіе, какъ практическія проблемы, какъ проблемы политики". Я этого не думаю, и, во всякомъ случаѣ, говоря, что у г. Горькаго темпераментъ публициста, разумѣю не тяготѣніе его къ рѣшенію вопросовъ именно о протекціонизмѣ и мѣстномъ самоуправленіи. Можетъ быть, я не знаю, г. Горькій, отдавшись на волю своего темперамента, займется когда нибудь и ими, но есть вѣдь много и другихъ „практическихъ проблемъ"— мнѣ даже неловко ихъ перечислять, такъ это элементарно—и къ принципіальному освѣщенію нѣкоторыхъ изъ нихъ именно и тяготѣетъ г. Горькій въ силу своего темперамента.

Тяготѣніе это и сказывается въ многочисленныхъ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ г. Горькаго на темы о положеніи безработныхъ, о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ классовъ общества, о будущности русской буржуазіи, о правахъ и обязанностяхъ литературы, о современныхъ задачахъ морали. Правда, собесѣдники въ разсказахъ г. Горькаго поднимаютъ эти вопросы на такую высоту, съ которой почти незамѣтны контуры непосредственной злобы дня, и потому слѣдуетъ, можетъ быть, къ его публицистикѣ прибавлять эпитетъ „философская". Но хлопоты г-на П. Г. о точномъ распредѣленіи вѣдомствъ науки, философіи и публицистики кажутся мнѣ вообще праздными, и какъ есть научная философія, такъ возможна и философская публицистика.

Какъ бы то ни было, темпераментъ г. Горькаго сказывается прежде всего чрезмѣрнымъ обиліемъ въ его разсказахъ разговоровъ на философско-публицистическія темы. Это уже само по себѣ, какъ всякая чрезмѣрность, наноситъ ущербъ художественной сторонѣ разсказовъ. Но этого мало. Всѣ эти говорильщики, за очень рѣдкими исключеніями, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, который есть языкъ самого г. Горькаго, вслѣдствіе чего, мимоходомъ сказать, онъ такъ легко поддается переводу на иностранные языки и вообще пониманію иностранцевъ,—пониманію, не совсѣмъ, впрочемъ, вѣрному: нѣкоторые нѣмецкіе критики находятъ, что въ послѣднемъ драматическомъ произве-

деніи его обнаружена вся глубина духа русскаго народа... Что глубину духа русскаго народа слѣдуетъ искать „на днѣ“, это въ устахъ иностранца тѣмъ понятнѣе, что, какъ пишутъ нѣмецкіе критики, самыми восторженными поклонниками пьесы г. Горькаго оказались „безупречно одѣтые молодые люди, финансисты и свѣтскія дамы“,—„передъ которыми,—прибавляетъ г. Э. П. въ статьѣ, напечатанной въ „Мірѣ Божіемъ“,—Горькій развернулъ совершенно новый и неизвѣстный имъ доселѣ міръ и нарисовалъ трагедію жизни, надъ которою они никогда не задумывались до этой минуты“.

Намъ нѣмецкіе финансисты и свѣтскія дамы, какъ и нѣмецкіе критики въ оцѣнкѣ духа русскаго народа, не указъ. Мы не можемъ не замѣтить, что дѣйствующія лица и разсказовъ, и драмъ г. Горькаго слишкомъ часто не только говорятъ языкомъ г. Горькаго, какъ бы ни былъ онъ неумѣстенъ въ устахъ какого нибудь Коновалова или Орлова, но и излагаютъ мысли г. Горькаго, и часто столь же неумѣстно. Въ „На днѣ“ есть дѣйствующее лицо татаринъ, настоящій вѣрующій мусульманинъ, который тутъ же, въ пьесѣ, истово молится въ урочный часъ. Среди озлобленныхъ скептиковъ-русскихъ товарищей по ночлежкѣ онъ одинъ утверждаетъ, что надо играть въ карты „честно“, жить „по закону“ и проч. „Магометъ далъ коранъ,—говоритъ онъ,—сказалъ: вотъ законъ! Дѣлай, какъ написано тутъ! Потомъ *придетъ время,—коранъ будетъ мало... время дастъ свой законъ, новый... Всякое время дастъ свой законъ*“. Это, конечно, слова не вѣрующаго мусульманина, а самого г. Горькаго, выдѣляющіяся изъ рѣчи татарина, какъ заплатка совсѣмъ другого цвѣта. Подобныя заплаты занимаютъ у г. Горькаго иногда цѣлыя страницы, цѣлые ряды страницъ, такъ что изъ-подъ нихъ, наконецъ, даже совсѣмъ не видно подлинной одежды изображаемаго лица. Г. Горькаго можно открыть не только въ Коноваловѣ или Орловѣ, но и въ Маякинѣ и „Проходимцѣ“, и въ Лукѣ и Сатинѣ, какъ ни мало, казалось бы, общаго между этими фигурами.

Сочетаніе энергическаго публицистическаго темперамента съ незауряднымъ художественнымъ дарованіемъ могло бы имѣть чрезвычайно благопріятные результаты, какъ для беллетристики г. Горькаго, такъ и для его публицистики, если бы онъ когда нибудь къ ней обратился. Къ сожалѣнію, и тому, и другому препятствуютъ изъяны мыслительнаго багажа талантливаго писателя. Прежде всего, онъ мало знаетъ жизнь. Онъ хорошо знакомъ съ постоянно эксплуатируемымъ имъ бытомъ „бывшихъ людей“, но, какъ бы ни былъ этотъ уголокъ жизни интересенъ и значителенъ въ томъ или другомъ отношеніи, это всетаки только уголокъ жизни. И это само по себѣ еще не бѣда: образы и картины изъ этого міра сохраняютъ свой интересъ и свою значительность, какъ частность, независимо отъ другихъ сторонъ жизни. Но г.

Горькій вынесъ изъ своихъ наблюденій извѣстное теоретическое освѣщеніе, распространяемое имъ и на всю жизнь, получающую вслѣдствіе этого одностороннюю окраску. А главное—онъ до сихъ поръ самъ не разобрался въ этомъ теоретическомъ освѣщеніи.

Въ „Проходимцѣ" Промптовъ говоритъ: „Знаете ли вы, что такое идеалъ? Хе! Это просто костыль, придуманный въ ту пору, когда человѣкъ сталъ плохимъ скотомъ и началъ ходить на однѣхъ заднихъ ногахъ. Поднявъ голову отъ сѣрой земли, онъ увидалъ надъ ней голубое небо и былъ ослѣпленъ великолѣпіемъ его ясности. Тогда онъ, по глупости, сказалъ себѣ—я достигну его. И съ той поры онъ шляется по землѣ съ этимъ костылемъ, держась при помощи его до сего дня все еще на заднихъ лапахъ. Вы не подумайте, что и я тоже лѣзу на небо—никогда не ощущалъ такого желанія... я это такъ сказалъ, *для краснаго словца*".

„Красныя словца",—вотъ чѣмъ необыкновенно богатъ г. Горькій. Свои или вообще приходящія ему въ голову мысли онъ облекаетъ въ форму остроумныхъ, красивыхъ, яркихъ афоризмовъ, сравненій, краткихъ притчъ, поговорокъ. Онъ такъ богатъ этими блестками, что разсыпаетъ ихъ даже съ чрезмѣрною расточительностью, надѣляя ими всѣхъ своихъ дѣйствующихъ лицъ безъ разбора и не давая себѣ отчета, насколько они умѣстны въ тѣхъ или другихъ устахъ. И, подкупленный яркостью, красотою, остроуміемъ выраженія, читатель не всегда можетъ рѣшить, кому принадлежитъ данная мысль—автору или такому-то дѣйствующему лицу. Скажу больше,—самъ авторъ не всегда можетъ въ этомъ разобраться. Его волнуетъ извѣстный вопросъ, онъ склоняется къ опредѣленному рѣшенію, наконецъ, рѣшилъ его для себя и высказываетъ отъ своего собственнаго имени или влагаетъ его въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ оригинальной, красивой формѣ. Но вдругъ ему приходитъ въ голову такое же красивое выраженіе, такое же „красное словцо" въ противоположномъ смыслѣ, и, подкупаемый имъ, онъ опять колеблется...

Въ „Картинахъ" „На днѣ" мы имѣемъ варьяцію на тему, много разъ занимавшую г. Горькаго. И центральный идейный интересъ пьесы, и отдѣльныя подробности, и дѣйствующія лица—все это намъ знакомо. Я не буду разсказывать содержаніе „Картинъ", такъ какъ огромному большинству читателей, оно, конечно, извѣстно. Я только приведу въ связь основные мотивы пьесы съ нѣкоторыми другими произведеніями г. Горькаго.

Проститутка Настя разсказываетъ о страстной, чистой и взаимной любви, которая связывала ее съ какимъ-то не то Гастономъ, не то Раулемъ. Это „сонъ сердца" бѣдной Насти: никакого Рауля или Гастона у нея не было, и весь ея романъ вычитанъ изъ настоящаго бульварнаго романа „Роковая любовь". Но ей, въ ея грязной и смрадной жизни, такъ хочется вѣрить этой красивой лжи, и она вѣритъ...—Въ разсказѣ „Болесь" тоже прости-

тутка сама себѣ пишетъ нѣжныя письма отъ небывалаго пламеннаго друга любовника,—ей хочется вѣрить плѣнительной лжи, и она вѣритъ. — Въ „Коноваловѣ“ авторъ сообщаетъ, въ качествѣ своего наблюденія, что въ босяцкихъ разсказахъ о себѣ „ужасная, даже потрясающая правда фантастически перепутывается съ самою наивною ложью“. А самъ Коноваловъ предъявляетъ и посильное оправданіе этой лжи: „Какъ можно не вѣрить человѣку? Даже если видишь—вретъ онъ, вѣрь ему. То есть, слушай и старайся понять, почему онъ вретъ? Иной разъ вранье-то лучше правды объясняетъ человѣка... Да и какую мы всѣ про себя правду можемъ сказать? Самую пакостную. А соврать можно хорошо“. И еще: „Если у человѣка въ жизни не было ничего хорошаго, онъ вѣдь никому не повредитъ, коли самъ для себя выдумаетъ какую ни то сказку, да и станетъ разсказывать ее за быль. Разсказываетъ и самъ себѣ вѣритъ, будто такъ оно и было—вѣритъ, ну ему и пріятно“. Однако, Коноваловъ восторгается Рѣшетниковскими „Подлиповцами“ именно потому, что „это все правда. Вѣдь это какъ есть настоящіе люди... всамдѣлишніе мужики... И совсѣмъ какъ живые и голоса, и рожи“.—Неизвѣстно, читала ли „Подлиповцевъ“ „Варенька Олесова“, но произведеніями изъ крестьянской жизни вообще она недовольна. „Книжки,— говоритъ она. — Выдумано. Про крестьянъ, напримѣръ... Развѣ они такіе, какъ въ книжкахъ? Про нихъ все съ жалостью пишутъ, да этакими дурачками ихъ дѣлаютъ... не хорошо! Люди читаютъ —думаютъ и въ самомъ дѣлѣ такъ, и не могутъ по настоящему понять крестьянина“. Но таже Варенька отдаетъ рѣшительное преимущество французскимъ бульварнымъ романамъ передъ русскими, собственно потому, что „русскіе не выдумываютъ ничего интереснаго. У французовъ герои настоящіе, они и говорятъ не такъ, какъ всѣ люди и поступаютъ иначе. Они всегда храбрые, влюбленные, веселые... а у насъ герои—простые человѣчки, безъ смѣлости, безъ пылкихъ чувствъ, какіе-то некрасивые, жалкенькіе—самые настоящіе люди и больше ничего... И никогда, читая русскую книжку, не забудешь о настоящей жизни,—развѣ это хорошо?.. Зачѣмъ писать книжки, если не можешь сказать ничего необыкновеннаго?“—Въ сказкѣ „О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ любителѣ истины“ Чижъ, посрамленный „черствыми сердцемъ и позорно-мелкими“ птицами, съ грустью сознается: „Я солгалъ, да я солгалъ, потому что мнѣ неизвѣстно, что тамъ за рощей, но вѣдь вѣрить и надѣяться такъ хорошо! Я же только и хотѣлъ пробудить вѣру и надежду—и вотъ почему я солгалъ... Онъ, дятелъ, можетъ быть и правъ, но на что нужна его правда, когда она камнемъ ложится на крылья и не позволяетъ высоко взлетать въ небеса?“ — „Врать умѣючи — высокое наслажденіе,—философствуетъ „Проходимецъ“. Если врешь и видишь, что тебѣ вѣрятъ, чувствуешь себя приподнятымъ надъ людьми.

а чувствовать себя выше людей—удовольствіе рѣдкостное! Овладѣть ихъ вниманіемъ и мыслить про себя—дурачье! А одурачить человѣка всегда пріятно. Да и ему, человѣку-то, тоже вѣдь пріятно слышать ложь, хорошую ложь, которая его по шерсткѣ гладитъ. И, можетъ быть, всякая ложь хороша или же, наоборотъ, все хорошее ложь. Едва ли на свѣтѣ есть что нибудь болѣе стоющее вниманія, чѣмъ разные людскія выдумки: мечты, грезы и прочее такое... Нельзя же быть врагомъ огня только за то, что онъ иногда жжется, нужно помнить, что онъ всегда грѣетъ,— такъ ли? Ну вотъ, по сей причинѣ и ложь нельзя называть вредной, поносить ее всячески, предпочитать ей истину; еще неизвѣстно вѣдь, что она такое, эта истина, никто не видалъ ея паспорта, и, можетъ быть, она, по предъявленіи документовъ, чортъ знаетъ чѣмъ окажется... Не вѣрьте человѣку! Ибо всегда, когда онъ о себѣ разсказываетъ, онъ лжетъ! Лжетъ въ несчастіи, чтобъ возбудить къ себѣ болѣе состраданія, въ счастіи, чтобъ ему больше завидовали, и во всѣхъ случаяхъ—чтобы увеличить вниманіе къ себѣ". Въ „Читателѣ" незнакомецъ, аллегорически изображающій совѣсть писателя, говоритъ ему: „Мы, кажется, снова хотимъ грезъ, красивыхъ вымысловъ, мечты и странностей, ибо жизнь, созданная нами, бѣдна красками, тускла, скучна! Дѣйствительность, которую мы когда-то такъ горячо хотѣли перестроить, сломала и смяла насъ. Что же дѣлать? Попробуемъ, быть можетъ, вымыселъ и воображеніе помогутъ человѣку подняться не надолго надъ землей и снова высмотрѣть на ней свое мѣсто, потерянное имъ. Твое перо слабо ковыряетъ дѣйствительность, тихонько ворошитъ мелочи жизни, и, описывая будничныя чувства будничныхъ людей, ты открываешь ихъ уму, быть можетъ, и много низкихъ истинъ, но можешь ли ты создать для нихъ хотя бы маленькій возвышающій душу обманъ? Нѣтъ! Ты увѣренъ, что это полезно рыться въ мусорѣ буденъ и не умѣть находить въ нихъ ничего, кромѣ печальныхъ крохотныхъ истинъ, устанавливающихъ только то, что человѣкъ золъ, глупъ, безчестенъ, что онъ вполнѣ и всегда зависитъ отъ массы внѣшнихъ условій, что онъ безсиленъ и жалокъ одинъ и самъ по себѣ". И т. д.

Я могъ бы еще продолжать эту хрестоматію, но пора вернуться къ пьесѣ г. Горькаго.

Разсказу проститутки Насти о любви къ ней Рауля-Гастона вѣритъ только странникъ Лука. То есть и онъ не вѣритъ, а совершенно въ духѣ Коновалова и даже почти въ тѣхъ же выраженіяхъ убѣждаетъ скептиковъ, насмѣхающихся надъ Настей: „Уважьте человѣку, не въ словѣ дѣло, а почему слово говорится", и далѣе: „она вѣдь для своего удовольствія слезы льетъ... чѣмъ тебѣ это вредно?" Самое же Настю онъ утѣшаетъ: „Я знаю. Я вѣрю! Твоя правда, а не ихняя... Я вѣрю! Въ лаковыхъ сапогахъ, говоришь, ходилъ? А-яй-ай! Ну, и

ты его тоже любила?“ Этотъ хитроумный старичокъ вѣритъ ли, не вѣритъ ли самъ тому, что говоритъ, — неизвѣстно, но всѣхъ убѣждаетъ вѣрить „въ сны сердца своего“. „Ты мнѣ повѣрь,— говоритъ онъ Васькѣ Пеплу.—И чего тебѣ правда больно нужна... подумай-ка! Она правда то можетъ обухъ для тебя“. „Ты вѣрь“,— говоритъ онъ умирающей Аннѣ. „Ты почаще напоминай ему, что онъ хорошій парень,—убѣждаетъ онъ Наташу выходить замужъ за Ваську Пепла,—чтобы онъ, значитъ, не забывалъ про это! Онъ тебѣ повѣритъ“. Актера онъ заставляетъ повѣрить въ возможность возрожденія. И на вопросъ Пепла: „Богъ есть?“ даетъ кощунственно уклончивый отвѣтъ: „коли вѣришь, есть; не вѣришь, нѣтъ. Во что вѣришь, то и есть“. И всѣмъ соночлежникамъ этотъ хитроумный старичокъ нравится. Хотя нѣкоторые и уличаютъ его во враньѣ, но добродушно и даже съ похвалой. „Ты, братъ, молодецъ! — одобряетъ его Васька Пепелъ. — Врешь ты хорошо, сказки говоришь пріятно! Ври, ничего, мало, братъ, пріятнаго на свѣтѣ“. А слесарь Клещъ вспоминаетъ Луку такъ: „Правды онъ не любилъ, старикъ-то... Очень противъ правды возставалъ... такъ и надо! Вѣрно,—какая тутъ правда? И безъ нея дышать нечѣмъ“.

Повидимому, Лука есть представитель „возвышающаго душу обмана“, который писательская совѣсть такъ страстно и краснорѣчиво противопоставляетъ „печальнымъ крохотнымъ истинамъ“ въ „Читателѣ“. И многіе читатели и зрители склонны видѣть въ немъ положительный типъ. Мнѣ кажется, что это объясняется еще и тѣмъ, что авторъ больше, чѣмъ кому нибудь, предоставилъ красивыхъ, мѣткихъ и остроумныхъ словечекъ. Онъ ими такъ и сыплетъ. Я затруднился бы, однако, сказать, что таково намѣреніе автора, уже просто потому, что Лука наговорилъ много, а сдѣлалъ только одно дѣло: облегчилъ смерть Анны. Весь мракъ и грязь жизни „на днѣ“ какъ былъ до него, такъ и остался послѣ его ухода и даже усугубился: актеръ удавился, Васька Пепелъ убилъ хозяина ночлежки; хозяйка искалѣчила Наташу,— словомъ, всѣ навѣянные Лукой золотые сны пошли прахомъ, и ничему его „вранье“ не помогло. Онъ оказывается даже косвеннымъ виновникомъ этого усугубленнаго кровью мрака и грязи: онъ поманилъ актера возрожденіемъ, послѣ чего тому жизнь стала окончательно невыносимою; онъ поманилъ Ваську Пепла и Наташу грезой счастливой жизни, послѣ чего отношенія обострились до убійства и искалѣченія. И этихъ тяжеловѣсныхъ фактовъ не въ силахъ стереть защита его Сатинымъ. „Старикъ не шарлатанъ!—восклицаетъ Сатинъ,—что такое правда? Человѣкъ— вотъ правда! Онъ это понималъ... вы—нѣтъ! Вы тупы, какъ кирпичи. Я понимаю старика... да! Онъ вралъ, но это изъ жалости къ вамъ, чортъ васъ возьми! Есть много людей, которые лгутъ изъ жалости къ ближнему... Я знаю! я читалъ! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгутъ! Есть ложь утѣшительная, ложь при-

миряющая. Ложь оправдываетъ ту тяжесть, которая раздавила руку рабочаго и обвиняетъ умирающихъ съ голоду... Я знаю ложь. Кто слабъ душой и кто живетъ чужими соками, тѣмъ ложь нужна... однихъ она поддерживаетъ, другіе прикрываются ею. А кто самъ себѣ хозяинъ, кто независимъ и не жретъ чужого, зачѣмъ тому ложь? Ложь—религія рабовъ и хозяевъ. Правда—богъ свободнаго человѣка"!

Защита эта довольно-таки двусмысленна, но, можетъ быть, въ Сатинѣ всетаки скорѣе, чѣмъ въ Лукѣ, слѣдуетъ признать положительный типъ въ смыслѣ выразителя собственныхъ взглядовъ автора. Но и это какъ-то неловко въ виду того, что Сатинъ проповѣдуетъ презрѣніе къ труду и участвуетъ въ шулерскомъ обыгрываніи рабочаго человѣка, то есть самъ „жретъ чужое". А между тѣмъ, авторъ и еще какую-то смутную, но несомнѣнно свою мысль влагаетъ въ уста Сатина. „Человѣкъ—вотъ правда! Что такое человѣкъ? Это не ты, не я, не они... нѣтъ! Это ты, я, они, старикъ. Наполеонъ, Магометъ... въ одномъ! (*Очерчиваетъ пальцемъ въ воздухѣ фигуру человѣка*). Понимаешь? Это огромно! Въ этомъ всѣ начала и концы. Все въ человѣкѣ, все для человѣка! Существуетъ только человѣкъ, все же остальное—дѣло его рукъ и его мозга! Чело-вѣкъ! Это великолѣпно! Это звучитъ гордо! Чело-вѣкъ"! И т. д.

Можетъ быть, за этой пьяной риторикой скрывается и очень цѣнная мысль, но въ такомъ видѣ это что-то недоговоренное, недодуманное. И мнѣ кажется, что она вставлена въ пьесу по той же причинѣ, по которой и свои блестки г. Горькій разсыпаетъ безъ соображенія о томъ, насколько они тому или другому дѣйствующему лицу приличествуютъ: онъ не разобрался въ своихъ собственныхъ взглядахъ. Онъ только теперь въ нихъ, повидимому, разбирается, отказываясь, какъ мы видѣли, отъ мысли: „что сильно, то и хорошо", или отъ убѣжденія, что босяки философствуютъ лучше, чѣмъ Шопенгауеръ. Этотъ пересмотръ идейнаго багажа еще имъ не законченъ, а въ такой моментъ драматическая форма особенно удобна для не-драматурга по самому характеру таланта. Она позволяетъ спрятаться за спину дѣйствующихъ лицъ и на нихъ свалить всякія недодуманности. Я не то, конечно, хочу сказать, что г. Горькій намѣренно, съ этою именно цѣлью выбралъ драматическую форму. Нѣтъ, это дѣлается само собой, инстинктивно. Это называется движеніемъ по линіи наименьшаго сопротивленія...

Видѣлъ я „На днѣ" и на сценѣ, въ исполненіи труппы московскаго художественнаго театра. Пьеса отъ этого не выиграла. Московскіе артисты были въ общемъ далеко ниже своей репутаціи.

Ник. Михайловскій.

Политика.

Третій ирландскій ландбилль.—Шведо-норвежское соглашеніе.—Текущія событія: македонскія дѣла, дополнительные выборы во Франціи и Англіи, вопросъ о Мильеранѣ.

I.

Ирландія дождалась третьяго ландбилля. Первый былъ дарованъ ей Гладстономъ въ 1872 году; второй Гладстономъ же въ 1881; его же попытка даровать третій и окончательный въ 1886 году потерпѣла неудачу вмѣстѣ съ проектомъ гомъ-руля. Теперь тогдашніе противники Гладстона увидѣли себя вынужденными возвратиться къ его идеямъ и въ ихъ духѣ (хотя въ укороченномъ видѣ) проектировать третій ландбилль для несчастной страны, измученной въ конецъ поземельными нестроеніями. Этотъ новый проектъ не есть окончательный даже въ поземельномъ вопросѣ. Не разрѣшаетъ онъ и вопроса объ автономіи, безъ чего Ирландіи не обрѣсти мира и спокойствія, нарушеннаго семьсотъ лѣтъ тому назадъ нашествіемъ англо-саксовъ и съ тѣхъ поръ не возстановленнаго. Во всякомъ случаѣ, этотъ ландбилль является новымъ шагомъ по пути къ возстановленію этого глубоко потрясеннаго внутренняго мира. Уже по этому одному онъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Еще болѣе того интересенъ билль, какъ актъ, вносящій серьезное улучшеніе въ поземельный строй Ирландіи и новые принципы въ англійское поземельное законодательство.

Когда семьсотъ лѣтъ тому назадъ Ирландія была впервые завоевана англичанами, ея поземельное устройство отвѣчало первобытному политическому строю, господствовавшему въ странѣ. Ирландскій народъ дѣлился на множество клановъ, которые владѣли каждый опредѣленною территоріей и во главѣ которыхъ стояли фамиліи наслѣдственныхъ старѣйшинъ, въ извѣстной степени распоряжавшихся землею своихъ клановъ, какъ и другими дѣлами и интересами клановъ. Сначала завоеватели оставили неприкосновеннымъ это общинное землевладѣніе и этотъ политическій строй. Фамиліи наслѣдственныхъ вождей явились, однако, непосредственными представителями ирландскихъ клановъ передъ англійскими королями и были до извѣстной степени третируемы королями, какъ феодалы Англіи. Но феодалы Англіи были собственниками земли, на которой проживали и работали ихъ крѣпостные. Это пониманіе постепенно переносилось и на ирландскія отношенія. Процессъ этой узурпаціи общиннаго землевла-

дѣнія въ пользу фамилій вождей особенно усиливался, благодаря постояннымъ возстаніямъ ирландцевъ. Послѣ каждаго такого возстанія наиболѣе вѣрныя старинѣ фамиліи вождей истреблялись или изгонялись, и феодальная система незамѣтно замѣняла собою общинно-родовую. Послѣ же подавленія громадныхъ возстаній ирландцевъ при Тюдорахъ, при Кромвелѣ и при Вильгельмѣ Оранскомъ ирландская аристократія была почти совершенно истреблена, а ея имущество конфисковано и передано англійскимъ аристократическимъ фамиліямъ, которыхъ законъ прямо призналъ полными собственниками земли. Этимъ путемъ весь ирландскій народъ, почти исключительно земледѣльческій, утратилъ всю свою землю и оказался проживающимъ и работающимъ на землѣ, принадлежащей сословію сравнительно немногочисленныхъ ландлордовъ, при томъ чужестранцевъ и иновѣрцевъ. Ничѣмъ не связанные, даже прямо взаимно враждебные, классы англійскихъ ландлордовъ-протестантовъ и ирландскихъ фермеровъ-католиковъ стали въ отношенія, наполнившія два съ половиною столѣтія картинами угнетенія и страданія, которымъ находимъ очень мало параллельнаго и подобнаго въ исторіи.

Не вдаваясь въ анализъ всего строя этихъ горестныхъ отношеній, остановимся здѣсь только на чисто экономической сторонѣ. Ирландія представляла все это время (XVII—XIX вв.) страну земледѣльческую (какъ и теперь). Какъ вездѣ въ тѣ малолюдные времена, когда была отнята у ирландскаго народа земля, и въ Ирландіи обработана подъ пашню была сравнительно незначительная часть территоріи. Остальная часть, луга и лѣса, были прежде запасною общественною площадью; теперь прямо обратилась въ площадь личнаго пользованія ландлордовъ безъ всякаго участія земледѣльческаго населенія. Въ пользованіи этого населенія остались пашни и усадьбы, за какое пользованіе ландлорды получали арендную плату въ размѣрѣ, какой они пожелали бы установить. Фермеры, которые здѣсь назывались *коттэрами* (обитателями коттэджей, усадьбъ), не имѣли никакого права ни на землю, ни на строенія и насажденія на ней, а уходить имъ было некуда. Изгнаніе равнялось полной нищетѣ и весьма часто влекло голодную смерть всей семьи. Сроковъ аренды не было никакихъ. Каждую осень ферма снималась снова, и ландлордъ всякую осень могъ выгнать коттэра или назначить ему новыя условія. Ландлорды жили въ Англіи, а чтобы вѣрнѣе обезпечить полученіе дохода съ своихъ ирландскихъ помѣстій, сдавали всю коттэрскую землю оптомъ разнымъ спекулянтамъ, которые уже отъ себя переоброчивали коттэрамъ, взимая съ нихъ все, что тѣ заплатить могли. Сами англичане арендную плату ирландскихъ коттэровъ прозвали „rack-rent“, т. е. истязующей платой (rack—пытка, истязаніе, муки). Между тѣмъ, населеніе все же умножалось, но ландлорды не находили нужнымъ раз-

рабатывать новыя земельныя площади подъ пашни потому, что скотоводство было выгоднѣе. Тучныя ирландскія пажити выращивали великолѣпный мясной скотъ, потреблявшійся Англіей и доставлявщій ландлордамъ очень крупные доходы. Такимъ образомъ, земледѣльческое населеніе, не смотря на размноженіе, должно было довольствоваться прежнею площадью пашни. Коттэрскіе участки все дробились и, наконецъ, стали настолько маломѣрными, что уже не могли приносить хлѣба въ количествѣ, необходимомъ для прокормленія семьи. Картофель выручилъ и скоро сталъ единственнымъ продуктомъ коттэрскаго хозяйства. Едва прокармливаясь отъ своего лоскутка, коттэръ уплачивалъ свою rack-rent изъ посторонняго заработка, большею частью у того же ландлорда, на его лугахъ, въ его мызахъ, лѣсахъ, торфяникахъ, каменоломняхъ. Коттэръ существовалъ (и очень жалко существовалъ) и работалъ (и очень много работалъ) исключительно для ландлорда. Неся ландлорду и весь свой трудъ, и весь свой заработокъ, коттэръ все же не былъ спокоенъ за завтрашній день, такъ какъ капризъ не только ландлорда, но и его приказчиковъ и оптовыхъ арендаторовъ могъ каждую осень лишить его и этой послѣдней возможности влачить трудное и горестное существованіе.

Таково было положеніе ирландскаго народа до реформъ Гладстона. Однако, и въ Ирландіи былъ уголокъ, гдѣ картина народной жизни была не столь безотрадна. Это графство Эльстеръ (Ulster), занимающее крайній сѣверъ острова. Здѣсь уже къ концу Среднихъ Вѣковъ населеніе начало мириться съ англійскимъ господствомъ. Здѣсь распространился протестантизмъ и сохранилось много старинныхъ аристократическихъ фамилій Ирландіи, потому что Эльстеръ принималъ мало участія въ возстаніяхъ XVI и XVII вв. Благодаря этому отпаденію Эльстера отъ общаго ирландскаго дѣла, онъ избѣгъ и того жестокаго угнетенія, которому подверглась Ирландія. Хотя ландлордизмъ утвердился и здѣсь, и народъ утратилъ всѣ свои земли, но ландлорды не были народу враждебны и большею частью сами жили въ помѣстьяхъ. Благодаря этому, выработался обычай, имѣвшій, однако, почти силу закона. По этому обычаю, фермеръ имѣлъ право на свою ферму, пока аккуратно уплачивалъ ренту, которая по обычаю не подлежала повышенію въ теченіе жизни арендатора. Если по какимъ-либо причинамъ арендатору ландлордъ отказывалъ, то обязанъ былъ уплатить за строенія и насажденія. Эти строенія и насажденія арендаторъ могъ уступить и другому лицу, а равно и право на аренду. Наконецъ, и площадь пахатной земли не была разъ навсегда ограниченною. Ее расширяли по мѣрѣ надобности. Эльстерскіе фермеры ѣли хлѣбъ, пользовались нѣкоторымъ достаткомъ и уплачивали своимъ ландлордамъ порядочную ренту, потому что за хорошо обработанную землю

можно платить больше. Всѣмъ было выгодно, и Эльстеръ являлся какъ бы живымъ упрекомъ остальнымъ графствамъ Ирландіи. Естественно, если первая попытка улучшить поземельный строй острова (первый ирландскій ландбилль Гладстона въ 1872 году) заключалась въ законодательномъ распространеніи эльстерскихъ обычаевъ на всю Ирландію. Еще ранѣе того Дж. Ст. Милль указывалъ на необходимость и справедливость такого узаконенія эльстерскихъ обычаевъ.

Въ основаніе ландбилля 1872 года было положено признаніе за ирландскими фермерами такъ называемыхъ трехъ F: Fixity of tenure, Free sale, Fair indemnity. Первое F заключалось въ утратѣ ландлордомъ права отказывать фермеру, пока тотъ исправно уплачиваетъ арендную плату, но сохраненіе ландлордомъ права повышать ренту дѣлало это первое F выгодою, довольно эфемерною. Второе F состояло въ правѣ фермера продать возведенныя имъ строенія и сдѣланныя имъ насажденія (ранѣе они дѣлались собственностью ландлорда) и въ его правѣ на вознагражденіе ландлордомъ за сдѣланныя имъ меліораціи въ случаѣ оставленія имъ аренды. Несомнѣнно, что это признаніе права фермера на *новыя* строенія, насажденія и меліораціи было актомъ справедливости, но доведенные до нищеты коттэры практически могли мало воспользоваться этими новыми своими правами. Къ тому же rack-rent осталась неприкосновенною. То, что годилось для Эльстера съ умѣренною рентою и съ добрыми отношеніями между ландлордами и фермерами, становилось весьма сомнительнымъ благомъ для остальныхъ ирландскихъ графствъ съ ихъ истязующею рентою, абсентеизмомъ ландлордовъ, враждою классовъ, оптовыми арендаторами-спекулянтами. Это скоро и обнаружилось. Въ 1874 году пало либеральное министерство Гладстона, и на шесть лѣтъ воцарились тори съ Биконсфильдомъ во главѣ. Въ это время, когда ирландскіе фермеры уже не могли разсчитывать на заступничество правительства, ирландскіе ландлорды, опасаясь новыхъ ограниченій своихъ земельныхъ правъ, спѣшили отдѣлаться отъ фермеровъ. Малѣйшая неисправность влекла безпощадное выселеніе, такъ что значительная площадь фермерской земли была обращена въ личное пользованіе ландлордовъ (обращена въ луга), а кормившіеся этою площадью люди частью вымерли, частью уѣхали за океанъ. Эта систематическая конфискація фермъ (такъ называемыя evictions, буквально „отнятія") принимала угрожающіе размѣры, вызывала небывалое раздраженіе, питала все умножающіяся аграрныя преступленія и подготовляла феніанскую революцію. Въ 1880 году либералы вернулись къ власти, и однимъ изъ первыхъ дѣяній Гладстона былъ второй ландбилль (изданъ въ 1881 году).

Этотъ второй ирландскій ландбилль оставался на почвѣ перваго, но былъ призванъ сдѣлать намѣренія перваго ландбилля

вполнѣ осуществимыми, чему мѣшало, между прочимъ, два обстоятельства: 1) уже существующая rack-rent и 2) право ландлорда ее повышать. Второй ландбилль это право у ландлорда отнялъ, предоставивъ его особымъ короннымъ судамъ, которымъ предоставлено было по просьбѣ фермеровъ входить въ разсмотрѣніе высоты уже существующей ренты и понижать ее въ мѣрѣ справедливости. Эти коронные суды организованы были еще Гладстономъ, всюду значительно понизили ренту и сдѣлали конфискаціи фермъ дѣломъ прошлаго. Ирландскій народъ получилъ нѣкоторое право на ирландскую землю и вышелъ изъ подъ ига ландлордовъ, но участки его надѣловъ остались такъ же маломѣрны и принадлежность ихъ ему такъ же условна. Третій гладстоновскій ландбилль, внесенный имъ въ 1886 году въ парламентъ, вмѣстѣ съ проектомъ ирландской автономіи (гомъ-руль), долженъ былъ исправить и эти стороны ирландскаго поземельнаго строя. Гладстонъ проектировалъ обязательный выкупъ англійскою казною всей площади фермерскихъ надѣловъ и значительной площади не культурной земли (ее въ Ирландіи не мало) для увеличенія надѣловъ. Этотъ проектъ былъ отвергнутъ вмѣстѣ съ гомъ-рулемъ, и власть надолго перешла къ консерваторамъ, которые по отношенію къ Ирландіи снова выдвинули программу безпощаднаго подавленія всякаго проявленія партикуляризма и покровительства англійскимъ ландлордамъ, какъ представителямъ уніи между двумя островами. Семнадцать горестныхъ лѣтъ прошло въ этой жестокой борьбѣ, и еще полгода тому назадъ мы заносили въ эту лѣтопись примѣры возмутительнаго насилія и угнетенія. Кажется, это былъ послѣдній пароксизмъ безславнаго гнета. Онъ возмутилъ и Эльстеръ, гдѣ потребовали также проведенія третьяго гладстоновскаго ландбилля. Эльстерскіе ландлорды, ставшіе на сторону этого движенія, увлекли за собою нѣкоторую часть ландлордовъ и другихъ ирландскихъ графствъ, а за ними и довольно значительную часть англійскихъ тори. Въ это же самое время заколебалось парламентское положеніе консервативнаго кабинета, который почувствовалъ потребность въ поддержкѣ или нейтралитетѣ ирландской партіи. Нейтралитетъ данъ, а поддержка полуобѣщана въ обмѣнъ за ландбилль. Это ускорило его внесеніе, но причиною явилась вышеуказанная новая групировка политическихъ силъ Ирландіи, а частью и самой Англіи. Какъ бы то ни было, министръ за Ирландію лордъ Уайндгамъ внесъ въ парламентъ законопроектъ о выкупѣ фермерскихъ земель.

II.

„Учреждается новый порядокъ для покупки ирландскихъ помѣстій, — гласитъ первая часть законопроекта, — а также учреждаются новые должности помѣстныхъ коммиссаровъ (Estates Commissioners), которые образуютъ поземельную коммиссію и подчиняются лорду намѣстнику Ирландіи. Они уполномочены рѣшать, какое имѣніе составляетъ помѣстье (estate). Они не обязаны признавать все имѣніе помѣстьемъ, потому что часть его можетъ быть въ личномъ пользованіи продавца. Они уполномочены отказывать въ своей санкціи куплѣ маломѣрныхъ и неэкономическихъ участковъ, если только не будетъ дана необходимая прирѣзка земли и доступъ къ необходимымъ угодьямъ. Такія купли-продажи маломѣрныхъ участковъ могутъ происходить на основаніи нынѣ существующихъ законовъ". Это первое положеніе новаго ландбилля сразу показываетъ громадное разстояніе, отдѣляющее его отъ гладстоновскаго проекта 1886 года. Тамъ былъ *обязательный* выкупъ *всей* фермерской земли и *общее* ея расширеніе. Здѣсь помощь правительства при куплѣ-продажѣ и частное расширеніе въ случаяхъ особой маломѣрности участковъ. Тѣмъ не менѣе, положеніе, созданное гладстоновскими ландбиллями 1872 и 1881 гг., такъ стѣснительно для ирландскихъ ландлордовъ, а, съ другой стороны, конкурренція новокультурныхъ заокеанскихъ странъ такъ понизила доходы ирландскаго скотоводства, что, при довольно высокой оцѣнкѣ земли, опредѣляемой биллемъ Уайндгама, слѣдуетъ ожидать массовой продажи земли лордами фермерамъ. Этого ожидаетъ и правительство, такъ какъ финансовая сторона проекта разсчитана на операцію полнаго выкупа фермерскихъ надѣловъ.

Ландлорды получаютъ отъ правительства сумму, равную получаемой ими теперь рентѣ, помноженной на двадцать-восемь, иначе говоря капитализованной приблизительно изъ $3^1/_2\%$. Для покрытія этой суммы правительство выпускаетъ заемъ. На фермеровъ возлагается уплата лишь двадцатипятилѣтней сложности ренты и процентовъ, что составитъ, при пониженіи нынѣшняго аренднаго платежа на 10 до 40%, платежъ въ теченіе шестидесяти лѣтъ, послѣ чего фермеръ или его правопреемникъ становится полнымъ собственникомъ. Сумма же трехлѣтней сложности уплачивается дополнительно казною (25 рентъ платятся фермерами и 3 ренты казною, всего 28 получаются ландлордами. Это составитъ около 12 мил. ф. ст. (300 мил. франковъ). Фермеры же уплатятъ 100 мил. ф. ст. ($2^1/_2$ милліарда франковъ). Въ настоящее время ландлорды получаютъ ренты около 4 мил. ф. ст. (100 мил. франковъ). Получивъ вмѣсто этого 112 милліоновъ фунтовъ налич-

ными деньгами, при средней доходности капиталовъ въ 3½ процента въ самой Англіи и свыше 10% въ колоніяхъ, ландлорды, конечно, только выиграютъ. Эти барыши и служатъ основою для надежды, что необязательный выкупъ дастъ всетаки широкіе результаты. Давленіе общественнаго мнѣнія, благопріятнаго выкупу, и опасеніе мести ирландскихъ фермеровъ тоже должны быть приняты во вниманіе. Такимъ образомъ, ландбилль 1903 года обѣщаетъ серьезное преобразованіе поземельнаго строя Ирландіи. Допущеніе къ операціи покупки земли: 1) фермеровъ сосѣднихъ помѣстій и 2) бывшихъ фермеровъ, лишившихся своихъ фермъ въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ, является очень существеннымъ дополненіемъ и расширяетъ значеніе реформы. Надѣлы остаются маломѣрны, но въ среднемъ нѣсколько возрастутъ. Возрастетъ нѣсколько и число фермеровъ. Плата будетъ понижена на 10—40%, и эта пониженная плата послѣ шестидесяти лѣтъ ея уплаты завершаетъ выкупъ. Непосредственныя отношенія фермеровъ и ландлордовъ немедленно прекращаются и рента превращается въ налогъ, взимаемый государствомъ и взыскиваемый, сообразно общимъ даннымъ объ урожаѣ и т. п. Но за всѣмъ тѣмъ, большая часть ирландской территоріи останется собственностью ландлордовъ, а маломѣрные надѣлы фермеровъ по прежнему будутъ стѣснять до послѣдней степени движеніе населенія и развитіе хозяйства. Это остается вопросомъ будущаго, который думалъ разрѣшить Гладстонъ въ 1886 г., но котораго не дерзаютъ трогать нынѣ и въ 1903 году.

Хотя и полный недомолвокъ и пробѣловъ, ландбилль Уайндгама составляетъ шагъ къ серьезному улучшенію поземельнаго строя Ирландіи и потому былъ принятъ въ палатѣ одобрительно вождемъ ирландскихъ гомрулеровъ Рэдмондомъ и предводителемъ эльстерскихъ „независимыхъ“ (новая небольшая группа, выдѣлившаяся изъ уніонистовъ) Росселемъ. Либералы отнеслись къ проекту очень сдержанно, но, конечно, ихъ поддержка въ общихъ чертахъ биллю обезпечена. Есть всѣ основанія думать, что палата общинъ одобритъ проектъ значительнымъ большинствомъ. Интересна судьба билля въ палатѣ лордовъ. Правительство, вѣроятно, сумѣетъ настоять на принятіи, но малѣйшее измѣненіе въ настроеніи общественнаго мнѣнія или отвлеченіе общественнаго вниманія къ другому вопросу будутъ использованы лордами для провала или хотя бы для порчи билля. Въ громадномъ большинствѣ лорды не сочувствуютъ ландбиллю Уайндгама, какъ и вообще всякимъ ландбиллямъ, угрожающимъ ихъ поземельной монополіи не въ одной Ирландіи.

III.

Обозрѣвая событія 1902 года, мы отмѣтили здѣсь и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствовали шведо-норвежское соглашеніе о консулахъ, разрѣшившее одно изъ давнишнихъ и острыхъ разногласій между шведами и норвежцами. Проектъ соглашенія дѣйствительно былъ опубликованъ въ концѣ 1902 года, какъ принятый обоими правительстваами въ Стокгольмѣ и въ Христіаніи. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія были не полны. Проектъ соглашенія о консулахъ дѣйстительно былъ одобренъ и стокгольмскимъ, и христіанійскимъ министерствами и, казалось, остается только утвержденіе обоихъ парламентовъ и санкція общаго короля. Нельзя было предвидѣть, чтобы дѣло, такое тягостное и такое важное для обѣихъ сторонъ, затормазилось въ одной изъ этихъ инстанцій. И въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ инстанціяхъ соглашеніе не отложено, но оно и не поступало еще на разрѣшеніе парламентовъ Стокгольма и Христіаніи и на утвержденіе короля. Задержка произошла со стороны стокгольмскихъ министровъ, которые пожелали, чтобы одновременно съ урегулированіемъ вопроса о консулахъ былъ разрѣшенъ вопросъ и о дипломатіи, тоже составляющій предметъ давнишняго спора между двумя королевствами Оскара II. Норвежцы-же со своей стороны опротестовали внесеніе этого новаго условія, предпочитая дипломатическій вопросъ трактовать особо внѣ уже согласованнаго рѣшенія вопроса консульскаго. Движеніе состоявшагося соглашенія пріостановилось, и снова открылись совѣщанія и конференціи между представителями шведовъ и норвежцевъ. Кстати сказать мимоходомъ, отъ лица норвежцевъ переговоры ведетъ Сигурдъ Ибсенъ, сынъ знаменитаго писателя. Ему удалось добиться отъ шведовъ раздѣленія вопросовъ о консулахъ и о дипломатахъ, и то, что мы ошибочно сочли состоявшимся въ октябрѣ, надо, повидимому, считать совершившимся въ мартѣ.

Спорный вопросъ имѣетъ слѣдующую исторію. Вѣнскій конгрессъ, желая наказать Данію за вѣрность Наполеону и наградить Швецію за борьбу съ Наполеономъ, рѣшилъ отдѣлить Норвегію отъ Даніи и передать Швеціи. Данія подчинилась, но не норвежцы. Шведы попробовали принудить силою, но были разбиты норвежцами, которые провозгласили независимость. Тогда вмѣшалась Европа и угрозой вооруженнымъ вмѣшательствомъ заставила норвежцевъ признать шведскаго короля королемъ и Норвегіи, но на условіяхъ, которыя они поставили. Основнымъ положеніемъ этихъ условій было полное равенство обоихъ королевствъ, сохранившихъ каждое свое политическое устройство, аристократическое въ Швеціи и демократическое въ Норвегіи. Этотъ актъ обезпе-

чилъ внутреннюю автономію Норвегіи, хотя шведскіе короли и дѣлали иногда попытки вмѣшиваться во внутреннія дѣла Норвегіи въ интересахъ Швеціи. Это обстоятельство, что король шведо-норвежскій есть прежде всего шведскій король съ шведскимъ патріотизмомъ и шведскою политическою программою, неудобное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и для внутренней исторіи Норвегіи, въ дѣлахъ внѣшнихъ сдѣлали Норвегію просто какъ бы провинціей Швеціи. И норвежская конституція, какъ всякая другая, внѣшнія отношенія предоставляетъ королю, который дѣлаетъ это черезъ посредство своего шведскаго министра иностранныхъ дѣлъ, отвѣтственнаго только передъ стокгольмскимъ парламентомъ и не имѣющаго никакого отношеніе къ парламенту Христіаніи. Ненормальность этого положенія усиливается еще тѣмъ, что не Швеція, а именно Норвегія имѣетъ огромную внѣшнюю торговлю во всѣхъ частяхъ свѣта, а охранять ее призваны консулы, назначенные шведами, подчиненные шведской дипломатіи и проводящіе шведскіе интересы. Такое положеніе влечетъ, по утвержденію норвежцевъ, очень серьезный матеріальный ущербъ норвежской торговлѣ и промышленности. И чѣмъ эта торговля и промышленность болѣе развивается и шире распространяется, тѣмъ невозможнѣе и разорительнѣе становится этотъ режимъ, лишающій норвежскіе интересы необходимой международной охраны. Шведы часто прямо пренебрегаютъ норвежскими интересами, но и тогда, когда находятся болѣе внимательные къ норвежцамъ агенты, они недостаточно освѣдомлены и потому не умѣютъ быть полезными.

Эта несомнѣнно справедливая жалоба норвежцевъ мало-помалу выросла въ крупное всенародное движеніе, все яснѣе направляющееся противъ уніи со Швеціей, столь безцеремонно нарушающей равенство, опираясь на естественныя, но неправильныя предпочтенія шведской династіи, навязанной и норвежцамъ. Опасность норвежскаго движенія была, наконецъ, понята, и даже такое ультра-націоналисткое министерство, какъ настоящее Дугласа, съ согласія такого ультра-шведскаго короля, какъ Оскаръ II, рѣшилось на уступки. Вопросъ о консулахъ былъ для норвежцевъ болѣе настоятельнымъ, давая себя чувствовать постоянно повсюду, гдѣ ни развѣвался норвежскій флагъ... А гдѣ онъ не развѣвается? Въ октябрѣ 1902 года и состоялось, какъ выше сказано, соглашеніе объ учрежденіи особаго консульскаго института для Норвегіи. Такъ какъ члены консульской организаціи формально подчинялись организаціи дипломатической, которой соглашеніе не коснулось и которая, слѣдовательно, остается шведскою, то было образовано совѣщаніе для урегулированія этихъ формальныхъ отношеній. На этомъ-то совѣщаніи шведы и возбудили вопросъ о дипломатической организаціи, чѣмъ и затянули дѣло съ октября до марта, но въ концѣ концовъ увидѣли себя

вынужденными согласиться на раздѣленіе вопросовъ о консулахъ и о дипломатахъ, какъ того желали норвежцы, и покуда ограничить соглашеніе консульскимъ вопросомъ. Такимъ образомъ, совѣщаніе закончило свое дѣло къ концу марта, и шведское министерство опубликовало 24 марта слѣдующія данныя о результатахъ этихъ полугодовыхъ переговоровъ:

„Совѣщанія по консульскому вопросу, происходившія въ октябрѣ, въ декабрѣ и въ январѣ въ Стокгольмѣ между представителями правительствъ Швеціи и Норвегіи, затѣмъ были продолжены въ Христіаніи въ теченіе февраля и марта. Шведскіе уполномоченные указывали, что учрежденіе особой консульской организаціи для каждаго изъ Соединенныхъ Королевствъ имъ не представляется желательнымъ, а расторженіе теперешняго единства не должно быть выгодно ни той, ни другой сторонѣ. Можно, напротивъ того, опасаться возникновенія нѣкоторыхъ затрудненій. Въ Норвегіи, однако, издавна держатся другого мнѣнія, но изъ совѣщаній консульской коммиссіи самихъ норвежцевъ видно, что, учреждая особыя консульскія организаціи для каждой страны, невозможно выработать основы, которыя и удовлетворили бы всѣ желанія норвежцевъ, и уничтожили бы естественныя сомнѣнія шведовъ. Тѣмъ не менѣе, признавая, что взаимное соглашеніе между двумя королевствами имѣло бы огромныя преимущества, шведскіе уполномоченные изъявили согласіе на слѣдующія положенія:

„1. Швеція и Норвегія будутъ обладать каждая своей особой консульской организаціей. Консулы будутъ назначаться правительствами каждой страны, согласно ея законамъ. 2. Отношеніе консульствъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ и посольствамъ будутъ регулированы закономъ, одинаковымъ для обѣихъ странъ. Законы эти могутъ быть отмѣнены не иначе, какъ съ согласія обѣихъ странъ.

„Шведскіе уполномоченные при этомъ заявили, что современное положеніе министерства иностранныхъ дѣлъ они признаютъ вполнѣ ненормальнымъ и несоотвѣтствующимъ справедливому требованію норвежцевъ равенства обѣихъ странъ. Они предложили обсудить этотъ вопросъ, но норвежцы не сочли возможнымъ теперь же приступить къ этому обсужденію. На это шведскіе уполномоченные заявили, что они готовы посовѣтовать королю внести въ стокгольмскій риксдагъ и христіанійскій стортингъ проектъ, по которому министръ иностранныхъ дѣлъ могъ бы назначаться королемъ одинаково изъ шведовъ и изъ норвежцевъ (теперь только изъ шведовъ) и былъ бы въ равной мѣрѣ отвѣтственъ передъ парламентами обѣихъ странъ. Норвежскіе уполномоченные отвѣтили, что и они считаютъ настоящее положеніе несоотвѣтственнымъ справедливому желанію норвежцевъ установить равенство между двумя народами. Но именно поэтому Норвегія не можетъ присоединиться къ проекту, который только легализировалъ бы существую-

щее неравенство. Они надѣются, однако, что этотъ вопросъ можетъ быть въ скоромъ времени предметомъ другихъ совѣщаній между правительствами двухъ странъ. Если же во время настоящаго совѣщанія, они, норвежскіе уполномоченные, отклоняютъ обсужденіе этихъ вопросовъ, это потому главнымъ образомъ, что находятъ мнѣнія по этому предмету, преобладающія въ двухъ странахъ, слишкомъ различными и недопускающими въ настоящую минуту искренняго соглашенія.

„Въ виду всего вышеизложеннаго, уполномоченные обѣихъ сторонъ ограничились проектомъ соглашенія по консульскому вопросу и оставили въ сторонѣ вопросъ объ руководительствѣ внѣшнею политикою и о составѣ дипломатическаго корпуса. Они пришли къ соглашенію, чтобы отношеніе консульскаго и дипломатическаго персоналовъ были опредѣлены закономъ, одинаковымъ для обоихъ королевствъ и не подлежащимъ отмѣнѣ или измѣненію безъ обоюднаго согласія. Эти законы должны обезпечить точныя границы консульскихъ правъ и точно указать случаи совмѣстныхъ съ дипломатіей дѣйствій“.

Таково это соглашеніе, изложенное съ шведской точки зрѣнія. Шведы справедливо видятъ въ этомъ уступку съ своей стороны. Норвежцы же находятъ, что уступка была вынужденною, и что основы для соглашенія по вопросу о внѣшней политикѣ предложены шведами не уравнительныя. Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ разногласія между риксдагомъ и стортингомъ, кто призванъ разрѣшить это разногласіе? И въ согласіи съ какимъ парламентомъ обязанъ быть министръ иностранныхъ дѣлъ? Этого основного вопроса и не касается шведское предложеніе, которое какъ бы молчаливо разсчитываетъ на короля. Но король—шведъ. Такимъ шведомъ прежде всего былъ покойный Карлъ, братъ Оскара. Такимъ является и Оскаръ. Еще болѣе шведомъ обѣщаетъ быть и наслѣдный принцъ Карлъ. Очевидно, не въ короляхъ норвежцы могутъ видѣть посредника; болѣе равноправная комбинація еще не созрѣла, и норвежцы согласны ждать, лишь бы не „легализировать существующее неравенство“, какъ выразились норвежскіе уполномоченные, отвергая шведскія предложенія...

Норвежцы правы, добиваясь полнаго равенства, но нельзя не признать, что и шведы въ послѣдніе годы сдѣлали немало шаговъ къ признанію справедливости. Теченіе къ примирительному соглашенію съ норвежцами начинаетъ все сильнѣе проявляться среди шведовъ. Они сознаютъ необходимость солидарности всѣхъ скандинавскихъ народовъ и начинаютъ понимать, какъ много повредило имъ ихъ стремленіе къ гегемоніи надъ братскимъ и не менѣе культурнымъ народомъ. Весь цивилизованный міръ встрѣтитъ искреннее сближеніе шведовъ и норвежцевъ съ неподдѣльнымъ удовлетвореніемъ, потому что ничего, кромѣ общей симпа-

тіи, не могли заслужить эти благородные и просвѣщенные народы, никому не угрожающіе и никому не завидующіе.

IV.

Понемногу развиваются событія на Балканскомъ полуостровѣ. Незначительныя четы болгарскихъ инсургентовъ бродятъ въ горахъ монастырскаго вилайета и на границахъ Болгаріи. Геройски сражаются они съ турками и вотъ уже два мѣсяца выдерживаютъ неравную борьбу. Конечно, не эти четы являются помѣхою введенія реформы. Албанцы коссовскаго вилайета, а затѣмъ и монастырскаго и ускюбскаго. Въ Ипекѣ (Коссовскій вилайетъ) назначенные христіане-жандармы были немедленно убиты албанцами. Въ Дьяковѣ (тотъ же вилайетъ) таже участь постигла вновь назначенныхъ судей. Наконецъ, въ Митровицѣ они убили русскаго консула. Убійца арестованъ, какъ и его сообщники, но наказать ихъ турки еще не смѣютъ. Они наполняютъ войсками съ Азіи Македонію и Старую Сербію. Говорятъ, это дѣлается для усмиренія албанцевъ, но это становится не безопаснымъ для сосѣднихъ Болгаріи и Сербіи, не говоря о христіанскомъ населеніи несчастныхъ вилайетовъ, реформируемыхъ турецкими чиновниками и охраняемыхъ турецкими войсками... Терпѣніе державъ поистинѣ, неистощимое.

Державы, конечно, заняты собственными дѣлами. Мы выше видѣли, какъ Англія поглощена теперь ирландскимъ вопросомъ. Правительство англійское имѣетъ на рукахъ много и другихъ важныхъ дѣлъ, а все яснѣе сказывающійся поворотъ общественнаго мнѣнія подхлестываетъ правительство и дѣлаетъ его все болѣе нервнымъ и нерѣшительнымъ. За отчетный мѣсяцъ происходило опять нѣсколько частныхъ выборовъ въ англійскомъ парламентѣ. Выборы происходили: въ сѣв. Ферманафѣ (Эльстеръ) 20 (7) марта, въ Чертси (Серрей) 27 марта, и въ Кэмборнѣ (Корнуэльсъ) 10 апр. Надо было замѣнить двухъ консерваторовъ и одного либерала. Выбрано: 1 консерваторъ, 1 либералъ и 1 независимый эльстерецъ. Иначе говоря, министерство потеряло одно мѣсто изъ двухъ. Еще хуже дѣло съ голосами. На выборахъ 1900 года консерваторы соединили въ этихъ трехъ округахъ 16948, а теперь черезъ два съ половиною года—10824.

Во Франціи тоже происходили частные выборы въ теченіе отчетнаго мѣсяца. Особый интересъ представляли дополнительные муниципальные выборы въ Парижѣ. Надо было выбрать трехъ совѣтниковъ, изъ коихъ два вмѣсто соціалистовъ и одинъ вмѣсто выбывшаго націоналиста. Вмѣсто соціалистовъ выбраны соціалисты же, а вмѣсто націоналиста избранъ демократъ (минист. республиканецъ). Въ 1900 году націоналисты соединили

въ этихъ трехъ избирательныхъ округахъ 11,522 голосовъ, а теперь всего 8,286. Это пораженіе націоналисты очень живо почувствовали и даже затѣяли внутреннюю перебранку, кто виноватъ въ этомъ пораженіи?

Законодательные выборы происходили на Корсикѣ въ округѣ Corte. Приходилось замѣстить Джакобини, демократа, избраннаго въ сенатъ. Избранъ демократъ же Гавани. Въ 1902 году сторонники министерства соединили 7,608 голосовъ, а націоналисты—2631. Въ настоящее время Гавани получилъ 9,032 гол., а націоналистъ Дзукарелли—241. Въ такомъ неизмѣнно усиливающемся и укрѣпляющемся направленіи высказывается Франція въ то время, какъ правительство все усиливаетъ и укрѣпляетъ свою антиклерикальную политику.

Изъ другихъ французскихъ событій послѣдняго мѣсяца мы сегодня не коснемся дѣла Дрейфуса и подождемъ его выясненія. Отмѣтимъ дѣло Мильерана. Извѣстно, что конгрессъ французской соціалистической партіи 1902 года въ Турѣ высказался противъ участія соціалистовъ въ министерствахъ, образуемыхъ представителями господствующихъ классовъ. Мильеранъ, одинъ изъ видныхъ и талантливыхъ вождей соціализма, былъ въ то время министромъ торговли въ кабинетѣ В. Руссо. Кабинетъ этотъ доживалъ свои дни и Мильеранъ остался до конца въ его составѣ, но отъ участія въ новомъ коалиціономъ министерствѣ уклонился вмѣстѣ со всѣми соціалистами. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько мѣсяцевъ министерства послѣ турской резолюціи ему не желали простить нѣкоторые члены партіи. Другая его вина въ томъ, что въ качествѣ члена кабинета В. Руссо онъ вотировалъ за сохраненіе конкордата. Нынѣ собрался новый ежегодный конгрессъ французской соціалистической партіи въ Бордо. На этотъ конгрессъ было внесено предложеніе удалить Мильерана изъ состава партіи. Послѣ долгихъ и горячихъ дебатовъ предложеніе это было отклонено большинствомъ 109 голосовъ противъ 89. Жоресъ говорилъ за Мильерана. Затѣмъ конгрессъ особою резолюціей подтвердилъ неучастіе соціалистовъ въ министерствахъ буржуазныхъ партій и осудилъ сохраненіе конкордата. Словомъ, Мильеранъ не столько оправданъ, сколько помилованъ своими единомышленниками.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Законодательные акты и предположенія послѣдняго времени. — Законъ 12 марта объ отмѣнѣ круговой поруки. — Преобразованіе земскаго хозяйства въ Сѣверо-Западномъ краѣ.—Проектъ усиленія жандармской полиціи. — Правительственное сообщеніе о реформѣ средней школы.—II. Правительственныя сообщенія и распоряженія. — Правительственныя распоряженія относительно Финляндіи.—III. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

За послѣднія недѣли обнародовано нѣсколько новыхъ законовъ и оглашено въ печати содержаніе нѣкоторыхъ изъ подготовляемыхъ правительствомъ законопроектовъ, касающихся различныхъ сторонъ нашей государственной и общественной жизни. Среди этихъ, частью уже изданныхъ, частью еще ожидаемыхъ, законодательныхъ актовъ прежде всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе законъ объ отмѣнѣ круговой поруки, появленіе котораго было заранѣе возвѣщено въ манифестѣ 26 февраля.

12 марта текущаго года состоялся именной высочайшій указъ на имя Правительствующаго Сената слѣдующаго содержанія:

„Въ непрестанныхъ попеченіяхъ о благоденствіи народа Нашего, идя по стопамъ вѣнценосныхъ предковъ Нашихъ, не оставляли Мы заботы объ упроченіи быта крестьянства посредствомъ облегченія лежащаго на немъ податного бремени. Въ сихъ видахъ, согласно преподаннымъ Нами указаніямъ, въ 1896 и 1899 гг. былъ разработанъ и утвержденъ рядъ мѣръ къ облегченію сельскимъ обывателямъ уплаты наиболѣе отяготительныхъ для нихъ сборовъ по выкупному долгу, разрѣшеніемъ отсрочки и пересрочки непогашенной части сего долга.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ предпринято было и преобразованіе въ порядкѣ взиманія съ населенія окладныхъ сборовъ.

„Порядокъ этотъ съ давняго времени основанъ былъ на началѣ круговой отвѣтственности крестьянъ въ уплатѣ повинностей. Но уже Державный Дѣдъ Нашъ, Императоръ Александръ II, приступилъ къ ограниченію этого начала, изъявъ отъ дѣйствія круговой поруки малолюдныя селенія. Исполняя завѣтъ Царя-Освободителя, Мы, въ положеніи 23 іюня 1899 г. о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ, вновь значительно сократили дѣйствіе круговой поруки. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мы тогда же повелѣли министру финансовъ войти въ соображеніе вопроса о совершенной отмѣнѣ круговой отвѣтственности по уплатѣ окладныхъ сборовъ.

„Нынѣ, по представленіи министромъ финансовъ предположе-

ній его по сему предмету и разсмотрѣніи оныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Мы признали за благо, согласно выраженной въ манифестѣ, въ 26 день февраля настоящаго года данномъ, волѣ Нашей, отмѣнить законы, коими установляется отвѣтственность исправныхъ крестьянъ за неисправныхъ, и утвердить къ исполненію новыя правила о порядкѣ уплаты каждымъ причитающихся съ него окладныхъ сборовъ.

„Вслѣдствіе сего и въ твердой увѣренности, что даруемыя крестьянамъ новымъ закономъ облегченія послужатъ къ вящшему укрѣпленію ихъ благосостоянія, повелѣваемъ:

„Въ мѣстностяхъ, въ коихъ введено въ дѣйствіе Высочайше утвержденное 23 іюня 1899 года положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ, отмѣнить круговую поруку крестьянъ въ уплатѣ окладныхъ государственныхъ и земскихъ, а также и мірскихъ сборовъ, на основаніяхъ, въ сей день Нами утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта установленныхъ.

„Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе".

Содержаніе упомянутаго въ приведенномъ указѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта въ главныхъ своихъ чертахъ сводится къ слѣдующему. Одновременно съ отмѣною круговой поруки въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи, въ которыхъ дѣйствуетъ положеніе 23 іюня 1899 г. о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ, министру финансовъ предоставляется слагать государственные сборы съ этихъ земель на всякую сумму. Вмѣстѣ съ тѣмъ сельскія общества указанныхъ мѣстностей освобождаются отъ взысканія платы за лѣченіе принадлежащихъ къ ихъ составу неимущихъ членовъ въ заведеніяхъ общественнаго призрѣнія. Съ другой стороны въ земскихъ губерніяхъ устанавливается новый порядокъ распредѣленія сборовъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Законъ 12 марта опредѣляетъ этотъ порядокъ такимъ образомъ: „изъ поступающихъ въ казначейства взносовъ въ уплату сборовъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель прежде всего покрывается сполна по каждой отдѣльной окладной единицѣ окладъ земскаго сбора, а по селеніямъ, на которыхъ числится разсроченная въ установленномъ порядкѣ недоимка земскаго сбора, также и означенная недоимка въ размѣрѣ не свыше 20 процентовъ къ окладу. За пополненіемъ въ указанныхъ предѣлахъ слѣдующихъ въ доходъ земства платежей всѣ остальныя поступающія по означенной окладной единицѣ суммы поземельныхъ сборовъ обращаются на покрытіе сполна оклада государственныхъ сборовъ, а въ подлежащихъ случаяхъ и разсроченной недоимки сихъ послѣднихъ сборовъ въ размѣрѣ также не свыше 20 процентовъ къ окладу. За покрытіемъ въ такомъ порядкѣ

слѣдующихъ въ доходъ казны платежей дальнѣйшими поступленіями по той же окладной единицѣ возмѣщаются остальныя числящіяся на оной недоимки сначала по земскимъ, а затѣмъ и по государственнымъ сборамъ".

Что касается самой уплаты окладныхъ сборовъ, то она возлагается новымъ закономъ на отвѣтственность каждаго отдѣльнаго домохозяина, причемъ этотъ порядокъ примѣняется равно въ селеніяхъ съ общиннымъ и съ подворнымъ владѣніемъ землею. Взиманіе же окладныхъ сборовъ будетъ совершаться должностными лицами волостного и сельскаго общественнаго управленія, подъ руководствомъ земскаго начальника и податного инспектора. Раскладка сборовъ предоставляется волостнымъ и сельскимъ сходамъ, но копіи со всѣхъ раскладочныхъ приговоровъ должны быть немедленно представляемы земскому начальнику и податному инспектору. Если первый удостовѣрится, что подобный приговоръ постановленъ несогласно съ закономъ, то онъ останавливаетъ исполненіе этого приговора и представляетъ его, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, не позже двухъ недѣль со дня внесенія приговора въ особую книгу, на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда. Въ свою очередь податной инспекторъ, если признаетъ, что при составленіи раскладочнаго приговора допущены отступленія отъ закона, клонящіяся къ нарушенію казеннаго интереса, сообщаетъ объ этомъ въ мѣсячный срокъ со дня полученія копіи приговора земскому начальнику, который и въ этомъ случаѣ представляетъ въ двухнедѣльный срокъ приговоръ съ своимъ заключеніемъ на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда.

При взносѣ крестьянами платежей за текущій годъ закономъ 12 марта допускаются нѣкоторыя льготы. Въ случаѣ временного затрудненія отдѣльныхъ домохозяевъ въ уплатѣ причитающейся съ нихъ по частному сроку доли оклада государственныхъ и земскихъ сборовъ, земскому начальнику предоставляется, по ходатайствамъ этихъ домохозяевъ и по соглашенію съ податнымъ инспекторомъ, отсрочить уплату этой доли оклада до одного изъ слѣдующихъ частныхъ сроковъ въ предѣлахъ окладного года. Въ случаѣ же постигшаго отдѣльныхъ домохозяевъ значительнаго бѣдствія земскій начальникъ представляетъ управляющему казенною палатою объ отсрочкѣ пострадавшимъ домохозяевамъ уплаты государственныхъ и земскихъ сборовъ за предѣлы окладного года. Съ своей стороны управляющій казенной палатой можетъ немедленно сдѣлать распоряженіе о пріостановкѣ взысканія окладныхъ сборовъ съ пострадавшихъ домохозяевъ. Ему же, по соглашенію съ губернаторомъ, предоставляется разсрочка или отсрочка текущаго оклада государственныхъ и земскихъ сборовъ, въ размѣрѣ не свыше половины оклада и на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. Въ случаѣ несогласія губернатора съ управляющимъ казенною палатою или необходимости дать крестьянамъ льготу по уплатѣ оклада

государственныхъ и земскихъ сборовъ въ большемъ размѣрѣ и на большій срокъ, управляющій казенной палатой входитъ съ представленіемъ къ министру финансовъ, который разрѣшаетъ дѣло по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Распоряженіе взысканіемъ недоимокъ по окладнымъ сборамъ возлагается на податного инспектора. Согласно представленію послѣдняго, управляющій казенной палатой можетъ, по соглашенію съ губернаторомъ, разсрочить или отсрочить уплату такихъ недоимокъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. Для взысканія же недоимокъ, превысившихъ 20 процентовъ оклада или, хотя и не достигшихъ этого размѣра, но не обезпечиваемыхъ, по мнѣнію податного инспектора, разсрочкою платежа, законъ 12 марта указываетъ особыя мѣры. Въ селеніяхъ съ общиннымъ пользованіемъ землею для взысканія такихъ недоимокъ, согласно указанію этого закона, „примѣняются слѣдующія мѣры: а) отобраніе, по предложенію земскаго начальника, селеніемъ, къ которому принадлежитъ неисправный домохозяинъ, полевой земли его; б) сдача въ аренду съ торговъ означенной земли и в) продажа принадлежащихъ недоимщику строеній, не составляющихъ необходимости въ его хозяйствѣ". Отобраніе селеніемъ полевой земли у неисправнаго домохозяина можетъ быть произведено на срокъ по усмотрѣнію схода, но не свыше шести лѣтъ, съ обязательствомъ уплатить единовременно всю накопившуюся на этомъ домохозяинѣ недоимку. Впрочемъ, по особому ходатайству схода, поддержанному представленіемъ податного инспектора, управляющій казенной палатой можетъ разсрочить или отсрочить уплату такой недоимки на срокъ не долѣе трехъ лѣтъ. Отобранная у неисправнаго домохозяина земля либо передается сходомъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, либо распредѣляется между всѣми домохозяевами, либо, наконецъ, оставляется въ нераздѣльномъ пользованіи всего селенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ текущій окладъ за нее долженъ взиматься съ пользующихся ею домохозяевъ въ размѣрѣ, опредѣленномъ раскладочнымъ приговоромъ. Законъ предусматриваетъ однако возможность отказа со стороны селенія, къ которому принадлежитъ недоимщикъ, отобрать у послѣдняго землю на указанныхъ основаніяхъ. Въ этомъ случаѣ наступаетъ очередь второй мѣры: „уѣздный съѣздъ, по представленію податного инспектора, дѣлаетъ распоряженіе о сдачѣ полевой земли недоимщика въ аренду съ торговъ, причемъ опредѣляетъ ту часть земли домохозяина, которая подлежитъ сдачѣ съ торговъ, долю годового оклада, причитающуюся на сдаваемую землю, срокъ, на который она сдается, сроки и порядокъ взноса арендныхъ за землю платежей, а также мѣры противъ возможной неисправности арендатора". Срокъ такой аренды въ свою очередь не долженъ превышать шести лѣтъ. Самая сдача съ торговъ производится волостнымъ старшиною въ томъ селеніи, при которомъ состоитъ сдаваемая земля, и къ уча-

стію въ торгахъ допускаются только члены того сельскаго общества, къ которому принадлежитъ недоимщикъ. Но если эти торги не состоятся, то назначаются вторые, въ которыхъ могутъ участвовать уже и постороннія обществу лица. Наконецъ, если и эта мѣра остается безуспѣшной, податной инспекторъ дѣлаетъ распоряженіе о продажѣ принадлежащихъ недоимщику строеній, не составляющихъ необходимости въ его хозяйствѣ. Что касается селеній съ подворнымъ владѣніемъ землей, то въ нихъ къ этимъ тремъ мѣрамъ, примѣняемымъ въ той же самой послѣдовательности, присоединяется еще одна. Именно, въ томъ случаѣ, если отобраніе полевой земли у недоимщика и продажа принадлежащихъ ему строеній остались безуспѣшными, а торги на сдачу въ аренду его полевой земли не состоялись, податной инспекторъ входитъ въ уѣздный съѣздъ съ представленіемъ о продажѣ подворнаго участка недоимщика съ публичнаго торга и губернское присутствіе распоряжается производствомъ такой продажи.

Таково содержаніе главныхъ постановленій закона 12 марта. При всей видимой ихъ несложности правильная оцѣнка ихъ все же не такъ проста, какъ это могло бы, пожалуй, показаться съ перваго взгляда. Сама по себѣ отмѣна круговой поруки, создаваемая новымъ закономъ, несомнѣнно, является шагомъ впередъ отъ стариннаго крѣпостного режима въ сторону порядковъ, диктуемыхъ современнымъ правосознаніемъ, допускающимъ отвѣтственность всякаго человѣка лишь за его собственныя дѣйствія. Но однимъ этимъ далеко еще не исчерпывается и не опредѣляется всецѣло значеніе указанной мѣры. Истинный смыслъ ея, какъ и всякаго почти частнаго акта государственной дѣятельности, можетъ быть вскрытъ только путемъ сопоставленія со всею совокупностью тѣхъ условій, среди которыхъ подобные акты должны осуществляться въ жизни. Если мы попытаемся съ этой точки зрѣнія оцѣнить возможные результаты отмѣченныхъ выше мѣропріятій, сопровождающихъ отмѣну круговой поруки, то намъ придется различить въ этихъ результатахъ двѣ, не вполнѣ совпадающія между собою стороны, сводящіяся къ интересамъ фиска и интересамъ плательщиковъ податей.

Что касается интересовъ перваго, то они, несомнѣнно, остаются вполнѣ обезпеченными и при дѣйствіи новаго порядка. Въ правительственныхъ сферахъ принципіальное осужденіе круговой поруки назрѣло уже къ моменту освобожденія крестьянъ и сохраненіе ея было признано тогда необходимымъ исключительно въ виду соображеній практическаго характера. Дальнѣйшій опытъ показалъ, однако, что и практическія удобства, доставляемыя этимъ институтомъ казнѣ, не особенно велики. Благодаря этому уже въ концѣ 50-хъ годовъ законодатель счелъ возможнымъ освободить отъ дѣйствія круговой поруки тѣ селенія или части ихъ, въ которыхъ числилось менѣе 40 ревизскихъ душъ. Послѣ того въ за-

конодательствѣ въ теченіе долгаго времени не принималось, правда, мѣръ къ ограниченію дѣйствія круговой поруки, но за то такое ограниченіе постепенно создавалось самою практикою жизни. Тяжелыя экономическія потрясенія, пережитыя русской деревней за послѣднія десятилѣтія, быстро понизили уровень ея благосостоянія и вмѣстѣ чрезвычайно высоко подняли ея недоимочность. Въ одно время и въ прямой связи съ этимъ процессомъ въ деревнѣ совершался другой, сводившійся къ дифференціаціи деревенскаго населенія, причемъ эта послѣдняя находила себѣ прямое покровительство въ экономической политикѣ нашего финансового вѣдомства и порою даже открыто ставилась одною изъ цѣлей такой политики. При наличности подобныхъ условій настойчиво примѣнять въ дѣлѣ взысканія податей съ крестьянства круговую поруку значило бы въ сущности ослаблять ту самую группу деревенскаго населенія, объ усиленіи которой заботилось финансовое вѣдомство, и на практикѣ такое примѣненіе становилось съ теченіемъ времени все болѣе рѣдкимъ, сохраняясь главнымъ образомъ по отношенію къ мірскимъ сборамъ. Наиболѣе существеннымъ препятствіемъ къ полной отмѣнѣ круговой поруки въ этой обстановкѣ служила необходимость для фиска заинтересовать сельскій міръ въ исправномъ поступленіи податей, порождавшаяся отсутствіемъ такой податной организаціи, которая могла бы считаться съ каждымъ отдѣльнымъ плательщикомъ. Положеніе 23 іюня 1899 года о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель до извѣстной степени создало подобную организацію и оно же вновь ограничило районъ дѣйствія круговой поруки. Не отмѣненная совершенно, круговая порука съ изданіемъ только что упомянутаго закона была, однако, признана сохраняемой исключительно въ видѣ временной мѣры и министру финансовъ было предоставлено черезъ годъ по введеніи въ дѣйствіе этого закона войти въ соображеніе вопроса о возможности отмѣны круговой поруки крестьянъ по уплатѣ окладныхъ сборовъ. По словамъ оффиціознаго разъясненія, напечатаннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ по поводу закона 12 марта, примѣненіе установленнаго въ 1899 г. порядка взысканія сборовъ „немедленно выяснило отсутствіе настоятельной надобности въ круговой порукѣ, какъ средствѣ къ огражденію интересовъ фиска: за рѣдкими исключеніями, прибѣгать къ круговой порукѣ не приходилось, ибо правильно поставленная податная администрація оказалась способною ко взиманію сборовъ съ отдѣльныхъ крестьянъ, если платежныя силы ихъ не были слишкомъ напряжены. Въ то же время выяснилось, что круговая отвѣтственность не только не вытекаетъ изъ бытовыхъ воззрѣній крестьянъ, но, напротивъ, находится въ рѣзкомъ съ ними противорѣчіи: крестьяне подчинялись требованіямъ о разверсткѣ недоимокъ между всѣми домохозяевами недоимочнаго селенія и о

взысканіи ихъ согласно этой разверсткѣ крайне неохотно, очевидно, признавая такой порядокъ несоотвѣтствующимъ справедливости. При такихъ условіяхъ дальнѣйшее сохраненіе круговой поруки оказалось и не нужнымъ, и стѣснительнымъ". Результатомъ этого вывода, сдѣланнаго правительствомъ, и явился отмѣнившій круговую поруку законъ 12 марта, причемъ серьезныя полномочія, предоставленныя этимъ закономъ представителямъ администраціи по отношенію къ имуществу крестьянъ, сами по себѣ уже служатъ вполнѣ достаточной гарантіей интересовъ фиска.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ плательщиками податей. Цитированное уже нами оффиціозное разъясненіе усматриваетъ главную выгоду, даваемую крестьянамъ закономъ 12 марта, въ психическомъ воздѣйствіи послѣдняго. „Хотя—говорится въ этомъ разъясненіи—фактически круговая порука, при новой системѣ взысканія сборовъ, примѣнялась сравнительно рѣдко, но самая возможность ея примѣненія, возникавшая во всѣхъ случаяхъ наличности недоимки, оказывала пагубное вліяніе на благосостояніе крестьянъ, препятствуя развитію въ ихъ средѣ предпріимчивости и инціативы: одна вѣроятность отвѣтственности за неисправность своихъ односельцевъ вносила полную неопредѣленность въ хозяйственные разсчеты, создавала тягостную зависимость каждаго крестьянина какъ отъ цѣлаго общества, такъ даже и отъ отдѣльныхъ его членовъ". Исходя изъ этихъ соображеній, авторъ упомянутаго разъясненія заключаетъ даже, что „отмѣна круговой поруки представляется одною изъ важнѣйшихъ мѣръ для безпрепятственнаго экономическаго развитія крестьянскаго населенія".

Быть можетъ, такой выводъ черезчуръ ужь рѣшителенъ. Во всякомъ случаѣ для того, чтобы провѣрить его соотвѣтствіе тѣмъ посылкамъ, изъ которыхъ онъ дѣлается, не мѣшаетъ поближе вглядѣться въ эти послѣднія. Можно безусловно согласиться съ тѣмъ, что круговая порука оказывала извѣстное воздѣйствіе на личную энергію и предпріимчивость тѣхъ элементовъ деревенскаго населенія, которые подвергались опасности платить государству за своихъ сочленовъ, обладая въ то же время состоятельностью, позволявшей имъ самимъ вполнѣ исправно нести всѣ лежавшіе на нихъ сборы. Но много ли такихъ элементовъ въ современной деревнѣ? Для всѣхъ же остальныхъ группъ ея населенія указанное вліяніе отмѣны круговой поруки будетъ парализовано тѣмъ же фактомъ ихъ недоимочности, какой ранѣе мѣшалъ имъ почувствовать всю тяжесть этого института групповой отвѣтственности. „Неопредѣленность хозяйственныхъ разсчетовъ", создававшаяся на почвѣ круговой поруки, несомнѣнно, могла имѣть неблагопріятное вліяніе на психику крестьянина и на ходъ его хозяйства. Но, признавая это, нельзя все же забывать тотъ твердо установленный фактъ, что не столько „неопредѣленность",

сколько тяжесть сборовъ съ крестьянскаго хозяйства создала глубокое экономическое разстройство послѣдняго...

Въ извѣстной мѣрѣ то же самое приходится повторить и по отношенію ко второму изъ ожидаемыхъ послѣдствій отмѣны круговой поруки. Такая отмѣна, конечно, должна повлечь за собою ослабленіе той власти, какою въ настоящее время сельскій міръ пользуется надъ отдѣльными своими членами. Существованіе этой власти, унаслѣдованной отъ крѣпостной эпохи, дѣйствительно, создаетъ для крестьянъ положеніе „тягостной зависимости". И тѣмъ не менѣе ограниченіе власти сельскаго общества надъ личностью крестьянина само по себѣ еще не равняется высвобожденію ея изъ-подъ узъ такой зависимости. По крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ реформа проводится закономъ 12 марта, она не уничтожаетъ совершенно зависимость крестьянина, а лишь измѣняетъ ея источникъ. Если при дѣйствовавшемъ ранѣе порядкѣ крестьянинъ въ своемъ хозяйствѣ и въ распоряженіи своею личностью нерѣдко испытывалъ „тягостную зависимость" отъ сельскаго общества, то новый порядокъ ставитъ эти стороны крестьянской жизни въ прямую зависимость отъ органовъ общей и податной администраціи, которые и раньше часто руководили дѣйствіями сельскаго міра по отношенію къ отдѣльнымъ его членамъ. Врядъ-ли этотъ видъ зависимости окажется многимъ легче прежняго. Возможно даже ожидать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ принесетъ съ собою для отдѣльныхъ, и при томъ далеко не малочисленныхъ, группъ крестьянскаго населенія гораздо болѣе рѣшительныя и серьезныя послѣдствія. Хотя сельскія общества нерѣдко практиковали весьма крутыя мѣры по отношенію къ недоимщикамъ, но примѣненіе ими такихъ мѣръ порою и задерживалось, а то и вовсе не осуществлялось въ силу соображеній и чувствъ, которымъ не найдется мѣста въ бюрократической практикѣ административныхъ учрежденій и лицъ. Съ другой стороны эти лица и учрежденія, надо думать, проявятъ гораздо болѣе рѣшительности въ примѣненіи крайнихъ мѣръ къ отдѣльнымъ плательщикамъ податей, чѣмъ это можно было сдѣлать по отношенію къ сельскимъ обществамъ. За это ручается уже самый характеръ такихъ мѣръ, какъ отобраніе полевой земли недоимщика, сдача ея въ аренду или даже продажа съ торговъ,—мѣръ, несравненно легче примѣняемыхъ къ единичнымъ лицамъ, чѣмъ къ цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ. Находясь подъ угрозою такихъ мѣропріятій, крестьяне, несомнѣнно, будутъ напрягать всѣ силы для исправнаго отбыванія лежащихъ на нихъ повинностей, но можно думать, что такое напряженіе не принесетъ съ собою особенно благотворныхъ послѣдствій для хозяйства массы плательщиковъ податей, и безъ того уже испытывающаго крайнее разстройство, и скажется въ крестьянской жизни не столько подъемомъ личной энергіи, сколько отпаденіемъ отъ

крестьянства болѣе слабыхъ въ экономическомъ отношеніи элементовъ.

При строгомъ примѣненіи правилъ, установленныхъ закономъ 12 марта, такой результатъ долженъ былъ бы обнаружиться уже очень скоро, на первыхъ же порахъ дѣйствія этого закона. Въ настоящее время недоимки крестьянскаго населенія по однимъ лишь казеннымъ окладнымъ сборамъ въ очень многихъ губерніяхъ Европейской Россіи далеко превышаютъ 20% оклада, а въ рядѣ мѣстностей достигаютъ и несравненно болѣе серьезныхъ размѣровъ. Общую же сумму лежащихъ на крестьянскихъ обществахъ недоимокъ по государственнымъ и земскимъ сборамъ вычисляютъ въ 140 милл. р. Если вся эта сумма будетъ разложена на отдѣльныхъ домохозяевъ и взыскана съ нихъ на основаніи правилъ, преподанныхъ въ законѣ 12 марта, то весьма значительной части крестьянства придется немедленно разстаться съ своею землей. Правда, такое массовое отобраніе земли у крестьянъ врядъ-ли оказалось бы выгоднымъ для самой казны, не говоря уже о томъ, что трудно признать справедливымъ взысканіе съ отдѣльныхъ лицъ недоимокъ, накопившихся въ свое время за круговой порукой цѣлыхъ сельскихъ обществъ. Въ виду этого во многихъ органахъ нашей періодической печати высказывались уже предположенія, что законъ 12 марта повлечетъ за собою сложеніе съ крестьянства всѣхъ накопившихся на немъ ранѣе недоимокъ. Пока такія ожиданія еще не оправданы дѣйствительностью...

Наряду съ отмѣною круговой поруки законъ 12 марта, какъ мы видѣли выше, заключаетъ въ себѣ и другую мѣру, имѣющую ближайшее отношеніе къ земскимъ финансамъ. Въ послѣднее время, согласно установленному закономъ 22 марта 1899 года порядку, земскіе сборы съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель вносились нераздѣльно съ государственными и поступающія суммы распредѣлялись казначействами между казною и земствомъ пропорціонально общимъ по каждому уѣзду годовымъ окладамъ казенныхъ и земскихъ поземельныхъ сборовъ. Однако, по словамъ цитированнаго уже нами оффиціознаго разъясненія закона 12 марта, „этотъ порядокъ не далъ вполнѣ удовлетворяющихъ земства результатовъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда общее поступленіе поземельныхъ сборовъ съ крестьянъ оказывалось малоуспѣшнымъ, земства и теперь не добирали своего оклада; кромѣ того, при распредѣленіи крестьянскихъ платежей по частнымъ срокамъ, согласно закону 23 іюня 1899 года, неравными долями, съ отнесеніемъ въ большинствѣ случаевъ большей части платежей на вторую половину года, земскія кассы нерѣдко испытывали особенно значительныя затрудненія въ первой половинѣ года. Вслѣдствіе этого за послѣднее время многія земства стали возбуждать ходатайства объ увеличеніи процентнаго отчисленія изъ

сборовъ, поступающихъ съ крестьянъ, до такого размѣра, при которомъ земства могли бы получать въ первомъ полугодіи не менѣе половины годового оклада земскихъ сборовъ". Законъ 12 марта избралъ, однакоже, для упорядоченія земскихъ финансовъ другой путь, предоставивъ земскимъ сборамъ преимущество передъ казенными въ отношеніи срока взысканія и установивъ правило, чтобы изъ поступающихъ отъ каждаго селенія взносовъ прежде всего покрывались земскіе сборы.

При дѣйствіи этого правила затрудненія, испытываемыя земствами благодаря хроническому безденежью ихъ кассъ, обѣщаютъ утратить извѣстную долю своей остроты. Но въ указанной мѣрѣ есть и другая сторона, не столь благопріятная для земства. До настоящей поры вопросъ о льготахъ, которыя могутъ и должны быть предоставлены плательщикамъ земскихъ сборовъ, рѣшался самими земскими учрежденіями. Съ изданіемъ же закона 12 марта эти льготы совершенно сливаются съ льготами по платежу государственныхъ сборовъ и весь вопросъ о предоставленіи плательщикамъ какихъ-либо облегченій отходитъ въ исключительное вѣдѣніе мѣстной и центральной администраціи. Эту сторону реформы трудно признать вполнѣ соотвѣтствующей интересамъ населенія. Земскія учрежденія, объединяющія въ себѣ представителей мѣстнаго населенія и располагающія организаціей, спеціально приспособленной къ изученію его хозяйственной жизни, несомнѣнно, могутъ имѣть гораздо болѣе точныя свѣдѣнія о тѣхъ или иныхъ перемѣнахъ въ послѣдней, чѣмъ чиновники, отвлекаемые отъ наблюденія за ней массой другихъ дѣлъ или заваленные бумажной работой. Сравнительно бо̀льшую освѣдомленность свою въ сферѣ хозяйственныхъ нуждъ населенія земство не разъ имѣло случай доказать и на практикѣ въ годы послѣднихъ неурожаевъ и связанныхъ съ ними продовольственныхъ затрудненій. На протяженіи этихъ лѣтъ было немало случаевъ, когда представленія земства о необходимости тѣхъ или иныхъ льготъ для пострадавшаго населенія, вначалѣ встрѣчавшіяся въ бюрократическихъ сферахъ съ недовѣріемъ и признававшіяся преувеличенными, позднѣе всецѣло оправдывались опытомъ. Подобные факты позволяютъ думать, что населеніе немного выиграетъ въ результатѣ новаго порядка вещей, при которомъ голосъ земства потеряетъ всякое значеніе въ дѣлѣ предоставленія крестьянству тѣхъ или иныхъ льготъ по платежу земскихъ сборовъ. Такимъ образомъ, и тѣ измѣненія, которыя законъ 12 марта вноситъ въ область земскихъ финансовъ, врядъ ли можно считать вполнѣ согласованными съ дѣйствительными потребностями минуты и не нуждающимися въ дальнѣйшихъ реформахъ.

На дняхъ въ печати появились сообщенія о двухъ близкихъ уже къ осуществленію законопроектахъ, выработанныхъ мини-

стерствомъ внутреннихъ дѣлъ и касающихся мѣстнаго управленія. Одно изъ этихъ сообщеній имѣетъ ближайшее отношеніе къ Сѣверо-Западному краю. По словамъ газетъ *), составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектъ преобразованія земскаго хозяйства въ этомъ краѣ былъ недавно принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями Государственнымъ Совѣтомъ, который большинствомъ голосовъ высказался за немедленное его осуществленіе въ трехъ бѣлорусскихъ губерніяхъ: Витебской, Минской и Могилевской. Названный проектъ, имѣющій своею цѣлью нѣкоторое расширеніе участія представителей мѣстнаго населенія въ разрѣшеніи мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ и введеніе для завѣдыванія ими особыхъ учрежденій взамѣнъ дѣйствующихъ теперь распорядительныхъ комитетовъ, былъ составленъ еще покойнымъ министромъ Сипягинымъ, но по смерти его, согласно принятому порядку, былъ возвращенъ въ министерство, которое затѣмъ вновь представило его. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ, проектъ этотъ устанавливаетъ слѣдующій порядокъ. Всѣ дѣла такъ называемаго земскаго хозяйства, а именно: распоряженіе земскими повинностями, какъ денежными, такъ и натуральными, составленіе росписей доходовъ и расходовъ, распоряженіе земскими суммами, продовольствіе населенія, дорожное дѣло, содержаніе лѣчебницъ и больницъ и вообще медицинская помощь населенію, хозяйственная сторона народныхъ школъ и т. д., отходятъ въ завѣдываніе вновь организуемыхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Такими учрежденіями являются комитеты по дѣламъ земскаго хозяйства, соотвѣтствующіе по своимъ функціямъ земскимъ собраніямъ внутреннихъ губерній и подобно имъ созываемые для рѣшенія дѣлъ періодически, и земскія управы, приводящія въ исполненіе постановленія комитетовъ и вообще ведущія всѣ текущія дѣла. Комитеты составляются изъ представителей всѣхъ правительственныхъ губернскихъ или уѣздныхъ учрежденій и изъ извѣстнаго числа представителей населенія, назначаемыхъ по представленію губернатора министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ среды мѣстныхъ жителей, состоящихъ плательщиками земскихъ сборовъ, т. е. изъ собственниковъ недвижимостей или промышленныхъ и торговыхъ заведеній. Такихъ представителей, пользующихся наравнѣ съ другими членами комитета правомъ рѣшающаго голоса, полагается по два отъ уѣзда, но для нѣкоторыхъ уѣздовъ число это можетъ быть увеличено до пяти. Губернскіе комитеты находятся подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, уѣздные—уѣздныхъ предводителей дворянства. Что касается земскихъ управъ, то ихъ предсѣдатели и члены будутъ назначаться правительствомъ и, какъ

*) «Спб. Вѣдомости», 4 апрѣля 1903 г.

чиновники, состоять подъ дѣйствіемъ общихъ положеній о государственной службѣ въ Западномъ краѣ.

Какъ видно изъ сказаннаго, проектированный порядокъ не несетъ съ собою какихъ-либо принципіальныхъ перемѣнъ и, обновляя лишь форму дѣйствующихъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ учрежденій по завѣдыванію мѣстнымъ хозяйствомъ, всецѣло сохраняетъ ихъ бюрократическое существо. Создаваемыя въ этихъ губерніяхъ „земскія управы“ будутъ цѣликомъ состоять изъ чиновниковъ и, сообразно этому, должны будутъ и дѣйствовать на основаніи общихъ правилъ, опредѣляющихъ собою дѣятельность бюрократическихъ учрежденій. Въ сущности то же самое будетъ имѣть мѣсто и по отношенію къ новымъ губернскимъ и уѣзднымъ „комитетамъ по дѣламъ земскаго хозяйства“. Все сходство этихъ комитетовъ съ земскими собраніями ограничивается сферою дѣлъ, отмежеванныхъ въ ихъ вѣдѣніе, и фактомъ періодичности засѣданій. Дальше наступаетъ глубокая разница. Въ то время, какъ земскія собранія внутреннихъ губерній являются организаціей мѣстныхъ общественныхъ силъ, комитеты сѣверо-западнаго края будутъ лишь собраніемъ мѣстныхъ чиновниковъ съ прибавкою, по ихъ собственному выбору, нѣсколькихъ вполнѣ зависимыхъ отъ нихъ лицъ. Тѣ „представители мѣстнаго населенія“, которыхъ изложенный проектъ вводитъ въ составъ комитетовъ, на дѣлѣ едва-ли будутъ стоять въ сколько-нибудь тѣсной связи съ населеніемъ и врядъ-ли окажутся способными правильно освѣщать его желанія, нужды и интересы. Назначаемые администраціей, дѣйствующіе по ея указаніямъ и исключительно передъ нею отвѣтственные за свои дѣйствія, они явятся не естественными представителями того или иного слоя мѣстнаго населенія, а лишь добровольно избранными помощниками мѣстныхъ администраторовъ... Въ прямомъ соотвѣтствіи съ этимъ и распорядительные органы, въ составъ которыхъ будутъ введены эти члены изъ среды мѣстнаго населенія, очевидно, не уклонятся сколько-нибудь замѣтно отъ чистаго типа бюрократическихъ учрежденій...

Другое изъ намѣченныхъ въ области мѣстнаго управленія преобразованій болѣе просто по своему содержанію и вмѣстѣ съ тѣмъ должно въ случаѣ своего осуществленія получить на первыхъ же порахъ гораздо болѣе широкое примѣненіе. Какъ передаютъ газеты, „въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по департаменту полиціи возбужденъ вопросъ не только о необходимости реформы штатовъ общей полиціи, но и о полной реорганизаціи жандармскихъ управленій. Предполагается нынѣ существующія губернскія жандармскія управленія совершенно упразднить, образовавъ окружныя управленія, а въ губернскихъ городахъ учредить особыя должности помощниковъ губернаторовъ для непосредственнаго завѣдыванія мѣрами по охраненію государствен-

наго порядка и общественнаго спокойствія" *). Такимъ образомъ существующія уже въ провинціи учрежденія, повидимому, признаются недостаточными для выполненія задачъ, возложенныхъ у насъ на жандармскую полицію, и составъ послѣдней предполагается значительно усилить, причемъ съ этимъ соединяется и проектъ созданія для ея представителей болѣе авторитетнаго положенія.

Въ первыхъ числахъ апрѣля въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось слѣдующее правительственное сообщеніе:

„15-го марта Государю Императору благоугодно было Высочайше преподать управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія нижеслѣдующія указанія, долженствующія служить главными основаніями подлежащихъ разработкѣ законодательныхъ проектовъ о средней школѣ:

„1) Гимназіи сохраняютъ восьмиклассный составъ; въ нихъ преподаются оба древніе языка, но обученіе греческому языку въ большей части ихъ не обязательно. Усвоеніе гимназическаго курса открываетъ доступъ къ высшему университетскому образованію.

„2) За реальными училищами, коихъ учебный планъ подлежитъ тоже пересмотру, сохраняется составъ шести основныхъ классовъ и седьмого дополнительнаго. Окончаніе курса сего послѣдняго класса открываетъ доступъ въ высшія техническія заведенія.

„3) Помимо гимназій и реальныхъ училищъ, должны быть организованы среднія учебныя заведенія съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ при шестиклассномъ составѣ. Окончаніе курса въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ даетъ право на службу въ губерніи.

„4) Широкое развитіе должно быть дано среднему техническому и профессіональному образованію, разсчитанному на удовлетвореніе практическихъ потребностей жизни.

„5) Особливое вниманіе должно быть обращено на изысканіе способовъ къ поднятію религіозно-нравственнаго и вообще воспитательнаго воздѣйствія школъ всѣхъ типовъ на учащихся, а также на укрѣпленіе въ нихъ преданности русской государственности и народности.

„6) Въ видахъ возможно полнаго разрѣшенія воспитательныхъ задачъ должны быть учреждены пансіоны, въ которыхъ могли бы пользоваться соотвѣтственнымъ руководствомъ питомцы извѣстной группы учебныхъ заведеній даннаго города.

„7) Въ соотвѣтствіи съ требованіями, предъявляемыми къ

*) «Сѣверо-Западный Край». Цитируемъ по «Нижег. Листку», 6 апрѣля 1903 г.

преобразуемой средней школѣ, должны быть безотлагательно установлены способы болѣе цѣлесообразной подготовки учителей для оной.

„Затѣмъ, по всеподданѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, 28-го марта Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть:

„Въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ на основаніи таблицы уроковъ, Высочайше утвержденной 20-го іюля 1902 г., начало изученія греческаго языка отнесено къ V классу, приступить къ постепенному, начиная съ 1903—1904 учебнаго года, введенію необязательности изученія греческаго языка, съ тѣмъ, чтобы для учениковъ, имѣющихъ перейти нынѣшнею весною и въ ближайшіе послѣдующіе годы изъ IV класса въ V безъ изученія греческаго языка въ предыдущихъ классахъ, изученіе означеннаго предмета не было обязательнымъ до окончанія ими гимназическаго курса, и съ тѣмъ, чтобы будущіе абитуріенты гимназій, не обучавшіеся греческому языку, пользовались тѣми же правами, которыя нынѣ пріобрѣтаются окончаніемъ гимназическаго курса, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что они могутъ быть принимаемы въ число студентовъ историко-филологическихъ и восточнаго факультетовъ, а также въ историко-филологическіе институты не иначе, какъ по выдержаніи дополнительнаго испытанія изъ греческаго языка по программѣ, которая имѣетъ быть установлена для преобразованныхъ въ законодательномъ порядкѣ гимназій.

„Приведенныя Высочайшія указанія Его Императорскаго Величества сообщены предсѣдателю ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія къ неуклонному руководству при разсмотрѣніи переданнаго уже въ этотъ комитетъ матеріала по вопросу о преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній. Ученому комитету предложено также обсудить вопросъ о тѣхъ видоизмѣненіяхъ въ дѣйствующихъ нынѣ учебныхъ планахъ и программахъ старшихъ классовъ гимназій, которыя вызываются постепеннымъ установленіемъ необязательности изученія греческаго языка, и опредѣлить, какой учебный матеріалъ долженъ быть усвоенъ учащимися означенныхъ классовъ гимназій взамѣнъ греческаго языка“.

Приведенное сообщеніе въ значительной мѣрѣ выясняетъ то направленіе, въ какомъ предположено въ настоящее время вести правительственныя работы по преобразованію средней школы. За классическими гимназіями, въ большинствѣ которыхъ классицизмъ, впрочемъ, нѣсколько ослабляется установленіемъ необязательности греческаго языка, рѣшено сохранить значеніе единственной школы, открывающей доступъ въ университетъ. Реальныя училища по прежнему будутъ открывать дорогу лишь въ высшія техническія заведенія. Наряду съ этимъ предположено болѣе

широко развить типъ средней технической и профессіональной школы, совершенно не дающей своимъ питомцамъ доступа къ высшему образованію, которое въ силу этого должно будетъ явиться удѣломъ лишь небольшой сравнительно части учащихся. Менѣе яснымъ представляется тотъ пунктъ сообщенія, въ которомъ говорится объ учрежденіи шестиклассныхъ средне-учебныхъ заведеній, окончаніе курса въ которыхъ давало бы „право на службу въ губерніи". До настоящаго времени у насъ не существовало различнаго образовательнаго ценза для службы въ провинціальныхъ и центральныхъ учрежденіяхъ, такъ что установленіе такого ценза послужитъ, дѣйствительно, нововведеніемъ. Довольно трудно, однако, представить себѣ тотъ способъ, которымъ оно будетъ осуществлено на практикѣ. Что касается недавно еще вырабатывавшагося въ правительственныхъ сферахъ плана единой средней школы, равно какъ и всѣхъ возникавшихъ въ обществѣ и печати проектовъ болѣе глубокой школьной реформы, то они, очевидно, признаны теперь неподлежащими удовлетворенію, и такимъ образомъ оправдалось мнѣніе тѣхъ, кто въ свое время находилъ, что школьная реформа не можетъ быть проведена изолированно...

II.

За послѣдній мѣсяцъ состоялся рядъ важныхъ правительственныхъ сообщеній, которыя мы воспроизводимъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 15 марта было напечатано: „9-го марта въ гор. Златоустѣ, Уфимской губерніи, на казенномъ желѣзодѣлательномъ и рельсопрокатномъ заводѣ рабочіе большепрокатнаго цеха, въ числѣ до 160 человѣкъ, не желая принять новыхъ разсчетныхъ книжекъ, заявили о прекращеніи съ 10-го числа работъ. 7-го марта рабочіе вели себя спокойно, но 10-го числа толпа до 500 человѣкъ собралась на площади, заявляя несогласіе на новыя условія работъ. Въ виду возможности безпорядковъ, уфимскій губернаторъ д. с. с. Богдановичъ, прокуроръ уфимскаго окружнаго суда и начальникъ губернскаго жандармскаго управленія полковникъ Шатовъ—выѣхали изъ Уфы въ Златоустъ. 13 марта толпа рабочихъ требовала освобожденія троихъ арестованныхъ, осаждала полицейское управленіе, квартиру ротмистра Долгова и домъ горнаго начальника, у котораго выбила стекла и ломала двери. Послѣ многочасовыхъ увѣщаній, когда толпа насильно не пустила прокурора поѣхать въ тюрьму и силою вламывалась вслѣдъ за губернаторомъ, не смотря на его уговоры, въ домъ горнаго начальника, губернаторъ вынужденъ былъ предложить командиру батальона дѣйствовать оружіемъ. Ломившаяся въ двери дома и производившая

выстрѣлы изъ револьверовъ, которыми легко ранены помощникъ исправника и жандармскій унтеръ-офицеръ Изергинъ, толпа послѣ залпа разсѣялась; осталось на мѣстѣ 28 убитыхъ; раненыхъ болѣе 50 чел. 14-го марта забастовка окончилась и всѣ цехи принялись за работу".

Вслѣдъ за тѣмъ въ „Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" было опубликовано слѣдующее „сообщеніе о происшедшихъ въ гор. Златоустѣ 12-го и 13-го сего марта безпорядкахъ":

„Въ концѣ января и началѣ февраля сего года управленіе златоустовскаго горнаго округа объявило рабочимъ своихъ заводовъ о необходимости заключенія новыхъ условій и принятія разсчетныхъ книжекъ новаго образца на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта отъ 11-го марта 1902 года. Не смотря на полную свою основательность и законность и на то обстоятельство, что новыя разсчетныя книжки правъ рабочихъ, дарованныхъ имъ закономъ 8-го марта 1861 года, ни въ чемъ не нарушали, замѣняя лишь прежнее дискреціонное право заводскаго начальства по наложенію взысканій и штрафовъ точными постановленіями по сему предмету Устава о промышленности, — распоряженіе это вызвало среди златоустовскихъ рабочихъ безпокойство и толки о томъ, что правительство стремится будто бы ограничить различныя льготы и права, дарованныя заводскому населенію предшествующими узаконеніями. Главнымъ источникомъ такихъ толковъ явилась, несомнѣнно, подпольная пропаганда преступныхъ обществъ, избравшихъ за послѣдніе годы уральскіе горные заводы сферой своей тайной агитаціи и стремившихся при каждомъ отдѣльномъ частномъ недоразумѣніи между заводоуправленіемъ и рабочими вызвать общее броженіе среди послѣднихъ. Даннымъ случаемъ пропаганда эта тоже воспользовалась,—какъ то доказываютъ появившіяся уже въ мартѣ въ г. Златоустѣ прокламаціи,—для подстрекательства рабочихъ къ волненіямъ. Распространялись совершенно вздорныя свѣдѣнія, что съ введеніемъ новыхъ разсчетныхъ книжекъ отмѣняется будто бы дарованное Государемъ Императоромъ Александромъ II 8-го марта 1861 года освобожденіе горнозаводскаго населенія отъ крѣпостной зависимости. Не смотря на явную нелѣпость сего слуха, тайная агитація эта, къ сожалѣнію, имѣла извѣстный успѣхъ среди безпокойнаго населенія благодаря нѣсколькимъ вожакамъ, усвоившимъ себѣ революціонный образъ мыслей, а также темнотѣ и малому развитію рабочей массы, слѣпо шедшей за этими вожаками. Всѣ попытки какъ непосредственно заводской администраціи, такъ и самого горнаго начальника д. ст. сов. Зеленцова къ разъясненію истиннаго смысла и цѣли новаго закона имѣли мало успѣха, и въ переговорахъ этихъ прошло время до марта мѣсяца. Рабочіе округа, однако, держали себя пока покойно, порядка не нарушали и часть ихъ,—на Саткинскомъ заводѣ всѣ, а на Злато-

устовскомъ до 300 человѣкъ, — новыя книжки постепенно приняла. Заводоуправленіе съ своей стороны, желая по возможности кончить дѣло мирнымъ путемъ и разсчитывая достигнуть сего постепенно, не настаивало на немедленномъ принятіи новыхъ книжекъ. Въ началѣ марта однако тайная агитація значительно обострила положеніе въ Златоустовскомъ заводѣ. 7-го марта 160 рабочихъ большепрокатнаго цеха объявили, что они новыхъ книжекъ не примутъ и, если на этомъ требованіи заводоуправленіе будетъ настаивать, то не выйдутъ 10-го марта на работы. Держали себя при этомъ рабочіе вполнѣ спокойно, такъ что заводоуправленіе никакихъ дальнѣйшихъ безпорядковъ и въ это время не предусматривало, тѣмъ болѣе, что, какъ было уже упомянуто выше, 300 рабочихъ завода постепенно взяли новыя книжки. Посему горный начальникъ окончательный срокъ принятія книжекъ отложилъ до 1-го апрѣля. Большепрокатнымъ же рабочимъ заводоуправленіе объявило, что если они дѣйствительно забастуютъ 10-го марта, то работающіе по условію будутъ привлечены къ законной отвѣтственности, а поденные—уволены. 10-го марта большепрокатный цехъ въ полномъ составѣ не явился на работы, а въ 3 часа дня толпа уже въ 500 человѣкъ собралась на площади около горнаго управленія и хотя явно не нарушала порядка, однако довольно дерзко объяснялась съ самимъ горнымъ начальникомъ д. ст. сов. Зеленцовымъ и, не слушая его разъясненій и увѣщаній, категорически заявила нежеланіе работать по новымъ разсчетнымъ книжкамъ. 11-го марта д. ст. сов. Зеленцовъ былъ вынужденъ снова объясняться съ рабочими, которые, собравшись во дворѣ завода толпой въ числѣ около 2.000 человѣкъ, потребовали личной къ нимъ явки горнаго начальника. При этихъ объясненіяхъ, не смотря на предложенную рабочимъ дальнѣйшую отсрочку введенія новыхъ книжекъ съ сохраненіемъ временно и за непринявшими ихъ прежнихъ правъ относительно принадлежности къ горнозаводскому товариществу, а также заявленіе д. ст. сов. Зеленцова, что вопросъ о всѣхъ настоящихъ недоразумѣніяхъ будетъ представленъ на окончательное разрѣшеніе высшаго начальства, никакихъ результатовъ достигнуто не было, ибо рабочіе настаивали на полной и немедленной отмѣнѣ новыхъ книжекъ. На посланную тогда же горнымъ начальникомъ директору горнаго департамента для доклада министру телеграмму т. сов. Іосса отвѣтилъ, что министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ требуетъ подробныхъ свѣдѣній о желаніяхъ рабочихъ, а пока проситъ передать имъ приказаніе немедленно возобновить работы по-старому. Но и этого распоряженія министра, возвѣщеннаго рабочимъ особыми объявленіями горнаго начальника, рабочіе не исполнили; напротивъ того, значительное число ихъ съ большепрокатнымъ цехомъ во главѣ 11-го марта ушло съ работъ, заявивъ, что

на слѣдующій день устроятъ общую забастовку во всѣхъ цехахъ завода, а желающихъ работать силой до того не допустятъ. Получивъ вечеромъ того же числа телеграмму исправника о послѣднихъ событіяхъ въ Златоустѣ, начальникъ губерніи срочной телеграммой просилъ командира квартирующаго въ гор. Златоустѣ Мокшанскаго батальона о нарядѣ къ 4-мъ часамъ утра 12-го марта двухъ ротъ батальона на заводъ для охраненія казеннаго имущества и благомыслящей части рабочихъ отъ насилій забастовавшихъ. Черезъ три часа послѣ того съ первымъ отходящимъ поѣздомъ губернаторъ самъ выѣхалъ въ Златоустъ въ сопровожденіи начальника губернскаго жандармскаго управленія и прокурора уфимскаго окружнаго суда. Къ сожалѣнію, прибытіе сихъ начальствующихъ лицъ въ гор. Златоустъ замедлилось въ шесть часовъ вслѣдствіе схода съ рельсовъ встрѣчнаго поѣзда, и они могли достигнуть Златоуста лишь около 7-ми час. вечера 12-го марта. Между тѣмъ въ Златоустѣ въ теченіе сего дня произошло слѣдующее: рабочіе всѣхъ цеховъ утромъ на работу не вышли. Затѣмъ около 10-ти час. утра толпа ихъ около 2,000 человѣкъ осадила квартиру вр. и. д. помощ. начальника губернскаго жандармскаго управленія ротмистра Долгова, требуя немедленнаго освобожденія арестованныхъ имъ наканунѣ двухъ подстрекателей къ забастовкѣ, особенно выдававшихся своей преступной агитаціей. Толпа шумѣла, грозила, слышались крики „Бери его!“, многіе бросали камнями. Для охраны ротмистра Долгова отъ насилій толпы прибылъ взводъ Мокшанскаго батальона при офицерѣ, послѣ чего толпа удалилась и осадила квартиру исправника. Здѣсь поведеніе рабочихъ стало еще болѣе угрожающимъ: исправника, вышедшаго на крыльцо, хватали за фалды пальто, старались оттереть отъ дверей, раздавались крики: „Давай сюда исправника, мы его разорвемъ!“ Прибывшимъ войскамъ (сначала въ составѣ взвода, а затѣмъ роты) изъ толпы грозили ножами и кинжалами, въ нихъ бросали камнями и оскорбляли ихъ возмутительною бранью. Дерзость толпы дошла до того, что участники буйства, насѣдая на солдатъ, стащили офицера съ крыльца за руку, изогнули нѣсколько штыковъ и помяли нѣсколько ружей, такъ что караулъ вынужденъ былъ защищаться прикладами, и исправнику послѣ нѣсколькихъ часовъ осады лишь въ 7-мъ часу вечера съ трудомъ удалось уѣхать изъ квартиры. Около того же времени (какъ было указано выше) въ Златоустъ прибылъ начальникъ губерніи, съ вокзала направившійся на квартиру въ домъ горнаго начальника. Уже при слѣдованіи туда губернаторъ могъ убѣдиться въ серьезности происходящихъ безпорядковъ не только изъ докладовъ встрѣтившихъ его исправника и ротмистра Долгова, но и изъ того, что на Арсенальной площади онъ лично увидѣлъ галдѣвшую и волновавшуюся толпу болѣе 1,000 человѣкъ,—ту самую, которая передъ

тѣмъ осаждала квартиры ротмистра Долгова и исправника. Буйство толпы дошло до того, что она не допустила въ зданіе заводской электрической станціи мастеровъ и какъ заводъ, такъ и домъ горнаго начальника были лишены обычнаго электрическаго освѣщенія. По прибытіи начальника губерніи на квартиру та же толпа немедленно осадила домъ горнаго начальника, требуя, чтобы вышелъ губернаторъ, принялъ прошеніе и освободилъ арестованныхъ ротмистромъ Долговымъ лицъ. Начальникъ губерніи, выйдя къ толпѣ, принялъ прошеніе *) рабочихъ и предложилъ толпѣ разойтись по домамъ, на слѣдующій день утромъ идти на работу въ цехи, а къ нему прислать трехъ—четырехъ депутатовъ для переговоровъ и для объявленія имъ резолюціи. Толпа однако не расходилась, а продолжала звонить у подъѣзда и ломиться въ дверь, настаивая на немедленномъ освобожденіи арестованныхъ. Въ виду крайняго возбужденія толпы начальникъ губерніи потребовалъ по телеграфу изъ города Уфы еще двѣ роты Златоустовскаго батальона **). Тогда же была вытребована на заводъ третья рота Мокшанскаго батальона (въ дополненіе къ бывшимъ уже тамъ двумъ), а одна изъ первыхъ ротъ введена для охраны въ домъ горнаго начальника. Лишь когда показалась на площади эта послѣдняя рота, толпа, уступая увѣщаніямъ говорившаго съ ней тогда помощника горнаго начальника Жигалковскаго, разошлась, причемъ раздавались крики: „Ребята, завтра къ 9-ти часамъ опять сюда!“ Это было уже около полуночи. На слѣдующій день, 13-го марта, толпа съ ранняго утра стала собираться на Арсенальной площади и часовъ около 9-ти снова осадила домъ горнаго начальника ***), причемъ на всѣ увѣщанія губернатора прекратить безпорядки, разойтись и спокойно выжидать относительно новыхъ разсчетныхъ книжекъ рѣшенія министра земледѣлія, а относительно арестованныхъ распоряженій судебной власти, коей дѣло о нихъ уже передано, толпа отвѣчала криками, угрозами и настоятельнымъ требованіемъ немедленно освободить арестованныхъ. Около 11-ти часовъ утра, послѣ двухчасовыхъ напрасныхъ увѣщаній толпы идти на работу въ цехи или по крайней мѣрѣ разойтись, было рѣшено, что прокуроръ

---

*) «Прошеніе это, написанное отъ имени «условныхъ» мастеровыхъ Златоустовскаго горнаго завода, но никѣмъ не подписанное, заключало въ себѣ два домогательства: 1) сохранить для горнозаводскихъ мастеровыхъ законъ объ ихъ правахъ 1861 года, коему будто бы противорѣчатъ новыя рабочія условія заводоуправленія, и 2) освободить арестованныхъ въ ночь на 12-е марта подстрекателей, коихъ, по словамъ прошенія, всѣ податели его, безъ исключенія, принимаютъ «подъ личное свое покровительство».

**) «Роты эти выѣхали тою же ночью и прибыли въ Златоустъ 13-го марта днемъ».

***) «Депутатовъ, требовавшихся неоднократно начальникомъ губерніи, толпа не прислала, и губернатору пришлось объясняться со всей толпой въ 1.500 человѣкъ».

окружнаго суда и жандармскій полковникъ поѣдутъ въ тюрьму допросить арестованныхъ подстрекателей, но при выходѣ прокурора и полковника Шатова изъ подъѣзда толпа не дала имъ сѣсть въ сани, требуя сперва, чтобы прокуроръ шелъ пѣшкомъ въ тюрьму съ толпой, затѣмъ, чтобы арестованныхъ для допроса привели на площедь, такъ что прокуроръ и полковникъ должны были вернуться обратно, толпа же стала ломиться вслѣдъ за ними въ дверь дома. Тогда начальникъ губерніи въ послѣдній разъ вышелъ къ толпѣ на улицу и нѣсколько разъ повторилъ требованіе разойтись, предваряя, что въ случаѣ неисполненія придется дѣйствовать оружіемъ. Но и эти послѣднія требованія остались, къ сожалѣнію, безуспѣшны, а вслѣдъ за возвращавшимся въ домъ начальникомъ губерніи въ подъѣздъ начала вламываться толпа, причемъ изъ нея раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, изъ коихъ одинъ легко ранилъ помощника исправника Любовицкаго въ руку, а другой жандармскаго унтеръ-офицера въ високъ. Въ то же время толпа грозила кулаками выстроеннымъ въ отдаленнѣйшемъ концѣ площади, у колокольни собора *), фронтомъ къ толпѣ двумъ ротамъ Мокшанскаго батальона **), а два лица, повидимому, рабочихъ, спрятавшись за колонны собора, стрѣляли оттуда въ роты изъ револьверовъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ начальникъ губерніи вынужденъ былъ предложить командиру батальона дѣйствовать оружіемъ. Командиръ батальона послѣ трехъ установленныхъ сигналовъ на рожкѣ, видя, что толпа все упорствуетъ, не расходится, а продолжаетъ лишь грозить войскамъ, приказалъ ротамъ стрѣлять. Въ моментъ перваго залпа вся толпа легла на землю, но затѣмъ вскочила на ноги и снова стала грозить войскамъ; послѣдовалъ второй залпъ, послѣ котораго часть толпы стала отступать, раздѣлясь на кучки, другая же часть продолжала толпиться у дверей дома горнаго начальника. Лишь послѣ третьяго залпа вся толпа разсѣялась, оставивъ на мѣстѣ убитыхъ и раненыхъ. Кромѣ ротъ вынужденъ былъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, чтобы отразить толпу, ломившуюся въ двери дома, и внутренній караулъ, охранявшій домъ горнаго начальника ***). Общее число убитыхъ при подавленіи безпорядковъ—28, умерло отъ ранъ 17, тяжело раненыхъ 41, легко 19 и незначительно (лѣчились амбулаторно или уже выписались изъ больницы) 23. Изъ числа 128-ми пострадавшихъ 108 принадлежатъ къ рабочему населенію Златоустовскаго завода, принимавшему въ той или иной формѣ участіе въ безпорядкахъ, остальные 20, изъ коихъ два убиты, шесть тяжело ранены и двѣнадцать легко—посторонніе лица, присутствовавшія въ толпѣ изъ любопыт-

*) «Въ 150-ти шагахъ разстоянія отъ толпы».
**) «Златоустовскія въ то время еще не прибыли».
***) «Одинъ взводъ при офицерѣ».

ства и не внявшія многократнымъ увѣщаніямъ полиціи удалиться. Всѣмъ раненымъ немедленно оказана была медицинская помощь. Всѣ они (кромѣ абмулаторныхъ) лежатъ въ больницахъ земской и горно-заводской подъ наблюденіемъ четырехъ врачей. На усиленіе мѣстнаго низшаго медицинскаго персонала губернаторомъ вызваны по телеграфу четыре сестры уфимской общины Краснаго Креста и вытребовано бѣлье изъ склада общины. Вышеприведенныя цифры пострадавшихъ составлены на основаніи именныхъ списковъ, доставленныхъ къ 17 марта полицейскимъ управленіемъ, горнозаводскимъ госпиталемъ и земской больницей. Незначительное ихъ измѣненіе можетъ произойти лишь въ зависимости отъ того или другого теченія болѣзни раненыхъ и результатовъ розыска скрывшихся. 14 марта работы во всѣхъ цехахъ возобновились съ первой же смѣной, и правильный ходъ ихъ въ дальнѣйшемъ, равно какъ и общій порядокъ въ городѣ, болѣе не нарушались. Можно надѣяться, что печальная необходимость прибѣгнуть въ данномъ случаѣ къ крайней мѣрѣ—дѣйствію оружіемъ—раскроетъ глаза благомыслящей части заводскаго населенія на преступную дѣятельность агитаторовъ, увлекающихъ своей пропагандой легковѣрныхъ рабочихъ въ цѣлый рядъ преступленій. Рабочіе должны сознать, что лишь довѣрчивымъ отношеніемъ къ своей администраціи и лишь подъ сѣнью строгой законности они могутъ спокойно сохранить и умножить свое благосостояніе и что всякая попытка съ ихъ стороны нарушить законъ вызоветъ необходимыя мѣры администраціи для поддержанія законнаго порядка и общественнаго спокойствія, безъ коихъ невозможно существованіе самаго общества. Что касается до главныхъ виновниковъ настоящихъ безпорядковъ, то по мѣрѣ ихъ выясненія они привлекаются къ отвѣтственности по производящемуся по настоящему дѣлу разслѣдованію“.

Въ г. Батумѣ, какъ сообщаетъ журналъ „Право“, съ 6 по 8 марта текущаго года выѣздною сессіей кутаисскаго окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, разсмотрѣно дѣло по обвиненію Гогиберидзе и другихъ рабочихъ (въ числѣ 21 человѣка, по преимуществу грузинъ) керосино-нефтяного завода Ротшильда въ Батумѣ въ возстаніи противъ правительства, имѣвшемъ мѣсто 9 марта прошлаго 1902 года, и въ принужденіи властей къ освобожденію арестованныхъ наканунѣ рабочихъ, товарищей обвиняемыхъ, причемъ безпорядки эти сопровождались столкновеніемъ съ ротой солдатъ 7-го кавказскаго стрѣлковаго батальона, вызванной для усмиренія рабочихъ. Дѣло это слушалось, согласно ордеру министра юстиціи, при закрытыхъ дверяхъ, но резолюція суда была вынесена при открытыхъ дверяхъ. Судъ отвергъ обвиненіе въ возстаніи противъ правительства и, оправдавъ 13

обвиняемыхъ, изъ остальныхъ восьми приговорилъ: двухъ за невооруженное сопротивленіе властямъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 и 3 мѣсяца, а шесть за ослушаніе, по предварительному соглашенію, распоряженій власти—пятерыхъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца каждаго и одного, несовершеннолѣтняго, къ аресту при полиціи на три недѣли *).

Въ газетѣ „Кавказъ“ напечатаны слѣдующія оффиціальныя сообщенія о безпорядкахъ въ городахъ Батумѣ и Баку:

„Въ г. Батумѣ 9 марта, утромъ, большая толпа рабочихъ собралась на вокзалѣ къ отходу поѣзда для проводовъ адвокатовъ, защищавшихъ преданныхъ суду рабочихъ. Когда поѣздъ двинулся, толпа, выбросивъ красный флагъ, съ криками „ура“, пошла за поѣздомъ вдоль полотна. Во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ машинистъ остановилъ поѣздъ, тронувшійся чрезъ нѣсколько минутъ, когда толпа очистила полотно. Съ вокзала толпа, выбросивъ еще нѣсколько флаговъ съ антиправительственными надписями, направилась по Маріинскому проспекту, гдѣ произвела нѣсколько выстрѣловъ изъ револьверовъ, не причинившихъ никому вреда, и разбила стекла въ редакціи „Черноморскаго Вѣстника“ и въ квартирахъ г. Зона и американскаго консула. Послѣ того, увидѣвъ приближающуюся воинскую команду, толпа разсѣялась“.

— „Въ г. Баку 2 сего марта, въ двѣнадцатомъ часу утра, возлѣ Маріинскаго сквера начала собираться толпа народа, которая съ криками направилась къ Парапету, разбрасывая значительное число прокламацій антиправительственнаго содержанія; такія же прокламаціи выбрасывались изъ оконъ нѣкоторыхъ домовъ. Часть толпы удалось разсѣять мѣрами полиціи и при помощи казаковъ, часть же достигла Маріинскаго сквера и соединилась съ бывшими уже тамъ демонстрантами. Здѣсь, кромѣ криковъ и разбрасыванія прокламацій, толпа бросала въ чиновъ полиціи и въ казаковъ камнями, затѣмъ, разгоняемая послѣдними, двинулась по Маріинской улицѣ къ Петровской площади. На Маріинской улицѣ изъ толпы появился на моментъ красный флагъ. Другая толпа съ угла Красноводской и Меркурьевской улицъ направилась къ Солдатскому базару. Однако принятыми бывшимъ при этомъ командиромъ сотни мѣрами эту толпу удалось разсѣять, причемъ нѣсколько человѣкъ загнаны были во дворъ мореходнаго училища, гдѣ и арестованы. Брошенными изъ этой толпы камнями легко раненъ въ голову казакъ. Исправлявшій, за отсутствіемъ бакинскаго губернатора, должность начальника губерніи бакинскій вице-губернаторъ д. с. с. Лилѣевъ направился къ толпѣ и, встрѣтившись съ частью ея на Барятинской улицѣ, предложилъ ей разойтись, что и было исполнено.

*) «Право», 16 марта 1903 г.

Въ это время показалась на Маріинской улицѣ другая толпа. Поспѣшивъ къ ней, д. с. с. Лилѣевъ услышалъ два выстрѣла, раздавшіеся на Петровской площади; выйдя изъ фаэтона, и. д. губернатора направился на означенную площадь и сталъ уговаривать толпу прекратить безпорядки. Въ это время д. с. с. Лилѣевъ былъ легко раненъ въ голову и руку; послѣ перевязки ранъ врачами, сдѣланной въ ближайшемъ частномъ домѣ, д. с. с. Лилѣевъ вновь продолжалъ разъѣзжать по городу и распоряжаться прекращеніемъ безпорядковъ. Къ двумъ часамъ дня все успокоилось. Въ тотъ же день, въ пятомъ часу пополудни, въ Балаханахъ толпа, приблизительно въ 2,000 человѣкъ, собралась у Волчинскаго промысла, кричала и шумѣла, но прибывшимъ полиціймейстеромъ была уговорена и въ седьмомъ часу вечера разошлась. На мѣстѣ безпорядковъ въ гор. Баку задержаны были 21 человѣкъ; 18 изъ нихъ подвергнуты и. д. губернатора, на основаніи положенія о государственной охранѣ, аресту при бакинскомъ арестномъ домѣ, трое же, два реалиста и одинъ ученикъ Михайловскаго городского училища, переданы въ распоряженіе учебнаго начальства".

Въ „Каспіи" опубликовано слѣдующее обязательное постановленіе бакинскаго губернатора: „1) Сходбища и собранія народа на улицахъ, площадяхъ, скверахъ, садахъ, караванъ-сараяхъ, вокзалахъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ, для совѣщаній и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію, а равно и скопленіе при этомъ любопытствующей публики воспрещаются. 2) Собравшіеся обязаны, по первому требованію полиціи, немедленно разойтись. 3) Не подчинившіеся безпрекословно и немедленно требованіямъ полиціи подвергаются въ административномъ порядкѣ, согласно 15 и 16 полож. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, взысканію штрафа до 500 руб. или аресту до 3 мѣсяцевъ" *).

Въ свою очередь въ саратовскихъ газетахъ опубликовано обязательное постановленіе и. д. саратовскаго губернатора, изданное на основаніи ст. 15 и 16-й правилъ положенія объ усиленной охранѣ, слѣдующаго содержанія: „Въ дополненіе къ своевременно опубликованному обязательному постановленію саратовскаго губернатора отъ 22-го декабря 1901 года, за № 1-мъ, и. д. губернатора постановилъ: 1) объявить населенію г. Саратова путемъ опубликованія въ мѣстныхъ газетахъ, что организаторы и участники всякаго рода сборищъ, имѣющихъ противозаконныя цѣли, гдѣ бы таковыя ни происходили, будутъ подвергаемы наказаніямъ въ административномъ порядкѣ: аресту до трехъ мѣсяцевъ, денежному взысканію до 500 р. или высылкѣ изъ предѣловъ Саратовской губерніи; 2) тому же наказанію будутъ подвергаться и лица

---

*) Цитируемъ по «Нижег. Листку», 17 марта 1903 г.

предоставившія для подобныхъ сборищъ свой домъ или квартиру. Настоящее постановленіе вступаетъ въ законную силу со дня его опубликованія" *).

Въ виленскихъ газетахъ 19 марта напечатано распоряженіе главнаго начальника сѣверо-западнаго края, кн. Святополкъ-Мирскаго. Какъ говорится въ этомъ распоряженіи, начальникъ края, „по разсмотрѣніи представленнаго виленскимъ губернаторомъ дознанія о лицахъ, виновныхъ въ нарушеніи обязательнаго постановленія, изданнаго 17 декабря 1901 г. для гор. Вильны, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ и руководствуясь степенью виновности каждаго изъ привлеченныхъ къ отвѣтственности лицъ", предложилъ губернатору подвергнуть 42 лицъ аресту на три мѣсяца каждаго и 36 лицъ аресту на два мѣсяца каждаго **).

Въ газетѣ „Южный Край" напечатанъ слѣдующій приказъ командующаго войсками кіевскаго военнаго округа генералъ-адъютанта Драгомирова: „24 января сего года дневальный у воротъ казармъ 7-й батареи 33 артиллерійской бригады, канониръ Овсѣй Яловскій задержалъ неизвѣстнаго человѣка, дававшаго ему противоправительственные совѣты. Канониру Яловскому за пониманіе и знаніе своихъ обязанностей выдать въ награду пять рублей, а его учителю, взводному фейерверкеру Прокофію Чернобаю, нынѣ состоящему въ запасѣ арміи, десять рублей" ***).

Въ „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ" напечатана копія съ циркуляра канцеляріи главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, начальнику Кубанской области и наказному атаману о томъ, что исполняющій обязанности главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, въ виду имѣющихся свѣдѣній о вредной для общественной безопасности и спокойствія дѣятельности сына кутаискаго купца Габріеля Израилева Чиквашвили, призналъ нужнымъ, согласно съ заключеніемъ совѣта главноначальствующаго и на основаніи 7 пункта именного высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 3 марта 1897 года, воспретить названному лицу жительство въ предѣлахъ кавказскаго края срокомъ на два мѣсяца ****).

30 марта въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„Въ с.-петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ уже въ концѣ февраля текущаго года обнаружилось нѣкоторое воз

*) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 15 марта 1903 г.

**) «Сѣв.-Западное Слово», 19 марта 1903 г.

***) Цитируемъ по «Нижег. Листку», 28 марта 1903 г.

****) Цитируемъ по «Нижег. Листку», 3 апрѣля 1903 г.

бужденіе среди слушательницъ, вызванное объявленіемъ проекта правилъ, устанавливавшихъ порядокъ переводныхъ испытаній въ институтѣ. Возбужденіе это, все усиливаясь, привело 10 марта къ тому, что въ 5 часовъ пополудни образовалось въ анатомической аудиторіи незаконное собраніе около шестисотъ слушательницъ. Увѣщанія директора института, а потомъ и попечителя учебнаго округа, не имѣли успѣха, и сходка продолжалась въ теченіе трехъ часовъ. Въ виду упорства значительнаго числа слушательницъ, собравшихся съ цѣлью протеста противъ примѣненія правилъ, выработанныхъ совѣтомъ института и утвержденныхъ еще 8 марта министерствомъ народнаго просвѣщенія, всѣ ученыя и учебныя занятія въ институтѣ были съ 11 марта пріостановлены впредь до особаго распоряженія. Замѣченныя участницы сходки были преданы профессорскому дисциплинарному суду. По разсмотрѣніи дѣла, судъ наложилъ взысканія на 345 слушательницъ, изъ коихъ 28 были приговорены къ различнымъ наказаніямъ, превышающимъ замѣчаніе, но не достигающимъ той степени, которая выражается увольненіемъ изъ института, остальныя же 317—къ замѣчанію. Признанныя наиболѣе виновными 28 слушательницъ были затѣмъ вызваны директоромъ въ институтъ для выслушанія приговоровъ профессорскаго суда; однако, 27 лицъ означенной категоріи предложенію директора не подчинились. Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, усмотрѣвъ въ такомъ образѣ дѣйствій слушательницъ не только новое, при томъ умышленное, нарушеніе дисциплины, но еще демонстративное заявленіе неуваженія къ профессорскому суду, а также нежеланія подчиняться и впредь законному порядку, призналъ нужнымъ частью удалить изъ института, частью уволить изъ него вышеуказанныхъ 27 слушательницъ. 27 марта занятія въ институтѣ были возобновлены.

„Въ с.-петербургскомъ университетѣ порядокъ былъ нарушенъ 18 марта, хотя занятія въ этотъ день вообще шли безпрепятственно. Означеннаго числа группа студентовъ въ количествѣ до 500 человѣкъ (общее число студентовъ петербургскаго университета— около 4,000), сплотившаяся, очевидно, заранѣе, вошла около 12 часовъ дня черезъ главный подъѣздъ и, быстро заполнивъ площадку лѣстницы противъ актоваго зала, образовала незаконное сборище, которое требованіямъ чиновъ инспекціи разойтись не подчинилось. Прибывшіе затѣмъ ректоръ университета и попечитель учебнаго округа тщетно пытались возстановить порядокъ; вразумленія ихъ были встрѣчены крайне грубыми и неприличными протестами. Предметами разсужденій участниковъ продолжавшейся два часа сходки служили безпорядки, происходившіе за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ женскомъ медицинскомъ институтѣ, а также вопросы, совершенно чуждые академической жизни. Вслѣдствіе сего о 68 лицахъ, относительно присутствія

которыхъ на сходкѣ имѣлись указанія, въ профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ было возбуждено надлежащее производство, для обезпеченія же правильнаго теченія судебнаго разсмотрѣнія дѣла, равно какъ для огражденія не участвовавшихъ 18 марта въ безпорядкахъ студентовъ отъ воздѣйствія агитаторовъ, которые въ послѣдующіе дни употребили бы всѣ старанія для образованія новыхъ незаконныхъ сходокъ, занятія въ университетѣ были временно пріостановлены,—подобно тому, какъ это было сдѣлано и въ женскомъ институтѣ послѣ сборища 10 марта. Дисциплинарный профессорскій судъ с.-петербургскаго университета, разсмотрѣвъ въ цѣломъ рядѣ засѣданій дѣло объ упомянутыхъ 68 студентахъ и выслушавъ показанія свидѣтелей, а также объясненія тѣхъ обвиняемыхъ, которые явились въ судъ, постановилъ: относительно 4 лицъ дѣло пріостановить въ виду болѣзни или несвоевременнаго врученія повѣстокъ о вызовѣ въ судъ; 4 студентовъ признать по обвиненію въ участіи въ сходкѣ оправданными; остальныхъ 60 чел. признать виновными въ этомъ проступкѣ. Изъ числа послѣднихъ, въ зависимости отъ степени ихъ вины, правдивости ихъ объясненій на судѣ, а также другихъ соображеній, судъ приговорилъ 14 лицъ къ удаленію изъ с.-петербургскаго университета навсегда, но безъ лишеніи ихъ права поступать въ другія высшія учебныя заведенія согласно п. 7-му правилъ о взысканіяхъ, 21 лицо къ увольненію изъ сего университета, а именно 7 человѣкъ до 15-го августа 1904 года и 14 человѣкъ до 15-го августа 1903 года, 7 лицъ къ нравственному порицанію и переводу въ разрядъ вольнослушателей, 4 лицъ къ переводу въ разрядъ вольнослушателей, 12 лицъ къ выговору и 2 лица къ замѣчанію. Приговоръ этотъ, по надлежащемъ, въ чемъ слѣдуетъ, утвержденіи попечителемъ учебнаго округа, приведенъ въ исполненіе, и съ 28-го марта открыты снова библіотека университета, канцеляріи и нѣкоторыя лабораторіи, а также помѣщенія для ученыхъ обществъ. Въ виду близости пасхальныхъ вакацій, начинающихся въ этомъ году 30-го марта, чтеніе лекцій не возобновляется послѣ означеннаго перерыва занятій, но экзамены бубутъ производиться согласно утвержденному и своевременно объявленному расписанію.

„Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, когда нормальный ходъ университетской жизни подвергался неоднократнымъ нарушеніямъ, учебнымъ начальствомъ и административными властями было обращено вниманіе на то, что состоящая въ завѣдываніи общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ Императорскаго с.-петербургскаго университета студенческая столовая является мѣстомъ, гдѣ наиболѣе безпокойныя лица изъ учащейся молодежи собираются для обсужденія вопросовъ объ организаціи такъ-называемыхъ студенческихъ забастовокъ, обструкцій и т. п., вслѣдствіе чего столовая эта подвергалась закрытію. Въ настоящее

время имѣющимися въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніями вполнѣ точно установлено, что какъ въ 1899, 1900 и 1901 гг., такъ и въ 1902 и 1903 гг. въ означенной столовой, помимо нарушенія порядка въ видѣ пѣнія хоромъ запрещенныхъ пѣсенъ, происходили сходки отдѣльныхъ кружковъ молодежи для обсужденія вопросовъ не только объ организаціи безпорядковъ въ стѣнахъ университета, но и объ устройствѣ уличныхъ демонстрацій и т. п. Въ столовой этой, не смотря на то, что дѣйствующими о ней правилами запрещается посѣщеніе ея лицами, не принадлежащими къ составу студентовъ с.-петербургскаго университета, безпрепятственно появлялись люди, студенческой средѣ посторонніе. Въ ней также между лицами неблагонадежными происходили свиданія по предметамъ ихъ преступной дѣятельности. Она, наконецъ, служила мѣстомъ, гдѣ почти открыто распространялись и даже читались вслухъ подпольныя изданія. Состоявшаяся 18-го сего марта въ университетѣ сходка,—какъ выяснено при разсмотрѣніи дѣла,—была организована заранѣе и большинство ея участниковъ явилось на сходку непосредственно изъ студенческой столовой. Такимъ образомъ, и устройство означенной сходки было рѣшено на предшествовавшемъ сборищѣ въ столовой. На основаніи сказаннаго, а также въ виду того, что вышеописанными нежелательными явленіями, происходившими ранѣе въ студенческой столовой, достаточно доказывается полное безсиліе общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ Императорскаго с.-петербургскаго университета обезпечить порядокъ въ завѣдываемой обществомъ студенческой столовой, послѣдняя,—по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ и управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія,—закрыта".

10 апрѣля въ „Правит. Вѣстникѣ" было опубликовано слѣдующее сообщеніе: „6 и 7 апрѣля въ Кишиневѣ мѣстное еврейское населеніе подверглось нападенію толпы рабочихъ. Безпорядки начались съ разграбленія еврейскихъ лавокъ и квартиръ и весьма быстро приняли характеръ сплошныхъ безчинствъ. Не смотря на усилія полиціи, а затѣмъ и призванныхъ въ помощь ей воинскихъ частей, разсыпавшіеся по городу буяны били стекла въ окнахъ еврейскихъ домовъ (при чемъ случайно были разбиты стекла и въ нѣсколькихъ квартирахъ христіанъ), уничтожали и расхищали имущество. Возобновившіеся на второй день безпорядки противъ евреевъ приняли, не смотря на призывъ войскъ, угрожающій характеръ: произошло нѣсколько побоищъ, были пущены въ ходъ не только камни и палки, но даже желѣзные ломы и револьверы; 25 человѣкъ при этомъ было убито, до 75 ранено серьезно и до 200 человѣкъ получило незначительныя пораненія. По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ городъ

Кишиневъ и его уѣздъ объявлены въ положеніи усиленной охраны".

Втеченіе послѣдняго мѣсяца состоялось нѣсколько весьма важныхъ распоряженій правительства относительно Финляндіи, причемъ одни изъ этихъ распоряженій касались состава административныхъ, судебныхъ и городскихъ учрежденій названнаго края, другія-же—общихъ его порядковъ. Приводимъ тѣ и другія въ той послѣдовательности, въ какой они были опубликованы въ оффиціальныхъ газетахъ.

Какъ сообщила „Финляндская Газета", протокольный секретарь экспедиціи торговли и промышленности Императорскаго Финляндскаго Сената кандидатъ правъ Элисъ Фуругельмъ уволенъ отъ службы въ порядкѣ, установленномъ закономъ отъ 1 (14) августа 1902 г., за участіе въ производствѣ безпорядковъ въ церкви при объявленіи въ прошломъ году Высочайшаго манифеста о воинской повинности и за оскорбленіе дѣйствіемъ полиціи при отправленіи ею служебныхъ обязанностей. По словамъ той же газеты, протокольный секретарь гражданской экспедиціи Императорскаго Финляндскаго Сената Карло Юхо Стольбергъ уволенъ отъ службы въ порядкѣ, установленномъ въ законѣ отъ 1 (14) августа 1902 г., за отказъ исполнить распоряженіе Сената, касающееся примѣненія устава о воинской повинности 1901 года.

Въ той же газетѣ напечатанъ Высочайшій приказъ, которымъ увольняется отъ службы, согласно прошенію, совѣтникъ абосскаго гофгерихта Салингре. Сверхъ того, какъ сообщаетъ „Финляндская Газета", 6 (19) марта состоялось Высочайшее повелѣніе объ увольненіи отъ службы, безъ пенсій, по выборгскому гофгерихту: совѣтниковъ Акселя-Іогана-Альфонса Споре и Густава-Вильяма Хомена; ассессоровъ Эдуарда Палдани и Августа-Вильгельма Бруноу; адвоката-фискала Артура-Вильяма Форсмана; нотаріусовъ Кнута-Густава-Виктора Фуругельма, Августа-Вильяма Винтера, Уно-Якоба-Оскара Гадда и Іона-Берндта Нордгрена и сверхштатнаго фискала Отто-Эверта Бромса, и по вазасскому гофгерихту: ассессоровъ Роберта-Вольдемара Монтина и Гидеона-Эдуарда Экгольма и вице-адвокатъ-фискала Акселя-Іогана-Альфонса Седерберга. Того же числа состоялось Высочайшее повелѣніе объ удаленіи отъ службы бургомистровъ: гельсингфорскаго—Эліаса Эмана, боргосскаго — Августа-Михаила Шаумана, ловизасскаго—Георга-Карла-Фридольфа Кулефельта, экенесскаго—Берндта-Густава-Кнута-Бьерна-Вольдемара Шаумана, гангескаго—Фредерика Стенстрема, коткаскаго—Оскара-Августа Бакмана, фридрихсгамскаго—Ивара-Габріеля Алопеуса, кексгольмскаго — Карла-Акселя-Вильгельма Гренгунда, вильманстрандскаго—Отто-Іоганнеса Лундсона, сердобольскаго—Александра-Арнольда Халлонблада и и. д. выборгскаго—Антона-Леонарда фонъ-Кнорринга.

По поводу этого увольненія бургомистровъ всѣхъ 11 горо-

довъ Нюландской и Выборгской губерніи, оффиціозная „Финляндская Газета“ даетъ слѣдующія разъясненія:

„Вызвана эта мѣра тѣмъ обстоятельствомъ, что магистраты означенныхъ 11 городовъ отказались сдѣлать какія бы то ни было предписанныя въ законѣ распоряженія по исполненію призыва 1903 г. На основаніи устава о воинской повинности 1901 г. на пополненіе составовъ призывныхъ присутствій должны быть избраны особые члены отъ общинъ. На обязанности же магистратовъ лежитъ созывъ для этой цѣли ратгаузскихъ собраній. Желая воспрепятствовать призыву настоящаго года, магистраты всѣхъ городовъ Нюландской и Выборгской губерній отказались исполнить предписанія губернаторовъ о созывѣ ратгаузскихъ собраній. Отвѣты магистратовъ какъ по содержанію своему, такъ и по формѣ указываютъ на то, что были составлены по одному и тому же шаблону. Отказъ свой магистраты мотивировали тѣмъ, что такъ какъ уставъ о воинской повинности 1901 года былъ изданъ безъ участія земскихъ чиновъ и съ нарушеніемъ основныхъ законовъ Финляндіи, то за нимъ они не могутъ признать силу закона и потому не желаютъ содѣйствовать приведенію его въ дѣйствіе. Гельсингфорскій же магистратъ, кромѣ того, просилъ губернатора довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества о необходимости отмѣнить призывъ текущаго года и передать прошедшій черезъ Государственный Совѣтъ и Высочайше утвержденный уставъ о воинской повинности 1901 г. на разсмотрѣніе и рѣшеніе земскихъ чиновъ. Когда же нюландскій губернаторъ, на основаніи предписанія Императорскаго Финляндскаго Сената, повторилъ свое требованіе подъ угрозою наложенія денежнаго штрафа на членовъ магистратовъ, то одинъ изъ нихъ, экенесскій, отвѣтилъ дерзкою бумагою, достойною быть особо отмѣченной. Въ отвѣтѣ своемъ экенесскій магистратъ говоритъ: „Магистратъ находитъ, что донесеніе его за № 66 очевидно своевременно не дошло до вашего превосходительства. Правовыя основанія, на которыхъ въ данномъ случаѣ опираются ваше превосходительство и магистратъ, конечно, существенно различны. Вы ссылаетесь на Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, выраженную въ Высочайшемъ манифестѣ 29 іюня (12 іюля) 1901 г., тогда какъ магистратъ строго придерживается основныхъ законовъ Финляндіи. Хотя мнѣнія вашего превосходительства и магистрата и расходятся по вопросу о томъ, какое именно изъ повелѣній одной и той же Высочайшей воли обязательно для должностныхъ лицъ Финляндіи, но во всемъ цивилизованномъ мірѣ существуетъ лишь одно мнѣніе о требованіяхъ чести, а потому магистратъ не можетъ предположить, чтобы ваше превосходительство думали заставить его исполнить требованіе воинскаго устава угрозою штрафа“. Никакое управленіе немыслимо, если выборныя должностныя лица вмѣсто содѣйствія властямъ въ осущест-

вленіи правительственныхъ предначертаній категорически отказываются повиноваться и исполнять предписанія закона. Узелъ былъ затянутъ магистратами слишкомъ крѣпко, его пришлось разрубить“.

Наконецъ, 20 марта (2 апрѣля) состоялось Высочайшее повелѣніе объ увольненіи д. ст. с. Рейна отъ исправленія должности вице-канцлера Александровскаго университета и возложеніи исправленія этой должности на профессора того же университета Даніельсона, съ оставленіемъ его ординарнымъ профессоромъ.

По словамъ „Финляндской Газеты“, главное училищное управленіе Финляндіи „разослало начальникамъ и начальницамъ казенныхъ и частныхъ элементарныхъ и женскихъ школъ края циркулярное предписаніе, въ которомъ говорится, что въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ, является крайне важнымъ, чтобы учащіеся и преподаватели школъ края строго держались въ сторонѣ отъ всякихъ демонстрацій и въ особенности отъ такихъ, которыя носятъ политическій характеръ; поэтому главное управленіе приглашаетъ каждаго изъ учащихъ наблюдать тщательнымъ образомъ, чтобы во ввѣренномъ ему учебномъ учрежденіи соблюдался должный порядокъ, и, если бы случились въ означенномъ отношеніи проступки, строго за нихъ наказывать“.

Въ той же газетѣ опубликованъ Высочайшій рескриптъ финляндскому генералъ-губернатору, данный 20 марта (2 апрѣля) въ Царскомъ Селѣ, слѣдующаго содержанія:

„На основаніи статьи 9 устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, число людей, потребное для пополненія арміи, опредѣляется ежегодно порядкомъ, указаннымъ въ статьяхъ 4 и 7 Высочайше утвержденныхъ 3 февраля 1899 г. основныхъ положеній о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

„Согласно сему, утвердивъ нынѣ послѣдовавшее въ Государственномъ Совѣтѣ, съ соблюденіемъ означеннаго порядка, по представленію военнаго министра, мнѣніе о размѣрѣ предстоящаго въ семъ году призыва людей въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ на дѣйствительную военную службу, повелѣваемъ: призвать въ 1903 году на основаніяхъ, въ уставѣ о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ опредѣленныхъ, для пополненія лейбъ-гвардіи 3-го финскаго стрѣлковаго батальона сто девяносто человѣкъ, полагая въ этомъ числѣ и тѣхъ, которыми представлены будутъ въ предстоящій въ семъ

Великомъ Княжествѣ призывъ освобождающія отъ военной службы зачетныя рекрутскія квитанціи прежняго времени".

13-го (26-го) марта въ Царскомъ Селѣ состоялось, по всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, Высочайшее постановленіе, которымъ повелѣно въ отмѣну Высочайше утвержденной 31 января (12 февраля) 1812 года инструкціи финляндскому генералъ-губернатору, а также въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну другихъ подлежащихъ узаконеній, ввести въ дѣйствіе новыя инструкціи финляндскому генералъ-губернатору и его помощнику. Въ виду важнаго значенія этихъ инструкцій, весьма значительно измѣняющихъ положеніе генералъ-губернаторской власти въ краѣ, мы позволимъ себѣ привести ихъ здѣсь цѣликомъ.

„А. Инструкція финляндскому генералъ-губернатору.

„1) Финляндскій генералъ-губернаторъ есть высшій представитель государственной власти въ Финляндіи и, состоя по своей должности предсѣдателемъ Императорскаго финляндскаго сената, является вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ начальникомъ гражданскаго управленія въ краѣ.

„Права и обязанности генералъ-губернатора по званію предсѣдателя сената опредѣляются въ учрежденіи сената и изданныхъ въ его измѣненіе и дополненіе постановленіяхъ, а по званію главнаго начальника гражданскаго управленія—въ настоящей инструкціи и другихъ подлежащихъ узаконеніяхъ.

„2) Генералъ-губернаторъ назначается и увольняется Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату и Высочайшимъ приказомъ въ установленномъ порядкѣ. О послѣдовавшемъ своемъ назначеніи генералъ-губернаторъ увѣдомляетъ Императорскій финляндскій сенатъ для зависящихъ распоряженій.

„3) Генералъ-губернатору принадлежитъ объявленіе Высочайшихъ повелѣній.

„4) Къ генералъ-губернатору препровождаются на предметъ представленія Его Императорскому Величеству всѣ дѣла, кои въ порядкѣ мѣстнаго гражданскаго управленія Финляндіею имѣютъ быть повергаемы на Высочайшее благовоззрѣніе. По всѣмъ таковымъ дѣламъ генералъ-губернаторъ прилагаетъ, если признаетъ нужнымъ, свое письменное заключеніе.

„5) Генералъ-губернаторъ представляетъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе:

„1) краткій отчетъ по управленію краемъ;

„2) отчеты и вѣдомости на основаніи учрежденія сената и другихъ узаконеній, и

„3) донесенія о чрезвычайныхъ происшествіяхъ.

„6) Генералъ-губернаторъ повергаетъ на Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе представленія по мѣстному финляндскому управленію о награжденіи какъ долж-

ностныхъ, такъ и прочихъ лицъ, оказавшихъ отличіе или полезные подвиги.

„7) Генералъ-губернатору предоставляется, независимо отъ установленнаго хода дѣлъ, повергать на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе о всѣхъ тѣхъ предметахъ, о коихъ онъ признаетъ сіе необходимымъ.

„8) Генералъ-губернаторъ отвѣтствуетъ предъ Государемъ Императоромъ за порядокъ и общее состояніе управленія въ краѣ.

„9) Генералъ-губернаторъ направляетъ дѣятельность всѣхъ учрежденій и должностныхъ лицъ, блюдетъ за точнымъ исполненіемъ законовъ, постановленій и распоряженій по всѣмъ отраслямъ управленія и печется объ охранѣ общественнаго порядка и спокойствія.

„10) Въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, когда, по недостаточности или безуспѣшности установленныхъ мѣропріятій и распоряженій подлежащихъ властей, окажется необходимымъ неотложное принятіе особыхъ мѣръ, превышающихъ предоставленныя генералъ-губернатору полномочія, генералъ-губернатору, подъ его личною отвѣтственностью, предоставляется принимать сіи мѣры, о чемъ онъ немедленно доноситъ Его Императорскому Величеству.

„11) Генералъ-губернатору подчинены всѣ отрасли мѣстнаго гражданскаго управленія, въ томъ числѣ магистраты, а также общинное управленіе въ городахъ и селеніяхъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ учрежденій, состоящихъ въ особомъ вѣдѣніи, какъ, напримѣръ, Императорскій Александровскій университетъ. Однако и сіи учрежденія подлежатъ надзору генералъ-губернатора, который при замѣченныхъ въ нихъ упущеніяхъ или неустройствѣ, по предоставленной ему высшей административно-полицейской власти въ краѣ, напоминаетъ о скорѣйшемъ ихъ исправленіи, а въ случаяхъ важныхъ принимаетъ необходимыя мѣры, извѣщая о семъ, кого слѣдуетъ. Сообразно сему всѣ учрежденія и должностныя лица края исполняютъ требованія, предложенія и предписанія генералъ-губернатора и безъ замедленія способствуютъ ему во всѣхъ дѣлахъ, въ коихъ онъ по своей должности можетъ нуждаться въ ихъ содѣйствіи.

„12) Генералъ-губернаторъ ревизуетъ всѣ мѣста и власти, ему подвѣдомственныя. Для извлеченія изъ дѣлопроизводства административныхъ установленій края необходимыхъ ему свѣдѣній, генералъ-губернатору предоставляется командировать въ оныя должностныхъ лицъ по его избранію.

„13) Генералъ-губернаторъ наблюдаетъ за скорѣйшимъ производствомъ всѣми подчиненными ему мѣстами и лицами порученныхъ имъ дѣлъ. Въ случаѣ замѣченныхъ генералъ-губернаторомъ упущеній по исполненію данныхъ предписаній или замедле-

нія, не оправдываемаго свойствомъ дѣла, онъ распоряжается производствомъ надлежащаго разслѣдованія и привлеченіемъ виновныхъ къ отвѣтственности.

„14) Генералъ-губернатору предоставляется присутствовать на засѣданіяхъ всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ установленій въ финляндскихъ губерніяхъ и требовать отъ нихъ надлежащіе отчеты и свѣдѣнія, а равно подлинные дѣла и протоколы. Ему же представляются копіи со всѣхъ циркуляровъ и распоряженій, издаваемыхъ подлежащими правительственными и общественными мѣстами и должностными лицами.

„15) По приведенію въ исполненіе узаконеній и распоряженій генералъ-губернаторъ дѣйствуетъ чрезъ мѣста и лица, коимъ, по учрежденіямъ и уставамъ мѣстнаго управленія, сіе исполненіе принадлежитъ. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ или при отсутствіи надлежащихъ начальствъ, генералъ-губернатору предоставляется, минуя высшія мѣста и лица, дѣйствовать чрезъ низшія. Мѣста и лица, получившія приказанія генералъ-губернатора, немедленно приводятъ ихъ въ исполненіе и доносятъ о семъ своему непосредственному начальству.

„16) Генералъ-губернаторъ имѣетъ право вызывать къ себѣ для личныхъ объясненій по дѣламъ службы всѣхъ должностныхъ лицъ края, не исключая служащихъ по выборамъ, а также частныхъ лицъ, находящихся въ мѣстѣ постояннаго или временнаго его пребыванія. Генералъ-губернатору предоставляется также опредѣлять, какія должностныя лица обязаны ему представляться по ихъ назначеніи или выборѣ на должность или при пріѣздѣ ихъ въ Гельсингфорсъ, или въ случаѣ пріѣзда генералъ-губернатора въ ту или другую мѣстность.

„17) Генералъ-губернатору принадлежитъ высшая полицейская власть въ губерніяхъ Финляндіи и главное начальство надъ полиціею въ городахъ и уѣздахъ.

„18) Генералъ-губернаторъ принимаетъ мѣры къ предотвращенію и пресѣченію распространенія вредныхъ ученій, могущихъ повести къ нарушенію порядка, къ возбужденію недовольства правительствомъ или вражды между различными частями населенія.

„19) Генералъ-губернатору предоставляется: 1) разрѣшать всякаго рода лоттереи, а равно подписки и сборы пожертвованій, вещевыхъ или денежныхъ, устраиваемые съ общеполезными или благотворительными цѣлями, и утверждать приглашенія къ таковымъ лоттереямъ, подпискамъ и сборамъ; 2) устанавливать надзоръ за тѣмъ, чтобы собранныя означенными способами (п. 1.) вещи и деньги были переданы и употреблены по назначенію, и 3) разрѣшать публичныя собранія на основаніяхъ, указанныхъ въ высочайшемъ постановленіи отъ 2 іюля 1900 г., или предоставлять это, по своему усмотрѣнію, подвѣдомственнымъ ему чинамъ.

„20) На генералъ-губернатора возлагается главный надзоръ за печатью въ Финляндіи. Въ сихъ видахъ генералъ-губернатору предоставляется: 1) прекращать временно или навсегда періодическія изданія, согласно правиламъ высочайшаго постановленія отъ 29 января 1900 года и 2) въ особо уважительныхъ случаяхъ закрывать всякаго рода публичныя библіотеки и общественныя читальни, а также типографіи.

„21) Генералъ-губернатору принадлежитъ общій надзоръ за всѣми финляндскими учебными заведеніями; направляя учебное дѣло въ духѣ преданности юношества Государю Императору и Россіи, онъ лично или при посредствѣ состоящихъ при немъ должностныхъ лицъ удостовѣряется въ надлежащей постановкѣ въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія и воспитанія.

„22) Генералъ-губернаторъ съ особой заботливостью слѣдитъ за торговлей, промышленностью и земледѣліемъ и во всемъ, что отъ него зависитъ, содѣйствуетъ развитію оныхъ.

„23) Генералъ-губернаторъ имѣетъ высшій надзоръ за своевременнымъ и правильнымъ взиманіемъ податей, оброковъ, сборовъ и другихъ казенныхъ доходовъ, а равно за отчетностью въ оныхъ.

„24) Оказывая всѣмъ и каждому покровительство и защиту, генералъ-губернаторъ не оставляетъ безъ вниманія поступающихъ къ нему основательныхъ прошеній и жалобъ. Жалобы на дѣйствія всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ могутъ быть приносимы генералъ-губернатору, который либо разрѣшаетъ ихъ собственною властью, буде сіе предоставлено ему по закону, либо направляетъ просителей по принадлежности, донося Его Императорскому Величеству о дѣлахъ особой важности.

„25) По вступленіи въ должность, а равно, когда обстоятельства того потребуютъ, генералъ-губернаторъ объѣзжаетъ подвѣдомственныя ему губерніи и, въ случаѣ необходимости, принимаетъ мѣры къ прекращенію упущеній и безпорядковъ. Генералъ-губернаторъ можетъ предложить кому-либо изъ должностныхъ лицъ, не исключая сенаторовъ, сопутствовать ему при поѣздкѣ.

„Во время сихъ поѣздокъ генералъ-губернаторъ ревизуетъ дѣлопроизводство судебныхъ и прочихъ правительственныхъ и общественныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, состояніе казначейской части и казенныхъ магазиновъ, осматриваетъ храмы, монастыри, школы, богадѣльни, больницы, тюрьмы и прочія учрежденія, наблюдаетъ за исправностью казенныхъ и общественныхъ зданій, дорогъ, мостовъ, перевозовъ, почтовыхъ станцій и т. п.; вникаетъ съ подробностью въ состояніе торговли, заводовъ, фабрикъ, ремеслъ, рукодѣлій, хлѣбопашества, скотоводства и всѣхъ отраслей народнаго хозяйства и изслѣдуетъ образъ и средства народнаго продовольствія.

„27) Порядокъ и формы сношеній генералъ-губернатора съ

высшими учрежденіями, министрами и главноуправляющими, а также съ другими главными начальниками губерній и съ мѣстными установленіями и властями, опредѣлены особо.

„28) Когда генералъ-губернаторъ не можетъ самолично завѣдывать своею должностью, то, донеся о семъ Государю Императору, предлагаетъ помощнику вступить въ полное отправленіе должности генералъ-губернатора и увѣдомить о семъ сенатъ.

„29) При генералъ-губернаторѣ состоятъ канцеляріи и другія установленія и должностныя лица, на основаніи особыхъ о томъ постановленій. Порядокъ производства дѣлъ въ канцеляріи опредѣляется генералъ-губернаторомъ.

„Б. Инструкція помощнику финляндскаго генералъ - губернатора.

„1) Помощникъ генералъ-губернатора, назначаемый и увольняемый тѣмъ же порядкомъ, какъ и генералъ-губернаторъ, раздѣляетъ труды послѣдняго по управленію краемъ. О послѣдовавшемъ назначеніи помощника генералъ-губернаторъ увѣдомляетъ Императорскій финляндскій сенатъ для зависящихъ распоряженій.

„2) Во время пребыванія генералъ-губернатора въ краѣ и отправленія имъ самимъ своей должности, помощникъ исполняетъ порученія генералъ-губернатора по всѣмъ частямъ гражданскаго управленія. Отъ усмотрѣнія генералъ-губернатора зависитъ ввѣрить помощнику какую-либо отдѣльную часть своихъ правъ и обязанностей. Однако, право объявлять Высочайшія повелѣнія, представлять всеподданнѣйшія заключенія, представленія, отчеты и донесенія, а также пріостанавливать приведеніе въ исполненіе опредѣленій сената, не можетъ быть поручаемо генералъ-губернаторомъ помощнику.

„3) По порученію генералъ-губернатора, помощникъ его производитъ обозрѣніе губерній и ревизію гражданскихъ учрежденій, причемъ, для прекращенія открываемыхъ злоупотребленій и безпорядковъ принимаетъ всѣ мѣры, которыя предоставлены генералъ-губернатору, донося о дѣлахъ большей важности на его усмотрѣніе.

„4) Въ отношеніи принятія и направленія прошеній и жалобъ помощникъ во время обозрѣнія края пользуется правами генералъ-губернатора, причемъ по предметамъ, восходящимъ на Высочайшее усмотрѣніе или требующимъ сношенія съ высшими учрежденіями, министрами и главноуправляющими Имперіи, доноситъ генералъ-губернатору.

„5) Въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 28 инструкціи генералъ-губернатору, помощникъ его вступаетъ въ полное отправленіе генералъ-губернаторской должности, о чемъ увѣдомляетъ сенатъ“.

Одновременно состоялось Высочайшее постановленіе, дополняющее и измѣняющее инструкцію губернаторамъ Великаго Княже-

ства Финляндскаго. Пунктъ второй этого постановленія гласитъ: „Если обнаружено дѣяніе, которое заключаетъ въ себѣ покушеніе противъ Государя Императора, либо Члена Императорскаго Дома, либо образа правленія Россійскаго государства, или которое въ иномъ отношеніи вредно для государства, общественнаго порядка и спокойствія, или если замышляется такое преступленіе, то губернаторъ обязанъ немедленно донести о томъ генералъ-губернатору, а также, въ видахъ предупрежденія такого дѣянія и для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности, принять всѣ мѣры, вызываемыя данными обстоятельствами, о чемъ онъ и доноситъ генералъ-губернатору“. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнародовано постановленіе о томъ, чтобы безъ разрѣшенія полиціи не допускались публичныя театральныя представленія, концерты и т. п. зрѣлища, а также устройство въ городахъ иллюминацій и украшеній флагами зданій. По объясненію „Финляндской газеты“, „вызвано это тѣмъ, что агитаторы стремятся влiять на народную массу посредствомъ устройства разнаго рода демонстрацій, какъ, напримѣръ, дни „свѣта“ въ день рожденія поэта Рунеберга и демонстраціи „тьмы“ въ день объявленія Высочайшаго манифеста 3 февраля 1899 года, и устройствомъ народныхъ представленій, въ которыхъ давались пьесы явно тенденціознаго направленія изъ временъ шведско-русскихъ войнъ“.

Въ той же газетѣ напечатанъ слѣдующій высочайшій рескриптъ финляндскому генералъ-губернатору, данный въ Царскомъ Селѣ 27 марта (9 апрѣля): „Въ заботахъ о тѣснѣйшемъ государственномъ сплоченіи Державы Нашей Мы предначертали мѣропріятія по объединенію Великаго Княжества Финляндскаго съ коренными частями Имперіи, но исполненіе этихъ мѣръ встрѣтило въ части населенія Финляндіи дерзновенное противодѣйствіе. Злонамѣренные люди, съ цѣлью увлечь на путь сопротивленія правительству мирное населеніе, не склонное слѣдовать ихъ наущеніямъ, дозволили себѣ дѣйствія, нарушившія спокойное теченіе жизни, и даже не остановились передъ открытымъ насиліемъ въ отношеніи лицъ, вѣрныхъ своему долгу. При обычныхъ условіяхъ поколебленный подобными дѣйствіями порядокъ могъ бы быть возстановленъ привлеченіемъ виновныхъ къ судебной отвѣтственности и другими, указанными въ общихъ законахъ, способами. Нынѣ, однако, сіи способы являются непримѣнимыми, такъ какъ нѣкоторыя должностныя лица, а въ особенности судебныя установленія, не только не содѣйствуютъ охраненію общественнаго порядка, но нерѣдко сами подаютъ пагубный примѣръ неповиновенія закону. Желая возстановить порядокъ въ Финляндіи и оградить законопослушный народъ отъ вліянія крамолы, Мы признали за благовременно, на три года, предоставить высшимъ правительственнымъ властямъ Великаго Княжества Финляндскаго особыя полномочія по охраненію государственнаго

порядка и общественнаго спокойствія. Полномочія эти перечислены въ Постановленіи, Нами 20-го марта (2-го апрѣля) сего года утвержденномъ.

„Препровождая къ вамъ сіе Постановленіе для надлежащаго исполненія, вмѣняемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ непремѣнный долгъ Нашему Финляндскому Сенату скорѣйшее завершеніе пересмотра узаконеній по судоустройству и судопроизводству.

„На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Николай“.

Упомянутое въ рескриптѣ „высочайшее постановленіе о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ гласитъ слѣдующее:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, въ присутствіи своемъ въ Царскомъ Селѣ 20-го марта (2-го апрѣля) 1903 года высочайше соизволилъ утвердить слѣдующее временное постановленіе о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго и общественнаго спокойствія.

„1. Генералъ-губернатору предоставляется:

„а) дѣлать распоряженіе о закрытіи на срокъ гостиницъ, книжныхъ складовъ, магазиновъ и вообще торговыхъ и промышленныхъ заведеній;

„б) воспрещать всякія общественныя и частныя собранія;

„в) закрывать частныя общества и ихъ отдѣленія;

„г) воспрещать пребываніе въ Финляндіи лицамъ, признаннымъ имъ вредными для государственнаго порядка или общественнаго спокойствія; мѣра сія кромѣ случаевъ, не терпящихъ отлагательства, принимается генералъ-губернаторомъ не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, и можетъ сопровождаться водвореніемъ такихъ лицъ въ опредѣленной мѣстности Имперіи.

„2. Лица, предназначенныя къ водворенію въ имперіи, передаются въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ подчинить ихъ гласному надзору полиціи на основаніи дѣйствующихъ въ имперіи узаконеній. По письменному предложенію генералъ-губернатора или губернатора, лица сіи могутъ быть задерживаемы чинами общей полиціи или отдѣльнаго корпуса жандармовъ и содержаться подъ стражею до отправленія въ мѣсто назначенія. Тѣ же мѣры примѣняются къ лицамъ, которыя не были непосредственно предназначены къ высылкѣ въ опредѣленную мѣстность, но, послѣ воспрещенія имъ пребыванія въ Финляндіи, не выбыли въ означенный срокъ изъ края или самовольно возвратились въ оный.

„3) Указанныя въ статьяхъ 1 и 2 настоящаго постановленія лица, вмѣстѣ съ удаленіемъ ихъ изъ предѣловъ Финляндіи, могутъ быть лишаемы производящихся имъ изъ к[illegible]хъ суммъ

пенсій, не иначе, однако, какъ съ испрошеніемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ высочайшаго на сіе соизволенія.

„4) Губернаторамъ финляндскихъ губерній предоставляется разрѣшать въ административномъ порядкѣ какъ дѣла о нарушеніи высочайшаго постановленія о публичныхъ собраніяхъ отъ 2 іюля 1900 г., такъ и дѣла о нарушеніи изданныхъ ими единолично или по соглашенію съ городскимъ управленіемъ обязательныхъ постановленій или полицейскихъ правилъ, объ изъятіи коихъ изъ вѣдомства суда ими объявлено во всеобщее свѣдѣніе. Виновные въ сихъ нарушеніяхъ присуждаются губернаторомъ къ денежному штрафу въ размѣрѣ, опредѣленномъ подлежащими правилами, но не свыше 400 марокъ, каковой штрафъ, въ случаѣ несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ онаго, замѣняется тюремнымъ заключеніемъ, по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 главы II уголовнаго уложенія. Жалобы на постановленныя губернаторомъ опредѣленія могутъ быть приносимы осужденными генералъ-губернатору въ двухнедѣльный со дня объявленія опредѣленія срокъ, только въ случаѣ нарушенія губернаторомъ предѣловъ власти или неправильнаго примѣненія закона; рѣшенія генералъ-губернатора считаются окончательными и дальнѣйшему обжалованію не подлежатъ.

5. Городскіе магистраты, а также городское и сельское общинныя управленія подчиняются высшему надзору генералъ-губернатора и ближайшему губернатору, на слѣдующихъ основаніяхъ:

„а) О лицахъ, избранныхъ въ бургомистры, ратманы, предсѣдатели и вице-предсѣдатели городскихъ уполномоченныхъ, а также въ другія должности по городскому или сельскому общиннымъ управленіямъ, доносится мѣстному губернатору, отъ котораго зависитъ утвердить представленнаго кандидата въ должности. Въ случаѣ двукратнаго отказа въ утвержденіи избраннаго лица, должность замѣщается хозяйственнымъ департаментомъ сената по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ.

„б) Бургомистры и ратманы магистратовъ, предсѣдатели и вице-предсѣдатели городскихъ уполномоченныхъ, а также другія лица, состоящія на службѣ по городскому и сельскому общиннымъ управленіямъ, могутъ быть административнымъ порядкомъ удаляемы отъ службы хозяйственнымъ департаментомъ сената по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, съ соблюденіемъ правилъ Высочайшаго Постановленія отъ 1 (14) августа 1902 года.

„в) Губернаторамъ предоставляется пріостанавливать исполненіе постановленныхъ подвѣдомственными имъ общинными властями рѣшеній, несоотвѣтствующихъ общимъ государственнымъ интересамъ или нуждамъ мѣстнаго населенія, либо нарушающихъ требованія закона. О таковыхъ рѣшеніяхъ губернаторъ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернатору, который, въ случаѣ

признанія ихъ подлежащими отмѣнѣ, предлагаетъ о томъ хозяйственному департаменту сената.

„6. Настоящее Постановленіе остается въ силѣ въ теченіе трехъ лѣтъ со дня обнародованія его въ сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго.

„Министръ статсъ-секретарь *Плеве*".

III.

За мѣсяцъ, прошедшій со времени послѣдней нашей хроники, состоялись слѣдующія административныя распоряженія по дѣламъ печати:

1) 28-го марта 1903 г.: „на основаніи ст. 155 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: прекратить печатаніе частныхъ объявленій въ газетѣ „Der Fraind" срокомъ на три мѣсяца";

2) 3-го апрѣля 1903 г.: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Уралецъ" на три мѣсяца";

и 3) 4-го апрѣля 1903 г.: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе „Самарской Газеты" на три мѣсяца".

Въ свою очередь главное управленіе по дѣламъ печати въ Финляндіи, какъ сообщаетъ „Финляндская Газета", распорядилось дать предостереженія слѣдующимъ восьми газетамъ за напечатаніе ими Высочайшаго манифеста отъ 26 февраля въ концѣ текста: „Päivälehti", „Borgâ Bladet", „Uusimaa", „Kotkan Uutiset", „Rouman Lehti", „Mikkelin Sanomat", „Aamulehti" и „Wiborgs Nyheter".

В. Мякотинъ.

Къ аграрному вопросу во Франціи и другихъ странахъ.

(Письмо изъ Франціи).

Чѣмъ больше живешь на свѣтѣ и присматриваешься къ тому, что дѣлается вокругъ, тѣмъ настойчивѣе въ сознаніи выплываетъ мысль, что жизненный фактъ сильнѣе и въ извѣстномъ смыслѣ первоначальнѣе теоріи, зачастую порождая и почти всегда пред-

варяя ее, во всякомъ-же случаѣ давая ей извѣстное направленіе. Это та самая мысль, съ которой разсудительный Милль начинаетъ свои „Основы политической экономіи“: „во всякой области человѣческихъ дѣлъ практика задолго предшествуетъ наукѣ: систематическое изслѣдованіе способовъ дѣйствія силъ природы есть поздній продуктъ долгаго ряда усилій пользоваться этими силами для практическихъ цѣлей“. Это та самая мысль, которой придалъ гораздо болѣе общую форму Марксъ, провозгласивъ афоризмъ: „не сознаніе управляетъ бытіемъ людей, а ихъ бытіе сознаніемъ“, и которая только благодаря крайнимъ выводамъ правовѣрныхъ учениковъ утеряла свой основной глубоко вѣрный смыслъ и вызвала даже, по закону реакціи, современныя оргіи такъ называемаго „идеализма“.

Все возрастающій и возрастающій интересъ къ аграрному вопросу, замѣчаемый среди современныхъ теоретиковъ и общественныхъ партій, является новымъ подтвержденіемъ истинности положенія о господствѣ жизненнаго факта надъ идеей. Въ чемъ, дѣйствительно, лежитъ объясненіе той выдающейся роли, которую начинаетъ играть въ настоящее время аграрный вопросъ какъ въ построеніяхъ болѣе или менѣе теоретизирующихъ писателей, такъ и въ программахъ практическихъ политиковъ? Въ томъ, что современная общественная эволюція привела человѣчество къ той точкѣ, на которой дальнѣйшій соціальный прогрессъ не можетъ быть осуществленъ помимо рѣшенія аграрнаго вопроса и принятія въ разсчетъ интересовъ и потребностей крестьянства, этого основного ядра деревенскаго населенія.

Конечно, давать такія или иныя рѣшенія аграрнаго вопроса, становиться въ однѣ или другія отношенія къ крестьянству еще не составляетъ, вообще говоря, спеціальной особенности настоящаго періода. Все дѣло въ томъ, какіе элементы и силы современнаго общества проявляютъ наибольшую иниціативу при постановкѣ и рѣшеніи аграрнаго и въ особенности крестьянскаго вопроса. Не заходя очень далеко назадъ и ограничиваясь судьбами деревни и крестьянства приблизительно съ начала прошлаго вѣка, когда великая революція уже создала во Франціи классъ свободныхъ земледѣльцевъ, мы видимъ, дѣйствительно, что классы, представляющіе интересы власти и собственности, не переставали обращать вниманіе на задачи земельной политики и такъ или иначе, съ положительнымъ или отрицательнымъ знакомъ, вводили и крестьянство въ свои общественно-политическія программы. Но на то эти классы и были владѣющими и правящими, чтобы рѣшать аграрный вопросъ прежде всего для самихъ себя.— правда, не отступая передъ ожесточенными семейными распрями, когда стремленія промышленныхъ капиталистовъ сталкивались съ противоположными зачастую стремленіями землевладѣльцевъ. На крестьянство же тѣ и другіе братья-враги изъ привилегированнаго

меньшинства смотрѣли лишь какъ на орудіе поддержанія своего соціальнаго значенія. Лишь усиленіе въ средѣ крестьянства буржуазіи, находившей своихъ выразителей и въ парламентѣ, и громадное стихійное политическое могущество, которое деревенскій людъ вдругъ пріобрѣлъ съ половины прошлаго вѣка, благодаря установленію всеобщей подачи голосовъ во Франціи, — лишь эти обстоятельства придали самостоятельное значеніе сельскимъ массамъ, приручить которыя и создать изъ нихъ себѣ поддержку и пытаются привилегированные классы.

Поэтому сѣрый деревенскій людъ нашелъ многочисленныхъ искреннихъ защитниковъ своихъ интересовъ не ранѣе 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, когда представители трудового міровоззрѣнія сумѣли положить новаторскую теорію въ основаніе практической организаціи: я говорю о Международномъ Товариществѣ. Но и здѣсь крестьянство было обижено фатумомъ исторіи, являющейся до сихъ поръ суровою мачихою въ особенности по отношенію къ людямъ деревни. Только что упомянутая теорія была выработана великими мыслителями въ родѣ Сэнъ-Симона, Фурье, Оуэна, Маркса, которые строили свои обобщенія и геніальныя гипотезы изъ наблюденій надъ городскою культурою XIX-го вѣка и въ особенности надъ колоссальнымъ развитіемъ капиталистическаго хозяйства въ промышленныхъ центрахъ. Ихъ выводы и угадыванія могли прилагаться поэтому — и дѣйствительно, прилагались ими самими и ихъ учениками,— къ деревнѣ и къ крестьянству лишь на основаніи, если можно такъ выразиться, всеобщей аналогіи, на основаніи вѣры въ неизмѣнность существенныхъ законовъ хозяйственной эволюціи независимо отъ той или иной сферы ихъ проявленія.

Пророческое предвосхищеніе будущаго исчезновенія разницы между городомъ и деревней составляетъ, напримѣръ, замѣчательную сторону доктрины Фурье, который рисовалъ въ своей фаланстеріи земледѣльчески-промышленную ассоціацію и упрекалъ даже, какъ извѣстно, одно время Оуэна въ томъ, что онъ „разсчитываетъ лишь на ассоціацію мелкихъ семействъ для сбереженія потери времени и издержекъ индустріальнаго дробленія“; а „съ другой стороны, лишилъ себя главнаго рычага, какимъ является земледѣліе“ *). Но факты, на которые опиралась конструирую-

*) Charles Fourier, Oeuvres complètes; Парижъ, 1843, т. II: «Theorie de l'unité universelle», I, гл. первая, статья вторая, стр. 29. Впрочемъ, въ постскриптумѣ къ этому мѣсту Фурье (ibid, стр. 30) говоритъ уже, на основаніи журнальнаго объявленія, что Оуэнъ собирается устраивать земледѣльческую ассоціацію типа болѣе высокаго, чѣмъ нью-ланаркская. Чарльзъ Грэй описалъ одну изъ такихъ колоній (въ Ирландіи, а именно въ Ралагайнѣ), устроенную нѣкіимъ Вандалёромъ, ученикомъ Оуэна, и погибшую лишь благодаря несчастной случайности.

щая способность Фурье, были взяты изъ индустріальной и торговой сферы; въ области полуземледѣльческой онъ, если не ошибаюсь, только и цитируетъ, что коллективныя сыроварни горныхъ жителей Юры *), въ области же чистаго земледѣлія лишь мечтаетъ о томъ, какія-бы выгоды получились отъ кооперацiи для „кантона или деревни изъ 300 семействъ“ **).

Съ другой стороны, знаменитый „Манифестъ“ Маркса-Энгельса опять-таки весь построенъ на индустріальной эволюціи. А по отношенію къ деревнѣ или подразумѣваетъ тожественность ея развитія съ городомъ и обѣщаетъ скорѣйшее исчезновеніе докапиталистической „мелко-буржуазной, мелкой крестьянской собственности“ — „намъ нечего уничтожать ее: развитіе промышленности уже уничтожило ее и уничтожаетъ съ каждымъ днемъ“ ***); или же, причисляя крестьянина,—наравнѣ съ „мелкимъ промышленникомъ“, „мелкимъ торговцемъ“, „ремесленникомъ“, — къ „среднимъ классамъ“, даетъ имъ всѣмъ названіе „реакціонныхъ, старающихся повернуть колесо исторіи назадъ“ и видитъ для нихъ единственный прогрессивный выходъ: это — отказаться отъ защиты „настоящихъ интересовъ“ ради защиты „грядущихъ интересовъ“, „оставить свою собственную точку зрѣнія, чтобы стать на точку зрѣнія пролетаріата“ ****).

Составители „Манифеста“, конечно, должны были питать увѣренность, что крестьянинъ перейдетъ безъ ропота къ высшей формѣ труда. Но если бы мелкій собственникъ вздумалъ сопротивляться „деспотическимъ вторженіямъ“ преобразующаго весь строй пролетаріата, то, несомнѣнно, новая центральная власть не обратила бы вниманія на это упорство и такъ или иначе заставила бы протестующую единицу приспособиться къ кооперативному складу жизни. Не грозитъ-ли параграфъ 4 переходныхъ мѣръ „конфискаціей собственности эмигрантовъ и мятежниковъ“?

Конечно, я приглашаю читателей не истолковывать ошибочно этого анализа земледѣльческой программы,—или, вѣрнѣе, отдѣльныхъ кусковъ этой программы,—въ „Манифестѣ“. Отъ меня далека мысль смѣшивать авторовъ этого документа съ представителями интересовъ привилегированнаго меньшинства. Но я долженъ былъ показать, какъ идейный энтузіазмъ творцовъ системы, основанной на вѣрѣ въ всеобщность законовъ экономическаго развитія, констатированнаго въ промышленныхъ центрахъ, фатально приводилъ Маркса и Энгельса ко взгляду на крестьянство, какъ на пассив-

*) См. въ томъ же томѣ «Traité de l'association domestique-agricole», avant-propos, стр. 37.

**) Ibid. «Traité», etc., стр. 25.

***) Das Manifest; Лейпцигъ, новое изд. 1872, стр. 14: «Wir brauschen es nicht abzuschaffen, die Entwicklung der Industrie hat es abgeschafft und schafft es täglich ab».

****) Ibid., стр. 12.

ный элементъ и даже какъ на неблагодарный матеріалъ необходимаго преобразованія. Эта рѣзкость отношенія къ земледѣльческимъ производителямъ смягчалась, повторяю, лишь вѣрою въ окончательное торжество и въ сферѣ земледѣлія тѣхъ самыхъ законовъ концентраціи, которые были констатированы въ области индустріи. Предполагалось, что, съ одной стороны, мелкій земледѣлецъ самимъ ходомъ вещей будетъ обреченъ на скорую гибель; а съ другой, тамъ, гдѣ еще будетъ влачить свое скорбное существованіе, въ непродолжительномъ времени самъ отрясетъ прахъ отъ ногъ своихъ на личную микроскопическую собственность и вступитъ въ обширную земледѣльческую кооперацію равноправнымъ и дѣятельнымъ участникомъ производства: такъ сильно, молъ, должны были бросаться ему въ глаза преимущества общественнаго труда, оперирующаго усовершенствованными орудіями!..

Эта смягчающая, такъ сказать, пессимистически-оптимистическая точка зрѣнія на аграрный вопросъ и роль крестьянства рельефно выразилась въ тѣхъ практическихъ программахъ партій, которыя вырабатывались въ сферахъ, подвергшихся сильному вліянію Маркса послѣ основанія, въ 1864 г., Международнаго Товарищества. И я сейчасъ укажу на нѣсколько характерныхъ образчиковъ этого направленія мысли. Но рядомъ съ этимъ не мѣшаетъ также указать на существованіе другого идейнаго теченія, которое уже совсѣмъ оптимистично смотрѣло на крестьянина, хотя смотрѣло такимъ образомъ лишь потому, что, будучи затронуто соціально-реформаторскимъ движеніемъ, останавливалось, однако, въ своихъ идеалахъ на полдорогѣ и видѣло прогрессивную сторону крестьянства какъ разъ въ томъ, въ чемъ послѣдовательные и рѣшительные реформаторы видѣли его отрицательную сторону: въ его любви къ мелкой собственности. Оба теченія мысли сталкивались не разъ на конгрессахъ Товарищества, при чемъ можно было замѣтить вообще, что въ странахъ, гдѣ мелкое крестьянство было малочисленно, — напр., въ Англіи,— или пока не играло большой политической роли, — напр., въ Германіи,—тамъ и рѣшеніе вопроса предлагалось соціальными новаторами наиболѣе въ духѣ кооператизма; а въ странахъ, гдѣ крестьянскій классъ имѣлъ важное и экономическое, и политическое значеніе,—напр. во Франціи второй имперіи,—тамъ и реформирующая мысль не только не отрицала, но прославляла мелкую частную собственность. Дѣло заключалось въ томъ, что въ этихъ послѣднихъ странахъ крестьянинъ и не исчезалъ такъ скоро, какъ надѣялись сторонники обобществленія средствъ производства; да и не обнаруживалъ никакого желанія мѣнять свое положеніе мелкаго хозяина на положеніе участника въ крупной земледѣльческой коопераціи. Отражая эти общественныя отношенія, представители странъ въ родѣ Франціи пускались въ настоящую апологію крестьянскаго хозяйства.

Такъ уже на второмъ—лозанскомъ—конгрессѣ Товарищества (1867), въ то время, какъ люди марксистскаго направленія (напр. Цезарь де-Папъ) подняли вопросъ о переходѣ земли въ общественное владѣніе, французскіе делегаты (Толэнъ и др.), бывшіе прудонистами и мютюэлистами, съ жаромъ защищали „святыню личной собственности какъ условіе абсолютной личной свободы". И энергичное вмѣшательство въ дебаты со стороны нѣмецкихъ делегатовъ, стоявшихъ, наоборотъ, за коллективное владѣніе, привело лишь къ тому, что вопросъ былъ признанъ недостаточно всесторонне изслѣдованнымъ и отложенъ до слѣдующаго конгресса.

На третьемъ—брюссельскомъ—конгрессѣ (1868) борьба двухъ направленій велась очень жарко, и лишь послѣ долгихъ преній нашлось значительное большинство, высказавшееся и за аграрный коллективизмъ *).

Да даже и въ самомъ лагерѣ сторонниковъ коллективной собственности можно было подмѣтить разногласія, касающіяся практическаго приложенія аграрной программы. Дѣйствительно, допустимъ, что совершился переходъ частной собственности въ общественную. Какъ же обрабатывать ее: исключительно за счетъ общины и государства, или же путемъ передачи на правахъ пользованія отдѣльнымъ земледѣльцамъ и земледѣльческимъ ассоціаціямъ? И споры по этому пункту были такъ горячи, что четвертый—базельскій—конгрессъ (1869) не могъ вотировать общаго практическаго рѣшенія и ограничился принципіальнымъ утвержденіемъ, что общество имѣетъ право превратить индивидуальную собственность въ коллективную, и что даже это необходимо сдѣлать въ интересахъ самого же общества. Было очевидно, что существованіе многочисленнаго крестьянскаго класса, который не только не исчезалъ, но даже и не уменьшался согласно предвидѣніямъ формулы, заставляло призадумываться сторонниковъ послѣдовательнаго коллективизма и такъ или иначе считаться съ фактическимъ положеніемъ и умственными привычками мелкаго земледѣльца.

Замѣчу, кстати, что подчеркиваніе коллективистическаго принципа на упомянутыхъ выше конгрессахъ вызвало неудовольствіе не только среди прудонистовъ Франціи, но и между демократическими элементами южно-германскаго крестьянства, въ которомъ сохранялись еще традиціи 48-го года и пренебрегать которымъ не могли поэтому представители трудового міровоззрѣнія. Надо было, оставаясь на почвѣ принципіальнаго признанія общественнаго кооператизма, дать извѣстное удовлетвореніе насторожившимся и напуганнымъ интересамъ мелкихъ земледѣльцевъ, кото-

*) См. статью «Internationale Arbeiter-Association» въ: Carl Stegman und C. Hugo, Handbuch des Socialismus; Цюрихъ, 1894, стр. 359.

рые боялись насильственнаго примѣненія резолюціи хотя бы базельскаго конгресса, признававшаго за обществомъ право превращать частную собственность въ коллективную. Плодомъ этихъ соображеній явился, между прочимъ, очень популярный въ свое время да и до сихъ поръ не утратившій извѣстнаго значенія этюдъ къ земельному вопросу Либкнехта *), который сначала, еще въ 1870 г., познакомилъ съ нимъ публику въ видѣ реферата, затѣмъ напечаталъ его въ 1874 г. и пустилъ новымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ въ 1876 г.

Суть этой книжки заключается въ энергичномъ подчеркиваніи преимуществъ крупнаго земледѣлія передъ мелкимъ и указаніи на фатальность гибели мелкихъ хозяйствъ въ борьбѣ съ большими имѣніями, прибѣгающими ко всѣмъ техническимъ усовершенствованіямъ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что единственный исходъ изъ этого невыносимаго положенія состоитъ для крестьянина въ сознательномъ подчиненіи экономической эволюціи, но съ тѣмъ, чтобы извлечь изъ нея всевозможныя выгоды для себя. Необходимымъ же условіемъ для этого является переходъ частной собственности въ общественную. Но именно по отношенію къ мелкимъ земледѣльцамъ этотъ переходъ долженъ быть по возможности постепеннымъ. Стараясь смягчить впечатлѣніе, которое могли произвести на эту категорію трудящихся рѣшенія конгрессовъ, Либкнехтъ считаетъ долгомъ отмѣтить, что, напр., базельская резолюція носитъ чисто теоретическій, а отнюдь не практическій характеръ; что никому изъ партіи труда и въ голову не приходитъ силкомъ и немедленно экспропріировать собственниковъ. Авторъ указываетъ, что даже сравнительно второстепенныя недоразумѣнія, возбужденныя февральской революціей во французскомъ крестьянствѣ, кончились крахомъ республики; и можно было бы ожидать неисчислимыхъ вредныхъ послѣдствій для трудовой партіи Германіи, если бы былъ изданъ какой-нибудь декретъ объ экспропріаціи. Большинство крестьянъ оказало бы сильнѣйшее сопротивленіе ему и, можетъ быть, перешло бы даже въ открытое возстаніе. Людей, которые взяли бы на себя отвѣтственность за такой неблагоразумный шагъ, можно было бы по истинѣ считать „обитателями сумасшедшаго дома“ (Tollhaüsler).

Какъ видите, защитники коллективизма смягчали рѣзкость первоначальной формулы „Манифеста“, напирая главнымъ образомъ на то, что если и можетъ идти рѣчь о какомъ-либо „декретѣ объ экспропріаціи“, то лишь о томъ, который произнесетъ сама экономическая эволюція, безжалостно раздавливающая мелкаго земельнаго собственника и бросающая его въ ряды пролетаріата. Никакихъ же принудительныхъ мѣръ по отношенію къ крестьянину теперь не только не предполагалось, но подразу-

*) Wilhelm Liebknecht, Zur Grund und Bodenfrage.

мѣвалось, что онъ самъ пойметъ великія преимущества ассоціаціи и пожертвуетъ тѣнью мелкаго самостоятельнаго хозяйства ради осязательной выгоды положенія общественнаго кооператора. И вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось все значеніе, какое имѣетъ для партіи труда поддержка крестьянства *).

Извѣстно, что франко-прусская война и исходъ движенія 18-го марта нанесли смертельный ударъ международному товариществу, которое распалось въ 1872 г. гораздо менѣе вслѣдствіе внутреннихъ распрей между централистами и федералистами, сколько именно вслѣдствіе ослабленія трудового движенія, подавленнаго реакціей, которая была вызвана политическими событіями 1870—1871 гг. Международная партія труда прекратила свое существованіе; остались мѣстныя партіи труда, которыя принуждены были совершать эволюцію каждая въ своей странѣ и при различныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Можно, однако, сказать, что со второй половины 70-хъ годовъ трудовое міровоззрѣніе начинаетъ сильно распространяться повсюду и въ рамкахъ національныхъ организацій идетъ въ ширь и въ глубь, захватывая все болѣе и болѣе обширные слои населенія и создавая все болѣе и болѣе живучія политическія партіи. На рубежѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ (приблизительно съ парижскаго конгресса 1889 г.) міровое движеніе труда уже опять принимаетъ международный характеръ, но съ тѣмъ новымъ оттѣнкомъ, что въ то время, какъ старое международное товарищество пыталось связать мѣстныя организаціи въ одно цѣлое при помощи „генеральнаго совѣта“, новый фазисъ развитія соціально-реформаторской мысли выдвигаетъ на первый планъ автономно дѣйствующія національныя партіи труда. Онѣ координируютъ свои усилія лишь путемъ періодическихъ международныхъ конгрессовъ, а вмѣсто какого бы то ни было центральнаго исполнительнаго органа создаютъ лишь постоянное бюро для обмѣна мыслей (да и то въ самое послѣднее время).

Усложняющіяся условія политической жизни въ каждой странѣ и разница въ политическихъ учрежденіяхъ различныхъ государствъ являются причинами этой новой, болѣе зрѣлой и въ то же время болѣе автономной организаціи партій труда. Но это, конечно, нисколько не исключаетъ все болѣе и болѣе интимнаго проникновенія мѣстныхъ партій однимъ общимъ міровоззрѣніемъ. Имъ явилось—мы отвлекаемся при этомъ отъ частныхъ истолкованій—ученіе Маркса въ его, если можно такъ выразиться, усѣченной, но въ этихъ предѣлахъ строго гармонизированной, формѣ перваго тома „Капитала“. Вышедшая въ 1867 г. и сначала замалчивавшаяся врагами, книга произвела, дѣйствительно, свое

---

*) Zur Grund und Bodenfrage, стр. 187—190, passim.

дѣйствіе лишь гораздо позже, начиная со второй половины 70 хъ годовъ, достигла въ слѣдующемъ десятилѣтіи (приблизительно между 1880 и 1890 г.) кульминаціоннаго пункта своего вліянія въ мірѣ труда, а еще въ слѣдующемъ проникла нѣкоторыми своими частями даже въ сознаніе противниковъ, но, съ другой стороны, стала встрѣчать все болѣе и болѣе сильныя возраженія въ лагерѣ прежнихъ сторонниковъ ученія *).

Какъ бы то ни было, взгляды на аграрный вопросъ и крестьянство, выражавшіеся въ этотъ второй періодъ развитія трудового міровоззрѣнія въ теоріи и на практикѣ, сильно окрашены идеями Маркса и продолжаютъ основываться на перенесеніи въ земледѣльческую сферу законовъ пролетаризаціи и капитализаціи, выведенныхъ изъ наблюденія промышленнаго производства. Формы собственности и эксплуатаціи, встрѣчаемыя въ земледѣліи, являются, согласно формулѣ, лишь частною разновидностью формъ производства вообще (т. е., собственно говоря, индустріальнаго производства). Отсюда простое упоминаніе о земледѣліи и соціально-политической сторонѣ аграрнаго вопроса въ ряду общихъ (опять-таки преимущественно индустріальныхъ) параграфовъ практической программы.

Такимъ образомъ, земельный вопросъ если не устранялся, то упоминался вскользь въ качествѣ частности общаго соціальнаго вопроса, и при томъ такой частности, которая не требовала ни спеціальной мотивировки, ни какого-либо отклоняющагося отъ общей программы рѣшенія. Но сама жизнь должна была десяткомъ лѣтъ позже придать значеніе аграрному вопросу и отмѣтить его особенности; и Франціи будетъ принадлежать инициатива этой новой постановки вопроса. Я сейчасъ коснусь этой постановки, а пока подчеркну характеръ того жизненнаго процесса, который долженъ былъ отразиться на только что упомянутомъ измѣненіи программы. Дѣло въ томъ, что 80-ые годы, которые ознаменовались распространеніемъ марксизма въ теоріи, на практикѣ отмѣчались очень интенсивною дѣятельностью партій труда среди промышленныхъ и вообще городскихъ рабочихъ, громадная часть которыхъ была втянута, благодаря этому, въ болѣе или менѣе сознательную политическую борьбу. Скоро обнаружилось, что въ индустріальныхъ центрахъ рѣчь можетъ идти отнынѣ лишь

*) Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой степени на «кризисъ марксизма» могло вліять, кромѣ реакціи противъ преувеличеній и односторонностей учениковъ, появленіе двухъ слѣдующихъ (второго и третьяго) томовъ «Капитала». Не слѣдуетъ забывать, во всякомъ случаѣ, что въ томъ видѣ, какъ они появились, они представляютъ собой мозаичную работу склеиванія различныхъ манускриптовъ Маркса, которые зачастую предшествуютъ по времени написанія окончательно отдѣланному первому тому и являются поэтому во многихъ мѣстахъ выраженіемъ еще не окончательно опредѣлившихся взглядовъ Маркса по нѣкоторымъ крупнымъ вопросамъ. Отсюда недоразумѣнія и противорѣчія.

объ углубленіи дѣятельности между трудящимися, но что весь контингентъ ихъ уже такъ или иначе подвергся вліянію соціально-реформаторской мысли. Матеріалъ живыхъ человѣческихъ силъ въ городахъ былъ уже, такъ сказать, весь эксплуатированъ, хотя бы и въ общихъ чертахъ. Но не такъ обстояло дѣло въ деревнѣ, которой новое міровоззрѣніе коснулось очень мало. Само собою разумѣется, что въ этотъ тупикъ движеніе упиралось особенно чувствительно въ тѣхъ странахъ, гдѣ земледѣліе играло значительную роль въ національномъ производствѣ и гдѣ, съ другой стороны, многочисленное крестьянство являлось важнымъ политическимъ факторомъ.

Этимъ объясняется, почему аграрный вопросъ впервые занялъ важное мѣсто въ общей программѣ французской партіи, и какъ разъ той фракціи ея, которая, подъ руководствомъ Гэда и Лафарга, отличалась особенно сильною приверженностью къ марксизму. На марсельскомъ конгрессѣ (1892) эта фракція выработала земледѣльческую программу, а на нантскомъ (1894) дополнила ее, предпославъ ей очень характерную въ извѣстномъ смыслѣ мотивировку. Отсылая читателя за болѣе подробной передачей этой земледѣльческой программы къ моей книгѣ *), я приведу здѣсь лишь самое типичное мѣсто, въ которомъ ригоризмъ марксистскаго міровоззрѣнія смягчается практическими соображеніями воздѣйствія на крестьянъ:

...во Франціи, по крайней мѣрѣ, въ области земледѣльческой или аграрной... земля находится еще во многихъ мѣстахъ на правахъ частной собственности во владѣніи самихъ производителей... если этотъ порядокъ вещей, характеризуемый крестьянской собственностью, фатально предназначенъ исчезнуть, то соціализму не зачѣмъ ускорять это исчезновеніе, такъ какъ его роль состоитъ не въ томъ, чтобы разлучать собственность отъ труда, а, наоборотъ, соединять въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ эти оба фактора производства... если долгъ соціализма заключается въ томъ, чтобы сдѣлать земельныхъ пролетаріевъ владѣльцами въ коллективной или общественной формѣ..., то не менѣе важный долгъ соціализма состоитъ и въ томъ, чтобы сохранить клочки земли за воздѣлывающими ихъ собственниками противъ натиска фиска, ростовщичества и захватовъ новыхъ земельныхъ феодаловъ...

Исходя изъ этихъ положеній, партія требуетъ ряда мѣръ, ведущихъ къ увеличенію общинныхъ земель и облегчающихъ возможность эксплуатаціи участковъ и пользованія машинами не только „ассоціаціямъ земельныхъ рабочихъ“, но и отдѣльнымъ „мелкимъ земледѣльцамъ“.

Извѣстно, что Энгельсъ, однако, строго осудилъ эту программу и ея мотивировку, и въ статьѣ своей, посвященной „Крестьянскому вопросу во Франціи и Германіи“ и напечатанной въ „Neue Zeit“ **), доказывалъ внутреннее противорѣчіе между признаніемъ

---

*) Н. Е. Кудринъ, *Очерки современной Франціи*; Спб., 1902, стр. 137—138

**) См. 1894—1895, т. I, по 10, стр. 293 и слѣд.

фатальности гибели мелкаго крестьянскаго хозяйства и желаніемъ „сохранить" его въ рукахъ „воздѣлывающаго собственника". Въ противоположность мнѳнческому, по его мнѣнію, долгу партіи сохранять за крестьяниномъ его прежнее положеніе, онъ говоритъ о другомъ „долгѣ", а именно о долгѣ „уяснять крестьянамъ снова и снова абсолютную безнадежность ихъ положенія, пока царитъ капитализмъ", „абсолютную невозможность для нихъ удержать за собой мелкую собственность какъ таковую". Впрочемъ, и самъ Энгельсъ не безъ противорѣчія съ общимъ ходомъ своей мысли рекомендуетъ кой-какія мѣры для поддержанія крестьянина, съ тѣмъ, чтобы „дать ему время одуматься на своемъ участкѣ" и даже считаетъ возможнымъ построить слѣдующій тактическій афоризмъ:

Чѣмъ больше число крестьянъ, которыхъ мы убережемъ отъ дѣйствительнаго низверженія въ пролетаріатъ (Absturz ins Proletariat), которыхъ мы привлечемъ на свою сторону еще крестьянами, тѣмъ быстрѣе и легче совершится общественное преобразованіе.

И на Энгельсѣ, какъ видите, сказывалось впечатлѣніе, производимое фактомъ существованія мелкаго крестьянина, который не думалъ исчезать такъ скоро, какъ полагалось по формулѣ, изъ области земледѣльческаго производства и котораго надо было такъ или иначе расположить въ пользу партіи. Прежній ригоризмъ „Манифеста" смягчался уступками явленіямъ экономической дѣйствительности въ деревнѣ, видимо отклонявшейся отъ чистоты хозяйственной эволюціи въ промышленности. И если Энгельсъ ударялъ составителей аграрной программы по пальцамъ своею учительской указкой, то дѣло шло теперь вовсе не о томъ, чтобы ставить общимъ тактическимъ пріемомъ „конфискацію имуществъ мятежниковъ", которыми могли оказаться мелкіе собственники, сопротивляющіеся повсемѣстному введенію коопераціи. Наоборотъ, Энгельсъ строго различалъ въ этомъ пунктѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ.

Каковы бы ни были эти критики французской аграрной программы, во всякомъ случаѣ и до сихъ поръ здѣшнія фракціи труда не выставили никакой новой программы, и вы крайне затруднили бы представителей французской партіи, если бы попросили ихъ дать общій отвѣтъ на вопросъ, какія же требованія слѣдуетъ выдвигать съ ихъ точки зрѣнія по отношенію къ крестьянству. Этотъ плебисцитъ окончился бы фіаско, такъ какъ въ этомъ пунктѣ поистинѣ всякъ молодецъ на свой образецъ. Можно сказать одно: каково бы ни было мнѣніе французскихъ марксистовъ касательно постигшаго ихъ со стороны Энгельса выговора, они продолжаютъ вести свою практическую дѣятельность среди крестьянства, какъ если бы программа оставалась во всей своей силѣ: жизненныя соображенія, возможность пріобрѣтать сторонниковъ среди мелкихъ собственниковъ берутъ верхъ надъ соображеніями о боль-

шемъ или меньшемъ отклоненіи отъ чисто теоретическихъ принциповъ.

Вслѣдъ за Франціей вопросъ объ аграрной программѣ былъ поставленъ и въ Германіи, подъ вліяніемъ въ особенности Фольмара и его единомышленниковъ, которымъ, какъ и французамъ, приходилось практически дѣйствовать среди мелкаго крестьянства, играющаго важную роль въ южной Германіи. Не мѣшаетъ кстати замѣтить, что только что упомянутый отзывъ Энгельса о французской программѣ былъ вызванъ утвержденіемъ именно Фольмара, будто уступки началу частной собственности, допущенныя французскими товарищами, были встрѣчены одобрительно Энгельсомъ. Въ Германіи избирательная кампанія 1893 г., во время которой надо было агитировать и среди крестьянства, показала, что общей программой коллективизма трудно привлечь на свою сторону мелкаго собственника. И вотъ кельнскій конгрессъ (1893 же года) поставилъ аграрный вопросъ на очередной порядокъ слѣдующаго конгресса, который имѣлъ мѣсто въ 1894 г. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и которому, дѣйствительно, пришлось заняться если не самой выработкой, то подготовленіемъ къ выработкѣ земельной программы.

Здѣсь сейчасъ же обнаружилось, что внутри партіи уже существуютъ сомнѣнія относительно возможности примѣнять цѣликомъ къ земледѣлію выводы, извлеченные изъ наблюденія промышленной эволюціи. Замѣчательно, что огромное большинство высказалось за докладъ Шэнланка и Фольмара, представляющій компромиссъ между старою вѣрою во всеобщность законовъ концентраціи и указаніями практиковъ, работавшихъ въ крестьянствѣ, на отклоненія земледѣлія отъ этой общей формулы и на необходимость считаться съ существованіемъ многочисленнаго класса мелкихъ собственниковъ. „Покровительство" или, если хотите, „защита крестьянина" (Bauernschutz), составлявшая центральный пунктъ практическихъ взглядовъ Фольмара и введенная въ докладъ, была встрѣчена конгрессомъ съ одобреніемъ. Рѣшено было, въ виду сложности и сравнительной новизны вопроса, избрать особую коммиссію для подготовки земледѣльческой программы къ будущему конгрессу.

Докладъ этой коммиссіи развивалъ, впрочемъ, довольно робко новые взгляды на крестьянство, такъ какъ лишь Фольмаръ и его южно-германскіе товарищи послѣдовательно проводили свое міровоззрѣніе, другіе же члены коммиссіи старались по возможности меньше отклоняться отъ первоначальной формулы. Но и въ этомъ видѣ докладъ былъ забракованъ на бреславльскомъ конгрессѣ (1895) послѣ ожесточенныхъ преній, гдѣ ортодоксія восторжествовала въ лицѣ Каутскаго, не смотря на защиту менѣе прямолинейныхъ взглядовъ такими испытанными и крупными дѣятелями, какъ Либкнехтъ и Бебель. Съ тѣхъ поръ, можно сказать,

нѣмецкая партія остается безъ оффиціальнаго мнѣнія въ аграрномъ вопросѣ, потому что, съ одной стороны, она не можетъ довольствоваться прежнимъ взглядомъ, вдвигающимъ земледѣліе въ общую формулу; а съ другой, не рѣшается стать открыто на точку зрѣнія „покровительства крестьянина". Что касается до практической дѣятельности, то партія въ сущности закрываетъ глаза на работу членовъ, агитирующихъ въ крестьянствѣ, и предоставляетъ агитацію въ деревнѣ личному вдохновенію и такту каждаго. Смѣлѣе дѣйствуетъ фракція, засѣдающая на скамьяхъ крайней лѣвой въ баварскомъ ландтагѣ и находящаяся подъ вліяніемъ Фольмара и его друзей. Она заявляетъ оффиціально, что уже теперь она старается всѣми способами „сдѣлать сноснѣе положеніе крестьянъ и уберечь возможно большее число ихъ отъ низверженія въ ряды пролетаріата"...

Можно было бы прослѣдить такое же двойственное, нерѣшительное отношеніе къ аграрному вопросу и въ партіяхъ труда иныхъ странъ, кромѣ Франціи и Германіи. Но я не думаю исчерпать въ журнальной статьѣ подробности этой сложной задачи, которая потребовала бы цѣлой книги для надлежащаго изображенія различныхъ сторонъ дѣла *). Я ограничусь поэтому лишь указаніемъ на наиболѣе крупныя теоретическія и практическія явленія, которыя могутъ иллюстрировать всю трудность рѣшенія аграрнаго и, въ частности, крестьянскаго вопроса. А на эту трудность я именно и желаю обратить вниманіе читателя, предпочитая, путемъ сопоставленія и критики сталкивающихся и зачастую крайне одностороннихъ взглядовъ, добыть вмѣстѣ съ читателемъ нѣсколько наиболѣе вѣроятныхъ положеній, чѣмъ гнуть факты въ угоду той или другой непримиримой теоріи и отметать несогласные съ ней.

Теперь можно во всякомъ случаѣ сказать одно: жизнь пробила бреши въ той доктринѣ, которая переносила цѣликомъ на земледѣліе законы индустріальнаго развитія. Такъ или иначе,

*) Даже въ Италіи, гдѣ первый національный конгрессъ земледѣльческихъ работниковъ (lavoratori della terra), имѣвшій мѣсто въ ноябрѣ 1901 г. въ Болоньѣ, пошелъ въ своей резолюціи всего далѣе по пути признанія важной роли мелкихъ собственниковъ въ классовой борьбѣ деревни, это рѣшеніе отражаетъ на себѣ столкновеніе стараго міровоззрѣнія и жизненныхъ поправокъ къ нему. Съ одной стороны, здѣсь говорится о необходимости объединить въ одномъ союзѣ всѣ трудящіеся классы деревни, батраковъ, арендаторовъ, собственниковъ и т. п.; съ другой—вступленіе собственно крестьянъ въ организаціи сельскихъ рабочихъ подчинено условію, чтобы собственники и арендаторы становились на почву требованія «улучшеній», выдвигаемыхъ сельскими батраками. Кооперативнымъ товариществамъ мелкихъ хозяевъ и союзамъ работниковъ предлагается согласное дѣйствіе, но въ отдѣльности однимъ отъ другихъ.

въ той или другой формѣ, но ученіе о всеобщей, неизбѣжной и быстрой замѣнѣ мелкаго производства крупнымъ переживаетъ теперь періодъ поправокъ и дополненій, получающихъ серьезное значеніе именно въ сферѣ земледѣлія. Конечно, съ одной стороны, еще остается немало крайнихъ приверженцевъ прежней формулы, которые въ принципѣ не хотятъ заниматься противорѣчащими ихъ ученію фактами, какъ Тихо Брагэ, сказываютъ, ни за что не хотѣлъ смотрѣть въ подзорную трубу на небесныя явленія, подрывавшія его замысловатую систему планетныхъ движеній. Конечно, съ другой стороны, теперь, по закону модной реакціи, встрѣчается на другомъ полюсѣ все больше и больше изслѣдователей, которые въ своей критикѣ прежней всеобщей теоріи доходятъ, какъ увидимъ ниже, до каррикатурныхъ преувеличеній. Но въ рединѣ между этими крайними крыльями мы имѣемъ дѣло съ многочисленными оттѣнками разсудительной критики, не исключая и наиболѣе умныхъ ортодоксовъ, которые, стараясь удержать существенные пункты ученія, принуждены сами же дѣлать къ нему знаменательныя поправки. Попробуемъ присмотрѣться съ читателемъ къ нѣкоторымъ особенно вызывающимъ споры сторонамъ аграрнаго вопроса, какъ онъ обрисовывается въ современной борьбѣ этихъ пестрыхъ сталкивающихся мнѣній.

Возьмемъ сначала хотя бы предварительный вопросъ о степени достовѣрности тѣхъ статистическихъ данныхъ, на которыхъ основываются выводы о направленіи, въ какомъ движется земельная собственность, т. е. въ сторону-ли концентраціи, или въ сторону дробленія. Всякій изслѣдователь, заинтересованный въ этомъ вопросѣ,—а надо замѣтить, что интересъ вопроса здѣсь не только теоретическій, но и жгучій практическій, — всякій изслѣдователь считаетъ долгомъ поразить своего противника цифрами. Спрашивается, насколько вообще можно довѣрять этимъ послѣднимъ въ данной сферѣ? Обратимся хотя бы къ Франціи, земельная статистика которой служила въ послѣдніе годы ареной особенно ожесточенныхъ турнировъ между защитниками и противниками современной частной собственности.

Вотъ предо мною лежитъ французская книга, посвященная какъ разъ вопросу о „Крупной или мелкой собственности“ и представляющая собою, какъ уже указано въ самомъ подзаглавіи, „исторію доктринъ во Франціи, касающихся распредѣленія почвы и индустріальнаго превращенія земледѣлія“ *). Авторъ ея, докторъ правъ, нѣкто Мишель Ожэ-Ларибэ, даетъ сжатое и толковое изложеніе различныхъ взглядовъ на крупную и мелкую собствен-

---

*) Michel Augé-Laribé, Grande ou petite proprieté? Histoire des doctrines en France sur la repartition du sol et la transformation industrielle de l'agriculture; Монпелье, 1902.

ность, начиная съ физіократовъ и кончая нашими днями; и, таким образомъ, приходитъ въ послѣдней (VII-ой) главѣ, между прочимъ, къ вопросу о статистикахъ. И что же? Каково мнѣніе этого во всякомъ случаѣ добросовѣстнаго изслѣдователя по вопросу о цифровыхъ данныхъ? Очень скептическое, настолько скептическое, что всѣмъ этимъ статистикамъ онъ отказывается придавать какое бы то ни было серьезное значеніе и, самое большее, видитъ въ нихъ лишь одинъ элементъ, и при томъ далеко не важный, для составленія приблизительнаго взгляда на общія тенденціи земельной эволюціи.

Дѣйствительно, французская аграрная статистика, изъ-за которой пролито столько чернильной крови и поломано столько литературныхъ копій, оперируетъ надъ двумя родами данныхъ, какъ уже извѣстно тѣмъ изъ читателей, которые знакомы съ моими этюдами о французскомъ крестьянствѣ *). Это, съ одной стороны, данныя о кадастральныхъ участкахъ, платящихъ поземельный налогъ, распредѣляющійся во Франціи между собственниками каждой коммуны въ соотвѣтствіи съ размѣрами и характеромъ земель: это такъ называемыя cotes foncières **), доставляемыя министерствомъ финансовъ. Это, съ другой стороны, данныя о способахъ хозяйственной эксплуатаціи земель (modes d'exploitation), доставляемыя министерствомъ земледѣлія въ его десятилѣтнихъ отчетахъ и показывающія, сколько различныхъ участковъ и какихъ размѣровъ эксплуатируются на разный манеръ (прямого хозяйства, фермерства, половничества) земледѣльческимъ населеніемъ Франціи. Какова же научная цѣнность каждой изъ этихъ двухъ статистикъ?

Уже въ своихъ прежнихъ статьяхъ я указалъ на скептицизмъ, который все сильнѣе и сильнѣе растетъ среди серьезныхъ изслѣдователей по отношенію къ кадастральнымъ даннымъ. Но надо читать у Ожэ-Ларибэ резюмэ всѣхъ возраженій противъ этой статистики въ сконцентрированномъ видѣ, чтобы видѣть всю шаткость заключеній, которыя мы могли бы дѣлать отъ цифръ кадастра къ цифрамъ собственности. Не говоря уже о своеобразныхъ пріемахъ агентовъ фиска, которые далеко не соблюдаютъ—и не могутъ по многимъ причинамъ соблюдать—основного правила кадастра, предписывающаго соединять на одномъ листѣ всѣ поземельные участки каждаго собственника данной коммуны,—не говоря уже объ этомъ, кадастральная статистика грѣшитъ постояннымъ преувеличеніемъ числа собственниковъ, такъ какъ владѣлецъ нѣсколькихъ хотя бы самыхъ маленькихъ

*) Они вошли, въ видѣ 5-го и 6-го писемъ, въ мои «Очерки современной Франціи», стр. 90—157.

**) См. подробности кадастральной операціи въ J. B. Simonet, Traité élémentaire de droit public et administratif, §§ 2000—2002; Парижъ, 1897, 3-е изд., стр. 778—780.

участковъ, но въ различныхъ коммунахъ считается за нѣсколько отдѣльныхъ лицъ. Правительство раза два пыталось вычислить эмпирически, по департаментамъ, въ какой средней пропорціи число собственниковъ должно относиться къ числу кадастральныхъ участковъ, но дальше очень приблизительныхъ соображеній не пошло. Итакъ, что же прочнаго могутъ дать такія неопредѣленныя въ самомъ основаніи своемъ цифры?

Перейдемъ къ другому ряду данныхъ собственно земледѣльческой статистики. И здѣсь прежде всего мы находимъ органическій недостатокъ въ самомъ способѣ собиранія свѣдѣній. Подумайте, что министерство земледѣлія въ своемъ вопросникѣ 1882 г., напр., поставило 1253 (sic!) рубрики для заполненія данными о хозяйственной эксплуатаціи участковъ. Къ кому же можно обратиться за доставленіемъ этой поистинѣ статистической монографіи хозяйствъ? Къ мэрамъ? Они по большей части недостаточно развиты. Къ агентамъ фиска и прочимъ мѣстнымъ чиновникамъ? У нихъ своихъ дѣлъ достаточно. Къ крестьянамъ? Они или не интересуются вовсе статистикой, или же, наоборотъ, черезчуръ заинтересованы ею, такъ какъ подозрѣваютъ фискальный подвохъ и по привычкѣ, унаслѣдованной отъ стараго режима, сознательно лгутъ. И вотъ министерству земледѣлія при заполненіи ученыхъ рубрикъ приходится довольствоваться или показаніями лицъ, у которыхъ нѣтъ ни времени, ни интереса заняться сложной работой, или же случайнымъ трудомъ добровольцевъ и безкорыстныхъ любителей статистики. И выходитъ, что къ культурной Франціи цѣликомъ примѣнимъ тотъ юмористическій шаржъ, который у насъ былъ напечатанъ четверть вѣка тому назадъ, если не ошибаюсь въ покойной „Русской Правдѣ", и озаглавленъ „Корнями губернской *статистики*". Ибо, не забудьте, во Франціи нѣтъ той великолѣпной статистики, которая въ Россіи была произведена самоотверженными дѣятелями, работавшими для земства, и передъ которой самъ Марксъ преклонялся, какъ передъ первой по правдивости и интересу статистикой въ мірѣ.

Но помимо самого характера добыванія свѣдѣній, земледѣльческая французская статистика страдаетъ основнымъ пробѣломъ: она говоритъ лишь о способахъ и размѣрѣ эксплуатируемыхъ участковъ, но отнюдь не объ отношеніяхъ собственности. А между тѣмъ, если, говоря вообще, должна существовать извѣстная зависимость между данными хозяйственной эксплуатаціи и данными земельнаго владѣнія, то во всякомъ случаѣ обработка извѣстнаго участка и собственность этого участка далеко не синонимы. Ибо, съ одной стороны, одинъ крупный собственникъ можетъ сдавать свою землю десяти отдѣльнымъ фермерамъ, эксплуатирующимъ арендованные участки каждый независимо отъ другого; а съ другой стороны, одинъ крупный фермеръ можетъ снимать землю у

десяти различныхъ мелкихъ собственниковъ и эксплуатировать всю эту землю, какъ одно большое хозяйство. Спрашивается, насколько точны могутъ быть наши выводы, говорящіе о концентраціи или дробленіи собственности, когда въ сущности дѣло идетъ лишь о хозяйственной эксплуатаціи.

Наконецъ, въ самыхъ данныхъ объ эксплуатаціи заключено, повидимому, немалое недоразумѣніе, такъ какъ оказывается, что, не смотря на правительственныя разъясненія, слово „эксплуатація" подавало своею неопредѣленностью поводъ къ различному оперированію надъ доставляемыми свѣдѣніями. Такъ, въ вопросникѣ 1892 г. „эксплуатація" была опредѣлена, какъ совокупность земель, обрабатываемыхъ въ той или иной формѣ однимъ лицомъ, будь то собственникъ или фермеръ, и будутъ ли земли разсѣяны или составлять одно компактное цѣлое. На практикѣ же разбросанные участки считались зачастую каждый за „эксплуатацію"; и если „эксплуатировавшій" занимался, съ одной стороны, хозяйствомъ на своей собственной землѣ, а съ другой—обрабатывалъ чужіе участки, какъ фермеръ или половникъ, то опять-таки вмѣсто одной хозяйственной единицы статистика давала сплошь и рядомъ двѣ или три. Отсюда и получилась въ концѣ концовъ та общая странность, что въ то время, какъ, согласно оффиціальному опредѣленію, число „эксплуатировавшихъ" и число „эксплуатацій" должно было бы быть одинаково, на самомъ-то дѣлѣ въ итогѣ оказалось въ 1882 г. 5.672,007 эксплуатацій и 4.835,246 эксплуатировавшихъ, а въ 1892 г. 5.702,753 эксплуатацій и 4.193,739 эксплуатировавшихъ.

Понятно, къ какимъ недоразумѣніямъ и безплоднымъ препирательствамъ могло вести—и дѣйствительно вело—столкновеніе различныхъ міровоззрѣній на почвѣ столь шаткой въ самомъ основаніи своемъ статистики. Сторонники частной земельной собственности, въ особенности же такіе представители буржуазіи, которые изъ-за политическихъ соображеній играли роль друзей мелкаго крестьянскаго владѣнія, съ торжествомъ восклицали: ну, вотъ, видите, вы все толкуете о концентраціи собственности и пролетаризаціи крестьянина; а между тѣмъ, въ теченіе 10 лѣтъ число хозяйствъ увеличилось на 30,745. Партія труда возражала на это: а что сталось съ вашими увѣреніями насчетъ демократизаціи собственности? Именно за это десятилѣтіе 1882—1892 число хозяевъ уменьшилось на 741,507.

Какъ бы то ни было и какъ ни полезенъ скептицизмъ по отношенію къ современной столь шаткой статистикѣ земледѣлія, можно сказать одно: движеніе собственности во Франціи, какъ уже было замѣчаемо мною не разъ, отличается значительною неопредѣленностью и не даетъ повода особенно торжествовать ни тому, ни другому изъ сталкивающихся взглядовъ. Крупная собственность обнаружила очень легкій процессъ концентраціи; на

противоположномъ полюсѣ столь же слабо обнаружился процессъ округленія микроскопической собственности; промежуточныя же между этими крайностями категоріи мелкой и средней собственности чуть-чуть подробнѣли.

И подобная же неопредѣленность движенія земли обнаруживается не въ одной Франціи, а и въ другихъ странахъ. Въ Германіи, напр., общій процессъ столь же мало рѣзокъ, какъ и на почвѣ третьей республики, хотя какъ будто совершается въ иномъ направленіи: округленіи мелкой и средней собственности (выводъ, между прочимъ, Каутскаго). Въ Италіи даже и такіе писатели, какъ Иваноэ Бономи, которые борются противъ мнѣній, преувеличивающихъ стоимость мелкой собственности, констатируютъ особенности земельной эволюціи въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ:

если въ индустріальномъ капитализмѣ концентрація собственности слѣдуетъ по неизбѣжной и быстрой кривой, предвидѣнной марксизмомъ, то она, наоборотъ, гораздо медленнѣе въ земледѣліи: зачастую она здѣсь даже совсѣмъ не существуетъ *).

Равнымъ образомъ въ небольшой, но во многихъ отношеніяхъ интересной книгѣ Саймонса объ „Американскомъ фермерѣ" мы читаемъ слѣдующія строки, знаменательныя для автора, который является несомнѣннымъ, хотя разсудительнымъ марксистомъ. Упомянувъ о различныхъ мнѣніяхъ, господствующихъ въ Америкѣ насчетъ концентраціи въ земледѣліи и сопоставивъ ихъ съ мнѣніями видныхъ теоретиковъ европейскихъ партій труда, авторъ объясняетъ несогласіе въ гипотезахъ неопредѣленностью и слабостью земледѣльческой эволюціи въ цѣломъ:

Одна вещь не подлежитъ сомнѣнію, это то, что если тѣ или иныя измѣненія совершаются въ одномъ или другомъ направленіи, они во всякомъ случаѣ обнаруживаютъ такую медленность, что по своей природѣ походятъ болѣе на тѣ отдаленныя астрономическія бѣдствія, которыя обсуждаются математиками, чѣмъ на тѣ соціальныя перемѣны, которыя толкаютъ людей къ перевороту **).

Словомъ, теперь во всякомъ случаѣ можно считать фактомъ сравнительную медленность земельной эволюціи и въ частности значительную устойчивость класса мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ въ современной экономической борьбѣ. Съ этими явленіями приходится считаться серьезнымъ изслѣдователямъ аграрнаго вопроса. И здѣсь намъ нужно разобраться, чтобы не

*) Critica sociale, 1900, no 20. Цитировано во французскомъ—дополненномъ—изданіи книги проф. Джероламо Гатти: Le socialisme et l'agriculture; Парижъ, 1902, стр. 276. (Итальянскій оригиналъ появился подъ заглавіемъ: Agricoltura e socialismo. Le nuove correnti dell'economia agricola; Миланъ-Палермо, 1900).

**) A. M. Simons, The American Farmer; Чикаго, 1902, стр. 102.

впасть по тому или другому частному, но важному пункту въ противоположныя преувеличенія, замѣчаемыя при объясненіи упомянутыхъ явленій, съ одной стороны, среди теоретиковъ всеобщности концентраціи, а съ другой—среди новомодныхъ апологетовъ мелкаго земледѣлія, которые, по закону идейной реакціи, гонятъ соціальную теорію далеко вспять, и вспять не только отъ Маркса, но и отъ всѣхъ его великихъ предшественниковъ. Мы попробуемъ съ читателемъ перебрать мнѣнія этихъ различныхъ категорій изслѣдователей по существеннымъ вопросамъ.

. . . . .

Намъ, конечно, нечего долго останавливаться на тѣхъ крайнихъ представителяхъ марксистскаго правовѣрія, которые продолжаютъ закрывать глаза на факты и утверждать, что процессъ концентраціи совершается въ земледѣліи съ быстротой, которой позавидовала бы даже иная отрасль промышленности. Ибо если авторы въ родѣ американца Уэлльса (Wells) увѣряютъ насъ, что громадныя фермы Запада (bonanza farms) поглощаютъ на виду у всѣхъ массу мелкихъ хозяйствъ, и что послѣднія не сегодня-завтра должны исчезнуть, то разсудительные писатели, въ родѣ хотя бы уже цитированнаго Саймонса, смотрятъ на эти вещи, какъ на преувеличенія, которыя способны лишь заставлять „смѣяться дѣйствительнаго фермера надъ невѣжествомъ оратора“ (стр. 98).

За то мы должны присмотрѣться къ взглядамъ наиболѣе выдающихся теоретиковъ марксизма, въ родѣ Каутскаго, Вандервэльда, Саймонса, которые не думаютъ отрицать фактическихъ отклоненій земледѣльческой эволюціи отъ процесса концентраціи, но подыскиваютъ этимъ явленіямъ объясненіе въ духѣ общей формулы. Суть этого истолкованія такова. Да, мелкое крестьянство не исчезаетъ такъ скоро, какъ можно было ожидать согласно предвидѣніямъ доктрины: это Каутскій, напр., призналъ въ своемъ „Аграрномъ вопросѣ“, это онъ признаетъ, еще болѣе подчеркивая, въ своихъ послѣднихъ статьяхъ въ „Neue Zeit“. Но составляетъ ли это отклоненіе такой фактъ, который въ состояніи ниспровергнуть общую теорію экономической эволюціи и вызвать существенныя измѣненія въ тактикѣ партіи труда? Нѣтъ, отвѣчаютъ ортодоксальные, но наиболѣе разсудительные марксисты. Крестьянство удерживаетъ повидимому свои позиціи, но только повидимому. Если оно не уходитъ съ поля битвы передъ напоромъ крупнаго земледѣльческаго капитала, то не потому, что можетъ дѣйствительно выдерживать конкурренцію усовершенствованной техники, а потому лишь, что упорно держится за свою землю, какъ бы ни были ужасны условія, въ которыя оно себя ставитъ. Крестьянинъ замучиваетъ до смерти работою себя и свою семью, довольствуется въ концѣ этого адскаго труда та-

кимъ нищенскимъ вознагражденіемъ, которое падаетъ далеко ниже самой низкой заработной платы, какую только онъ могъ получать въ качествѣ простого рабочаго. И все это онъ терпитъ только ради того, чтобы остаться собственникомъ своего участка, этого настоящаго ядра каторжника, которое даетъ только возможность сильнѣйшей эксплуатаціи его всѣми посредниками.

Въ самомъ дѣлѣ, его эксплуатируетъ продавецъ земли, цѣну на которую крестьянинъ набиваетъ гораздо выше той, какую она могла бы имѣть при извѣстной высотѣ процента, ренты и т. п. Его эксплуатируетъ ростовщикъ, у котораго крестьянинъ занимаетъ капиталъ, нужный для обработки земли, такъ какъ покупка участка лишила его возможности вложить въ культуру достаточное количество средствъ *). Его эксплуатируютъ фискъ и гипотека. Его эксплуатируетъ цѣлый рядъ торговыхъ капиталистовъ, живущихъ куплею-продажею продуктовъ земледѣльческаго труда и поставившихъ на широкую ногу сношенія съ крестьянами, которые раньше могли сбывать свои продукты на рынкѣ, торговаться съ отдѣльными покупателями, а нынѣ находятся во власти строго централизованныхъ предпріятій.

Компэръ-Морэль, членъ французской партіи труда и самъ технически образованный земледѣлецъ (огородникъ и садоводъ), такъ изображаетъ это положеніе дѣлъ:

Въ настоящее время крупные хлѣбные торговцы, обладающіе обширными складами, забираютъ на дому у крестьянина продукты его жатвы, если только тотъ не хочетъ самъ привезти ихъ прямо въ магазинъ, продавъ предварительно по образчику. Цѣна по курсу дня. Больше уже не торгуются: столько-то за 100 кило—и конецъ дѣлу. Солома, кормовыя травы крестьянина? Проданы крупному торговцу, если у земледѣльца остается кое-что сверхъ личнаго потребленія. Свекла? Продана по подряду еще въ началѣ года. во время посѣва, сосѣдней сахароварнѣ. Его скотъ? Проданъ крупному гуртовщику, который принимаетъ скотъ на тѣхъ самыхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ, откуда посылаетъ свои гурты въ городъ. Живность? Запродана на самомъ птичьемъ дворѣ торговцамъ, объѣзжающимъ деревни. Что касается масла и молока, то въ земледѣльческихъ центрахъ заведены молочныя, которыя орудуютъ на 15—20 километровъ кругомъ и два раза въ день посылаютъ повозки, забирающія дойное молоко у воротъ крестьянина. Словомъ, какъ видите, сбытъ продуктовъ земледѣлія совершается строго методическимъ способомъ и все болѣе и болѣе централизуется **).

Таково зрѣлище зависимости мелкихъ земледѣльцевъ Франціи отъ крупныхъ посредническихъ фирмъ, которыя диктуютъ имъ

---

*) Ср. Karl Marx, Das Kapital; Гамбургъ, 1894, т. III, часть вторая стр. 345: «Затрата денежнаго капитала на покупку земли... есть pro tanto уменьшеніе капитала, которымъ могутъ располагать мелкіе крестьяне въ самой сферѣ ихъ производства... Она подчиняетъ крестьянина ростовщику, такъ какъ въ той области собственно кредитъ существуетъ въ слабой мѣрѣ».

**) Compére-Morel, Les propos d'un rural; Бретейль (департ. Уазы), 2-е изд., стр. 42—43.

свои условія. Но несравненно грандіознѣе процессъ эксплуатаціи производителей въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ роль посредниковъ-паразитовъ берутъ на себя гигантскія желѣзнодорожныя и складочныя компаніи, деспотически распоряжающіяся цѣлыми легіонами фермеровъ. Саймонсъ широкою кистью набрасываетъ картину этого организованнаго почти на національный ладъ метода эксплуатаціи:

Фермеръ, собравши жатву, обращается къ желѣзнодорожнымъ, элеваторнымъ, холодильно-магазинным и упаковочнымъ компаніямъ, «орудіями» которыхъ онъ долженъ пользоваться, чтобы завершить процессъ «производства» своей жатвы. Онъ не можетъ перевозить свои продукты старымъ способомъ, въ силу того обстоятельства, что при господствѣ конкурренціи, когда въ ходъ пускаются два способа въ одной области, приходится прибѣгать лишь къ наиболѣе дешевому. Но когда онъ старается употреблять «орудія» для транспортировки, храненія клади и т. д., то онъ находитъ, что владѣльцы налагаютъ на него, согласно ихъ же собственному выраженію, «что только можетъ вынести операція». Это значитъ, что они берутъ съ него, какъ они берутъ съ своихъ служащихъ, все, за исключеніемъ того, что позволяетъ ему существовать и продолжать расу производителей, живущихъ лишь для грядущей эксплуатаціи. Съ этой точки зрѣнія все равно, насколько пускаются имъ въ ходъ машины или усовершенствуются способы земледѣлія. Если машина такого рода, что можетъ употребляться исключительно на фермѣ, она поможетъ лишь фермеру получать большее количество продуктовъ и сдѣлаетъ еще ожесточеннѣе борьбу, которую онъ и его сотоварищи фермеры ведутъ изъ-за возможности попасть на ограниченный по необходимости рынокъ; а поэтому увеличившееся производство прибавитъ только лишнюю долю къ доходу тѣхъ, кто стоитъ между нимъ и рынкомъ. Если, съ другой стороны, техническое усовершенствованіе принимаетъ форму улучшенія того или другого производительнаго процесса цѣликомъ, который можетъ быть выдѣленъ изъ операцій фермы, то оно станетъ просто на просто частью обширной фабричной системы и будетъ способствовать дальнѣйшему порабощенію дѣйствительнаго воздѣлывателя почвы. Вся выгода усовершенствованій и новыхъ орудій пойдетъ тѣмъ, кто заправляетъ фабричными наиболѣе существенными процессами производства *).

Здѣсь мы подходимъ къ тому пункту, гдѣ начинается центръ тяжести комментаріевъ, которыми наиболѣе разсудительные марксисты сопровождаютъ свое признаніе медленности и своеобразности земледѣльческой эволюціи, желая такъ или иначе ввести ее въ общую формулу. Этотъ пунктъ—индустріализація земледѣлія, т. е. тотъ фактъ, что, по мѣрѣ техническаго прогресса вообще, отъ совокупности операцій, составляющихъ земледѣльческое производство, отрываются одна за другой различныя отрасли, которыя могутъ стать спеціализированными вѣтвями уже индустріальной промышленности и, значитъ, подлежать законамъ концентраціи. Слѣдствіемъ же этого процесса раздѣленія и выдѣленія труда являются важныя измѣненія какъ экономическія, такъ и соціально-политическія.

Мелкому сельскому хозяину становится все труднѣе и труд-

*) Simons, l. c., стр. 135—136.

нѣе отстаивать свою независимость, такъ какъ все большее и большее число операцій, составлявшихъ прежній обиходъ его дѣятельности, уходитъ изъ его рукъ, исполняется при болѣе выгодныхъ условіяхъ въ спеціальныхъ заведеніяхъ. И теперь крестьянину приходится покупать на сторонѣ то, что онъ прежде производилъ для своего собственнаго и чужого потребленія. Съ другой стороны, крупный землевладѣлецъ пріобрѣтаетъ лишнюю опору для веденія хозяйства, присоединяя къ чисто сельскому производству дальнѣйшую, уже индустріальную переработку своихъ же продуктовъ на сахароваренныхъ, винокуренныхъ, крахмальныхъ, пивныхъ заводахъ, молочныхъ, сыроварняхъ, фабрикахъ фруктовыхъ и овощныхъ консервовъ и т. д. Такимъ образомъ, раздѣленіе между городомъ и деревней начинаетъ сглаживаться; промышленность проникаетъ все дальше и дальше въ земледѣльческія сферы; и индустрія должна задавать тонъ всей странѣ, равно какъ индустріальный пролетаріатъ долженъ явиться основнымъ классомъ, проводящимъ свое міровоззрѣніе во всѣхъ сферахъ общественной жизни и доставляющимъ ему торжество въ эпоху окончательнаго переустройства.

Эта мысль объ индустріализаціи земледѣлія, вдвигающая, по мнѣнію разумныхъ марксистовъ, сельское хозяйство въ общую формулу, не смотря на особенности его эволюціи, выражена въ наиболѣе общей формѣ уже упомянутымъ Каутскимъ:

> Нѣтъ сомнѣнія, — и это мы принимаемъ отнынѣ за доказанное, — земледѣліе не развивается по тому же самому шаблону, что и индустрія; оно слѣдуетъ собственнымъ законамъ. Но этимъ вовсе не сказано, что развитіе земледѣлія составляетъ противоположность съ развитіемъ индустріи и съ нимъ несогласимо. Мы полагаемъ, наоборотъ, что можемъ доказать, какъ оба они стремятся къ одной и той же цѣли, коль скоро мы не изолируемъ ихъ одно отъ другой, а разсматриваемъ какъ общіе члены совокупнаго процесса (als gemeinsame Glieder eines Gesammtprozesses) *).

У Каутскаго, какъ извѣстно, есть нѣсколько главъ, трактующихъ именно о внесеніи однообразія въ хозяйственный общественный процессъ путемъ индустріализаціи земледѣлія, а въ особенности—спеціальная глава (10-я перваго отдѣла), посвященная „заокеанической (überseeische) конкурренціи въ производствѣ жизненныхъ средствъ и индустріализаціи земледѣлія“. Но, присматриваясь къ этимъ главамъ, вы видите, что здѣсь дѣло идетъ не столько о далеко продвинувшемся процессѣ, сколько о тенденціяхъ: самъ авторъ говоритъ, что „превращеніе земледѣльческаго производства въ промышленное находится лишь въ началѣ“ (стр. 289). Отчасти это объясняется тѣмъ, что авторъ опирается

---

*) Karl Kautsky, Die Agrarfrage. Eine Uebersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtchaft; Штутгартъ, 1899, стр. 5—6. (Есть французское изданіе этой книги подъ заглавіемъ: La question agraire; Парижъ, 1900).

преимущественно на данныя европейскаго континента и въ частности Германской имперіи, гдѣ техника далеко еще не сказала своего послѣдняго слова. Тѣмъ интереснѣе поставить передъ глазами читателя свидѣтельство американскаго писателя, который даетъ намъ не столько общія статистическія цифры, сколько конкретную картину измѣненій, совершающихся въ земледѣліи лихорадочно живущихъ и технически образцовыхъ Соединенныхъ Штатовъ.

Саймонсъ разсказываетъ, какъ здѣсь быстро, почти однимъ скочкомъ, такія отрасли труда, какъ пряденье, тканье, вязанье, перешли отъ домашней формы, практиковавшейся еще сравнительно недавно американскимъ фермеромъ, къ фабричной формѣ, работающей на весь міръ. Но, этотъ процессъ обособленія промышленныхъ вѣтвей отъ земледѣльческаго хозяйства происходитъ съ большею или меньшею напряженностью повсюду, вплоть до самыхъ отсталыхъ странъ. Любопытнѣе указаніе на индустріализацію такихъ отраслей, которыя носятъ болѣе земледѣльческій характеръ и которыя именно и претерпѣли на почвѣ заатлантической республики очень быстрое и любопытное превращеніе; я говорю о производствѣ масла и сыра. Въ то время, какъ за немногими исключеніями, представляемыми гигантскимъ капиталистическимъ скотоводствомъ, уходъ за скотомъ и добываніе молока (доеніе) практикуются фермерами еще на старый ладъ,

процессы сниманія сливокъ, сбиванія масла и приготовленія сыра подверглись въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ цѣлой революціи. Старые сосуды для отстаиванія молока, подойники для сниманія сливокъ вытѣснены центробѣжной сливочной машиной (centrifugal cream separator), о которой Генри Е. Альвордъ, начальникъ молочнаго отдѣленія земледѣльческаго департамента Соединенныхъ Штатовъ, говоритъ: «Въ настоящее время работаютъ въ странѣ, вѣроятно, около 25000 сливочныхъ машинъ, заведенныхъ исключительно въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ». Порою эти машины находятся въ обладаніи отдѣльныхъ фермеровъ, но чаще составляютъ собственность какой-нибудь крупной сливочной компаніи. Эта компанія заводитъ значительное число этихъ аппаратовъ въ различныхъ пунктахъ по близости отъ фермъ, откуда берется молоко. Затѣмъ сливки собираются въ свою очередь съ этихъ различныхъ «снимательныхъ станцій» для сосредоточенія въ одномъ центральномъ пунктѣ, гдѣ находится сливочная. Полученныя, такимъ образомъ, сливки сбиваются особой машиной, и весь процессъ совершается вполнѣ обособленно отъ формы. При приготовленіи сыровъ это условіе выражается еще рѣзче. Фермеръ, снабжающій сыроваренный заводъ молокомъ, врядъ ли принимаетъ большее участіе въ этой операціи, чѣмъ въ операціяхъ шерстяной фабрики, переработывающей сырой матеріалъ, получаемый имъ со спины овецъ. Для многихъ фермеровъ, имѣющихъ обширныя стада молочнаго скота, стало столь же обычнымъ явленіемъ покупать масло и сыръ, какъ для южнаго фермера, воздѣлывающаго хлопокъ, покупать для себя хлопчатобумажную одежду *).

Надо читать у самого Саймонса конкретныя подробности того процесса, который преобразуетъ различныя отрасли стараго зе-

*) Simons, l. c., стр. 87—88.

мледѣлія на промышленный ладъ, чтобы отдать себѣ отчетъ, чѣмъ можетъ стать индустріализированное сельское хозяйство, когда изъ „тенденцій" выростетъ настоящій процессъ. Но и въ отстающей отъ американской республики Европѣ индустріализація земледѣлія становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ фактомъ на территоріи очень промышленныхъ странъ, напр., въ Бельгіи. Въ своемъ этюдѣ о „городахъ съ щупальцами" (villes tentaculaires), которые бросаютъ далеко въ окружающій ихъ районъ свои присоски промышленныхъ заведеній, Вандервельдъ энергично подчеркиваетъ становящійся все болѣе и болѣе индустріальнымъ характеръ бельгійскаго сельскаго хозяйства.

Такимъ образомъ, Бельгія дѣлается въ общемъ все болѣе и болѣе страною скотоводства, обширною фабрикою сахара, масла, мяса и другихъ животныхъ продуктовъ. Расширяется огородничество. Безпрестанно умножаются молочныя коопераціи. «Масляный поѣздъ», отправляющійся ежедневно изъ Арлона, забираетъ на пути избытокъ нашихъ продуктовъ, чтобы доставить его на лондонскій рынокъ. Только что основано въ Брюгге важное общество «Меркурій» для вывоза въ Англію свиней, выкармливаемыхъ на сывороткѣ фламандскихъ молочныхъ. Въ окрестностяхъ Турнэ и въ старомъ графствѣ Лоозъ (въ Лимбургѣ) цѣлыя деревни занимаются плодоводствомъ и находятъ сбытъ на фабрикахъ, изготовляющихъ варенье, которыя недавно основаны въ Бельгіи. Вокругъ Брюсселя разведеніе цыплятъ и воздѣлываніе, въ теплицахъ или парникахъ, раннихъ овощей, клубники, винограда, помидоровъ развиваются все значительнѣе и значительнѣе.

Однимъ словомъ, земледѣліе стремится стать вѣтвью индустріи, подобно любой другой. И если, подъ вліяніемъ городовъ, земледѣльческая площадь, число сельскихъ рабочихъ и число земледѣльческихъ хозяйствъ уменьшаются, то за то производство увеличивается, культура становится интенсивной, земледѣльческія ассоціаціи умножаются, рабочій скотъ и капиталы, вложенные въ землю, пріобрѣтаютъ важность и цѣну.

Конечно, мы не желаемъ уподоблять эволюцію земледѣлія собственно, такъ называемой, индустріальной эволюціи; было бы серьезной ошибкой утверждать, что и та, и другая повинуются тѣмъ же законамъ; но, по нашему мнѣнію, это значило бы впадать въ противоположную крайность, если бы мы стали игнорировать дѣйствительныя и глубокія аналогіи, представляемыя капиталистической эволюціей въ различныхъ вѣтвяхъ производства *).

Мнѣ остается коснуться еще одного важнаго пункта, въ которомъ разсудительные марксисты настаиваютъ на сходствѣ земледѣлія и промышленности, но въ которомъ къ нимъ особенно охотно присоединятся люди, воспитанные на соціально-реформаторской мысли всего XIX-го вѣка безъ различія школъ, и присоединятся съ тѣмъ, чтобы бороться противъ карикатурныхъ преувеличеній самоновѣйшихъ апологетовъ мелкаго земледѣлія. Эти идейныя тенденціи проявляются въ послѣднее время болѣе или менѣе сильно у такъ называемыхъ бернштейніанцевъ. Но ни у кого еще онѣ не прокинулись такъ ярко, такъ, если можно выразиться, вызывающе, какъ въ только-что вышедшей книгѣ

*) См. въ книгѣ: Emile Vandervelde, Essais sur la question agraire en Belgique; Парижъ, 1903, этюдъ второй «Les villes tentaculaires» стр. 103—136, особенно же стр. 130—131.

Эдуарда Давида „Соціализмъ и земледѣліе“. Пока появился лишь первый очень объемистый—въ 700 страницъ—томъ этой большой работы, томъ, посвященный вопросу собственно о производствѣ въ земледѣліи *). Но авторъ обѣщаетъ еще особый томъ по вопросу о земельной собственности. Однако уже появившейся части труда достаточно, чтобы судить о характерѣ и пріемахъ этой обширной монографіи.

Очень легко и складно написанная, содержащая въ себѣ много агрономическихъ деталей, обнаруживающая не только литературный талантъ, но и гибкость ума и начитанность автора, работа Давида грѣшитъ однимъ существеннымъ недостаткомъ: тенденціозною фальшью, положенною въ основаніе труда. Не смотря на свой объемъ, на ученый аппаратъ спеціальныхъ цитатъ, эта монографія представляетъ въ сущности тенденціозную полемическую брошюру, въ родѣ тѣхъ сочиненій, которыя писались крайними приверженцами „научнаго соціализма“ въ разныхъ странахъ и надъ которыми покачивали при случаѣ головою сами основатели ученія. Только теперь ортодоксальный марксизмъ вывернулся на изнанку; и Давидъ примѣнилъ къ критикѣ не одного только марксизма, но всей современной соціально-реформаторской мысли тѣ самые пріемы преувеличенія и односторонности, которые практиковались черезчуръ правовѣрными учениками Маркса во всѣхъ общественныхъ вопросахъ и мѣшали правильному развитію новой доктрины.

Выступая во имя „идеализма“ противъ „экономическаго матеріализма“, критики, выросшіе въ самомъ же лагерѣ марксистовъ, въ пылу идейной реакціи противъ прежняго символа вѣры, кончили полемикой противъ такихъ положеній, которыя являются общимъ достояніемъ всей, повторяю, современной соціально-реформаторской мысли, а не одного марксизма, и у Маркса получили лишь болѣе рѣзкую и мѣстами черезчуръ, можетъ быть, заостреную формулировку. Марксъ и его великіе предшественники не достаточно оцѣнили сопротивленіе спеціальной земледѣльческой среды тѣмъ законамъ концентраціи, которые наблюдались ими въ промышленности. Ученики же, съ свойственною второстепеннымъ умамъ логикою упрощенія, стерли какія бы то ни было различія между двумя крупными областями труда.

И вотъ является Давидъ и, перевертывая прежнее ученіе кверху ногами, старается доказать, что земледѣліе развивается по совершенно противоположнымъ законамъ, чѣмъ индустрія. Замѣтьте, онъ не хочетъ дѣлать какія-либо ограниченія относительно закона концентраціи въ примѣненіи къ промышленности. А между тѣмъ, кстати сказать, сами разсудительные марксисты, въ родѣ Вандервельда, допускаютъ, что

*) Eduard David, Socialismus und Landwirtschaft. I. Die Betriebsfrage; Берлинъ, 1903.

не смотря на растущее преобладаніе капиталистической структуры... крестьянская собственность, ремесленное производство, мелкая самостоятельная торговля еще не находятся наканунѣ своего исчезновенія *),—

т. е. допускаютъ, что даже и въ самой промышленно-торгово сферѣ мелкія формы дѣятельности составляютъ еще извѣстныя исключенія изъ общаго закона обобществленія средствъ производства. Но, повторяю, Давиду не особенно интересно останавливаться на этихъ отклоненіяхъ отъ промышленнаго процесса въ его цѣломъ. Нѣтъ, онъ охотно отдаетъ индустрію въ безраздѣльное владѣніе законовъ концентраціи. За то онъ избираетъ своею спеціальностью земледѣліе и здѣсь хочетъ ни много, ни мало, какъ доказать, что мелкая культура экономически выгоднѣе крупной; машины вовсе не сберегаютъ столько труда, какъ это принято утверждать, по сравненію съ ручными операціями мелкаго собственника; что земледѣльческая эволюція будетъ поэтому идти въ направленіи отъ экстенсивной машинной культуры къ интенсивной ручной культурѣ, употребляющей кирку и лопату, но за то одухотворяемой разумными усиліями мелкаго собственника; что, поэтому, цѣлью соціальныхъ реформаторовъ должно быть на вѣчныя времена заведеніе не *земледѣльческихъ коопераций*, а *кооперацій земледѣльцевъ*, т. е. не организація общественнаго труда, а объединеніе частныхъ хозяевъ лишь для нѣкоторыхъ операцій купли и продажи и т. д.

Дальше идти намъ нечего. Мы можемъ сказать только одно: какія бы частныя остроумныя замѣчанія ни дѣлалъ авторъ, какія бы агрономическія подробности онъ ни сообщалъ намъ, мы крайне скептически должны относиться къ человѣку, который словно побился объ закладъ доказать недоказуемое, представить въ странномъ, прямо можно сказать нелѣпомъ свѣтѣ употребленіе машинъ и свести на нѣтъ техническія усовершенствованія, отсылая насъ къ заступу Китая. Черезъ всю книгу автора проходитъ красною нитью желаніе принизить коллективный трудъ ради индивидуальнаго, обобществленныя орудія производства ради мелкихъ. Вотъ, напр., что Давидъ говоритъ въ заключеніи главы, посвященной детальному разсмотрѣнію выгодъ и невыгодъ простой земледѣльческой коопераціи:

Если мы захотимъ заключить общимъ выводомъ наше сужденіе о дѣйствіи крупной коопераціи на личные и вещественные факторы процесса производства, то мы можемъ сказать, что *въ земледѣліи выгоды ея, конечно, болѣе чѣмъ перевѣшиваются невыгодами*. Это въ высшей степени односторонній пріемъ видѣть только выгоды коопераціи. Кто хочетъ, какъ это дѣлаетъ Марксъ, вводить въ разсчетъ къ выгодѣ крупнаго производства психологическое дѣйствіе совмѣстной работы въ большой общественной группѣ (in grösserer Gemeinschaft), тотъ долженъ не забывать, съ другой стороны, пси-

*) См. небольшую, но содержательную книжку Вандервельда: Le collectivisme et l'évolution industrielle: Парижъ, 1900, стр. 60 и слѣд.

хологическаго фактора личнаго интереса работающаго на себя крестьянина. Вѣсъ этого фактора достаточенъ, чтобы, по отношенію къ доброкачественности труда, чашка съ большимъ производствомъ высоко взвилась вверхъ. И тотъ же самый психологическій факторъ порождаетъ ту тщательность въ сбереженіи орудій труда, которая совершенно парализуетъ экономію крупнаго производства въ капиталѣ, употребляемомъ на покупку инвентаря всякаго рода и т. д. и т. д. *).

Мы можемъ и не продолжать этой выписки: уже изъ приведенной части явствуетъ, что Давидъ, совершенно въ духѣ буржуазной теоріи, доказываетъ преимущество мелкаго труда надъ коллективнымъ тѣмъ, что, съ одной стороны, рисуетъ намъ крупное производство, находящееся въ рукахъ привилегированнаго владѣльца, а не группы работниковъ; съ другой же, упорно отрицаетъ тѣ выгоды сотрудничества, которыя доставляются наемными рабочими современному капиталисту.

Не менѣе любопытно, какъ Давидъ отдѣлывается отъ вопроса объ экономическихъ выгодахъ употребленія машинъ, сберегающихъ массу человѣческаго труда. Въ началѣ главы пятой, посвященной „вліянію машинъ на условія земледѣльческихъ рабочихъ“, авторъ укрывается за фразу, что

врядъ-ли возможно установить точныя и общія данныя относительно размѣровъ уменьшенія рабочихъ при помощи машинъ,

и затѣмъ бросаетъ слѣдующее якобы крайне безпристрастное, а на самомъ дѣлѣ жестоко тенденціозное примѣчаніе:

По вычисленію проф. Кремера, сберегается 13,3% общей потребности въ рабочихъ силахъ, благодаря употребленію машинъ. Это было бы очень мало. Въ экстенсивномъ хищническомъ производствѣ хлѣбовъ человѣческій трудъ позволяетъ себя замѣщать машиннымъ, конечно, въ гораздо высшихъ предѣлахъ. Наоборотъ, на интенсивнѣйшихъ ступеняхъ обработки земли было бы еще слишкомъ много считать 13,3% сбереженія труда **).

Итакъ, какое же впечатлѣніе произведетъ на читателя это мѣсто? Давидъ собственно не знаетъ, сколько человѣческаго труда могутъ вытѣснять машины въ земледѣліи. Да и трудно, дѣйствительно, отвѣтить вообще на такой вопросъ: разныя бываютъ земледѣльческія операціи и разныя бываютъ машины. Но тѣмъ не менѣе Давидъ хочетъ быть великодушнымъ противникомъ и цитируетъ общее вычисленіе Кремера, считающаго сбереженіе равнымъ 13,3%, а отъ себя говоритъ, что, пожалуй, этого и очень мало, но что все же, если, съ одной стороны, есть отрасли земледѣлія съ гораздо большимъ сбереженіемъ труда машинами, то, съ другой—есть и съ гораздо меньшимъ. И читатель, при всемъ великодушіи Давида, остается при печальномъ интересѣ незнанія, но съ общимъ смутнымъ впечатлѣніемъ, что, пожалуй, машины и не Богъ знаетъ сколько сберегаютъ труда.

*) David, l. c., стр. 118.
**) Ibid., стр. 258.
***) Ibid., прим.

Посмотримъ, однако, на нѣкоторые конкретные факты. Цитированный уже нами Саймонсъ даетъ, на основанiи оффицiальныхъ данныхъ американскаго бюро труда, нѣсколько примѣровъ сбереженiя труда машинами при различныхъ операцiяхъ. Вспахать, всборонить и засѣять пшеницею акръ земли брало прежде 10 часовъ 25 минутъ; теперь, при помощи усовершенствованныхъ машинъ, всего 45 минутъ: сбереженiе, значитъ, равно 93%! Сжать и обмолотить двадцать бушелей, полученныхъ съ того же акра, прежде требовало 23 часа (у Саймонса очевидная опечатка 23 „дня") и 20 минутъ; нынѣ, при помощи самыхъ послѣднихъ приспособленiй, 1 часъ и 3 минуты: сбереженiе равно 95,5%! *)

Но то,—скажетъ Давидъ,—„экстенсивная хищническая культура". Возьмемъ же такую деликатную операцiю, какъ высадка различныхъ, зачастую очень нѣжныхъ растенiй. Кому изъ насъ приходилось если не участвовать, то, по крайней мѣрѣ, присутствовать при пересадкѣ капустной „разсады", тотъ знаетъ, какого вниманiя и ловкости требуетъ это дѣло, какъ тщательно должны быть вырыты ямки, какъ одинакова должна быть ихъ глубина, какъ бережно должно пересаживаться каждое растенiе, какъ правильно заравниваться земля. И что же? Американскiй фермеръ совершаетъ всю эту операцiю, которая требуетъ, повидимому, опытнаго глаза и ловкой руки, при помощи машины, правда, очень сложной, но за то превосходящей совершенствомъ своихъ манипуляцiй самаго искуснаго огородника. Развертываю одинъ изъ послѣднихъ номеровъ интересной американской газеты „Daily People" и въ воскресномъ приложенiи, содержащемъ статью о „Фермерѣ", читаю:

Когда фермеру приходится заняться высадкой на широкую ногу, онъ прибѣгаетъ къ самой удивительной изъ всѣхъ машинъ, замѣняющихъ его трудъ. Машина эта везется лошадьми и требуетъ для операцiи одного взрослаго работника и двухъ мальчиковъ. Она пересаживаетъ помидоры, капусту, клубнику, табакъ и тому подобныя растенiя, когда они только что взошли. Эта большая, громоздкая и очень сложная машина принимаетъ пересаживаемыя растенiя въ особый аппаратъ. Когда она тронулась съ мѣста, механизмъ приходитъ въ дѣйствiе и дѣлаетъ въ землѣ ямки, въ которыя опускаетъ растенiя, посыпаетъ тутъ же ихъ корни химическимъ удобренiемъ, поливаетъ ихъ и заравниваетъ кругомъ почву лучше, чѣмъ это сдѣлала бы рука человѣка. Машина сажаетъ растенiя на большую или меньшую глубину, снабжаетъ ихъ большимъ или меньшимъ количествомъ удобренiя и воды, словомъ—дѣлаетъ все, что надобно для пересадки.

Она сажаетъ сразу цѣлый рядъ растенiй, ничуть не повреждая ихъ, и на любомъ заранѣе разсчитанномъ разстоянiи одно отъ другого. Она можетъ въ теченiе дня засадить растенiями отъ 5 до 8 акровъ на разстоянiи 1 фута ямка отъ ямки. О работѣ, производимой машиной, можно судить по тому, что при такомъ разстоянiи между отдѣльными растенiями ихъ всѣхъ понадобится 43560 на акръ. Если было засажено всего лишь пять акровъ, то это значитъ, что машина въ день пересадила 217800 растенiй **).

---

*) Вычислено по Саймонсу, стр. 85—86.

**) Daily People; Нью-Iоркъ. т. III. № 251 отъ 8-го марта (воскресенье) 1903 г.

Въ заключеніе еще одинъ фактъ, обошедшій всю экономическую прессу Америки и сообщенный той же газетой. Давидъ находитъ громадную разницу между индустріей и земледѣліемъ въ томъ, что первая основана будто бы главнымъ образомъ на механическомъ процессѣ, а послѣднее на органическомъ; и что поэтому мелкій хозяинъ, разумно вмѣшивающійся, при помощи интенсивной культуры, въ послѣдній гораздо болѣе прихотливый процессъ, беретъ верхъ надъ экстенсивнымъ хозяйствомъ крупнаго собственника, пускающаго въ ходъ преимущественно механическія приспособленія. Но вотъ что мы видимъ на самомъ дѣлѣ при крупномъ раціональномъ хозяйствѣ. Въ окрестностяхъ Нью-Іорка существуетъ громадная ферма, прославившаяся разведеніемъ такъ называемыхъ вайандоттскихъ (Wyandotte) куръ *). Эта ферма подрядилась — и строго выполняетъ до сихъ поръ контрактъ — доставлять одной крупной коммерческой фирмѣ *ежедневно* 100 дюжинъ яицъ и 300 уже упомянутыхъ знаменитыхъ куръ, которыя должны вѣсить не менѣе 3 и не болѣе 4 фунтовъ, должны содержать не болѣе и не менѣе опредѣленнаго количества жировой ткани, а въ противномъ случаѣ бракуются и возвращаются поставщику.

Интересенъ въ особенности способъ, если можно такъ выразиться, фабрикаціи этихъ столь строго опредѣленныхъ куръ. Для производства упомянутыхъ 300 штукъ птицы берется каждый день 450 яицъ, которыя кладутся въ аппараты для искусственнаго высиживанія. Когда вылупляются цыплята, то ихъ подвергаютъ спеціальной системѣ кормленія, сажая ихъ въ особыя отдѣленія, и каждый день переводя пернатыхъ пансіонеровъ изъ одного отдѣленія въ другое, сосѣднее. Всѣхъ такихъ отдѣленій 80; въ концѣ 80-го дня и у двери 80-го отдѣленія получается совсѣмъ готовая вайандоттская курица, удовлетворяющая всѣмъ требованіямъ контракта. Математически вычислено среднее число, опять-таки если можно такъ выразиться, фабричнаго отброса, т. е. общаго процента какъ погибшей, такъ неудовлетворительной птицы: онъ равняется 33% первоначальнаго числа яицъ.

Итакъ, Давидъ говоритъ намъ о великихъ преимуществахъ мелкой интенсивной культуры въ органическихъ процессахъ земледѣлія. А крупное раціональное хозяйство отвѣчаетъ ему тѣмъ, что превращаетъ такой, казалось бы, органическій процессъ, какъ ростъ птицы, въ рядъ поистинѣ фабричныхъ операцій. На этомъ примѣрѣ американской курицы, которую иной дешевый каламбуристъ могъ бы отнести къ породѣ американскихъ газетныхъ утокъ, не будь самый фактъ занесенъ въ серьезныя земледѣльческія лѣтописи, на этомъ примѣрѣ мы можемъ покон-

*) Wyandotte — довольно распространенное въ Америкѣ географическое имя: его носятъ нѣсколько городовъ и графствъ.

чить съ тенденціозной книгой Давида и ея апологіей мелкаго собственника, восхитившей болѣе всего нѣмецкихъ аграріевъ. Недаромъ „Deutsche Tageszeitung“ пишетъ по поводу Давида:

По его мнѣнію, самостоятельное хозяйство крестьянскихъ семей должно быть удержано, коллективное же хозяйство не можетъ существовать въ земледѣліи. Мы можемъ быть *вполнѣ довольны* этимъ результатомъ научнаго изслѣдованія аграрнаго вопроса соціалъ-демократіей. Ибо оно дастъ намъ ручательство въ томъ, что у соціалъ-демократіи нѣтъ болѣе никакого оружія, чтобы вести войну въ деревнѣ съ какой бы то ни было надеждою на успѣхъ, и что она должна будетъ ограничиться при своей агитаціи городскими и промышленными рабочими и связанными съ ними слоями населенія *).

Мы разсмотрѣли аргументацію разсудительныхъ марксистовъ, старающихся вдвинуть земледѣліе въ общую формулу; и читатель, надѣюсь, найдетъ, что мы нигдѣ не ослабили ихъ доводовъ, тѣмъ болѣе, что въ этой аргументаціи есть не мало пунктовъ, которые общи марксистамъ съ сторонниками соціально-реформаторской мысли вообще безъ различія школъ. Но представивъ читателю эти доводы, усугубивъ даже ихъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о защитѣ коллективнаго производства противъ нападеній апологетовъ мелкой собственности, мы не желаемъ, однако, закрывать глаза на тотъ фактъ, что этимъ современный аграрный вопросъ не рѣшается; и что трудности его рѣшенія далеко не такъ легко побѣдимы въ духѣ общей формулы, какъ это кажется многимъ изъ цитированныхъ нами авторовъ.

Да, земледѣліе испытываетъ процессъ индустріализаціи, которая приготовляетъ путь коллективному производству, опирающемуся на данныя агрономіи; но процессъ этотъ лишь въ началѣ и начинаетъ пріобрѣтать серьезное значеніе лишь въ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ. Да, крестьянинъ эксплуатируется ростовщикомъ, посредникомъ, фискомъ, гипотекой, крупными предпринимателями, захватывающими въ свои руки сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ; но онъ продолжаетъ держаться за свою собственность, какъ ни мало она оставляетъ ему средствъ къ существованію, за вычетомъ всевозможныхъ формъ прибавочной стоимости, выжимаемыхъ изъ него имущими и правящими классами. Да, технически и соціально-коллективное производство выше индивидуальнаго и въ земледѣліи, какъ и въ промышленности; но крестьянинъ готовъ довольствоваться нищенскимъ вознагражденіемъ за свой тяжелый трудъ, готовъ замучивать себя и семью до смерти надъ работой, лишь бы вести свое хозяйство.

Какъ же побѣдить это упорство, эту собственническую психологію крестьянскаго класса, который, какъ мы видѣли въ первой половинѣ статьи, отнюдь не думаетъ скоро исчезнуть съ

*) Цитировано Каутскимъ въ послѣдней изъ статей его, посвященныхъ разбору книги Давида. См. «Die Neue Zeit», годъ 21. т. I, № 26 отъ 28-го марта 1903 г., стр. 818.

арены экономической борьбы? Вѣдь мы знаемъ, что, напримѣръ, во Франціи „главы земледѣльческой эксплуатаціи“ составляютъ до сихъ поръ 54% всѣхъ лицъ, занятыхъ земледѣліемъ; и что собственно такъ называемые собственники составляютъ 33% всѣхъ земледѣльцевъ. Вѣдь мы не можемъ игнорировать того факта, что даже въ быстро индустріализирующейся Америкѣ и не смотря на очень быстрое увеличеніе класса фермеровъ на счетъ собственниковъ (за двадцать лѣтъ, съ 1880 по 1900 г., число фермеровъ удвоилось), все же остается 65% земельныхъ собственниковъ или хозяевъ смѣшанныхъ категорій (напр. такъ называемыхъ „owners and tenants“).

Вопросъ становится ребромъ: разъ городское населеніе въ достаточной степени проникнуто элементами соціально-реформаторской мысли; разъ дальнѣйшій крупный шагъ по пути общественнаго прогресса можетъ быть сдѣланъ лишь пріобщеніемъ крестьянства къ сознательной исторической жизни, то какъ городъ долженъ отнестись къ деревнѣ? Логически, да и фактически, есть лишь два отвѣта на данный вопросъ. Или городъ постарается перестроить весь общественный организмъ согласно своимъ наиболѣе прогрессивнымъ тенденціямъ и, стало быть, толкнетъ деревню извнѣ на желательный путь,—а это и рискованно, и сомнительно. Или же, охраняя пока деревню въ ея запоздалыхъ формахъ существованія отъ излишняго гнета современныхъ тягостей, лежащихъ на крестьянствѣ (гипотеки, ростовщичества, и т. п.), онъ станетъ развивать нѣкоторыя явленія деревенской жизни, могущія подготовлять почву для преобразованія, а главное заниматься неустанной просвѣтительной дѣятельностью и пріобщеніемъ крестьянства къ общимъ пріобрѣтеніямъ цивилизаціи.

Вотъ почему мнѣ представляется сомнительнымъ то скептическое или, вѣрнѣе сказать, неопредѣленное отношеніе къ кооперативному движенію въ крестьянствѣ, которое обнаруживаютъ и разсудительные марксисты въ родѣ Каутскаго *). Здѣсь рѣчь идетъ главнымъ образомъ о тѣхъ ассоціаціяхъ для купли и продажи, которыя извѣстны нынѣ во Франціи подъ названіемъ синдикатовъ; въ Германіи, Бельгіи, Италіи и т. д. подъ названіемъ различныхъ „кооперативъ“, причемъ собственно общественное производство отступаетъ на задній планъ передъ кооперативнымъ обмѣномъ. Это однимъ словомъ, тѣ ассоціаціи, которыя Давидъ называетъ коопераціями земледѣльческихъ производителей (Produzentengenossenschaft) въ противоположность собственно производительнымъ земледѣльческимъ коопераціямъ (Produktivgenossenschaft).

Конечно, мы можемъ рѣшительно возставать противъ идеализаціи этихъ учрежденій, которыя, по мнѣнію Давида, явятся вѣ-

*) Ср., напр., стр. 116—129 (о кредитныхъ и прочихъ товариществахъ), стр. 272 (о датскихъ производительныхъ коопераціяхъ — молочныхъ), стр. 404 (общее заключеніе) и т. д.

ковѣчными формами союза между земледѣльцами, какъ мелкое частное хозяйство является, согласно тому же автору, вѣковѣчной и наиболѣе цѣлесообразной формой земледѣльческаго производства. Но, пока городу удастся преобразовать, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ чертахъ, міровоззрѣніе деревни, эти формы общенія должны такъ же привѣтствоваться нами среди крестьянства, какъ различные союзы между городскими трудящимися. Конечно, Марксъ былъ правъ, утверждая, что изъ лассалеанскихъ ассоціацій не можетъ выросло, въ рамкахъ современнаго строя, общество будущаго. Но на практикѣ какъ эти ассоціаціи производительнаго типа, такъ и другія формы коопераціи, постепенно развивались и обратились въ вспомогательное орудіе для общихъ цѣлей партіи, равно какъ въ школу выработки будущихъ общественныхъ администраторовъ, и во всякомъ случаѣ, будущихъ членовъ всеобщей коопераціи.

Тутъ нельзя не сдѣлать одного замѣчанія. Вслѣдствіе низкаго культурнаго уровня деревни кооперативное движеніе въ ней еще очень слабо; и лишь въ нѣкоторыхъ странахъ, въ родѣ Даніи, отличающихся сравнительно высокимъ развитіемъ крестьянства, обнаруживаетъ замѣтные успѣхи не только въ потребительныхъ и торговыхъ, но и производительныхъ ассоціаціяхъ. Съ другой стороны, въ странахъ въ родѣ Франціи, Германіи, Бельгіи сельскіе синдикаты и коопераціи идутъ въ значительной мѣрѣ до сихъ поръ на буксирѣ у консервативныхъ и клерикальныхъ элементовъ. И вотъ соціально-реформаторская теорія колеблется пока упреждать фактъ и не рѣшается взять опредѣленную ноту по отношенію къ сельскимъ кооперативнымъ обществамъ. Потому-то у разныхъ представителей трудового міровоззрѣнія и замѣчается разница во взглядахъ по этому вопросу.

Есть писатели въ родѣ Гатти, которые прямо допускаютъ, что земледѣліе идетъ отъ частичнаго къ коллективному производству двумя правомѣрными путями: быстрымъ путемъ капиталистической концентраціи и болѣе медленнымъ путемъ земледѣльческаго кооператизма, путемъ

частныхъ подстановокъ (sostituzioni parziali), ведущихъ къ *экономическому федерализму*, который займетъ мѣсто современнаго экономическаго буржуазнаго индивидуализма, допуская, однако, вплоть до неопредѣленнаго времени сосуществованіе частной собственности *).

Есть писатели, какъ Вандервельдъ, которые, придавая еще недавно большое значеніе деревенской коопераціи и разочаровавшись нѣсколько въ самое послѣднее время, все же констатируютъ важность процесса сближенія между мелкими частными собственниками на почвѣ различныхъ ассоціацій:

Въ 1897 г. мы возлагали большія надежды на предполагаемое превращеніе крестьянской собственности въ собственность кооперативную.

---

*) Gatti. Aggricoltura e socialismo; стр. 373.

Въ 1902 г., хотя и не покинувъ совершенно нашу прежнюю точку зрѣнія, мы болѣе скептичны въ этомъ отношеніи.

Но, какъ бы то ни было, что намъ представляется безспорнымъ, такъ это неизбѣжная необходимость и неизбѣжный результатъ превращеній, совершающихся въ деревнѣ.

Изолированный земледѣлецъ уступаетъ мѣсто земледѣльцу, образующему ассоціаціи для покупки, кредита и продажи *).

Есть писатели, какъ Компэръ-Морэль, марксистъ-практикъ, которые, перебирая дѣйствіе различныхъ „кооперативъ“ въ деревнѣ,синдикатовъ, кассъ земледѣльческаго кредита, обществъ взаимнаго страхованія, товариществъ для покупки и продажи,—полагаютъ, что благодаря имъ,

земледѣльцы уже отнынѣ приготовлены къ тому, чтобы быть управителями земельной собственности, быть производителями, а не продавцами, бѣгающими за своими кліентами-покупателями **).

И есть, наконецъ, писатели, какъ Каутскій, которые, будучи прежде всего теоретиками, слѣдятъ за чистотою ученія и боятся санкціонировать прямо сочувственное отношеніе къ факту, еще не достаточно кидающемуся въ глаза въ деревнѣ и въ свое время подвергавшемуся теоретической критикѣ въ самомъ городѣ: я говорю о кооперативномъ движеніи, которое иными представителями трудоваго міровоззрѣнія встрѣчается зачастую съ недовѣріемъ, какъ отвлекающее массы отъ собственно политической дѣятельности.

Мнѣ остается въ заключеніе коснуться еще одного важнаго вопроса, который служитъ предметомъ споровъ и по отношенію къ которому опять-таки лучше указать на трудности его рѣшенія, чѣмъ закрывать глаза или подыскивать чисто формальные и словесные отвѣты. Это вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи мелкій земельный собственникъ находится къ партіи труда и его носителю, городскому классу. Можно-ли его считать принадлежащимъ къ этому классу на томъ основаніи, что онъ трудится и эксплуатируется, какъ и пролетарій? Или его должно причислить къ классу буржуазіи, точнѣе мелкой буржуазіи, потому что какъ ни какъ, а онъ собственникъ, но не пролетарій.

Я думаю, этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ на основаніи „трудового начала“. Дѣло не только въ томъ, что человѣкъ трудится лично, дѣло въ томъ, какую психологію создаютъ въ этомъ человѣкѣ условія труда, при которыхъ онъ поддерживаетъ свое существованіе работой. Въ чистомъ видѣ мелкій земельный собственникъ въ странахъ, гдѣ утратились общинныя традиціи ***),

*) Emile Vandervelde, Essais sur la question agraire. стр. 16 «введенія».

**) Les propos d'un rural, стр. 44.

***) Я полагаю, что тамъ, гдѣ эти традиціи еще сохранились въ какой бы то ни было степени, напр., въ Россіи, психологія собственника не такъ рѣзка.

долженъ быть крайнимъ индивидуалистомъ: его постоянное общеніе съ лично употребляемыми имъ орудіями труда; его сознаніе, что онъ заработалъ „все это“ лично,—должны лишь закрѣплять его хозяйственный эгоизмъ традиціями и даже сентиментальной идеализаціей скопидомства. Съ этой точки зрѣнія мелкій крестьянинъ чистаго типа и пролетарій люди различныхъ классовъ, и участіе перваго въ классовой борьбѣ послѣдняго представляется болѣе, чѣмъ сомнительнымъ.

Но въ настоящее время чистый типъ мелкаго земельнаго собственника становится все болѣе и болѣе простой абстракціей; и чѣмъ сложнѣе дѣлается экономическая жизнь въ развивающихся странахъ, тѣмъ болѣе крестьянинъ-собственникъ переплетается въ одномъ и томъ же лицѣ съ крестьяниномъ-батракомъ, крестьяниномъ-фермеромъ и т. п. Не забудьте, что во Франціи, гдѣ собственниковъ считается болѣе половины всего числа лицъ земледѣльческаго населенія, тѣмъ не менѣе цѣлая треть всей категоріи собственниковъ работаетъ въ то же время и на другихъ лицъ въ качествѣ фермеровъ, половниковъ и поденщиковъ. Присоедините къ этому другую половину всего числа земледѣльцевъ, уже не имѣющихъ своей земли. Ясно, что, по крайней мѣрѣ, двѣ трети всего сельскаго населенія Франціи должны имѣть,—смотря по частностямъ своего положенія,—очень пестрое міровоззрѣніе, которое должно тѣми или другими частями, а въ извѣстныхъ случаяхъ и цѣликомъ приближаться къ міровоззрѣнію пролетарія, т. е. человѣка, не имѣющаго собственности. Оставляя въ сторонѣ богатыхъ фермеровъ, играющихъ роль земледѣльческихъ капиталистовъ, мы имѣемъ передъ собою обширный контингентъ лицъ, которыя въ той или иной степени могутъ сдѣлаться доступными трудовому міровоззрѣнію пролетарія, начиная отъ мелкаго фермера, эксплуатируемаго землевладѣльцемъ и ростовщикомъ, и кончая батракомъ, этимъ паріей всего современнаго общества. Обратите, наконецъ, вниманіе на то, что и между такъ называемыми собственниками, сколько есть владѣльцевъ микроскопическихъ участковъ, которые лишь формальной перегородкой отдѣлены отъ сельскаго пролетарія.

Этотъ смѣшанный характеръ мелкихъ сельскихъ производителей,—характеръ „амфибіи“, какъ я назвалъ въ одной изъ своихъ

Ср. С. В. Пахмана, *Обычное гражданское право въ Россіи*; Спб., 1877, т. I, стр. 5: «Хотя народу вовсе не чуждо понятіе о собственности, какъ исключительной принадлежности имущества опредѣленному лицу, но далеко еще не выработалось въ народномъ сознаніи разграниченія собственности отъ владѣнія... Самыя выраженія «купилъ», «продалъ» примѣняются иногда къ участкамъ, состоящимъ лишь въ пользованіи «предавца», и даже къ сдѣлкамъ, относящимся къ наемной отдачѣ земли въ пользованіе». Я дѣлаю лишь мимоходомъ это замѣчаніе, такъ какъ аграрный вопросъ въ Россіи требовалъ бы особаго и очень подробнаго изслѣдованія, которое я предоставляю нашимъ спеціалистамъ.

статей аналогичныхъ имъ мелкихъ промышленниковъ, напр., парижскихъ ремесленниковъ,—и даетъ возможность трудовому міросозерцанію пролетарія входить въ умы сельскаго населенія. Благодаря этому, мы и видимъ порою то парадоксальное явленіе, что движеніе, исходящее изъ городскихъ центровъ, сначала проникаетъ въ такіе сельскіе округа, гдѣ мелкіе крестьянскіе собственники и мелкіе фермеры своимъ сноснымъ существованіемъ придаютъ большій отпечатокъ экономической и гражданской культурности всей мѣстности; и лишь затѣмъ заражаетъ районы крайней деревенской нищеты, представляемой, напр., обездоленными сельскими батраками. Очевидно, если бы въ жизни современнаго мелкаго собственника не было ничего, сближающаго его съ пролетаріемъ, онъ остался бы глухъ къ голосу новаго ученія; съ другой стороны, сельскій батракъ, цѣликомъ входя въ категорію пролетарія, обнаруживаетъ, однако, слабую воспріимчивость вслѣдствіе крайне неблагопріятныхъ условій своего развитія.

Не этимъ-ли обстоятельствомъ объясняются особенности аграрнаго движенія Италіи за послѣдніе годы, когда, по словамъ Иваноэ-Бономи, „консервативныя партіи" были поражены однимъ непонятнымъ для нихъ явленіемъ:

Этимъ партіямъ казалось чудовищнымъ, что движеніе возникло въ самыхъ богатыхъ провинціяхъ долины рѣки По и затѣмъ заразило (se diffondesse per contagio) бѣднѣйшія провинціи Юга, гдѣ нищета трудящихся классовъ, принимая болѣе серьезныя и невыносимыя формы, должна была бы, казалось, вызвать гораздо раньше самопроизвольное, а отнюдь не отраженное движеніе *).

Такъ какъ авторъ говоритъ, впрочемъ, все время въ своей статьѣ объ общемъ „движеніи сопротивленія крестьянъ" и часто ставитъ слово „пролетаріатъ", то я не берусь рѣшить, въ какой мѣрѣ мелкіе собственники явились піонерами движенія, мысль котораго коренилась во всякомъ случаѣ въ городскомъ міросозерцаніи труда. Но интересенъ, говоря вообще, вопросъ, какъ представители этого міровоззрѣнія относятся къ классу мелкихъ собственниковъ, когда рѣчь заходитъ о политической борьбѣ противъ капиталистическаго класса и о возможныхъ союзникахъ. Отвѣты на этотъ вопросъ тоже различны и диктуются окружающими условіями, напримѣръ, большимъ или меньшимъ политическимъ значеніемъ земледѣльцевъ, степенью ихъ развитости, отношеніемъ ихъ къ господствующимъ классамъ и обратно.

Я приведу отвѣтъ Саймонса, который, говоря вообще, не грѣшитъ пристрастіемъ къ американскому земледѣльцу и указываетъ на эгоистичный характеръ политики, практиковавшейся неоднократно фермерами въ разрѣзъ съ интересами рабочихъ. Но это не мѣшаетъ ему въ концѣ главы, посвященной анализу соціаль-

*) См. этюдъ I въ сборникѣ «Настоятельныхъ вопросовъ», только что изданномъ авторомъ: Ivanoe Bonomi, Questioni urgenti; Генуя, 1903, стр. 15—16.

наго положенія „Фермера *) и рабочаго", резюмировать такой взглядъ на возможность совмѣстной дѣятельности двухъ классовъ:

Такимъ образомъ, становится очевидно, что способъ эксплуатаціи индустріальнаго рабочаго, трудящагося въ рудникахъ или на фабрикѣ, и способъ эксплуатаціи фермера на практикѣ тотъ же. Оба они стоятъ, какъ классъ, противополагающійся классу эксплуататоровъ; и ни тотъ, ни другой изъ нихъ не обладають существенными условіями производства, необходимыми для класса производителей. При такихъ обстоятельствахъ въ двухъ великихъ арміяхъ, на которыя раздѣлилось современное общество, его мѣсто среди созидателей богатства въ рудникахъ, лавкѣ и фабрикѣ **).

Изъ этого можно заключить, что, не смотря на указывавшіяся въ теченіе этой статьи различія между мелкимъ собственникомъ и пролетаріемъ, представители послѣдняго считаютъ полезнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ, соединеніе обоихъ въ одинъ классъ для борьбы съ классомъ крупныхъ собственниковъ. Такими условіями является въ Америкѣ, очевидно, политическое значеніе фермеровъ и ростъ пониманія соціальныхъ отношеній со стороны этого класса ***). Можно полагать, поэтому, что по мѣрѣ развитія общественнаго сознанія и въ другихъ странахъ, партіи труда постараются устроить такой же союзъ, а пока будутъ съ большимъ или меньшимъ жаромъ обсуждать вопросъ, въ какой мѣрѣ носители новаго міровоззрѣнія могутъ соединяться въ одинъ классъ съ людьми, которые вызвали гнѣвное опредѣленіе Маркса:

Стоящій на половину внѣ общества классъ варваровъ, которые соединяютъ всю грубость первобытныхъ общественныхъ формъ со всѣми лишеніями и нищетой цивилизованныхъ странъ ****).

О, эта проблема нелегкая, и ее будутъ разно рѣшать, смотря по обстоятельствамъ, люди, искренно преданные соціально-реформаторской мысли, пока не исчезнетъ самая необходимость классовой борьбы и прочія боевыя политическія задачи. Я нарочно поставилъ ее какъ нерѣшенный пока вопросъ, предпочитая откровенно заявить это, чѣмъ давать на нее отвѣтъ, подсказанный въ ту или другую сторону вѣрою въ догму или желаніемъ отдѣлаться отъ трудной проблемы. Единственно можно сказать, что она не рѣшится помимо инипіативнаго (но не рѣзко насильственнаго) вліянія города на деревню и общаго идейнаго развитія сельскихъ массъ. Къ подробностямъ же рѣшенія могу отнестись только скептически, памятуя, что даже въ Испаніи, этой странѣ фанатической вѣры и инквизиціи, выработалась поговорка „изъ вѣрнѣйшихъ вещей вѣрная, это сомнѣваться",—de las cosas mas seguras la mas segura es dudar!.. **Н. Е. Кудринъ.**

---

*) Здѣсь, и какъ вездѣ у Саймонса, фермеръ—farmer, обозначаетъ земледѣльца вообще, а не только фермера въ европейскомъ, особенно континентальномъ смыслѣ, чему соотвѣтствуетъ англо-саксонскій tenant.

**) Simons, l. c., стр. 137.

***) Въ Италіи мелкіе собственники, половники и арендаторы играютъ далеко не послѣднюю роль въ классовой аграрной борьбѣ: и то же замѣчается въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ въ Бельгіи, Даніи и т. д.

****) Das Kapital, т. III, часть вторая, стр. 317—348.

Редакторы-Издатели: *Вл. Г. Короленко.* *Н. К. Михайловскій.*

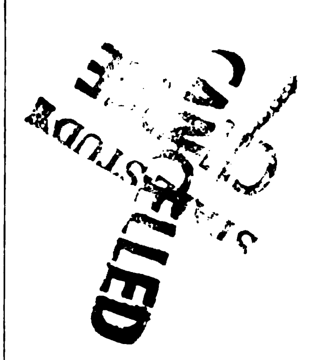
Дозв. ценз. Спб., 28 апрѣля 1903 г. Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка. 3.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

JAN 1 0 1975 H

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Widener Library
3 2044 098 426 976